

ДЛМ 4046)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XLVI

С.-ПЕТЕРБУРГ
1993

Редколлегия:

О. А. Белоброва, Д. С. Лихачев
(ответственный редактор), *М. А. Салмина*

Рецензенты:

Д. М. Буланин, О. П. Лихачева

Книга издана при финансовой
поддержке Международного Фонда
«Культурная инициатива»

Серия основана в 1934 г.

ISBN 5—86007—003—9

- © Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук, 1993
- © Издательство «Дмитрий
Буланин», 1993

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Г. БОБРОВ

Из истории летописания первой половины XV в.

Усилиями нескольких поколений ученых, начиная главным образом с А. А. Шахматова, была реконструирована история летописания первой половины XV в. в ее наиболее существенных чертах.¹ В то же время ряд вопросов требует еще, на наш взгляд, уточнения и корректировки, а именно: о происхождении летописных подборок Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК), об их отношении к Новгородской IV (далее — НIV) и Софийской I (далее — CI) летописям и о датировке их предполагаемых протографов.²

НК, как известно, — летопись еще неопубликованная, хранится в Отделе рукописей ГПБ (F.IV.603) и состоит из двух частей: первой, от начала летописного текста до 1411 г. (далее — НК₁), и второй, с 988 г. по 1428 г. (далее — НК₂). Впервые исследовавший эту летопись, сохранившуюся в списке конца XV в., А. А. Шахматов считал ее либо списком первоначальной редакции НIV,³ либо списком НIV, исправленным и дополненным по более раннему летописному памятнику — общему источнику НIV и CI.⁴ Происхождение двух подборок А. А. Шахматов предлагал объяснять следующим образом: сначала было сделано извлечение из протографа начал летописных статей, содержавших, главным образом, новгородские известия, потом, дойдя до 1411 г., составитель НК, не удовлетворенный результатом, прервал первую выборку и восполнил во второй выборке все опущенное.⁵ Я. С. Лурье в специальной статье, посвященной НК, присоединился к этому мнению А. А. Шахматова, а также доказал первичность текста НК по отношению к НIV и вторичность — по отношению к протографу НIV—CI. По мнению Я. С. Лурье, НК отражает новгородскую переработку протографа CI—НIV — архетип НIV.⁶ Точку зрения А. А. Шахматова и Я. С. Лурье на происхождение НК не принял Г. М. Прохоров, обнаруживший противоречие в том, что обе подборки НК не имеют дублировок внутри каждой

¹ Основные итоги изучения летописания первой половины XV в. подведены в книге: Лурье Я. С. *Общерусские летописи XIV—XV вв.* Л., 1976. С. 67—121; см. также: Лурье Я. С. *Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси»* // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190—205 (здесь же библиография).

² См. краткие справки и основную литературу об этих летописях в статьях Я. С. Лурье: *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 51—52 (НIV), 54—55 (НК), 57—60 (CI).

³ Шахматов А. А. *Общерусские летописные своды XIV и XV веков* // ЖМНП. 1900. Ч. 331. № 9. Отд. 1. С. 96—99.

⁴ Шахматов А. А. *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.* М.; Л., 1938. С. 189—195.

⁵ Там же. С. 193—195.

⁶ Лурье Я. С. *Новгородская Карамзинская летопись* // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213.

из них, но более 60 раз дублируют друг друга. Получается, отметил Г. М. Прохоров, что один писец — создатель архетипа НІV—НК 65 раз себя продублировал, а другой писец — разделитель НК «виртуозно — точно» его раздублировал. Г. М. Прохоров предложил свой вариант взаимоотношения летописных текстов: первоначальная версия НК₁ была источником для СІ, НК₂ возникла из СІ, а соединение НК₁ и НК₂ дало НІV.⁷ В ответной статье Я. С. Лурье не согласился с предположениями Г. М. Прохорова, однако предложил в будущих исследованиях поставить вопрос о том, не было ли разделение на две выборки присуще уже общему оригиналу НК и НІV.⁸ «Это предположение, — отметил Я. С. Лурье, — устранило бы трудности, возникающие при „раздублировании“ дублировок НК».⁹ Это же предположение Я. С. Лурье высказывает и в другой, более поздней статье.¹⁰ Такое объяснение представляется убедительным, однако возникает вопрос: каково же происхождение этих подборок, если они не являются просто разделением текста протографа НІV, как думал А. А. Шахматов? Ответ, предложенный Г. М. Прохоровым, предполагает настолько частые и регулярные взаимоотношения летописных текстов, что заставляет исследователя практически отказаться от понятия летописного свода как результата творческой единовременной работы летописца-редактора.¹¹ Как справедливо заметил Я. С. Лурье, предложенная Г. М. Прохоровым схема взаимоотношения летописных текстов предполагает повторное обращение на каждом этапе к одним и тем же источникам (Новгородская I летопись (далее — НІ), общерусская летопись до 1392 г.).¹² Кроме того, как возведение СІ к НК₁, так и возведение НК₂ к СІ встречает ряд трудностей, справедливо отмеченных Я. С. Лурье.¹³ Важно отметить, что при наличии большого числа смысловых дублировок между НК₁ и НК₂ нет текстуальных совпадений. Видимо, летописец мог в НК₂ ни разу дословно не повторить НК₁, только имея перед собой оригинал, в котором им было отмечено то, что уже использовано в 1-й подборке. Этот оригинал (восходящий к протографу СІ) сводился составителем НК с другими летописями, откуда и возникли дублировки подборками друг друга. Рассмотрим эти источники.

Совпадения между СІ и НК₁ Г. М. Прохоров объясняет тем, что СІ сокращает НК₁. В тех случаях, когда СІ содержит несомненно более первичные чтения по сравнению с НК₁ (например, в статьях 887, 903, 921, 1050, 1154 гг.), исследователь предполагает вторичные исправления текста СІ.¹⁴ Необходимость такого предположения отпадет, если мы признаем, что НК₁ и СІ независимо отражают общий протограф, который в НК₁ дополнялся известиями, взятыми из НІ и из неизвестных новгородских источников. Я. С. Лурье отметил 20 случаев, когда в НК по сравнению с СІ новгородские известия переносятся в начальные части годовых статей,¹⁵

⁷ Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198.

⁸ Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199—218.

⁹ Там же. С. 215—216 (примеч. 38).

¹⁰ Лурье Я. С. Генеалогическая схема... С. 200.

¹¹ См. о термине «летописный свод»: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С. 366—371, 380—381.

¹² Лурье Я. С. Еще раз о своде... С. 207.

¹³ Я. С. Лурье приводит ряд примеров, доказывающих первичность некоторых чтений СІ по отношению к НК₁, а НК₂ — по отношению к СІ (Еще раз о своде... С. 208—213). Объясняя все такие случаи «вторичной правкой» или даже «заменой» текстов, Г. М. Прохоров значительно усложняет картину происхождения реальных летописей.

¹⁴ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 176.

¹⁵ Лурье Я. С. Еще раз о своде... С. 215.

что характеризует принцип работы составителя НК. В 1-й подборке он выделяет из своего общерусского источника (протографа С1), особенно после 1185 г., в основном новгородские известия, переставляет их в начала статей и существенно дополняет по Н1 и другим новгородским источникам. Следует отметить, что предлагаемая схема происхождения НК₁ позволяет обойтись без предположения о дополнительной правке НК₁ по центрально-русской летописи в 4 статьях конца XIV—начала XV в. (1383, 1386, 1408, 1411 гг.),¹⁶ поскольку эти чтения можно возвести к протографу С1. Смысл создания НК₁ заключается, как можно понять, в подготовке начальных частей годовых статей новгородского свода, основанного на общерусском летописании.

После того, как основа будущей летописи (начала годовых статей) была подготовлена, сводчик стал «добирать» материал, теперь уже главным образом общерусский, из протографа С1 и пополнять его вновь не вошедшими в НК₁ известиями Н1 и дополнительными новгородскими сведениями. Можно согласиться с Г. М. Прохоровым в том, что целью создания НК₂ было дополнение НК₁, но, по его мысли, составители НК₁ и НК₂ — это разные люди, жившие в разные годы, и НК₂ создавалась путем «вычитания» из С1 текста НК₁, лежавшего также перед писцом.¹⁷ Как верно заметил Я. С. Лурье, при такой работе невозможно не ошибиться,¹⁸ но НК₂ ни разу дословно не повторяет НК₁. Единственное объяснение видится в том, что составитель НК₁ и НК₂ — один и тот же человек, а его работа, отразившаяся в подборках НК, заключалась в перекомпоновке и дополнении оригинала. НК₁ и НК₂, на наш взгляд, отражают механизм перестановки и преобразования общерусской летописи, отразившейся в С1, в новгородскую. В результате соединения НК₁ и НК₂ (с новым редактированием и дополнением) появилась Н1V, ради создания которой и была проведена работа, этапы которой отразились в двух подборках НК.

Когда и кем могла быть проведена такая работа? Как известно, Н1V дошла до нас в двух редакциях — старшей, доведенной до 1437 г., и младшей — до 1447 г. Текст обеих редакций совпадает только до 1428 г., на основании чего можно предположить, «что Н1V в основной своей редакции заканчивалась 1428 г.»¹⁹ Текст НК обрывается также на 1428 г., а далее следует добавление на бумаге XVII в. более поздней летописи (Новгородской V).²⁰ Однако конец статьи 1428 г. («на всех волостех новгородских и по Заволочью с десяти человек по рублю») ²¹ в XVII в. переписан так же, как он читается в Н1V.²² Г. М. Прохоров предположил, что последний лист рукописи, на котором читались только эти слова, в XVII в. вынули, решив продолжать летопись, а конец статьи 1428 г. переписали заново.²³ Таким образом, совпадение окончания общих чтений редакций Н1V и вероятного окончания НК указывает нам на известие о заключении новго-

¹⁶ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 172.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Лурье Я. С. Еще раз о своде... С. 211—212. Учитывая, что любые текстологические аргументы могут быть оспорены благодаря предположению о вторичной правке или вторичной замене отдельных статей, именно этот аргумент Я. С. Лурье, наряду с замечанием об однородности новгородских дополнений в НК₁ и НК₂, убеждает в невозможности вывести С1 из НК₁¹⁹ НК₂ — из С1.

¹⁹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 450.

²⁰ Шахматов А. А. Обзорение... С. 190. А. Н. Насонов (Псковские летописи М.; Л., 1941, Вып. 1. С. XIX) указал, что за Новгородской V следует Псковская летопись.

²¹ ГПБ, Ф. IV. 603, л. 426.

²² ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 432. На этих же словах оканчивается общий текст Н1V старшей и младшей редакций.

²³ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 184 (примеч. 75).

родцами мира с Витовтом в 1428 г. как на границу летописного свода. Известно, что в 1429 г. был избран новый архиепископ Евфимий II, бывший до этого игуменом Лисицкого монастыря.²⁴ Хотя общий текст НIV и НК доходит только до 1428 г., есть основания полагать, что протограф НК—НIV составлялся уже при Евфимии II: для НК₂ и НIV характерно включение дополнительных известий, связанных с Лисицким монастырем. В текст НК₂ включаются известия 1389, 1403 и 1406 гг.,²⁵ причем последнее свидетельствует об особых симпатиях летописца к этому монастырю: он называет его «лаврой»²⁶ (в это время так не называли еще даже Троице-Сергиев монастырь). Еще 2 известия (1392 и 1400 гг.), связанные с Лисицким монастырем, были добавлены при окончательном редактировании в НIV.²⁷ Таким образом, создание протографа НIV—НК можно связать с инициативой нового новгородского архиепископа Евфимия II и датировать временем не ранее ноября 1429 г., вероятно, 1430 г. Этот свод, возможно, отразился и в не дошедшей до нас Лисицкой летописи 1450 г., известной по упоминанию в Новгородской II летописи, где приведены сведения о ней: формат «в полдесть», сохранность — «держана», доведена «развие до владыкы Евфимия» (т. е. 1429 г.?), а также приведена запись писца: «В лето 6958 написана бысть сия книга в летописец во обители пречистей Рожества на Лисьи гори повелинием раба Божия дьякона инока Геронтия».²⁸ Употребление предлога «в» здесь представляется излишним; можно предположить, что название переписанной книги «В (2) летописец» (двойной/второй (?) летописец). Именно так можно было бы назвать протограф НК—НIV или саму НК—летописи, состоящие из двух подборок.

Таким образом, мы приходим к очень ответственному предположению: в 1430 г. начинается новый этап новгородского летописания. Помимо прежней традиционной линии НI²⁹ появляется «владычное» летописание, впервые включающее в столь широких масштабах общерусскую летописную традицию.

* * *

Датировка протографа НК—НIV 1430-м годом противоречит, однако, принятой в науке датировке общего протографа СI, НК и НIV 30—40-ми годами XV в. или даже 1448 г.³⁰ Как известно, СI дошла до нас в двух редакциях — старшей и младшей. В обоих списках старшей редакции (далее — СI ст.) последние статьи относятся к 1418 г., а в списках младшей

²⁴ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 433; Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 21 («Повесть о Евфимии»).

²⁵ ГПБ, Ф. IV. 603, л. 393, 411 об., 413 об.

²⁶ Об Иларионе, епископе Коломенском: «...бывъ преже игумень Лисицкоя лавры» (л. 413 об.).

²⁷ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 372 («Маиа 27 по обѣдехъ сторѣ церковь святая Богородица древяная, и всѣ монастырь на Лисицы горкѣ погорѣ» — 6900 (1392) г.) и с. 390 («Преставися Василей, брат владычнь, в чернцехъ и въ скимѣ, на Лисицы горкѣ, мѣсца июля 9» — 6908 (1400) г.).

²⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 194—195.

²⁹ Краткую справку и основную литературу о НI см.: К л о с с Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. (XI—первая пол. XIV в.). С. 245—247.

³⁰ См.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды... С. 90—176; 2) Обзорение... С. 151—160, 366; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 150; Лурье Я. С. 1) К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 142—146; 2) Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // Там же. 1974. Т. 28. С. 114—139; 3) Общерусские летописи... С. 67—121; 4) Генеалогическая схема... С. 199.

редакции (далее — СІ мл.) после 1418 г. имеются лишь редкие записи за отдельные годы, практически не совпадающие в части до 1428 г. с НК и НІV.³¹ Логично было бы предположить, что свод — протограф СІ—НІV—НК оканчивался 1418 г., и датировать его приблизительно этим временем. Однако многие исследователи вслед за А. А. Шахматовым, а в последнее время полнее всего Я. С. Лурье, выдвигают ряд аргументов в пользу более поздней датировки этого свода. Рассмотрим эти аргументы.

1). В СІ ст. под 1418 г. встречаются дополнительные известия, относящиеся к 1422 г.³² Однако отсутствие этих известий в НІV и НК, а также то, что они присоединены к статье 1418 г., позволяет думать, что они вторичны в СІ ст. Более того, они текстуально не совпадают даже с СІ мл., где есть схожие известия.

2). В НК под 6932 (1424) г. есть известие о вокняжении Василия Васильевича. Оно есть и в СІ мл. под 6933 (1425) г.³³ Однако текстуально эти известия не совпадают, а внесение в добавочные статьи списков столь важного известия могло быть сделано независимо друг от друга. Такое предположение подтверждается отсутствием этого известия в НІV и СІ ст.

3). Я. С. Лурье отмечает бедность материала в записях 1408—1418 гг., в то время как современник мог пользоваться «обильными и свежими источниками».³⁴ Но тогда еще удивительней при более поздней датировке свода практически полное отсутствие записей за 20—40-е гг., хотя бы не «политически острых», которые могли быть сокращены, но и нейтральных. Так, в СІ мл., в которой Я. С. Лурье видит отражение текста «свода 1448 г.», вообще нет годовых статей 1419—1421, 1424, 1428—1430, 1435—1436, 1440, 1442—1444 гг. Кроме того, надо сказать, что «обильные» источники за 1408—1418 гг., которыми, по мнению Я. С. Лурье, мог бы пользоваться составитель свода, нам неизвестны. Еще Н. М. Карамзин отмечал бедность известий всех летописей за эти годы.³⁵

4). Я. С. Лурье отмечает, что для протографа СІ—НІV—НК характерна тема осуждения «братоненавидения» — борьбы между князьями, что, по его мнению, мало актуально для конца 10-х гг. XV в. «Ни о какой борьбе за власть в этот период мы ничего не знаем», — отмечает исследователь.³⁶ Но это не совсем так: борьба Ивана и Даниила, сыновей Бориса Константиновича, за свою отчину (1411—1418 гг.), столкновение Москвы и Новгорода в 1417 г. и особенно конфликт Василия Дмитриевича с братом Константином, закончившийся отъездом Константина в Новгород в начале 1419 г., свидетельствуют об актуальности темы осуждения междоусобных распрей и в это время.³⁷

5). Отмечая антитатарские настроения составителя свода-протографа СІ—НК—НІV, Я. С. Лурье пишет: «Никем не ставился еще в первые десять лет после нашествия Эдигея и вопрос о борьбе с Ордой».³⁸ Однако сам же Я. С. Лурье в другой статье признает, что составитель летописного свода 1412 г. был сторонником не «осторожного маневрирования», а более

³¹ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 81—275; СПб., 1853. Т. 6. С. 1—111.

³² Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 108.

³³ Там же. Отметим, что, даже признав эти два известия восходящими к протографу СІ—НІV—НК, мы не вступаем в противоречие с датировкой протографа НІV—НК 1430-м годом.

³⁴ Лурье Я. С. 1) Общерусский свод... С. 134; 2) Общерусские летописи... С. 112.

³⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. С. 114 (примеч. 207).

³⁶ Лурье Я. С. 1) Общерусский свод... С. 135; 2) Общерусские летописи... С. 111.

³⁷ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2, т. 4. С. 355—362.

³⁸ Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 111.

«смелой и достойной политики» в отношении Орды.³⁹ Уже в Повести о Едигее в своде 1412 г. отразились антитатарские настроения эпохи.

б). Идея местной автономии в рамках единого государства, которую Я. С. Лурье справедливо находит в своде-протографе СІ—НІV—НК,⁴⁰ также знакома уже редактору свода 1412 г. и отразилась в Повести о Едигее, как показал Л. В. Черепнин.⁴¹

Еще одним доказательством, убеждающим нас в датировке свода-протографа СІ—НІV—НК 1418 годом, является совпадение границы общего текста Московского свода 1479 г. (далее — МС) и Ермолинской летописи (далее — Ерм.) с завершением общего текста СІ—НІV—НК на известии об убиении Михаилом Рассохиным Анфала и Нестера в 1418 г.⁴² Именно этим известием и заканчиваются общие чтения СІ, НІV и НК. Признавая, что протограф МС и Ерм. отразил свод-протограф СІ—НІV—НК,⁴³ Я. С. Лурье не придал значения тому факту, что протограф МС—Ерм. еще раз дает независимое подтверждение окончания свода 1418 годом.

Рассматривая источники свода-протографа СІ—НІV—НК, исследователи выделяют заимствования из новгородских, московских, ростовских, псковских, тверских, южнорусских летописных сводов, ни один из которых не датируется временем после 1418 г.⁴⁴ Напротив, изучая влияние свода-протографа СІ—НІV—НК на позднейшее летописание, исследователи отмечают его использование уже в протографе НІ младшего извода (далее — НІ мл.), доведенном до 1432 г.⁴⁵

Особенно сложным и важным представляется вопрос о датировке и происхождении целого ряда повестей, впервые появившихся в протографе СІ—НІV—НК, в том числе Повести о Куликовской битве,⁴⁶ Повести о нашествии Тохтамыша,⁴⁷ «Слова о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича»⁴⁸ и многих других текстов. Разумеется, на исследователей не могла не оказывать влияние принятая в науке датировка свода-протографа СІ—НІV—НК 30—40-ми гг. XV в., и они пытались найти в этих повестях черты эпохи феодальной войны. Так, М. А. Салмина, убедительно доказавшая в цикле работ вторичность упомянутых повестей по отношению к текстам, встречающимся в Троицкой летописи (далее — Тр.) или в «своде 1409 г.»⁴⁹

³⁹ Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 298.

⁴⁰ Лурье Я. С. О политических идеях общерусского свода 1448 года // Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag. Erlangen, 1982. S. 135—152.

⁴¹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 726.

⁴² См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 155—156.

⁴³ Я. С. Лурье признает, что «в отдельных случаях обнаруживаются совпадения этого памятника (протографа МС—Ерм. — А. Б.) то со старшей, то с младшей редакцией СІ, то с НІV» (Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 155), что свидетельствует, по нашему мнению, о непосредственном влиянии на него свода-протографа СІ—НІV—НК (ср.: Шахматов А. А. Обзорение... С. 258—261), а не СІ старшей редакции.

⁴⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 93—104 (здесь же отмечены наблюдения А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, В. А. Кучкина и М. А. Салминой).

⁴⁵ См.: Шахматов А. А. Обзорение... С. 163—171; Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 91—93; Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 138; Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая. С. 246.

⁴⁶ См.: Салмина М. А. Повесть о Куликовской битве летописная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 244—246 (здесь же библиография).

⁴⁷ См.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // Там же. С. 254—255 (здесь же библиография).

⁴⁸ См.: Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Там же. С. 403—405 (здесь же библиография).

⁴⁹ См. библиографию в указанных статьях «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (примеч. 46—48).

менее аргументированно, на наш взгляд, предложила датировать повести концом 40-х гг. XV в.⁵⁰ Один из доводов М. А. Салминой, которому Я. С. Лурье придает особое значение для датировки свода,⁵¹ заключается в следующем: в рассказ о смерти Дмитрия Донского вставлены цитаты из его завещания, причем к словам о передаче Василию Дмитриевичу великого княжения сделано добавление: «яже есть стол отца его и деда и прадеда».⁵² М. А. Салмина, а вслед за ней и Я. С. Лурье связывают это добавление с политической позицией Василия II, искавшего в 1432 г. в Орде великого княжения на основании аналогичной формулы: «Князь великий по отчеству и по дедству искаше стола своего...».⁵³ Однако именно это известие убеждает в том, что летописный свод, включающий «Слово о житии...», к 1432 г. уже существовал, так как далее говорится: «...князь же Юрьи — летописци старыми списки» (разрядка наша. — А. Б.). «Старые» списки летописцев здесь явно противопоставляются неназванным «новым», на которые Юрий Дмитриевич уже не мог сослаться, чтобы подтвердить свои права. Таким «новым» летописцем и был свод-протограф СИ—НIV—НК, дополнение которого «яже есть стол отца его и деда и прадеда» фактически процитировано формулой 1432 г. «по отчеству и по дедству».

Важно отметить, что вопрос о том, кто после Василия Дмитриевича унаследует великое княжение, возник уже в 1418—1419 гг. Как отмечается в НИ мл., 25 февраля 1419 г. в Новгород приехал брат великого князя Константин Дмитриевич, «а про то был в Новѣгородѣ, занеже брат его князь великий Василии хотѣлъ его в челование привести под своего сына Василья; и онъ не хотя быти подъ своимъ братаничем, и князь Василии возверже нелюбие на него, и отъима у него всю отчину, и бояръ его поима, и села и животы их отъима».⁵⁴ Очевидно, для того, чтобы в нарушение завещания Дмитрия Донского⁵⁵ «в челование привести» дядю под племянника, Василий Дмитриевич должен был иметь уже какое-то юридическое обоснование. Такое обоснование и содержал, на наш взгляд, текст Новгородско-Софийского свода.

Предложенная М. А. Салминой датировка ряда повестей свода-протографа СИ—НIV—НК не является общепринятой; так, например, Г. М. Прохоров высказал вслед за А. В. Соловьевым убедительно аргументированное предположение о том, что автором «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» является Епифаний Премудрый (ум. между 1418 и 1422 гг.),⁵⁶ а Л. А. Дмитриев считает автора «Повести о нашествии Тохтамыша» (1382 г.) современником, а возможно, даже очевидцем нашествия.⁵⁷

⁵⁰ Датировка «Слова о житии... Дмитрия Ивановича...» XVI веком, предложенная М. А. Салминой позднее (Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159—162), как справедливо отметил Г. М. Прохоров, опровергается фактом существования списков XV в. (Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 119).

⁵¹ Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 113.

⁵² Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 99—100.

⁵³ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 103; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 249.

⁵⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 412.

⁵⁵ См.: Черепнин Л. В. 1) Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 91—106; 2) Образование русского... С. 652, 737 и др.

⁵⁶ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 85—106; Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 88—122.

⁵⁷ Дмитриев Л. А. Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV—середина XV века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 180.

Существование общерусского свода, созданного при митрополите Фотии (до 1425 г.) и протографичного по отношению к СІ, НІV и НК, было подробно обосновано еще А. А. Шахматовым,⁵⁸ который, в частности, отметил особый интерес этого свода к событиям, связанным с Фотием. Исследователь предположил, что этот свод назывался «Владимирским Полихроном» «именно потому, что составлен митрополитом, кафедральным городом которого считался Владимир».⁵⁹ М. Д. Приселков уточнил датировку «свода Фотия», остановившись на 1418 г.⁶⁰ С этой датой согласился и Д. С. Лихачев.⁶¹ Анализ исторической и культурной обстановки эпохи митрополита Фотия, данный в работах А. А. Шахматова, а также М. Д. Приселкова и Д. С. Лихачева, убеждает в том, что общерусский летописный свод, создатель которого стремился к тому, чтобы стать выше границ между княжествами, мог быть создан в конце 10-х гг. XV в. при митрополичьей кафедре.

Как известно, Я. С. Лурье убедительно опроверг общее со времен А. А. Шахматова представление о двух этапах редактирования общерусского летописания после свода типа Троицкой летописи.⁶² На основе этого прежнего представления выделялись и «Владимирский Полихрон» (свод Фотия) 1418—1423 гг., и «Свод 1448 г.» («Новгородско-Софийский свод 30—40-х гг. XV в.»). Доказав, что предположение о существовании обоих сводов текстологически необоснованно, Я. С. Лурье подошел к вопросу: «Не следует ли считать, что датировка Полихрона (1418—1423 гг.), так же как и его общая характеристика (как общерусского свода), может быть отнесена к непосредственному протографу СІ—НІV?». Приведенная выше система аргументов позволяет предложить положительный ответ на этот вопрос, вопреки Я. С. Лурье, который датирует протограф СІ—НІV—НК 40-ми гг. XV в. или, предположительно, 1448 г. Эту дату, как известно, предложил еще А. А. Шахматов на основании интерпретации записи под 1380 г., где указано, что Пасха в 1380 г. совпала с Благовещением, «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета [т. е. в 1296 г.], а потом будет за 80 лет без лета [т. е. в 1459 г.], а потом будет за 11 лет». Так как в 1470 г. Пасха с Благовещением не совпадает, то А. А. Шахматов предложил отнять эти 11 лет от 1459 г. и получил предполагаемую дату составления свода — 1448 г.⁶³ Очевидный недостаток такой интерпретации текста заключается в том, что в одном случае предлагается понимать одни и те же слова «потом будет за...» как основание для прибавления указанной даты, а в другом — для вычитания. Конъектура А. Поппэ, предложенная им в письме Я. С. Лурье и обнародованная последним,⁶⁴ дает возможность понимать слова «а потом будет за 11 лет» в прямом значении. По мнению А. Поппэ, перед этими словами пропущена фраза «а потом будет за 80 лет и за 4 лета» (гаплогрфия; ср. начало записи), т. е. совпадение праздников в 1543 г., а затем через 11 лет — в 1554 г. Исправление текста здесь вполне обосновано палеографически, а главное, текст становится поня-

⁵⁸ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 162—176.

⁵⁹ Там же. С. 176.

⁶⁰ Приселков М. Д. История русского летописания... С. 142—149.

⁶¹ Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 305—308.

⁶² Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 68—73 и др.

⁶³ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 98. С этой точкой зрения согласился Я. С. Лурье (К проблеме свода 1448 г. С. 142—144), хотя сам А. А. Шахматов после возражений А. В. Маркова отказался от термина «свод 1448 г.» и стал называть его «предположительно 30-х гг. XV в.» (см.: Шахматов А. А. Обзорение... С. 366; Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 447—449).

⁶⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 109.

тен и точно отражает интервалы между совпадениями Пасхи и Благовещения.

Я. С. Лурье, оценивая значение свода-протографа СИ—НIV—НК для последующего летописания, называет создателя этого свода «Нестором XV в.».⁶⁵ Трудно представить себе, чтобы столь незаурядный митрополичий свод, собравший воедино большое количество летописных и внелетописных источников, был создан во времена феодальной войны и разрухи, когда на Руси вообще не было митрополита, либо при Герасиме или Исидоре. Характерно, что Я. С. Лурье, отстаивающий представление об общерусском характере «свода 1448 г.», даже гипотетически не может связать его создание с каким-либо кругом книжников или политиков, в то время как общерусский «свод 1418 г.» определенно связывается с именем и деятельностью митрополита Фотия. Очень соблазнительной представляется и мысль Г. М. Прохорова, что Епифаний Премудрый до самой смерти (т. е. до 1418—1422 гг.) «мог служить своим пером... митрополиту Фотию»,⁶⁶ выполняя его заказы, в том числе, как нам представляется, и связанные с созданием общерусского летописного свода 1418 г.

* * *

Итак, датировка протографа СИ—НIV—НК не может, по нашему мнению, противоречить гипотезе о создании новгородского летописного свода «повелением» архиепископа Евфимия II в 1430 г. Датировка другого известного источника НIV—НК — местной новгородской летописи, ведшейся на протяжении столетий, пока не может быть определена достаточно точно. В дошедшем до нас виде списки НI мл. совпадают до 1432 г., но их протограф, доведенный до 1432 г., уже испытал, как отмечалось, влияние «свода 1418 г.». Более ранний этап новгородского летописания А. А. Шахматов называл «Софийским временником» и датировал его 1421 г.,⁶⁷ правда, без основательной аргументации. В. Л. Янин обнаружил, что список князей, посадников, тысяцких, митрополитов, епископов, архиепископов и архимандритов в начальной части Комиссионного списка НI мл. и в статье 6497 (989) г. восходят к протографу 1423 г.,⁶⁸ но тексты НI мл., НК и НIV родственны и дальше, до 1428 г. Можно думать, что новгородский владычный летописец — «Софийский временник» — велся регулярно, из года в год, и Евфимий II мог использовать его в списке, доведенном до 1428 г. Почему же новый новгородский архиепископ не продолжил существующую летопись, а стал создавать новую, включающую в себя общерусский свод митрополита Фотия? Ответ на этот вопрос, думается, можно найти, проанализировав традиции и культурные особенности того монастыря, из которого Евфимий II взшел на «владычную» кафедру. Напомним, что до этого он был игуменом Лисицкого монастыря, а спустя 3 десятилетия, заболев, он отправится в него же умирать.⁶⁹

Лисицкий (на Лисей, или на Лисичьей, горке) монастырь Рождества Богородицы находился в 7 верстах от Новгорода по Московской дороге. В летописях он упоминается впервые под 1389 г., по-видимому, как уже существующий. У нас имеются сведения о 13 рукописных книгах конца XIV—первой половины XV в., создание которых может быть связано с

⁶⁵ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 28—38.

⁶⁶ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы... С. 120.

⁶⁷ Шахматов А. А. Обзорение... С. 155—156.

⁶⁸ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1984. С. 158—160.

⁶⁹ Памятники старинной русской литературы... Вып. 4. С. 21.

книгописной мастерской этого монастыря.⁷⁰ Анализ данных, имеющихся в этих рукописях, а также в других источниках, позволил сделать ряд наблюдений об особенностях культурной ориентации монахов-книжников Лисицкого монастыря. Во-первых, обращают на себя внимание связи лисицких иноков со Святой горой — Афоном. В конце XIV в. инок Арсений (в будущем — св. Арсений Коневский) и игумен Иларион совершили «хождение» на Святую гору и принесли оттуда книги: Устав монастырский⁷¹ и Тактикон Никона Черногорца.⁷² В сборнике лисицкого писца Серапиона 1431 г. содержится запись о том, что переписанное здесь «Слово пошническое» Максима Исповедника было переведено на Афоне всего шестью годами раньше — в 1425 г.⁷³ В 5 рукописях, связываемых с книгописной мастерской Лисицкого монастыря, имеются заставки «балканского» стиля, созданные, по мнению Т. Б. Уховой, по одному канону, сложившемуся здесь, в монастыре, под влиянием Афонской традиции.⁷⁴ Важно также отметить, что монастырские Тактикон Никона Черногорца и Минея служебная конца XIV в. (ГПБ, Софийское собр., № 187) относятся к Афонско-Иерусалимскому уставу, хотя в Новгороде в целом, как показало исследование Е. М. Шварц, переход от Студийского устава к новому произошел лишь в конце 30-х гг. XV в. — при Евфимии II.⁷⁵

Анализ репертуара книг Лисицкого монастыря показал, что заметное место в нем занимают сочинения, появление которых традиционно связывается со «вторым южнославянским и византийским влиянием», — это произведения Симеона Нового Богослова, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Нила Философа, Филофея Синаита, Никиты Стифата, Исаака Сирина и др. Таким образом, культурная ориентация лисицких книжников просматривается в их «афонских связях», в принятии церковного устава, распространителем которого был митрополит Киприан, и в репертуаре сочинений, которые они включали в свои сборники. Важно также, что лисицкий инок Арсений, подобно ученикам Сергия Радонежского или Кириллу и Ферапонту, уходит на север и основывает новый, судя по всему, общежительный монастырь — Коневский. На основании этих фактов иноков Лисицкого монастыря можно отнести к сторонникам, используя термин Г. М. Прохорова, грекофильской «монашеской партии»,⁷⁶ представителям общежительного движения среди русского монашества. Политический идеал этой партии, как показал Г. М. Прохоров, заключался в сочетании единства «централизма» церковного и «федерализма» политического, в независимости церкви от княжеской власти. Представители иноческой партии в Новгородских землях остались вне поля зрения Г. М. Прохорова, однако, как мы видим на примере лисицких книжников, они были и, можно думать, противостояли новгородским «традиционалистам». Об их политической

⁷⁰ Подробнее см.: Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря: (конец XIV—первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси: XI—XVI вв. СПб., 1991. С. 78—98.

⁷¹ Согласно Житию Арсения Коневского (ГПБ, собр. Михайловского, Q. 149, л. 43), святой «устав иноческого жительства от Святыя горы съ собою принесе».

⁷² Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 36 (ГПБ, Ф. п. I. 41, 1397 г.).

⁷³ [Иларион, иером., Арсений, иером.]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878. Ч. 1. С. 157—158 (ГБЛ, ф. 304, № 175).

⁷⁴ Ухова Т. Б. «Балканский стиль» в орнаментике рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: XIV—XV вв. М., 1984. С. 149.

⁷⁵ Шварц Е. М. О датировке пергаменных рукописей новгородского происхождения // Историко-лингвистическое изучение памятников письменной культуры: Сб. ст. Л., 1984. С. 82—87.

⁷⁶ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 111 и др.

ориентации свидетельствует сравнение приписок к двум рукописям 1397 г. и 1398 г. Тактикон 1397 г. был переписан лисицкими иноками по повелению архиепископа Иоанна с афонского оригинала, как сказано, «при князе великом Васильи Дмитриевиче всея Руси, при митрополите Киприяне всея Руси, при архиепископе новгородском Иоане».⁷⁷ В конце 1397 г. произошло военное столкновение Москвы и Новгорода на Двине, и возобладали другие настроения: запись в Минее служебной 1398 г. гласит, что рукопись переписана «повелением архиепископа владыце Ивана при посаднице Олександре Цесари».⁷⁸ Характерно, что первая рукопись отражает практику Афонско-Иерусалимского устава, принятого в Московских землях, а вторая — Студийского устава. Возможно, именно приверженность к «объединяющей» общерусской позиции Киприан оценил в тогдашнем лисицком игумене: в 1396 г. Иларион становится архимандритом Симонова монастыря, позже благословляется Киприаном в епископы Коломенские.⁷⁹

Подчеркнутые Я. С. Лурье особенности политической программы составителя свода-протографа CI—NIV—НК — антитаатарская направленность, призыв к братолюбию и прекращению междоусобиц, сочетание автономии отдельных земель и княжеств с национальным единством⁸⁰ — находят полное соответствие с описанной Г. М. Прохоровым политической программой сторонников «иноческой партии». Несомненно, и митрополит Фотий, и многие книжники его времени (включая Елифания Премудрого) по своим взглядам были близки «иноческой партии», у истоков которой стояли, можно думать, Сергей Радонежский и Киприан. «Свод 1418 г.» представляется отражением таких политических взглядов. Для Евфимия II — выходца из Лисицкого монастыря стремление «влиять» этот свод в традиционное местное «владычное» летописание представляется закономерным, тем более что в глазах составителя общерусского свода «идея новгородского самоуправления не противоречила идее национального единства, а включалась в нее».⁸¹ Те факты, что Евфимий II пригласил с Афона Пахомия Логофета (не позже 1438 г.),⁸² а также организовал не позже того же 1438 г. переход церковной жизни Новгородских земель на Иерусалимский устав,⁸³ принятый в других русских княжествах, подтверждают наши представления о его культурной и политической позиции в 1429—1438 гг.

Принято считать, что деятельность Евфимия II по воскрешению памяти новгородских святых, канонизация архиепископов и князей Великого Новгорода, строительство храмов «на древней основе», стремление возвысить церковное и государственное значение города и республики — носили антимосковский, «сепаратистский» характер.⁸⁴ Однако обращает на себя внимание тот удивительный факт, что все свидетельства источников о

⁷⁷ ГПБ, Ф. п. 1.41, л. 222.

⁷⁸ БАН, 34. 7. 5, л. 115.

⁷⁹ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877. Стб. 1029; ПСРД. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 400.

⁸⁰ Лурье Я. С. О политических идеях... С. 135—152 (особенно с. 146—150).

⁸¹ Там же. С. 148.

⁸² Прохоров Г. М. Пахомий Серб (Логофет) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 167.

⁸³ Любопытно, что в обоих случаях датировку «не позже 1438 г.» мы извлекаем из одной и той же рукописи — ГПБ, Софийское собр., № 191; Миней служебная (ноябрь), писец — Дионисий «Шестник», игумен Перынского монастыря.

⁸⁴ См., например: Лихачев Д. С. Литература Новгорода XIV—XV вв. § 1. Литература 30-х—50-х гг. XV в. // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 256—264; Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 263—264; Хорошев А. С. Из истории борьбы Новгорода против Москвы (местная канонизация 30—40-х годов XV в.) // Вестник МГУ. Сер. 9: История. 1971. № 6 (ноябрь—декабрь). С. 54—61 и др.

деятельности Евфимия II в таком «областническом» духе начинаются только с 1439 г. В НИ мл. под 1439 г. отмечается: «Того же лѣта обрѣтоно бысть тѣло архиепископа Иоана, при коемъ былѣ суздальцѣ под Новымъ-городом. Того же лѣта архиепископъ Еуфимий позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; такоже и матери его гробъ подписа; и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября в 4».⁸⁵ В Житии Иоанна Новгородского об упомянутом в НИ мл. обретении мощей архиепископа Иоанна рассказывается подробнее: в паперти Софийского собора «камень... отпаде от верхние стены» и разбил надгробную плиту. Под плитой обнаружен был некий архиепископ в нетленных ризах. Приказав закрыть гробницу, Евфимий начал молить Бога, «да проявит ему», кто есть «лежащий во гробе оном». Явившийся во время молитвы Иоанн повелел установить в Новгороде 4 октября память по преставившимся князьям и архиепископам Новгородским «и всем православным христианомъ». Житие сохранило более позднюю, по сравнению с летописью, дату этого явления — 6948 (1440) г.,⁸⁶ однако если считать, что житие датирует обретение мощей уже по сентябрьскому году, то 6948 г. соответствует (для 4 октября) 6947 году летописного мартовского счета,⁸⁷ т. е. получаем тот же 1439 г. Существует еще один текст, связанный с установлением «памяти» новгородских архиепископов и князей, — «Видение пономаря Аарона», дошедшее до нас в составе сборников,⁸⁸ а также поздних летописей под 1438 и 1439 гг.⁸⁹ В «Видении» рассказывается о том, что в одну из ночей пономарь Софийского собора Аарон увидел, как «преже отшедшая архиепископы» вошли в собор и молились в нем. Аарон поведал об этом архиепископу Евфимию, и тот «быв радостен о таком явлении», и «гробъ позлати князя Владимера..., и матери его гробъ подписа и покровъ положи, и память им управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4».⁹⁰ Заключительная часть «Видения» почти дословно совпадает с известием 1439 г. в НИ мл:

НИ мл.

«...архиепископъ Еуфимий позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа. Такоже и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября въ 4».

«Видение»

«...архиепископъ Еуфимий и гробъ позлати князя Владимера, внука великаго князя Владимера, крестившаго Рускую землю, и подписа. Такоже и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4».

«Видение пономаря Аарона»,⁹¹ очевидно, использует текст НИ мл., добавляя к имени Владимира уточнения: «князя... крестившаго Рускую землю». Вторичность текста «Видения» по отношению к НИ мл. позволяет признать первоначальной дату НИ мл. — 1439 г. К 1439 г. исследователи обычно относят и канонизацию десяти новгородских епископов и архиеписко-

⁸⁵ Новгородская первая летопись... С. 420.

⁸⁶ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 160—161.

⁸⁷ См.: Каменцева Е. И. Русская хронология: (Справочное пособие). М., 1960. С. 20—24.

⁸⁸ Дмитриев Л. А. Житийные повести... С. 171—174.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 2. С. 491 («Видение» здесь включено в статью 6966, т. е. 1458 г., в связи с кончиной Евфимия II, и датировано 6946 (1438) г.); Лихачев Д. С. Литература Новгорода... С. 261.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 491.

⁹¹ Пономарь Аарон отождествляется В. В. Филатовым с «иноком Аароном», иконописцем, написавшим в 1439 г. икону «Архангел Гавриил» «повеленьем» архиепископа Евфимия (Филатов В. В. Иконостас Новгородского Софийского собора // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 63—82).

пов, похороненных в Софийском соборе.⁹² «Выходило так, — заметил Д. С. Лихачев, — что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе».⁹³ Впрочем, после чудесных событий 1439 г. Евфимий II уже по собственной инициативе в 1440 г. освидетельствовал мощи Варлаама Хутынского,⁹⁴ а с 1441 г. начал строительство, а точнее, реконструкцию церковью XI—XII вв. «на старой основе».⁹⁵ Отметим, что поворот в политике новгородского архиепископа сказался, очевидно, и на летописании: уже начиная с 1438 г. прекращаются дополнения к спискам НIV старшей редакции, а через некоторое время создается новая летопись, названная А. А. Шахматовым «Новгородской 5-й», в которой текст НIV в значительной степени просто заменен текстом НI мл.⁹⁶ Можно предположить, что с изменением новгородской политики связан и отъезд из Новгорода в Троице-Сергиев монастырь Пахомия Серба, который датируется 1440—1443 гг. Пахомий вернулся в Новгород только после смерти Евфимия II, при архиепископе Ионе.⁹⁷ Перемены в Новгороде, несомненно, были замечены в Москве, и зимой 1441 г., как сообщается в НI мл., Василий II без всяких видимых причин «взверже нелюбье на Новгород Великий, присла грамоту розметную и повоева волостей новгородских много».⁹⁸

Приведенный материал, свидетельствующий о повороте политики Евфимия II в 1439—1440 гг., дает, на наш взгляд, дополнительное подтверждение датировки свода-протографа НIV—НК, так как после 1439 г. Евфимий, наверное, уже не стал бы организовывать сведение новгородского летописания с общерусским. Вся его деятельность этого периода направлена на создание культа новгородской «старины».⁹⁹

* * *

Для уяснения характера работы над созданием нового новгородского летописного свода (НIV) представляется важным проанализировать, какие

⁹² Филарет, архиеп. Русские святые, чтимые всею церковью или местночтимые. 2-е изд. Чернигов, 1865. Кн. 1. С. 173.

⁹³ Лихачев Д. С. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959. С. 69.

⁹⁴ Об этом рассказывает распространенная редакция Жития Варлаама Хутынского (см.: Дмитриев Л. А. Житийные повести... С. 54—55).

⁹⁵ См.: Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. С. 263; Никитин В. А. Житие и труды святителя Евфимия, архиепископа Новгородского // Богословские труды. М., 1983. Сб. 24. С. 300—301; Новгородская первая летопись... с. 421 (в 1441 г. Евфимий поставил церковь Бориса и Глеба «на старой основе», «и быша ему пособници ньвогородци»).

⁹⁶ Шахматов А. А. Обзорение... С. 196—207.

⁹⁷ Прохоров Г. М. Пахомий Серб... С. 167.

⁹⁸ Новгородская первая летопись... С. 421.

⁹⁹ Вопрос о причинах, побудивших Евфимия II совершить поворот от «иноческой партии» к новгородскому сепаратизму, непрост. Конечно, нужно учитывать влияние на политику архиепископа, фактического главы Новгородской республики, настроения жителей города. Но особенно важно, что 6 июня 1439 г. мирополит Исидор подписал Флорентийскую унию, и осенью того же года это могло быть известно в Новгороде. Враждебное отношение Евфимия II к унии подтверждается тем фактом, что Симеон Суздальский, бежавший 9 декабря 1439 г. из Италии (от Исидора), весной 1440 г. добрался до Новгорода и лето прожил при дворе Евфимия (см.: Дробленкова Н. Ф. Симеон Суздальский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 334). Сам же Исидор, проезжая осенью 1437 г. по дороге на Флорентийский собор через Новгород и Псков, отобрал у Новгорода и передал псковичам «суд владычнь и вси пошлыны» (Новгородская первая летопись... С. 419). Очевидно, идея православного и национального единства в условиях церковного разлада и феодальной войны выглядела как утопия и потеряла для Евфимия-политика свою привлекательность.

материалы были дополнительно включены в него на заключительном этапе редактирования. Как уже отмечалось, соединение двух подборок НК позволило создать НІV, но при этом в 41 годовую статью были внесены добавления.¹⁰⁰ Начинаются эти добавления со статей 1141 и 1147 гг., где уточнены отчества новгородских посадников; далее под 1273 и 1308 гг. добавлены 2 общерусских известия,¹⁰¹ а с 1320 г. по 1421 г. остальные дополнительные материалы НІV связаны почти исключительно с Новгородом. Отметим, что к первой половине XIV в. относятся 4 таких известия:

1320 г.: «А Лука ходи на Мурманы, а нѣмци избиша ушку[и] Игната Мольтыгина»;

1321 г.: «Морь бысть на люди»;

1330 г.: добавлено о владыке Моисее — «бывъ 5 лѣтъ, и съидѣ съ владычества в монастырь на Ко[ло]мци»;

1331 г.: «Того же лѣта помрачение бысть солнцю».

Как справедливо заметил Г. М. Прохоров, далее, с 1350 г., «лишние» материалы идут «сплошной цепью»,¹⁰² однако невозможно согласиться с тем, что они вносились постепенно, в процессе ведения летописи со времен Василия Калики (1331—1352 гг.). Дополнительные материалы содержат в основном известия о строительстве церквей (1350, 1351, 1353, 1371, 1378, 1390, 1404 гг.), о пожарах, эпидемиях и стихийных бедствиях (1371, 1378, 1384, 1385, 1389, 1390, 1392, 1400, 1403 гг.) и о военных и дипломатических событиях в Новгородской республике (1350, 1355, 1369, 1384, 1385, 1404, 1421 гг.). Все эти известия, как и «Поучение архиепископа Симеона псковичам» (1418 г.), могли быть извлечены из архива «владычной» канцелярии и добавлены при окончательном составлении НІV. Под 1385 г. составитель НІV добавляет рассказ об отказе новгородцев от митрополичьего суда: «А той зимы бысть цѣлование въ великому постѣ по сборѣ, на 2 недѣли: цѣловаше крестъ Феодоръ посадникъ Тимофеевичъ, тысячкой Богдан Обанунович, на вѣчи на княжи дворѣ, и вси болярѣ и дѣти болярские, и житеи и черныи люди, и вся пять концевъ, что не зватися к митрополиту, судити владыке Алексею въ правду по манакаму, а на судѣ поднати двѣма истцемъ по два болярина на сторонѣ и по два житея чловѣка; также и посаднику и тысячкому судити право по цѣлованию».¹⁰³ Включение в НІV этого рассказа связано, на наш взгляд, с тем, что вопрос о давно утраченном Москвой праве на митрополичий суд вновь остро встал в 1429—1431 гг. В грамоте 8 августа 1430 г. тверскому епископу Илье митрополит Фотий говорит о своих попытках восстановить это право и утверждает, что не поставит нового новгородского архиепископа, пока не добьется своего.¹⁰⁴ 1 июня 1431 г. Фотий умер, а следующий митрополит Герасим «поставил и благословил» Евфимия. Таким образом, добавляя в НІV этот рассказ, Евфимий II хотел показать, что он не властен в вопросе о митрополичьем суде и не в силах отменить «крестное целование» и решение веча. Такой «дипломатический ход» имел смысл только при жизни Фотия,

¹⁰⁰ При выявлении дополнительных материалов НІV по сравнению с НК была использована таблица соотношения известий С1, НК₁, НК₂ и НІV, подготовленная Г. М. Прохоровым. Пользуюсь случаем выразить Г. М. Прохорову свою глубокую благодарность. См. также: Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 191.

¹⁰¹ 6781 (1273) г.: «Бысть число 2-е изъ орды отъ царя»; 6816 (1308) г.: «И того же лѣта казнь бысть отъ Бога: на люди морь, на кони, и мышь поясть жито, и бысть дороговъ велика».

¹⁰² Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 191.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 342.

¹⁰⁴ См.: Прохоров Г. М. Фотий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 482; РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 422—426 (ошибочно под 1422 г.).

т. е. до середины 1431 г., и показывал, что митрополит должен был познакомиться с новой новгородской летописью.

Как уже отмечалось, 2 дополнительных известия НІV связаны с Лисицким монастырем (1392, 1400 гг.), что закономерно: его игуменом был Евфимий II. Труднее объяснить происхождение целой серии известий НІV, связанных с родом некоего Матфея Михайлова:

1375 г.: «Родися Матфѣй Михайлов»;

1382 г.: «Преставися Михаило, отецъ Матфѣев»;

1405 г.: «Преставися Феодосиа Матфѣева, мѣсяца маа 18»;

1406 г.: «Брак бысть Матфѣю Михайлову маиа в 23»;

1411 г.: «Родися Матфѣю сын Кюприан».

На фоне других записей о значительных событиях выделяется и сообщение под 1416 г. о том, что 16 апреля «преставися Наумъ крилошанинъ святѣи Съѣѣи». Впервые обратил внимание на записи, связанные с Матфеем, еще А. А. Шахматов, предположивший, что они попали в свод-протограф СІ—НІV—НК «из одного из его источников»¹⁰⁵ — редакции НІ, составленной Матфеем Михайловым,¹⁰⁶ которого исследователь отождествил предположительно с уставщиком владычного двора Матвеем Кусовым.¹⁰⁷ Я. С. Лурье уточнил, что, поскольку записей Матфея нет ни в СІ, ни в НК, они могли быть включены только уже редактором НІV.¹⁰⁸ Относя создание НІV ко времени после 1448 г., Я. С. Лурье предположил, что составитель НІV включил в летопись «личные записи» Матфея Михайлова.¹⁰⁹ Эта мысль вызвала справедливые сомнения Г. М. Прохорова: «Трудно представить себе, чтобы летописец привлек для этих записей какой-то письменный источник или написал это о ком-то другом, не пояснив, кто такой этот Матфей Михайлов. Скорее всего он писал о себе».¹¹⁰ В таком случае Матфей, очевидно, — исполнитель замысла Евфимия II, сводчик подборок НК в единую летопись.

А. А. Шахматов не указал оснований, по которым он отождествил Матфея Михайлова с Матфеем Кусовым, однако нам удалось найти подтверждения этого предположения. Среди дополнений Матфея Михайлова имеется упоминание о преставлении 16 апреля 1416 г. некоего Наума, клирошанина Софийского собора, очевидно, близкого Матфею человека. Действительно, в Синодике Лисицкого монастыря начала XV в. обнаруживается упоминание Наума Кусова,¹¹¹ который, видимо, и является названным в НІV Наумом-клирошанином, родственником летописца. Матфей Кусов известен из записей на рукописях как участник новгородского книгописания первых десятилетий XV в. Приведем тексты этих записей.

1. «В лѣт(о) 6919 (1411) г. написана быс(ть) книга сия с(вя)тѣи Софии повелѣньемъ владыцѣ Иоана и изисканьемъ Матфѣя Кусова. А писалъ Василии дьякъ с(вя)т(о)го Дмитрия. Аминь. А сего лѣта ходиш(а) новгородци к Выбору. А хто украдетъ книжки си, или хто старѣи украл, или хто

¹⁰⁵ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 114

¹⁰⁶ Там же. С. 189.

¹⁰⁷ Шахматов А. А. Обзорение... С. 155—156.

¹⁰⁸ Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 82.

¹⁰⁹ Отождествление редактора НІV с Матфеем Михайловым в таком случае сомнительно, так как ему должно быть уже более 73 лет (ср.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды... С. 114). Впрочем, Я. С. Лурье не исключает такую возможность (Лурье Я. С. Матфей Михайлов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 109).

¹¹⁰ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 193.

¹¹¹ ЦГАДА, ф. 381, № 141, л. 70 об.

възвѣдаеть, а не скажеть, да будут со всѣми еретики прокляти» (ГПБ, Софийское собр., № 399, л. 95—95 об. Канонник, 1411 г.).¹¹²

2. «В лѣт(о) 6921 (1413) г. н[апис]ана быс(ть) книга си с(вя)тѣи Софиѣ повелѣньемъ вл(а)д(ы)цѣ Ивана, а изисканьемъ Матфѣя Кусова. А писалъ Василии дьякъ с(вя)таго Дмитрия. А сего лѣт(а) от Можайска град[а] за 10 верст в селѣ Андрѣя кн(я)зя Дмитриевич(а) от иконы прес(вя)тыя вл(а)д(ы)чица наша Б(огороди)ца явилсяя жалованья и прощения людемъ много слѣпымъ, хромымъ, разслабленным, глухимъ и инымъ, нѣ нѣс(ть) мощно сказати или исчести ихъ. Умъ ч(е)л(о)в(е)чь не может изрещи, колико ч(е)л(о)в(е)колюбие Божие и какова м(ил)о(ст)ь на людехъ» (ГПБ, Софийское собр., № 53, внутренняя сторона верхней крышки переплета. Паремийник, конец XIII в., переплет XV в.).¹¹³

3. «В лѣт(о) 6922 (1414) г. написана бы(сть) книга си къ с(вя)т(о)му [Володимеру] ц(е)ркви бл(а)г(ослове)ниемъ вл(а)д(ы)цѣ [Иоана], повелѣниемъ Сидора Кюприянова, [. . .] Матфѣя Кусова, а хто сю книгу украдетъ, да будетъ проклят. Сеи зимы м(е)с(я)ця ноября в 17 пострижесе вл(а)д(ы)ка [Иоанъ] въ скиму и масломъ мазася въ монастыри на Деревяници по сем днии, а посадникъ Кирило Дмитрѣвич преставися» (Мусин-Пушкинский сборник, 1414 г., сгорел в 1812 г., далее — Сб. 1414 г.).¹¹⁴

4. Полууставом XVII в.: «А ся книга дана бысть от Матфѣя от Кусова с(вя)тѣи Софиѣ вл(а)д(ы)ци Еуфимью» (ГПБ, Софийское собр., № 387, л. 1 об. Минея праздничная, XV в.).¹¹⁵

Тот факт, что Матфей Кусов был причащен к летописанию, очевиден из того, что все три прижизненные записи содержат добавления летописного характера. Важно отметить, что если первое известие (о походе новгородцев к Выборгу) изложено в летописях иначе и полнее,¹¹⁶ то второе (о чуде иконы Богородицы) и третье (о пострижении в схиму владыки Иоанна и о смерти посадника) известия имеют практически дословные соответствия в НІ мл., НК и НІV.¹¹⁷ Сопоставление текстов известия 1414 г. в Сб. 1414 г., НІ мл. и НІV позволяет сделать очень важный вывод: не писец сборника заимствовал это сообщение из летописи, а в НІ мл. использован текст Сб. 1414 г. Из НІ мл. через НК текст попал уже в НІV.

Сб. 1414 г.

НІ мл.

НІV

«Сеи зимы м(е)с(я)ця ноября в 17 пострижесе вл(а)д(ы)ка [Иоанъ] в скиму и масломъ мазася въ монастыри на Деревяници по сем днии, а посадникъ Кирило Дмитрѣвич преставися».

«Пострижесе владыка Иоанн въ скиму, а посадникъ Кирила Дмитриевич преставися. Той же зимы, мѣсяца генваря въ 20, соиде владыка Иоан со владычества, бывши въ владычество 30 лѣт без триш».

«Пострижесе владыка Иванъ въ скиму мѣсяца ноября 15, а генваря 20 съиде съ владычества, бывъ въ владычество 30 лѣтъ бес треи. А посадникъ Кириль Дмитриевич преставися».

¹¹² См.: Гранстрем Е. Э. Описание... С. 62.

¹¹³ См.: Там же. С. 28; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984. С. 309—310.

¹¹⁴ В квадратные скобки заключены выскобленные места в Мусин-Пушкинском сборнике, причем вместо «Иоанна» в обоих случаях было дописано «Антонна». Запись известна по спискам нач. XIX в.: ГПБ, Ф.1.295 и БАН, 24.4.41. См.: Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Ч. 1, разд. XVIII: Сборник 1414 года. СПб., 1867. С. 82—88; Срезневский В. И. Мусин-Пушкинский сборник в копии начала XIX-го века. СПб., 1893; Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1971. Т. 3, вып. 3. С. 113.

¹¹⁵ Гранстрем Е. Э. Описание... С. 71.

¹¹⁶ Новгородская первая летопись... С. 402; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 411.

¹¹⁷ Новгородская первая летопись... С. 404, 405; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 413.

Нетрудно заметить, что писец Сб. 1414 г. еще не знает об уходе Иоанна «со владычества» 20 января 6922 (1415) г. При составлении НІ мл. сокращены слова «сеи зимы м(е)с(я)ця ноября в 17»; «и масломъ мазася въ монастыри на Деревяници по сем днии», но добавлено известие о сошествии Иоанна с архиепископской кафедры. Наконец, при редактировании НІV два известия, связанных с Иоанном, были объединены вместе, а сообщение о смерти посадника переставлено в конец летописной статьи. Таким образом, участие Матфея Михайлова Кусова во «владычном» новгородском летописании, дошедшем в НІ мл., представляется доказанным.¹¹⁸

Как свидетельствует упомянутая поздняя запись на Минее праздничной, Кусов и после по крайней мере 1423 г.¹¹⁹ сотрудничал с новгородским владыкой. Наличие его семейных записей в НІV и отсутствие их в НІ мл. и НК позволяет думать, что и в 1430 г. Матфей по-прежнему был причастен к составлению летописи. Роль Матфея в этой работе была, очевидно, аналогична его роли при переписывании известных нам рукописных книг 1411—1414 гг. Записи определяют эту работу словом «изискание», которое в словарях переводится как «исследование; рассмотрение; разыскание; мнение; мысль».¹²⁰ Наиболее точно функции Матфея Кусова определил Б. Д. Греков, очевидно, со слов А. А. Шахматова: «Над переписчиками и составителями летописей (в книгописной мастерской новгородских владык. — А. Б.) был особый надзор специалиста, который сам должен был нести на себе главную ответственную работу... Матвей Кусов наблюдает за работой переписчиков...».¹²¹ Именно таким «техническим руководителем» новгородского летописания на протяжении более 15 лет (1414—1430 гг.) нам и представляется Матфей Михайлов Кусов.¹²²

* * *

Итак, проведенный анализ летописей и их историко-культурного контекста позволил прийти к следующим основным выводам:

1. Общий протограф НІV—НК, уже разделенный на две подборки, отражает промежуточный этап работы над переделкой общерусского свода в новгородский.

2. Этот новгородский свод, в завершеном виде представленный в НІV, заключался статьей 1428 г. о мире новгородцев с Витовтом и был создан в книгописной мастерской «новгородского дома святой Софии» по инициативе Евфимия II и под непосредственным руководством Матфея Михайлова Кусова. Время создания свода, очевидно, — 1430 г.

3. Основной источник свода Евфимия II — общерусский свод-протограф СІ—НІV—НК мы связываем с деятельностью митрополита Фотия и датируем 1418 годом. В политической программе этого свода отразилось, по-видимому,

¹¹⁸ Именно это предполагал еще А. А. Шахматов, считая Матфея составителем протографа НІ мл. (Шахматов А. А. Обозрение... С. 154—156).

¹¹⁹ Евфимий I был избран архиепископом в конце 1423 г.

¹²⁰ Срезневский, Материалы. СПб., 1893. Т. I. Стб. 1059; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 217.

¹²¹ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. Ч. 1. С. 57—58.

¹²² В указанной книге Б. Д. Грекова (с. 58) содержится утверждение, что Матвей был составителем IV Новгородской летописи. При этом исследователь ссылается на статью А. А. Шахматова «Общерусские летописные своды...» (С. 114), где, напротив, Кусов признается составителем источника свода-протографа СІ—НІV—НК, т. е. новгородской летописи, дошедшей в составе НІ мл. Возможно, А. А. Шахматов впоследствии пришел к тому же выводу, к которому подвело настоящее исследование, и сообщил его Б. Д. Грекову.

стремление сторонников «монашеской партии» к церковному и национальному единству при сохранении политического самоуправления русских земель, к прекращению междоусобиц и к борьбе с татарами.

.

И. М. ГРИЦЕВСКАЯ

Индекс истинных книг в составе «Кирилловой книги»

Своеобразный памятник древнерусской библиографии — индекс истинных книг — впервые был издан в составе сборника «Кириллова книга», выпущенного Московским Печатным двором в 1644 г. Составители «Кирилловой книги» подвергли индекс ряду изменений, создав новую редакцию. Само издание «Кирилловой книги» явилось важным событием в идеологической борьбе середины XVII в., поэтому и редакция индекса, вошедшая в нее, вызывает особый интерес.

Для индексов, переписывавшихся в русских сборниках с начала XV в. (в дальнейшем — старшая разновидность индекса), так же, как и для редакции индекса, входящей в «Кириллову книгу», характерна следующая структура: сначала в них идет перечень библейских книг, затем — святоотеческих сочинений, житий, трактатов, посланий, хронографов, сборников и т. д.

Выявляя истоки индекса «Кирилловой книги», следует рассмотреть сначала его библейские книги. Они сильно отличаются от перечня библейских книг, которые традиционно с XV в. бытовали в составе индексов в русских сборниках и опирались на различные греческие канонические правила. Отличия наблюдаются как в репертуаре, так и в порядке расположения названий. Оказывается, перечень библейских книг «Кирилловой книги» полностью, слово в слово совпадает с оглавлением Библии Ивана Федорова (Острог, 1581 г.). Совпадает даже внешний вид текстов: индекс, как и оглавление, набран столбцом. Повторены все мелкие особенности исходного текста. В свою очередь это оглавление с очень небольшими изменениями взято составителями Острожской Библии из рукописных русских Библий XV—XVI вв.,¹ структура которых ориентируется на Вульгату.² Самое большое отличие рассматриваемой редакции перечня библейских книг от традиционной в том, что сюда включены неканонические библейские книги (Юдифь, Товит, Маккавейские и пр.). Эти названия в индексах XV в., как правило, не упоминались. Есть ряд других отличий, например, в порядке перечня книг. Очевидно, что составители индекса истинных книг отходят от двухвековой традиции сложившегося на Руси индекса библейских книг; вместо него используется оглавление Острожской Библии, ориентированной на западный канон³ (см. Таблицу 1).

¹ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синадальной библиотеки. М., 1855. Т. 1. С. 3—4.

² Евсеев И. Е. Записка о научном издании славянского перевода Библии и проект означенного издания. СПб., 1912. С. 14—15.

³ Канон славянской Библии в индексах истинных книг // Старобългаристика. 1990. № 1. С. 39—48.

Таблица 1

Библейские книги индекса XV в	Библейские книги индекса «Кирилловой книги», оглавление Острожской Библии
Бытие	Первая книга Моисеева Бытие
Исход	Вторая книга Моисеева Исход
Левит	Третья книга Моисеева Левит
Числа	Четвертая книга Моисеева Числа
Девторномия	Пятая книга Моисеева Второй закон
Исус Навин	Исус Навин
Судии	Судей израилевых
Руфь	Руфь
Палея	Первые Царств
4 царства	Вторые Царств
Останцы царств	Третье Царств
Ездры двое	Четвертые Царств
Псалтырь	Первые Паралипомен или словеса дний
Соломони Премудрости	Вторые Паралипомен или словеса дний
Притчи	Первые Ездра
Филон Пьяфский	Неемия
Песни песней	Вторые Ездра
Экклизиаст	Третье Ездра
Иов	Товит
Книги 12 пророков (со спецификацией)	Юдифь
Иеремия	Эсфирь
Иезекииль	Иов
Даниил	Псалтырь
Исайа	Притчи Соломони
4 Евангелия (со спецификацией)	Экклизиаст сиречь Церковник
Деяния апостолов	Песни песнем
7 соборных посланий (со спецификацией)	Премудрости Соломони
14 посланий Павла (без спецификации)	Исус Сирахов
Апокалипсис	Исайа пророк
	Иеремия пророк
	Плач Иеремиев
	Варух пророк
	Иезекииль пророк
	Даниил пророк
	Книги 12 пророков (со спецификацией)
	Маккавейские (3 книги)
	4 Евангелия (со спецификацией)
	Деяния апостолов
	7 соборных посланий (со спецификацией)
	14 посланий Павла (со спецификацией)
	Апокалипсис

Вторая часть индекса «Кирилловой книги», содержащая перечень небиблейских книг, основывается не на одном, но на целом ряде источников. Так, начало этой части в «Кирилловой книге» значительно отличается от того, что было в редакциях XV в., и имеет свой особый источник. Им служит выявленный нами в четырех рукописях XVI—XVII вв.⁴ индекс, весьма необычный по своей структуре (в дальнейшем будем называть его индексом XVI в.). Его репертуар очень широк и значительно отличается от репертуара старшей разновидности индекса; с ней имеется лишь 47 общих названий и авторов, порядок следования которых совершенно

⁴ ГБЛ, Рогожское собр., ф 247, № 748, сер XVI в., л 56 об—59 об, БАН, Белокриницкое собр., № 112, 1589 г., л 521—523 об, ГБЛ, Рогожское собр., ф 247, № 729, кон XVI—нач XVII в., л 489—492, ГИМ, Синодальное собр., № 491 (191), кон XVI—нач XVII в., л 641—644

различен. Не сходен данный индекс и с редакцией «Кирилловой книги», за исключением небольшого фрагмента в начале перечня небиблейских книг (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Начало перечня небиблейских книг

Старшая разновидность индекса	Индекс XVI в	Индекс «Кирилловой книги»
Иоанн Златоуст Другой новый Златоуст Третья книга житие его Григорий Богослов Синоксарь рекше триодь четья Василий Кесарийский Другой Василий Третья Шестоднев его Иоанн Богослов	Дионисий Ареопagit Ерофей Афинский Добренша и богословия исполнена Астрономия Еже о богоразумии любовнем Иоанн Златоустый, того ж другой новый Златоуст, еже есть и Маргарит сиречь Жемчюг, и Толкования его четырем Евангелиям и Деаниям, и Посланиям соборным, и Псалтыри И поучения его все-сладкие, покаянию проповедания, и словеса на господские праздники, светлыя и учительныя, и прочая и о шести днех книга Григорий Богослов, в нем же и толкования Никиты Ираклийскаго, и торжественная на владычныя праздники тогова Богослова учения И словеса и Толкования во Евангелии, и Апостоле, и Псалтыри, и прочая того сказания Василий Кесарийский, иж о иноках пребывании и подвизи И яж в Евангелии и Апостоле, и Псалтыри толкования его И о шести днях книга, и словеса на святые и великие владычныя праздники, и прочая Афанасий великий Александрийский, в нем же толкования Евангелия и Апостола и Псалтыри, и торжественная словеса светлая на господские праздники, и прочая И прение его со Арием (и далее)	Дионисий Ареопagit Ерофей Афинский Василий Парийский Василий Амасийский Ипполит папа Римский Селивестр папа Римский Василий Великий о постничестве, и яже во Псалтыри и во Евангелии, и во Апостоле Толкования его, и торжественные словеса на господские праздники, и Шестоднев, и Житие его Афанасий великий Александрийский на арианы, и толкование на Псалтырь и на Евангелие, и на Апостол, и торжественная словеса на господские праздники, и прение его со Арием Григорий Богослов, и толкование его на Псалмы Давидовы, и на Евангелие, и на Апостол, и торжественная словеса Григорий Неокесарийский Книги Иоанна Златоуста Беседы на Евангелия, и на 14 посланий Павла Апостола, и на деяния святых Апостол со нравоучениями, и словеса торжественная на господские праздники, и толкования на Псалмы, и на Евангелие, и на Апостол Маргарит Златоструй Андриатис Книга о священстве
Иоанн Дамаскин		Иоанн Дамаскин

Упоминания о Дионисии Ареопagите характерны и для индекса старшей разновидности, однако имя Ерофея Афинского, его учителя, в индексе XVI в. вводится впервые. Далее для обоих сравниваемых индексов характерны упоминания Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Кесарийского, Афанасия Александрийского с обширным перечнем принадлежащих им произведений. Текстуально эти перечни не совпадают, однако несомненно, что сам характер построения этой части индекса «Кирилловой книги» заимствован из индекса XVI в. Для старшей разновидности памятника подобные спецификации трудов перечисляемых авторов не характерны.

Сравнивая продолжения обеих перечней, отметим, что в индексе «Кирилловой книги» есть следующие имена, пришедшие, очевидно, из индекса XVI в.: Амфилохий Иконийский, Григорий Солунский, Ипполит папа Римский, Исихий Превзитер, Иустин Философ, Палладий мних, Григорий Амиритский.

Если первая часть индекса (библейские книги, начало перечня небиблейских книг) базируется на рассмотренных выше источниках, то происхождение основной части перечня небиблейских книг (самой большой по объему части всего индекса) иное. Оно основывается на одной из редакций индекса старшей разновидности.⁵ Для этой редакции характерны, как правило, 78 названий, 61 из них входит также и в редакцию индекса «Кирилловой книги». Необходимо отметить, что эти названия и имена входят в «Кириллову книгу» в порядке, обычном для редакции старшей разновидности, и дополнительно введенные имена и названия этот порядок не нарушают. Однако исследование списков показывает, что редакция индекса «Кирилловой книги» основывалась не непосредственно на индексе старшей разновидности. Между двумя индексами была переходная ступень: индекс, обнаруженный нами в 5 рукописях XVII в.⁶ Впервые эта переходная реакция отмечается в Уставе, переписанном в Москве в 1604 г. Особенно важно для нас, что вариант этой переходной реакции появляется в составе рукописи 30-х гг. XVII в. из Соловецкого собрания. Эта рукопись содержит так называемый «Просветитель Литовский» (в рукописи названный «Изложение о вере»), являющийся основой «Кирилловой книги». Как показывает анализ, переходная редакция индекса — это не что иное, как расширенный индекс старшей разновидности. В индексе «Кирилловой книги» эти различия дополнены и развиты (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Перечень небиблейских книг (основная часть)

Старшая разновидность индекса	Переходная редакция	Индекс «Кирилловой книги»
Иоанн Дамаскин Петр Дамаскин	Иоанн Дамаскин	Иоанн Дамаскин
Послание Иоанна Дамаскина к Козьме	Послание Иоанна Дамаскина к Козьме	Его же послания к Козьме Майумскому и прочие списания его
Иоанн Экзарх Иоанн Лествичник Сенаник	Иоанн Экзарх Иоанн Лествичник	Иоанн Экзарх Иоанн Лествичник Синодик
Григорий Декаполит	Григорий Декаполит	Григорий Декаполит
Григорий папа Римский	Григорий Акраганский Григорий папа Римский	Григорий папа Римский
Григорий Акраганский	Григорий Великой Армении	Григорий Великой Армении
Григорий Синайский	Григорий Двоесловец	Григорий Двоесловец

⁵ Выделяются 4 редакции XV в., названные нами условно: Кирилловская, Рогожская, Волоколамская и Чудовская. Здесь имеется в виду самая обширная и распространенная Волоколамская редакция. О редакциях индекса старшей разновидности см.: Грицевская И. М. Индексы истинных книг в русских рукописных сборниках XV—XVII вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей. Л., 1991. Ч. 3 (в печати).

⁶ ГПБ, F.1. 864, 1604 г., л. 43 об.—47 об.; F.1.99, нач. XVII в., л. 450—452; Соловецкое собр., № 274/274, 30-е гг. XVII в., л. 208—209; № 825/935, 2-я пол. XVII в., л. 74—75 об.; ЦГАДА, ф. 181, № 389/841, XVII в., л. 114—117.

Старшая разновидность индекса	Переходная редакция	Индекс «Кирилловой книги»
Григорий Двоесло- вец	Григорий Синайский	Григорий Синайский
Кирилл Алек- сандрийский	Кирилл Александрийский	Кирилл Александрийский
Кирилл Иеру- салимский	Кирилл Иерусалимский	Кирилл Иерусалимский Григорий архиепископ Солунский Григорий Амиритский Григорий Цамблак Григорий Акраганский Кирилл Словенский
Кирилл Словенский Дионисий Ареопагит	Кирилл Словенский Дионисий Ареопагит	Козьма Прозвितер Амфилохий Иконийский Палладий мних Ириней Лугдонский
Ириней Петр Русский	Ириней Петр Русский	Петр Дамаскин Спиридоний Тримифинский
Спиридоний Златая матица Чепь	Спиридоний Златая матица Чепь	Златая цепь Анастасий Синайской горы
Анастасий Синай- ской горы	Анастасий Синайской горы	
Афанасий Алек- сандрийский	Афанасий Александрийский	
Симеон Богоприимец	Симеон Дивногорец Симеон Богоприимец Симеон Иерусалимский Симеон Новый Богослов	Симеон Богоприимец Симеон Дивногорец Симеон Иерусалимский Симеон Новый Богослов
Евводий Варлам и Асаф Ефрем Сирий Максим	Евводий Варлам и Асаф Ефрем Сирий Максим	Евводий Варлам и Асаф царевич Ефрем Сирий Максим Исповедник Максим Грек Даниил Никон Нил
Нил Никон Лавсаик Федор Эдесский	Нил Никон Лавсаик Федор Эдесский Федор Студийский	Федор Эдесский
Иосиф Павел Моноवासийский Геннадий, зовомый Златоструй	Иосиф Павел Моноवासийский Геннадий, зовомый Златоструй	Иосиф Павел Мономасийский Геннадий, зовомый Златоструй
Хронограф Родословие Глубина Бисер Криница	Хронограф Родословие Глубина Криница Бисер Златоустов	Хронограф Родословие Глубина Бисер Криница
Маргарит Жемчуг Мефодий Патарский	Маргарит Жемчуг Мефодий Патарский Василий Амасийский	Мефодий Патарский
Василий Новоявлен- ный Пчела	Василий Новоявленный Пчела	Василий Новоявленный Пчела

⁷ На полях «Кирилловой книги» приведено имя «Нил», что соответствует чтению индекса редакции XVI в.: «Нил Великий, иже есть Златоструй».

Старшая разновидность индекса	Переходная редакция	Индекс «Кирилловой книги»
Летописец Великой горы	Летописец Великой горы	Летописец Великой горы Макарий Великий Исидор Пелусиот Исихий пресвитер Диоптра, зовомое зеркало мирозрительное Второе Зерцало, беседование души с телом Августин Иппона града епископ Илларион Великий Георгий Писид Иосиф Маттафинн Козма Индикоплов Козма Халкидонский Федор Студит Федор Авукар Карийский Исаак Сирина Дорофей
Иосиф Маттафинн Козма Индикоплов Козма Халкидонский Федор Студит	Иосиф Маттафинн Козма Индикоплов Козма Халкидонский	Иосиф Маттафинн Козма Индикоплов Козма Халкидонский Федор Студит Федор Авукар Карийский Исаак Сирина Дорофей
Исаак Сирина Дорофей Диоптра зовомая Зерцало Устав святых отец Другой устав Никонский	Исаак Сирина Дорофей Диоптра зовомая Зерцало Устав Никонский	Устав святых отец
Пандект Лимонис Антиох Исус Сирахов Словоположник Законник Стослов Андрей Юродивый	Пандект Лимонис Антиох Исус Сирахов Словоположник закону Стослов Андрей Юродивый	Пандект Лимонис Исус Сирахов Андрей Юродивый Иустин Философ Нифонт
Даниил Странник Епифаний Кипрский Иаков Жидовин Судебник	Даниил Странник Епифаний Кипрский Иаков Жидовин Судебник	Епифаний Кипрский Иаков Жидовин Судебник Минея Общая 12 миней четых Патерик Египетский
12 миней четых Патерик Египетский Патерик Иерусалимский Патерик Печеры Киевской	12 миней четых Патерик Египетский Патерик Печеры Киевской	Патерик Египетский
Патерик Печеры Киевской	Патерик Скитской Патерик Иерусалимский Патерик Святой горы Сильвестр папа Римский Петр Дамаскин ⁸ Нил Синаит	Патерик Печеры Киевской Патерик Азбучный Патерик Скитской Патерик Иерусалимский Патерик Святой горы Петр Дамаскин Нил Синаит

В переходной редакции индекса можно отметить следующие особенности, ставшие характерными и для индекса «Кирилловой книги». В индекс введены новые имена и названия. Так, рядом с Симеоном Богоприимцем появляются

⁸ Для варианта переходной редакции, помещенного в «Изложении о вере» (ГПБ, Соловецкое собр., № 247/247), характерно иное окончание «Патерик Иерусалимский, Сильвестр папа Римский, Петр Дамаскин, Патерик Святой горы, Нил Синаит, Патерик Азбучный, Правила указ всем человеком, Молитвенник, Потребник, Служебник, Постригальник, Новейших чудотворцев жития и поучения, Стефан епископ Пермский, Прилога два, Измарагд»

еще три Симеона: Дивногорец, Новый Богослов и Иерусалимский. Свообразно окончание рассматриваемых редакций. Помимо патериков, упоминаемых в ранней редакции, введены названия Патерика Скитского и Патерика Святой горы. В самом конце помещены упоминания о Ниле Синаите и Петре Дамаскине. После Андрея Юродивого вставлено имя «Нифонт». Порядок, свойственный редакции XV в. в перечислении имен Григориев, нарушен, кроме того, прибавлено имя Григория Великой Армении. Также введены еще два новых имени: Василий Амасийский и Селивестр папа Римский.

Все приведенные выше изменения характерны как для переходной редакции, так и для индекса «Кирилловой книги». Таким образом, редакция индекса «Кирилловой книги» восходит к индексу старшей разновидности через переходную редакцию.

После выяснения истоков индекса «Кирилловой книги» можно ответить на вопрос, какие названия и имена внесены в индекс самими составителями этой редакции. Таких сочинений было немного: Василий Великий «О постничестве», Житие Василия Великого, Афанасий Великий «На арианы», Иоанн Златоуст «Беседы на Евангелия», «Беседы на деяния апостолов со нравоучениями»,⁹ «Беседы на 14 посланий Павла», «Златоструй», «Андриатис», «Книга о священстве». В индекс «Кирилловой книги» введены новые имена: Григорий Неокесарийский, Августин Иппонский, Григорий Цамблак, Козьма Прозвитер, Макарий Великий, Илларион Великий, Георгий Писид, Феодор Авукар Карийский, Исидор Пелусиот. Вместо имен «Спиридоний», «Ириней», «Максим» читается «Спиридоний Тримифинский» (Тримифунтский), «Ириней Лугдонский» (Лугудунский, Лионский), «Максим Исповедник». Наряду с греческим автором Максимом Исповедником здесь упомянут Максим Грек. Исчезает имя Даниила Странника, зато сразу после упоминания о Максиме Греке включено имя «Даниил» без каких-либо пояснений (возможно, здесь имеется в виду митрополит Даниил, современник и противник Максима Грека). Вместо одного, обычного для редакции XV в. названия «Диоптра зовомая Зерцало» приведены сразу два названия: «Диоптра, зовомое Зерцало мирозрительное» и «Второе Зерцало, беседование души с телом» (так здесь названа известная книга «Диоптра» Филиппа Монтропа).

Рассматривая названия, введенные составителями индекса «Кирилловой книги», отметим, что некоторые из перечисленных произведений и авторов были напечатаны в западнорусских типографиях в конце XVI—начале XVII в. В 1614 г. Братская Львовская типография издает «Книгу о священстве» Иоанна Златоуста. Эта книга на самом деле является сборником: кроме произведений Иоанна Златоуста сюда входят слова Исидора Пелусиота и Василия Великого. Типографией Киевской Лавры в 1620 г. была издана книга Максима Грека «Слово на латинов». Той же типографией в 1623 и 1624 гг. изданы две книги Иоанна Златоуста: «Беседы на 14 посланий Павла» и «Беседы на деяния апостолов». В Острожской типографии в 1594 г. издана книга Василия Великого «О постничестве».¹⁰ Виленская типография Мамониной в 1588 г. издает книгу Максима Грека «О крестном знаменнии». В 1612 г. в Евье была напечатана книга «Зерцало и выражение живота людского на том свете», составленная Виталием, игуменом в Дубне. На первой странице книги название было представлено в следующем виде:

⁹ «Беседы» Иоанна Златоуста в «Кирилловой книге» и «Толкования» Иоанна Златоуста в редакции XVI в., возможно, указывают на одни и те же произведения.

¹⁰ См.: Запаско Я., Исаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Книга перша (1574—1700). Львів, 1981.

«Диоптра сиречь Зерцало альбо выражение известное живота человеческого в мире» (не эта ли книга имется в виду под названием «Зерцала мирозрительного» в индексе «Кирилловой книги»?). В 1627 г. в Братской Виленской типографии напечатана специально для этого переведенная книга Макария Египетского «Духовные беседы» (возможно, этому соответствует упоминание в индексе Макария Великого).¹¹ С западнорусскими традициями связаны и упоминания о Августине Иппонском, и о Феодоре Авукаре Карииском, чья книга была переведена в Острожской академии в конце XVI в.

Важно отметить упоминание в индексе «Кирилловой книги» Миней Общей. Эта книга почти совсем не издавалась на Украине и в Литве (кроме издания 1628 г. типографии Спиридона Соболя). В Москве же эта книга издавалась до 1644 г. семь раз, кроме того, в этот же период три раза была издана Миней Общая с Праздничной.¹² Очевидно, это одна из распространенных книг московского репертуара.

Таким образом, просматривается связь индекса «Кирилловой книги» с некоторыми переменами, происходившими в русской книжности в середине XVII в. Известно, что в этот период расширяются культурные связи с Западной Русью, идет признание истинности украинского и белорусского православия, отрицаемого при патриархе Филарете. Этим можно объяснить в индексе «Кирилловой книги» особенности перечня библейских книг. Этим же, очевидно, объясняется и большое число западнорусских книг в перечислении небиблейских книг. Однако вопрос об отражении в индексе реальной книжности данного периода нуждается в более детальной разработке. Необходимо сопоставление перечня индекса с кругом чтения деятелей культуры середины XVII в., с репертуаром книжных собраний, что не входит в задачу данной работы.

Отвечая на вопрос, как индекс вошел в «Кириллову книгу», можно отметить следующее. Известно 28 списков «Просветителя Литовского», являющегося основой «Кирилловой книги»; только в одном из них есть индекс истинных книг — в уже названном «Изложении о вере» Соловецкого собрания.¹³ Таким образом, индекс не входил в архетип сборника, но явился индивидуальной особенностью названного списка. В этом списке индекс является дополнительной статьей, переписанной в конце; как отмечалось, здесь переписана не сама переходная редакция, но ее вариант. И тем не менее важно отметить, что в этом сборнике впервые индекс связан с основой будущей «Кирилловой книги». Пока невозможно ответить на вопрос, где и когда переходная редакция индекса подверглась переработке и была превращена в ту редакцию, которая вошла в «Кириллову книгу». Выполнявшие эту работу, несомненно, были близки к западнорусской книжной традиции — об этом говорит сам перечень включенных ими в индекс книг. Произошло это, видимо, на русской почве — напомним о книге Миней Общей, которая не могла войти в индекс где-либо еще. Составителя индекса особо интересовали печатные книги. Можно предположить, что он был связан с типографией (работник Московского Печатного двора?).

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать следующие выводы. Индекс «Кирилловой книги» возник в XVII в. на базе ряда источников. Основные из них — оглавление Острожской Библии и индекс старшей раз-

¹¹ См.: Книга Беларусі 1517—1917: Зводны каталог. Минск, 1987.

¹² См.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958.

¹³ Опарина Т. А. Просветитель Литовский — неизвестный памятник идеологической борьбы XVII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 43—58.

новидности. Этапы становления рассматриваемого индекса прослеживаются в переходной редакции, впервые встречаемой в Уставе, переписанном в Москве в начале XVII в. Индекс «Кирилловой книги» включает ряд названий и имен, которые никогда ранее не перечислялись в индексах истинных книг. В какой-то мере по ним можно судить об особенностях литературных вкусов и пристрастий середины XVII в. Среди названий, впервые введенных в индекс, имеются книги украинского и белорусского происхождения. Это говорит об особом интересе, проявляемом в середине XVII в. в Москве к западнорусской книжности.

И. А. ЛОБАКОВА

Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем»

«Повесть о разорении Рязани Батыем» (далее ПорРБ) — одно из самых совершенных произведений литературы Древней Руси — нельзя назвать памятником, обойденным вниманием исследователей.

Впервые опубликованная в 1841 г.,¹ повесть рассматривалась историками в качестве основного исторического источника при описании гибели Рязани и начального периода монголо-татарского ига.²

ПорРБ включена в общие курсы истории древнерусской литературы, учебники и учебные пособия. Во всех изданиях отмечались высокие художественные достоинства памятника, связь его с фольклором (особенно в воинских эпизодах), решался вопрос о соответствии сведений, сообщенных в произведении, исторической реальности.

Проблема истории создания ПорРБ была поставлена уже в 40-х гг. нашего века. Ею занимались В. Л. Комарович³ и Д. С. Лихачев.⁴ Оба исследователя рассматривали это произведение в составе цикла повестей о Николе Зараском (в рукописях этот цикл образован «Сказанием о пере-

¹ Сахаров И. Сказания русского народа. 3-е изд. СПб., 1841. Т. 1, кн. 4. С. 46—56. В основу издания был положен текст Хронографической ред. произведения по списку «Костромской летописи» (ГИМ, собр. Черткова, № 115 б), т. е. Русского современника.

² Воздвиженский Т. Я. Историческое обозрение Рязанской губернии. М., 1822; Иловайский Д. (И). История Рязанского княжества. М., 1858; Миллер О. О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 2. № 5. С. 49—60; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1889. Т. 1; СПб., 1891. Т. 2. Н. М. Карамзин в 8-й главе III тома «Истории государства Российского» излагает события захвата Рязанского княжества, также следуя сюжету «Повести о разорении Рязани Батыем», основываясь все на той же «Костромской летописи». С. М. Соловьев в своем анализе истории Руси XIII в. опирался на рассказ «Хронографа 1512 г.», но в сноске есть указание на Русский современник, т. е. все ту же «Костромскую летопись», а князь Федор включен в родословную таблицу рязанских князей (см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 3. С. 332). Доверие русских историков к памятнику было настолько полным, что Д. И. Иловайский, например, даже различал князя Олега Ингоревича, о котором по летописным источникам известно, что в 1252 г. он вернулся из плена на Рязань, и Олега Ингоревича Красного, героя Повести, известной о котором летописи не содержат. А. Е. Пресняков, касаясь генеалогии рязанских князей, также учитывал данные литературного произведения (см.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 225—226). Даже в работе авторитетных советских историков можно встретить с отношением к литературному произведению как к историческому источнику (см., например: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950).

³ Комарович В. Л. К литературной истории Повести о Николе Зараском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 57—72.

⁴ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—406. Далее ссылки в тексте.

несении иконы Николы Корсунского в Рязань» (рассказ о событии, отнесенном к 1225 г.), Повестью, «Коломенским чудом» (о событиях 1521 и 1531 гг.) и «Родом поповским» (который доведен до 1561/1615 гг.). Однако и основания для подобного рассмотрения, и отношение к ПорРБ у обоих ученых были различными. Статья В. Л. Комаровича, опубликованная посмертно (исследователь погиб в Ленинграде в 1941 г.), была, вероятно, наброском большой работы и носит тезисный характер. В. Л. Комарович на материале 12 известных ему списков XVII—XVIII вв. ПорРБ пришел к выводу, что Повесть является позднейшим распространением первого произведения Заразского цикла — «Сказания о перенесении Николина образа в Рязань». А так как исследователь считал, что Заразский цикл создан в 30—60-е гг. XVI в., то и Повесть относил к этому же времени. Восстановить классификацию В. Л. Комаровича достаточно трудно. Называя редакцию, в исследовании Д. С. Лихачева обозначенную как ред. А, «распространенной», В. Л. Комарович подразумевал существование «краткой», которая была источником распространения, но значит ли, что «краткая» есть конечный эпизод «Сказания о Николином образе», или созданный на основе этого эпизода краткий вариант текста, не дошедший до нас, сказать сложно. Создание «распространенной» ред. В. Л. Комарович относил к 1530-м гг., в качестве датирующего доказательства приводя дату входящего в цикл другого произведения — «Коломенского чуда», содержащего даты (1521 г. и 1531 г.), не аргументируя одновременности создания этих двух произведений.

Ред. Б исследователь назвал «компилятивной», хотя остается неясным, почему замечание о том, что «тут дважды повторяется не только основная хронологическая дата (6745—1237), но и весь ход основных событий...», отнесено именно к ред. Б: оно столь же правомерно и по отношению к «распространенной», и Хронографической и др. «Компилятивную» ред. В. Л. Комарович считал вторичной по отношению к «распространенной», так как полагал, что она была создана в 1560 г., т. е. тридцатью годами позже «распространенной». Основанием для такой датировки был арифметический подсчет: 1225 г. — год принесения иконы + 335 лет служения в храме священников из рода Евстафия, как сообщено в «Роде поповском» (последнем произведении Заразского цикла). Доказательств, подтверждающих одновременность появления «компилятивной» ред. ПорРБ и «Рода поповского» (равно как и одновременность создания «распространенной» и «Коломенского чуда»), в работе не содержится.

В 1949 г. появилась статья Д. С. Лихачева, в основе которой лежало изучение 34 списков XVI—XVII вв., содержащих Повесть. В этой статье выделены все редакции Повести, дана их классификация, опубликованы тексты всех редакций. Это исследование является основополагающим при изучении ПорРБ. Хотя Д. С. Лихачев подчеркивал, что произведения, входящие в состав цикла, «ни в коем случае нельзя изучать вне общей литературной истории этого свода» (с. 257), он отметил «разнотипность, разновременность и неравноценность» составляющих цикл произведений. Д. С. Лихачев писал, что «если „воинскую повесть“ относят к лучшим после „Слова о полку Игореве“ произведениям древнерусской литературы», то другие части цикла «достаточно трафаретны». Оспаривая мнение В. Л. Комаровича, который считал Повесть результатом распространения Сказания, Д. С. Лихачев отметил, что «центральные, воинские части этого цикла, несомненно, принадлежат первой половине XIV века,... причем, „воинская повесть“ не могла быть создана при церкви Николы ее служителями, она только была включена в Заразский цикл» (с. 258).

Таким образом, если В. Л. Комарович рассматривал Повесть в составе цикла потому, что считал ее созданной в рамках и на основе этого цикла,

то Д. С. Лихачев, отмечая предшествующий включению Повести в цикл самостоятельный период ее существования, сосредоточил свое внимание на том этапе жизни памятника, который подтвержден рукописными материалами, т. е. начиная с XVI в.

Подчеркнув, что говорить о редакциях памятников Заразского цикла можно, как правило, на основе текстовых отличий ПорРБ, ученый определил наличие двух редакций, которые были источником всех остальных, и обозначил их как основные А и Б, причем Б представлена двумя видами — Б₁ и Б₂. Д. С. Лихачев отметил, что «текстовые отличия между ред. А и Б не дают возможности говорить о несомненном старшинстве одной из них». Три старших списка ПорРБ, относящиеся ко второй трети XVI в., передают тексты ред. А и двух видов Б.⁵

Вопрос о взаимоотношении между тремя древнейшими списками, представляющими тексты ред. А, Б₁ и Б₂ ПорРБ, еще не ставился исследователями.

Проделанный текстологический анализ позволил прийти к выводу, что ред. Б₁ и ред. Б₂ восходят к общему источнику, который был дополнен составителем Б₁, а в редакции Б₂, как правило, сокращался.

Отсутствие прямой связи между Б₁ и Б₂ подтверждается тем, что среди текстовых отличий между ними наблюдается совпадение с текстом ред. А чтений, то содержащихся в Б₁, то зафиксированных в Б₂. Причем это может быть совпадение как отдельных слов, так и целых фрагментов. В качестве примеров можно остановиться на следующих:

ред. А	ред. Б ₁	ред. Б ₂
1) «... прося помощи у него на безбожного царя Батые, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирской сам не пошел...».	«...прося помощи у него на безбожного царя Батые или бы сам пошел. <i>А сам князь велики с братею вборзе начаша совокупляти войско свое и укрепляти.</i> Князь великий Георгий Всеволодовичь...».	«...прося помощи у него на безбожного царя Батые, или бы сам пошел. Князь великий...».
2) «...не успевати наливати чаш на великую силу — <i>рать татарскую</i> ».	«...не успевати наливати чаш на великую силу татарскую».	«...не успевати наливати чашю на <i>толику</i> силу и великую <i>рать</i> тотарскую».
3) «Татарове мняша, яко мертви восташа».	—	«Татарове же мняща, яко мертви вьстаща».
4) «...подивися ответу их <i>мудрому</i> ».	«...подивися ответу их <i>мудрому</i> ».	«...подивися ответу их».
5) «О Коловрате Еупатие! <i>Гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною. Да многих богатырей сильной Орды побил еси, и многие полкы падоша.</i> Аще бы у меня...».	«Брате Еупатие! <i>Гораздо еси меня потщивал с малою своею дружиною. Да многих нарочитых богатырей сильныя Орды побил еси, и многия от тебе падоша.</i> Аще ли бы...».	«О Коловрате Еупатие! Аще бы еси...».

Дополнения, сделанные составителем Б₁ к тексту их общего с Б₂ протографа, носят, как правило, дидактический или повествовательный характер.

Таким дополнением, в частности, является так называемое дидактическое вступление, которое является одной из главных отличительных примет

⁵ Ред. А — ГБЛ, Волоколамское собр., № 532 (вторая треть XVI в.); Б₁ — ГПБ, собр. Погодина, № 159 (1587 г. — по пасхалии); Б₂ — ГПБ, собр. Погодина, № 642 (последняя четверть XVI в.). Далее в статье цитаты из текста Повести приводятся по публикации Д. С. Лихачева.

ред. Б₁: «...попущающу Богу за грехи наша иногда глад бысть велий, а иногда трус, и градове велиций, и овогда пожар, и нашествие поганых, и межусобна брань за наше прегрешение» (его нет ни в Б₂, ни в А).

Распространенным оказалось в ред. Б₁ и обращение князя Юрия Ингоревича к братьям и дружине: «Лутши нам смертью живота *собе* купити, за *святыя* Божиа церкви и за веру крестьянскую смерти *вкусити*, а неже в сего окаянного и безбожнаго царя воли быти!» (ср.: «Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воле быти!» — в ред. А).

Как дополнения повествовательного характера можно рассматривать, например, такие: «Посла сына своего князя Федора Юрьевича и иных князей к безбожному царю Батыю», «...или бы сам пошел. А сам князь велики с братею вборзе нача совокупляти войско свое и укрепляти», «...и плакашеся пред образом... пречистой Его матери Одигитрие, юже принесе епископ Ефросин из Святыя Горы...» (сведение из «Сказания о перенесении Николина образа») и ряд других.

В тексте ред. Б₂ очевидны сокращения, которым подвергся текст протографа, среди которых были и мелкие, незначительные с точки зрения художественной организации памятника («подивися ответу их» — вместо «подивися ответу их мудрому»; «удалцы и резвцы, воспитание резанское» — вместо «удальцы и резвцы, воспитание и узорочье резанское» и др.)

Ряд сокращений привел к существенным изменениям в структуре повествования. Это прежде всего относится к трем фрагментам ПорРБ: молитве Юрия Ингоревича Рязанского, обращению его к братьям и дружине, описанию прощания князя с родными и «всем миром» (эти эпизоды, несколько отличающиеся друг от друга планом выражения, читаются и в ред. А, и в ред. Б₁). Поскольку все три фрагмента в тексте произведения следуют друг за другом и объем их значителен, то можно предположить, что источником ред. Б₂ была рукопись, в которой оказался утраченным один лист (если рукопись была в 4^о).

Кроме трех указанных эпизодов в ред. Б₂ были опущены слова Юрия Ингоревича, которые он произносит после гибели своего брата — Давида Муромского. В ред. Б₁ читаем: «Един бяшеся с тысящми, а два — со тмами. И видя князь великий Юрьи Игоревич убиенна брата своего князя Давида Игоревича, и инех князей и сродник своих, и воскрича в горести души своея: „Братиа моя милая и дружина ласкова, узорочье и воспитание резанское! Мужайтеся и крепитеся. Брат наш Давид преже нас чашу испил. И мы ли ее не пьем?“. Удолцы же и резвцы резанския тако бяшеся крепко и нещадно, яко и земле постонати». В ред. Б₂ этот эпизод имеет вид: «Един бяшеся с тысящью, а два — съ тмою. Мнози бо князи рязанския и воеводы крепкия, и удалцы и резвцы, и узорочие и въспитание рязанское падоша».

Составителем ред. Б₂ был исключен из текста источника повтор, имеющий композиционную функцию,⁶ который в ред. А и Б₁ ПорРБ первый раз звучал после гибели князей с дружиной: «Вси равно умроша, и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возвратися вспять: вси вкупе мертвии лежаща. Сея бо наведе Бог грех ради наших».

Но наряду с сокращениями в текст ред. Б₂ были введены и добавления по сравнению с ред. Б₁ и А. Прежде всего они связаны с фигурой Евпатия

⁶ См.: Евсеева И. А. Анализ формульного стиля «Повести о разорении Рязани Батыем» // Рукописная традиция XVI—XIX веков на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120—126. Отметим, что в Хронографической ред. Повести XVI в. композиционная функция повтора уже не ощущалась. В редакциях XVII в. наблюдается та же тенденция и изменения ведутся в том же направлении, что и в ред. Б.

Коловрата. В этой редакции он получил отчество — Львович. А главное, в ред. Б₂ читается описание похорон Евпатия, торжественных и чинных, включенных в описание княжеских погребений: «Принесоша бо Еупатиа въ град Рязань, и срете его сам князь великий Ингварь съ епископом, и съ останочными людьми. И взя тело его князь великий съ множеством народа, и понесоша его на главах чествоно, и целова его любезно, и плакашися над ним князь великий со всеми людьми. И даша хвалу Богови, и надгробное пеша, и похраниша его въ святей соборней и апостолстей церкви генваря в 11 день». Рассказ о погребении Евпатия, предваряющий описание похорон князей Ингварем Ингоревицем, как нам кажется, зависит от читающегося во всех редакциях описания погребения Олега Красного (это описание есть и в Б₂): «Великий князь Ингварь Ингоревиць поиде къ граду Проньску, и собра труп брата своего князя Олега Ингоревица Краснаго, и несе въ град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингоревиць до града понесе, и целова ю любезно, и положиша его в соборной апостольской церкви с великим князем Георгием Ингоревицем въ единой раце». Причем, только ред. Б₂ содержит фрагмент, перекликающийся с описанием действий князя при погребении Евпатия: «...и пев над ними надгробное, и плакася велми с епископом и с останочными людьми, и погребоша их чествоно».

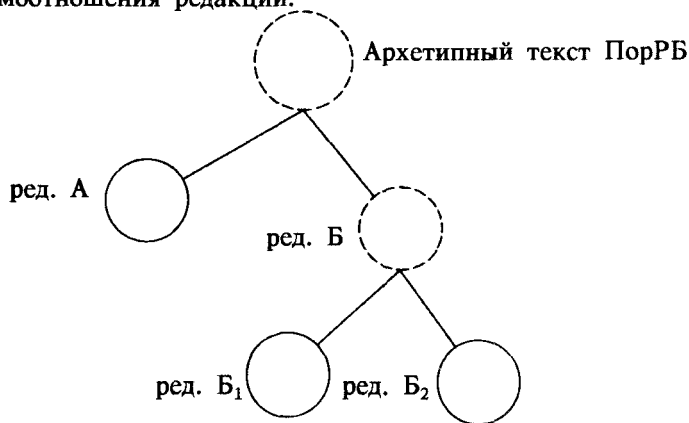
В ред. Б₂ имеются дополнительные — за счет использования «воинских формул» — характеристики в изображении битвы рязанских князей с Батыем: «Страшно бо есть видети, и жалосно, како же проезжая великиа сильныа полки татарския, и храбро и мужественно бияшесе».

Но эти дополнения редки и не снимают замечания об общей тенденции создателя ред. Б₂ к сокращению текста источника, причем сокращаются, как правило, воинские сцены.

То, что ред. Б₁ и Б₂ имеют в своей основе *общий* источник, подтверждается тем, что они отличаются от ред. А последовательностью начальных эпизодов (в ред. А Юрий Ингоревиц сначала обращается за помощью во Владимир, а потом пытается отвести от княжества беду дарами, а в ред. Б обоих видов отказ Юрия Владимирского получен уже после убийства Федора), упоминанием о потехах, которыми Батый начал тешить русских послов (в ред. А об этом не говорится), одинаковым построением рассказа о гибели Олега Красного.

Имеющиеся совпадения с текстом ред. А чтений то ред. Б₁, то ред. Б₂ позволяют сделать вывод, что протограф редакций Б и текст ред. А имели *общий* источник.

На основе предложенных доказательств получается следующая стемма взаимоотношения редакций:

Таким образом, учитывая текстовые различия, можно сделать вывод о том, что текст ред. А более близок архетипному тексту Повести, в то время как ред. Б₁ и Б₂ содержат индивидуальные изменения текста общего источника — ред. В, текст которой также восходит к архетипу.

Поэтому, продолжая сопоставление ред. А с двумя другими старшими редакциями, попытаемся привести дополнительный материал, имеющий датирующее значение. Основой для сопоставления с ред. А следует взять ред. Б₁ (поскольку в ней нет сокращений), однако в тех случаях, когда в ред. Б₂ есть несовпадения с Б₁, они будут учитываться.

Монголо-татарское нашествие на Русь 1237—1240 гг. и установление ига ввело в древнерусскую литературу трагическую тему «погибели Русской земли», ставшую основной для произведений всех жанров XIII—XIV вв.: летописного, агиографического («Житие Михаила Черниговского», «Житие Михаила Тверского») и жанра ораторской прозы («Слова» Серапиона Владимирского, «Слово о погибели Русской земли»). Тема героической борьбы с татарами продолжала звучать в памятниках более позднего времени («Казанской истории», «Китежской легенде» и др.), но со временем менялось восприятие нашествия, набор художественных приемов в его изображении.

Старшие редакции отличаются друг от друга не только текстологически, но и в идейном плане, в принципах цитирования и в ритмико-синтаксической организации.

Так как временем создания Повести по приведенным доказательствам можно считать первую половину XIV в.,⁷ то для сравнения мы привлекаем «Слова» Серапиона Владимирского, не использовавшиеся ранее для такого сопоставления и посвященные той же теме — теме «великой конечной погибели» (именно таким образом воспринимали современники нашествие монголо-татар на Русь).⁸

Одним из основных признаков принадлежности списков к редакции Б₁ является наличие дидактического вступления: «...попущающу Богу за грехи наша иногда глад бысть велий, и иногда трус и градове величый, и овогда пожар, и нашествие поганых, и междуусобна брань за наше прегрешения...». Описание это почти дословно совпадает с известиями о «казнях Божиих», самое раннее из которых читается в «Повести временных лет» под 1068 г.: «Земли же согрешившей, которой любо, казнит Бог смертью, ли голодом, ли наведением поганых, ли ведром, ли гусеницею, ли иными казнями».⁹

Интересно, что только редакция А, не имеющая этого вступления, приводит слова о «великой конечной» (выделено нами. — И. Л.) «погибели» в следующем эпизоде: князь Ингварь Ингоревич приезжает на пепелище и видит «множество много мертвых лежаща, и град разорен, церкви позжены, и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно воскричаша...». Нашествие татар для создателя этой редакции — не просто одна из «казней Божиих», но предвестие конца света, знак «последних времен». Существовало, что в 1270-х гг. Серапион Владимирский воспринимал «пленение Русской земли» именно так: в его «Словах» постоянно присутствует мысль о знамениях «последних лет»: «...и в последние

⁷ Лихачев Д. С. Повести о Николe Заразском. С. 258.

⁸ Так, например, в Повести о битве на реке Калке в 1223 г., датируемой 30-ми гг. XIII в., автор приводит слова из «Откровения Мефодия Патарского» о пленении всей земли «языком неведомым» как о знамении «к скончанью времен». См.: ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. 1. С. 445.

⁹ Там же. С. 167—168.

лета будут знаменья в солнци, и в луне, и в звездах, и труси по местом, и глади».¹⁰ Хотя лексически данное место близко к дидактическому вступлению в ред. Б₁, ибо источник и у Серапиона, и у летописца, и у создателя редакции был один (библейские эсхатологические тексты),¹¹ но идеи о «великой конечной погибели», очень существенной для сознания людей второй половины XIII в., ред. Б и первого и второго видов не содержит. Отметим, что в XIV в. монголо-татарское пленение стало восприниматься уже как одна из «казней Божиих» и оказалось лишенным эсхатологического звучания. (Так, например, рассказывая о желании Мамаю стать «вторым Батыем», автор «Сказания о Мамаевом побоище» замечает: «...не разумеша нечестивый... яко же во оны дни Иерусалим пленен бысть мерским царем Навходоносором вавилонским за их согрешение, но не до конца (выделено нами. — И. Л.) прогневается Господь, ни в веки враждует»). Таким образом, легко заметить, что в идейном отношении ред. А ближе Серапиону Владимирскому, чем Б₁ и Б₂ (в которой нет ни вступления, ни слов о «великой конечной погибели»). И независимо от того, является ли это сходство результатом осмысления нашествия современниками или следствием знакомства создателя ред. А с произведениями Серапиона, первоначальность самого такого восприятия бесспорна. Ред. Б, напротив, оказывается ближе по трактовке Батыевщины к памятникам более поздним (см., например, известие о взятии Москвы Тохтамышем в 1382 г. и др.).

С этой же мыслью о «великой конечной погибели» связано и сообщение в ред. А ПорРБ о том, что в Рязани погибли все ее защитники: «И не оста во граде ни един живых. Все равно умроша, и едину чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюща, ни плачюща: и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду. Но вси вкупе мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших». В ред. Б₁ и Б₂ это описание (с незначительными лексическими и грамматическими вариантами) также есть. Но в редакциях Б есть известие о захваченных в плен жителях города: «...а ини нкюзи в полон поведени быша». Сообщение это, на первый взгляд, развивающее мысль о бедах, постигших рязанскую землю, нейтрализует в центральном эпизоде ее главный символический образ — образ единой смертной чаши для всех. Ведь и отчаянная битва Евпатия продолжает в ПорРБ тему единства судьбы: оставшиеся в живых пьют ту же смертную чашу, которая миновала их случайно. Таким образом, в ред. А тема «великой конечной погибели» проведена последовательно.

Близость к «Словам» Серапиона Владимирского текста Повести в ред. А не исчерпывается только идейной близостью. И создатель ред. А, и проповедник используют одинаковый принцип цитирования. Приведем один пример. Так, молитва князя Юрия: «Изми нас от враг наших, Боже, и от востающих на нь избави нас, и покры нас от сонма лукавнующих и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок» — составлена из стихов различных псалмов (ср.: «Изми мя от враг моих, Боже, и от востающих на мя избави мя» — Пс. 65, 2; «Покрый мя от сонма лукавнующих» — Пс. 63, 3; «Да будет путь их тма и ползок» — Пс. 34, 7, а слова

¹⁰ Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века: Исследования Е. Петухова СПб., 1888. Приложения. С. 1.

¹¹ Л. П. Жуковская убедительно показала, что лексические разночтения в библейских текстах не имеют датирующего значения: в одно время сосуществовали тексты с различными лексическими вариантами. Потому оказывается невозможным датировать произведения по тому виду, который имеют библейские цитаты. См.: Жуковская Л. П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению, их значение и методика исследования. М., 1963. С. 20—35.

«и от множества творящих безаконие» — результат соединения частей стихов 65-го псалма — «избави мя от делающих безаконие» и 13-го — «от множества творящих неправду»). Использование стихов различных псалмов для создания своего текста характерно для творчества и Серапиона: так, «Господи, виждь смирения наша, отпусти вся грехы наша, обрати ны, Боже, Спасителю наш, возврати ярость Свою от нас, да не век прогневаеши на ны, ни да прострещи гнев Свои от рода в род»¹² — результат соединения 18-го стиха 24-го псалма «Виждь смирение мое, и труд мой, и отпусти вся грехы моя» и 5—6-го стихов 84-го псалма: «Обрати ны, Боже, Спасителю наш, и возврати ярость Свою от нас, егда в век прогневаеши на ны или прострещи гнев Твои от рода в род». Является очевидным, что и редактор А, и Серапион не просто используют библейский источник как материал, на основе которого создают «свой» текст, но опускают отдельные слова и меняют порядок их, подчиняя созданную конструкцию единому ритму.¹³ В ред. Б в большинстве случаев используются цитаты, приводимые в А, но они часто оказываются дополненными по тексту источника. Так, указанная молитва продолжена следующими словами: «Не попусти, Господи, сему окоянному владети Рускою землею, и нам, рабом Твоим, не дай в воле его быти». Увеличение объема библейского текста в речи — прием, характерный для литературы более позднего времени (см. молитвы Дмитрия Донского перед битвой в «Сказании о Мамаевом побоище») и указывающий на «вторичность» текста.

Основным материалом для ритмического сопоставления являются некоторые реминисценции и заимствования из Священного Писания в Повести, которые уже в силу своей ориентированности на «чужой» ритмически организованный текст позволяют особенно ярко ощутить разницу в подходе к общему источнику: если ред. А дает чтения, в которых отчетливо стремление к ритмико-синтаксической организации, то в ред. Б₁, Б₂ нет сознательной установки на таковую.

С мотивом «великой конечной гибели» связана одна из основных тем ПорРБ — тема плача. Рассмотрим два таких фрагмента в двух старших редакциях. В рассказе о «рыдании» над Рязанской землей Ингваря Инговича в ред. А читаем:

Кто бо не возплачетца толикаа погибели,
или хто не възрыдает о селице народе людей православных,
или хто не пожалит толика побито великих Государей,
или хто не постонет таковаго пленения?

Источником этой реминисценции можно считать III Книгу Маккавейскую (4, 3): «Кая страна, или кое весьма обитаемое место, или кия стогны плача и рыдания о них не наполняхуся?». Однако в ред. А очевиден достаточно жесткий принцип синтаксического параллелизма: вопросительное

¹² Серапион Владимирский... С. 1.

¹³ Причем последнее — особенно существенно. Если сравнить принципы цитирования в ред. А и у Серапиона с теми, которые наблюдаются у Епифания Премудрого, например, то легко обнаружить, что писатель XV в., во-первых, обычно ссылается на источник («яко же рече Священное Писание», «Яко речено бысть в Писании», «такое Давид-пророк рече», «другому апостолу, глаголющу» и т. п.); во-вторых, не очень частые для него случаи соединения текстов различных источников либо оговаривает («а еще тако же рещи»), либо разбивает их своим текстом («Господь даст глас» — Пс. 57, 12; «...сега ради преклоняю колени мои к Отцу Господу нашего Иисуса Христа, от Него же — всяко даение блага, всяк дар свершен, свыше есть сходя» — Кн. Иакова. 1, 17), либо сохраняет ритмическую организацию, которая была в источнике, и стихи различных псалмов являются семантическими повторами («Господи, устне мои отверзеши, и уста моя възвестят хвалу Твою» — Пс. 1, 17; «...да исполняется уста моя похвалы, яко да восхвалю славу Твою» — Пс. 70, 8). Соединение стихов псалмов в молитву всегда осуществляется как точная передача собственных ритмов источников.

местоимение (кто) — синонимические трех-четырёхсложные глаголы (возплачетца—возрыдает—пожалит—постонет) — усилительное слово (толика—селице—толико—такового) — дополнение (в 1-й и 4-й строках выраженное четырёхсложным существительным в род. падеже: «погибели» — «пленения», а во 2-й и 3-й — словосочетаниями из 3 слов: «народе людей православных» — «побито великих государей»). Бесспорно, что ритмическая организация рассмотренного описания отлична от заданной источником.

Показательно, что и Серапион Владимирский чаще всего создавал свой ритмический рисунок, который также заметно отличается от библейского. Так, например, слова: «И величество наше смерися, красота наша погыбе, богатство наше инем в корысть бысть»¹⁴ — являются реминисценцией библейских: «И се святая наша, и красота наша, и слава наша опусте» (I Книга Маккавейская. 2, 12¹⁵), но основой ритмической организации выступает очевидный синтаксический параллелизм. Таким образом, можно говорить о некоем (самом общем) совпадении принципа ритмизации у Серапиона Владимирского и в ред. А.

В ред. Б₁ дается иное чтение рассказа о плаче князя Ингваря:

Кто бо не возплачетца такие погибели,
или кто не возрыдает о селице народе людей,
или кто не пожалит множества государей, и храбрых воевод, и нарочитых людей
напрасно нужную смертью скончашеся,
или кто не постонет такового пленения?

В этом случае произошло нарушение синтаксического параллелизма: 3-я строка оказалась осложненной пространным перечислением («государей, и храбрых воевод, и нарочитых людей») и дополнительной оценкой («напрасно нужную смертью скончашеся»).

В ред. Б₂ приведен вариант, ощутимо связанный с Б₁, но более краткий:

Кто бо не всплачется такая погибели,
или кто не възрыдает о селице народе людей напрасно нужную смертью скончашеся,
или кто не постонет такового пленения?

Во фрагменте, читающемся в ред. Б₂, отсутствует 3-я строка (о гибели государей), а оценка отнесена ко 2-й строке. Можно предположить, что в протографе Б этот фрагмент был таким, как в Б₁, а Б₂ сократил его.

Не менее интересно создание другой реминисценции. Князь Ингварь, обращаясь к погибшим братьям в ред. А, говорит:

Язык мой связается,
уста загражаются,
зрак опусмевае,
крепость изнемогае.

К данному месту можно привести несколько библейских параллелей: «Изше, яко скудель, крепость моя, и язык мой прильпе гортани моему» (Пс. 21, 16); «Заградишася уста моя» (Пс. 62, 12); «Оскудеша очи мои в слезах» (Плач Иеремии. 2, 11) и др. Вновь на библейской основе автор создает свой синтаксически завершённый образ, который является результатом последовательного соединения простых предложений, где на первом

¹⁴ Серапион Владимирский... С. 10.

¹⁵ Этот же источник использует Повесть, где о земле Рязанской сказано: «Изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети, токмо дым и пепел» (в Б — «и земля»). Интересно, что третья часть этой реминисценции распространена по сравнению с предыдущими двумя, совпадая с точки зрения ритмической организации с ритмом, предложенным Серапионом.

месте — подлежащее, на втором — сказуемое, выраженное глаголом в форме настоящего времени. Причем притяжательное местоимение «мой» в 1-й строке дает ей 7-й слог (столько же, сколько и во 2-й), в 3-й — 6 слогов, в 4-й — снова 7. Не имея возможности остановиться на этом вопросе более подробно, отметим все же стремление к слововому равенству. Кроме того, 1-я и 2-я строки имеют одинаковый последний слог (-ся), так же, как и 3-я и 4-я (-ет), что можно расценить как установку автора на звуковой параллелизм.

В ред. Б₁ и Б₂ дан вариант, который дословно совпадает с описанием плача княгини Евдокии в «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Русского»: ¹⁶ «Язык мой связывается, уста заграждаются, гортань премолакает, смысл изменяется, зрак опусмеваает, крепость изнемогает». По сравнению с ред. А здесь добавлены два ряда, в первом из которых глагол не имеет -ся, а во втором — имеет. Данное описание стало общим местом описания состояния героя в минуту горя.

Чтобы убедиться, что сделанные наблюдения справедливы для всего текста Повести, а не только для отрывков, использующих библейские параллели, обратимся в качестве примера к описанию гибели Олега Красного. Попавший в плен князь отказывается предать веру, и Батый приказывает убить его. В ред. А читаем:

Сий бо есть второй страстоположник Стефан,
приа венець своего страдания от всемилостиваго Бога,
и испи чашу смертную своею братеку равно.

В ред. Б₁ и Б₂ этот эпизод имеет следующий вид:

Сий бо есть мученик Христов,
приа венець своего изповедания и мучения со сродником своим блаженным
князем Феодором Юрьевичем
и приаща венца нетленная от всемилостиваго Бога.

Отметим, во-первых, что в ред. Б Стефан (первый, согласно Деяниям апостолов, из последователей Христа, погибший за веру) заменен безличным «мученик Христов» (а для создателя первоначального текста, вероятно, было важно подчеркнуть равновеликость жребия первомученика и брата рязанского князя), во-вторых, в эпизод введен Федор, который действительно был первой жертвой татар (т. е. сделано «историческое исправление», характерное для вторичного текста, причем упущено из виду, что погибли уже все рязанские князья: «исправление» неточно), но погиб он за смелый ответ Батыю, а не за отказ отречься от веры. Таким образом, в ред. А князья погибают гордыми послами — Федор (эпическое изображение смерти), мужественными воинами — Юрий с братьями (воинско-агиографический план), первомучеником — Олег (агиографический принцип описания), что тоже небезразлично идейному содержанию Повести.

Но для целей настоящей статьи важнее то, что если в ред. А можно говорить о ритмической организации (так, «приа венець своего страдания от всемилостиваго Бога» и «испи чашу смертную своею братеку равно» построены по законам синтаксического параллелизма, хотя и неполного), то в редакциях Б таковая отсутствует.

Таким образом, в ред. А ощутима установка на ритмическую организацию текста, которая ближе к принципам создания ритма в памятниках литературы более ранней поры (XII—середина XIII в.), чем в ред. Б.

¹⁶ Первым связь этих плачей отметил А. И. Соболевский. См.: Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве» // ИОРЯС. Л., 1929. Т. 2, кн. 1. С. 181.

В ред. Б отсутствует внимание к ритмической организации текста, отсюда — «обрастание» синтаксических рядов этикетными деталями.

Представляется, что сделанные наблюдения могут подтвердить основанное на текстологическом материале суждение о том, что в ред. А даются чтения, более близкие архетипу.

Вопрос о том, каким был первоначальный текст ПорРБ, является особой проблемой: сюжетность повествования, позволяющая легко вычленять эпизоды (приход татар — посольство Федора — самоубийство Евпраксии — подготовка к битве и прощание князей — битва с Батыем — гибель Олега Рязанского — разорение Рязани — битва Евпатия с дружиной — приход Ингваря — похороны и плач князя — похвала роду рязанских князей), позволила в свое время И. У. Будовницу высказать мысль о том, что «все отмеченные моменты религиозного и рыцарского порядка (за исключением, пожалуй, эпизода с Евпатием Коловратом) носят характер искусственной и механической пристройки».¹⁷ Д. С. Лихачев, полемизируя с этим утверждением о механическом характере соединения эпизодов Повести, подчеркивал единство стилистической манеры Повести, слитность всех ее эпизодов в единое целое.¹⁸

Истории сложения ПорРБ посвящена специальная работа Д. С. Лихачева.¹⁹ Исследователь обратился к тексту, содержащемуся под 1238 г. в Новгородской I летописи по Синодальному списку, опубликованной А. Н. Насоновым.²⁰ Принимая тезис В. Л. Комаровича о том, что Новгородская I «сохранила остатки рязанского свода князя Ингваря Ингоревича»,²¹ Д. С. Лихачев доказал рязанское происхождение двух рассказов Новгородской I летописи — под 1218 г. (повествование об убийстве Глебом Рязанским своих братьев) и под 1238 г.²² Проанализировав сообщение о Батыевом нашествии, ученый отметил ряд совпадений с ним описаний, содержащихся в ПорРБ, при том, что имеются отличия: ряда живых подробностей, содержащихся в летописи, нет в Повести (так, среди послов была «жена-чародейца», татары «острогом оградища» Рязань и т. д.). Д. С. Лихачев сделал вывод о том, что в основе известий Новгородской I о событиях Батыева нашествия и ПорРБ лежит общий источник: рассказ не дошедшей до нас Рязанской летописи, который был значительно сокращен в Новгородской I и «расширен вставками» в ПорРБ.²³

В качестве таких вставок Д. С. Лихачев назвал все те фрагменты, которые и составляют сюжет Повести: во-первых, эпизод с Евпатием, поскольку «не встречается он... во всех тех памятниках конца XIV—начала XV в., на которые повлияла Повесть о разорении Рязани»; во-вторых, рассказ о самоубийстве Евпраксии, так как он «дважды нашел свое отражение в Повести, очевидно, по недосмотру компилятора»; в-третьих, плач Ингваря Ингоревича, в силу того, что он «создан явно под влиянием позднейшего плача Евдокии...»; в-четвертых, «характер вставки носит и

¹⁷ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI—XIV вв. М., 1960. С. 352.

¹⁸ Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения Древней Руси. М., 1975. С. 234—235.

¹⁹ См.: Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 48—52.

²⁰ Насонов А. Н. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
²¹ Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 74—77. В настоящее время существует специальная работа о рязанском летописании: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

²² Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем». С. 50.
²³ Так же. С. 51.

рассказ о гибели Олега Красного». «Если мы исключим из Повести о разорении Рязани все эти вставки, то получим приблизительно то самое содержание, которое отразилось в рассказе Новгородской I летописи».²⁴

Такой вывод не представляется бесспорным по целому ряду соображений.

Так, в частности, в «Задонщине» обнаруживаются следы влияния ПорРБ, причем именно фрагмента, рассказывающего о битве с татарами дружины Евпатия. Кроме реминисценций, отмеченных Д. С. Лихачевым,²⁵ можно увидеть следующие. «Фрязи» отвечают Мамаю: «Нешто *тобя* князи русские *горазно подчивали*, ни князей с тобою, ни воевод. Нечто *гораздо упилися* у быстрого Дону на поле Куликове, на *траве-ковылее!*». Обращение к эпизоду о Евпатии Коловрате позволяет найти источник данной реминисценции. Когда Батый обращается к убитому Евпатию, то произносит: «*Гораздо еси меня подчивал* малою своею дружиною, да многих богатырей сильной Орды побил еси, и многие полки падоша». Реализацией соединения двух других мотивов того же фрагмента можно считать и метафору «гораздо упилися»: воины Евпатия отвечают Батыю: «Не подиви, царю, *не успевати наливати чаш* на великую силу — рать татарскую», а их враги стали «*аки пианы*».

Таким образом, фрагмент о Евпатии Коловрате читался в ПорРБ еще до 1393 г.²⁶

Что касается эпизода гибели Евпраксии, то, как уже отмечалось, с не меньшими основаниями его можно считать вставкой в «Сказание о перенесении Николина образа», тем более что очевиден компилятивный характер самого «Сказания», которое образовано четырьмя эпизодами, отличными по стилю и слабо связанными сюжетно.

Первый из эпизодов, по существу, посвящен не столько известию о принесянии Николина образа, сколько информации о Калкской битве: «В лето 6730. Приход из Корсуна чудотворнаго Николы образа Зараскаго. Како приде из пременитаго града Херсони в пределы Рязанския в третье лето по Калском побоище. Тогда убито много князей русских, и стаха князи рустии за половець. А побииени быша за Днепром на речке на Хортицы на Калском поле Половецкой земли, на Калках, месяца июня в 16 день». Стиль фрагмента ощутимо связан с летописным типом повествования.

Второй эпизод, датированный 6733 г., вновь повторяет известие о приходе святыни «в пределы резаньския во область благоверна князя Федора Юрьевича Резанского», но главным в этом фрагменте «Сказания» становится рассказ о крещении князя Владимира Святославича, находящийся в сложных отношениях, как уже отмечалось Д. С. Лихачевым, с летописными источниками. А. Поппэ заметил,²⁷ что именование крестившего Владимира Анастаса епископом происходит в позднейшей распространенной редакции Жития Владимира. Повествование о крещении в целом ничем не связано

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ Лихачев Д. С. «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 281—285. Исследователь отметил, что «Задонщина» прежде всего «берет этикетную последовательность» повествования.

²⁶ В настоящее время большинство ученых признает предложенную М. Н. Тихомировым верхнюю границу датировки «Задонщины» — 1393 г. Основания этой датировки, которая представляется убедительной, приведены: Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 203.

²⁷ Интересное и спорное исследование А. Поппэ содержит ряд доказательств позднего происхождения культа Николы Корсунского, появление которого связывается с 1530-ми гг. (к этому же времени относится и создание «сказания»). См.: Поппэ А. К начальной истории культа св. Николы Зараского // Essays in Honor of A. A. Zimin / Slavica Publishers Inc. Edited by D. C. Waugh. 1985. P. 289—304.

с темой иконы Николы, кроме того, что «стоял чудотворный образ во граде Корсуні посреди града, близ церкви», где крестился Владимир Святославич.

Третьим следует яркое повествование о явлении Николы Евстафию и пути священника с женою и сыном на Русь, которое, как представляется, содержит мотив предыдущего фрагмента: сообщение о слепоте Евстафия повторяет известие о слепоте Владимира. Завершается этот фрагмент предсказанием, что Федор сподобится мученического венца вместе с женой и сыном. Отметим, что смерть Федора как смерть мученика за веру осознается уже в редакциях Б, а затем — во всех редакциях ПорРБ XVI—XVII вв., в ред. А смерть Федора с агиографически разработанным мотивом мученичества не связывалась.

И вероятнее всего, ПорРБ, существовавшая до создания Заразского цикла, послужила первоначальным источником краткого сообщения о судьбе Федора, его жены и сына.

Поскольку Д. С. Лихачев не приводил доказательств того, что рассказ о гибели Олега Красного — вставка, то ограничусь лишь замечанием, что эпизод этот в тексте ПорРБ подчинен общей идее памятника и выполняет особую функцию.

Вопрос о плаче Ингваря Ингоровича достаточно сложен. Однако даже если считать, что на плач повлиял плач княгини Евдокии,²⁸ то нельзя исключить ни возможности привнесения в существовавший плач Ингваря *части* образов, связывающих два плача, ни того, что первоначально в плаче Ингваря Ингоровича было описание плача Ингваря только как действия (а потому более позднее появление и плача как слова не может служить доказательством вторичности всего фрагмента в целом), ни, наконец, того, что оба плача восходят к одному источнику.

Важно иметь в виду, что ПорРБ «не является документальным описанием борьбы рязанцев с вторгшимся в пределы княжества врагом».²⁹

Представляется, что это литературное произведение находится с историческим фактом (разгромом Рязани) в таком же соотношении, как, например, «Слово о полку Игореве» с Игоревым походом 1185 г. Все элементы сюжета ПорРБ подчинены четкому идейно-художественному замыслу автора, точно так же, как и поход Игоря становится темой для рассуждений автора «Слова...» о судьбах Руси, ее «обидах», чести и славе.

К пониманию замысла ПорРБ как литературного произведения позволяет приблизиться анализ ее старшей редакции.

Тема «великой конечной погибели» — основная тема ПорРБ — определила, как кажется, тот особый принцип отбора и переосмысления исторического материала, на основе которого был создан памятник.

Прежде всего это относится к «сведению в единое братское войско» рязанских князей — участников битвы с татарами и князей, уже умерших к тому времени. По летописным источникам известно, — и это неоднократно отмечалось исследователями, — что Давид Муромский умер в 1228 г., Всеволод Пронский — в 1208 г., Кир Михайло Всеволодович — в 1218 г., Ингварь Ингорович — в 1220 г. (его и сменил на рязанском столе Юрий Ингорович); Глеб Коломенский и Федор Юрьевич не известны по другим источникам, а Олег Красный не был убит Батыем: он вернулся из плена в 1252 г. Мученически погиб сын Олега — князь Роман, убитый в Орде в

²⁸ Такую точку зрения, высказанную В. П. Адриановой-Перетц (см.: Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974), поддерживает большинство ученых.

²⁹ Дмитриев Л. А. Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237 г. — конец XIII века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 117.

1270 г. Не упомянут в Повести Роман Ингоревич, погибший в битве с монголо-татарами во Владимирских землях (именно его, как полагают, отправил Юрий Рязанский за помощью во Владимир).

Объясняется эта неисторичность либо большой временной отдаленностью (В. Л. Комарович, И. У. Будовниц, А. Поппэ), либо эпическим осмыслением Батыева нашествия (Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев).

Утверждение о большой временной отдаленности Повести от событий 1237 г. вызывает ряд возражений. Во-первых, автор памятника упоминает о родственных связях рязанских князей с киевскими и черниговскими. Такие связи действительно существовали в XII в.: князь Роман Глебович, борющийся за независимость Рязанского княжества от князя владимиросуздалского Всеволода Большое Гнездо, был женат на дочери Святослава Всеволодовича Черниговского (героя «Слова о полку Игореве»), а его брат Ярослав Глебович — на дочери Рюрика Ростиславича Киевского. Поэтому упоминание о расхищении монголо-татарами богатств рязанских князей и «сродник их черниговское и киевское» исторически точно.

Во-вторых, не случайно и упоминание о том, что муромский князь участвовал в битве вместе со своим старшим братом — рязанским князем. Еще перед 1392 г. — годом присоединения Муромского княжества к Московскому Муром стал самостоятельным княжеством. Возможно, подчеркнутая родственная связь между Рязанью и Муромом была призвана напомнить о единстве Рязанской земли.

В-третьих, описание участия в войне с Батыем в войске старшего брата коломенского князя связано тоже с политическими проблемами XII—XIII вв. Начиная с 1162 г. князья владимиросуздалские воевали с Рязанью за Коломну. В 1179 г. Глеб Рязанский умер в плену у Всеволода, не пожелав уступить победившему противнику этот город. После разгрома Рязани монголо-татарами князь Ярослав Всеволодович пытался присоединить Коломну все к тому же Владимирскому княжеству. Борьба Всеволодовичей с Рязанским княжеством за Коломну трагически завершилась лишь в начале XIV в., когда по приказу Юрия Московского в 1319 г. был убит Константин Рязанский, взятый в плен Даниилом Александровичем и отказавшийся отдать Коломну в качестве выкупа за свою свободу. После того, как попытки Ярослава Константиновича вернуть Коломну не увенчались успехом, рязанские князья были вынуждены признать Коломну московским владением.

Таким образом, появление в братском войске рязанского князя Юрия его братьев Давида Муромского и Глеба Коломенского может быть связано и с публицистической задачей Повести, особенно остро стоявшей в последней трети XIII в.

По сравнению с летописными источниками в тексте ПорРБ произведены существенные изменения в изображении действия рязанских князей.

Во-первых, только в Повести сообщается о том, что вместо дани, которую требовали татары у рязанцев, они отправляют Батыю посольство Федора с дарами. Дань платят побежденные, равные обмениваются дарами. Таким образом, рязанские князья ведут разговор с Батыем как с равным.

Во-вторых, все летописные источники сообщают о том, что рязанские князья бились *в осаде* (это отмечено и Новгородской I летописью, в которой сведения о разгроме основаны на материалах несохранившегося Рязанского летописания).

В Повести Юрий с братьями и дружиной выступает навстречу Батыю. Рассказ о битве рязанских князей и дружины является в тексте Повести важным элементом сюжета. Оформление первой его части — рассказа о

подготовке к битве с Батыем — этикетно. И этикетность эта связана как с этикетностью изображения князя-воина (приготовление полков, обращение к дружине³⁰), так и с традицией описания действий князя-христианина, готовящегося биться с «погаными» («...и возде руце на небо со слезами, и рече: „Изми нас от враг наших, Боже...“», «...и поидоша в церковь, и плакша поидо пред образом...», «и дав последнее целование...»). Вторая часть эпизода повествует о битве с Батыем: «И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и сретоша его близ предел резанских. И нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужественно. И бысть сеча зла и ужасна: мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый и видяше, что господство резанское крепко и мужественно бяшеся, и возбоися. Да противу гневу Божию хто постоит? А Батыеве бо силе велице и тяжце, един бяшеся с тысящею, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича и воскричаша: „О братие моя милая! Князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем?“ Преседоша с коня на конь, и начаша битися прилежно, многиа сильныа полкы Батыевы проеждя, храбро и мужественно бяшеся, яко всем полком татарьским подивитися крепости и мужеству резанскому господству. И едва одолеша их сильныа полкы татарскыа». И заключается повествование о битве референном, о роли которого уже говорилось.

Описание битвы рязанских князей с Батыем построено на повторах, традиционных формулах боя: «бысть сеча зла и ужасна», «храбро и мужественно» (причем последние слова появляются как в авторском описании, так и в восприятии врагов: «Батый и видяше...», «яко всем полком подивитися»), впервые появляется формула «един бяшеся с тысящею, а два со тмою», которая продолжает тему неравной битвы («многиа силныа полкы», «Батыеве бо силе велице и тяжце», «многиа силныа полкы Батыевы»). Подчеркивается трудность, с которой победили татары: «И едва одолеша их...». Таким образом, в ПорРБ рязанская дружина — равный противник «тмочисленной силе» Батыя: при встрече первыми нападают рязанцы («И нападоша на нь»). Т. е. в Повести князья как равные бьются с противником, не случайно поэтому звучит в похвале «паче меры храбры».

Такое отношение автора к своим героям подтверждает наблюдение Д. С. Лихачева, сделанное на другом материале, о том, что «русское понятие о храбрости — это удаль... это храбрость, умноженная на простор для выявления этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте».³¹

Гордость и удаль русских князей, о которой говорится в похвале, подтверждается рассказом о битве, исход которой заранее predetermined (именно поэтому уже в обращении появляется образ смертной чаши), но которая от этого сознания стала лишь яростнее. Эпизод этот принципиально важен для понимания идейного замысла автора: с идеальной точки зрения изображаются в Повести князья, погибшие за свою землю.

³⁰ Ситуация обращения князя к дружине перед битвой, начиная с известных слов князя Святослава, знакома литературным памятникам. Обычно слова Юрия сопоставлялись с призывом князя Игоря в «Слове о полку Игореве». В ПорРБ традиционное обращение начинается библейскими словами: «Аще от руки Господни благая прияхом, — то злая ли не потерпим?». Эти слова принадлежат Иову. Когда ему и его жене сообщают о гибели урожая и скота, то он произнес: «Аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим?» (Кн. Иова. 2, 10). Отметим, что автор Повести усиливает тему смирения по сравнению с источником: Иов произнес эту фразу, когда еще были живы его дети, — их смерть толкнет его на упрек Богу³¹ за несправедливости. Князь Юрий говорит это уже после смерти сына, невестки и внука.

³¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1981. С. 9.

Похвала в ПорРБ связана с основным текстом очень тесно: все слова, отнесенные к рязанским князьям, могут быть подтверждены и на сюжетном уровне. В похвале, например, говорится: «ко... посолником величавы». Князь Федор Юрьевич не утратил этой величавости, сам став послом. Его диалог с Батыем — отказ признать царя победителем, а себя — побежденным: ведь речь идет не только о чести князя, но о чести княжества. Гибель Федора — смерть князя-воина, посла, а не агиографического мученика. Рассказ о самоубийстве Евпраксии³² — не только воплощение темы любви средствами средневековой поэтики, но на идейном уровне продолжение главной темы ПорРБ: татары победили не потому, что есть побежденные, а потому, что их противников не осталось в живых.

Невозможность оставаться в живых побежденным, т. е. признать во враге победителя, движет Евпатием Коловратом. Его дружина — 1700 человек — «нападоша на станы Батыевы» и испытывает из той же «единой смертной чаши», что и вся Рязань. Отметим, что в описании битвы Евпатия с татарами используются те же формулы, что и в рассказе о битве рязанских князей, причем повторяются и мотивы битвы: «бьяше нещадно», «храбро и мужественно», «яко самому царю возбояться». При этом повторившаяся гипербола «един бьяшеса с тысящею, а два — со тмою» в этом эпизоде появляется не в авторском описании, а в оценке татар, что, безусловно, усиливает тему отваги. Взаимопроникающей стала и тема битвы-пира: о том, что не успевают «наливати чаш на великую силу — рать татарскую», говорят воины Евпатия, о том, что татары стали «аки пианы», говорится в авторском описании, в том, что Евпатий с дружиной его «гораздо... подщивал», признается сам Батый. Т. е. в ПорРБ образ битвы-пира становится *темой*, организующей повествование о битве Евпатия. «Люди крылатии и не имеючи смерти», — говорят о погибших в битве рязанцах савноники Батыя.

Эпизод о битве Евпатия, с известной симметрией повторивший эпизод сражения князя Юрия, на идейном уровне оформляет совершенно другую ситуацию: рязанские князья защищали Рязань, дружина Евпатия мстит за нее. Гибнут и те, и другие. Темой, соединяющей воедино все эпизоды Повести, является тема смерти.

Эта тема связывает ПорРБ с традициями жанра «летописной повести» (мы принимаем здесь точку зрения Н. С. Демковой о том, что ПорРБ была создана по модели летописной агиографической повести, рассказывающей о смерти князя).

ПорРБ рассказывает об обстоятельствах смерти рода рязанских князей, содержит великий плач по ним и Рязанской земле, описание погребения и похвалу. Таким образом, жанровой основой литературного памятника является летописная повесть. С жанровой направленностью и связана эмоциональная установка — «плач-похвала». Как и в жанре «летописной повести», в ПорРБ значительно влияние агиографического начала. Так, в

³² По Повести, Евпраксия — греческая царевна (ср. со словами в похвале роду рязанских князей: «к греческим царем велику любовь имуща»), как в свое время Анна, жена Владимира Святославича. Связь с Византией была более тесной у Мономаховичей, но в Повести подчеркивается величие Рязанской земли, и потому женой сына великого рязанского князя становится греческая царевна. Н. С. Демкова обратила мое внимание на сходный принцип использования упоминания о Византии в «Слове о погибели Русской земли»: «И жюр Мануил Цесареградский опас имея, поне и великия дары посылаша к нему (Владимиру Мономаху. — И. Л.), абы под ним великий князь Володимир Цесарягорода не взял». Византийский император Мануил I Комнин не был современником Мономаха, и сам Мономах не воевал с Византией. Но упоминание о Византии, трепетавшей перед русским князем, было необходимо для придания большей славы и величия прошлому Русской земли.

похвале роду рязанских князей неоднократно подчеркиваются (наряду с их реальными чертами) христианские добродетели погибших («святого корене отрасли», «от самых пелен Бога возлюбил», «о церквах... вельми печашеся», «посту и молитве прилежаста» и т. п.). С наибольшей силой агиографическое начало выразилось в образе Олега Красного.

Олег, как и все князья рязанские, воспитан был «в благочестии со всяцем наказании духовнемъ. Отъ самых пелень Бога» возлюбил. Весь израненный, князь попал в плен. «Царь Батый и видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра, и изнемогаючи от великихъ ранъ, и хотя его изврачевати от великихъ ран, и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингоревич укори царя Батыа, и нарекъ его безбожна и врага христианския. Окаяный Батый и дохну огнемъ от мерскаго сердца своего, и вскоре повеле Олга ножи на части раздробити. Сий бо есть второй страстоположникъ Стефан, приа венець своего страдания отъ всемилостиваго Бога...». Смерть Олега Красного — это смерть не только за Русскую землю, это смерть за Бога, т. е. это — смерть святого. Именно поэтому Олег сравнивается с мучеником Стефаном. Положение, в котором оказался Олег, аналогично положению первомученика: так же, как и страстоположник, Олег *первым из русских князей*, оказавшись в руках врагов, отказывается отречься от веры, обрекая себя этим на мученическую кончину. И рязанские князья поэтому являются не только «сродниками» святым Борису и Глебу, но и родными братьями Олегу Красному, принявшему «венец мученика». Святость борьбы с татарами подчеркнута смыслом этого фрагмента.

Итак, и эпизод, повествующий о гибели Олега Рязанского, подчинен той же идее, которая определила сюжет произведения, и не может рассматриваться в качестве вставки.

Таким образом, ПорРБ — литературный памятник, в котором исторические события 1237 г. стали основой повествования, подчиненного единому авторскому замыслу. Главная идея памятника — идея «великой конечной гибели» — определила и принцип отбора исторических фактов, и угол зрения, под которым переосмысливались действительные события, и сюжетное оформление, и образную систему Повести.

Публицистичность звучания, эмоция плача, общность художественных приемов, основная идея сближают ПорРБ с литературой 70-х гг. XIII в., в частности со «Словами» Серапиона Владимирского, но, естественно, произведение ориентировано на другой жанр. Волоколамский список ред. А достаточно близко к архетипному тексту передает то сложное художественное целое, которое являла ПорРБ.

Талант автора Повести отмечался многими исследователями: «...никогда до того ни одно произведение не было исполнено такой веры в моральную силу русских бойцов, в их удаль, отвагу, стойкость и преданность Родине, как то единственное, которое сохранилось от всей, очевидно, немалой рязанской литературы. Созданное на пепелище, оно сохранило тот великолепный „пошиб“ и точность стилистического чекана, по которой опознаются не только личная одаренность автора, но и принадлежность его к целой школе мастерства».³³

Памятник, созданный в традициях высокой книжности, имел длительную и сложную литературную судьбу. Переработка ПорРБ в XVI—XVII вв. позволяет не только проследить историю текста памятника, но и увидеть древность его поэтической системы.³⁴

³³ Лихачев Д. С. Великое наследие... С. 224.

³⁴ См.: Евсева И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем»: Редакции XVI и XVII веков. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1985.

Я. Р. ХОУЛЕТТ

Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «новгородских еретиков жидовская мудрствующих» *

I

Ересь — одно из сложнейших исторических явлений, частично из-за расплывчатости самого понятия. В церковно-юридическом смысле ересь значит «несогласие с догмами официальной церкви,¹ обличенное и осужденное современным ереси общепризнанным авторитетом, принявшим общепризнанные меры (исследование, соборный суд, соборный приговор)».²

Лишь имея в виду такое определение, можем объяснить судьбу Максима Грека и Жанны Д'Арк,³ осужденных современниками за ересь, а после смерти причисленных официальной церковью к лику святых.

В таком смысле слова говорит о еретичествующих и «жидовская мудрствующих» Иосиф Волоцкий во вступительном «Сказании» к «Просветителю», когда он пишет, что до их появления в Новгороде в России не было еретиков: «Во инех же странах... мнози... еретическаа мудрствующе, в рустей же земли... вси славяще святую Троицу, еретика же и злочестива нигдеже никто видел ест». Говоря это, Иосиф Волоцкий в сущности повторял слова архиепископа Геннадия Новгородского архиепископу Иоасафу Ростовскому: «А огнели же князь великий Володимер Киевский крестил всю землю Рускую,... а того ни слуху не бывало, чтобы быти в Руси какой ереси».⁴

Из 16-го Слова «Просветителя» известно, что Иосиф знал о ереси «Карпа, художеством стригольника»,⁵ осужденной почти за сто лет до ереси «жидовствующих».⁶ Тем не менее Иосиф, цитируя здесь слова архиепископа

* В основу текста статьи положены доклады, прочитанные в 1983 г. в Пушкинском Доме и в Институте истории АН СССР. Благодарю московских и ленинградских коллег за гостеприимство и советы и Британскую Академию за возможность принять участие в академическом обмене.

¹ «Официальная церковь» — приблизительный перевод английского термина «established Church», т. е. церковь, представляющая вероисповедание главы государства и признанная правительством.

² См. сборник: *Hérésies et sociétés dans l'Europe pré-industrielle. 11e—18e siècles* / Ed. J. Le Goff. Paris, 1968 (статьи Chenu H. D., Morghen R. P.); Grundman H. *Hérésies savantes et hérésies populaires au moyen âge* // Ibid. P. 213; Moore R. I. *The Origins of European Dissent. 2nd ed.* Oxford, 1985. P. IX; ср.: Чернецов А. В. Иллюстрации к «Шестокрылу» и вопрос об отреченных изображениях в Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1985. Т. 38. С. 232.

³ На этот пример в католической церкви обратил мое внимание доктор Бернард Гамильтон, отметив, что Жанна Д'Арк была осуждена как еретичка и колдунья.

⁴ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 468—469, 474; ср. С. 316. (Далее: АЕД).

⁵ Просветитель. 4-е изд. Казань, 1903. С. 541—542.

⁶ О стригольниках см.: АЕД. С. 59—73; Поппэ А. Еще раз о названии новгородско-псковских еретиков стригольниками // Культура древней Руси. М., 1966. С. 204—207.

Геннадия, не противоречит себе. Как видно из послания Геннадия Иоасафу, где эта фраза следует за коротким экскурсом об истории борьбы с ересью в Византии, для Геннадия ересь «новгородских еретиков жидовская мудрствующих» была первой на Руси потому, что это была первая русская ересь, осужденная в 1488 г. собором русской церкви.⁷ Для Геннадия и Иосифа эта ересь была первой на Руси в том же смысле, в котором ересь иконоборцев была для них последней в Византии.

II

В 1988 г. исполнилось не только тысячелетие крещения Руси, но и пятисотлетие наказания первых представителей русской ереси. Но здесь важно другое: исследователь, который принял бы слова Геннадия за искажающее преувеличение, ошибся бы не менее, чем тот, кто понял бы их дословно. Геннадий и Иосиф, высокообразованные богословы, несомненно иногда преувеличивают в целях полемики, но опасно приписывать им намеренное искажение фактов.

Как отметил В. О. Ключевский, историк, который хочет правильно понять и оценить ересь, вошедшую в науку под именем ереси жидовствующих, должен «предварительно рассмотреть... отношения главных источников наших сведений о ереси к ходу ее развития и потом взгляд на ересь главных борцов против нее».⁸

Я. С. Лурье считает, что априорное осуждение, которое отличает взгляд на ересь главных борцов против нее, отрицательно влияет на достоверность их показаний. Он делит противоеретические произведения на две главные категории: произведения обличительные, направленные на осуждение еретиков, и произведения полемические, спорящие с реальными еретическими взглядами, и поэтому дающие более убедительные представления о реальных взглядах еретиков, хотя еще важнее было бы исследование источников, связанных с деятельностью еретиков.⁹

Даже такой путь (Я. С. Лурье отметил в статье о «нерешенных проблемах идеологических движений конца XV в.») иногда заводит в тупик. Принимая свидетельство о «жидовстве» еретиков дословно, многие исследователи сосредоточивают внимание на поисках следов «еврейской культуры» в работах еретиков и причисляют произведения, носящие такие следы, к работам еретического кружка.¹⁰ Вопрос о «жидовстве» еретиков, по мнению многих исследователей, остается нерешенным.¹¹

⁷ АЕД. С. 316.

⁸ Цит. по: АЕД. С. 79.

⁹ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 122—127, 154—178. Пользуюсь возможностью, чтобы поблагодарить Якова Соломоновича за помощь и советы.

¹⁰ Luria J. S. Unresolved Issues in the History of the Ideological Movements of the Late Fifteenth Century // *Medieval Russian Culture* / Eds. H. Birnbaum and M. Flier. London, 1984. P. 150—171. В статье Я. С. Лурье также приведена библиография вопроса. Кроме работ, отмеченных Я. С. Лурье и в примечаниях к настоящей статье, мне известны следующие работы, затрагивающие вопрос о ереси «жидовствующих»: Золотухина Н. М. Иосиф Волоцкий. М., 1981; Развитие русской правовой мысли. М., 1985; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1982; Казакова Н. А. Проблемы русской общественной мысли конца XV—первой четверти XVI века в советской историографии // *ВИ*. 1987. Т. 6. № 2. С. 104—113; Синицына Н. В. Нестыжательство и русская православная церковь XIV—XVI вв. // *Религии мира: история и современность*. М., 1983. С. 76—101; Ševčenko I. Remarks on the Diffusion of Byzantine Scientific and Pseudo-Scientific Literature among the Orthodox Slavs // *Slavonic and East European Review*. London, 1981. Vol. 59, N 1. P. 321—345.

¹¹ Причину обсуждает Ч. Гальперин (Halperin C. J. *Judaizers and the Image of the Jew in Medieval Russia* // *Canadian-American Slavic Studies*. Pittsburgh, 1976. Vol. 10. N 3. P. 141—155).

Вопрос этот можно решить лишь по свидетельству писателя, впервые применившего этот эпитет к новгородско-московским еретикам. Но его свидетельство привлекло мало внимания, частично потому, что оно в основном скрыто в богословском многословии. Настоящая статья обращается поэтому к источникам, связанным с деятельностью архиепископа Геннадия, инициатора борьбы с ересью.

О жизни Геннадия Гонозова до его поставления в архиепископы известно мало.¹² Ученик Зосимы Соловецкого, Досифей, составивший одну из редакций Жития Савватия и Зосимы Соловецких, пишет, что на подвиг благословил его Геннадий, который бывал на Соловках как ученик Савватия. Савватий умер в Соловецком монастыре в 1434 г.,¹³ так что Геннадий родился не позже 1427 г. (его не могли принять в монастырь до 7-летнего возраста). К 1477 г., когда в Чудове монастыре в Кремле сгорела «архимандритова келья Геннадиева», Геннадий, вероятно, был уже архимандритом шесть лет.¹⁴

Чудов монастырь, основанный в 1354 г. митрополитом Алексеем, имел огромный престиж благодаря своей связи со святым покровителем московских великих князей. Имя Алексея упоминалось в присяге верности великому князю, у его гробницы молились великие князья, выходя в поход.¹⁵ Так как в Чудове монастыре гостили зарубежные иерархи и монастырь служил местом заточения церковников под опалой великого князя, нет сомнения, что архимандриты этого монастыря были доверенными великого князя.

Как показала судьба одного из Геннадиевых предшественников, Феодосия, получившего сан митрополита после чудовской архимандрии и Ростовской архиепископии и сведенного в Чудов в 1464 г., близость к двору сулила и выгоды и опасности. Ко времени возвышения Геннадия опасность была на первом плане. Как и их европейские соседи, московские князья начали с середины XV в. все чаще вступать в конфликт с церковью, увидев в ней соперника в борьбе за политическую и экономическую власть.

Чтобы понять обстановку, в которой развивал свои действия Геннадий, важно уяснить причины упадка авторитета церкви. В России, как и в дореформационной Западной Европе, светские владетели все меньше нуждались в поддержке духовенства, сосредоточив военную и административную власть в своих руках. Так же, как одновременное существование нескольких «богоизбранных» пап во время «великого раскола» конца XIV—начала XV в. подорвало престиж папства, история поставления митрополитов Митяя, Исидора и Ионы подорвала престиж московских митрополитов. Но тогда как на Западе решающую роль в установлении новых отношений между церковью и государством играло реформационное движение, в Российском государстве эту роль сыграла уния и последовавшее падение Константинополя в 1453 г. Эти события послужили толчком для развития национального государства с одним правителем и одной церковью,

¹² Грандицкий М. Геннадий, архиепископ Новгородский // Православное обозрение М., 1878 № 3 С 70—103, Русский биографический словарь М., 1914 Т 3 С 396—402, Голубинский Г. Е. История канонизации святых в русской церкви М., 1903

¹³ Ключевский В. О Древнерусские жития святых как исторический источник М., 1871, С 202

¹⁴ ПСРЛ М., Л., 1949 Т 25 С 309 В 1472 г. архимандрит чудовский Феодосий был избран епископом рязанским (там же С 292)

¹⁵ См. «грамоту проклятую» Дмитрия Шемяки и моление Ивана Васильевича перед походом на Новгород в 1471 г. (там же С 269, 287)

независимой от таких в принципе внациональных институтов, как папство или патриархия.¹⁶

В летописном рассказе о крещении Владимира говорится, что после крещения греки «предаша ему веру христианскую», включая предупреждение против «Латынь, их же учение развращено». Этот рассказ начальной русской летописи, отражающий византийскую полемику 1050-х гг.,¹⁷ характеризует настороженное отношение русской церкви к католикам, поддерживаемое Византией до середины XV в. Латинским «отступникам» (к ним принадлежали все западные соседи Руси XV в., в особенности претенденты на бывшие Киевские земли — Польша и Литва) противопоставлялось византийское православие. Но после унии нападки на латинян стали применимы ко «всем греком... понеже прельстившесе сребролюбием и златолюбием»,¹⁸ и великие князья воспользовались ситуацией, чтобы избавиться от константинопольских ставленников в своем государстве. Новое отношение митрополии к византийской церкви ярко выражено в письме митрополита Ионы в Литву, сообщаящем о его избрании митрополитом Киевским и всея Руси:¹⁹ «И ныне Богу так изволшу, собрався священный збор... поставили мя митрополитом, поминаа прежнее на нас повеление святого царя и благословение святого и вселенского патриарха... и по думе господина сына моего, великого князя... занеже, сынове, коли было в Цариграде православие, и они отгуды примали благословение и митрополита. А ныне, сынове, Богу так изволше...».²⁰

Переход Константинополя в руки «агарян» в 1453 г. был воспринят русскими церковниками как возмездие Бога византийцам, впадшим в «ересь Петра Гугнивого», и побудил их еще сильнее защищать свое наследие. Как показали последующие события, это наследие пришлось защищать не только против ереси, но и против великого князя. Но как раз тогда стало ясно, что церковь не имеет достаточно юридических средств для своей защиты.

Став единственной оставшейся блюстительницей «непорочной веры седми соборов», русская церковь (я имею в виду церковь под юрисдикцией митрополитов московских) потеряла традиционный источник «богословской мудрости», к которому ее иерархи до этого обращались в случае внутренней или внешней угрозы.²¹ Опасаясь угрозы извне, церковь поэтому готова

¹⁶ Противоположную оценку см.: Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986. Гл. 6. С. 175. Вопрос о значении реформационного движения в России, в котором я расхожусь с большинством советских исследователей, я обсуждаю в: *Reform or Reformatio: the Case of Muscovite Russia. Early Protestantism in Eastern Europe* / Eds. V. du Feu and J. Howlett // Полата књигописнама. Nijmegen. 1987. August. N 16. P. 141—152.

¹⁷ См. Послание патриарха Михаила Керуллария от 1054 г. в кн.: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. О влиянии Керуллариевой полемики в России см.: М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофеей и его послания. Киев, 1901. С. 318—320.

¹⁸ Исидоров собор и хождение его // Попов А. Историко-литературный обзор... С. 89.

¹⁹ Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. М., 1987. Ч. 1—3. С. 75. (Далее: РФА с указанием части и страниц). Благодарю коллег в Институте истории РАН за то, что они ознакомили меня с этим изданием.

²⁰ Редакторы считают, что письмо объявляет о поставлении Ионы 15 декабря 1448 г., и датируют его вскоре после этой даты. Нам кажется более вероятным, что слова об избрании являются лишь объяснительным вступлением и что письмо было написано после падения Константинополя в 1453 г., когда там с русской точки зрения уже не «было православия». Текст явно является переработкой письма великого князя к императору (РФА-1. С. 88—91), которое редакторы датируют 1452 г.

²¹ См., например, письмо патриарха Нила в Новгород о ставлении иереев (АЕД. С. 232—234) и ответ новгородского владыки Василия на предложение католических монахов устроить спор о вере: «...оже хошеши уведати, которая вера лучши, наша или ваша, пошли в Царюгород к патриарху» (Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 225).

была поддержать великого князя против «отступников», но тем самым еще более подорвала свою способность действовать независимо.

Примером этого служит одно важное нововведение того периода: присяга новопоставленных епископов. По каноническому закону от ставленников требовалось исповедание веры, но после постановления униата Григория литовским митрополитом в 1458 г. чин рукоположения включал также присягу не иметь дела с Григорием. До введения этой присяги можно было снять епископа за ересь или мздоимание или вмешательство в дела чужой епископии (причем последнего епископ обещался не делать «по нужи ни от царя или от князя великого»).²² В новой присяге епископы обязывались «неотступными быти и последовати и повиноватися ему (московскому митрополиту. — Я. Х.) во всем»,²³ чем попадали под постоянную угрозу, так как любое несогласие с митрополитом могло служить поводом для снятия с кафедры за клятвопреступление. Несмотря на каноническую формулу «...по избранию же Святого Духа... и по велению господина нашего, великого князя имярек всея Руси, прияхом рукоположение койждо нас от господина и отца нашего... митрополита всея Руси...», чин присяги подчеркивал роль великого князя в делах церкви. По каноническим законам великие князья имели обязанность созывать соборы и участвовать в них как правая рука духовной власти, т. е. как исполнители церковных приговоров. В практике 60-х гг. обязанность стала правом, и ставленникам несомненно было ясно, что их господин — митрополит — не пойдет далеко против воли своего господина — великого князя.

Иван III, как показывает письмо архиепископу Новгородскому Ионе, прекрасно понимал силу своего положения. Приказывая Ионе не пускать послов патриарха Симеона в свои владения, он добавил: «...не требую его, ни его благословения, ни его неблагословения, имеем его, того самого патриарха, чужа и отречена...».²⁴ Это было не только выражением крайнего пренебрежения к патриарху, но и вызовом митрополиту. Отречение — *excommunicatio* — это церковное наказание, и великий князь не имел права говорить об отречении патриарха без предварительного приговора митрополита с собором.

Для оценки деятельности Геннадия особенно важно последствие новых отношений между великим князем и церковью в новгородских делах. Как известно, административная организация Новгорода имела свои особенности.²⁵ Ни «новгородские князья», приглашенные веча, ни великокняжеские наместники не имели права вмешиваться во внутренние или внешние дела Новгорода без разрешения веча. Вече избирало новгородского архиепископа независимо от собора русской церкви, потому что архиепископ являлся главою не только церкви, но и всей «земли святой Софии». Митрополиты не имели права вмешиваться в дела новгородской епархии, чье белое духовенство находилось под управлением архиепископа, тогда как черное духовенство Новгорода возглавлялось архимандритом Юрьева монастыря (избирался клириками новгородских концов, которые в свою очередь избирались членами уличных конгрегаций).²⁶ Церковь играла очень

²² РФА-1 С 95—96

²³ Там же С 92—94

²⁴ РИБ СПб, 1880 Т 6 С 707—712

²⁵ См Янин В Л Новгородские посадники М, 1962, Бернадский В Н Новгород и Новгородская земля в XV веке М, Л, 1961, Хорошев А С Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики М, 1980

²⁶ Голубинский Е Е История русской церкви М, 1911 Т 2, ч 1 С 311—313, Янин В Л Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран М, 1963 С 118—126

важную роль в политической жизни Новгородской республики, и в борьбе за присоединение ее земель к Москве стало ясно, что независимая архиепископия являлась одним из препятствий централизации.

Наступление на новгородскую независимость началось с Яжелбицкого договора 1456 г., когда новгородское посольство во главе с архиепископом Евфимием обязало вече в «вотчине великого князя» вести все внешние дела лишь с ведома великого князя. Преемник Евфимия — Иона уже был поставлен (и принес присягу) в Москве, хотя был по-прежнему избран жребием в Новгороде. Вскоре после смерти Ионы в 1470 г. в Новгороде началась крамола. Так как одним из ее последствий была конфискация новгородской казны, и вместе с ней новгородских летописей и документов, то причины крамолы известны нам лишь с промосковской окраской.²⁷ Известно, что, когда был избран новый архиепископ, Феофил, он не поехал сразу поставляться в Москву. Незадолго до его избрания Новгород принял как своего князя Михаила Олельковича. Михаил Олелькович, двоюродный брат Ивана III, был одним из православных подданных Казимира, и из договора Новгорода с королем Казимиром (реальное значение которого и его датировка вызывали споры) видно, что новгородцы настаивали на сохранности православной традиции в своих землях.²⁸ Тем не менее московская летопись обвиняет их не только в измене своему государю, но и в отступлении к «латынству».²⁹

Эти слова повторяют обвинения в двух посланиях митрополита Филиппа, направленных в 1471 г. в Новгород. В первом из них, адресованном новгородцам, митрополит выступает как верный слуга великого князя и устранивает Новгород опытом Византии: «Нынеча же, сынове, слышанье мое таково... от христианьскаго господаря рускаго, отступае, да приступае деи к чужему к латынскому господарю к королю... Ино, сынове, не съблзняйтесь о том, а помните, сынове, апостольское слово: „братье, Бога бойтесь, а князя чтите, Божий бо слуга есть...“. А и то, сынове, разумеите: царьствующий град и церкви Божия Константинополь доколе непоколебимо стоял, ... а как оставя истину, да съединилса царь и патриарх Иосиф с латиною... не впал ли в руки Царьград поганым?».³⁰

Послание Филиппа архиепископу Ионе³¹ опять упрекает новгородцев в том, что они хотят «вести мятеж велик и расколу в святей Божьей церкви», и обвиняет Феофила: «А ты ми, сыну, того не възвестишь и не опишешь». Филипп напоминает Феофилу, почему недопустимо «ко тьме латынская прелсти приложитися...» — это «богоотметно дело»: латиняне «богоотступници... четверовластна держа святую Троицу... и опресночная служат, а суботу хранят и посят в ню, яко жидове, и водою кропятся по все дни, тем же обычаем жидовским».

Послание Филиппа предостерегает о близости измены (отступления от великого князя) и ереси (отступления от православия) в новгородских делах. Упрекая Феофила в том, что «не описал» крамолу в Новгороде, Филипп подчеркивает, что верный слуга церкви должен быть верным слугой

²⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы М, 1948 Ч 1 С 351

²⁸ Там же С 364 Ср Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в М, 1980 С 78

²⁹ ПСРЛ М, Л, 1949 Т 25 С 285 О роли Феофила см Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе С 190—194

³⁰ АИ СПб, 1841 Т 1 Стб 512—514 (№ 280)

³¹ РИБ Т 6 № 102 Стб 721—732 Послание имеет следующую приписку «А грамота другая ходила с Геннадом, в лето 79, марта 22» Предположение, что это свидетельствует о причастности Геннадия к новгородским делам уже в 1471 г, очень соблазнительно, но имя «Геннадий» слишком обычное, чтобы позволить нам решительно принять такой вывод

московского великого князя. Наконец, описание латинских «прелестей» показывает, как опасно надеяться на церковно-полемические сочинения как источник по идеологии тех противников, против которых они направлены. Нельзя сомневаться в том, что нападки на латинскую веру являются полемикой против реальных противников — в данном случае католиков. Но, обвиняя католиков в антитринитаризме и суботствовании, Филипп показывает, насколько такая полемика искажает истину.³²

В заключение послание уговаривает архиепископа смириться с великим князем и принять поставление в Москве. Феофил так и поступил, но лишь после поражения новгородских войск на Шелони. Но и это поражение не сделало Новгород верной вотчиной великого князя. Как отметил А. А. Зимин, «авторитет новгородского владыки оставался непоколебимым», но, по-моему, он не прав, считая, что конфликт владычной и княжеской власти был последствием карательных конфискаций земельных владений в конце 1478 г.³³ Наоборот, многолетнее сопротивление владыки и церковной иерархии в Новгороде подтолкнуло великого князя на эти меры. Исследование В. Б. Кобриня показало, что большинство светских землевладельцев, потерявших владения в Новгородских землях, получило взамен земли в старых уделах великого княжества.³⁴ Но «изменники» великому князю, вожди боярской и церковной оппозиции (архиепископия, юрьевская архимандрития и пять новгородских монастырей),³⁵ потеряли земли навсегда. Вскоре после конфискации была арестована Марфа Борецкая и ее сторонники, и через год великий князь «повеле изымати» Феофила, который был заключен в монастыре Геннадия.³⁶

Хотя с ареста Феофила начинается известное участие Геннадия в новгородских «великих делах»,³⁷ этим не ограничивались услуги Геннадия великому князю. Заключив Феофила в Чудове монастыре, Иван III показал свое доверие Геннадию. Вскоре после ареста Геннадий доказал, что доверия он заслуживает.

В 1479 г. при освящении Успенского собора митрополит Геронтий повел крестный ход против солнца, и «сего ради гнев въздвиже на нь князь велики, яко того ради, рече, гнев Божий приходит». Мнение великого князя о каноничности хода посолонь поддержали лишь Геннадий и Иоасаф, владыка Ростовский. Нет сомнения, что временный уход митрополита в Симонов в 1481 г.³⁸ действительно не был лишь вызван «пустышным спором»³⁹ о ходе посолонь, но надо заметить, что и спор не был такой уж пустычный. Как письмо Ионе об отношении к патриарху, как приказание митрополиту «не вступаться не в свое»⁴⁰ в споре о юрисдикции над Кирилло-Белозерским монастырем, как, хуже всего, экспроприация церковных земель в Новгороде, вмешательство великого князя в вопрос о церковном обряде показало, что он не готов соблюдать расчленение между церковной и светской

³² Ср. оценку значения полемических сочинений в работах Я. С. Лурье (Идеологическая борьба в русской публицистике. С. 122, О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Т. 1. С. 78—100) и А. И. Клибанова (Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960. С. 189, 201).

³³ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 76.

³⁴ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 108—112.

³⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 319—323. Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе. С. 149—168.

³⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 322—326. Отписная Феофила опубликована в РФА-2. С. 252—253.

³⁷ Хотя возможно (см. выше, примеч. 31), что он имел дело с Феофилом уже в 1471 г.

³⁸ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 221, 233—234.

³⁹ Борисов Н. С. Русская церковь. С. 173.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 33.

юрисдикцией, которого требовала церковь. Оставив церковь без главы, Геронтий надеялся заставить великого князя признать границы своей юрисдикции, и судя по тому, что Иван III скоро «сам во всем (т. е. не только в вопросе о ходе посолонь. — Я. Х.) виноват сътворился, а митрополита во всяких речех обещаю слушаши, и в хождении в воле митрополиту дасть, якоже велит, как было в старину»,⁴¹ Геронтий временно добился своего.

В споре о ходе посолонь Геннадий выступает, на первый взгляд, как верный слуга великого князя, готовый даже предать интересы церкви, но это не совсем верно. Вопрос о хождении посолонь был лишь одним из вопросов церковного обряда и дисциплины, обсуждавшихся в это время. Как отметил уже Л. В. Черепнин, реформа изнутри была одним из средств, которыми русская церковь, как и западная, боролась с угрозами извне,⁴² и мы знаем, что Геннадий, уже после своего поставления в архиепископы, искал ответы на вопросы о «посолони», постах, трегубом «аллилуйя», симонии и т. д. Сам Геннадий, по-видимому, провинился против правил пощения накануне Богоявления⁴³ и в результате был заключен митрополитом в «ледник». В Макарьевском списке «Просветителя», который тоже содержит многообразный дисциплинарный материал, среди посланий митрополита Фотия одно напоминает псковичам, что надо поститься накануне праздника Богоявления,⁴⁴ т. е. вопрос был актуальным уже в первой четверти XIV в. Это знал также великий князь, который «выпечаловал» Геннадия, напомнив Геронтию, что такое же прегрешение было прощено его предшественником Фотием, «иже ныне чудотворец». ⁴⁵ В той же макарьевской рукописи после поучений Фотия против черных овец в его стаде, и особенно против стригольников, стоит любопытная заметка, объясняющая появление ересей: «Но и не дивно есть се. Сбысть бо ся о сем Спасово слово глаголющее в святем Евангелии, яко последняя времена ташка суть и дние лукави и отступят неции и от веры». ⁴⁶

Хотя вкладная запись Макария говорит о том, что рукопись принадлежит к первой половине XVI в., по своему содержанию она ясно отражает заботы новгородской архиепископии в «последние времена»: конце 7-го—начале 8-го тысячелетия. Впадение Константинополя в руки «агарян» как бы подтверждало предсказание Мефодия Патарского, основанное на том же тексте, что и заметка новгородского писца, — на Апокалипсисе святого Иоанна. В «последние времена», до второго пришествия Христова, на земле воцарится на время Антихрист, и его пришествие ознаменуется размножением его стада: иноверцев и еретиков. ⁴⁷

Как раз в это трудное для церкви время Геннадий стал первым новгородским архиепископом, избранным и поставленным собором церкви в Москве в присутствии (и, наверное, по выбору) великого князя. Его предшественник — Сергей избран по традиции жребием, но был уже кандидатом, не избранным новгородцами, а присланным из Москвы, хотя Феофил был

⁴¹ Там же С 233

⁴² Черепнин Л. В. Из истории еретических движений на Руси в XIV—XVI вв. // Вопросы истории религии и атеизма М., 1959 1 7 С 257—283

⁴³ ПСРЛ Т 6 С 234

⁴⁴ ГБЛ, ф 256, № 204, л 400—401 об По списку ГИМ, Синодальное собр., № 562 последние опубликовано в РФА-3 (С 498)

⁴⁵ ПСРЛ Т 6 С 234

⁴⁶ ГБЛ, ф 256, № 204, л 432

⁴⁷ Alexander J. The Byzantine Apocalyptic Tradition London, 1985 Пример такой трактовки «Откровения Мефодия Патарского» цитируется А. А. Туриловым (О датировке и месте создания календарных текстов // Естественнонаучные представления Древней Руси М., 1988)

еще жив. Канонический закон позволял заместить живого иерарха лишь после церковного отлучения,⁴⁸ и поставление Сергия явилось еще одним примером пренебрежительного отношения великого князя к законам церкви.

Когда на место Сергия был поставлен Геннадий 12 декабря 1484 г., Феофил уже умер. Но его избрание имело место, когда Геронтий вторично ушел в Симонов, и поэтому, возможно, без его благословения. Уже в 1485 г. Геннадий в письме к Борису Волоцкому защищался против обвинений в том, что он «принял именем сан святительский или мирских князей помощью». Хотя из письма видно, что выпад Бориса был ответом Геннадию на обвинение в том, что сам Борис «незаконно отымает села и винограды» от церкви,⁴⁹ оно считается одним из доказательств симонии Геннадия.

С самого начала своей деятельности Геннадий находился в необычайно трудном положении и как московский ставленник в Новгороде и как противник митрополита. Не имея возможности пополнить фонд конфискованных владичных земель путем новых покупок,⁵⁰ Геннадий, по-видимому, решил пересмотреть источники доходов архиепископской казны. Его спор с Борисом Волоцким касался земель святой Софии в Волоцком княжестве. Геннадий знал, что Борис не обратится к великому князю, от которого он «отступил» в 1479/80 г.,⁵¹ и уступит Геннадию доходы с земель.

Осенью 1485 г. Геннадий с той же целью послал в Псков своих представителей и «веляше описати по всей земли Псковской церкви и монастыре, и колико престолов и попов и всех в число написати; и псковичи не вдашася в волю его».⁵² Как видно из вышесказанного, к 1487 г., когда Геннадий начал расправу с еретиками в своей епархии, он имел намного больше противников, чем друзей.

Я. С. Лурье считает, что «первым памятником полемики с новгородско-московской ересью» является Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Вассиану.⁵³ Но это Послание — памятник не полемики, а экзегетики. Из письма ясно, что Вассиан попросил Иосифа разъяснить несколько вопросов о богословском учении о Троице. Первые два вопроса касаются рассказа о появлении ангелов перед Авраамом и Саррой из Книги Бытия. Этот рассказ трактовался как ветхозаветная префигурация и символ появления троичного Бога-Спасителя на земле (отсюда появилась иконография ветхозаветной Троицы). Из Послания видно, что ни Вассиан, ни Иосиф не понимали сложного византийского учения о символах (*allegoresis*).⁵⁴ Поэтому Вассиан недоумевает, почему, если перед Авраамом появилась сама Троица, он видел лишь двух ангелов, уходящих в Содом. Объяснив по-своему это противоречие, Иосиф обращается к двум вопросам Вассиана об учении Иоанна Дамаскина.

«А Дамаскын глаголетъ: ...», «А что пишет...» [308] — эти две фразы открывают цитаты из двух как бы противоречивых произведений Дамаскина. Вассиана озадачивало то, что в «Изложении православной веры» говорится, что «не зримо божество».⁵⁵ Если Троица невидима «телесными очима», то

⁴⁸ Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. 2. С. 64.

⁴⁹ РИБ. Т. 6. № 113. Стб. 755—758. Предшественник Геннадия, Сергий, тоже обвинялся враждебным ему источником о симонии: Псковские летописи. Вып. 2. С. 63.

⁵⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 284, ящик 150.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

⁵² Псковские летописи. Вып. 2. С. 68.

⁵³ АЕД. С. 305—309. Далее ссылки на страницы АЕД в тексте в квадратных скобках.

⁵⁴ Joosen J. C., Waszink J. H. Allegorese // Reallexikon für Antike und Christentum. Berlin, 1950. Bd 1. S. 283—293.

⁵⁵ Migne J.-P. Patrologiae cursus completus, series graeco-latina. Paris, 1860. Т. 94. Col. 797. (Далее: PG).

как ее видел Авраам? И почему в одном из своих Слов об иконах Дамаскин пишет, что «Авраам аггелы виде», а не Троицу?⁵⁶

Вопросы эти вполне понятны, и Иосиф разъясняет: неправильно, что Бог «преобразился в аггелы, а аггелы в челоуеческий образ явися Аврааму», хотя «нам то, господине, глупым и неумеющим, видится разное, или еретиком, ино они превращают на свой разум, хотящу Троицу утаити» [308]. Иосиф сравнивает здесь себя и Вассиана не с какими-то живыми еретиками, а с иконоборцами — еретиками, которых Дамаскин обвинял в том, что хотят утаить «мистерию» троичного божества. Нет причин поэтому причислять это Послание к произведениям, направленным против новгородских еретиков. Такие произведения, как видно из первого известного источника по этой ереси, совсем не скрывают, против кого они направлены.

О еретиках в новгородской епархии мы впервые узнаем из Послания Прохору, епископу Сарскому (Сарайскому). Послание⁵⁷ содержит много до сих пор недооцененных сведений о ереси жидовствующих. Судя по более позднему письму, адресованному митрополиту Зосиме, Геннадий впервые доложил о ереси Ивану III и Зосиме уже в 1487 г.,⁵⁸ когда он «послал грамоту, да и подлинник... что Наум поп сказывал» [310]. Но из Послания Нифонту, епископу Суздальскому (январь 1488 г.), видно, что Геннадий считал свою «грамоту» Прохору самым обстоятельным изложением «новгородской ереси» и послал ее одновременно с посланиями великому князю и митрополиту:

«Что есми послал государю великому князю да и митрополиту грамоты да и подлинник о новгородцких еретицех, а Прохору епископу Сарскому грамоту есми о той же ереси послал же, а тебя тогда на Москве не было. И о сем твоему боголюбию вьспоминаю, чтобы еси посмотрел в владычню в Прохорову грамоту в первую, занеже тамо о их ересех пространно изъвлено» [312].

Геннадий адресовал свое Послание Прохору, потому что с середины XV в. Сарайские епископы жили не в своей архиепископии, а на Крутицком подворье в Кремле.⁵⁹ По каноническим правилам в Москве должен был ежегодно заседать собор церкви и «не по праву только, но и по обязанности, все епископы подвластных собору областей должны [были] на нем участвовать и только в исключительных случаях... пользуются правом высылать вместо себя своих уполномоченных».⁶⁰ Геннадий, как архиепископ новгородский, первой по степени кафедры в иерархии Московской митрополии, имел обязанность и право присутствовать на московских соборах, но клятва при поставлении обязывала его не выезжать из Новгорода без разрешения митрополита. По своему опыту в архимандритии чудовской Геннадий знал,

⁵⁶ Ibid Col 1346—1347 Возможно, что сам Иосиф имел неисправный текст Дамаскина или неправильно его понял, так как Дамаскин говорит иначе о сущности явления перед Авраамом «Vidit Abraham non Dei naturam (nemo eum Deum vidit unquam), sed imaginem Dei, et procidens adoravit Vidit Jesus filius Nave non naturam angeli, sed imaginem (angeli quippe natura corporis oculo aspectabilis non est), et pronus in terram adoravit Non angelorum, sed hominum naturae conjunctus est Deus Deus non factus est angelus sed Deus factus est natura et veritate homo» По содержанию Послание Вассиану близко к Посланию иконописцу со Словами о почитании икон [320—373]

⁵⁷ Послание Прохору опубликовано по спискам ГПБ, Q XVII 64 в АЕД (С 309—312), и ГИМ, Синодальное собр., № 562 в РФА-2 (С 254—258)

⁵⁸ В октябре 1490 г Геннадий писал Зосиме «[дело] протянулось длго три года минуло, уже четвертый настал» [378]

⁵⁹ Забелин И История города Москвы М, 1905 Ч 1 С 205

⁶⁰ Н Д Иерархия всероссийской церкви от начала христианства в Руси и до настоящего времени М, 1892 С 322

что лишь иерархи, имеющие постоянное местожительство в Москве, среди которых был епископ Сарский, обязательно будут присутствовать на соборе.

«Соборы о вере и еретичество — это почти неразделимые понятия; осуждение еретика есть не что иное, как возможность для собора провозгласить торжество правой веры над ложной».⁶¹ Лишь соборное осуждение могло превратить ошибку в ересь. В своем письме Геннадий приводит доводы, которые должны доказать, что в Новгороде он действительно обнаружил еретическое разногласие, грозящее православию, и приглашает Прохора на совместную борьбу с ним: «...на еже хулою возносящихся на Господа нашего Иисуса Христа и обезчестивших образ пресвятой владычице нашей Богородица новгородских еретиков жидовскаа мудръствующих. Покрты же суть оных еретик клятвою укоризною маркианская глаголю и месалианския. Сии бо, егда въпрошаеми, от своих велений отметници бывають и безстудно и усердно кленутся и проклинають вся тако мудръствующая или мудръствовавших и ротятся без страха, яко таковая повеления ненавидящих. Сия же въспоминаем твоему боголюбию, еже сам не невели и того ради речена быша да удобь обретаема будут, яко тако имут в патриархии лежащая книги... Сии главы о маркианех в правилех у собя изнайдеши. Аще ли в твоих не будет правилех, ино в великого князя правилех писаны... Да что они недостойно служат божественную литургию, то явлено в 12 главе, а что кленутся без страха, а то в 19 главе тех же ересей...» [310].

Как видно из этих слов, письмо Геннадия имело две цели. Во-первых, Геннадий должен был объяснить Прохору, как он узнал, что новгородские еретики «жидовская мудръствуют». Во-вторых, он хотел, чтобы его свидетельства о ереси были на руку московским иерархам, ибо в патриархии имелись оригиналы тех «правил», по которым он узнал это.

Как же Геннадий узнал из «правил», т. е. из собрания канонических прав и текстов, что новгородские еретики «жидовская мудръствуют»? Из письма Прохору видно, что Геннадий искал в «правилах» еретиков, которые как-то неправильно служили литургию и отрекались под клятвой от своих ересей. Эти «правила» можно определить благодаря показанию Геннадия о номерах параграфов, в которых говорится об этих преступлениях.

Ю. К. Бегунов отметил, что списки русской Кормчей, включая Кормчую Ивана Волка Курицына,⁶² содержат статью против богомилов, 12-й параграф которой обвиняет их в недостойном причащении. Вслед за ней идет статья о мессалианах, обвиняющая их, между прочим, в готовности клясться без боязни. Но те правила, которые Бегунов считает источником показаний Геннадия, не говорят о маркианах, и обвинения находятся в двух разных статьях. Но «правила» Геннадия действительно надо искать среди статей русской Кормчей, так как он цитирует трактат Тимофея Константинопольского, озаглавленный «Как принимать еретиков».⁶³

Тимофей определяет, что требуется от еретиков, желающих вернуться в лоно православной церкви, и делит все ереси на три группы в зависимости от заблуждений их представителей. Среди еретиков, от которых требуется, чтобы они прокляли и анафематствовали свою ересь, находим феодосиан, маркиан и геситантов. Вступление к отделу о маркианах открывается словами «О маркианах и мессалианах...» и кончается: «Чтобы читатель знал

⁶¹ Walter C. Heretics in Byzantine Art // Studies in Byzantine Iconography. London, 1982. N VII, P. 40.

⁶² Бегунов Ю. К. Козма Превзвитер в славянских литературах. София, 1973. С. 85—86. (Далее: КП).

⁶³ PG. T. 94. Col. 11—68. Тексты статьи Тимофея я привожу в своем переводе. Работа Тимофея, вероятно, является также источником противобогомильских статей, цитируемых Ю. К. Бегуновым.

и остерегался остальных [их ересей] приложены главы тех же ересей». Приложенных глав девятнадцать, и нет сомнения, что именно о них писал Геннадий в письме Прохору [310]:

Геннадий: «Да что они недостойно служат божественную литургию, то явлено в 12 главе...».

Тимофей, 12-я глава: «Они говорят, что святая кровь нашего истинного Бога, святое причащение, не приносит ни пользы ни вреда тем, кто причащается, достойно или недостойно, и что лишь из-за этого не нужно отлучать никого — к этому делу [причащению] они безразличны...».

Геннадий: «Сии бо, егда въпрошаеми, от своих велений отметници бывают и безстыдно и усердно кленутся и проклинають вся тако мудрствующая или мудрствовавших и ротятся без страха, яко таковая повеления ненавидящих... а что кленутся без страха, а то в 19 главе тех же ересей...».

Тимофей, 19-я глава: «Когда их спрашивают про их ереси, они отрекаются от них, без страха и с усердием проклиная всех, кто думал или думает так; и они без страха клянутся, что ненавидят и странятся всех так верующих...».⁶⁴

Так как Геннадий добавляет: «Да что есть ересей месалианских, то все они мудрствуют», — то важно посмотреть на остальные обвинения в 19 главах Тимофея. Маркиане и мессалиане, пишет Тимофей, верят, что последствия Адамова греха нельзя снять крещением, а лишь горячей и беспрестанной молитвой. Она покажет молящемуся не только демонов, покидающих его тело, но и выявит перед его глазами святую Троицу. Маркиане и мессалиане искажают догму о святой Троице и отрицают божественность Христа, Сына Божия, не верят в возможность человеческого спасения, ставят себя в священники, считают, что среди них есть пророки, и позволяют женщинам священствовать.

В обвинениях Тимофея нет ни слова о еврейском прозелитизме, лишь о ереси в смысле «разногласия с установленной догмой». Почему же Геннадий считает этот список доказательством того, что новгородские еретики «жидовская мудрствуют»? Ответ на этот вопрос можно получить, рассмотрев значение этой фразы в той богословской традиции, на которую опирался новгородский архиепископ.

Жидовская мудрствующий, жидовствующий (*ἰουδαϊκὰ φρονῶν, ἰουδαίωφρων, ἰουδαϊότης, ἰουδαίζων*) — термины, довольно широко распространенные в византийской антиеретической литературе благодаря теории, впервые развитой в трактате «О ересях и соборах» Германа Константинопольского.⁶⁵ По этой теории, известной на Руси в более поздней разработке Иоанна Дамаскина, все ереси — сопротивления христианству — основаны на твердодумии евреев или ошибках язычников.

В «Епитоме ересей»,⁶⁶ известном в русском переводе не позже второй половины XV в.,⁶⁷ Дамаскин излагает суть 103 таких учений. Все ереси, пишет он, имеют в своей основе один из четырех архетипов: варваризм, скифизм, эллинизм и иудаизм. Все ереси, родившиеся после победы

⁶⁴ Статья Тимофея находится, например, в соловецкой Кормчей конца XV в. (ГПБ, Соловецкое собр., № 1065/1165, л. 258), хотя главы здесь не имеют номеров, и в Кормчей Ивана Волка Курицына (ГБЛ, ф. 173, МДА фонд., № 187). О последней см. интересную статью Е. В. Беляковой: Источники Кормчей Ивана Волка Курицына // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 75—83.

⁶⁵ PG. T. 98. Col. 39—88.

⁶⁶ Ibid. T. 94. Col. 677—780. Теория Германа проникла в Эпитомос Дамаскина через Панарион Эпифания Кипрского.

⁶⁷ Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Обзорение рукописного материала // ЖМНП. 1888. Т. 258. № 8. С. 257.

христианства, имеют архетип в иудаизме, т. е. все еретики после III в. н. э. виноваты в «жидовствовании». Как видно из этого, эпитет «жидовствующий» не всегда значит «верующий в иудаизм» или «христианин, обратившийся в иудаизм», как понимают свидетельство Геннадия многие исследователи.⁶⁸ Хотя эпитет «жидовствующий» имел иногда такое значение,⁶⁹ оригинальные и переводные полемические произведения доказывают, что обвинение в «жидовствовании» применялось намного шире.

В сочинениях против латинян, широко распространенных на Руси, это обвинение как бы обосновывалось «опресночным служением».⁷⁰ Тем не менее ясно, что образованные богословы никоим образом не обвиняли католиков в обращении в иудейство. И как видно по судному делу Максима Грека или письму Епифания, сподвижника протопопа Аввакума, обвинение в «жидовствовании» было одним из синонимов понятия «ересь». Поэтому митрополит Макарий обвинял Максима в том, что тот сеял и распространял «жидовския и еллинския учения, и арианская и макидонская и нетленномнительныя»,⁷¹ и Епифаний жаловался, что заключен в темницу «от юдей, паче же от жидов новых, никониян еретиков».⁷²

Ч. Гальперин недавно отметил, что в Московской Руси еврейское население было немногочисленно, и поэтому трудно понять широкое распространение антииудейской полемики в литературе того времени. Но если принять во внимание, что обвинения в жидовствовании могли быть направлены против всех «последователей иудеев», т. е. еретиков вообще,⁷³ то причины их широкого распространения становятся яснее.

Осторожное отношение к антиеретическим эпитетам важно и потому, что обличителей, как отметила Нина Гарсоян в своем исследовании о ереси павликиан,⁷⁴ в основном интересовали наглядные доказательства ереси, а не еретическая догма. Это обуславливалось одним важным аспектом процедуры, которая применялась средневековой церковью в борьбе с ересью, — использованием силлогистического метода доказательства. Обличение ереси состояло из следующих шагов:

1. Отмечались наглядные доказательства ереси, т. е. отступления от принятой нормы в поведении или богослужебной практике.

2. По этим «симптомам» в противояретических писаниях разыскивалась еретическая группа, к которой принадлежали «новоявившиеся еретики». Этот силлогистический метод доказательства применялся и в западной

⁶⁸ Примеры такого отождествления см. в статье: Halperin C. J. *Judaizers and the Image of the Jew...* P. 141—155; Кочев Н. Още към въпроса за същността на ереста на иудейства на Балканите и в Русия през IX—XV в. // Руско-балкански връзки през средновековието. София, 1982. С. 75—88.

⁶⁹ О «жидовствующих» в этом смысле см.: Прохоров Г. М. Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудръствующих» // ТОДРЛ. М.; Л., 1972. Т. 27. С. 329—369. Из нижесказанного будет ясно, что я не согласна с гипотезой Г. М. Прохорова, отождествляющей новгородских и московских еретиков «жидовская мудръствующих» с хионами-карами. См. также возражение Н. Кочева: Още към въпроса... С. 86, примеч. 61.

⁷⁰ Пример такого обвинения см. выше (С. 63). Об антилатинской полемике см.: Попов А. Н. Историко-литературный обзор...; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания.

⁷¹ Судное дело Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 101—102.

⁷² Источники первоначальной истории раскола // Христианское чтение. М., 1888. Сентябрь—октябрь. С. 240.

⁷³ Halperin C. J. *Judaizers and the Image of the Jew...* P. 141—155. См. также интересные замечки об источниках *Judaophobia* в статье: Klier J. D. *Muscovite Faces and Petersburg Masks: The Problem of Religious Judeophobia in eighteenth century Russia // Russia and the World of the Eighteenth Century*. Columbus, 1988. P. 125—135. Отождествлением терминов «еретик» — «жидовствующий» объясняется, по-моему, и появление последнего в делах о крестьянах-сектантах в начале XIX в. См. заметку G. L. Frieze (*Ibid.* P. 142—143).

⁷⁴ Garsoian N. *The Paulician Heresy*. The Hague, 1967. P. 158.

церкви (где для этого обращались в основном к св. Августину), и в восточной (где для этого в основном служили произведения Эпифания Кипрского или Иоанна Дамаскина).⁷⁵

3. Еретиков расспрашивали, нередко под пыткой, об их сообщниках и пытались добиться признания, отречения от ереси и покаяния.

4. По каноническому закону определялись меры, которые надо применить к еретикам по примерам из прошлого.⁷⁶

Значение метода силлогистического доказательства, который позволял извлечь целую систему мышления по одному показателю, наглядно видно на примере трактата св. Феодора Студита «Против иконоборцев» — византийского произведения, хорошо известного на Руси.⁷⁷ Начав с легко доказуемой практики отрицания иконоборцами икон Христа, св. Феодор продолжает: «Всех нас можно изобразить... Поэтому тоже можно изобразить Христа, хотя безбожные [иконаборцы] утверждают иначе, таким образом отрицая таинство воплощения. Как, скажите, можно верить, что Сын Божий был человеком, как мы... если Его нельзя описать, как нас. . . Ведь если Он не был бы описуем, Он не выстроил бы себе дом из крови Пречистой... и отсюда следует, что Его мать не была Богородицей и лишь неверно называется Ею, и что Он не был похож на нас, а отличался естеством... Далее следовало бы, что... мы не отказываемся от служения по Ветхому закону... Видишь, о боголюбце, ту пропасть неверия, поглотившую иконоборцев, верующих, что Христа нельзя изображать на иконах. Воистину они жидовствуют».⁷⁸

Как видно из этого примера, в исследовании средневековой ереси важно, по возможности, установить, которые обвинения являются первичными, какое отступление от ортодоксии дало повод для расследования и какие обвинения появляются вследствие силлогистического вывода. Это значит, что мы должны особенно внимательно относиться к обвинениям, имеющим прототип в противоеретической литературе, доступной обличителям. Не исключено, конечно, что наличие идентичных обвинений в источниках, отдаленных друг от друга и расстоянием и временем, свидетельствует о влиянии одного движения на другое или о независимом появлении тех же протестов против ортодоксии. Но я согласна с мнением Мура,⁷⁹ что для изучения еретических движений более перспективно недоверчивое отношение к совпадениям.⁸⁰ Если вспомним такие примеры, как нападения

⁷⁵ В январе 1989 г я получила статью А Ю Григоренко (Русская философская мысль конца XV—начала XVI века (по материалам новгородско-московской ереси) // Вестн ЛГУ Л, 1986 Сер 6 Вып 3 С 98—100) и автореферат кандидатской диссертации (Л, 1987) того же автора А Ю Григоренко приходит к важным заключениям об использовании Иосифом Волоцким русской и византийской противоеретической литературы, с которыми, как будет видно из этой статьи, я во многом согласна (см также Howlett J R I) The Heresy of the Judaizers and the Problem of the Russian Reformation Oxford, 1976 (D Phil Thesis) P 91—96, 2) Reform and Reformatio passim) Но идеи Иосифа — в том числе обвинения в «жидовствовании» и сравнения с иконоборцами — во многом основаны на письмах Геннадия (ср АЕД С 211—215) Я считаю, что «Книга на новгородских еретиков» была составлена Иосифом Волоцким для того, чтобы русские богословы имели свою «Summa theologiae», наподобие «Изложения православной веры» Иоанна Дамаскина, а не как «обвинительный документ» для собора 1504 г Это будет более пространно обсуждаться в моей книге «Heresy and Treason»

⁷⁶ То, что Геннадий следовал этой процедуре, особенно ясно видно из его послания Зосиме (АЕД С 375) и из его же описания метода, по которому он установил «стригольничество» Захара (см ниже С 68)

⁷⁷ Архангельский А С Творения отцов церкви в древнерусской письменности С 203—295

⁷⁸ PG T 94 Col 1187—1190

⁷⁹ Moore R I The Origins of European Dissent См также Ozment S The Age of Reform 1250—1550 New Haven, London, 1980 P 42

⁸⁰ Такие совпадения обсуждаются более подробно у J R Howlett (Reform or Reformatio P 145—147)

патриарха Фотия на иконоборцев, написанные после окончательного разгрома этой ереси,⁸¹ трактат Иоанна Дамаскина, осуждающего в VIII в. несторианскую ересь V в.,⁸² или обличительные слова против «жидовствующих», составленные в конце 1530-х гг. митрополитом Даниилом,⁸³ то будет понятно следующее: привычку средневековых богословов возвращаться к защите православных взглядов против древних заблуждений нельзя трактовать как неопровержимое доказательство распространения подобных идей среди их современников. В средневековом богословии православие определялось не только верой в «вечные правды» христианства, но и отрицанием «вечных неправд».⁸⁴

В свете вышесказанного вернемся опять к свидетельству архиепископа Геннадия, уделяя особое внимание обвинениям, имеющим исторический «прототип». Из сочинений Геннадия сохранилось пять посланий о деле «новгородских еретиков жидовская мудрствующих». На основе «грамот и подлинника», о которых Геннадий писал в письмах Прохору и Нифонту, в феврале 1488 г. митрополит и великий князь «со всем православным собором» наказали некоторых из еретиков, обвиненных Геннадием, и послали их обратно в Новгород. Судя по письму Нифонту, отправленному в 1489 г., это не удовлетворило Геннадия. Вскоре после избрания нового митрополита Зосимы Геннадий в двух сохранившихся письмах к митрополиту и епископам опять вернулся к вопросу о ереси, требуя, чтобы они «управили дела еретического». В октябре 1490 г. собор церкви осудил ересь и отлучил ее приверженцев.⁸⁵ После собора 1490 г., насколько нам известно, он больше не обращался к «делу еретическому», хотя продолжал заниматься устройством церкви.⁸⁶ По-моему, Геннадий считал, что после собора 1490 г. дело против еретиков было закрыто.

Летом 1504 г. Геннадий был арестован и заключен в монастырь, где был когда-то настоятелем, за шесть месяцев до того, как в Москве «обискаша еретиков и повелеша их лихих смертною казнию казнити».⁸⁷ Здесь не будем обсуждать причины ареста Геннадия и отношение «московских еретиков» к ереси, обнаруженной Геннадием. Но отметим слова старца Артемия в 1554 г.: «...не ведаю того, что ересь; сожгли Курицына да Рукового и нынеча того не ведают, про что их сожгли».⁸⁸ Иван III был не первым и не последним монархом, воспользовавшимся обвинением в ереси для того, чтобы избавиться от противников.⁸⁹ Для Ивана III Геннадий был бы нежелательным свидетелем в 1504 г., и поэтому нельзя было оставить

⁸¹ Mango C. The Liquidation of Iconoclasm and the Patriarch Photios // 9th Spring Symposium of Byzantine Studies Birmingham, 1975 P. 37

⁸² PG T. 94 Col. 677—780

⁸³ Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения // ЧОИДР М., 1881 Т. 2 С. 342—361

⁸⁴ Один из нагляднейших примеров «отрицательного богословия» можно найти в «речи» философа в «Повести временных лет» и в повторении анафематствований ереси в «неделю православия». Об источниках «речи» см. Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Hagiography // Oxford Slavonic Papers Oxford, 1982 Т. 15 P. 1—27

⁸⁵ Все эти тексты опубликованы Я. С. Лурье в АЕД (страницы см. в Приложении к этой статье). Я. С. Лурье причисляет к письмам Геннадия также и отрывок «послания неизвестному». Я говорю лишь о полностью сохранившихся посланиях

⁸⁶ См. Howlett J. R. The Heresy of the Judaizers P. 147—196. О других произведениях Геннадия и деятельности его «кружка» будет говориться в моей статье «Archbishop Gennadii and his scriptorium»

⁸⁷ ПСРЛ М., Л., 1963 Т. 28 С. 337. АЕД С. 251 № 4

⁸⁸ ААЭ СПб., 1836 Т. 1 № 239

⁸⁹ Ср. дело «тамплиеров» во Франции Barber M. The Trial of the Templars Cambridge 1978. О соборе 1504 г. см. Howlett J. R. The Heresy of the Judaizers P. 121—146. Ср. Борисов Н. С. Русская церковь С. 175

его на свободе. Как обличитель ереси в Новгороде, как архиепископ Новгородский, он наверное знал слишком много, и симония была лишь выгодным предложением для его устранения.

Что же все-таки узнал Геннадий о ереси? Как видно из «Приложения», обвинения в его посланиях можно разделить по содержанию на несколько групп. Обвинения в хуле на Христа и Богородицу настолько обычны в антиеретической литературе, что в них легко узнать трафарет, отражающий средневековый взгляд на православие как нечто незыблемо цельное. Отсюда нападение на любой из аспектов православия является нападением на всю систему «веры семи соборов» в целом и во всех ее аспектах (хула на святителей и т. д.).⁹⁰

Как было сказано, обвинение в жидовствовании было результатом силлогистического метода. Чтобы проверить гипотезу, посмотрим, существуют ли признаки еврейского прозелитизма в других обвинениях против еретиков.

Геннадий основывал свои выводы о мессалианстве и маркианстве новгородских еретиков на том, что они «клялись без страха» и «недостойно служат литургию». Феодальные отношения требовали уважения к крестоцелованию как основному подтверждению *feudum* между членами общества, и поэтому понятно, что преступление клятвы каралось строго.⁹¹ Это ставило обвиняемых в ереси в незавидное положение: признание в ереси значило казнь за ересь, а отказ признаться грозил казнью за клятвопреступление.⁹²

Без Геннадиева «списка» нельзя с определенностью сказать, как еретики «недостойно служили». Но, обратившись к «дисциплинарной»⁹³ группе обвинений, мы находим следующее: «а попы их завтрокав и пив до обеда, обедню служат». Эта фраза дословно повторяет одно из обвинений в письме митрополита Фотия о стригольничестве и других «бесчиниях» в Псковской епархии [250] и напоминает нам о влиянии антистригольнической полемики на послания Геннадия.

То, что Геннадий обращался за примерами не только к «правилам», но и к источникам, связанным с деятельностью митрополита Фотия, «иже ныне чудотворец», ясно и по его словам о «стригольнике» Захаре. Захар отказывался от причащения, так как все иерархи «по мзде ставлены», откуда Геннадий «познал, что [Захар] стригольник» [380].

Среди дисциплинарных обвинений можно найти цитату из другого полемического текста. Первоначальная русская летопись обвиняет латинян в том, что прощают грехи «на дару»,⁹⁴ т. е. «удобь прощают», как новгородские еретики.

Обвинение в «двурушничестве» почти дословно цитирует еще одно противоеретическое сочинение, «Беседу» Козмы Презвитера на богомилов:

Геннадий

Козма Презвитер

Да егда где будут в православных, и они таковы же себя являют. Аще ли видят кого от простых, и они готова себе имеют на лов. [310]

Видяще бо человеци... их смирение и мняще я правоверни суца. Они же... где узрять человека проста суца и груба, ту же сеють плевелы учения своего.⁹⁵

⁹⁰ См. примеч. 79—84.

⁹¹ «Крест аще кто целует мал, не разумея, а преступить, 5 лет есть епитимия его. А разумея преступить, кровию своею токмо да искупится» (РФА-3. С. 483).

⁹² Права обвиняемых защищались лишь требованием, чтоб их вина подтверждалась двумя свидетелями [314, 315].

⁹³ Мои заголовки, конечно, условны. В средневековой церкви трудно отделить дисциплину от догмы.

⁹⁴ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 79—80.

⁹⁵ КП. С. 300—301.

«Иконоборческие» обвинения изменяются из письма в письмо. Обратим внимание на два их них, имеющие конкретные черты. В письме Нифонту Геннадий упоминает икону «Обрезание Иисуса Христа». Г. Н. Попов и Н. К. Голейзовский⁹⁶ показали, что такая икона могла существовать в православной иконографии, так что пример Геннадия не может служить доказательством иконоборчества еретиков. Рассказ о пьяном подьячем Алексейко звучит достоверно, но тогда как объяснить отсутствие Алексейко в соборном приговоре?

Обратимся теперь к «текстуальным» обвинениям. Мы знаем, что Геннадий послал Геронтию «тетрати», по которым еретики «молились по жидовскы» с псалмами «на их обычай». Значение слов Геннадия без самих псалмов определить трудно, но существует возможность, что псалмы сохранились в сборнике ГИМ, Синодальное собр., 408/713:⁹⁷ «Никифора Влеммида любомудрыца избрание псалом». «Избрание» византийского богослова отличается и порядком псалмов, и комментарием от традиционного текста, положенного в основу первой печатной русской Псалтыри. В сборнике отмечается, что он был даром митрополита Геронтия в церковь Ризоположения. Не это ли те псалмы, которые Геннадий послал Геронтию в Москву?

Что касается «Шестокрыла», о котором говорит Геннадий в своих посланиях в связи с вопросом о скончании седьмой тысячи, исследователи согласны, что это произведение Эммануила-бар-Якова. Они также, в основном, согласны с тем, что Геннадий ссылался на работу еврейского астролога, потому что ею пользовались новгородские еретики.⁹⁸ Но связь между русскими еретиками и этим произведением была сделана не Геннадием, а писцом, поправившим единственный сохранившийся список послания Иоасафу. В рукописи читалось: «Да чтобы еси послал по Паисея, да по Нила, да с ними бы еси о том посоветовал. Придут три лета, кончается седьмая тысяча * и мы деи тогда будем надобны». На месте, отмеченном звездочкой, стоит знак вставки, отличающийся от основного текста цветом чернил. На нижнем поле другим почерком написано «ино и яз слышал у Алексия».

Из письма к Прохору видно, что вопрос о летосчислении первоначально не имел отношения к делу новгородских еретиков. Уже вызвав Прохора на «подвиг» против еретиков [310], Геннадий обратился к другому вопросу, тревожившему его с 1486 г.⁹⁹ Прочитав «Шестокрыль», Геннадий узнал, что в нем «276 девятысятиц» лет и решил, что это сделали евреи, чтобы издеваться над христианами. «А то хотят ту прелесть явити как изойдет наша пасхалия, занеже и аз испытно его прошел, да и написано у меня» [318]. Геннадий сам обратился к «Шестокрылу», чтобы узнать, как еретики «лета украли у нас». Из письма Иоасафу ясно, что под еретиками здесь Геннадий подразумевал не только евреев и татар, но главное латинян.

⁹⁶ Попов Г. Н. Живопись и миниатюра Москвы середины XV—начала XVI века. М., 1975. С. 51; Голейзовский Н. К. Два эпизода из деятельности епископа Геннадия // ВВ. М., 1980. Т. 41. С. 125—140.

⁹⁷ Сборник описан А. Горским и К. Невоструевым (Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Т. 3. С. 426—431).

⁹⁸ Сомнение в использовании новгородскими еретиками Шестокрыла высказано недавно Я. С. Лурье (Luria J. S. Unresolved Issues... P. 155—156), сославшимся на автора настоящей статьи.

⁹⁹ Это ясно из Послания Дмитрия Траханиота. См.: Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонову о седмиричности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 74. Авторы отмечают, что Дмитрий Траханиот отсчитывает от Адама до Рождества Христова 5511 лет и говорит, что «до сего году» 6997 лет. Но авторы статьи почему-то считают, что письмо датируется 6997 — 5508 = 1488/9 г., а не 6997 — 5511 = 1486, дата, подтверждаемая летосчислением «латын».

Из-за разниц между Пасхальными таблицами восточной и западной церковью, которые выявились на соборе 1447 г. (Ferrara/Florence), календарная проблема была актуальна и на Западе. Вопрос был решен католической церковью реформой календаря на пятом Латеранском соборе. Среди работ, получивших большую популярность на Западе в это время, было сочинение Дурандуса «Rationale Divinorum Officiorum»,¹⁰⁰ переведенное в 1495 г. в Новгороде.¹⁰¹ По-моему, из этого сочинения (а не из «Шестокрыла») Геннадий и узнал, что еретики «лета украли у нас».

Последняя просьба Геннадия в письме Иоасафу касается известного списка книг, которые «у еретиков все есть» [321]. Кто же были эти еретики? Против мнения, что список отражал круг интересов новгородских еретиков, можно выдвинуть много возражений. Все книги в списке, за исключением Логики, нам известны. Книги почти все безупречно православные, многие из них содержат противоеретическую полемику и существуют в копиях, созданных при дворе Геннадия. Хотя это не исключает возможности, что ими пользовались и новгородские еретики, но нам это кажется маловероятным.¹⁰²

Вспомним, что Геннадий объясняет распространение ереси присутствием священников, которых «еретики ставили в попы». Для епархий, имеющих общие границы с землями под юрисдикцией киевских митрополитов, присутствие киевских ставленников было серьезной проблемой. В 1490 г. Геннадию пришлось защищаться: «Ниже к Литве посылаю грамоты, ни из Литвы ко мне посылают грамот, ни паки литовские ставленники служат в моей архиепископии» [375]. Нельзя исключить возможности, что книги в списке Геннадия были у «субботствовавших» еретиков — славянских униатов или католиков.

III

Настоящая статья не исчерпывает свидетельств Геннадия, но все же дает возможность сделать некоторые выводы. Источники, которыми пользуется Геннадий, и его обвинения против еретиков дают нам противоречивые показания о сути ереси, с которой он боролся.

Это вполне понятно. Так как гетеродоксия определяется отношением к ортодоксии, то ясно, что четкое представление о ереси зависит от четких представлений о догме. В конце XV—начале XVI в. русская церковь проходила период больших преобразований по отношению к православному миру и к светской власти. В таких условиях церковь не успела еще выработать свою систему всеобъемлющей догмы и крепко держалась традиции в православии, определяя сопротивление традициям как ересь.

В том, что Геннадий действительно имел в своей епархии священников, не соблюдавших требования церкви, можно не сомневаться. Но использовать его свидетельство как доказательство существования определенного «еретического движения» нельзя.

¹⁰⁰ Marzi D. La Questione della Reforma del Calendario nel Quinto Concilio Lateranense (1512—1517). Firenze, 1896.

¹⁰¹ Бенешевич В. Н. Из истории переводной литературы в Новгороде // Сборник в честь академика Соболевского. Л., 1929. С. 378—380.

¹⁰² Howlett J. R. The Heresy of the Judaizers... P. 151—162.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБВИНЕНИЯ В ИСТОЧНИКАХ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
АРХИЕПИСКОПА ГЕННАДИЯ*Источники:*

- А. Послание Геннадия Прохору Сарскому, 1487 г. [309—312].
- Б. Послание Геннадия Нифонту Суздальскому, январь 1488 г. [312—313].
- В. Грамота Ивана III к Геннадию, февраль 1488 г. [313—314].
- Г. Грамота митрополита Геронтия к Геннадию, февраль 1488 г. [314 — 315].
- Д. Послание Геннадия Иоасафу, февраль 1489 г. [315—320].
- Е. Послание Геннадия Зосиме, октябрь 1490 г. [373—379].
- Ж. Послание Геннадия собору епископов, октябрь 1490 г. [379—382].
- З. Соборный приговор, 1490 г. [382—384].
- И. Окружное послание Зосимы, 1490 г. [384—386].
- Л. Послание неизвестному [390—391].

«Заблуждения» еретиков

Клятвопреступление

- А. Отказ под клятвой от своих ересей.
- Д. То же, что А.
- Ж. Захар преступил клятву.
- З. То же, что А., перед собором.

Двuruшничество

- А. Являют себя православными.
- Д. То же, что А.
- Ж. Заслуживают казни «вдвое», так как «ся зовут христиаше».
- З. После покаяния в Новгороде опять в Москве держались ереси.
- И. Зовутся священники и скрывают ересь.

Дисциплинарные погрешения

- А. Недостойно служат литургию.
- Д. Попы их, завтракав и пив до обеда, обедню служат.
- З. Не постятся в постные дни.
- А. Ставят в попы.
- Д. То же, что А.
- А. Грехи удобь прощают.
- Д. То же, что А.

Тексты, используемые еретиками

- А. Молились по-жидовски.
- А. Жидовским десятословием прельщают.
- Д. То же, что А.
- А. Превратили псалмы.

- Д. Псалмы правили по-жидовски; псалмы Давидовы или пророчества испревращали по тому, как им еретицы предали.
- Ж. Федор Курицын и другие «поучаются на православных».
- И. Пишут, учат и держут «книги отметныя».
- Д. Сильвестр и другие книги, которые у еретиков.

«Жидовствование»

- А. Жидовская мудръствуют.
- Б. Жидовскую веру величают, а нашу веру православную хулят.
- Г. То же, что Б.
- Д. То же, что А. / не одно иудейство, смешано с месалианскою ересью.
- Е. Ересь распространилась от жидовина в свите Михаила Олельковича; еретики уреклись «въпияни»; не покаившиися величают жидовскую веру.
- З. Субботствование; во всем следовали «обычаю жидовскому».
- И. Похваляют отреченный Ветхий закон и веру жидовскую хвалят.
- А. Учение о жидовских числах.
- Д. Украли лета жидовскими числы, зная, что кончается «наша паскалия»; украли лет.

«Иконоборческие» обвинения

- А. Обесчестили образ Богоматери.
- Б. Написали еретическую икону «Обрезание Иисуса Христа».
- В. Поругание святых икон.
- Ж. Алексейко подьячей, «напився», обругал икону Богоматери; Как иконоборцы заслуживают проклятие.
- З. Ругались образу Богоматери и Христа; хулили иконы; иконы щепляли и сжигали; о землю били иконами и крестами; бросали иконы в ведро.
- И. Святым иконам не кланяются, а зовут иконы идолы.
- Б. Вяжут кресты на вороны; крест «тельник».
- З. Ругались кресту; крест зубом искусали.

Христологические отступления

- А. Хулою возносятся на Иисуса Христа.
- Б. Хула на Христа; хула на Богоматерь.
- В. То же, что Б.
- Е. Преступают правила святых апостол, но и хулу на самого Христа говорили; это вина Федора Курицына.
- Ж. То же, что Е.
- З. Иисуса Христа Сыном Божиим не звали, отрицали вознесение и воскресение Христово.
- И. То же, что Б.

Против института церкви

- З. Хула на святителей, чудотворцев, отцов церкви.
- И. Хула на Петра, Алексия, и Леонтия, и Сергия.
- З. Хула на семь соборов.

Маркианство и мессалианство

- А. Маркианство и мессалианство; что есть ересей месалианских, то все они мудрствуют.
- Д. То же, что А.

Стригольничество

- Е. Захар «стригольник».
- Ж. Захар не давал причащения чернецам, обвиняя церковников в симонии.

Название ереси

- А. Ересь новгородских еретиков, жидовская мудрствующих.
- Б. Ересь новгородских еретиков.
- В. Ересь новгородских священников, диаконов, диаков и простых людей, величающих жидовскую веру.
- Г. Ереси в Новгороде, хулы и поругания от священников, и от диаконов, и от диаков, и от простых людей, величающих жидовскую веру.
- Д. Ересь новгородских еретиков, жидовская мудрствующих.
- Е. «Литовские оканье дела», от жидовина еретика.
- Ж. Ересь.
- З. Ересь, «что есте чинили в Великом Новгороде».
- И. Ересь новгородских еретиков.

Имена еретиков

- А. Наум.
- Б. Гридя Клоч [«что в подлинник не писан»].
- В. Поп Григорей Семеновской, поп Ересим Никольской, дьяк Самсонко, Гридя Борисоглебский.
- Г. Поп Григорей Семеновской, поп Ересим Никольской, дьяк Самсонко, Гридя Борисоглебский.
- Е. Поп Григорей Семеновской, поп Ересим Никольской, дьяк Самсонко, Гридя Борисоглебский; поп Гаврилко с Михайловы улицы, поп Денис; протопоп Алексей, Истома, Ивашко Черный, Зубов, Сверчек, Захар.
- Ж. Захар; подьячий Алексей; Самсонко, Алексей, Истома, Черный, Сверчек.
- З. Захар, протопоп Гаврила Новгородский, поп Максим, поп Денис, поп Василий, дьякон Макар, дьяк Гридя, дьяк Васюк, дьяк Самуха.
- И. Поп Денис новгородец, протопоп Гаврила Новгородский, поп Максим, поп Василий, дьякон Макар, дьяк Гридя, дьяк Васюк, дьяк Самуха.

Имя[ена руководителя]ей

- Е. Жидовин еретик; ересь начала распространяться после приезда Курицына в Москву.
- И. Захар.

М. М. БЕЛЯКОВА

«Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте

(к вопросу о датировке произведения)

Вопрос о хронологических рамках появления «Повести о Петре, царевиче ордынском» и неразрывно с ним связанный анализ исторических, идеологических и собственно литературных факторов, повлиявших на создание Повести, был и остается одним из ключевых вопросов в исследовании этого необычного памятника ростовской литературы, на первый взгляд кажущегося одиноким не только в кругу литературных памятников Ростова Великого, но и на фоне всей древнерусской литературы.

Датировка Повести у разных обращавшихся к ней авторов колеблется от середины XIV до конца XV в.

Один из первых исследователей повести В. О. Ключевский полагал, что житие Петра царевича и житие епископа Игнатия (который упоминается в Повести) принадлежат к числу древнейших памятников ростовской письменности. Отвергая предположение Филарета о том, что жизнь царевича Петра описана при ростовском епископе Трифоне (1462—1467),¹ а епископа Игнатия — при митрополите Максиме (1283—1305), В. О. Ключевский опирался на тот факт, что «уцелело указание на то, что оба жития писаны одним автором и притом житие царевича прежде»,² а поскольку житие епископа Игнатия занесено уже в синодальный сборник 1459 г., то написаны они раньше половины XV в.³ Однако, как справедливо отмечено Р. П. Дмитриевой и Г. В. Семенченко, это предположение Ключевского было основано на ошибочном истолковании смысла предложения «о сих же чудесах святителя инде скажем», добавленного в тексте Повести о Петре. На самом деле это не замечание автора, а дополнение, внесенное составителями Великих Миней Четых (рук. ГПБ, Софийское собр., № 1321, л. 539 а—в, под 28 мая).⁴

Анализ исторических реалий жития Петра позволил В. О. Ключевскому уточнить свой вывод о датировке произведения: «...автор жил не слишком далеко от начала XIV в. — времени тяжбы правнуков Бориса с внуками

¹ Филарет (Гумилевский) Обзор русской духовной литературы Харьков, 1859 ч. 1, с. 142.

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник М., 1871, с. 38.

³ Там же.

⁴ Житие Игнатия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. Вып. 1. С. 150. Ошибка В. О. Ключевского вполне понятна и объяснима, поскольку он был уверен в том, что списки в макарьевских Минеях «не вносили в текст поправок и поэтому сохранили некоторые черты его, измененные в других списках» (Ключевский В. О. Древнерусские жития С. 41, примеч 1)

Петра, но писал не стесняясь ростовских князей, следовательно, после того, как Москва начала сурово хозяйничать в Ростове, когда, по выражению жития Сергия Радонежского, „наста насилование много, сиречь княжение великое досталось кн. вел. Ивану Даниловичу“ и тяжело пришлось граду Ростову и князьям его, „яко отъятыя отъ нихъ власть и княжение“. Можно думать, что сказание о Петре и житие Игнатия написаны не позже половины XIV в.»⁵ А поскольку автор явно стоит на стороне рода Петра в тяжбе против ростовских князей, прося ему у Бога «соблюдения и умножения живота», то это, по мнению В. О. Ключевского, позволяет подозревать в нем «инока Петровского монастыря».⁶

М. О. Скрипиль, посвятивший несколько работ исследованию процесса формирования Повести, основывал свою датировку произведения также на соотношении общей тенденции Повести с историко-политической обстановкой в Ростовском княжестве, вызванной вмешательством великокняжеской власти в земельные отношения и суверенные права. Но если В. О. Ключевский, как мы видим, связал создание памятника с началом этого процесса (проникновение влияния Москвы в Ростовскую землю началось при Иване Калите⁷), то М. О. Скрипиль — с завершающим, как он полагал, этапом: с покупкой в 1474 г. великим князем Иваном III Борисоглебской стороны Ростова, еще называвшейся вотчиной ростовских князей. «Москва теперь становится, — пишет М. О. Скрипиль, — полновластным хозяином ростовских земель. Монастыри, и в частности Петровский, владевшие большими землями, имели все основания для тревоги».⁸ «В этой атмосфере местной трагедии» и создается, по мысли М. О. Скрипиля, «Повесть о Петре, царевиче ордынском» — «одно из запоздалых выражений протеста против политики объединения всех северо-восточных русских княжеств вокруг Москвы».⁹

М. О. Скрипиль показал также несомненную связь сюжета Повести о Петре с целым рядом легенд об ордынцах — основателях монастырей (таких, как сказание о ясащике Буге, сказание об ордынском князе Чете): «...а так как более или менее заметным появлением „царевичей“ в Московском княжестве становится только к середине XV в., то возникновение сюжета об ордынце — основателе монастыря нельзя отнести ко времени раньше конца XV в.»¹⁰

Аргументация М. О. Скрипиля, в целом достаточно убедительная, все же не бесспорна и вызвала у И. У. Будовница, например, целый ряд возражений:

— Борьба за землю и доходы между церковью и княжеской властью началась задолго до Ивана III и была весьма обычным явлением в XIII—XIV вв. Кроме того, у Петровского монастыря не было оснований для беспокойства в связи с присоединением к Москве (земля была конфискована у новгородского владыки, которого обвиняли в измене, но представителей

⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 42.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Зятем Ивана Калиты был один из ростовских князей, владевших западной, Борисоглебской, половиной княжества, — Константин Васильевич. Подробнее об этом см.: Кучкин В. А. Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 186—192.

⁸ Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче ордынском // Русские повести XV—XVI ввек. М.; Л., 1958. С. 434.

⁹ Там же. С. 435.

¹⁰ Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче ордынском // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 354.

ростовского духовенства московское правительство не рассматривало как изменников).

— Если ордынские царевичи только в середине XV в. стали заметны в Московском княжестве, то в пределах княжества Ростовского татарские вельможи оседали уже в XIII в., о чем свидетельствует текст того же жития царевича Петра («беша бо тогда в Ростове ординьский вельможи») и топонимические данные.¹¹

Решающим же аргументом в вопросе о датировке Повести И. У. Будовниц, по-видимому, считал тот факт, что произведение, проникнутое настроениями «сервилизма и угодничества перед „благодетелями“-ханами, пожаловавшими своих богомольцев милостивыми ярлыками», не могло быть написано после распада Золотой Орды и превращения Руси в могучее государство, «представители которого не нуждались в чести татарской». Исходя из этого, И. У. Будовниц отнес создание Повести к началу XIV в.,¹² подтвердив таким образом датировку В. О. Ключевского.

Суммируя эти точки зрения, можно заключить, что исследователи определяли время создания Повести, исходя так или иначе из исторической и политической обстановки в Ростовском княжестве, вызванной вмешательством великокняжеской власти. В связи с этим следует, очевидно, более подробно рассмотреть дату, указанную М. О. Скрипилем, — 1474 г. — дату, как традиционно считалось, окончательной потери самостоятельности Ростовским княжеством.¹³

Дело в том, что последние исследования рисуют куда более сложную, чем это представлялось ранее, картину утраты самостоятельности княжеством, растягивая процесс более чем на полтора столетия и лишая 1474 г. значения решающего. Этот процесс присоединения Ростовского княжества к Москве включал в себя два хотя и взаимосвязанных, но хронологически разнесенных явления — присоединение земельных владений и потерю судебного иммунитета. В рамках такой концепции Р. В. Кобрин в своей монографии «Власть и собственность в средневековой России» трактует летописное известие 1474 г. о покупке Иваном III «половины Ростова»¹⁴ как оформление продажи оставшейся к этому моменту у ростовских князей части судебной власти. Таким образом, по мысли Р. В. Кобрина, вхождение Ростова в состав Московского княжества не может рассматриваться как результат одновременного акта, а, напротив, было процессом длительным и многоэтапным. В частности, автор обращается к источникам, свидетельствующим о начале проникновения Москвы в Ростовскую землю при Иване Калите, Дмитрие Донском и особенно при Василии II (Темном). Акты еще 50-х гг. XV в. создают впечатление, что Ростов уже полностью присоединен. В 1461 г. Василий II завещал Ростов своей жене Марии Ярославне «со всем, что к нему потягло». «Ростовские князья — уже не полные собственники: они только „ведают“ и „держат“ свои владения,

¹¹ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI—XIV вв. М., 1960, С. 344

¹² Там же

¹³ М. О. Скрипиль основывался, по-видимому, на летописном известии и на труде А. В. Экземлярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.» (СПб., 1891 Т. 2), интерпретировавшего это летописное известие о продаже половины Ростова совершенно однозначно «более чем двухвековая самостоятельность Ростовского удельного княжества кончилась в 1474 г.», «в 1474 г. Ростов и уже навсегда входит в состав великого княжества Московского» (С. 62). Эта точка зрения до недавнего времени была общепринятой. См. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960 С. 830, Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984 С. 266—271

¹⁴ ПСРЛ СПб., 1859 Т. 8 С. 180, Пг., 1921 Т. 24 С. 194

причем не сами по себе, а лишь „при ... великом князи“ и „при ... княгине“. Их держание тем самым соединяется с правами верховной собственности великого князя».¹⁵

Р. В. Кобрин обратил внимание и еще на одно отмеченное в исследовании В. Л. Янина обстоятельство: к моменту заключения в 1456 г. Яжелбицкого договора между Москвой и Новгородом суверенитет Москвы уже распространялся на некоторые ростовские волости, относившиеся к той Борисоглебской половине княжества, которая была якобы продана Москве лишь в 1474 г.¹⁶

Но что же тогда может означать летописное сообщение о продаже половины Ростова? Что продали ростовские князья Владимир Андреевич и Иван Иванович в 1474 г.? Поскольку в русском средневековом праве дробные части владений (половины, трети, четверти и т. п.) далеко не всегда соответствовали реальным географическим единицам и часто речь шла о том, что владелец доли получал только соответствующую часть доходов, то, «возможно, — заключает Р. В. Кобрин, — и проданную в 1474 г. „половину“ Ростова надо рассматривать не географически (не как часть территории), а юридически (как оставшуюся к 1474 г. часть судебной власти)».¹⁷

Таким образом, именно это событие едва ли могло послужить непосредственным толчком к созданию «Повести о Петре, царевиче ордынском», как полагал М. О. Скрипиль. Тем более, что, купив Борисоглебскую сторону, великий князь передал владение своей матери Марии Ярославне («князь же великий, купив у них, дасть матери своей ту половину, великой княгине Марьи»),¹⁸ которой Ростов «со всем, что к нему потягло», уже был завещан в 1461 г. До 1485 г. Ростов оставался удельным княжеством, так как Мария Ярославна даже после пострижения в монахини в 1478 г. продолжала управлять Ростовом, выдавала грамоты, судила поземельные тяжбы,¹⁹ поэтому окончательно в состав великокняжеских земель Ростов вошел только после 1485 г., после смерти великой княгини.

Следует отметить также, что особые отношения с Ростовом Марии Ярославны начали складываться даже раньше 1461 г. Известно, что в 1458 г. ростовский владыка Феодосий допустил незначительное нарушение правил поста, «митрополит же Иона восхоте сан сняти с него», и лишь великая княгиня «отпечаловала» его у митрополита. «От печалования» Мария Ярославна получила входившее в состав архиепископских владений богатое село Петровское,²⁰ очевидно то самое, которое, по свидетельству ростовского краеведа А. А. Титова, издавна принадлежало Петровскому монастырю.²¹ К этому необходимо добавить, что Василий II выдал две

¹⁵ Кобрин Р. В. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 62—63.

¹⁶ Там же. С. 63. См. также: Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. // ИЗ. 1982. Т. 108. С. 190—197.

¹⁷ Кобрин Р. В. Власть и собственность... С. 63.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 24. С. 194.

¹⁹ Зимин А. А. Удельные князья и дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 173—174.

²⁰ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 181; Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986. С. 158.

²¹ Древний город Петровск находится в 23 верстах от Ростова, он преобразован из села Петровского при учреждении Ярославского наместничества в 1777 г. (Топографическое описание Ярославского наместничества. Ярославль, 1784. С. 45.). Летопись упоминает о Петровском под 1207 г. (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 115). Свое наименование село и получило, как писал М. О. Скрипиль, от Петровского на Поле монастыря, которому принадлежало, и это еще раз доказывает, по его мнению, что монастырь уже существовал в начале XIII в., до приезда Петра, царевича ордынского, в Ростовское княжество (Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче ордынском. Рукопись).

жалованные грамоты на рыбные ловли в Ростовском озере и на двор в Ростове Троице-Сергиевому монастырю. Одна из грамот датируется временем игумена Зиновия (1432—1445 гг.), вторая не содержит имени игумена, но, как полагал С. Б. Веселовский, может быть датирована временем около 1446—1448 гг.²²

Как мы видим, причины для тревоги за свои земельные владения могли возникнуть у Петровского монастыря гораздо раньше 1474 г. Поэтому привлечение данных только общего исторического контекста в принципе не может в данном случае служить достаточным основанием для вывода о времени появления «Повести о Петре, царевиче ордынском». Тем не менее приведенные здесь данные содержат, на наш взгляд, весьма важный материал для расстановки некоторых акцентов: если в XIV в. вмешательство великокняжеской власти затрагивало интересы и ограничивало права в основном ростовских князей, то в середине XV в. — еще и Петровского монастыря. Понять, почему это так важно, можно, если обратиться к тексту Повести, проанализировав еще раз ее общую направленность и отношение автора к описываемым персонажам (в том числе исторически реальным).

Прежде всего, и это подчеркивал еще В. О. Ключевский, данное произведение «отличается тенденциозным характером: оно написано с целью доказать неоспоримость прав потомства Петрова и монастыря, основанного царевичем, на земли и воды, купленные последним у ростовского князя Бориса».²³ Следует сразу уточнить, что большая часть списков Основной редакции²⁴ (в том числе и оба списка конца XV в.)²⁵ не называют по имени ни князя,²⁶ ни его потомков: там фигурируют «ростовский князь» или «старый князь», «дети и внуки старого князя». В этом нарочито обезличивании М. О. Скрипиль видел своеобразное выражение позиции автора, подтверждая наблюдение В. О. Ключевского о невыгодном освещении в Повести ростовских князей. Здесь необходимо, на наш взгляд, отметить несколько моментов.

Образ самого «старого князя» в обрисовке Повести далеко неоднозначен: довольно сомнительные детали и штрихи его портрета более отчетливо проявляются при сопоставлении текста Основной редакции с Минейной и Житийной. После молебна на берегу озера князь

²² См.: Кобрин Р. В. Власть и собственность... С. 61—62; АСЭИ М., 1952. Т. 1. № 98: (1432—1445 гг.) Жалованная льготная и несудимая грамота вел. кн. Василия Васильевича Троице-Сергиева монастыря игумену Зиновию на рыбные ловли в Ростовском озере и на двор в Ростове («...велел есми им ловити неводом в Ростовском озере всякою ловлею, да и в реках ловити да и с лучи ездити...» (С. 79); № 107: (1432—1462 гг.) Жалованная льготная и несудимая грамота вел. кн. Василия Васильевича Троице-Сергиева монастыря игумену на право рыбной ловли в Ростовском озере и на покупку двора в г. Ростове, с указанием порядка смесных судов с ростовскими князьями (С. 85).

²³ Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 41.

²⁴ В результате проведенного нами текстологического анализа 108 списков Повести было выделено 5 редакций текста, которым были даны условные названия: 1) «основная», 2) «минейная», 3) «особая», 4) «проложная», 5) «житийная». Упомянутые в статье Минейная и Житийная редакции вторичны по отношению к Основной (текст Повести в Минейной редакции включен в состав Великих Миней Четых; текст Житийной редакции мы находим в «Житиях святых» Димитрия Ростовского). Об особенностях сюжета этих редакций см. Белякова М. М. Об эволюции сюжета «Повести о Петре, царевиче ордынском». XV—XIX вв. // Вопросы сюжета и композиции в русской литературе: Межвуз. сб. Горький, 1988. С. 5—12.

²⁵ Древнейшие из обнаруженных списков памятника датируются концом XV в. — ГПБ, Софийское собр., № 1389; ГБЛ, собр. Никифорова, № 421.

²⁶ Имя князя — Борис Васильевич — устанавливается путем соотнесения с пребыванием в епископах названного в Повести Кирилла. Некоторые списки Основной редакции называют имя Бориса Васильковича (см., например: ГПБ, собр. Погодина, № 650; ГПБ, Ф. I. № 286 и т. д.)

Осн. ред.

«глумяся рече Петру: Владыка тебе церковь устроит, а яз места не дам!» (С. 28).²⁷

Жит. ред.

«яко глумяся или искушая, глагола Петру: владыка сосиждет церковь тебе, аз же не дам тебе места окрест церкви...».²⁸

И это он произносит после того, как владыка поведал ему о явившихся во сне апостолах, а сам он видел в церкви чудесные иконы, выменянные Петром, от света которых «вси предстоащи ужасошася». Вполне расчетливо князь назначает за землю непомерную цену, решив использовать ужас владыки от видения апостолов, чтобы «отлучить» побольше денег:

Осн. ред.

«Князь же, яко виде мешца Петровы въ епископии, помолча, помысли: „У тебе колико отлучит от ужаста владыки от святых апостол“» (С. 28).²⁹

Мин. ред.

«Князь же, яко виде мешца съ златом и сребром Петрова в епискупьи, помолча и помысли в себе, веры иж(е) к Богу отрока и о силы Божиен и святых апостол, и помысли у него земли и сел колико отлучит, и от ужаста въздохнув, яко Бога ради ли бысть владыку и святых апостол вся...».³⁰

И «отлучает» множество сребра и злата! Правда, спустя несколько лет князь выдает Петру грамоты «на множество земель от озера, воды и лесе» и братается с ним в церкви.

Дети «старого князя» «зваху Петра дядею и до старости, и мирна лета многа живыше, преставишас».³¹ Внуки же ростовского князя отрекаются от родства (они говорят о внуке Петра: «род татарьскы, кость не наша, что се есть нам за племя». С. 32), завидуют детям Петра, которые «в Орде выше их честь приимаху», пытаются отобрать у потомков Петра земли и запретить их рыбакам ловить рыбу в Ростовском озере. Они столь же расчетливы («сребра нам не остави не сей, ни родители наши». С. 32), сколько и трусливы: пугаются ордынского посла, приехавшего разбирать тяжбу («и бысть боязнь князем царева посла». С. 32, 34), а от Ахмыла, подошедшего к Ростову «съ всей силою своею», бегут, оставив город.

Таким образом, поскольку повествование охватывает несколько поколений персонажей, можно проследить и динамику в их изображении: сомневающийся, но все же уверовавший в чудо (и в особую благодать, обретенную Петром) «старый князь», и забывшие об этом, а потому уже совершенно непривлекательные в изображении автора, внуки ростовского князя.

Некоторый сдвиг в отрицательную сторону можно отметить и в образах ростовских епископов: святой Леонтий, от раки мощей которого «съдеваются чудеса», — святой епископ Кирилл, ходивший в Орду и исцеливший ханского сына, — «святый владыка Игнатиий», который тоже стал ходить в Орду, «емля оброки царьския», — владыка Прохор, бежавший от Ахмыла вместе с ростовскими князьями, которого только под угрозой оружия возвращает правнук Петра Игнат («Игнат же извлекъ мечь

²⁷ Здесь и далее текст Основной редакции цитируется с указанием страниц в тексте по последнему изданию: ПЛДР: Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. Иногда с целью уточнения текста мы обращаемся к списку ГПБ, Софийское собр., № 1389.

²⁸ ГПБ, собр. Титова, № 1978, л. 260.

²⁹ Примечательно, что двусмысленность этого выражения князя ощущали, по-видимому, переписчики уже в XVI в.: список ГПНТБ СО, собр. Тихомирова, № 295, а также списки XVII в. — ГИМ, собр. Уварова, № 386 и ГПБ, Соловецкое собр., № 806/916 дают чтение: «...от части владыки от святых апостол».

³⁰ ГПБ, Софийское собр., № 1322, л. 232.

³¹ ГПБ, Софийское собр., № 1389, л. 499.

и согони владыку и рече ему: Аще не идиши со мною противу Ахмыла, то самъ посеку тя». С. 34).³² И любопытная деталь: ростовский владыка, послушавшись Игната, возвращается и исцеляет сына Ахмыла. Но епископ Прохор не называется святым.

Для мировоззрения автора Повести характерно такое противопоставление: с одной стороны, «ухудшение» от поколения к поколению представителей княжеской власти и епископов ростовских, а с другой — тождественность в «святости» Петра и его наследников. Он подчеркивает верность внука Петра заветам своих родителей («Внукъ же Петровъ, именемъ Юрии, яко же навиче у родитель своих честь творити святей госпожи Богородици въ Ростове, и гривны на ню възлагати, и пированиа владыкамъ и клиросу, и сбору церковному, и праздникому святых апостоль Петра и Павла, и памяти творити родитель и прародитель, вечная их памяти по вся лета»).³³ И сын, и внук Петра обращаются за помощью в разбирательстве тяжбы к своим ордынским родственникам, те их неизменно встречают с почетом и одаривают многими подарками. Эти походы в Орду нисколько не возмущают автора Повести, но, напротив, он каждый раз подчеркнuto точно отмечает степень родства: «сказася брата царева внукъ», «сказася правнукъ брата царева», «сказася ему древняго брата царево племя». Более того, при прощании с Игнатом Ахмыл приносит фразу, подтверждающую возможность таких походов и в будущем: «Царева кость, наше племя; еже ти здесь будеть обида, да не ленися ити до нас» (С. 36). Таким образом, покровительство Орды, родственные связи с ордынцами автор рассматривает как нечто безусловно положительное, возвышающее род Петра (а соответственно и Петровский монастырь) над ростовскими князьями и, в какой-то степени, над ростовскими епископами.

Обращение автора к изображению родственных связей с Ордой далеко не случайно в этом произведении: оно отражает определенные исторические реалии ростовской действительности. Летописи содержат многочисленные упоминания о поездках в Орду ростовских князей и епископов: Борис Василькович (по Повести «старый князь») был в Орде пять раз — в 1244 г.,³⁴ в 1245 г.,³⁵ в 1250 г.,³⁶ в 1256 г.³⁷ и в 1257 г.;³⁸ Глеб Василькович (удельный князь Белозерский, недолгое время княживший в Ростове после смерти своего брата Бориса) был там четыре раза — в 1244 г.,³⁹ в 1249 г.,⁴⁰ в 1268 г.⁴¹ и в 1271 г.⁴² Борис Василькович и Константин Борисович (сын «старого князя») в Орде и умерли.⁴³ Глеб Василькович Белозерский был женат на родственнице хана, названной в крещении Феодорой,⁴⁴ Константин

³² Житийная редакция полностью устраняет эпизод нашествия Ахмыла.

³³ ГПБ, Софийское собр., № 1389, л. 499 об.

³⁴ ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 226.

³⁵ Там же. С. 201; ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 129.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 203; Т. 10. С. 137.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 203; Т. 10. С. 140—141.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 203, 226; Т. 10. С. 141.

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. С. 226.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 202; Т. 10. С. 137; Т. 7. С. 159.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 147.

⁴² Там же. С. 150.

⁴³ Смерть в Орде Бориса Васильковича отмечается под 1277 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 227; Т. 10. С. 141), Константина Борисовича — под 1307 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 229). С Константином Борисовичем связан также любопытный, на наш взгляд, эпизод, о котором сообщает Лаврентьевская летопись: в 1294 г. Константин Борисович, неизвестно по какой причине, рассорился с владыкой Тарасием, который вследствие этой ссоры выехал из Ростова в Устюг. Константин Борисович пустился за ним в погоню «и ять владыку, и люди около его пойма» (ПСРЛ. Т. 1. С. 228).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 203, 226—227.

Борисович во второй раз женился также в Орде у какого-то, как сказано в Лаврентьевской летописи, «Кутлукорткы».⁴⁵

Но эти реалии ростовской жизни были подвергнуты в Повести существенной модификации, реальность литературного текста оказалась вывернутой наизнанку по отношению к действительности: все, что было характерно для ростовских князей, автор перенес на Петра и его потомство, князья же изображаются очень далекими и чуждыми каких-либо родственных отношений с татарской знатью. Несомненно существенной деталью является и то обстоятельство, что для автора Повести связь с татарами есть элемент положительной характеристики персонажа, а такие связи были характерны именно для ростовской действительности.

В качестве судей между потомками Петра (монастырем)⁴⁶ и ростовскими князьями выступают в Повести ордынские послы. Эта деталь кажется очень странной по отношению к монастырю, находившемуся в подчинении у ростовского епископа, который, собственно, мог если и не выступать в качестве арбитра, то принимать какое-то участие в решении спорных для монастыря вопросов. По повести же ростовские епископы никакого участия в тяжбах монастыря не принимают. Возможно, эту линию развития сюжета следует рассматривать как попытку автора мотивировать не только особые права («святость» и неприкосновенность) на отбираемые земли, но и независимость от ростовского владыки. Подобные идеи могли возникнуть под влиянием примера другого монастыря, также формально подчиненного ростовскому владыке, но упорно, а главное безуспешно, отстаивавшего свою независимость.

Речь идет о Кирилло-Белозерском монастыре, владевшем обширнейшими землями, который с самого начала своего существования играл роль важнейшего культурного центра, отдаленного и независимого, постоянно занимавшего самостоятельную позицию в борьбе между основными политическими силами XV в.

Официальным патроном монастыря считался архиепископ Ростова Великого, находившийся за сотни верст от Кириллова монастыря. Но по завещанию основателя монастыря Кирилла он передавался под покровительство князя Андрея Дмитриевича Белозерского и Можайского, а не в распоряжение епархиального владыки, ростовского архиепископа (как это было обычно). Двойное подчинение — ростовскому владыке и местному белозерскому князю — обеспечивало независимость Кирилло-Белозерского монастыря, но вместе с тем приводило, как отмечает Я. С. Лурье, «к постоянным столкновениям между белозерскими князьями и ростовскими архиепископами из-за монастыря».⁴⁷ Эти споры между князьями и владыками, естественно, находили отклик в самом монастыре. «Сторонники Михаила Андреевича Белозерского ссорились с приверженцами архиепископа. Сменявшие друг друга игумены были ставленниками то той, то иной группы, и назначение очередного игумена вызывало иногда уход недобровольных „старцев“ из монастыря».⁴⁸

В конце 1467 г. ростовским архиепископом стал великокняжеский духовник Вассиан Рыло, почти сразу же начавший борьбу с белозерским князем за власть над Кирилловым монастырем. Сторонником белозерского князя в этой борьбе оказался глава церкви — митрополит Геронтий, покровителем Вассиана — великий князь Иван III. Открытое столкновение

⁴⁵ Там же. С. 228.

⁴⁶ Для автора Повести права и привилегии потомков Петра и основанного им монастыря в принципе тождественны (правнуки «старого князя» говорят внуку Петра Юрию: «...дель вашу грамоты взя у прародитель наших на место монастыря вашего...». С. 32).

⁴⁷ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 67.

⁴⁸ Там же.

между великим князем и митрополитом, происшедшее в 1478—1479 гг., было вызвано позицией, которую занял Геронтий в споре о подсудности Кирилло-Белозерского монастыря. Источники по-разному изображают развитие этого конфликта. Летопись, сочувствующая ростовскому владыке, приписала инициативу в «брани» 1478 г. игумену Кирилло-Белозерского монастыря Нифонту (противнику архиепископа и приверженцу белозерского князя) и связанным с ним «высокоумным чернецом». По свидетельству этой летописи, «чернеци», возглавляемые Нифонтом, «научиша князя Михаила, князь же Михайло начать митрополиту говорити о том», митрополит же «повинуся князю Михайлу и грамоту дасть ему, что княз(ю) ведат(и) монастырь, а Ростовскому архиепископу в него не вступатися», но в дело вмешался великий князь и указал «ведати» Кириллов монастырь ростовскому архиепископу.⁴⁹

Однако, как замечает Я. С. Лурье, о событиях 1478 г. сообщает и другой источник с диаметрально противоположной тенденцией — правая грамота митрополита Геронтия, предоставляющая «князю Михайлу Андреевичу Кириллова монастыря игумена судити по старине», согласно которой инициатором спора был архиепископ Вассиан, «въступившийся» в «князь Михайлов в Кирилов монастырь».⁵⁰

В ходе разбирательства этого конфликта представитель удельного князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского заявил: «...истарины прежние архиепископы ростовские во государя моего в Кирилов монастырь не вступалися, приставов своих не слали, а игумена и братья не судили, и десятильников своих к ним не въсылали, и пошлин не имали — при Кириле и после Кирила — при государя моего князе Михайлове отце, при князе Андрее Дмитриевиче, и до сих мест, а судил... того Кирилова монастыря игумена государя моего княж Михайлов отец — князь Андрей Дмитриевич, а братью свою — старцев Кирилова монастыря — судил игумен; а после отца своего того Кирилова монастыря игумена судил государь мой князь Михайло Андреевич и до сих мест, опрочь духовных дел; а в духовных... делах игумена ведает архиепископ, занеж... тот Кирилов монастырь у государя моего, как у государя великого князя его монастыри — Спас на Москве, да Пречистая на Симонове, да Никола на Угреше».⁵¹

Исход спора источники описывают одинаково: сначала митрополит выдал «грамоту» Михайлу, но затем вмешался Иван III и решил спор в пользу Вассиана.⁵²

Основываясь на материалах, относящихся к этому конфликту, Л. В. Черепнин отметил, что «в конце 70-х годов XV в. архиепископом ростовским Вассианом была сделана попытка изъять из административно-судебного подчинения местному удельному князю крупнейший монастырь Белозерского княжества».⁵³ По наблюдению С. М. Каштанова, «архиепископские грамоты показывают, что если еще в 50-х годах XV в. игумены и попы сельских церквей Кириллова монастыря были де-юре подсудны владыке, очевидно, по всем вопросам, то уже в 60-х годах суд над ними оказался

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 24. С. 197.

⁵⁰ Лурье Я. С. Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 221.

⁵¹ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 315. С. 280.

⁵² Лурье Я. С. Борьба церкви с великокняжеской властью... С. 221. Я. С. Лурье называет и третий источник, сообщающий о борьбе Нифонта с Вассианом, — одно из посланий Иосифа Волоцкого, согласно которому первая ссора между ними произошла гораздо раньше, когда митрополитом был Филипп I (1464—1473) (Там же).

⁵³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2. С. 194.

в руках кирилловского игумена, а на долю владычного суда осталось одно „духовное дело“».⁵⁴

Присоединяясь к оценкам Л. В. Черепнина и С. М. Каштанова, в своей монографии Н. С. Борисов счел необходимым отметить, что действия Вассиана были «в значительной мере спровоцированы вызывающим поведением уверенных в своей правовой неприкосновенности кирилловских „старцев“, а прикрытием для наступления „старцев“ на права ростовского архиепископа служило могущественное покровительство, которое неизменно оказывал монастырю его светский сюзерен князь Михаил Андреевич».⁵⁵ Так, например, Михаил Андреевич взял сторону Кириллова монастыря во время земельной тяжбы с Троице-Сергиевым монастырем: он «оправил» представителя Кириллова монастыря и «обвинил» представителя Троице-Сергиева, игумена Паисия Ярославова.⁵⁶

Поражение в споре с архиепископом Вассианом и великим князем в 1478 г. не смирило кирилловских «старцев». В 1482 г. Иван III нанес по монастырю сразу два удара: из Кириллова монастыря был переведен игумен Нифонт и одновременно по указанию великого князя был проведен «отвод» белозерских земель, точное межевание владений Кириллова монастыря и его соседей, грамоты монастыря были забраны в казну.⁵⁷ Это мероприятие, по мнению исследователей, преследовало важную цель — ограничить дальнейший рост монастырской вотчины.

Новый игумен монастыря Серапион, который, по-видимому, был политическим антиподом Нифонта, не удовлетворил сторонников прежнего игумена, связанных с митрополитом и местным удельным князем. В августе 1483 г. «старцы болшии 15 из Кирилова» покинули обитель и вернулись туда в марте 1484 г. «по грамоте князя Михаила Андреевича», лишь после того, как он «отогнал» нового игумена.⁵⁸ В результате во главе монастырской братии вновь стал приверженец монастырской «старины», постриженник Нифонта Гурий Тушин.

Борьба кирилловских «старцев» за сохранение традиционных порядков вызывала сочувствие многих представителей московской знати, среди которых была и княгиня Мария Ярославна, мать Ивана III (известно, что она сочувствовала удельным князьям и неодобрительно относилась к жесткому внутривнутриполитическому курсу Ивана III).⁵⁹

Таким образом, если попытаться обобщить эту сложную и мозаичную (в силу недостатка, а вероятно, и недостаточной изученности исторических материалов) картину внутреннего состояния ростовской епархии в конце XV в., то здесь, при всем различии деталей и конкретных проявлений борьбы Кирилло-Белозерского монастыря, выступлений кирилловских «старцев», внутривнутриполитической обстановки в Ростовском княжестве, следует

⁵⁴ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 128.

⁵⁵ Борисов Н. С. Русская церковь... С. 169.

⁵⁶ АСЭИ. М., 1952. № 467: (1472—1482 гг.) Правая грамота, с суда верейского и белозерского кн. Михаила Андреевича данная Кириллова Белозерского монастыря игумену Нифонту на Вашкуец с дер. Саврасовской и Гридиной и земель и Усть-Вашкинца (?), в Белозерье, бывшем в споре с Троице-Сергиевым монастырем.

⁵⁷ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 104—105, примеч. 3. В последней четверти XV в. Кириллову монастырю принадлежало более 50 деревень. Ревнитель строгого монашеского подвижничества Нил Сорский покинул монастырь, так как иноки в нем жили «не по законам Божиим», а «по своим волям и умышленным человеческих» (Борисов Н. С. Русская церковь... С. 182; Лурье Я. С. К вопросу об идеологии Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 187, 189).

⁵⁸ Лурье Я. С. Борьба церкви с великокняжеской властью... С. 222.

⁵⁹ Борисов Н. С. Русская церковь... С. 179.

обратить внимание на сходство ситуации, в которой оказались Кирилло-Белозерский, ростовский Петровский и, по-видимому, другие монастыри ростовской епископии. Ситуации, когда прежние владельцы и покровители — удельные князья (ростовские, верейско-белозерские) постепенно утрачивают свои права и привилегии. Ситуации, пользуясь современными терминами, политической нестабильности, неуверенности, зыбкости, когда монастыри вынуждены либо, апеллируя к «монастырской старине», настойчиво обосновывать и подтверждать подчиненность своему прежнему покровителю — удельному князю (как Кирилло-Белозерский монастырь), либо искать другого покровителя и обращаться к авторитету основателя монастыря (как Петровский монастырь).

Представляется вероятным, что это сходство ситуации и обусловило тот факт, что «Повесть о Петре, царевиче ордынском» хотя и создается в русле ростовской литературы, но при весьма заметном влиянии идеологических и политических тенденций, характерных для кругов, близких к Кирилло-Белозерскому монастырю.

Косвенным подтверждением такой связи с Кирилло-Белозерским монастырем могут служить и некоторые данные текстологии.

Во-первых, наблюдения над конвоем «Повести о Петре, царевиче ордынском» показывают, что это произведение, как это вполне естественно можно предположить, традиционно помещается в сборниках, содержащих жития ростовского цикла,⁶⁰ к которым часто присоединяется еще и житие Кирилла Белозерского. В количественном отношении это составляет такую пропорцию: из 30 сборников с житиями ростовских святых 12 содержат и житие Кирилла Белозерского,⁶¹ и в одном сборнике XVII в. (ЦГАДА, ф. 181, № 639) помещены Повесть и житие Кирилла Белозерского, но нет житий ростовских. Житие Кирилла Белозерского сопровождает «Повесть о Петре, царевиче ордынском» и в двух сборниках конца XV в.⁶²

Во-вторых, два рукописных сборника (ГПБ, Софийское собр., № 1389 и 1364) имеют на полях одинаковые пометы — «Книга Кирилова монастыря». Рукопись № 1364, как это явствует из вкладной записи, дана в монастырь в 1547 г., когда же там появился первый из названных сборников, неизвестно. Этот факт принадлежности может, на наш взгляд, дополнить предположение об идейном влиянии Кирилло-Белозерского монастыря свидетельством о наличии и обратной связи — заинтересованности этим произведением в Кирилло-Белозерском монастыре, а следовательно, «Повесть о Петре, царевиче ордынском» отразила какие-то общие и волнующие моменты.

Любопытный материал дает сопоставление сюжетных элементов Повести с сюжетами других житий ростовского цикла, и, в частности, с созданным, как полагает большинство исследователей, в XV в. житием Авраамия Ростовского⁶³ и чудесами, которыми было дополнено в это же время житие епископа Леонтия.

Житие Авраамия Ростовского повествует о легендарном основателе Борисоглебского монастыря (кроме жития, об Авраамии не сохранилось исторических сведений) и среди прочих сюжетных элементов содержит

⁶⁰ Ростовский цикл включает жития епископов ростовских — Леонтия, Игнатия, Исаяи; житие Авраамия Ростовского — основателя Богоявленского монастыря и житие Исидора Твердислова, ростовского юрודивого. Такой состав мы находим в сборниках XVI в.

⁶¹ В это число, естественно, не включались минеи четьи на июнь, где житие Кирилла Белозерского и Повесть о Петре сочетались бы по календарному принципу, помещаясь соответственно под 9 и 29 числами.

⁶² ГПБ, Софийское собр., № 1389; ГБЛ, собр. Никифорова, № 421.

⁶³ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 237—239.

такой: бес, желая отомстить святому, явился князю в образе воина и сообщил ему, что Авраамий построил монастырь на средства, добытые им из вырытого из земли клада, который является княжеской собственностью, поскольку земля принадлежит князю: «...тем бо съкровищем монастырь созда и церковь велию постави, а твоему господству не поведает». ⁶⁴ Князь вознегодовал, но в прениях с Авраамием бес был посрамлен, а князь стал просить у старца прощения «и честь велию възда ему на създание монастырем, и домы и села многы даде к монастырю, и устрои его своим монастырем, и учини его вышша всех обителей, иже суть в Ростове, и многы рабы подаде в дом святому богоявлению, и грамоты подаде многы жалованные, иже суть и до сего дне...». ⁶⁵ Мы видим здесь знакомые по Повести мотивы: покушение князя на монастырскую собственность, правда, в более «чудесной» и в какой-то степени более традиционной форме — оно вызвано вмешательством дьявола, и освящение земельных владений монастыря именем его основателя — Авраамия.

Не менее ярко мотив освящения монастырской собственности выражен в чуде епископа Леонтия, имеющем характерное название «О земли» и происшедшем, как указывается в тексте, при епископе Трифоне (1462—1467). Некий слуга князя, именем Захария, жил в селе своем близ сел святой Богородицы и святого Леонтия и «помышляше в себе безумный, яко да лукавствомъ приобрящетъ къ своему селу ону землю святыя Богородица». Захария нашел лжесвидетелей и с их помощью завладел участком, но лишь только он засеял его, как начал кричать, что та земля стоит над ним облаком и засыпает ему глаза. Ослепшего в раскаянии привели к раке чудотворца Леонтия, и, когда архиепископ отслужил молебен, Захария стал здоров. Особое внимание обращает на себя способ решения спора о земельных владениях, описанный в этом чуде: «обычай же издавна убо и у прежних епископовъ, яко егда с кемъ будетъ спорно слово о земли, то священника съ Леонтиевымъ крестомъ на разводъ да и посылаеть, а не яко же и прочии суды и тяжбы съставляху и кровь проливающе». ⁶⁶

Следует отметить, что мотив защиты земельных владений монастыря именем его святого покровителя, принимающий, как мы видим, в ростовской литературе XV в. форму литературного произведения, известен и по другим, более древним памятникам письменности и в своем бытовании не ограничивался только литературной формой. Употребление соответствующих формул-обращений к святым патронам вступить за монастырские владения в случае покушения на них со стороны князей, епископов или иных лиц зафиксировано, например, в новгородских актах, закрепляющих феодальные права монастырей. Такие «заклятья» содержат, в частности, две знаменитые грамоты XII в. великих князей Мстислава Владимировича с сыном Всеволодом Юрьеву монастырю на волость Буицы и Изяслава Мстиславовича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы с другими землями. В первой из них говорится: «Да же который князь по моему княжению почнетъ отъяти у святого Георгия, а Бог буди за темъ и святая Богородица, и ть святыи Георгии у него то отимаеть». В грамоте Изяслава подобный сюжет разработан еще более подробно: «А кто почнетъ вступатися въ тое землю, и в воду, и в пожни или князь, или епискуп,

⁶⁴ Повесть о водворении христианства в Ростове // Древнерусские предания (XI—XVI вв.) М., 1982 С 133 См также Литература Ростова XIII—XVI вв // История русской литературы М., Л., 1946 Т 2, ч 1 С 66

⁶⁵ Повесть о водворении христианства в Ростове С 134

⁶⁶ ГИБ, Софийское собр., № 1389, л 421—422 об

или кто имеет силу деяти, и он в второе пришествие станет тязатися с святым Пантелеимоном».⁶⁷

Итак, мы видим, что «Повесть о Петре, царевиче ордынском» совсем не так одинока в кругу памятников древнерусской письменности, а защита монастырских владений и привилегий в литературной форме была явлением достаточно известным, по крайней мере в ростовской литературе. И все же это произведение чрезвычайно своеобразно: вошедшее в древнерусские сборники под названием «Жития Петра царевича», оно оказалось настолько развитым в сюжетном отношении и эта «сюжетность так превалировала над канонической схемой», что, по мнению современных исследователей, оно вполне может быть названо беллетристическим.⁶⁸ Если же отвлечься от конкретного изображения событий, то по структуре своей оно более всего напоминает сюжетно развернутую генеалогическую легенду (отец—сын—внук—правнук). С этой точки зрения не может не вызвать возражения трактовка произведения И. У. Будовницем как памятника, пронизанного раболепством и пресмыкательством перед татарскими завоевателями,⁶⁹ которое просто не могло быть создано после распада Золотой Орды. Показ тесных связей Петра и его потомков с ордынскими ханами с точки зрения генеалогической апологии этого рода преследует совсем иные цели, ибо тот же автор отмечал, что «русская (да и не только русская) знать считала особой честью вести свое происхождение от иноземных родов».⁷⁰

Принимая во вниманис известную открытость вопроса о датировке «Повести о Петре, царевиче ордынском» и возможность появления новых аргументов, более вероятным, на наш взгляд, представляется создание этого произведения в конце XV столетия. В пользу такой точки зрения говорит то, что именно в этот период складывается ростовский житийный цикл: создается житие Авраамия Ростовского, Исидора Твердислова, епископа Исаяи, дополняется новыми чудесами, созвучными Повести о Петре, житие епископа Леонтия. К 80-м гг. XV в., как показывает исследование Н. Н. Розова, относятся известные датированные книги, написанные в Ростове: он называет 4 рукописи, и созданы они в промежутке между 1484 и 1487 гг.⁷¹ Два древнейших из обнаруженных списков Повести также датируются концом XV в. Иными словами, последние два десятилетия XV в. были, вероятно, периодом расцвета книгописания в Ростовской земле.

Анализ исторического контекста появления «Повести о Петре, царевиче ордынском» вынуждает нас отказаться от идеи связи между написанием произведения и конкретным историческим событием, как это сделано в работах М. О. Скрипиля относительно покупки в 1474 г. великим князем Борисоглебской стороны Ростова, на территории которой располагался Петровский монастырь. У нас нет оснований считать, что современники восприняли этот факт как главный поворотный пункт централизаторской политики Москвы в отношении Ростовского княжества. Такая трактовка исторической тенденции имеет, на наш взгляд, отчетливый привкус проекции современных знаний о последующих этапах возвышения великих

⁶⁷ Горский А. Д. Новгородские акты как источник по истории борьбы за землю // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 279

⁶⁸ Дмитриев Л. А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1980. С. 262

⁶⁹ «Наиболее ярким памятником пресмыкательства русского духовенства перед татарами является Повесть о Петре, царевиче ордынском» (Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль. С. 354)

⁷⁰ Там же. С. 349

⁷¹ Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. Приложения. С. 127—142

князей московских. Факты говорят о том, что московский дом публично закрепил свои успехи в объединении русских земель позже 1474 г. Так, поземельное описание уездов с фискальной целью Москва произвела в 1494—1504 гг., коронация наследника престола, внука Ивана III, Дмитрия Ивановича произошла в 1498 г., в 1497 г. на великокняжеской печати появляется двуглавый орел — византийский и имперский государственный герб, наконец, в том же 1497 г. закончена работа над Судебником — первым кодексом феодального права Русского централизованного государства. Смысл этих почти одновременных мероприятий был как раз в придании московским князьям особого статуса в противоведствие еще имевшимся сепаратистским тенденциям в самом великокняжеском доме. Если сепаратизм внутри великокняжеского рода был силен даже в начале XVI в., то в 80-е гг. XV в. он был еще более выражен. Таким образом, наличие владений матери Ивана III Марии Ярославны в Ростовской земле далеко не равнозначно, особенно в сознании современников, полной зависимости Ростова от великого князя. Ясно, что Ростовская земля была присоединена к Московскому государству со всеми возможными негативными последствиями для монастыря, но это произошло не в 1474 или ином году, а происходило постепенно — в течение более чем полутора столетий.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет, избегая неправомерной привязки к конкретной дате, к определенному историческому событию или факту, говорить о конце XV столетия как о наиболее достоверном времени создания «Повести о Петре, царевиче ордынском».

В. Ф. ХРИПКОВ

Русские списки и редакции перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна

На рубеже XV—XVI вв. на Руси стал известен перевод латинского романа сицилийца Гвидо де Колумна «История разрушения Трои», написанного в 70-х гг. XIII в.¹ Пока не установлено, был ли перевод осуществлен в западных русских землях, например во Пскове или Новгороде, либо туда был занесен уже готовый перевод из белорусских или украинских земель.²

Но сам факт включения в русскую книжность этого произведения был знаменателен: русские читатели познакомились не только еще с одной версией сюжета о Троянской войне, но и с невиданным еще на Руси жанром — западноевропейским куртуазным рыцарским романом.

В результате разысканий В. Н. Щепкина,³ Н. В. Геппенера и О. В. Творогова⁴ история перевода на русской почве представляется в следующем виде. Получили распространение как сам перевод (Древнейшая редакция), так и его переработки: редакции, представленные единичными списками (назовем их «особыми» редакциями), известная в 12 списках Краткая редакция и редакция, названная О. В. Твороговым «Печатной», так как она известна нам по публикации петровского времени.⁵

В данной статье будут рассмотрены два недостаточно исследованных списка Древнейшей редакции перевода, а также «особые» редакции — русские переработки этого перевода.

* * *

К Древнейшей редакции исследователи относят списки Музейский (далее Муз.; ГИМ, Музейское собр., № 358, серед. XVI в.); Мазуринский (далее Маз.; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 368, втор. пол. XVI в.); Уваровский (далее Ув.; ГИМ, собр. Уварова, № 525 (1310), конец XVII в.) и Академический (БАН, Текущие поступления, № 15, XVII в.). К ним можно

¹ Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 233. Латинский текст издан Columnis G. de Historia destructionis Troiae / Ed. N. E. Griffin. Cambridge, Mass., 1936.

² Геппенер Н. В. К истории перевода «Повести о Трое» Гвидо де Колумна // К сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Сб. статей. Л., 1934. С. 356—359.

³ Щепкин В. Н. Лицевой сборник Российского исторического музея // ИОРЯС. 1899. Кн. 4. С. 1364—1374.

⁴ Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и статьи О. В. Творогова, Комментарий М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972.

⁵ Творогов О. В. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 67—71.

теперь добавить и еще один список, хранящийся в ЦГАДА. История его такова.

Список принадлежал известному собирателю рукописей князю П. П. Вяземскому. Он посчитал его буквальный переводом, осуществленным с латинского страсбургского издания 1489 или 1493 г. Это суждение Вяземского привел Х. Лопарев в своем описании рукописного собрания ОЛДП, куда этот список вошел под № Q132.⁶ Затем список считался утраченным: при передаче собрания ОЛДП в ГПБ его не оказалось в наличии. Просматривая список «Истории», обнаруженный Б. И. Морозовым в ЦГАДА (ф. 188, № 69),⁷ мы установили, что это и есть считавшийся утраченным список Вяземского.

Приведем сведения о нем. Список, как отметил еще владелец, дефектен, он не имеет начала и конца. Текст начинается с главы «О числе кораблей», со слов «та бысть». Она же последи разрешения ради своего обета в храм Афродита прииде» (л. 14) (первые листы—13 об. — описание данной рукописи П. П. Вяземским). Заканчивается рукопись главою «О изгнании Енеине», словами «яж от корени тоя щели далеко и широко поле протязашеся и леси и во многих источник вод» (л. 259). На л. 18 об.—31 в результате путаницы листов в протографе нарушена последовательность текста с утратой отдельных фрагментов. В списке много пропусков.

Пропущен рассказ о пророчестве Кассандры, узнавшей об увозе Елены, опущены рассуждения Гвидо, нет повествования об утешении Агамемноном Менелая и о решении собирать греческих князей для похода на Трою, рассказов о приходе Ахиллеса, Патрокла и Диомида, о гибели Диоскуров и вознесении их на небо. Пропущена полностью глава «О образех и возрастех человек», а также начало следующей главы (характеристика Приама) «О образе и возрасте троян». Отсутствует речь Париса к Елене при их встрече в храме Афродиты, утрачен конец главы «О греках, пославших в Делфон» и большая часть главы «О образе златом Апполинове», в результате чего выпали приведенные Гвидо сведения из Первой книги Царств. Пропущены рассуждения о идолопоклонении и упразднении его христианством; нет упоминания о поругании Ирода волхвами, о явлении ангела во сне Иосифу — супругу Богородицы и т. д. Вытекает естественный вывод, что предположение Вяземского, согласно которому данный список — оригинал перевода, должно быть отклонено. А особенность списка — соответствие двух его страниц, по 23 строки на каждой, одной колонке текста латинского издания — видимо, имеет другое объяснение.

Необходимо сказать несколько слов и о Мазуринском списке Древнейшей редакции. Он был введен в научный оборот Н. В. Геппенером.⁸ Только в этом списке сохранилось предисловие, восходящее к латинскому тексту Гвидо, говорящее о значении исторического знания. «И долговременство может заглядити ниже прошедшаго времени ветхая протечения усопным молчанием заключают, цветут бо в них величия ради болших всегдашня воспоминавения, зане от прошедших последующим направляется слово и древних писание верных соблюдомоя, прежде отшедших, прошедшая, аки настоящая // являют мужем храбрым, их же долго и мира веку же дав» (л. 1—1 об.). Именно это предисловие процитирует Тучков в своей переработке жития Михаила Клопского, вспоминая «книгу... Тройскаго пле-

⁶ Лопарев Х. Описание рукописей Общества любителей древней письменности. СПб., 1893, ч. 2, СХХХII. С. 209—210.

⁷ Морозов Б. И. Новоописанная коллекция рукописного собрания ЦГАДА // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции / Под. ред. М. В. Кукушкиной и С. О. Шмидта. Л., 1981. С. 190.

⁸ Геппенер Н. В. К истории перевода... С. 352—359.

нения»: «ярко неизглажение памяти их долговременством переходных лет...».⁹

В результате пропусков на л. 5 об., 15 об.—16, 86—87, 94 об.—95, 204, 210 об.—211, 239, 256, 257 об., 283 об. утрачены фрагменты, повествующие о замысле Пелея погубить Ясона, о согласии Ясона отправиться за золотым руном, о построении корабля Арго, сведения о Геракле и об отплытии аргонавтов. Нет в повествовании рассуждений Гвидо по поводу того, что царь Оетес напрасно позволил Медее сесть рядом с Ясоном. Пропущена сцена встречи Париса и Елены в храме и начало обращения Париса к троянцам с предложением захватить городок, храм и пленить Елену. Выпали сведения о приходе Нестора к Менелаю и о том, что они вместе направились в Спарту, куда подошли Кастор, Полидевк и Агамемнон. Отсутствует часть речи Агамемнона. Перечень подобных пропусков может быть продолжен.

Заканчивается список в главе «О смерти Уликсове» словами: «И абие зельная ради болезни пад на землю едва жив. Последи, на земли востав, раздра ризы своя, вооружен бо бе» (л. 300 об.).

Лакуны и отсутствие конца в тексте свидетельствуют о механическом характере пропусков в протографе Мазуринского списка.

Переписчик часто пропускал отдельные слова и фразы, но иногда, напротив, дополнял свой источник, например:

«воставшу убо тоя ноши смерканию, многим разнством колеблется мысль в Медеи» (Ув, л 13)

«от предреченных злых, колико бе после злых собрание» (Муз, л 615)

«поистинне прелщают ложным блужением» (Ув, л 15 об)

«усты меча свирепо гонят» (Муз, л 609 об)

«воставшу убо разньствием колеблется мысль в Медии» (Маз, л 22 об)

«от предреченных злых собрание» (Маз, л 50 об)

«поистине прелщают и яве превращают ложным блужением» (Маз, л 24 об)

«усты меча сверепаго сице, да яко срамне обращаются в бег» (Маз, л 46)

В списке много неправильных чтений, например: вместо «апрузинян быти» в Ув. — «а друзи нам быста» в Маз.; в Ув. — «с волы», а в Маз. — «слова»; в Муз. читается «жалы», в Маз. — «жилы»; в Ув. — «камор», в Маз. — «крамолу» и т. д. Однако в Маз. встречаются и верные чтения, тогда как в остальных списках Древнейшей редакции им противопоставлены дефектные.

Остальные списки Древнейшей редакции уже получили характеристику в работах В. Н. Щепкина, Н. В. Геппенера и О. В. Творогова.

* * *

До сих пор не было осуществлено подробное описание «особых» редакций «Истории» — сокращенных переработок ее перевода, известных нам в единичных списках. Перейдем к их рассмотрению.

Титовская редакция (далее Тит.) представлена списком из собрания Титова, № 2953, XVII в. Его характерная особенность в том, что протографом данного списка была, видимо, иллюстрированная рукопись с подписями под миниатюрами. Эти подписи (излагающие сюжет миниатюры) перенесены в список Тит. и, как правило, выделены кинovarью. Например:

«Езон со Еркулесом и со иными спутники присташа в корабли во Фригии и на дни некия ту почиваше,

⁹ См Повести о Житии Михаила Клопского / Подгот текста и статья Л А Дмитриева М, Л, 1958 С 164

черпая воду. Сушие же ту людие послаша ко царю Лаомедонту скоро» (л. 3 об.).

«Приидоша ко троянскому Лаомедонту скоро посланий со епистолиями» (л. 6).

«Язон и Еркулес и прочии сташа у дверей полаты царевы» (л. 9 об.).

«Трояне вси во граде почиша сном, град же укрепиша, токмо стражи не спят, воинстии люди греческия в шатрах почиша сном, токмо стражи не спят» (л. 268 об.).

Отметим, что в приведенных примерах устные посольские речи переписчик заменил посылкою грамот. Возможно, что на миниатюрах протографа были изображены моменты передачи грамот послами.

Иногда редактор стремился пояснять или дописывать отдельные фрагменты и делал это строго на основе своего источника. Вот несколько примеров:

«Восприят убо от царя Пелея Язон отпущение» (Ув, л 5)

«Но завидное бо умных дверовство, яже всегда покою живущих преткновенно, от не умыслимых лаятельств без вины враждебной сей соблазн вину привлече, коея ради толика убийства излися пагуба» (Ув, л 6)

«Восприят наказание Филот Тесалокиянин // от царя Пелея Езон плыти отпущение» (л 2)

«Но завидное безумных коварства, яже всегда в покое сами живущи трояне и не разумеша они трудного морского шествия и умыслиша трояне лаятельство безвинное и враждебное и соблазны вину И послаша ко царю Лаомедонту скоро посолника, глаголюще тако „Во Фригийской стране, в Троянской державе, присташа грецы в велице корабли и черплюще воду от студенец наших, езък же их нами не знаем естъ“ < > // и такыя ради вины убийства излияна пагуба» (л 3 об—4)

Повествуя о прибытии Ясона и Геракла на Колкос, переписчик старался усилить благообразный этикет событий.

«совопрошающимс я им, несть кто, вину их пришествия им открыет, донеле царские полаты врат доходят» (Ув, л 8 об)

«Царь же Оетес уроженнаго ему благодарения не забы, скоро ему зане пришествие греков возгреме, со престола царского воста, грекам встречу со множеством своих изыде» (Ув, л 8 об)

«Егда же им повеле сести, Язон многим дерзновением исполнися» (Ув, л 8 об)

«Ко вопрошающим же людем несть никто ж, иж бы кто открыл или сказал вину пришествия их, донеле же царския полаты ко дверем приходят, в ней же полата, сам царь Оет живяше и сташа у дверей» (л 9 об)

«Царь же Оет уроженнаго ему благородия не забыв, зане пришествие греков возгреме, и трепетен бысть велми о пришествии Язоне и Еркулесе, не забыв бо Язонева благородия и скоро со престола царского воставет и со многим трепетом ко греком во сретение скоро изыде» (л 10)

«царь в полаты пазлащенная Возведенным им бывшим, Язону и Еркулесу в полаты царевы, царь же Оет повеле им сести И почте их великими почестыи Язон же исполнися многим дерзновением» (л 10 об)

Интересно добавление, в котором переписчик, подражая автору, высказал свое отношение к изображаемому (после слов киноарью): «Трубит труба Екторова, трояне внидоша во град» — простыми чернилами продолжено: «Почто, несчастный (так!) Ектор, прелстис, трубити повеле, и таковую победу изгубив всех троян» (л. 254 об.).

Вероятно, опять в связи с миниатюрами протографа, переписчик изобразил ночь в осажденной Трое:

«Дню тогда к ношной тме уклоняюся, сего ради, нашедши ношной сени, брань преста» (Ув., л. 111 об.).

«Тако дню тому к ношной тме // уклоняюся, сего ради нашедши ношной сени, бран преста. Трояне вси во град внидоша и град утвердиша замки и запоры многими, сами же вси воинстии люди почиша от труда сном глубоким, токмо стражи едины стрежаху» (л. 268 об.—269; далее следует кино-варью уже приведенный нами заголовок).

Переписчик стремился изображать события яснее, например:

«Троил и мнози инии благороднии от троян далече путем проводиша. Но греки пришедшим восприяти тое. Троил и трояне возвратишася, и греки свое приемлют сообщением» (Ув., л. 122 об.).

«Троил же и инии мнозии благороднии от троян Брисаиду проводиша далече путем. Приидоша ж греки и приведоша с собою Антенора // и отдаша его Троилу и прочим трояном. Трояне же Брисаиду отдаша греком. Тако розменишася. Посем Троил и прочии трояне возвратишася во град, имуще с собою Антенора, греки ж Брисаиду приемши, во своя соопщения, тако разыдоша греки ко своим шатром» (л. 294 об.—295).

В начале списка перепутаны листы. Текст начинается с главы «О греках, приставших в державу Трои», с фрагмента «[буду]//шаго третьяго лета дни не предут, рцы ему, вонь же нас узрит (...) но снити или в силах равных по снитии ниже мощно крепчайший». Далее добавлено: «Восприят же наказание Филот Тесаликиянин» (л. 1—1 об.). Разрыв текста, образовавшийся в результате выпадения данного фрагмента, вынесенного в начало списка, находится между листами 7 об. и 8.

Затем следует возвращение к главе «Начинает книга первая о Пелеи царе Тефсалийском», текст которой сохранился не полностью, а начинается словами «от царя Пелея. Езон плиты отпущение новое проходит море со Еркулесом» (л. 2). Таким образом, в протографе списка Тит. было утрачено начало, и текст рукописи начинался с момента отплытия аргонавтов за золотым руном.

В главе «Како Азон приступи ко златому руну» пропущены эпизоды вспахивания поля волами, битвы выросших из земли воинов, убийства змея, овладения золотым руном (л. 39 об.—40).

В главе «О разорении первые Трои» в тексте отсутствуют упоминания о приходе Геракла к Кастору и Полидевку, Теламону, Нестору и, наконец, о сборе греческих царей при дворе Пелея. Нет и описания астрономических и природных примет весны. Однако в той же главе присутствует вставка, кратко сообщающая, что Ясон и Геракл рассказывают Пелею об обиде, нанесенной им Лаомедонтом, и о призыве греческих царей к отмщению (л. 43 об.). Подобные пропуски, заполненные краткими заметками о событиях, есть также на л. 309, 394 об.—395, 397 об.—398. Автор в данных случаях заполнял лакуны, возникшие в протографе, опять же подписями под миниатюрами протографа.

После заголовка «О парсуне Еленине» пропущено подробное описание красоты Елены (л. 115—115 об.).

Кроме того, в результате лакун отсутствуют сведения о сне Андромахи, ее усилиях удержать Гектора и о том, что только волею Приама рассерженный Гектор был оставлен в Трое, где устроил полки, которые Приам отправил на битву. Из наиболее важных пропусков отметим отсутствие сведений о решении греков бросить тело Пенфеселии в озеро, о совете

Анхиза, Энея, Антенора и Полидама сдать Троию под видом заключения мирного договора. Менее значительные для содержания пропуски на л. 308 об.—309, 453 об.—456.

В Тит. редакции есть случаи неверной передачи источника, например, вместо «растаю во языцех» в Ув. — «востаю во языцех» в Тит.; «Тивер римская» в Муз. — «Верь римская» в Тит.; в Муз. — «в пищах», в Тит. — «в пещерах»; «асирийского царя» — в Муз., «арийского царя» — в Тит.

Итак, список Тит. редакции восходит к дефектному протографу — иллюстрированной рукописи Древнейшей редакции, где было утрачено начало и ряд важных для содержания «Истории» фрагментов текста.

Главной особенностью Тит. редакции является внесение в текст подписей под миниатюрами протографа. Такие подписи в основном становились заголовками и тогда выполнялись киноварью, но иногда они становились дополнениями к основному тексту, в этом случае они написаны обыкновенными чернилами.

Если при наличии лакуны в тексте протографа сохранялась миниатюра с подписью, то внесение подписи в виде небольшой заметки об утраченном фрагменте сюжета в какой-то степени компенсировало текстовую утрату источника.

Редактора не смущало, что данные подписи по существу повторяли то, о чем рассказывал текст, он не чувствует остановок сюжета, но, кажется, его устраивает возникающая при этом эпическая неторопливость повествования.

Редактор хочет яснее и выразительнее передать текст своего источника, для этого он вносит в текст свои небольшие дополнения, но строго соответствующие содержанию излагаемого материала. Перед нами не равнодушный переписчик, но редактор, переживающий изображаемые события, о чем, в частности, свидетельствует приведенное нами его суждение о Гекторе, прекратившем вторую брань, высказанное в духе Гвидоновых замечаний.

Погодинская редакция (далее Пог.) также представлена одним списком: ГПБ, собр. Погодина, № 1772, 4°, рукопись сборная. Первая рукопись XVII в. содержит «Троянскую историю (л. 1—96 об.) и «Повесть о царевне Иверской». Другая часть рукописи (нач. XVII в.) содержит «Повесть о цесаре Елеозаре, сыне и семидесяти мудрецах», «Сказку о некоем молодце, коне и сабле», «Сказание о Акире премудром и царе Синографе», «Слово о Димитрии купце киевлянине и мудре сыне его», «Историю об Александре Македонском». Всего в рукописи 354 л.

Редактор Пог. стремился к краткому пересказу Древнейшей редакции. Уже в начале повествования, в завязке сюжета, отягченной дополнениями Гвидо, он опускает рассуждения по поводу позволения Оета сестре Медее рядом с Ясоном, описание чувств ожидающей свидания Медеи; описание весны и прихода греков в Семионту; сокращает портреты Приамидов и описание Трои, нет в повествовании портрета Елены и рассуждения о языческих праздниках в связи со встречей Париса и Елены в храме Афродиты; отсутствуют мифологические сведения о Геракле и о созвездиях в повествовании об управлении Филотом кораблем Арго по пути на Колкос и т. д.

Сокращениям подвергались и описания боев (такие лакуны на л. 20 об., 53, 53 об., 57 и т. д.).

Рассмотрим другие наиболее значительные пропуски Пог.

В конце главы «О разорении первые Троянского царства» — лакуна, текст обрывается словами «потом же отходят от троянских предел и вдаются морю радуящиеся о победе троянской» и возобновляется словами заголовка «О Прямые царе, пребывающем во обступлении некоего городка и о именах

сынов его» (л. 21 об.). В результате пропуска отсутствует глава «О основании великия Трои», где вновь говорится о разграблении Трои, и далее следуют рассуждения Гвидо о незначительности случая, повлекшего за собой большие последствия.

В главе «О греках, начинающих совет почати» текст обрывается после слов «за приобретение сестры своея Елены почести им дана» и возобновляется словами заголовка «О собрании греков на помощ Менелаю царю, который царь на колких кораблях прииде» (л. 38).

В результате пропущены главы «О образе и возрастех греческих человек» и «О образе и возрастех троян».

В главе «О греках, пославших в Делфон» и в начале следующей главы «О образе златом Апполинове» пропущены сведения об острове Делосе, об Аполлоне и Диане. Из главы «О начале идолопоклонения» выпали сведения о бегстве Святого семейства в Египет, история идолопоклонения и толкование автором мифологических сведений.

В следующей главе «О подвижении гречестем на Трою» пропущено, что на греческий флот, выступивший из Афин, обрушилась буря, и по совету Калхаса в Авлиде была принесена жертва Диане. И в результате двух лакун в главе «О изгнании и о отслании Антенорове от Трои» пропущено описание осени и бури во время отхода греков от Трои, и отсутствует фрагмент, в котором о греческом царе Наулусе сообщают, что его сын Паламид погублен хитростью Диомеда и Одиссея.

Стремление редактора Пог. к предельному лаконизму покажем на примере двух фрагментов, сокративших распространенное повествование.

Рассказ о суде Париса заменен одной фразой: «Потом же Парид начаша зывати сон отцу своему, царю Приаму, и как ему явис во сне бог Меркурий со тремя богинями [р]ему [?] истинну рекли о нахождении греков, и потом Парид премени речь свою» (л. 28 об.).

Важный в завязке сюжета «Троянской истории» рассказ о приходе Ясона и Геркулеса к Троянской земле также заменил краткий фрагмент: «Царь же Лаомедонт послыша, яко некий Язон приста к державе его и посла своего посла и рече: „Кто еси и откуда прииде не обестя?“ Азон же и Аркулес, разгневавсь на царя троянского, отпустиша корабли» (л. 4 об.).

Иногда редактор позволяет себе домысливать текст; так, если в Муз. мы читаем: «И егда прииде к нему, царь Оетес лицемерным веселием его восприя, поне завидит ему о толицей победе и боляше о собе, толика богатства лишена» (л. 593 об.), то в Пог.: «Царь же Оетес, узрев Язона здрава пришедша в златорунной одежде, дивис велми и прият его, радуясь веселым сердцем и боляше о себе, яко лишен толикого богатства» (л. 17).

Интересен случай, когда переписчик заменяет сообщение о приходе к Приаму Кассандры с пророчеством и рассуждениями автора о том, что Приама не остановили советы Гектора, Кассандры, Пертеуса и Елена, речь и плач пророчицы, куда вошли и рассуждения Гвидо:

«И вопль сконча, и востав, ко царю, отцу своему, прииде и дождевными слезами плачевне царя, отца своего, воспоминает, да престане от начатия, аки тоя же во учениих своего ведения нусных [?] будущая предвиде и предвидимая гласы плачевными изъвяляше. Но счастье течения, иже даше уже своему течению волны постреkania и дивизания неблагочестные скоряху на изхождение оттуда прохождения похотные утroyа поистинне, аще не советование Екторово, Консандрину воспоминаутие, советы Елеоновы, наущения Пертеова беша

«И вопль скончав, приде ко отцу своему, царю Приаму, и горкими слезами расплачеша и умильно глаголюще: „Почто, отче, совет зол содеял еси, неправедному делу приступил еси, умыслил еси лукаваи граду своему, велию погибель и себе смерть напрасную. Навел еси нас, детей своих в работу и в плен еси? О

любезне услышаны в вечная пребыла бы времена, о славнейшая и высокая Троя, всех градов краснейшая и всех благих лепотою, множеством гражен и крепостию стен красуюся стояла бы. Но неумолимая случаи злых, егда неблагочестна хождения зрят спротивная сопостати человеческий мыслем являют и сказуют восприемлемая» (Муз., л. 646).

славнейшая // и красная град наш Троя, коликим ухищрением и советом лукавым и неправедным погибла еси, и вечным падением пала еси". И потом сконча плач свои горкий и пребываше в сетовании» (л. 30 об.—31).

В списке встречаются неправильные чтения, например, в Ув. «Фетидоку нарицаемую» — «Ферда имя глаголют» в Пог.; в Ув. «Овидей Моукстик» — в Пог. «Овидей Юлок»; в Муз. «Секуридан» — в Пог. «Секувирда» и т. д.

Пог. является особым вариантом сокращающего пересказа текста Древнейшей редакции. Как мы видим, редактор освободил основную сюжетную канву своего источника от усложняющих повествование дополнительных сюжетных линий, от мифологических комментариев, научных рассуждений и морализаторства Гвидо. В угоду стремительному движению сюжета принесены в жертву и описания природных явлений, и портретные характеристики героев «Истории». Однако перед нами не просто книжник, мастерски овладевший техникой пересказа, но писатель, умеющий передать ясно и выразительно малыми, почти неощутимыми средствами отдельные фрагменты.

Овчинниковская редакция также представлена единственным списком (ГБЛ, собр. Овчинникова, № 506, втор. трети XVIII в.; далее Овч.).

Протограф Овч. имел много дефектов, о чем свидетельствуют перенесенные из него при переписке лакуны и перемещения фрагментов текста, особенно в описании битв, на л. 53 об.—54, 54 об.—56, 82 об.—83, 83—84 об., 86 об.—87, 89—89 об., 90 об.—91, 94 об., 103 об., 106, 119 об.—120, 123 об.—124, 126, 129 об., 130, 131 об.—132, 150 об.—151, 158 об., 159 об., 165—166, 167, 175 об.—176.

В главе «О числе кораблей» отсутствуют сведения о приказе Приама заточить Кассандру, нет описания страданий Менелая, узнавшего об увозе Елены, и рассказа о приходе к нему Нестора, повествования об отплытии Кастора и Полидевка с целью преследовать Париса, описания застигнутого их шторма и гибели братьев.

Выпало почти все обращение Гектора к Приаму перед выездом на вторую брань и часть имен предводителей греческих полков.

В повествовании о третьей брани пропущено, что на следующий день после второй битвы был еще бой, после которого греки просили у Приама перемирия, а Ахиллес скорбел о Патрокле, троянцы погребли Протезиля и сына Приама Кассибула. Пропущено описание прихода Кассандры к Приаму и ее плач о Трое. Нет сообщения о том, что Паламид жаловался на правление Агамемнона.

В начале главы «О третьей брани» нет сведений о посольстве Диомиды и Улисса к Приаму (данный фрагмент читается в следующей главе на л. 112 об.), о том, что Приам устраивал совет для обсуждения предложения греков.

В главе «О третьей на десят брани» пропущено, что во время перемирия Брисаида приходила к раненому Диомиду и что Агамемнон с Нестором просили о помощи Ахиллеса, и он повелел своим мирмидонянам выходить на брань; нет фрагмента с рассказом о погребении тела Пенфесилии и о том, что Елена приходила к Антенору с просьбой помочь ей соединиться вновь с Менелаем, а также пропущены сведения о погребении Глаукула, Антенорова сына, и о решении отправить тело Пенфесилии в ее царство.

Материал, пропущенный в главе «О смерти Теламона и Аикса», частично перенесен в главу «О смерти Агамея» (л. 165), а утраченными оказались сведения о злоключениях Антенора, попавшего в руки разбойников.

Пропущены также сведения о том, что сыновья Теламона находились на попечении царя Теутра. Агамемнон же и Менелай не сразу были отпущены греками от Трои, их считали причастными к убийству Теламона. Пропущено описание осени, а затем бури и гибели кораблей Агамемнона и Менелая и то, что Оилей и Аякс после крушения кораблей тоже были выброшены на берег.

Из главы «О смерти Агаменонов» выпали сведения, что Диомид пришел в Саломию к царю Теусеру, а затем бежал оттуда и т. д. Повествование о странствиях Одиссея перенесено в другое место — с л. 167 на л. 171. При этом рассказ повествователя редактор вложил в уста самого героя. В главе «О чудном нашествии Пиррове» пропущен рассказ о смерти критского царя Идумея. Есть и другие пропуски. Текст Овч. обрывается на словах «стрелца дивного вида, вниз бе конь, а вверху человек» (л. 183 об.).

Что же касается изменения последовательности фрагментов текста, то, по мнению О. В. Творогова, эти перестановки могли быть вызваны своеобразным чувством «авторства», стремлением редактора более активно вмешаться в переработку текста.¹⁰ В качестве примера таких перестановок фрагментов обратимся к рассказу о седьмой брани. В Древнейшей редакции мы наблюдаем такую последовательность эпизодов: 1) Ахиллес убивает Ликиона и Еуфербия. На помощь троянцам приходит Трои́л; 2) Гектор ранен в лицо; 3) Гектор нападает на сестрича Ахиллеса Мамнона и убивает его; 4) Ахиллес ломает о Гектора копьё; 5) На помощь грекам приходит Менелай, Седмон ранит Менелая в лицо и вместе с Трои́лом пытается его пленить; 6) Диомид сбивает с коня Трои́ла, а коня отправляет Брисаиде; 7) На помощь отступающим грекам приходит Агамемнон. Диомид ранит Полидама; 8) Трои́л сбивает с коня Ахиллеса. Гектор убивает 1000 воинов. Теламон помогает Ахиллесу вновь сесть на коня и т. д. В Овч. эти фрагменты идут в таком порядке: третий, шестой (Диомид сбивает с коня Трои́ла), седьмой, восьмой (Трои́л сшибает Ахиллеса); четвертый, вновь шестой (Диомид посылает коня Брисаиде), вновь восьмой (Гектор убивает 1000 воинов). Мы видим, что эпизоды не только поменялись местами, но в отдельных случаях один эпизод как бы рассечен на две сюжетно связанные части, а они в тексте Овч. оказываются в разных местах текста.

Редактор Овч. порой не просто переписывает текст Древнейшей редакции, но кратко пересказывает его, попутно упрощая повествование. Например:

«Уразумев убо Азон вся кояждо, яже толико предстоящими царь Пелей изрече, радостию возвеселися мно́го, не внимая лаятельных царя коварств и его лъсти, помрачений не разумея, утвердись о реченных от сердца чистые совести царские изшедше, паче возвращения своея чести высока, а неже во свою пагубу уклонися, надеяся убо о смелстве своея храбрости, ниже непшуга немощна себе быти, еже царское лестное хотение искаше царскому повелению себе бодренна любезне подаст и себе неизреченно совершити со всяким благовоинством обеща» (Ув., л. 6).

«...в его же внитии предстояции Медеи, Азон любезными словесы поздравления глаголет. Медея же подобне ему отвеща. Весел во двери вниде. Скоро же отиде баба, Азона и Медею единых остави в каморе. И утверженным дверем полатным от Медеи, у постели чуднаго приготовления в каморе Азон седе Медеи устрающи. Отверзе убо сокровище свое, некий образ злат, освящен во имя Зевса, яко же языком обычай бе, Медея изнесе, показа его Азону. Многу свету от свещ горящих, ими же вся камора блистанием велиим просвещасяся. Сия словеса рече...» (Ув., л. 14 об.)

«Язон же не внимая царева сокровенного лукавства, на совершение толика // дела себе охотна подаст, надеяся бо о смелстве своея храбрости, не уразуме царевых лаятельных коварств, царю Пелею обещася створити волю его» (л. 3—3 об.).

«...егда же прииде в полату ея мно́гу бо сушу свету в ней от свещ горящих им же вся камора блисташа. Язон Медеи умилными словесы поздравление глаголет. Медея же ему во многословном вежестве отвещает. Вскоре же отиде баба, и Язона и Медею единых остави. Тогда Медея отверзе сокровищ своих ларцы и выняв образ злат, освящен во имя бога Зевса и предложив Язону рече...» (л. 13).

¹⁰ Творогов О. В. Редактор XVII в. // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 48.

В заключение отметим, что пропуски и перемещения фрагментов текста могли быть обусловлены не только дефектами протографа (случаи наличия текстологических швов), но они возникали и в авторском пересказе. Приведем пример утраты отдельных деталей при добавлении новых при пересказе:

«Тогда, егда разставяшу снегу, хладни веючи ветрии, волнуот воды, тогда, егда источники пространные потоки протекают, тогда, егда на высоту древес и ветвии мокроты от земных недр восходящи и вселяются в них, сего ради сеются семена, растут жатвы зелению, поля разными цветы просвещенныи, тогда, егда облачается новым листвием дресеса отвсюду, тогда, егда украшается земля плоды, поют птицы, сладким воспеванием веселят // тогда яко половина месяца апреля проиде, егда море от гордаго волнования преста, тако воды уравнише, тогда предреченные цари, Язон и Еркулес, в кораблех их исходят из пристанища, пресекают море парусом, напряжением дыханием ветра и толь долго без престани во дни и нощи плавают» (Муз., л. 599 об.—600).

«Время бе да егда уже зима совле-
чеса грозных своих иньев и теплыя ве-
юще ветры, и уже средина весны
приближашеся, егда месяц апрель бяше,
тогда зеленеются поля, растут жатвы,
воспевают птицы сладким воспеванием.
Егда море преста от гордаго своего вол-
нования, пучина почивает вол-
ны, и хотящих на плавание
тихостию // позывает, земля же
сады прорастает, и дресеса листвием оде-
ваются. Тогда цари и князи греческия
в Тесалейском пристанищи снидошася
и оттуду поидоша, воздвигши кораблен-
ныя ветрила и вдаются широкой морской
пучине...» (л. 20—20 об.).

Итак, редакция Овч. интересна не только приемами реконструкции дефектного текста протографа, но и как результат стремления редактора создать облегченный и сокращенный пересказ. Думается, что именно специфика отбора материала редактором в основном стимулировала перетасовку фрагментов текста: редактор отбирал из своего источника наиболее существенные, с его точки зрения, фрагменты, а если при первоначальном отборе что-либо оказывалось опущенным, то вновь обращался к протографу, вторично «просеивая» текст, делал дополнения.

В заключение отметим, что в «особых» редакциях — Тит., Пог. и Овч. — отразилась общая тенденция книжников того времени к созданию сокращенного и облегченного пересказа текста «Истории», тенденция, нашедшая свое наилучшее воплощение в Краткой редакции «Истории», наиболее широко распространенной.

Т. В. ЧЕРТОРИЦКАЯ

Четыре сборники в составе Великих Миней Четьих митрополита Макария

Анализ состава четьих сборников, вошедших в Великие Миней Четьих митрополита Макария (далее — ВМЧ), — необходимость, осознававшаяся в науке уже давно, но в данном конкретном случае тема эта возникла в известной мере случайно. Занимаясь литературной историей «Златоуста»¹ и других календарных четьих сборников Древней Руси, автор был убежден, что все эти сборники в том или ином виде обязательно должны присутствовать в ВМЧ. Эта уверенность основывалась на следующих фактах: 1. Известно, что в ВМЧ по повелению Макария собирались «все книги чети..., которые в русской земле обретаются»;² 2. Трудно найти более популярный среди самых разных слоев населения Древней Руси сборник, чем Златоуст в XVI—XVIII вв. Количество его списков намного превышает цифру 100; 3. «Словарь книжников», отражающий современное состояние изучения ВМЧ, подтверждает, что, возникнув на основе Миней домакарьевского состава, Прологов и Торжественников, ВМЧ были пополнены наряду с самым разнообразным литературным материалом также «целыми сборниками (Златоустом, Златоуструем, Маргаритом и др.), Тактиконом Никона Черногорца...».³

Поводом для сомнения не могла служить календарная приуроченность статей Златоуста, так как в ВМЧ «та часть материала, которая не поддавалась распределению по порядку дней календаря, не имея связи с именем какого-либо святого, помещалась в конец книги, в последних числах месяца, как своеобразное дополнение к минее».⁴ Хотя тот же «Словарь книжников» предупреждал, что «безусловно, далеко не все книги, читавшиеся на Руси в первой половине XVI в., были включены в ВМЧ» и в качестве примеров называл летописи, хронографы, отдельные историко-литературные сочинения,⁵ представлялось маловероятным, чтобы это касалось сборников типа Златоуста.

Интерес к ВМЧ был вызван тем, что необходимо было зафиксировать определенный этап в развитии триодных четьих сборников, но при иссле-

¹ Творогов О. В., Черторицкая Т. В. Златоуст // ТОДРЛ Л., 1985. Т. 39. С. 246—249. Далее Златоуст и названия других четьих сборников в статье даются без кавычек.

² Иосиф, архим. Подробное оглавление Великих Четьих Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей, ныне Синодальной библиотеке М., 1892. С. 1 (далее Иосиф. Оглавление).

³ Дробленкова Н. Ф. Великие Миней-Четьи // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Ч. 1. А—К. С. 129.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Там же. С. 129.

довании ни Златоуста, ни сборников Рай, триодный Торжественник,⁶ Златая Матица,⁷ ни триодной части Учительного Евангелия⁸ в составе ВМЧ не обнаружилось, хотя Макарий не отказался вообще от включения триодных сочинений в состав своего детища.

Это маленькое «открытие» сразу поставило несколько вопросов:

1. Какие именно четыре сборники вошли в состав ВМЧ?
2. Какие триодные чтения включены в состав ВМЧ и в каком литературном контексте? Соотносим ли их состав (в совокупности статей) с составом древнерусских Златоустов?

3. Почему в ВМЧ не вошли триодные четвы книги Древней Руси, вобравшие в себя, как известно, интереснейший материал в литературном, социальном, конфессиональном планах?

Рассмотрение этих вопросов и является предметом настоящей статьи.

* * *

Митрополит Макарий в предисловии к начинающей церковный календарный год сентябрьской Минее дает своеобразную краткую классификацию древней четвы книги — одну из первых в русской историографии: «...все книги чети собраны (разрядка и здесь и далее моя. — Т. Ч.): святое евангелие, четыре евангелисты толковые и святый апостол и все святые апостольския послания и деания с толкованиями и три великия псалтири розных толковников и Златаустовы книги, Златастрои и Маргарит и великий Златаусть и великий Василии и Григории Богослов с толкованиемъ и великая книга Никонская с прочими посланми его и прочиа. Все святыя книги събраны и написаны в них пророческия и апостольския и отеческия и праздничныя слова и похвальныя слова и всех святых отецъ житиа и мучениа святых мученикъ, и святых мучениць житиа и подвизи преподобных и богоносных отецъ и святых преподобных жен страдание и подвизи и все святыя патерики написаны: азбучныя, и иерусалимския, и египетския, и синаяския, и печерския и все святыя книги собраны...»⁹

Трижды, как заклинание, произнесенная фраза: «Все книги собраны» — заставляет внимательно отнестись к этому перечню, который вместе с таблицей, помещенной далее,¹⁰ в некоторой степени вносит ясность в вопрос,

⁶ См. об этих сборниках в разделе «Четы сборники»: ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 266—268, 271—273.

⁷ Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме «Златой Матицы» // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 341—358.

⁸ Аверкина С. Ю. Материалы к описанию рукописных и старопечатных сборников поучений постоянного состава (Учительное Евангелие) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. Новосибирск, 1986. С. 43—63.

⁹ Иосиф. Оглавление. С. 1. При цитировании раскрыты титла, выносные буквы внесены в строку, юс малый передан как я, ять — как е.

¹⁰ В таблицу включены все четыре сборники, кроме собственно агиографических и исторических, которые встречаются в двух Московских редакциях ВМЧ — Успенской и Царской. Софийская редакция ВМЧ здесь не рассматривается, так как по сравнению с Московскими она явно неполна. Цифры в 1-й колонке обозначают числа месяцев, к которым приурочено чтение сборников, во 2-й и 3-й — порядковые номера листов, на которых начинаются эти сборники в Успенской редакции по описи ВМЧ архимандрита Иосифа (Иосиф. Оглавление) и в Царской редакции по описи Горского А. В. и Невоструева К. И. (Описание Великих Четых Миней Макария, митрополита Всероссийского) / С предисл. и доп. Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1884. Кн. 1. Отд. 2. С. I—XIX, 1—64; 1886. Кн. 1. Отд. 2. С. 65—184). Последняя опись не была закончена и, кроме того, мартовский и апрельский тома ВМЧ Царской редакции были утрачены, поэтому 3-я колонка с марта по август оставлена незаполненной.

О значении цифр в колонке 4 см. сноску 16.

Заглавия сборников в таблице даны либо по их самоназваниям (и тогда они заключены в кавычки), либо принятыми в науке терминологическими определениями.

что же называли четвѣй книгой в Древней Руси — вопрос, остающийся дискуссионным до сих пор.¹¹

Четыре книги в составе ВМЧ

1	Названия сборников	2	3	4
	Сентябрь			
14.	Маргарит Иоанна Златоуста	354	404	1—4
26.	Апокалипсис с толкованием Андрея Кесарийского	742	798	1—4
	Евангелие от Иоанна с толкованием Феофилакта еп. Болгарского	782	839	1—4
	Октябрь			
3.	Книга Дионисия Ареопажита о небесном священноначалии (15 глав), о божеств. именах (13 глав), о церковном священноначалии (7 глав), о таинственном богословии (5 глав), посланий (10)	314	132	1—4
18.	Евангелие от Луки с толкованием Феофилакта Болгарского	521	573	1—4
31.	Апостол с толкованием Иоанна Златоуста и «иными святыми»	—	699	1—4
	Толкование на книгу Иова с предисловием Полихрония	—	1150	1—4
	Сборник бесед Иоанна Златоуста	—	1241	1—4
	Ноябрь			
11.	Книга Феодора Студита. 128 огласительных поучений	176	255	2, 3
13.	Златоструй (краткой редакции)	434	584	4
16.	Евангелие от Матфея толковое (68 глав)	801	1055	1—4
17.	Книга Варлаама и Иоасафа	951	1192	1, 2, 4
	Декабрь			
4.	Иоанн Дамаскин. Богословие в 48 гл. по переводу Иоанна экзарха Болгарского, книга о «осьми частях слова»	44	62	
		81	118	1, 3, 4
19.	Книга Григория, еп. Амиритского	353	476	—
24.	Книга и послание Антиоха Черноризца (13 слов)	531 об.	722	1—3
31.	Патерик Скитский	680 об.	—	1, 2
	Патерик Азбучный	838	—	1, 2
	«Третий патерик» (Иерусалимский)	891	—	1, 2
	Книга Фотия, митрополита Киевского	1069	—	—
	Январь			
1.	Василий Великий. Книга о постничестве в 30 главах, «Запрещения» инокам в 53 гл.	19 об.	190	3
2.	«Книга св. Селивестра и преп. Антония. Истолкование о святей Троице и о всей твари»	216	265	—
25.	Книга Григория Богослова в 16 главах	780	1134	1—4
28.	Ефрем Сирий. Паренесис	1177	1671 об.	1—4
	Февраль			
11.	Симеона нового Богослова. «К отрешившимся мира»	127, 357	186, 501	—
	Петр Дамаскин. Книга «от божественных писаний»	361	506	—
	Григорий Синаит «о помыслех и страстех и добродетелех» (142 гл.)	234	316	3

¹¹ См.: Черторицкая Т. В. Уставные Чтения // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 236—237. Вопросы о четвѣх сборниках обсуждались на заседаниях Славянской библейской комиссии при международном Комитете славистов в июне 1989, 1990 гг. в Москве.

1	Названия сборников	2	3	4
	Евагрия философа. Разумы (41—43 гл.)	265	361	—
	Фаласия игумена. Главизны к Павлу презвитеру. 4 сотницы.	265 об.	362	—
	Феодора Эдесского. Слюва	273	—	—
	Геннадия, архиепископа Константиноп. «О вере» 100 глав	274 об.	375 об.	1—3
	Исихия Презвитера «Словеса душеполезна» (100 глав)	277 об.	379 об.	—
	Макария. 150 главизн	293	399 об.	—
	Максима. 400 главизн. «О любви»	321	444	1—3
	Филофея инока Синайского. «Главизны трезвительны о хранении срдчем» 44 гл.	341 об.	177 об.	—
	Нила постника. Главизны о молитве. 150 глав	348	488	1—4
	Препод. Марка «о гордящихся от дел правды». 70 глав	355	498	—
29.	Книга Диоттра, «нашим же языком нарицается Зерцало»	618	813	2, 3
	Кормчая	683	917	2
29.	Книга Иосифа Маттафиин	776, 792 об., 800	—	1—4
	Златоструй (полной редакции)	890	—	4
	Аввы Касмана Римлянина «О злых осьмих помышленииих»		801 об.	
	Книга Максима Исповедника		939 об.	1—3
	Иоанн Златоуст. Андриатис		943	
	Исидор Пилусийский. Разумы		949 об.	
	Март			
11.	Григория папы Римского «Повести о жителстве св. отец и беседы на Евангелие» (38 слов). Патерик Римский	120	193	2, 3
18.	Кирилл Иерусалимский. Огласительные и тайноводственные поучения	429		2, 3
30.	Иоанн Синайский. Лествица	841		1—4
	Апрель			
25.	Евангелие от Марка. Толковое. 38 глав	314		
30.	Никон Черногорец. Пандекты. 63 гл.	436		1—3
	Никон Черногорец. Тактикон. 40 гл.	828		1—3
	Май			
2.	Афанасий Александрийский. Книга слов против ариан	80 об.	159	4
3.	Патерик Печерский	201	—	3
15.	Ефросин Псковский. «Об общежителстве»	547 об.	874	—
	Книга пророка Исаяи с толкованием		559	—
31.	Исаак Сирий. Постнические слова	800	—	2, 3
	Июнь			
5.	Авва Дорофей. Книга из 25 глав	40		2—3
20.	Методия Патарского. Книга «о бозе, о вещи и о самовластстве»	248		1, 3
30.	Толковый Апостол	482		1—4
	Патерик Синайский. 335 гл.	794		
	Патерик Египетский. 62 гл.	858		3
	Георгия Псиды «Похвала к Богу о сотворении всея твари»	982		
	Июль			
31.	Иосиф Волоцкий. Книга на новгородския еретики (Просветитель).	477		
	Иоанн экзарх Болгарский. Шестоднев	637		4
	Измарагд	727		
	Григорий Цамблак. Сборник слов (27)	827		

1	Названия сборников	2	3	4
	Фотия, патриарха Константинопольского Письмо учительно	932		
	Златая Чепь (98 глав)	948		1—4
	Пчела	1077		3, 4
	Август			
20	Толковая Псалтирь Толкования Афанасия Великого, Брунова, еп Гербиопольского Феодорита	457		1—4
31	Книга Козьмы Индикоплова	1180		1—4
	66 главизн о нравоучительстве Василия царя грече- ского к сыну его царю Льву	1436		

Таким образом, к четырем книгам митрополит Макарий относит.¹²

Сборники толкований на библейские тексты (Толковые Апостол, Евангелие, Псалтирь и т. д.);

Патристические сборники: а) не имеющие типового определения и состоящие из произведений одного автора (сборники слов и бесед Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Феодора Студита, Григория Цамблака, Кирилла Иерусалимского и др.), б) имеющие типовое определение (Измарагд, Маргарит, Златоструй, Пандекты, Лествица, Паренесис и т. д.);

Патерики: Азбучный, Скитский, Иерусалимский, Киево-Печерский и т. д., Апологетические сборники: Пчела, Сотницы, Разумы...;

Космологические: Шестоднев, книга Козьмы Индикоплова...;

Религиозно-правовые: Кормчая...;

Агиографические и исторические книги.

В составе ВМЧ находят свое место и календарные минейные сборники — Торжественник, Пролог, Учительное Евангелие, существующие как самостоятельные памятники в русской письменности XVI—XVII вв., но в ВМЧ как бы растворившиеся, потерявшие свои типологические свойства.

Под «Великим Златоустом» Макарий, вероятно всего, имел в виду тот цикл слов и поучений, который помещен в Успенской редакции ВМЧ под 29 февраля. Это Златоструй полной редакции, во многом дублирующий краткий Златоструй,¹³ который читается в ВМЧ под 13 ноября. Поэтому, очевидно, он не был включен в самую позднюю — Царскую редакцию ВМЧ.

Сравнение состава четырех сборников в разных редакциях ВМЧ вносит некоторые коррективы в историю создания этого памятника. Его литературная история оказывается не столь однолинейно направлена от Софийской к Успенской и наиболее полной Царской редакции, от меньшей к большей полноте состава, как это показано в работах В. А. Кучкина:¹⁴ по таблице видно, что Царский список по сравнению с Успенским был дополнен тремя сборниками, приуроченными к 31 октября, и четырьмя, приуроченными к 29 февраля, но в то же время в его составе нет не только Златоструя полной редакции, но и трех Патериков, книги Фотия, митрополита Киевского (31 декабря).

Та обширная библиотека из десятков названий сборников, которую можно реконструировать по ВМЧ, несомненно, должна была получить иде-

¹² Подробную характеристику многих четырех сборников, упоминающихся в настоящей статье, можно найти в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Л, 1987 Вып 1, 1988, Вып 2, ч 1, 1989 Вып 2, ч 2)

¹³ Фомина М С Златоструй // Словарь книжников и книжности Древней Руси Вып 1 С. 187—190

¹⁴ Кучкин В А 1) О формировании Великих Миней Четырех митрополита Макария // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела Тезисы докладов Второй Всесоюзной научной конференции М, 1974 С 22—26, 2) То же // Проблемы рукописной и печатной книги М, 1976 С 86—101

ологическую санкцию на свое существование в составе ВМЧ. Главным цензором был сам составитель, занимавший высшее положение в древнерусской церковной иерархии. Но кроме желания собрать воедино все памятники письменной духовной культуры при отборе основного корпуса книг для ВМЧ, вероятно, были и какие-то официальные ориентиры.

Таким ориентиром мог стать «Индекс истинных книг» — памятник, достаточно широко распространенный в русской письменности XV—XVI вв., отразивший то стремление к регламентации, которое было присуще всему русскому средневековью и особенно — XVI в.

Сравнивая репертуар четых сборников в составе ВМЧ с репертуаром древнерусских indexes, который подробно расписан по 4 редакциям современной исследовательницей И. М. Грицевской,¹⁵ убеждаемся, что более $\frac{2}{3}$ названий книг или имен авторов (и практически все крупные книги и известные имена) из отмеченных в ВМЧ зафиксированы также в Индексах.¹⁶ По вполне понятным причинам в Индексах отсутствуют имена авторов проповеднических и полемических сборников второй половины XV и XVI в.: Григория Цамблака, Фотия, митрополита Киевского, Иосифа Волоцкого, нет малоизвестных имен византийских писателей и ораторов, чьи небольшие по объему сборники слов и изречений читались в древнерусских сборниках разного содержания.¹⁷ Не исключено, что в более поздних Индексах эти имена могли появиться. Проблема взаимозависимости Индекса и меняющегося с веками по жанру и по тематике корпуса древнерусской книжности остается пока неизученной.

Итак, анализ состава четых сборников в двенадцатитомных Минеях Четых убеждает в том, что митрополит Макарий, следуя указаниям Индексов, опираясь на сформировавшийся веками, традиционный для Древней Руси книжный репертуар и собственный художественный вкус и инициативу, зафиксировал в ВМЧ основной круг древнерусской оригинальной и переводной книги-сборника. Эта библиотека, по словам Н. Петрова, «несмотря на кажущуюся случайность своего состава и отрывочность своих статей, носила в себе зародыши будущего органического развития самобытной поучительной русской литературы».¹⁸

Одновременно эта библиотека, представленная в ВМЧ, интересна как фон, на котором развивались триодные четые сборники. Если согласиться с мнением ученых, считающих ВМЧ своего рода энциклопедией русского средневековья,¹⁹ претендующей на определенный «круг знания», то возникает вопрос: какого рода информации, «круга знания» были лишены ВМЧ, не включив в свой состав древнерусский Златоуст или триодный Торжественник?

Рассмотрим сначала репертуар сочинений, приуроченных к подвижному (лунному) календарю, в том виде, как он представлен в ВМЧ:²⁰

¹⁵ Грицевская И. М. Индексы истинных книг в русских рукописях XV—XVII вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей. Л., 1991. Ч. 3 (в печати).

¹⁶ См. 4-ю колонку таблицы на с. 100—102 настоящей статьи. Цифры 1—4 означают, что это название встречается во всех четырех редакциях и, соответственно, цифры 1, 2, 3, 4 — только в одной из них. При этом следует иметь в виду, что в Индексах нет полных названий книг, редко конкретизируется, какая из книг какого-либо автора включена в репертуар, например; Иоанн Златоуст, или Шестоднев. Поэтому Индексы, регламентируя чтение, в то же время давали возможность его варьирования.

¹⁷ Обзор и характеристику этих сборников см. в разделе «О святоотеческих поучениях и сборниках их, известных в Древней Руси»: Петров Н. И. О происхождении и составе Славяно-русского Пролога. Киев, 1875. С. 284—305.

¹⁸ Там же. С. 304.

¹⁹ Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // Доклады Академии наук СССР. Л., 1931. № 3. С. 37—51; Дробленкова Н. Ф. Из истории жанра Четых Миней в русской литературе // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 155.

²⁰ Роспись дается по «Оглавлению» Иосифа в современной транскрипции.

13 ноября, в составе Златоустуя:

1. Иоанн Златоуст. Слово о покаянии и о блудном сыне. Нач.: «Присно убо Божие человеколюбие проповедати...» (л. 492);
2. Иоанн Златоуст. Слово о среде и о пятце. Нач.: «Братие, ныне приспе время добраго исповедания...» (л. 504).
3. (Иоанн Златоуст) Слово «егда исцели Христос слепца». Нач.: «Многа и различна суть святых книг учения...» (л. 649). Читается на 6-ю неделю после Пасхи.
4. Иоанн Златоуст. В субботу лянтикоостную. Слово утешно о умерших. Нач.: «Перваго человека Бог створи с всею тварию...» (л. 726).
5. Иоанн Златоуст. Слово о покаянии во вторник сырный. Нач.: «Время есть покаяться уже о душе и помянутися...» (л. 1005).
6. Иоанн Златоуст. Поучение «о суетном сем житии и о пользе душевной». Нач.: «Возлюблени, оставивши суетнии дела...» (в пятницу 5 нед. поста).
7. Притча о дворе и змии. Нач.: «Вся убо, возлюблени, яже во времена архиереи...» (в нед. 15 после нед. «всех святых»).
8. Иоанна Златоуста. Слово об алкании. Нач.: «Днесь, возлюблени, врачеви душевному поклонимся...» (в нед. 21 после нед. «всех святых»).
9. Иоанн Златоуст. Слово о втором пришествии Христове. Нач.: «По вознесении Господа Бога и Спаса нашего...» (в нед. 34 по всех св.).
10. Иоанн Златоуст. Слово о твари Божии. Нач.: «Бог премудростию своею всю тварь...» (в нед. 34 по всех святых).
11. Иоанн Златоуст. Поучение о казнях Божиих и о страстях. Нач.: «Братие, тяготу греховную отряسه...» (в нед. 36 по «всех святых»).

31 декабря, в составе сборника «Фотмос» (слов Фотия, митрополита Киевского):

12. Фотий. В нед. мясопустную. Нач.: «Древле убо боговдохновенным органом...» (л. 1088).
13. Фотий. Поучение в неделю православную о посте и молитве. Нач.: «Велико благо есть пост...» (л. 1092).

25 января, в составе сборника слов Григория Богослова:

14. Григорий Богослов. Слово на Пасху и на опоздание. Нач.: «Воскресения днесь и начало десно и просветимся торжеством...» (л. 781).
15. То же с нач.: «На стражи мои стану, рече чудный Аввакум...» (л. 788).
16. Григорий Богослов. Слово в неделю новую. Нач.: «Торжественно видение и се слово смешает...» (л. 841 об.).
17. То же, нач.: «Поновления чтете се ветхий закон и добре имеещ, паче же и нова чтетеса обновленми...» (л. 841 об.).
18. Григорий Богослов. Слово на святую пятидесятницу. Нач.: «О празднице мало да любоумудрствуем...» (л. 858).

28 января, в составе «Паренесиса» Ефрема Сирина:

19. Ефрем Сирин. Слово о прекрасном Иосифе. Нач.: «Боже Авраамов, Боже Исааков...» (л. 1280). Великий понедельник.
20. Ефрем Сирин. О покаянии и о спасении души в неделю мясопустную. Нач.: «Отречение еже в пресвятем крещении творим...» (л. 1291).
21. Ефрем Сирин. Слово о отцах скончавшихся, иже в посте просиявших, в субботу сырную. Нач.: «В сии день первьи благознаменитый...» (л. 1303).
22. То же, нач.: «Утробю мою болю, спостраждите ми братие...» (л. 1306).
23. Ефрем Сирин. Слово в неделю мясопустную «всегда память приносим второму пришествию Иисуса Христа». Слово только обозначено, текста нет (л. 1308).

11 февраля:

24. Иоанн Златоуст. Поучение на утрени на святую Пасху (л. 360 об. — по сп. Царского).
25. Деяние святых Троица, чтение на святую Пасху (л. 936 об. — по сп. Царского).

18 марта, в составе книги Кирилла Иерусалимского:

26. Кирилл Иерус. Беседа о Богородице и о св. Отец. В неделю пред Пентикостию. Нач.: «Светло нам слово и благодати наполнено...» (л. 1044). Встречается еще под 16 июля, л. 186.

2 мая, в книге Афанасия Александрийского:

27. Аф. Александр. Послание о празднике Пасхи. Нач.: «Вчера, братие, о нароце пасхи нечто глаголахом...» (л. 80 об.).

16 июля:

28. Кирилл (Туровского). Слово на собор св. отец 318. В неделю прежде пятидесятницы. Нач.: «Якоже историци и риторичи...» (л. 183 об.).

31 июля, в составе сборника слов Григория Цамблака:

29. Григорий. Слово похвальное отцам и преподобным в субботу сыропустную. Нач.: «Хошу к похвале отец язык подвигнути...» (л. 848 об.).
 30. Григорий. Слово в неделю вербную. Нач.: «Паки Спас во Иерусалим восходит...» (л. 862 об.).
 31. Григорий. Слово на предание Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, о иудеи..., в святых четверток. Нач.: «Печаль объемлет ми душу и недоумение содръжит ми помысль...» (л. 866).
 32. Григорий. Слово в святой и великий пяток... Нач.: «Моисеи великии, он же море разделивыи...» (л. 827).
 33. Григорий. На славное Вознесение Господа нашего Иисуса Христа. Нач.: «Настоящий праздник исполнение есть смотрение...» (л. 876).

31 июля, в составе Златой Чепи:

34. Григорий Богослов. Слово в неделю Фомины. Нач.: «И еще о свете повествует святыхи...» (л. 986).
 35. Григорий Богослов. Слово на Пасху. Нач.: «Се убо восхотев хитрец показати слово...» (л. 987).
 36. Григорий Богослов. Слово на пятидесятницу. Нач.: «Седьм же и согрешение Каиново...» (л. 997).

Кроме вышеназванных сочинений в ВМЧ встречаются указания на наличие слов триодного цикла, но текст этих сочинений отсутствует, рядом с названием стоит помета: сказания (слова) нет.

Допуская, что переписчики по случайной небрежности пропустили тексты этих произведений (хотя вызывает удивление, что такая небрежность допущена только по отношению к сочинениям, приуроченным к лунному календарю), приведем их названия в общем списке триодных сочинений ВМЧ:

37. Слово на Воскресение Христа Бога нашего, обновление (л. 310, 13 сентября).
 38. В субботу мясопустную на память усопшим отцем и братиам нашим (л. 1169, 27 января).
 39. Слово в субботу сыропустную и память душам праведным и преподобным (л. 50 об., 3 февраля).
 40. «Иже по истинней Пасце неделя православная, внегда память празнуется воображение святых честных икон» (л. 412 об., 11 февраля).
 41. Слово «о Господьстей Пасце и о вознесении Христове» (л. 201, 3 мая).

Сюжеты Цветной Троицы вспоминаются в ВМЧ под 20 августа в выписках из Палеи (л. 287 и далее).

Триодный цикл в этих сочинениях представлен не полностью: из четырех подготовительных к посту недель отражены три (№ 1, 5, 12, 20, 21, 22, 23, 29, 38, 39), из 6 недель поста — тоже три (2, 6, 13, 30), в «страстной седмице» отмечены понедельник, четверг, пятница (19, 31, 32), Пасхе посвящены слова № 14, 15, 24, 25, 27, 35, 37, 41, а насыщенным христианской символикой евангельским сюжетам послепасхального цикла — всего 10 сочинений (№ 3, 16, 17, 18, 26, 28, 33, 34, 36, 41); только 5 слов посвящены событиям, вспоминаемым после недели «всех святых» (7—11).

Говорить о включении Златоуста в составе ВМЧ «вразброс» нет оснований, так как только 17 из названных выше гомилий входят в устойчивый состав статей Златоуста (1—11, 14, 15, 17, 19, 26, 28), в котором по одним данным 137 статей,²¹ по другим — более 150.²²

Таким образом, из круга чтения древнерусского читателя изымался большой массив интересных в художественном отношении и важных в обрядовом, вероисповедном плане сочинений, посвященных разъяснению нравственного смысла и правил подготовки к Великому посту, самого поста, евангельских сказаний и притч, вспоминаемых в воскресные и будние дни от антипасхи до недели «всех святых». То, что отдельные триодные сочинения были включены в состав ВМЧ, не меняло сути дела: сочинения триодного цикла только тогда имели полноту нравственно-эмоционального заряда и силы, когда прочитывались в определенной последовательности и системе, соотносились с событиями, отмечаемыми православной церковью.

Исключение из круга чтения не означало, однако, исключения из «круга знания». Темы сочинений древнерусских Златоустов близкие, а во многом общие с Толковыми Евангелиями, сочинениями сборников Златая Чепь, Измарагд и т. д., но художественно-эмоциональный, в известной мере идейный и нравственный настрой сборников различен. Поэтому ВМЧ в определенном смысле действительно можно считать древнерусским энциклопедическим сборником, бесстрастно излагающим самые разнообразные сведения,²³ которые, по мнению составителя, должны быть полезны для древнерусского общества в целом и отдельно каждого человека.

Так почему же древнерусские Златоусты не были включены в состав ВМЧ?

Вероятно, на данной стадии изучения ВМЧ и Златоуста в соотношении с другими славяно-русскими сборниками ответить однозначно на этот наш четвертый вопрос не удастся. Ответ, возможно, придет при разработке, проверке двух изложенных далее гипотез, не взаимоисключающих, а скорее хронологически дополняющих друг друга:

1. К середине XVI в., когда шла интенсивная работа по сбору всего четьего материала, сборник Златоуст мог не попасть в поле пристального внимания митрополита Макария потому, что только к концу XV—нач. XVI в. Златоуст получает свое типологическое оформление.²⁴ В середине XVI в. шло интенсивное пополнение состава Златоустов. Поэтому в отличие от его старших собратьев — сборников Златоуструй, Златая Цепь, Маргарит, известных в рукописной традиции с XII—XIV вв., Златоуст в сер. XVI в. мог еще не осознаваться как идейное и художественное целое и не быть включенным в ВМЧ как тип древнерусской книги.

2. В поисках системы, которая позволила бы соединить в один громадный сборник «все книги чтомыя», и в то же время удобной, понятной, достаточно широкой и открытой, Макарий остановился на солнечном календаре, миней-

²¹ Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 278, 284.

²² Черторицкая Т. В. Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1991. Вып. 3, ч. 2. С. 349—363.

²³ Энциклопедизм, на наш взгляд, определяется не только и не столько шириной тематики, но позицией составителя, авторской трактовкой, которые могут превалировать, определять подбор материала или отступать в тень, заслоняться материалом. Для энциклопедических сборников характерно именно последнее, установка на информацию, а не ее трактовку.

²⁴ Эта мысль впервые была высказана еще в 1979 г. (см.: Черторицкая Т. В. Торжественник — памятник русской литературы XV—нач. XVI в.: Литературная история сборника. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 22—23). Новые текстологические исследования подтвердили ее справедливость.

ном принципе, который давал возможность организовать материал в порядке дней, чисел каждого месяца.

Но существовал и другой вариант системы. Насколько он был серьезен, показывает календарь и состав древнерусских Златоустов конца XVI—XVII в. Постный и пятидесятный Златоусты в этот период встречаются гораздо реже годовых Златоустов, содержащих статьи от недели «мытаря и фарисея» до 36—45 недели после недели «всех святых», т. е. охватывающих весь календарный год. Такие Златоусты включают чтения на дни Триоди (постной и цветной) и Октоиха.

Итак, в XVI в. уже существует сборник, который, как и ВМЧ, но в другой системе, содержит сочинения, приуроченные к каждому или большинству дней календарного года. И этот сборник — годовой Златоуст. Причем он использует тот же четий материал, который накопила к XVI в. древнерусская книжность: гомилии Иоанна Златоуста, Василия Великого, других византийских и южнославянских авторов, пандекты Антиоха, сочинения из «Паренесиса» Ефрема Сирина и т. д. Списков таких Златоустов очень много.²⁵

Вероятно, Макарий знал эту конкурентную силу сборника, построенного по принципу лунного календаря, и признавал за ним право на самостоятельное существование.

В пользу этой гипотезы говорит история развития ВМЧ и история развития Златоуста. Так, уже в Царской — самой поздней редакции ВМЧ по сравнению с двумя первыми увеличено количество агиографических сочинений.²⁶ В более поздних Минеях Четьих (Г. Тулупова, Дм. Ростовского и др.) эта агиографическая экспансия нарастает,²⁷ и Минеи Четьи в читательском восприятии начинают ассоциироваться с книгой житийной и повествовательной литературы Древней Руси.

Литературная история Златоуста приводит, с одной стороны, к закреплению в печатном варианте состава этого сборника второй половины XVI в. (издание 1795 г., Почаев), а с другой — к превращению Златоуста как типа книги в своеобразную Триодь Четью — широкий, охватывающий все дни календарного лунного года, но преимущественно гомилетический четий сборник. Происходит неизбежная жанровая специализация двух типов древнерусской четьей книги, подчинивших (или растворивших в себе) материал всевозможных древнерусских сборников, чутко реагирующих на все новое, что появляется в литературе и письменности.

Как в иерархии служебных книг Минеи и Триоди занимают одно из главных мест — после собственно библейских книг, так Минеи Четьи и Триодь Четья (Златоуст) в рукописной традиции XVI—XVII вв. становятся своеобразными центрами притяжения, к которым устремляются в своем литературном развитии другие календарные книги: минейный Торжественник.²⁸ Рай, Сборник, триодный Торжественник.²⁹

На сборник Златоуст, на наш взгляд, можно распространить ту высокую оценку, которую дал Минеям Четьим В. О. Ключевский: «После Библии, — писал он, — Четьи Минеи для народа — самая уважаемая и полезная в отношении нравственного образования книга».³⁰

²⁵ См.: ТОДРЛ. Т. 39. С. 248.

²⁶ Кучкин В. А. О формировании Великих Минеи Четьих митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. С. 90—95.

²⁷ Дробленкова Н. Ф. Из истории жанра Четьих Минеи... С. 150—181.

²⁸ Черторицкая Т. В. Древнерусская агиография минейных Торжественников XVI—XVII вв. // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1982. С. 26—27.

²⁹ ТОДРЛ. Т. 39. С. 267, 268, 272—273, 270.

³⁰ Ключевский В. О. Отзывы и ответы: Третий сборник статей. М., 1914. С. 3.

Отдавая отчет в дискуссионности высказанных положений, надеемся, что дальнейшие исследования помогут окончательно определить и корпус древнерусской четвей книги XIV—XVII вв., место и роль, которые были отведены в русской духовной жизни календарным четвым сборникам.

С. Н. ГУХМАН

Повесть о трех иконах шемахинских

«Повесть о трех иконах шемахинских» известна в трех поздних списках XIX в.¹ и до сих пор не изучалась. Текст ее не публиковался.

В Повести рассказывается, как богатый шемахинский купец, иудей, отправился в «куплю» в Иерусалим. На торговой площади в Иерусалиме он увидел иконописца с тремя иконами — пресвятой Богородицы, Николы Чудотворца и Георгия Победоносца. После долгих уговоров иконописец продал купцу иконы, и тот, спрятав их в «возильнице», отправился домой, в Шемаху. По дороге его одолели сомнения — как он, иудей, будет поклоняться христианским святыням. И, взяв копьё, хотел ударить икону Богородицы. Но глас от иконы, просящий пощады за спасение дома в Шемахе во время пожара, остановил купца. Иконы Николы Угодника и Георгия Победоносца тоже оказались чудотворными. Никола спас брата купца во время бури на море, а Георгий Победоносец избавил его сына от пленения во время битвы и привел целым и невредимым к матери. По возвращении домой купца пришли встречать жена, брат и сын. Увидев иконы, выставленные поверх «возильницы», родные поклонились иконам и поведали о чудесах, уже известных купцу. Взяв иконы, купец отправился к епископу города и рассказал о случившемся. Затем он вместе со всем домом крестился, а в честь принесения икон в Шемахе были выстроены три церкви.

Кем, с какой целью, когда был создан этот сюжет, каковы источники и жанровые особенности Повести, почему она дошла до нас в составе старообрядческих сборников?

В заглавии Повести во всех трех списках указано имя Кирилла Александрийского как ее составителя: «Повесть о чудесах трех икон писанное от иже во святых отца нашего Кирила архиепископа Александрийскаго» (Л-16, Л-66), «Слов святаго Кирила о трех иконах... Кирила великии архиепископ Александрийский поведаше чудо преславно достойно памяти сотворшеесе во граде Шамахеи» (Л-353).

Кирилл, архиепископ Александрийский, родился около 376 г., получил известность в истории христианства как борец против еретиков во время несторианских движений. С 412 г. и до смерти в 445 г. был александрийским архиепископом. Сохранилось его литературное наследие — 68 писем, 46 речей и «Слов». Некоторые из них переводились на Руси, как, например,

¹ ИРЛИ, Дрвлекранилище, Латгальское собр., № 353, 16, 66. Список № 353 был указан мне Г. В. Маркеловым, за что приношу ему искреннюю благодарность, и упоминается в т. 40 ТОДРЛ (М.; Л., 1985. С. 435) в описании рукописей Латгальского собрания (далее: Л-16, Л-66, Л-353).

«Слово на преображение Господне», «О страсти Божии», «О Адаме», «О исходе души и о втором пришествии» и др.²

Однако среди сочинений Кирилла Александрийского как в переводах на русский язык, так и в греческой патрологии этой повести нам обнаружить не удалось. Вполне очевидно, что перед нами сочинение, приписанное греческому автору. Но биография и сочинения Кирилла Александрийского были известны составителю Повести о трех иконах.

Так, в Повести мы читаем: «Поведается сие чудо... сотворшееся... во стране Аравитстей во граде Шамахе» «в лето от Адама 5923 (415)». Такое же название современного Азербайджана находим у Кирилла Александрийского в Толковании на пророка Исайю: «...и жив будет, и дастся ему от злата Аравийска (Псалтырь 71, 15), так как Аравиею в сих словах называет страну Персов».³ Не случайной представляется и дата — 415 — как год создания Повести: «в лето от Адама 5923 (415)». 415 год — это 4-й год епископства Кирилла Александрийского, когда он достиг зенита своей славы.⁴

Могли ли события, рассказанные в Повести, иметь место в Шемахе или вместо нее мог быть назван любой другой восточный город?

Город Шемаха, расположенный у восточного склона гор Главного Кавказского хребта, является одним из древних городов Азербайджана. Вплоть до XV в. Шемаха была столицей государства Ширван; в XVI—XVII вв. она оставалась крупнейшим торговым центром, куда приезжали путешественники, дипломаты, купцы из Европы и с Востока, славилась производством шелка и шелковыми тканями — камками, атласами, тафтой и другими, которые вывозились в свою очередь в восточные и европейские страны. Неудивительно поэтому, что герой Повести — богатый шемахинский купец, который отправился в куплю в Иерусалим, и его город от Иерусалима «разстоящийся яко поприщ 135». Известия о иудеях, живших во многих городах Азербайджана, в том числе и в Шемахе, подтверждаются сообщениями путешественников, побывавших здесь в XIII—XVIII вв., как например Рубрук: «...во всех городах Персии живет много иудеев»,⁵ или Федотом Котовым.⁶

Вполне вероятным представляется и тот факт, что шемахинский купец мог отправиться по торговым делам в Иерусалим. Дорога из Закавказья на Восток, в Иерусалим, и из Иерусалима в Закавказье была хорошо известна купцам, паломникам, путешественникам. По свидетельству Арсения Суханова, «на полунощной стене града Иерусалима врата большие, теми враты ездят в Дамаск... и в великую Армению, и в Персию, и во Иверы, еже есть в Грузию».⁷ «135 поприщ» от Шемахи до Иерусалима — вполне реальное расстояние, равное 135 дням или 4,5 месяцам пути. Оно подтверждается путешествием Арсения Суханова из Иерусалима в Шемаху. Как значится в его «Проскинитарии», он выехал из Иерусалима 26 апреля

² См о Кирилле Александрийском Викторов А Е Аполог от нравоучения Кирилла Александрийского // Летописи русской литературы и древности / Изд Н Тихонравовым М, 1862 Т 4 С 28—29, Краткое сведение о святом Кирилле, архиепископе Александрийском // Христианское чтение 1840 Ч 2 С 356—396, Лященко Т И Святой Кирилл архиепископ Александрийский Его жизнь и деятельность Киев, 1913

³ Творения святых отцов в русском переводе / Изд Московской Духовной Академией М, 1890 Т 57 Творения св Кирилла Александрийского Толкование на пророка Исайю Кн 4 Беседа III С 98

⁴ Труды имп Киевской духовной академии 1913 Май С 109

⁵ Путешественники об Азербайджане Баку, 1961 Т 1 С 25

⁶ Хождение Федота Котова в Персию М, 1985 С 56

⁷ ППС 1889 Т 7, вып 1 С 132

и прибыл в Шемаху 22 июля».⁸ Указание этого расстояния автор Повести мог или позаимствовать из какого-то путника, или услышать от кого-либо. Не исключено, что этот путь от Шемахи до Иерусалима он мог проделать и сам.

О том, что на площади в Иерусалиме бывали большие торги, сообщают многие путешественники, паломники, побывавшие здесь в XVI—XVIII вв. Например, князь Радзивил Сиротка замечает: «Пушают мастеров и продавцов Иерусалимских, которые подобающие вещи церкви продают, яко: масло дрянное, землю, юже привозят из Дамаска, о ней же поведают, что от нея бе создан Адам, и различные каменья, и чотки ис каменья, кресты с мощми Земли святыя, меру гроба Господня, и инья сим подобна».⁹ Иоанн Лукьянов, посетивший Иерусалим в 1710—1711 гг., пишет: «А пред вратами великой церкви площадь зело велика, выслана камением, и тут по вся утра выходят с товарами, разбираются, товары всякие бывають для того, что богомольцы по вся утра приходят к великой церкви на поклонение, ...а продають чотки, свечи и всякие товары».¹⁰ Аналогичное известие, подтверждающее и расширяющее описание Лукьянова, приводит Матвей Гаврилович Нечаев, побывавший в Иерусалиме в 1719—1720 гг.: «Тамо великая паперть непокрытая, яко площадь, помощена мрамром, ныне же тамо по всякое утро и вечер торг бывает: продають чотки и всякие овощи харчевые и товары парчевые и хлеб, и прочее, елико потребует кто имать, поутру седят часа 3 и расходятся, а к вечеру сходятся часа за 3 и торгуют до нощи».¹¹ В Путнике инокa Серапиона 1749 г. также содержится описание «великого торго»: «...рано и в вечеру... там арапи продають четки, кресты, полотна, зелие всякое... и все тамо, кто что требует, купит».¹²

Вполне вероятно, что шемахинский купец «на торгу в Иерусалиме» мог купить у иконописца иконы, как и другие предметы церковного обихода — кресты, четки, свечи и прочее, о которых сообщают паломники. О том, что иконы являлись предметом купли—продажи как на Востоке, так и на Руси, также имеется немало свидетельств. Так, еще «святой апостол и Евангелист Лука родом был из Антиохии, два художества — лечебные хитрости и человеческие язвы целить и иконное изображение и тем до конца питаешься».¹³

В «Стоглаве» содержится строгое предписание относительно иконописцев-самоучек, продающих свой товар: «...и тех иконы променяли дешево простым людем поселяном невежам и тех положити в запрещение, чтобы учились у добрых мастеров... аще которые не престанут, от такового дела, таковии царскою грозою накажутя... и аще они рекут против „мы де тем питаемся“ и таковому их речению не внимати... не всем человеком иконником быти, много бо различная рукоделия дарованна от Бога, ими же питатися человеком и живым быти и кроме иконного писма».¹⁴

Как заметил Адам Олеарий, через сто лет после написания «Стоглава» побывавший на Руси, русские «называют... торг иконами не куплею и продажею, а меню на деньги, при этом долго не торгуются».¹⁵

⁸ Там же. С. 94, 106.

⁹ Похождение в землю святую князя Радзивила Сиротки 1582—1584. СПб., 1879. С. 48.

¹⁰ Путешествие в святую землю Иоанна Лукьянова. 1710—1711. М., 1862. С. 76.

¹¹ Путешествие Матвея Гавриловича Нечаева в Иерусалим 1719—1720. Варшава, 1875. С. 28—29.

¹² ЧОИДР. 1873. Кн. 3. С. 98.

¹³ Сахаров И. П. Исследование о русском иконописании. СПб., 1849. Кн. 2. С. 12.

¹⁴ Стоглав. СПб., 1863. С. 152—153.

¹⁵ Адам Олеарий. Описание путешествия в Москву и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 154.

В «Повести о Петре, царевиче Ордынском» также говорится, что герой не купил иконы, а «обменял на деньги».¹⁶

«Повесть о трех иконах шемахинских» заканчивается известием, что купец отнес привезенные иконы епископу города, и в их честь в Шемахе были выстроены три церкви.

Существование в Шемахе христианских церквей и монастырей подтверждают все те же европейские и русские путешественники — Адам Олеарий, математик, философ, писатель, посетивший Шемаху в 1636—1639 гг., голландский моряк Ян Стрейс, оказавшийся в Шемахе в 1667—1673 гг., русский посол в Персии в 1715—1718 гг. Артемий Петрович Волинский.

Ввиду важности описаний Олеария, имеющих непосредственное отношение к нашей Повести, приведем их полностью: «5-го числа хан прислал известить посольство, что на следующий день армяне справляют свой праздник — погружение в воду креста, водосвятие. Так как помещение посланников было близ армянской церкви или часовни, то они пошли посмотреть на армянское богослужение и обряды, сходные с римско-католическими. Там епископ вместе со священниками убедительно просил посланников приложить ходатайство у хана, чтобы он дозволил достроить беспрепятственно начатый незадолго перед сим монастырь... 8-го января армянский епископ посетил посланников, разговаривал о своей вере и еще раз убедительно просил нашего ходатайства у хана относительно постройки монастыря, что было обещано им и исполнено. 13-го числа я... был послан к хану... начали у него ходатайство по просьбе армян. Хан дал следующий ответ: „хотя в Шемахе, стране магометанской, до сих пор не было еще никогда христианской церкви или монастыря, и хотя он никак не думал, чтобы неоднократно уже повторявшиеся домогательства армян когда-нибудь увенчались успехом, тем не менее он желает теперь удовлетворить почетное предстательство посланников и не будет уже более препятствовать окончанию постройки армянского монастыря“, причем хан дал нам и письменное удостоверение в дальнейшем исполнении такой уступки его. Армяне чрезвычайно обрадовались успеху нашего ходатайства, сердечно благодарили нас за него и просили дозволить им начертать имена посланников и то благодеяние, которое они оказали христианству, в будущем монастыре на вечную память».¹⁷

Таким образом Олеарий оказался не просто живым свидетелем существования в Шемахе христианской церкви с епископом и священниками, но и ходатаем к шемахинскому хану за разрешением докончить постройку монастыря. Следует принять во внимание и свидетельство шемахинского хана, что до этого времени (т. е. до 30-х гг. XVII в.) «в Шемахе, стране магометанской, до сих пор не было еще никогда христианской церкви или монастыря». Разрешение шемахинского хана на достройку монастыря было не случайным, ибо, как сообщает Клавдий Буканан, еще с 1602 г. «султан Мурад позволил строить римской миссии монастыри во всем его царстве».¹⁸

И если учесть, какие препятствия чинились во время этих построек христианскому духовенству, то можно согласиться с заверениями шемахинского хана о первой постройке указанного монастыря в городе только в 30-е гг. XVII в., т. е. в момент пребывания там Олеария.

¹⁶ ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 25.

¹⁷ Адам Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах / Пер. с нем. П. П. Барсова. Кн. 4 (вторая половина) // ЧОИДР. 1869. Кн. 2. С. 531—532, 535, 536.

¹⁸ Христианские изыскания в Азии с известиями о переводе Священного Писания на восточные языки Клавдия Буканана / Пер. с англ. СПб., 1815. С. 189.

О существовании древней христианской церкви в Шемахе сообщает В. М. Сысоев, посетивший в 1925 г. город с археологической целью. Он приводит описание развалин церкви и известия местных жителей о первом поселении армян в селе недалеко от Шемахи 200—250 лет назад, т. е. в конце XVI—начале XVII в., что близко ко времени пребывания там Олеария.¹⁹

В XVIII в. христианские церкви и монастыри существовали в Шемахе повсеместно и уже не были новшеством. Это подтверждается, например, А. П. Вольтером в его статейном списке: «...в Шемахе много христиан, которые во многих местах живут и особливими деревнями, также имеют свои монастыри, при которых у них есть и епископ».²⁰

Таким образом, наиболее вероятное время создания Повести — середина 30—40-х гг. XVII в.

Цель написания Повести объясняется социально-политической обстановкой, сложившейся в Шемахе в XVI—XVII вв. Шемаха, как и другие области Азербайджана, входила в состав Сефевидского государства и находилась в вассальной зависимости от сефевидских шахов. Среди многих проблем международного и внутреннего характера далеко не последнее место в политике сефевидских правителей занимал и «христианский» вопрос. Начиная уже с правления шаха Исмаила в начале XVI в., запрещалось открытое преследование христиан, в частности армян, в Армении, Азербайджане, Иране прежде всего по политическим мотивам: «...шах прекрасно понимал, что преследования христиан произвели бы крайне неблагоприятное впечатление в Европе и могли бы повредить интересам Кизылбашской державы. К тому же армянские купцы, подданные шаха Исмаила, уже завязавшего в то время прочные связи с Европой, особенно с Венецией и Польшей, где были богатые армянские колонии, в частности армяне-католики из Нахичеванского края, впоследствии нередко использовались в качестве дипломатов и торговых агентов шаха в Европе».²¹ Но, вопреки официальной политике шахов, уже в том же XVI в. в Персии существовал обычай склонять христиан к переходу в магометанство. Если в целях обороны или по чистой случайности иноземец убивал местного жителя, то они требовали жизни двух человек; за долги иностранца можно было забрать имущество любого человека той же национальности, как об этом сообщает, например, Лоренс Чэмпэн.²² Он же описывает и обряд отречения от христианства и перехода в мусульманство, который впоследствии найдет отражение в статейном списке князя Мышецкого, побывавшего в Шемахе в 40-е гг. XVII в.²³

В XVII в. положение христиан еще более ухудшилось. Центр Сефевидского государства переместился во внутренние области Ирана, столицей стал Исфаган. Шахские войска после кратковременной оккупации Закавказья османами-турками пришли в Азербайджан как завоеватели, усилили налоги и эксплуатацию закавказских стран. Из Азербайджана при шахе Аббасе I были выселены сотни тысяч жителей — и христиан-армян и мусульман. Положение оставшихся христиан, особенно сельских, было тяжелым: они обязаны были платить особую подать — джизия.²⁴ По-прежнему

¹⁹ Сысоев В. М. Поездка в Шемахинский уезд с археологической целью 1—12 мая 1925 года. Баку, 1927. С. 4.

²⁰ Путешественники об Азербайджане. С. 375.

²¹ Петрушевский И. П. Сборник статей по истории Азербайджана. Л., 1949. С. 238—239.

²² Путешественники об Азербайджане. С. 146.

²³ Полиевктов М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—1643. Тифлис, 1928. С. 168—169.

²⁴ Петрушевский И. П. Сборник статей... С. 281.

поощрялись переходы христиан в мусульманство, в Шемахе, например, существовали невольничьи рынки, где продавали христиан, вывезенных с Северного Кавказа, из России, Грузии в Иран, Турцию, Египет и другие страны. Описание невольничьих рынков находим у Олеария.²⁵ Ян Стрейс, побывавший в Шемахе через 30 лет после Олеария, также был поражен невольничьим рынком, где продавали армян, русских, грузин, поляков.²⁶

Подневольное положение христиан в Шемахе раскрывается Стрейсом и в описании религиозных празднеств, которые, как и Олеарий, он наблюдал. Он указывает, что во время праздника водосвятия «освящение происходит под охраной солдат хана, чтобы охранять армян от всякого насилия и назойливости, за что они платят дорого. Разрешение дает шах, без него епископ не имеет права ничего делать».²⁷

Из сказанного становится очевидным, что разрешение на достройку монастыря в Шемахе, о котором ходатайствовал Олеарий перед шемахинским ханом, явилось поистине знаменательным событием, возможно, единственным (по признанию хана) в своем роде за всю историю Шемахи.

По всей вероятности, автором Повести о трех иконах был человек, хорошо знавший обстановку в Шемахе. Эти сведения он мог почерпнуть от очевидцев, побывавших в Шемахе, или даже сам посещал Шемаху в качестве паломника, купца, дипломата и т. д. Не исключена возможность, что он, подобно Олеарию, мог оказаться свидетелем закладки церкви или монастыря в Шемахе, что и побудило его создать Повесть, главная цель которой — высказать свое отношение к положению христиан в Шемахе, поднять роль и авторитет христианской церкви, призвать к христианству нехристианское ее население.

Для создания Повести автор использует отдельные мотивы сказаний об иконах — пресвятой Богородицы, Николы Чудотворца и Георгия Победоносца. Выбор этих мотивов о чудесах сразу трех икон представляется нам не случайным. Богородица, Никола Чудотворец, Георгий Победоносец — одни из наиболее ранних и почитаемых на Руси святых. О раннем культе Богородицы в Ростове свидетельствует, например, закладка Успенского кафедрального собора в 1161—1162 г. Андреем Боголюбским.²⁸

Согласно историческому преданию, киевский князь Аскольд был обращен в христианство и крещен с именем святого Николы. Летописное известие свидетельствует, что на могиле Аскольда была воздвигнута церковь в честь Николы Чудотворца.²⁹ С XI в. жития святого Николая переходят на Русь.³⁰ Годом заложения Ярославом Киевским церкви святой Софии, в которой уже был придел св. Георгия, считается 1017-й или 1037-й. В 1030 г. Ярослав пошел на чужь «победи я и постави град Юрьев», который после 1072 г. сделался епархиальным городом, где, по преданию, им же основана церковь св. Георгия.³¹ В 1037 г. Ярослав Киевский вместе с митрополичьей церковью святой Софии заложил и монастырь св. Георгия, который был отстроен, как полагают, в 1052 г. Особенно распространено было почитание Георгия в Новгородской области. В 1119 г., судя по Новгородской I летописи,

²⁵ Путешественники об Азербайджане. С. 270.

²⁶ Там же. С. 339.

²⁷ Там же. С. 318—319.

²⁸ ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. С. 25.

²⁹ Житие и чудеса св. Николы Чудотворца, архиепископа Мирликийского. СПб., 1899.

Ч. 1. С. 162.

³⁰ Там же. С. 1.

³¹ Куник А. А. О русских византийских монетах Ярослава I. СПб., 1860. С. 109; Русская беседа. 1856. Ч. 1. С. 81.

«заложил Кирьяк игумен и князь Всеволод церковь камяну, монастырь святого Георгия за три версты от Новгорода».³²

Будучи осведомленным о положении христиан в Шемахе, автор Повести хотел возвысить и прославить своего героя, под влиянием этих святых принявшего христианство. Поэтому из многих чудес, которые творят иконы Богородицы, Георгия Победоносца и Николая Угодника, автор выбирает самые известные на Руси.

Подобные мотивы встречаются во многих сказаниях об этих святых. Так, например, в «Сказании о чудесах Федоровской иконы в Костроме», как и в «Повести о трех иконах шемахинских», присутствует тот же мотив спасения дома от пожара.³³ В «Житии Николы чудотворца» находим рассказ об усмирении бури на море.³⁴ Был распространен на Руси и рассказ об извлечении патриарха св. Николой из глубины морской,³⁵ об избавлении от потопления мужа по имени Дмитрий.³⁶ В «Житии Георгия Победоносца» находим рассказ об избавлении героя от плена и перенесении его в дом родительский.³⁷

Основной сюжет Повести о шемахинском купце, обретшем иконы с дурным намерением, также обнаруживает некоторое сходство с чудом от иконы Георгия Победоносца: некий сарацин хотел пронзить икону Георгия копьем, но повредил себе руку; он был излечен Георгием, а после излечения крестился.³⁸

В то же время нельзя не заметить в Повести и тесного переплетения этих мотивов с фолькорным приемом троичности: три иконы являют чудеса трем героям — жене, сыну, брату купца, в городе строятся три церкви.

Жанровые черты Повести смешаны. Прежде всего, она обнаруживает некоторую связь со сказаниями об иконах, что обозначено уже в самом ее названии. Сравнение нашей Повести с другими повестями об иконах подтверждает эту связь.

Как и в других сказаниях об иконах, непременным элементом которых являются различные чудеса, например Казанской (о необыкновенном ее нахождении — приходится «копати», о невредимости),³⁹ Выдропусской (которая ушла по воздуху из церкви в Муроме и возвратилась на прежнее место в Выдропусской церкви),⁴⁰ Владимирской (спасающей воинов от вражьего плена),⁴¹ в нашей Повести рассказывается о чудесах трех икон. Сюжет происхождения и обретения икон не противоречит сюжетам в других сказаниях. Так, икона Оранской Богоматери является копией иконы Владимирской Богородицы, сделанной по заказу основателя монастыря,⁴² а Петр, царевич Ордынский, покупает три иконы на торгу.⁴³ В «Повести о трех иконах шемахинских» все три иконы также написаны иконописцем и куплены на торгу в Иерусалиме, купец везет их в «возильнице» домой,

³² Святыни древнего Новгорода. М., 1862. С. 161.

³³ Акафист пресвятыя владычица нашей Богородицы явления ради чудес от иконы ея Федоровская яже во граде Костроме. СПб., 1900.

³⁴ Житие и чудеса святителя и чудотворца Николая. М., 1901. С. 1.

³⁵ Житие и чудеса св. Николы Чудотворца, архиепископа Мирликийского. С. 139—142.

³⁶ Там же. С. 141—142.

³⁷ Кирпичников А. Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879. С. 80.

³⁸ ВМЧ. М., 1910. 23 апреля.

³⁹ Сказание о чудотворной иконе Казанской Пресвятой Богородицы. М., 1912.

⁴⁰ Повесть о Выдропусской иконе Богоматери // Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 180—183.

⁴¹ Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери. М., 1878.

⁴² Шмидт С. О. К истории монастырской колонизации XVII в.: (Повесть о начале Оранского монастыря) // Вопросы истории и атеизма. М., 1964. Сб. 12. С. 305—307.

⁴³ ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. С. 25.

в Шемаху. Три иконы, купленные Петром Ордынским, также везут в возильнице-колеснице к месту построения церкви.

Поведение героя после «гласа» от икон напоминает описание поведения героев в других сказаниях об иконах: у шемахинского купца «бысть на нем страх велики, он «трепетом одержим бысть», герой Сказания о явлении чудотворной иконы Богородицы во Пскове на Синичей горе также после гласа Богородицы «во страсе велице размышляше, ужасен быв от страха и паде на землю». ⁴⁴ Эти совпадения свидетельствуют о жанровом родстве произведений.

Чудодейственность икон подтверждается родными героям, как, например, и в Повести о Мезенской иконе: здесь эта икона чудесным образом открылась жене героя. ⁴⁵ Традиционная концовка повестей об иконах — построение церкви или монастыря во имя принесения иконы — не нарушается и автором нашей Повести: в честь принесения трех икон в Шемахе строятся три церкви.

Но «Повесть о трех иконах шемахинских» все же не только повесть об иконах. Это и повесть о герое-«иноверце», который с помощью приобретенных им чудодейственных икон обращается в новую веру; подобных сюжетов, условно названных нами повестями о неопитах, немало в древнерусской литературе. Так, Петр, царевич ордынский, тоже герой-«иноверец», который с помощью трех икон, выменянных на торгу, принимает христианство.

В рукописном наследии Древней Руси в списке XVIII в. известна Повесть о Федоре Иерусалимлянине, ⁴⁶ которая разрабатывает сюжет о трех иконах. По сути дела, это то же самое произведение. Ввиду неизученности повести кратко изложим ее содержание. Герой повести — богатый иудей Федор отправляется на трех кораблях в Иерусалим «к царю хлеба кушать». На берегу он встречает иконописца с тремя иконами — пресвятой Богородицы, Николы Чудотворца и Георгия Победоносца. Купив эти иконы за 300 рублей, Федор приносит их на корабль и приказывает каждой иконе стеречь все три корабля. Вернувшись через некоторое время, Федор Иерусалимлянин увидел, что корабли оказались пустыми. Тогда он решил «продать лютой смерти» иконы. И лишь «гласы» от икон о спасении дома от пожара, сына от пленения, брата от потопления остановили Федора. По возвращении домой чудодейственность икон подтверждают его жена, сын и брат, после чего Федор вместе со всей семьей обращается в христианство.

Таким образом, развитие фабулы Повести о Федоре такое же, как и «Повести о трех иконах шемахинских». В ней тот же состав эпизодов, за исключением эпизода построения церквей во имя привезенных икон, который в Повести о Федоре просто отсутствует, и такая же последовательность эпизодов.

Но в повестях нет текстуальных совпадений, различаются они и раскрытием характера, психологии главного героя. Для героя Повести о трех иконах обретение икон — сложная душевная драма: купив иконы, которые понравились ему, он долго сомневается в правильности поступка; услышав «глас от иконы», испытывает страх, долго размышляет; затем идет к епископу города, рассказывает об иконах и просит окрестить его со всем домом. Федор же без малейших колебаний, осведомившись лишь, «чему они горазды», купил иконы и согласился креститься. Уничтожить иконы он решил, лишь рассердившись, что они не сберегли его кораблей, т. е. мотив обращения в новую веру отступает как бы на второй план перед занимательностью

⁴⁴ Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 552.

⁴⁵ Волкова Т. Ф. Вновь найденная повесть XVII века о Мезенской иконе Троицы // Рукописное наследие древней Руси. Л., 1972. С. 139.

⁴⁶ Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравовым. М., 1859. Т. 2, ч. 3. С. 69—71.

повествования о приключениях на трех кораблях, сказочных помощниках главного героя, с которыми он ведет себя подобно сказочному персонажу.

И если для объяснения сходства между двумя повестями можно поставить вопрос об их родстве, то только в том смысле, что обе повести возникли, по всей вероятности, на основе одного и того же сюжета о чудесах от икон, в их основе лежит одно и то же письменное или устное произведение.

К этой группе повестей следует отнести и Повесть о Федоре-купце, по сравнению с двумя предыдущими очень распространенную в древнерусских сборниках, но также неизученную,⁴⁷ в которой герой-иудей с помощью Христова образа «поручника» убеждается в истинности и праведности новой веры и обращается в христианство. В Константинополе жил богатый купец Федор и был у него богатый друг-иудей. Однажды во время кораблекрушения у Федора погибли все товары, и он попросил займы у богатого иудея. Тот потребовал «заклад» о возврате долга, и Федор, не имея ничего, объявил «поручником» образ Христа над «враты мусиею створен». Иудей дал купцу денег, но, возвращаясь из Александрии с товарами домой, тот снова потерпел кораблекрушение и опять обратился за помощью к другу. Получив «тысячу литр злата», он купил смолу и отправился в Египет, променял смолу на олово, отправился в Ефес, променял олово на медь и «многие обрел богатства», но снова разбился его корабль. В третий раз дал ему денег иудей, и снова отправился по торговым делам Федор в Калаврию, купил там пшеницу, потом отправился в Гундалы, обрел там «позлатище решето» и, продав пшеницу, «купил по сребренику мотру вина» и пришел в Антиохию, «продал ту же мотру по златнику». В конце концов после долгих приключений и препятствий иудей получает с лихвой свой долг с помощью «поручника» — образа Христа и крестится со всем домом своим.

В Повести о Федоре-купце с мотивом обращения в христианство тесно переплетаются мотивы о бедности и богатстве, о странствиях в дальние страны Востока, торговых операциях, что очень приближает ее к авантюрно-приключенческим повестям о купцах.

Таким образом, на материале упомянутых повестей о неопитах можно сделать некоторые выводы об этом жанре. По своему содержанию и стилю, как нам представляется, он стоит на грани жанра сказаний об иконах и сказочно-приключенческой бытовой повести о купцах. Несмотря на всю легендарность содержания этих повестей, в них часто очерчиваются исторические и географические рамки событий и особенно бытовые картины, а сюжет о неопитах отступает на второй план перед бытовыми реалиями, как в Повести о Федоре-купце. Иногда рассказ о неопитах вытесняется повествованием о прошлом Руси, как, например, в Повести о Петре царевиче Ордынском, — это эпизоды местной героической борьбы с татарами Золотой Орды, Казанского царства, или о событиях в Закавказье, в частности в Азербайджане, как в «Повести о трех иконах шемахинских». Поэтому-то в этих повестях сохранились некоторые любопытные исторические, этнографические и географические сведения о различных местах и областях Древней Руси и «чужих» земель, интерес к которым отличал древнерусскую литературу с начала ее существования.

Нахождение «Повести о трех иконах шемахинских» в составе старообрядческих сборников в поздних списках представляется нам не случайным. Не исключена возможность, что распространение ее связано с историей старообрядчества в Азербайджане, очень мало изученной.

⁴⁷ ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 363, л. 73—76; Пролог 31 октября; ГПБ, Софийское собр., № 1420, л. 230 об.—233; № 1459, л. 261 об.—265; собр. Погодина, № 1590, л. 170—174; № 1594, л. 79—81; № 1606, л. 74—76.

Самые ранние документальные свидетельства о переселении раскольников в Закавказье относятся к 1830 г. Согласно указу от 20 октября этого года, переселение раскольников и сектантов производилось на следующих основаниях: признанного по суду виновным в распространении ереси и привлечении к ней других отдавали в солдаты в Кавказский корпус. Не способных же к несению военной службы отсылали для водворения в Закавказские провинции.⁴⁸ Определение мест для поселения старообрядцев и сектантов предоставлялось местной администрации с учетом интересов заселения края и необходимости пресечения раскола.⁴⁹ В Комитете министров 29 ноября 1832 г. специально обсуждался вопрос «касательно поселения раскольников в Закавказских провинциях». На основании полученных полномочий местная администрация вначале поселяла старообрядцев отдельными деревнями вдали от городов, но в 1848 г., когда переселенцам были предоставлены некоторые льготы, им разрешили селиться и в городах.⁵⁰ Есть указания на первые старообрядческие поселения в Шемахинском и Шешинском уездах Шемахинской губернии в 1832—1834 гг.⁵¹ По сведениям газеты «Кавказ», в 30—40-х гг. XIX в. наибольшее число поселений было сосредоточено именно в Шемахинской губернии — 19 деревень.⁵² Всего в Закавказском крае на 1 января 1840 г. числилось 3259 русских семей.

Широкое распространение в старообрядческой литературе получило произведение, рассказывающее о тяжелой участи сосланных в Азербайджан старообрядцев. Появление его связано с историей Никольского монастыря на Иргизе (в Белой Кринице, недалеко от Гомеля). Осада монастыря властями после отказа его обитателей добровольно сдать скит закончилась ссылкой в Закавказье настоятеля монастыря Корнилия с тремя иноками, наиболее виновными в упорстве старообрядцев весной 1840 г. Через некоторое время из села Вель, неподалеку от азербайджанского города Ленкорани, ссыльные монахи прислали на Иргиз стихотворное послание. Оно проникнуто скорбью о тяжелых для старообрядцев временах, когда и пустыня перестала быть для них убежищем:

Поселили их близ Ленкорана,
Им свобода там вся вполне дана...
Арагат гора и Аракс река
В соседстве у них в последние века,
Каспийское море их обливает,
Песчаная степь их обсыпает,
Снеговые горы покрывают их,
И Евфрат недалеко их.⁵³

⁴⁸ Полный свод законов Российской империи: Собрание 2. СПб., 1831. Т. 5. Отд. 1. № 4010. С. 1—2.

⁴⁹ Там же. С. 3.

⁵⁰ Полный свод законов Российской империи: Собрание 2. СПб., 1849. Т. 23. Отд. 2. № 22806.

⁵¹ Липранди А. П. Кавказ и Россия. Харьков, 1911. С. 136.

⁵² О русских переселенцах в Закавказском крае // Кавказ. 1850. 22 апр. С. 127—128.

⁵³ Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии // Зап. Моск. археол. ин-та. М., 1910. Т. 6. Отд. 2. С. 36—37; Попов Н. Сборник для истории старообрядчества. М., 1866. Т. 2, вып. 4. С. 98—99; Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5. Отд. 3. Смесь. С. 106—108. Опубликованные дореволюционными исследователями старообрядчества, эти стихи до сих пор не изучались. Эти стихи интересны в историко-культурном отношении как памятники народной литературы, поэтического народного творчества, в психологическом плане. Они раскрывают страстное желание ссыльных монахов сохранить «старую» веру, старый уклад жизни, их тоску по родным местам. Думается, что стихи должны стать предметом отдельного исследования.

В последующие годы число старообрядцев в Азербайджане увеличивается. По данным 1844 г., на территории Закавказья их было уже 6811 семей (СГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 390)

В 80—90-х гг. XIX в. наибольшее количество раскольников и сектантов по-прежнему обитало в Шемахинском уезде — 66 225. К этому времени отдельные русские поселения часто заменяются смешанными. Поэтому вполне вероятно допустить, что старообрядцы, живя в окружении иноверцев, могли переписать Повесть о трех иконах как для укрепления собственной веры, так и с миссионерской целью.

Три списка Повести представляют текст двух редакций — Распространенной и Краткой. В них отличаются заглавие и начало. В Распространенной редакции: «Повесть о чудесах триех икон писанное от иже во святых отца нашего Кирила архиепископа Александрийскаго», в Краткой: «Слово святаго Кирила о трех иконах».

В начале Краткой редакции отсутствуют дата происшедшего чуда — «415» год и название страны, где оно произошло, — «во стране Аравитстей». Пропущены в Краткой редакции и описание расстояния от Шемахи до Иерусалима «бъше бо его град от Иеросалима разстоящийся яко поприщ 135», читающееся в Распространенной редакции, и прибытия героя в Иерусалим: «И бывшу ему во Иеросалиме и узре он, жидовин...». В Краткой редакции пропущено также описание дурного намерения иудея по отношению к иконам: «Сам же окаянный мысляше поругатися им». Нет эпизода, описывающего диалог иконописца с иудеем: «...яко же и праотцы твои творяху». Пропущено указание на то, что иконы были спрятаны «в возильнице». Далее сравнение невозможно из-за большой лакуны в списке Л-353 Краткой редакции от слов «соблюдох от огня и все имение твое сохраних» до слов «взят образ святого великомученика Георгия и хотя поругатися ему... глас бысть от иконы глаголя: „Не дей мене жидовине, яко сын твой бѣше“». Таким образом в имеющемся единственном списке Краткой редакции отсутствуют важные для развития сюжета детали, объясняющие мотивы поведения героя, хотя в протографе этот фрагмент несомненно был.

В рассказе брата о чудесах Николы Угодника пропущена фраза «утиши море». Отсутствует заключительный рассказ о размышлении писателя чуда о причине крещения иудея и восхваление иконописца, написавшего три иконы («Мнит ми ся, глаголет писатель бывшаго сего чудеси... почитайте Божия святыя иконы и поклоняйтеся им, Богу нашему слава ныне и присно и вовеки веком. Аминь!»).

Есть и перефразирования в диалоге между иудеем и братом. Распростр. ред.: «А тебе, брате, что сотворилося, повеждь ми, что кланяешися», Кратк. ред.: «А ты что сотворил?»; в рассказе сына иудея об избавлении от врагов с помощью Георгия Победоносца соответственно: «И победивше наше воинство тяжко и хотяху нас пленити» — «Бе ми время тяжко и вельми зло».

Есть незначительные добавления в Краткой редакции. При описании путешествия иудея в Иерусалим говорится, что отправился он «от Шамахея»; при описании иконы Богородицы добавлено, что написана она «по человеческому естеству».

Таким образом, сопоставление Распространенной и Краткой редакций показывает, что в последней изменения текста связаны с пропусками эпизодов, известных по Распространенной редакции. Эти пропуски позволяют определить идейную направленность ее составителя. Главная его задача — прославить христианство, подчеркнуть, что принятие его героем-иноверцем само по себе факт знаменательный. Так должен поступать иноверец, ибо его примеру следуют и будут следовать его соплеменники. Потому и необходимо рассказать историю одного из таких героев — это всего лишь частный пример большой и важной темы обращения в новую веру. Именно

поэтому автор выпускает второстепенные, с его точки зрения, детали — свидетельство Распространенной редакции о дате происшедшего чуда, название страны, где оно совершилось, подробности о путешествии героя, его внутренние переживания после «гласа» от иконы; пропущены диалоги героя с каждой из икон, нет восхваления иконописца, нарисовавшего эти иконы.

Определенная идейная заданность автора Краткой редакции привела к утрате художественных достоинств Повести — полноты использования источников, психологизма в раскрытии характера и поступков главного героя, живости диалогов, обеднила словесно-выразительные средства. Здесь сняты, как бы нейтрализованы элементы сюжетности, беллетристичности, характеризующие художественную структуру Распространенной редакции. Изменился самый характер всего произведения в целом: оно превратилось в краткое «Слово» об обращении в новую веру. В то же время сравнение текстов Распространенной и Краткой редакций свидетельствует об их тесной связи и взаимозависимости. Автор сохраняет все главные сюжетные элементы повествования Распространенной редакции, но не полностью, и перерабатывает их в определенном плане. Сравнение текстов двух редакций позволяет считать Краткую редакцию вторичной по отношению к Распространенной. Обратное явление — переработку Краткой редакции в Распространенную объяснить невозможно. Нельзя допустить, что на основании Краткой редакции автор Распространенной составил более подробный рассказ, внося в него, например, хронологические и географические подробности, отсутствующие в Краткой редакции, отдельные мотивы, которые только в пересказе или в виде отдельных, а порой и обрывочных фраз представлены в Краткой.

Распространенная редакция представлена двумя списками: Л-66 и Л-16. Тексты обоих списков не имеют существенных расхождений, разночтения незначительны. Из двух списков лучшим представляется Л-16, так как он более исправный. По всей вероятности, оба списка хотя и являются близкими, но не первоначальными и восходят к общему протографу.

Описание рукописей

1. ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 16, л. 103 об.—107 об. Сборник 1886 г., в 4°, на 426 л., полуустав. Сборник имеет переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя медными застежками и наугольниками. Писец — настоятель рижской Гребенщиковой общины С. С. Попов. На сборнике владельческая печать Агея Волкова. На л. 412 выходная запись писца: «Ныне же с оной переписано лета 7394 августа в 20 день в богоспасаемом граде Риге в Гребенщиковой старообрядческой моленны». Владельческая запись на сборнике подтверждает принадлежность его старообрядцам.

Сборник содержит кроме Повести о трех иконах сказания об иконе Иверской Богородицы, Исидора об иконах и иконописцах, слово о купце Панфиле и др.

2. ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 66, л. 47 об.—52 об. Сборник XIX в. (конец), в 4°, на 100 л., подражание печатному шрифту, без переплета. Сборник также старообрядческий, что подтверждается традиционной для старообрядцев формулой в конце текста «во веки веком» вместо «во веки веков».

Сборник содержит: жития Моисея Мурина, Евтихия и Флорентия, сказания о князе «како спасеся во единую ночь», о некоем цареградском боярине, обретшем власы, и др.

Текст Распространенной редакции публикуется по списку Л-16 с разночтениями по списку Л-66.

Краткая редакция Повести представлена одним списком: ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 353, л. 34—39, сборник XIX в. (последняя четверть), в 4°, 179 л., скоропись, переплет не сохранился. Бумага со штемелем «Пушканская № 27 фабрика» в прямоугольной фигурной рамке. Имеются орнаментированные киноварные буквицы, заглавия полууставом киноварные. На л. 169 об. помета почерком писца «Семен Иванов». Начальные, конечные, а также некоторые листы в середине рукописи утрачены.

Сборник содержит: повести об Иверской иконе Богородицы, об иконе Иисуса Христа во граде Вирите, о чуде с отроком Онуфрием, чудо пресвятыя Богородицы и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАСПРОСТРАНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСЕХ ¹ ТРИЕХ ИКОН ПИСАННОЕ ОТ ² ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО КИРИЛА АРХИЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО. БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ. л. 103 об.

Поведается сие чудо преславно и памяти достойно, сотворшееся ³ в лето от Адама 5923 (415) во стране Аравитстей ⁴ во граде Шамахе от иконы пресвятыя Богородицы и святаго чудотворца Николы и святаго великомученика Георгия.

Бе некий жидовин богат сый и идяше в куплю во град Иеросалим, баше бо его град от Иеросалима разстоящийся ⁵ яко попришь 135. И бывшу ему во Иеросалиме ⁶ и узре он, ⁷ жидовин, на торгу иконописца стояща со иконами. Имяше ⁸ же иконописец три иконы написаны изрядны зело, образ пресвятыя Богородицы и святаго Николы Чудотворца // и святаго великомученика и победоносца Георгия. л. 104

И приступив он, ⁹ жидовин, и зряше ¹⁰ на иконы надолзе и возлюби я, и рече ко иконописцу: «Возми от мене цену на иконах и даждь ми их, да поклонюся Богом сим». Сам же окаанный мысляше поругатися им. И рече ему иконописец: «Не искушай мене, жидовине, но отиди от них и поклоняйся тельцовый главе, яко же и праотцы твои творяху». Жидовин же рече ему: «Яко на честь их хошу взяти, а не на поругание имети». И нача жидовин о том ротитися и клятися. Иконописец же ем веру клятве его и даде ему иконы святыя и цену от него взем. Жидовин же поиде во свой град, имея у себе образы святыя, втайне сокро//вены в возильнице, и бывшу ему на пути, и вспомяну ¹¹ о образах святых. И взяв икону пресвятыя Богородицы и постави посреде пути и хоте поругатися ей. И взят копие, хотя ударити во икону и рече: «Яко же отцы наши поругашея ¹² христианским ¹³ Богом, сие бо и аз сотворю иконе сей». И нача плевати на икону и хотя ударити копием. И бысть глас от иконы, глаголя: «Не дей ¹⁴ мене, жидовине, и не твори ¹⁵ ми зла, понеже бо граду твоему погорети всему бывшу, а аз дом твой соблюдох от огня и все имение твое сохраних». И бысть на нем страх велий и дивяся сему и рече: «Не поругаюся аз иконе сей, но соблюдох ея до дому». И положи

¹ чудеси. ² Нет. ³ сотворившися. ⁴ Аравийсте. ⁵ расстоянии. ⁶ Доб. расто. ⁷ сей. ⁸ имя. ⁹ сей. ¹⁰ зряше. ¹¹ вспомянув. ¹² поругашамися. ¹³ Нет. ¹⁴ бей. ¹⁵ сотвори.

л 105 ея¹⁶ на свое место. И взят же образ святого Николы чудотворца и поста // ви его на велицем камени¹⁷ и мысляше¹⁸ в себе, поругаюся ли аз сей иконе, или ни. И¹⁹ взя копию, хотя ударити во икону. И бысть глас глаголя от иконы: «Слыши, жидовине, брат твой на море и бяше воста буря велия, аз же избавих его от потопа и корабль и брата твоего, и все имение твое сохраних». Слышав же жидовин, трепетом одержим бысть. И рече: «Что есть се?». И стояше надолзе, помышляя в себе, не поругаюся и сему образу. И шед, взят²⁰ образ святого великомученика Георгия и хотя поругатися ему, мысляше ударити копием во икону. Также²¹ глас бысть от иконы, глаголя: «Не дей²² мене, жидовине, яко сын твой бяше²³ с царем в полку // и избавих его от плена варвар и приведох цела и дах его матери». И²⁴ слыша²⁵ сия,²⁶ седя и размышляя.²⁷ И бяше вечер. Заутра же воста жидовин и поиде в путь свой, помышляя,²⁸ что есть се,²⁹ истинна ли³⁰ или лжа. Бывшу же ему близ града своего яко поприще едино. По смотрению же Божию, жидовин той постави иконы тья поверх колесницы своя, видети мощно их от всех стран. Посла весть в дом свой, и приидоста противу ему брат, и жена его, и сын его, и быста близу и яко узреша святыя иконы на колесницы стояща и познаста,³¹ и ставше поклонишася³² вси трие. Жидовин же, яко поклонившихся виде³³ святым иконам // и возопи³⁴ велиим гласом и рече:³⁵ «Что есть се творите, кланяетеса Богу христианскому?». А сам стояше велием страхом одержим. И рече жена его: «Воззри, господине, на наш град и виждь, яко погоре огнем весь. Дом же наш соблюде жена сия святая, познахом ея добре, яко же та покры дом наш ризою своею и не приближися ему огонь». И рече жидовин брату своему: «А тебе, брате, что сотворилося, повеждь ми, что кланяешися?». И рече ему брат его: «Аз бех на мори, и внезапно воста ветр³⁶ велик и нача сокрушатися корабль наш. И внезапно обретеса муж сей на корме корабля.³⁷ Его же познах, яко сей есть воистину». Евреин³⁸ же страхом одержим // бяше. Сын же рече его: «Аз бех, отче, с царем в полку и победивше³⁹ наше воинство тяжко и хотяху нас пленити. И видех сего воина вооружена ездяща⁴⁰ на коне и свободи⁴¹ мя от пленения супостат наших и приведе мя к матери моей⁴² и ныне⁴² познах его, яко⁴³ сей⁴⁴ есть воистину». И рече ему жена: «Рцы нам, господине мужу,⁴⁵ где еси взял сия Боги христианския,⁴⁶ яко велицы Бози суть, но слышим и видим,⁴⁶ яко велия творят чудеса». Жидовин же рече: «Аз бех во Иеросалиме и купих сия Боги на поругание, а ныне же⁴⁷ слышу от вас велия чудеса⁴⁸ и страх мя обдержит велий⁴⁹ и, стояще, аки мертв». По сем приидоста во град свой и идоста ко⁵⁰ епископу христианскому и ска // заша ему вся сия по⁵¹ подробно велия и страшная чудеса. Епископ же, слышав сия, и почюидеса сему. Он же, жидовин, моляшеса епископу прияти⁵² и креститися от его.⁵³ Иконы же показа епископу все три и чудеса от них поведат. Епископ же крести его, и жену его, и весь дом, и учаше их епископ на многия дни. Мнози же от жидов слышавше чудо сие во граде том и крестишася⁵⁴ со женами и детьми. И поставиша три церкви во имя пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии и святого отца⁵⁵ Николы Чюдотворца и святого великомученика Георгия. И тогда радость бысть велия не токмо о чудюсех сих, но и о крестившихся жидов, иже прияха святую веру чудес ради бывших от // икон.

л 107 об Мнит ми ся, глаголет списатель бывшаго сего чудеси, не туне сей жидовин таковыя чудеса от Бога улучи чрез святыя иконы, но яко некия

16 ю. 17 камни. 18 мыслящ. 19 Нет. 20 взем. 21 также. 22 бей. 23 быша. 24 Нет.
 25 слыща. 26 Доб. себе. 27 размышляше. 28 Доб. в себе. 29 сие. 30 Нет. 31 познаша. 32 Доб.
 в сие. 33 видеше. 34 возопиша. 35 реща. 36 ветир. 37 Доб. и утищи море. 38 еврей.
 39 победивша. 40 ездяще. 41 освободи. 42-42 Нет. 43 Нет. 44 Тои. 45 Нет. 46-46 Нет.
 47 Нет. 48 Доб. творят. 49 Нет. 50 Доб. иконописцу и. 51 Нет. 52 Доб. веру христианскую.
 53 него. 54 Доб. от него. 55 Нет.

добродетели к Богу втайне⁵⁶ име, того ради и ко спасенному пути Богом направлен быть, но и прочии жидове в познание приидут, от сих бо чудес уверются.⁵⁷

Достоит же сказати и о иконописце оном, иже три иконы оныя чудотворивыя написа. Мнится же, яко свят есть, понеже дело руку его свято, ибо таковыми чудесы прославишася святии трие иконы прежде речени,⁵⁸ да⁵⁹ того ради всяк христианин с верою великою почитайте Божия⁶⁰ святыя иконы и поклоняйтесь им, Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь!

(Текст: ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 16, л. 103 об.—107 об.; разночтения: ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 66, л. 47 об.—52 об.).

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ

СЛОВО СВЯТАГО КИРИЛА О ТРЕХ ИКОНАХ. БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ. л. 34

Кирила великий архиепископ Александрийский поведаше чудо преславно достойно памяти сотворшееся во граде Шамахеи от иконы пресвятыя Богородицы и святого Николы и святого Георгия.

Некто жидовин богат сый, идяше в куплю от Шамахея во Иеросалим, гу (?) он, жидовин, на торгу иконописца // стояше со иконами. Имех л. 34 об.

иконописец три иконы, написаны стояще, образ пречистыя Богородицы по человеческому естеству написан и святого Николы, и святого Георгия. И приступив он, жидовин, зряше на иконы, и рече ко иконнику: «Возми в меня цену на иконах сих, даждь ми их, да поклоняюся Богу сему». И рече ему иконописец: «Не искушай меня жидовин, но отъиди от них и покло//няйся тельцовой главе». Жидовин же глагола ему: «Яко веру ими л. 35

ми, яко на честь хошу имети». И нача жидовин родитися и клятися. Иконописец же, веру ем клятве его, и даде ему иконы святыя, и цену от него възят. Жидовин поиде в свой град, имеяше у себе образы святыя в тайне сокровены, и бывшу ему на пути, и воспомяну о образах святых.

И взят икону пресвя//тыя Богородицы и постави посред пути и вскочи л. 35 об.

жидовин, и взят копие хоте ударити во икону и рече: «Яко же отцы наша поругашися Богом сим, и аз сотворю иконе сей». И нача плевати на икону, и хотя ударити копием. И бысть глас от иконы глаголя: «Не дей, жидовин, якоже бо граду твоему погорети всаму. А аз дом твой...//со царем в полку л. 36

избави его от иноплеменных и приведох цела и дах его матери». И слышася седа и бяше вечер. Заутра воста жидовин и поиде в путь свой, помышляя, что есть се, истинна ли, или лжа.

По времени же близ града поприще едино. По смотрению же Божию, жидовин тоже възстави иконы те поверг колесницы своея, видети их от всех л. 36 об.

стран, посла // весть в дом свой, и поидоста противу ему брате и жена его и сын его и быста близ, яко узреша святыя иконы на колеснице стояща, и познаста и ставше поклонившася вси трое. Жидовин же, яко поклонившася л. 37

видев святым иконам, и возопи велием гласом: «Что есть се, кланяется Богу христианскому». А сам стояше страхом одержим. И рече // жена его: «Воззри, л. 37 об.

господине, на наш град и виждь, яко погоре огнем весь, дом же наш соблюде жена сия святая, познахом ея, якоже та покры дом наш ризою своею и не приблизится ей огонь». И рече жидовин брату своему: «А ты что сотворил?». И рече ему брат его: «Аз бых на море, и внезапно воста ветер велик и нача сокрушатися корабль // наш и внезапно обретеса муж сей на корме корабля. л. 37 об.

Его же познахом, яко сей есть, аз же страхом одержим».

⁵⁶ Нет. ⁵⁷ уверяются. ⁵⁸ прежде пророчения. ⁵⁹ до. ⁶⁰ Нет.

Сын же рече его: «Аз бех, отче, со царем в полку, и бе ми время тяжкое и вельми зло и се видех сего воина воуружена ездеша на коне, и свободи мя от иноплеменник сих, приведи мя к матери моей и ныне познах его, яко сей есть воистинну».

И рече ему жена: «Рцы нам, господин, где есть взял Боги христианския, яко велицы Бози суть, но слышим и видим, яко велия творя чюдеса». Жидовин же рече: «Аз бе во Иеросалиме и взя сия Боги на поругание, а ныне же слышу от вас велия чюдеса и страх мя обьят», а сам стояше, аки мертв. По сем приидоста во град, и идоста ко епископу и сказаша ему // вся сия по единому велие и страшная чюдеса. Епископ же, слыша сия и почюдися сему. Он же, жидовин, моляшеся епископу прияти и крестити его. Иконы же показаше епископу все три и чюдеса от них. Епископ же крести его, и жену его, и весь дом, и учаша их епископ на многия дни. Мнози же от жидов слышавша чюдо во граде том и кре//стишася с женами и детьми. И поставиша три церкви во имя пресвятыя владычицы нашия Богородицы и присно девы Марии и святаго отца Николы и святаго мученика Георгия. Тогда радость бысть велия не к тому о чюдесех сих, но и о крестившихся жидов, иже прияше святую веру чюдес ради. Всяк христианин с верою почитайте Божия святыя иконы и по//клоняйтесь. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

(ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 353, л. 34—39).

И. М. ГРИЦЕВСКАЯ

Индекс истинных книг в составе «Кирилловой книги»

Своеобразный памятник древнерусской библиографии — индекс истинных книг — впервые был издан в составе сборника «Кириллова книга», выпущенного Московским Печатным двором в 1644 г. Составители «Кирилловой книги» подвергли индекс ряду изменений, создав новую редакцию. Само издание «Кирилловой книги» явилось важным событием в идеологической борьбе середины XVII в., поэтому и редакция индекса, вошедшая в нее, вызывает особый интерес.

Для индексов, переписывавшихся в русских сборниках с начала XV в. (в дальнейшем — старшая разновидность индекса), так же, как и для редакции индекса, входящей в «Кириллову книгу», характерна следующая структура: сначала в них идет перечень библейских книг, затем — святоотеческих сочинений, житий, трактатов, посланий, хронографов, сборников и т. д.

Выявляя истоки индекса «Кирилловой книги», следует рассмотреть сначала его библейские книги. Они сильно отличаются от перечня библейских книг, которые традиционно с XV в. бытовали в составе индексов в русских сборниках и опирались на различные греческие канонические правила. Отличия наблюдаются как в репертуаре, так и в порядке расположения названий. Оказывается, перечень библейских книг «Кирилловой книги» полностью, слово в слово совпадает с оглавлением Библии Ивана Федорова (Острог, 1581 г.). Совпадает даже внешний вид текстов: индекс, как и оглавление, набран столбцом. Повторены все мелкие особенности исходного текста. В свою очередь это оглавление с очень небольшими изменениями взято составителями Острожской Библии из рукописных русских Библий XV—XVI вв.,¹ структура которых ориентируется на Вульгату.² Самое большое отличие рассматриваемой редакции перечня библейских книг от традиционной в том, что сюда включены неканонические библейские книги (Юдифь, Товит, Маккавейские и пр.). Эти названия в индексах XV в., как правило, не упоминались. Есть ряд других отличий, например, в порядке перечня книг. Очевидно, что составители индекса истинных книг отходят от двухвековой традиции сложившегося на Руси индекса библейских книг; вместо него используется оглавление Острожской Библии, ориентированной на западный канон³ (см. Таблицу 1).

¹ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Т. 1. С. 3—4.

² Евсеев И. Е. Записка о научном издании славянского перевода Библии и проект означенного издания. СПб., 1912. С. 14—15.

³ Канон славянской Библии в индексах истинных книг // Старобългаристика. 1990. № 1. С. 39—48.

Таблица 1

Библейские книги индекса XV в	Библейские книги индекса «Кирилловой книги», оглавление Острожской Библии
Бытие	Первая книга Моисеева Бытие
Исход	Вторая книга Моисеева Исход
Левит	Третья книга Моисеева Левит
Числа	Четвертая книга Моисеева Числа
Девторномя	Пятая книга Моисеева Второй закон
Исус Навин	Исус Навин
Судии	Судей израилевых
Руфь	Руфь
Палея	Первые Царств
4 царства	Вторые Царств
Останцы царств	Третье Царств
Ездры двое	Четвертые Царств
Псалтырь	Первые Паралипомен или словеса дний
Соломони Премудрости	Вторые Паралипомен или словеса дний
Притчи	Первые Ездра
Филон Пьяфский	Неемия
Песни песней	Вторые Ездра
Экклизиаст	Третье Ездра
Иов	Товит
Книги 12 пророков (со спецификацией)	Юдифь
Иеремия	Эсфирь
Иезекииль	Иов
Даниил	Псалтырь
Исайа	Притчи Соломони
4 Евангелия (со спецификацией)	Экклизиаст сиречь Церковник
Деяния апостолов	Песни песнем
7 соборных посланий (со спецификацией)	Премудрости Соломони
14 посланий Павла (без спецификации)	Исус Сирахов
Апокалипис	Исайа пророк
	Иеремия пророк
	Плач Иеремиев
	Варух пророк
	Иезекииль пророк
	Даниил пророк
	Книги 12 пророков (со спецификацией)
	Маккавейские (3 книги)
	4 Евангелия (со спецификацией)
	Деяния апостолов
	7 соборных посланий (со спецификацией)
	14 посланий Павла (со спецификацией)
	Апокалипис

Вторая часть индекса «Кирилловой книги», содержащая перечень небиблейских книг, основывается не на одном, но на целом ряде источников. Так, начало этой части в «Кирилловой книге» значительно отличается от того, что было в редакциях XV в., и имеет свой особый источник. Им служит выявленный нами в четырех рукописях XVI—XVII вв.⁴ индекс, весьма необычный по своей структуре (в дальнейшем будем называть его индексом XVI в.). Его репертуар очень широк и значительно отличается от репертуара старшей разновидности индекса; с ней имеется лишь 47 общих названий и авторов, порядок следования которых совершенно

⁴ ГБЛ, Рогожское собр., ф 247, № 748, сер XVI в., л 56 об—59 об, БАН, Белокриницкое собр., № 112, 1589 г., л 521—523 об, ГБЛ, Рогожское собр., ф 247, № 729, кон XVI—нач XVII в., л 489—492, ГИМ, Синодальное собр., № 491 (191), кон XVI—нач XVII в., л 641—644

различен. Не сходен данный индекс и с редакцией «Кирилловой книги», за исключением небольшого фрагмента в начале перечня небиблейских книг (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Начало перечня небиблейских книг

Старшая разновидность индекса	Индекс XVI в	Индекс «Кирилловой книги»
Иоанн Златоуст Другой новый Златоуст Третья книга житие его Григорий Богослов Синоксарь рекше триодь четья Василий Кесарийский Другой Василий Третья Шестоднев его Иоанн Богослов	Дионисий Ареопагит Ерофей Афинский Добренша и богословия исполнена Астрономия Еже о богоразумии любовнем Иоанн Златоустый, того ж другой новый Златоуст, еже есть и Маргарит сиречь Жемчюг, и Толкования его четырем Евангелиям и Деаниям, и Посланиям соборным, и Псалтыри И поучения его все-сладкие, покаянию проповедания, и словеса на господские праздники, светлыя и учительныя, и прочая и о шести днех книга Григорий Богослов, в нем же и толкования Никиты Ираклийскаго, и торжественная на владычныя праздники тогова Богослова учения И словеса и Толкования во Евангелии, и Апостоле, и Псалтыри, и прочая того сказания Василий Кесарийский, иж о иноках пребывании и подвизи И яж в Евангелии и Апостоле, и Псалтыри толкования его И о шести днях книга, и словеса на святые и великие владычныя праздники, и прочая Афанасий великий Александрийский, в нем же толкования Евангелия и Апостола и Псалтыри, и торжественная словеса светлая на господские праздники, и прочая И прение его со Арием (и далее)	Дионисий Ареопагит Ерофей Афинский Василий Парийский Василий Амасийский Ипполит папа Римский Селивестр папа Римский Василий Великий о постничестве, и яже во Псалтыри и во Евангелии, и во Апостоле Толкования его, и торжественные словеса на господские праздники, и Шестоднев, и Житие его Афанасий великий Александрийский на арианы, и толкование на Псалтырь и на Евангелие, и на Апостол, и торжественная словеса на господские праздники, и прение его со Арием Григорий Богослов, и толкование его на Псалмы Давидовы, и на Евангелие, и на Апостол, и торжественная словеса Григорий Неокесарийский Книги Иоанна Златоуста Беседы на Евангелия, и на 14 посланий Павла Апостола, и на деяния святых Апостол со нравоучениями, и словеса торжественная на господские праздники, и толкования на Псалмы, и на Евангелие, и на Апостол Маргарит Златоструй Андриатис Книга о священстве
Иоанн Дамаскин		Иоанн Дамаскин

Упоминания о Дионисии Ареопагите характерны и для индекса старшей разновидности, однако имя Ерофея Афинского, его учителя, в индексе XVI в. вводится впервые. Далее для обоих сравниваемых индексов характерны упоминания Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Кесарийского, Афанасия Александрийского с обширным перечнем принадлежащих им произведений. Текстуально эти перечни не совпадают, однако несомненно, что сам характер построения этой части индекса «Кирилловой книги» заимствован из индекса XVI в. Для старшей разновидности памятника подобные спецификации трудов перечисляемых авторов не характерны.

Сравнивая продолжения обеих перечней, отметим, что в индексе «Кирилловой книги» есть следующие имена, пришедшие, очевидно, из индекса XVI в.: Амфилохий Иконийский, Григорий Солунский, Ипполит папа Римский, Исихий Превзитер, Иустин Философ, Палладий мних, Григорий Амиритский.

Если первая часть индекса (библейские книги, начало перечня небиблейских книг) базируется на рассмотренных выше источниках, то происхождение основной части перечня небиблейских книг (самой большой по объему части всего индекса) иное. Оно основывается на одной из редакций индекса старшей разновидности.⁵ Для этой редакции характерны, как правило, 78 названий, 61 из них входит также и в редакцию индекса «Кирилловой книги». Необходимо отметить, что эти названия и имена входят в «Кириллову книгу» в порядке, обычном для редакции старшей разновидности, и дополнительно введенные имена и названия этот порядок не нарушают. Однако исследование списков показывает, что редакция индекса «Кирилловой книги» основывалась не непосредственно на индексе старшей разновидности. Между двумя индексами была переходная ступень: индекс, обнаруженный нами в 5 рукописях XVII в.⁶ Впервые эта переходная реакция отмечается в Уставе, переписанном в Москве в 1604 г. Особенно важно для нас, что вариант этой переходной реакции появляется в составе рукописи 30-х гг. XVII в. из Соловецкого собрания. Эта рукопись содержит так называемый «Просветитель Литовский» (в рукописи названный «Изложение о вере»), являющийся основой «Кирилловой книги». Как показывает анализ, переходная редакция индекса — это не что иное, как расширенный индекс старшей разновидности. В индексе «Кирилловой книги» эти различия дополнены и развиты (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Перечень небиблейских книг (основная часть)

Старшая разновидность индекса	Переходная редакция	Индекс «Кирилловой книги»
Иоанн Дамаскин Петр Дамаскин	Иоанн Дамаскин	Иоанн Дамаскин
Послание Иоанна Дамаскина к Козьме	Послание Иоанна Дамаскина к Козьме	Его же послания к Козьме Майумскому и прочие списания его
Иоанн Экзарх Иоанн Лествичник Сенаник	Иоанн Экзарх Иоанн Лествичник	Иоанн Экзарх Иоанн Лествичник Синодик
Григорий Декаполит	Григорий Декаполит	Григорий Декаполит
Григорий папа Римский	Григорий Акраганский Григорий папа Римский	Григорий папа Римский
Григорий Акраганский	Григорий Великой Армении	Григорий Великой Армении
Григорий Синайский	Григорий Двоесловец	Григорий Двоесловец

⁵ Выделяются 4 редакции XV в., названные нами условно: Кирилловская, Рогожская, Волоколамская и Чудовская. Здесь имеется в виду самая обширная и распространенная Волоколамская редакция. О редакциях индекса старшей разновидности см.: Грицевская И. М. Индексы истинных книг в русских рукописных сборниках XV—XVII вв. // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей. Л., 1991. Ч. 3 (в печати).

⁶ ГПБ, F.1. 864, 1604 г., л. 43 об.—47 об.; F.1.99, нач. XVII в., л. 450—452; Соловецкое собр., № 274/274, 30-е гг. XVII в., л. 208—209; № 825/935, 2-я пол. XVII в., л. 74—75 об.; ЦГАДА, ф. 181, № 389/841, XVII в., л. 114—117.

Старшая разновидность индекса	Переходная редакция	Индекс «Кирилловой книги»
Григорий Двоесло- вец	Григорий Синайский	Григорий Синайский
Кирилл Алек- сандрийский	Кирилл Александрийский	Кирилл Александрийский
Кирилл Иеру- салимский	Кирилл Иерусалимский	Кирилл Иерусалимский Григорий архиепископ Солунский Григорий Амиритский Григорий Цамблак Григорий Акраганский Кирилл Словенский
Кирилл Словенский Дионисий Ареопагит	Кирилл Словенский Дионисий Ареопагит	Козьма Прозвiter Амфилохий Иконийский Палладий мних Иринеи Лугдонский
Иринеи Петр Русский	Иринеи Петр Русский	Петр Дамаскин Спиридоний Тримифинский
Спиридоний Златая матица Чепь	Спиридоний Златая матица Чепь	Златая цепь Анастасий Синайской горы
Анастасий Синай- ской горы	Анастасий Синайской горы	
Афанасий Алек- сандрийский	Афанасий Александрийский	
Симеон Богоприимец	Симеон Дивногорец Симеон Богоприимец Симеон Иерусалимский Симеон Новый Богослов	Симеон Богоприимец Симеон Дивногорец Симеон Иерусалимский Симеон Новый Богослов
Евводий Варлам и Асаф Ефрем Сирий Максим	Евводий Варлам и Асаф Ефрем Сирий Максим	Евводий Варлам и Асаф царевич Ефрем Сирий Максим Исповедник Максим Грек Даниил Никон Нил
Нил Никон Лавсаик Федор Эдесский	Нил Никон Лавсаик Федор Эдесский Федор Студийский	Федор Эдесский
Иосиф Павел Моноवासийский Геннадий, зовомый Златоструй	Иосиф Павел Моноवासийский Геннадий, зовомый Златоструй	Иосиф Павел Мономасийский Геннадий, зовомый Златоструй
Хронограф Родословие Глубина Бисер Криница	Хронограф Родословие Глубина Криница Бисер Златоустов	Хронограф Родословие Глубина Бисер Криница
Маргарит Жемчуг Мефодий Патарский	Маргарит Жемчуг Мефодий Патарский Василий Амасийский	Мефодий Патарский
Василий Новоявлен- ный Пчела	Василий Новоявленный Пчела	Василий Новоявленный Пчела

⁷ На полях «Кирилловой книги» приведено имя «Нил», что соответствует чтению индекса редакции XVI в.: «Нил Великий, иже есть Златоструй».

Старшая разновидность индекса	Переходная редакция	Индекс «Кирилловой книги»
Летописец Великой горы	Летописец Великой горы	Летописец Великой горы Макарий Великий Исидор Пелусиот Исихий пресвитер Диоптра, зовомое зеркало мирозрительное Второе Зерцало, беседование души с телом Августин Иппона града епископ Илларион Великий Георгий Писид Иосиф Маттафинн Козма Индикоплов Козма Халкидонский Федор Студит
Иосиф Маттафинн Козьма Индикоплов Козьма Халкидонский Феодор Студит	Иосиф Маттафинн Козьма Индикоплов Козьма Халкидонский	Иосиф Маттафинн Козма Индикоплов Козьма Халкидонский Федор Студит Феодор Авукар Карийский
Исаак Сирин Дорофей Диоптра зовомая Зерцало Устав святых отец Другой устав Никонский	Исаак Сирин Дорофей Диоптра зовомая Зерцало	Исаак Сирин Дорофей
Пандект Лимонис Антиох Исус Сирахов Словоположник Законник Стослов Андрей Юродивый	Пандект Лимонис Антиох Исус Сирахов Словоположник закону Стослов Андрей Юродивый	Устав святых отец Пандект Лимонис Исус Сирахов
Даниил Странник Епифаний Кипрский Иаков Жидовин Судебник	Даниил Странник Епифаний Кипрский Иаков Жидовин Судебник	Андрей Юродивый Иустин Философ Нифонт Епифаний Кипрский Иаков Жидовин Судебник Минея Общая
12 миней четьих Патерик Египетский Патерик Иерусалимский	12 миней четьих Патерик Египетский	12 миней четьих Патерик Египетский
Патерик Пещеры Киевской	Патерик Пещеры Киевской	Патерик Пещеры Киевской
	Патерик Скитской Патерик Иерусалимский Патерик Святой горы Сильвестр папа Римский Петр Дамаскин ⁸ Нил Синаит	Патерик Азбучный Патерик Скитской Патерик Иерусалимский Патерик Святой горы Петр Дамаскин Нил Синаит

В переходной редакции индекса можно отметить следующие особенности, ставшие характерными и для индекса «Кирилловой книги». В индекс введены новые имена и названия. Так, рядом с Симеоном Богоприимцем появляются

⁸ Для варианта переходной редакции, помещенного в «Изложении о вере» (ГПБ, Соловецкое собр., № 247/247), характерно иное окончание «Патерик Иерусалимский, Сильвестр папа Римский, Петр Дамаскин, Патерик Святой горы, Нил Синаит, Патерик Азбучный, Правила указ всем человеком, Молитвенник, Потребник, Служебник, Постригальник, Новейших чудотворцев жития и поучения, Стефан епископ Пермский, Прилога два, Измарагд»

еще три Симеона: Дивногорец, Новый Богослов и Иерусалимский. Свообразно окончание рассматриваемых редакций. Помимо патериков, упоминаемых в ранней редакции, введены названия Патерика Скитского и Патерика Святой горы. В самом конце помещены упоминания о Ниле Синаите и Петре Дамаскине. После Андрея Юродивого вставлено имя «Нифонт». Порядок, свойственный редакции XV в. в перечислении имен Григориев, нарушен, кроме того, прибавлено имя Григория Великой Армении. Также введены еще два новых имени: Василий Амасийский и Селивестр папа Римский.

Все приведенные выше изменения характерны как для переходной редакции, так и для индекса «Кирилловой книги». Таким образом, редакция индекса «Кирилловой книги» восходит к индексу старшей разновидности через переходную редакцию.

После выяснения истоков индекса «Кирилловой книги» можно ответить на вопрос, какие названия и имена внесены в индекс самими составителями этой редакции. Таких сочинений было немного: Василий Великий «О постничестве», Житие Василия Великого, Афанасий Великий «На арианы», Иоанн Златоуст «Беседы на Евангелия», «Беседы на деяния апостолов со нравовучениями»,⁹ «Беседы на 14 посланий Павла», «Златоструй», «Андриатис», «Книга о священстве». В индекс «Кирилловой книги» введены новые имена: Григорий Неокесарийский, Августин Иппонский, Григорий Цамблак, Козьма Прозвитер, Макарий Великий, Илларион Великий, Георгий Писид, Феодор Авукар Карийский, Исидор Пелусиот. Вместо имен «Спиридоний», «Ириней», «Максим» читается «Спиридоний Тримифинский» (Тримифунтский), «Ириней Лугдонский» (Лугудунский, Лионский), «Максим Исповедник». Наряду с греческим автором Максимом Исповедником здесь упомянут Максим Грек. Исчезает имя Даниила Странника, зато сразу после упоминания о Максиме Греке включено имя «Даниил» без каких-либо пояснений (возможно, здесь имеется в виду митрополит Даниил, современник и противник Максима Грека). Вместо одного, обычного для редакции XV в. названия «Диоптра зовомая Зерцало» приведены сразу два названия: «Диоптра, зовомое Зерцало мирозрительное» и «Второе Зерцало, беседование души с телом» (так здесь названа известная книга «Диоптра» Филиппа Монтропа).

Рассматривая названия, введенные составителями индекса «Кирилловой книги», отметим, что некоторые из перечисленных произведений и авторов были напечатаны в западнорусских типографиях в конце XVI—начале XVII в. В 1614 г. Братская Львовская типография издает «Книгу о священстве» Иоанна Златоуста. Эта книга на самом деле является сборником: кроме произведений Иоанна Златоуста сюда входят слова Исидора Пелусиота и Василия Великого. Типографией Киевской Лавры в 1620 г. была издана книга Максима Грека «Слово на латинов». Той же типографией в 1623 и 1624 гг. изданы две книги Иоанна Златоуста: «Беседы на 14 посланий Павла» и «Беседы на деяния апостолов». В Острожской типографии в 1594 г. издана книга Василия Великого «О постничестве».¹⁰ Виленская типография Мамониной в 1588 г. издает книгу Максима Грека «О крестном знаменнии». В 1612 г. в Евье была напечатана книга «Зерцало и выражение живота людского на том свете», составленная Виталием, игуменом в Дубне. На первой странице книги название было представлено в следующем виде:

⁹ «Беседы» Иоанна Златоуста в «Кирилловой книге» и «Толкования» Иоанна Златоуста в редакции XVI в., возможно, указывают на одни и те же произведения.

¹⁰ См.: Запаско Я., Исаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Книга перша (1574—1700). Львів, 1981.

«Диоптра сиречь Зерцало альбо выражение известное живота человеческого в мире» (не эта ли книга имется в виду под названием «Зерцала мирозрительного» в индексе «Кирилловой книги»?). В 1627 г. в Братской Виленской типографии напечатана специально для этого переведенная книга Макария Египетского «Духовные беседы» (возможно, этому соответствует упоминание в индексе Макария Великого).¹¹ С западнорусскими традициями связаны и упоминания о Августине Иппонском, и о Феодоре Авукаре Кариюском, чья книга была переведена в Острожской академии в конце XVI в.

Важно отметить упоминание в индексе «Кирилловой книги» Миней Общей. Эта книга почти совсем не издавалась на Украине и в Литве (кроме издания 1628 г. типографии Спиридона Соболя). В Москве же эта книга издавалась до 1644 г. семь раз, кроме того, в этот же период три раза была издана Миней Общая с Праздничной.¹² Очевидно, это одна из распространенных книг московского репертуара.

Таким образом, просматривается связь индекса «Кирилловой книги» с некоторыми переменами, происходившими в русской книжности в середине XVII в. Известно, что в этот период расширяются культурные связи с Западной Русью, идет признание истинности украинского и белорусского православия, отрицаемого при патриархе Филарете. Этим можно объяснить в индексе «Кирилловой книги» особенности перечня библейских книг. Этим же, очевидно, объясняется и большое число западнорусских книг в перечислении небиблейских книг. Однако вопрос об отражении в индексе реальной книжности данного периода нуждается в более детальной разработке. Необходимо сопоставление перечня индекса с кругом чтения деятелей культуры середины XVII в., с репертуаром книжных собраний, что не входит в задачу данной работы.

Отвечая на вопрос, как индекс вошел в «Кириллову книгу», можно отметить следующее. Известно 28 списков «Просветителя Литовского», являющегося основой «Кирилловой книги»; только в одном из них есть индекс истинных книг — в уже названном «Изложении о вере» Соловецкого собрания.¹³ Таким образом, индекс не входил в архетип сборника, но явился индивидуальной особенностью названного списка. В этом списке индекс является дополнительной статьей, переписанной в конце; как отмечалось, здесь переписана не сама переходная редакция, но ее вариант. И тем не менее важно отметить, что в этом сборнике впервые индекс связан с основой будущей «Кирилловой книги». Пока невозможно ответить на вопрос, где и когда переходная редакция индекса подверглась переработке и была превращена в ту редакцию, которая вошла в «Кириллову книгу». Выполнявшие эту работу, несомненно, были близки к западнорусской книжной традиции — об этом говорит сам перечень включенных ими в индекс книг. Произошло это, видимо, на русской почве — напомним о книге Миней Общей, которая не могла войти в индекс где-либо еще. Составителя индекса особо интересовали печатные книги. Можно предположить, что он был связан с типографией (работник Московского Печатного двора?).

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать следующие выводы. Индекс «Кирилловой книги» возник в XVII в. на базе ряда источников. Основные из них — оглавление Острожской Библии и индекс старшей раз-

¹¹ См.: Книга Беларусі 1517—1917: Зводны каталог. Минск, 1987.

¹² См.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958.

¹³ Опарина Т. А. Просветитель Литовский — неизвестный памятник идеологической борьбы XVII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 43—58.

новидности. Этапы становления рассматриваемого индекса прослеживаются в переходной редакции, впервые встречаемой в Уставе, переписанном в Москве в начале XVII в. Индекс «Кирилловой книги» включает ряд названий и имен, которые никогда ранее не перечислялись в индексах истинных книг. В какой-то мере по ним можно судить об особенностях литературных вкусов и пристрастий середины XVII в. Среди названий, впервые введенных в индекс, имеются книги украинского и белорусского происхождения. Это говорит об особом интересе, проявляемом в середине XVII в. в Москве к западнорусской книжности.

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

Переводчик Эзопа Петр Кашинский

(Из истории древнерусского перевода)

Выполненный в 1675 г. «синбирским рохмистром» Петром Кашинским перевод прозаических басен был самым обширным из сборников подобного рода в России, превосходя составом как предшествующие переводы Ф. Гозвинского и А. Виниуса вместе взятые, так и последующие печатные собрания этого жанра вплоть до третьего десятилетия XIX в. Говоря точнее, перевод Кашинского — это «трои книги: Эзоп Францкой, другой — Гаврила Грека, третей — Лаврентия Римлянина» (Q. XV.16, л. 75 об.), т. е. фригийца Эзопа, грека Бабрия и латинского автора конца XV в. итальянца Лоренцо Абстемия. Источник перевода — краковское издание примерно 1600 г. — «Przypowieści Aezopowe, z Łacińskiego na Polskie z pilnością przełożone. Przydane są k temu przypowieści z Gabryela Greka y Laurenthego Abstemiusa», из 339 фабул которого Кашинский выбрал и передал 260. Из них около 150 уже были знакомы на Руси по переводам Гозвинского и Виниуса, остальные переведены впервые.

Известны два списка этого перевода, хранящиеся в ГПБ, в С.-Петербурге: начала 1680-х гг. из собр. Ф. А. Толстого, Q.XV.16, — один, и первой трети XVIII в. из собр. Н. Я. Колобова, № 607, — другой. Обе рукописи дефектны, особенно хронологически и текстологически более ранняя — Q.XV.16, со множеством бессмысленных искажений и не поддающихся прочтению мест, не говоря уже о полуоборванных либо утраченных листах с текстами трех десятков басен. Лучшей сохранности второй сборник, но это уже иная, существенно отличная по языку и по осмыслению многих контекстов, поздняя редакция перевода.

1

Сопоставление списков, как и обращение к польскому оригиналу, далеко не всегда позволяет решить, что в тексте «Притчей» принадлежит самому Кашинскому и что — последующим переписчикам. Однако вполне очевиден общий, весьма свободный характер этого перевода и то, что выполнен он лицом, для которого польская речь была более привычна, чем русская.

Перевод обильно насыщен разного рода лексическими, словообразовательными и семантическими, равно как и грамматическими полонизмами, большей частью передающими подобные же единицы и структуры польского текста:

буда — 'шалаш', *воротной* — 'сторож у ворот', *встыд* — 'стыд', *выбавляючи* — 'освобождая', *выжел* — 'выжлец', *выживание* — 'пропитание', *долг на себе вызнала* — 'признала за собой долг', *выхваляючи* — 'расхваливая',

годно — 'справедливо', *голосно* — 'громко', *додавать* — 'придавать', *живность* — 'пропитание', *жорав* — 'журавль', *заложиться* — 'побиться об заклад', *заныряться* — 'погрузиться в воду', *застановить* — 'остановить', *збитый* — 'избитый', *зброя* — 'воинские доспехи', *збудовать* — 'построить', *злодей* — 'вор', *зостать* — 'остаться', *ковальский* — 'кузнечный', *коняючи* — 'умирая', *коропатва* — 'куропатка', *кракать* — 'каркать', *ляда хто* — 'кто угодно', *малженство* — 'супружество', *мотать* — 'обманывать', *моцны* — 'могучий', *мысливец* — 'охотник', *набытие* — 'приобретение', *набытый* — 'приобретенный', *налог* — 'дурная привычка', *наложиться* — 'привыкнуть', *намова* — 'уговоры', *невеста* — 'женщина', *нужный* — 'ничтожный', 'жалкий', *перший* — 'первый', *подорожный* — 'путник', *речи ложиточные* — 'полезные вещи', *покора* — 'покорность', *помститца* — 'отомстить', *порваться* — 'рвануться с места', *послуга* — 'услуга', *постолистый* — 'простонародный', *потѣха* — 'утешение', *потешать* — 'утешать', 'успокаивать', *похильый* — 'склонившийся', *праца* — 'труд', *примушение* — 'принуждение', *прирожение* — 'природное свойство', 'натура', *пришлыя речи* — 'грядущие дела', *пропущать* — 'прощать', *пташник* — 'птицелов', *работный* — 'рабочий', *рада* — 'совет', 'рекомендация', *распукнутца* — 'лопнуть', *рина* — 'водосточный желоб', *родичи* — 'родители', *цветы рожаныя* — 'цветы розы', *рушание* — 'движение', *коня свойскова* — 'коня прирученного, недикого', *сивизна* — 'седина', *сивыя волосы* — 'седые волосы', *скарб* — 'казна', *слимак* — 'моллюск', *смерзлый* — 'замерзший', *смовившися* — 'сговорившись', *смыслы* — 'ощущения', 'чувства', *река снищала* — 'обмелела', 'пересохла', *спѣвать* — 'петь', *стайня* — 'конюшня', *стоварищилися* — 'подружились', *стройно* — 'нарядно', *табличка* — 'дощечка для письма', *твердая зима* — 'суровая зима', *товарышка* — 'подруга', *уживать* — 'употреблять в пищу', *улечить* — 'излечить', *упомянуть* — 'увещевать', долгу *упоминался* — 'требовал возратить долг', *упор* — 'упрямство', *себѣ хвост урвала* — 'оборвала свой хвост', *уряд* — 'должность', *ухляючыся* — 'уступая', *ховать* — 'прятать', 'держать', *хороба* — 'хворь', *хорый* — 'хворый', *цнота* — 'добродетель', *цапля* — 'цапля', *шкода* — 'вред', 'ущерб', *шкодить* — 'вредить' — и др.

Правда, вся эта лексика в той или иной части известна также белорусской либо украинской речи. Но в тексте перевода многочисленны и более специфичные польские элементы:

влететь на — 'взлететь на', *всадить в* — 'посадить в', *вспинаючыся* — 'приподымаясь на цыпочках', *Евиш* — 'Зевс', *каплон* — 'каплун', *кшикаяючи* — 'шипя', *назвычайыся* — 'привыкнуть', 'приохотиться', *нараять* — 'сосватать', *повторе* — 'вторично', *пересилитца* — 'перестараться', 'надорваться', *посилиться* — 'подкрепиться пищей', *по-третие* — 'в третий раз', *разказують* — 'приказывают', *сводить люди* — 'совращать людей', *скотопас* — 'пастух', *скрыгать* — 'скрежетать', *спущение* — 'спуск', *ссесть с коня* — 'сойти с коня', *строи* — 'строје', *указаться* — 'появиться', 'явиться', *укушение* — 'укус', *жена утратная* — 'расточительная жена', *хлѣбодавец* — 'благодетель', *пес ядовитый* — 'злой пес' — и др.

Отмечу морфемно-семантические кальки и польский фразеологический и пословичный материал:¹

вкинул (*w-gzusił* — 'бросил') *топорь в воду* — 131; *наговариваль* (*pa-mawiał* — 'убеждал') *мних одново старца*, чтобы покинул грех телесны —

¹ Все примеры — по списку Q.XV.16; список из собр. Колобова, № 607, используется только при устранении лакун или невразумительных искажений. Индексы после цитат — номер басни и указание на «книгу»: басни Эзопа — без литеры, Гавриила Грека (Бабрия) — г, Лаврентия Римлянина (Абстемия) — р. В польских примерах — орфография источника.

58_p; *приговаривала* (przy-mawiała — ‘упрекала’) река своему ключу — 42_p; заецъ лисице *выговаривал* (wy-mawiał — ‘упрекал’): «Для чева ты меня, кумушка, выдала?» — 67_p; *выговариваючи* (wy-mawiając — ‘высказывая’) ему добродетель свою — 26_p; *примолвил* (przy-rzekł — ‘обещал’) то учинить — 124; *натоптал* (na-deptał — ‘наступил на’) ящерицу ногою — 103; «О, бѣзумны, куды идешь? Уже оттуды *не своротишся* (nie z-wrocisz się — ‘не вернешься’), — убьют тебя» — 36_p; бранил, что ему слова *не додержала* (nie do-trzymała — ‘не сдержала’) — 97; добродетель первого мужа всегда ему на очи *выкидала* (wy-gzusała — ‘упрекала’) — 38_p; ему з грозами *зашол дорогу* — ‘стал поперек пути’ — 65; *забѣжал* ему *дорогу* — ‘вышел навстречу’ — 69; *моливт, что слина до губы принесет* — ‘говорит вздор’ — 20; *всяк своєю пядью мерѣя* — 48; *ушол от дождя под рину* — 61; *по шкоде человекъ бываетъ мудры* — 105; *долго волкъ носитъ, покамѣсть послѣ и самово понесут* — 43_p, и др.

Многочисленны и разнообразны грамматические полонизмы — прежде всего флексия «-у» в формах предложного падежа единственного числа большинства существительных мужского рода, типа: о Евишю, о жораву, о мысливцу, о пташнику, о слимаку (и не менее сотни подобных), а также среднего рода: на сердцу — 23, в полю — 47, в поиманью — 63, о солнцу — 68, в плесанию не имел ровни — 100, на здоровью своемъ — 107, при морю — 112, рыболовь непутны в ловению рыб — 120, в счастью своемъ — 127, на лицу — 25_r, о товарству — 16_p, о узнанию приятелей — 66_p, о прошении лисицы — 68_p.

Польскому оригиналу следует нередко и падежное употребление, к примеру:

Лев, король зверины, хотячи воевать с птицами, собрал всех зверей и спрашивал медведя, что бы ему (т. е. ‘у него’) по зайцу бо-язливом либо по осле ленивом было? — 73_p, и под.

Того же источника многие из оборотов с предлогами *до, за, над, с: до воли* наелся — 49, *отвещал до* нево — 65, *мовил до* него — 74, *посланъ до* них посол — 80, *всадил ея до* куров — 98, *вскочил до* ловца — 37_p, *пришли до* бога — 68_p; *за живота* ево (‘при жизни его’) — 41, ея *за жену* отдалъ (‘отдал ее в жены’) — 124, *за мертваго* лежал (‘как мертвый’) — 63_p; *белиши над* снег — 7, *хуже над* лукавство — 23, *над орломъ* не могла помститься — 114; *вышла з буды* — 116, *один с них* вырѣвал мясо с коша — 36, *с него сѣти делают* — 11, и десятки подобных.

Знак польской речи — мужской род существительных *боль, рысь* и *цель: для великого болю* — 108, *о рысю* — 95, *побегла до целью* — 136.

Вполне обычны в списке прилагательные без каких-либо графических признаков конечного йота: один был *глиняны*, а други *мѣдяны* — 74, один *лакомы*, а други *завидливы* — 80, *трети., четверты., пяты* — 21, *желѣзны* гвоздь — 113, *топоръ золоты* — 131, *лесны* волкъ — 12_r, *лукавы* и *сварливы* человекъ — 17_r, человекъ *угромы* — 19_r, о, *моцны* боже! — 33_r, и мн. под.

Из польского текста довольно регулярно переносятся формы прошедшего времени: *оженился былъ* один старый человекъ — 142, когда была одна пчела медведя укусила — 28_p, *выросло было* немало дерево на одном мѣсте — 10_p, *приготовились были* крысы подрубить дуп — 25_p, и мн. под., а также дебетивные и безлично-страдательные конструкции: *утѣкать мушу* (‘удирать должна’) — 43_r, *имѣ скоро умереть* — 49_p, тот звѣрь *имѣет быти* добр — 51_p, *имяла зима лютая быти* — 56_p, з голоду *имѣл пропасть* — 72_p, другому въдвое *имѣло быть дано* — 80, *написано льва*, склоняющего свою главу — 82, *на то* ему так *отказано* — 3_r, там ево *етмана побито* — 40_p, и др.

Разумеется, все это нетрудно бы отнести к беспомощному копированию источника, если бы полонизмы русского перевода зачастую не оказывались там, где именно этих слов или конструкций нет в соответствующих контекстах польского оригинала (не поминаю уже о весьма свободной передаче этого оригинала Кашинским). Тут и полонизмы, известные белорусской либо украинской речи, типа: *глупство* — 2_р, *застановил* — ‘остановил’ — 25, *латво* — ‘легко’ — 45, *нахляешься* — ‘склоняешься’ — 77, *примовляет* — ‘укоряет’ — 41_р, *роскошь* — ‘наслаждение’ — 35, 101, 33_р, *спровавши* — ‘продав’ — 7_г, *суремка* — ‘свирель’ — 120, *ужалилась* — ‘сжалилась’ — 54_р, *уживаю* — ‘пользуюсь’ — 20, *упрацовавшись* — ‘утомившись’ — 68, *штуки* — ‘куски’ — 10_р, и собственно польские лексемы: *Евиш* — ‘Юпитер’ — 139, 24_г, 26_г, *мястик* — ‘наместник’ — 69_р, *набываем* — ‘обретаем’ — 121, шапки добръ не натиснул — ‘шапки не нахлобучил’, — 73, *похлѣбуючи* — ‘подольщаясь’ — 64, *с прирожения* — ‘по природе’ — 72, 40_р, 63_р, и др.

Не объяснить обилия полонизмов в тексте Кашинского и недостаточным знанием переводчиком русской речи (что в общем справедливо), поскольку проникновение польских слов в текст Кашинского не столь однотипно и не однолинейно. Многие полонизмы, что перенесены из польского оригинала в одних контекстах, были эквивалентно переведены в других либо переданы ситуативными русскими аналогами в третьих, а то и вовсе опущены, но так или иначе компенсированы контекстом в четвертых. И все это в условиях письменной речи, структуры которой (в частности, того повествовательного уровня, которому принадлежит перевод Кашинского) не определяются спонтанной импульсивностью устной стихии. Вместе с тем словоупотребление Кашинского обнаруживает весьма индивидуальные семантические пересечения и разграничения польско-русских словарных эквивалентов. К примеру, хотя бы корреляция пары *совѣт* — *rada*.

Из многих и многих употреблений в оригинале польского *rada* только однажды это *совѣт* — ‘совещание’, как и перевел Кашинский:

Прилетали на совѣт птицы (*weśli w radę ptacy*), чтоб болши королѣи между собою выбрали — 44_р.

Второе подобное же употребление русского *совѣт* оказалось там, где оно не диктуется польским текстом, а лишь допускается ситуацией:

Сошлись были зайцы на совет (*ześli się byli zaiące w drogę*) и кручинилися на нужу и скудость свою — 132.

В тех же случаях, где *rada* означает ‘рекомендация, предлагаемая усмотрению адресата’ (обычно в оборотах *dać radę* либо *słuchać rady*) в русский текст, когда это действительно ‘совет’ — лояльный, благожелательный, — так и переносится: *дать раду*, *послушать рады*:

Другая баба, похлѣбуючи, такую ей раду дала (*tak iey radę dała*): осла бѣлова, которова вдова в дому своемъ ховала, велѣла ей краскою зеленою украсить и велѣла по всемъ улицамъ водить — 64_р (аналогично 24_р, 67_р).

Если же реальные намерения персонажей противоречат мелиоративному ореолу слова, Кашинский воздерживается и от эквивалентного перевода, и от транслитерации, подыскивая иные контекстуальные решения. Например, в басне «О орлѣ и воронѣ», в которой ворона советует орлу, как расколоть раковину моллюска, втайне рассчитывая самой завладеть добычей, Кашинский дважды отказывается от прямой передачи оборота *dać*

gadę — сначала в рассказе басни: «Ворона на учила ево (dala mu gadę)» — и затем в сентенции:

Не всякому вѣрь, аще в чемь тебя хто научаеть (kto gadę dawa).
Держи свой разумь, много бо есть тых, которые не для твоей, токмо
для своей корысти научаютъ — 6 (то же 34).

Зато русскими *совѣт* и *совѣтный* Кашинский передает польские *zgoda* — ‘согласие’ и *zgodny* — ‘единодушный, дружный’:

Хотячи один отецъ несовѣтныя сыны к совету привести (synu niezgodne, ktorych kilku miał, ku zgodzie przywieść)... Для чего так
имъ говорил, что «и вам лучши будет, аще вмѣсте с собою станете
жить советно (będziecieeli zgodni)» — 40 (то же 79).

По-видимому, это диалектное, усвоенное симбирским ротмистром северо-восточное разумение *совѣт* как ‘со-гласие’ и явилось семантической доминантой, исключавшей *совѣт* из эквивалентов передачи исходного значения *gada*, — тем более там, где рекомендации одного персонажа наталкиваются на неразумное упрямство другого:

А она ея не послушала (nie chciała iey rady słuchać) — 19;
Много тых людѣй есть, которы сами ничево не знаючи, а иных не
слушаютъ (cudzey rady nie chcą słuchać) — 11, и под.

Отмечу также, что ни разу не получил прямого словарного перевода и глагол *gadzić* — ‘советовать’, передаваемый Кашинским по обстоятельствам то абстрактными *молвить* (19, 62, 119, 44_p) и *говорить* (11, 115), то изобразительным *шептать* (37_p), то модальными *желать* (62), *хотеть* (115), *научать* (6).

Сказывалось на словоупотреблении Кашинского и близкое родство языков, когда та или иная лексема языка перевода (в данном случае — русского) используется в неактуальных для нее значениях этимологически тождественной единицы языка-источника (здесь — польского). К примеру, одно из высокочастотных слов оригинала *rzecz* (45 употреблений), ни разу — ни в предметных (конкретных или обобщенных), ни в местоименных значениях — не переведенное у Кашинского эквивалентным *вещь*, но так и транслитерируемое, как в польском, — *рѣчь*:

После стал красти болши из речей (*rzeczy* — ‘вещи’), был пойман,
и вели его на виселицу — 111 (также 22_p, 30_p, 35_p, и с более общим
значением — 54, 60, 64, 48_p, 64_p, 71_p).

Тот же перевод местоименного, предикативно-присвязочного употребления:

Невѣста — рѣчь (*rzecz* — ‘вещь’) отмѣнная и ложная, а так ни в чемь
не треба ей вѣрити — 66 (то же 21, 29, 75, 28_r, 11_p).

И в четырех случаях *rzecz* — ‘вещь’ передается ситуативно-контекстуальными аналогами — *дары*, *добро*, *тварь*, *звери* и *птицы*:

Многия люди великия сулят дары языкомъ (*wielkie rzeczy obiecują*) — 16_r;

.. сами своему добру пособить ничево не умѣют (*w swej rzeczy są niedbałemi*) — 106;

Из начала свѣта, когда богъ всякой живой твари (*każdey żywey rzeczy*) роздовал дары, о чемь хто ево молил — 55_p (то же 64).

Что касается процессуальных значений *rzecz*, то шесть раз они переданы лексемой *дѣло* и еще однажды — ситуативным аналогом *бѣда*:

Всякому человеку мудру достоит прежде вѣдать конец тому дѣлу (obaczyc, jakie ona rzecz wezmie dokończenie), которые зачинает дѣлати — 97 (также 98, 120, 136, 1_г, 22_р);

Крестьянин к суду позванъ, пришел к одному мастику (rzeczniku), чтобы за ево радѣниемъ вышель ис тое бѣды (wyszedł z oney rzeczy) — 69_р.

Но чаще и тут сохраняется, как в польском, — *рѣчь*:

Безумная рѣчь есть (szalona rzecz jest) научать другова, чево самъ не разумѣшь — 70 (аналогично 79, 106, 138, 10_г, 36_р, 41_р, 46_р).

Русское и польское начала сталкиваются и конкурируют в рамках одного предложения:

Научает тая притча, что добрым советомъ малья речи (*rzecz, choć małe*) укрепляютьца, а несоветом и несогласиемъ и великия дела к злomu концу приходять — 40.

Однако ведущим членом этой коррелятивной пары остается все-таки полонизм, и когда, например, в польском оригинале столкнулись в едином контексте *rzecz* и *sprawa*, то оба — и тот и другой — были переведены как *речь*:

Безумная речь есть в малых и потешных речахъ (*szalona rzecz w lekich sprawach*) бога на помощь призывати — 140.

Трудно судить, сколь вразумительным было подобное решение для читателей, но для словоупотребления самого Кашинского оно достаточно характерно.

Значение *rzecz* — ‘слово’ в польском оригинале, в пределах переведенного текста, отсутствует. Правда, употребление лексемы *rzecz* здесь семантически подчас столь размыто, что передача ее Кашинским как *рѣчь* не исключает естественного для русских понимания как ‘слово’ (61_р). И лишь единственный раз это значение несомненно, но уже как перевод польского *przymowka* в басне «О господинѣ с slugою»:

А когда ему стал часто насмехался, а хотя ему то слуга отшутить, по врѣмени однава за одну рѣчь (*za przymowką*) разгнѣвался на господина и так молвить.. — 21_р.

Совмещение польского и русского начала в языковом сознании переводчика очевидно, что, однако, не мешало Кашинскому взвешенно оценивать достаточно тонкие нюансы фабульных ситуаций. К примеру, передача польского прилагательного *przyszły* (‘будущий’) в двух баснях о прорицателях. В первой из них — «О ворожеи пророкоющим» — предсказание будущего не составляет реального содержания конфликта: речь, в сущности, идет о хронологически совпавших обстоятельствах, даже об одном эпизоде. И хотя смысловые спектры слов *пророкоющий* и *ворожея* также отсвечивают значением *przyszły*, это значение в контексте данного сюжета не актуализовано, — и оба упоминания *przyszły* переводом Кашинского сняты:

Ворожея один, сидячи на бозарѣ, о многих речах людям вещеваях (*przyszłe rzeczy ludziom opowiadał*). Пришел к нему один человекъ, сказавши, что тати, двери выломавши, двор ево выкрали. Он, то слышачи, порвался и побѣжал до дому с вопом. Там же один,

встретивши его, молвил ему: «А то ты худо дѣлаешь — иным вещуешь (opowiedesz inszym rzeczycy przyszłе), а самъ своя притчи не гадаешь» — 106.

Иная ситуация в басне «О ворожеи», прорицательнице грядущего, — с цепочкой последовательно детерминированных, но непредугаданных событий, сопоставлением экспозиции и развязки которых и образуется завершающий пуант рассказа, — так что передача przyszły тут была непременно (хотя исполнена опять-таки соответственно речевому опыту и навыкам переводчика, не говоря пока о других трансформациях перевода):

Ворожея сказывала о собѣ, что много будучи хъ речей видела (iako wiele rzeczycy przyszłych wiedziała). После была оговорена, что сводила люди. И велено ея взять, аки вѣдунью, на смерть. Молвила к ней одна нѣвеста: «Милая тетка! Дивно мнѣ то, что ты пришлыя речи ведала, а своей бѣды не узнала (rzeczycy przyszłе przepowiedaiąc od boga, nie przepowiedałaś, co się tobie od ludzi miało stać)» — 16_r.

Впечатление нерегулярного, смешанного польско-русского двуязычия, при исходной польской основе, особенно велико там, где Кашинский занят как бы своеобразной правкой своего источника — то ли переводом, то ли замещающим прояснением польских слов их же польскими синонимами:

Либо богатство имѣет в себѣ много роскоши, токмо хто хоцеть разсудити, увидитъ, что великия кручины и тяжары (ciężkości) терпить — 5;

И увидивши то, один человекъ вынемъ тот клад. А так тот лакомы, узнавши то, зело засмутился (zatrokał się) и плакал — 7_r;

Хто своему хлѣбodawцу (dobrodzieiowi) обиду делаетъ, всегда тот от бога на собѣ помъсну (pomstę) поносит — 9_r;

Когда нѣвеста, еще молода, мужа хворова плакала, потешал ея отецъ: «Не кручинься, милоя нѣвеста, — на рая (ziednam) я тебѣ молодшова, скоро тот умрѣт» — 12_p.

Аналогично: srom > *встыт*, sromięzliwość > *встуд* — 25_r; wypukł się > *высилился* — 24, za iedno > *заровно* — 7_r, pożywszy nieprzyjaćieła > *звытяжживши* неприятеля — 35, snadno > *латво* — 40, zwykli > *назъвычайлися* — 24_p, stresknił > *нарекал* — 133, ślubując mu > *объцуючи* ему — 71_p, z pastwy > *с наши* — 35, na pasterniku > *на наши* — 28_r, cudze włosy > *приправныя* волосы — 73, mieniąc się > *удаючи* себѣ — 70, zmiłowała się > *ужалилась* — 54_p, gzesnik > *мястик* — 69_p, и др.

Но часто здесь приходится говорить уже не о переводе, а ином толковании ситуации, как, например, в сентенции басни «О воронѣ с ластовицею», где азбучные прописи оригинала сменяются формулировкой иного, причем социально окрашенного, собственного утверждения переводчика:

Ciało trwałe, acz grube,
lepsze iest,
niż subtelne a mdłe.

Тело крепкое и *працовитое*
лутшее и здоровое естъ,
нежели чистое и *щеголеватое* — 15_r.

2

Что бы ни представлял собой перевод Кашинского, все аспекты его анализа и оценки возвращают к сопоставлению с его источником — кра-

ковским изданием Эзопа на рубеже XVI—XVII вв., времени, завершавшего в истории Польши эпоху «просвещенного, блестящего государства, поразительно терпимого в делах религии и политических убеждений».² Понятно, что умонастроения польского Ренессанса не миновали и польской версии Эзопа, так что перевод такого Эзопа (и без того враждебно воспринимаемого московской церковью) в предпетровской Руси был отнюдь не простым делом. В силу идейно-политических, философско-религиозных различий — и даже несовместимости — польских и русских государственных и теологических доктрин и национально-бытовых представлений подобное предприятие требовало немалых, чуть ли не сквозных содержательных перемен, если Кашинский вообще рассчитывал на беспрепятственное обращение своего перевода. Да и положение поступившего в русскую службу и принявшего православие иноземца понуждало симбирского ротмистра к сугубой осторожности в политических и религиозных вопросах, дабы не помянуть не в чин и ряд ни земного деспота, ни небесного. Относительно свободнее переводчик был лишь в кругу социально-этических проблем, еще не застолбленных официозными постулатами и ритуальной фразеологией, угнездившимися в России впоследствии.

Естественно, что в подобных обстоятельствах Кашинский не мог задаваться целями и требованиями профессионального перевода, даже если бы и представлял их. Он предусмотрительно отвергает одно, избирательно и зачастую по-иному передает другое, с иными акцентами, в иной — и нередко более острой — интерпретации. В этих многоаспектных, не всегда последовательных преобразованиях довольно определенно обрисовываются как повествовательные вкусы и предпочтения Кашинского, так и его социальные позиции и нравственные воззрения. Но в не меньшей степени проступает и вынужденное приспособление переводчика к российской действительности тишайшего Алексея Михайловича, железом, виселицами и крестным распятием умиротворявшего многоязычную державу от севера и до юга. Так что волею или неволею, но в переводе опущена едва не четверть басен польского оригинала и перекроены десятки других, фабулы либо истолкования которых предосудительно ассоциировались с внутренней и внешней политикой московского государства — непрерывными войнами на западных рубежах от Прибалтики до Причерноморья, свирепой расправой с народными восстаниями от Белого моря до Каспия и крутым преследованием инакомыслия по всей метрополии.

Опускаются сюжеты, затрагивающие проблемы монархического правления, — от осуждений жестокости августейших властителей и предостережений об отмщении попираемых и до ограничения прав монарха его обязанностями перед подданными. Опускаются небезболезненные для московского государя ироничные рассказы о безуспешных притязаниях на зарубежные престолы и морское владычество.

Опускаются басни антиклерикального характера, высмеивающие развращенность и алчность духовенства, а также басни с античными мифологическими мотивами, если их не удавалось приурочить к православному миропониманию, равно как и рассказы с аргументами или уподоблениями скабрезно-эротического, неблагочинного толка.

Однако не все изъятия порождены только предосторожностями переводчика. Напротив, ряд басен отвергнут как раз потому, что не отвечал социально-этическим представлениям Кашинского, так что русский перевод и по отбору сюжетов и по характеру их истолкования обретал приметно большую идеологическую целостность, нежели его польский источник.

² Погодин А. Л. Лекции по истории польской литературы. Харьков, 1913. Ч. 1. С. 207.

Демократизм социальных и нравственных позиций переводчика очевиден. Многократно и в многообразных связях повторяются осуждения социального угнетения и правовой несправедливости как следствия имущественного неравенства в мире, отравленном всеобщей алчностью и стяжательством, завистью и сословной спесью, чванством и лакейской угодливостью, равно как и корыстной лживостью, несоответствием слова и дела и поголовной готовностью к лжесвидетельству и обману. Человеческая природа неизменна: носители зла — деятельны, агрессивны и неискоренимы, а бытие — превратно. Отсюда мотивы неуверенности в будущем, настроения социального консерватизма и практицизма: подозрительность и недоверие к новшествам, настойчивые побуждения к предусмотрительности и призывы к смиренной умеренности, терпению, довольству малым и тем, что есть, наставления держаться своего сословного круга, не искать покровительства и не полагаться на поддержку сильнейших и, тем более, остерегаться конфликтов с ними, а также быть осмотрительными в друзьях и не принимать личины за сущность.

Соответственно представляется и шкала социальных и нравственных ценностей, в основе которых — доброе учение, честное ремесло, усердный труд, а также верность долгу, умение постоять за себя, справедливость и сострадание к слабейшим. Вышшее из благ — независимость человека, независимость как от произвола сильных мира сего, так и от власти всеобщих пороков и соблазнов, и прежде всего — соблазна стяжательства и тщеславия.

Но это — сфера иного анализа, тогда как предмет статьи — только профессиональные аспекты решений Кашинского.

Из повествовательных особенностей перевода для начала следует отметить, что Кашинского, как оно ни парадоксально, едва ли вообще привлекала занимательность басенного сюжета. Он очевидно тяготеет к пространному повествованию, стремясь уложить фабулу в несколько — всего в шесть-семь — десятков знаменательных слов, и в ряду более протяженных рассказов доля исключенных из перевода басен в полтора раза больше, нежели в кругу текстов малого объема. К тому же многие из переведенных басен также сокращены переводчиком.

Другая примечательная черта перевода — то, что Кашинский всегда и неизменно держится приземленной действительности, ее реальных зависимостей и отношений. Выразителен уже сам отбор переводимых текстов, в известной мере представляющий как бы общим ключом и к частным решениям переводчика. Из перевода устраняется все нестаточное, ухищренное, не соответствующее ни повседневному опыту, ни здравому смыслу, будь то хотя бы и самые знаменитые сюжеты. Снимаются фабулы вроде басни про пса с мясом в пасти, бросившегося на свое отражение в воде, дабы заполучить и второй кусок; о недругах на тонущем корабле, из которых одного вполне утешает сознание, что другой захлебнется несколькими минутами прежде; о хозяине, который, из лени навевдывать в сад, пересадил отягченную плодами яблоню под свои окна; о сотрясаемых подземной стихией горах и сбежавшихся к ним поселянам, у которых только и опасений — не проглатеть, что же с горами станется, — и другие подобные потешки. Конфликты и поведение басенных персонажей, при всей условности жанровых масок и ситуаций, остаются у Кашинского в границах если не природного, то хотя бы житейски психологического правдоподобия, но отнюдь не судорожного гротеска.

Отвергаются также басни, весь эффект которых в находчивой игре слов, неожиданном пунте, никак, разумеется, не разрешающих реальной жизненной коллизии, — наподобие басни о мужике, утаившем от пана сердце забитого кабана, уверяя, что у столь глупого животного его и быть не

могло, или типа басни о лекаре, обкрадывающем подслеповатую пациентку, которая, по излечении, в свой черед нехитрым софизмом отказывает эскулапу в гонораре. Шутовской юмор не привлекает симбирского ротмистра. И напротив, сохраняются рассказы, где ловкие отговорки и паясничанье однозначно и резко осуждаются («О дву отроках»), а то и боком выходят его затейникам («О шуту с ослом»).

Не передаются надуманные этиологические сюжеты — типа басни о неопыре, чайке и репейнике, о сове с птицами, о пауке и подагре, о ослах и Юпитере и подобные.

За рамками перевода оставлен и ряд басен с «пустыми» конфликтами и произвольно притянутыми наставлениями — типа притчи о воске, бросившемся в огонь, дабы обрести твердость керамики, — некорректной уже по сюжетному импульсу (хотя бы на фоне вытапливания воска из вошины и употребления на свечи), с невестой почему выводимым и как приложимым поучением: «любое супружество не будет прочным, если нет равенства супругов». Не больше оснований для назидательных аналогий в басне про пса, преспокойно спящего под грохот кузнечного молота, но тотчас же пробуждающегося при звуке жующих челюстей, с сентенцией: «на тех басня, которые, на чужую работу надеясь, сами не хотят ничего делать», — и под.

Это внимание Кашинского к внутренней логичности всех звеньев целого подтверждается примером, когда переводчик столкнулся с дефектом текста самого польского оригинала в притче о галке, выбелившей свои перья, чтобы проникнуть в голубятню и воспользоваться тамошним кормом, но в забывчивости выдавшей себя криком, а затем не признанной и собственными сородичами. Однако в польском тексте не оказалось ни слова, как-либо отмечающего переокраску галочьего оперения, — внутренние связи фабулы распались, и басня Кашинским переведена не была.

Нетерпимость к нестаточному предстает причиной многих сокращений и в тексте переведенных басен. Тут отвергаются любые порождения художественной фантазии, стоит лишь аллегории выйти за рамки психологически здоровой вероятности, — сколь бы ни была велика в том фабульная и сюжетная необходимость, не говоря уже о эстетической значимости и выразительности изгоняемых мотивов. Гротескный гиперболизм, эстетизация абсурда претят Кашинскому. Не единственный пример тому — басня «О лакомом и завидливомъ», где завистник готов лишиться одного глаза, лишь бы алчный ослеп на оба. Приведу перевод Кашинского, включив в него и отброшенный текст польского оригинала:

Двое людѣй молилися богу: один лакомы, а други завидливы.
И послан до них посол, чтоб ихъ воли по их молению учинил и дал имъ выбирать, чево бы хотели, — а тымъ способомъ: чево б одинъ просил, то другому вдвое имѣло быть дано. Там же когда лакомы хотячи имети много, — а таво всего завидливы одержалъ вдвоя болши.
Potym zawisny żadał, aby sam stradał iednego oka, izby łakomemu obiedwie były odjęte, temuby on był bardzo rad.
Толкъ. Лакомства не можетъ никто насытитца. Токмо и на зависть нетъ ничего хужьшова: завидливы человекъ, чтобы толко другому убыток зделал, о томъ всегда печалуетца, — наконецъ и самъ своево убытку для ради злова дѣла не жѣлеетъ — 80.

Предполагать, что здесь лакуна переписки, не позволяет не только совпадение русского текста списков Толстого и Колобова, но и судьба других, аналогичных по несообразности примеров. Так, выправляются нестаточные, хотя и традиционные ситуация и развязка басни «О волкѣ и о жаравль»:

..Жаровъ ему спроста увѣривши, выбирал у него кости из горла, хотячи заплаты за свою работу. Zbłaznił go wilk, mówiąc: «A za jeszcze mało na tym masz, iześ zdrow, gdyzem ia tobie mogł abo szyię ugryść, abo cię z nogami w zadek wsadzić».

При всей жанровой условности фабулы Кашинский принимает ее только с интерполируемой в перевод поправкой на недалекость одного персонажа («спроста увѣривши») и полным преобразованием поведения другого, заменив снисходительность хищника куда более подобающим его амплу, да и более поучительным, финалом:

А после волкъ и самово ево съѣлъ — 2.

Что касается частных и текстуально менее пространных несообразностей, то они выправляются по ходу рассказа. Например, в басне «О овцѣ со псом»:

Призвав пес овцу, аки бы ему виновата была печиво хлѣба. Ана в том забиралась. Послѣ призвал к себѣ третих: волка и лисицу, — и так овцу обвинили, которою пес порвавши вмѣсте с третими съел — 38.

Но в польском тексте жесвидетельствуют и пиршествуют не лисица и волк, а конь и сип.

В басне «О псу с волкомъ».

..«Когда я господина своего бѣргеу (в оригинале: gaduicę), он меня за то лащить и с свосво стола кормить, и на голой земли не лягу» — 43, —

тогда как в польском: па dworze nigdy nie legam.

В басне «О свинье с выжломъ»:

..Пес отвещалъ: «Не знаеш ты, глупая свиня, что я за тое наказанье и учиние много добра нажил, понеже тое жь ествы, что и господинъ мой отживааетъ» — 31_p.

Однако в тексте оригинала яства изысканны не то что для песьего, но и для хозяйского стола: «bowiem za to słodkiego mięsa przepiorczego u kuropatwiego używam». Впрочем, что здесь несуразно на взгляд самого Кашинского, а что продиктовано приноровлением к русской аудитории, — размежевать трудно.

Не тешит Кашинский читателя и заботами об особой занимательности повествования. Басенный рассказ сжимается до семантического ядра, лишь бы его достало для нравственного заключения. Например, в басне «О ремесниках»:

Повелел богъ Евиш Меркурию, послу своему, чтобы во всякое ремесло розные вымослы (в ориг.: przysady a matactwa) дѣлал. Он posłuszny zmieszawszy te dwie rzeczy, stął ie czyście y stłukł w moźdierzcu, aby ich nie obaczono, przysypał pod mierzę w każde rzemiosło. A gdy wszystkim rozdzielił, na ostatku też przyszedł szwiec, ktoremu Merkuryus wszytek ostatek (a było tego nie mało) w rzemiosło wsypał. A так Меркури-посол дал сапожнику всяки вымослы, чтобы он ремесломъ своимъ живилъся. Od tych czas wszyscy rzemieśnicy przysadę, kładą y mataią, swłaszcza szwecu, которой не токмо зубами своими кожи вытягиваетъ, но и смолюю наклеиваетъ.

Толкъ: мало таковыхъ есть мостеровъ, которой бы правдою работалъ, чтобы не мотал, понеже бо не укравши не могутъ пробыть — 24_r.

Прозаическая басня бесхитростна и немногоречива. Повествовательные ретардации ей не присущи. И если ее рассказ содержит какие-то повторения, то всегда как сопоставляемое с завязкой градационное нарастание или контрастное разрешение конфликта. Естественно, что это непременно существенные, сквозные мотивы сюжета. Но Кашинский и здесь нередко сжимает текст, поступаясь нарративной симметрией и перекличкой композиционных узлов фабулы ради некоторого напряжения и энергии целого. Так, в басне «О волку з бораном»:

Когда борашик шел за козломъ, встретиць ево волкъ и спросиць ево: для чего бы, отставши от матери своей, ходил за дурнымъ козломъ? — *radząc, aby się za się do oycow swey matki wrocił, — tak się domniemawaiąc, że go odwabiwszy łatwie pożyje.* Он ему также отвѣщал: «О, злый волче! Понеже мя мати моя дала ему меня на избережь, лучши бо мнѣ матери своей слушать, нежели тебя, ты бо хочешь словами своими меня отвести, чтобы есмо съел меня» — 39.

Из двух упоминаний вполне предсказуемого волчьего умысла, — сначала как «скрытых» (эксплицируемых лишь повествователем) намерений, а затем и разоблачения их «проницательным» персонажем (ради чего изобретена фабула), — снимается первое, обеспечив тем хоть какой-то нарративный эффект второго.

Снимаются, либо как-то ужимаются, средние члены многофазовых градаций, как, например, в басне «О лекарю с немощным»:

Лекаръ один спрашивал хворова, какъ бы слышався быть здоровымъ? Отвещал ему хворы, что велми потъ с него шел. Лекаръ молвил, что то добро.

Другава дня тако же спросил про здоровье, — он ему прогневаючись сказал, *із go gorączka paliła. Rzekł lekarz: «Y to też nie zle».*

В третье спросиць, аще бы чаелся на здоровью своемъ, а хворый ему молвилъ, что «мя утроба мучит». А лекаръ сказал, что то есть вельми добро.

Potym, gdy go przyiaćiel pytał, iakoby się miał, on rzekł: «Bardzo dobrze się mam, ale już umieram».

Вместо этого театрального пуанта оригинала — простой и скорбный финал перевода:

А после хворы умер — 107.

Из экспрессивно броских компонентов рассказа регулярно ужимаются контексты с чужой речью. Их содержание менее сковано логикой сюжета, эмоционально подвижно и нередко включает ассоциативно случайные, «живописующие» мотивы, — но именно эта многоречивость не находит отклика у Кашинского, и перевод оставляет в репликах персонажей только магистральные элементы сюжета. Так, в басне «О жаровах с пахаремъ»:

Наставил мужик сети на жаровы и на гуся, что ему хлѣб в полю портили. А когда поймал жаровы вмѣсте зъ гусми, также с ними и чаплю. *Uchwycony boćian opowiedział niewinność swą, iż by nie był żorawiem ani gęsią, ale ptakiem bardzo łaskawym, zwłaszcza nad swymi rodzicy, którym, gdy się starzeją, nie tylko usługuje, ale u pożywicia dawa.*

В переводе Кашинского цапля не доказывает, что она не гусь и не журавль, не нанизывает жалостливых фраз о своем ласковом нраве и своих

заботах о родителях, особенно престарелых, но оспаривает лишь то, в сопричастности чему она обвиняется логикой обстоятельств:

..и чаплю, которая била челом ему, чтобы отпустил,
«понеже я хлѣба не портила».

Меняется и концовка рассказа:

Chłop rzekł: «Wiem ia to dobrze, co powiedasz. Ale iżem cię iął z winnymi na szkodzie, musisz też z nimi społem cierpieć».

Суд скор и по-своему обоснован. Но Кашинский и тут находит более сжатое и, кстати, более напряженное решение, оставив читателя не с формулой юридического вердикта, а с нравственным вопросом:

Отвещал мужик: «Знаю я, что ты хлѣба не портила. Токмо для чево с ними товарижство держала?!» — 47.

Аналогично в басне «О пастырю с овцою», где сценический эпизод оригинала превращается в лаконичный конспект Кашинского:

Жаловалася овца на пастыря, что он от нея много имѣючи молока — не полно ему, токмо еще стригь ея. Розгневавшись, пастырь вземь ягня и несъ к заколению. Увидевши, овца молила ево: «А což mi możesz gorszego uczynić?» On rzekł: «A to y ciebie samę zabiwszy psom albo wilkom rzucę». Y umilknęła owca, bojąc się czego gorszego.

И в переводе:

..молила ево, чтобы тово не делал, хотячи быть ему всегда покорною — 65_p.

Эмоциональный диалог в лицах замещается деловой справкой. Но это внешне. Действительный характер ситуации стал острее и драматичнее: в оригинале овца смиряется даже с гибелью ягненка, лишь бы уцелеть самой; в переводе мать смиряется с нележкой собственной долей, только бы спасти своего детеныша. Что же до угрозы выбросить мясо овцы псам и волкам, то трудно представить возможность подобной бессмыслицы для Кашинского.

Сокращения контекстов с чужой речью значительны по объему, снимая и многословие реплик, и расслабленность повествования. В басне «О лекарю с немощным» лексический объем рассказа ужат на 20%, в баснях «О подорожном человеке», «О льву с лисицею» — на 25%, «О жаровах с пахаремъ», «О пастырю с овцою», «О векшъ с лисицею», «О мухъ с мурашкою» — на треть, «О волкъ и о журавль», «О вепрь диком и о ослъ» — на 40%. Реальные же объемы непереданного текста еще значительнее, поскольку отвергаемый материал в немалом замещался или возмещался необходимыми включениями от переводчика. К примеру, уже упомянутая притча «О вепрь диком и о ослъ»:

Gdy się głupi osieł z wieprza naśmiewał, on za się gniewno nań zgrzytał: «Atoliś ty, obmierzły, zasłużył karanie, wszakoż na mnie to nie słuźna, a bym ia z tobą miał walczyć, iuż się śmiey, iako chcesz, — twoie to głupstwo czynie cię wolnego».

Когда глупый осел съ вепра насмеялся, он на него гнѣвно смотрил и уступил ему, аки глупому, не сопротивляясь ему, либо б было силь столь, что-бы ему смерть задал — 4.

Сокращения и замещения чужой речи тут захватили три четверти подлежащего переводу текста. В сущности, это уже не перевод, а этнологическая

переработка фабулы, с иными представлениями о личном достоинстве и о предписываемых ими нормах поведения.

Естественно, что не меньшие сокращения претерпевают и внутренние размышления персонажей:

О человеку, бродящемъ через воду. Человекъ, хотячи перебрести реку, которая от дождя великую имѣла воду, искалъ броду, а гдѣ вода была тиха, там хотѣл перейти. Obaczył, iż głęboka, potym doznał, iż tam miałczy było, kędy woda szła większym pędem y szumem, — tedy on sobie pomyślił, iako bezpieczniey się puszczać na szumiącą wodę, niżli na cichą.

У Кашинского пассаж гораздо, почти втрое, короче:

Увидѣвши, что глубока, тамъ пошел, гдѣ быстро шумѣла, начаючи мѣли. И такъ перешоль — 4р.

Текстуально пространные, композиционно ощутимые сокращения многочисленны. Велика и масса малоприметных, но многообразных купюр, отвечающих повествовательным предпочтениям Кашинского, — прежде всего, высвобождению рассказа от необязательных и, следовательно, ненужных подробностей и пояснений.

Детализация — инструмент описательности. В прозаической басне описаниям и описательности нет ни времени, ни места. Они здесь рудиментарны и спорадичны, проступая лишь сущностными, хотя совсем не обязательно изобразительными подробностями. Но Кашинский и подобные детали сводит на нет, если они не принадлежат конститутивным факторам сюжета. Так, нередко снимаются подробности, хотя и не составляющие источника или причины конфликта, но выступавшие в польском оригинале как более частные, локальные причинно-следственные мотивировки и связки или пояснения фабульных этапов. Теперь же, в переводе, эксплицируемая прежде обусловленность событий сменяется соположенностью или последовательностью их:

О бабѣ з девками. ..А баба, когда уже петуха не было, nie miał się ro szum znamięnować, девки всегда о полночи будила — 61;

О псу с месником. Пришовши пес до мясных лавак, gdy się rzeźnik nie obaczył, patrząc swey roboty, украд у мясника коровье сердце — 105.

Аналогичны и грамматические трансформации:

О мысливцу с коропатвою. ..«Отпусти меня нынѣ, а я тебѣ своихъ товарищевъ приведу» (тогда как в оригинале: «Gdyby ty mnie chciał teraz puścić, tedybych ia tobie swych towarzyszek stado przywiodła») — 135.

И вообще цепочки кадров легко освобождаются от обстоятельного антуража:

О сыне господина одного со лвомъ. ..И такъ дѣланию ударил в стену на образ лвовъ и о желѣзны гвоздь, który tam był nie widomy, зашиб себѣ руку, z ktorey rany góra ciekła tak długo, от чево рука усохла — 113.

Из текста перевода убирается то, что подсказывается фоновым опытом читателя и сознается как бы само собою:

О мыши и о пиле железной. ..И розсмеялася пила, молвячи: «Что, глупая, делаешь? Скорей ты собъ зубы сотрешь, нежели мнѣ досадишь, bo ia żelazo by paɣtwardsze ścieram», — 28.

Устранения регулярны, последовательны, почти неприменны. Подтверждение тому — идентичность правки в аналогичных контекстах. Так, в басне «О лисице с орломъ»:

..А когда ветръ огонь роздымал, молвила ему (орлу) лисица: «Аще ли можешь, борони своих детей!» Боячися орел, чтобы iskrami latającemi liska ему гнезда не сожгла, które było z rozg suchych y też z mierzwy, молвить ей: «Прошу твоей милости, не делай тово для моих молодых детей, а я тебѣ отдамъ твои» — 46.

И спустя три десятка листов точно та же операция, с исключением тех же компонентов из текста другой, более драматичной версии сюжета:

О лисице с орломъ. ..А когда вѣтръ роздымал головню, она (лиса) еще сухова дерева прибавливала, так что iskry, wzgorę lecaç, гнѣздо орлово, które bardzo suche było, зажгла — 114.

Тем легче снимаются частные подробности, не составляющие причинно-следственных зависимостей фабульного сцепления, будучи лишь сценическими аксессуарами или ремарками повествователя:

О мыши и о пиле железной. Нашла мышъ на warsztaćie пилу железную и учела ея грызть — 28.

О волах с пахорем. Имѣл пахаръ вола молодова, к работе w iarżmo наравистова — 84.

О отцу с сынами. Хотячи одинъ отецъ несовѣтные сыны, ktorych kilku miał, к совету привести, призвал ихъ к себѣ вмѣсто — 40.

Наконец, текст сжимается не прямыми купюрами, а той или иной его переработкой — выделением лишь существеннейшей реалии при отказе от перечисления других, заменой рефлексии поступком, ситуации — ее решением и вообще более кратким пересказом эпизода:

О волку с осломъ. ..А когда волкъ из ноги ево кость вынялъ, он, zabaczywszy boleści, ево копытомъ podkowanym ударил в зубы такъ, что ему их выбилъ (в оригинале: tak że mu łep, nos y czoło słukszy) и самъ убѣжал — 108.

О обезьянѣ с ѡними зверми. Лесный богъ Юпитер.. велел до себѣ собратся зверемъ и птицамъ (в польском: kaźdey żywey rzeczy: zešli się ptacy, przyszły też y zwierzęta), мѣжи которыми обѣзьяна несла дети свое за собою — 64.

О мыши деревенской и градской. ..Грацкая мышъ возгордѣла ее честью, похваляючи градцкой проклад а хулячи деревенскую скудость. Także wracając się do domu, prosiła wiejskiey do siebie, chcąc rzecz pokazać, co słowem mowiła.. .

У Кашинского этот переход к дальнейшим событиям намного лаконичнее: вместо четырехчастной польской фразы — четыре слова:

После пошли до градцкого жилища — 5.

Итак, стремление Кашинского держаться в границах здравого смысла и психологической достоверности не исчерпывалось устранением из перевода

нестабильной игры воображения и повествовательной фантазии. Достоверность рассказа подкрепляется избавлением от необязательного, случайного, от побочных подробностей и фоновых деталей — неизбежного подспорья домысла, но не истины или смысла аллегии.

Однако отказ переводчика от всякой, даже рудиментарной описательности не затрагивал и не снимал существенных, стянутых в конфликтный узел мотивов и элементов сценического поведения персонажей — детализирующей очерченности решающих, не относимых в подтекст моментов фабульного движения. Напротив, тут Кашинский и сам вносит определенные уточнения, и в этих аспектах перевод подчас конкретнее своего источника. Так, если в польском тексте басни о вороне, пытавшемся похитить барана, кульминация действия означена только как «*uwiąznął w wełnie*», то в переводе — с обрисовывающей и объясняющей ситуацию деталью: «увяз на гами в шерсть» — 48. Аналогично: *tań wyciągnął* — «из ноги ево кость выняль» — 108; *odeszedł* — «мало от сѣти отшелъ» — 109; *robiegła* — «побѣгли до целю» — 136; *wiele ślubując* — «много даровъ посулиши» — 2; *izbył sobie* — «токмо для своей прибыли» — 62; *wołom opunt.. nie odpuścić* — «волом тым.. не пропустил, но их порезовши съелъ» — 44, — и ряд подобных, во всех случаях выделяющих и определяющих решающие факторы конфликта.

Предметность изложения поддерживается также передачей понятийно ослабленных, семантически расплывчатых лексем оригинала информативно более конкретными и содержательными в переводе. Так, вполне регулярно номинативное раскрытие местоименно-бесплотных единиц польского текста: *aby mu się łódź nie zalała, wszystko z niego zrzucić* — «чтобы ему струга не заливалось, товар с него выкинул» — 112; *nieco cierpi* — «обиду и насмѣшку терпит» — 137; *gdy cię poznają, czymeś iest* — «когда твою ложь и дурость узнает» — 69; *wiele ich* — «много тых людей есть лукавых» — 62; *trzeba by tych obczyaiow poniechać* — «надобно злыя нравы покинуть» — 43; *żaden bogacz nie iest taki, aby tego, co nazbyt ma, ubogiemu udzielił* — «всяки богаты не есть так щодры, чтобы своево богатства убогому уделила» — 32, — и под. Семантика замещающих единиц достаточно красноречива, чтобы судить о их весомости в ткани рассказа даже вне текста целого. И в то же время все замысловатое замещается простым, ухищренное — бесхитростным:

Wilcza posługa w iego niebytności lepsza iest, niżli w obliczności.

Волчья послуга всегда с убытком есть — 14;

On odpowiedział, iżem był iadowity, rzucałem się na każdego, a gdy nakaranie pańskie niedbał (ktory mi tylko na złodzicia szczekać kazał), potym mnie pan uwiązał, a to mam znak swey iadowitości u niewoli pańskiey.

Отвещал ему пес, что «я был ядовит, бросался на всякого, а когда наказания господскаго не слушал, велел меня на чеп привезать, от чево шерсть на шее оползла» — 43.

С возрастающей автосемантичностью фразы возрастает полновесность и плотность манеры повествования: «*wiem ja to dobrze, co powiesz*» — «Знаю я, что ты хлѣба не портила» — 47; *naogorszy addawaią* — «пущи осужают и оговаривают» — 102; *wołał pań, aby mu obietnicę, spełnił* — «кликал ево, чтоб к нему пришел на кормъ» — 123; *żądał obietnice* — «хотел девки» — 123; *nie godnaś przepuszczenia* — «достойно смерти» — 141, — и под.

Столь же характерно для Кашинского тяготение к предметному представлению поступков и поведения персонажей: *nie szkodliwie kłasz* — «не

до крови кусаешь» — 141; upuścić — «сызнова с рук у нево ушла» — 140; na zdradzie dobrze mówią — «лукавым своим языком добре молвятъ» — 13; rzeczy niepewney nikomu pewno nie obiecuy — «чтоб люди не хвастали тем, чево в руках своих не имеют» — 37_p. Отсюда насыщение перевода бытовой фразеологией, преимущественно метафорического типа: pamowił — «билъ челомъ» — 2, 39, 46, 69_p, 111; zapiechałmy tego — «не теряем своих напрасно голов!» — 132; dobroć pierwszego męża zawsze mi wyrzuciła — «добродетель перваго мужа всегда ему (второму супругу) на очи выкидала» — 38_p; iako ia to szalony na takiego się posaża kuścić — «а какъ я (баран), глупый, на такова богатыря (быка) поднял руки» — 63_p, и мн. др. Разумеется, фразеологический материал присутствовал и в польском тексте и при образной прозрачности или близости с русским легко калькировался переводчиком, например: każdy młunarz na swe koło wodę wiezie — «всяки мелник на своемъ коло воду правитъ» — 82; twardy kozieł doić; trudno wilkiem orać — «трудно козла доить, также и то, что нельзя волком орать» — 9; często pod owczą barwą taią się wilcy drapieżni — «часто под овечью кожей люты волки бьвають» — 51_p; cicha woda rada brzegi podrywa — «тихая вода береги подмываетъ» — 4_p, — и др.

Однако для процедуры перевода не так выразительно калькирование польских пословиц или даже интерполирование русских, сколько замещение польских пословиц русскими: iako powiedaią: lepiej rękawem zasłonic, niżli suknią > «аки старые люди сказывают: лутчи утерять ожерелье, нежели целы кован» — 104; na nome goście zawsze łaskawszi bywaią > «всегда новое сито на стонкѣ³ висит, а старое бьваетъ под лавкою» — 30; gdzie nie możesz przeskoczyć, tam podleż, bo głową muru nie przebiiesz > «гдѣ не можешь перескочить, там подлѣзь, — плетью бо обуха вѣкъ не переломишь» — 77; złego też znaią po skórze > «злова человекѣ знаютъ по языку, а звѣря — по кожи» — 29_r, — и др. Об эффекте же замещения лучше судить по тексту целого:

О птицахъ. Прилетали на совѣт птицы, чтоб болши королѣй между собою выбрали, разумеючи, что орель самъ не может тому сверста яку власть, так велико и много птиц. Молвила имъ ворона, чтобъ то покинули, тую причину даючи, что лудши накормить одново волка, нежели многих (в польском: łacniey patkać ieden wół, niżli wiele).

Толкъ: трудно одному служѣ двум господам служить, а то еще пудщи, когда многия господа рассказуют — 44_p.

Тяготение к интенсивно-количественным и обобщающим акцентам — в природе самой басни. В переводе Кашинского такие характеристики обыкновенно нарастают: «велми угрѣло» — 69, «велми потъ с него шел» — 107, «велми хромаль» — 108, «велми заплакала» — 137, «велми закричал» — 140, «велми досадное» — 34_r, «зело кручинился» — 131, «зело тяжело» — 137, «гораздо плошое» — 30_p, «гораздо лутче» — 30_p, «много добра имѣючи» — 42_p, «кручину великую» — 26, «а нынѣ тебѣ дамъ целова вола» — 33_r, «никаких обидѣ другъ друга не терпятъ» — 98, «никакими мѣры не могла» — 81, «разума ничего не имѣють» — 99, — и мн. под., экспрессивно и лексически многообразные. Но с той же целью использовалась и обратная процедура, когда непреложность обобщения достигалась не внесением нагнетающих акцентов, а исключением ограничительного, например:

³ Стопка (обл.) — вбитый в стену колышек-вешалка.

Счастиемъ тово набываемъ (в польском: czasem fortuna da), чево великою работою даступить не можемъ — 121;

Либо люди не видють, что хто делаетъ, токьмо богъ все видитъ: когда бы то люди знали бы, не согрешали бы (в польском: mniej by grzeszyli) — 36.

Вполне обычна замена умеренных акцентов оригинала более интенсивными или напряженными русскими:

Хто недругу или неприятелю своему верить, то в с е г д а (ґасно) погибает — 124.

Аналогично: karamiem nie mamym — «великим наказанием» — 31_p, dostatek jedzenia — «корму много» — 33_p, mu była winna korzec przenice — «ему была виновата бочку пшеницы» — 17, ucho iey ukąsił — «откуси ей ухо» — 111, — и под.

Менее регулярно интерполирование характерологических оценок персонажей, реалий и ситуаций: «Не мешай доброму коню» — 24, «о, злый волче!» — 39, «услышаль псовъ лютыхъ» — 93, «жену неверную» — 47_p, «страшныя громы» — 27, «сладкихъ ореховъ» — 112, «бѣз милосердия меня расколывають» — 137, «с нево аки з дурака насмехались» — 142, «несли свечу запаленую яраго воску» — 74_p.

Основная же масса характерологических акцентов связана с передачей идеологически ключевых лексем польского оригинала, развернутых переводом в бинарные сочетания из синонимичных или семантически одноплановых русских. В польском тексте подобных пар не более десятка, в переводе Кашинского — свыше сотни. Почти все они привязаны к контексту сентенций, выделяя категории социального, этического и, реже, психологического порядка, и представлены отвлеченными существительными, прилагательными, иногда глаголами:

«советъ и любовь», «несовѣтомъ и несогласиемъ» — 40, 79, «в правде и цноте» — 126, «славы и достоинства» — 27, «к достоинству и чести» — 88, «лести и лукавства» — 139, «измены и хитрости» — 29, «ложь и дурость» — 69, «обиду и насмѣшку» — 137, «уничужение и посмѣхъ» — 24, «безчашть и убытокъ» — 56_p, «нужу и скудость» — 132, «скудость и нужу» — 65, «пѣчали и нужи» — 11_p, «прибыли и корысти» — 39, «счастиемъ и богатствомъ» — 24, «о денгах и о багадствѣ» — 17_p, «богатства и роскоши» — 33_p, «посулы и подарки» — 69_p, «силою и мочью» — 81, «волность и воля» — 33_p, «смирѣние и покору» — 45, «наказание и смерть» — 3_p;

«добрых и праведныхъ» — 131, «добрых и ласковыхъ» — 12, «доброго и постоянного» — 22_p, «некрепких и непостоянныхъ» — 93, 12_p, «отмѣнная и ложная» — 66, «лукавъ и хитръ» — 23, «лакомый и завидливый» — 110, «корыстная и пожиточная» — 71_p, «силному и мочному» — 39_p, «силнымъ и крепкимъ» — 70_p, «великих и высокихъ» — 35_r, «гордым и лукавымъ» — 131, «горду и спесиву» — 24, «бѣдны и нужны человекъ» — 132, «умному и мудрому» — 139, «глупыхъ и неученыхъ» — 112, 59_p, «глупыми и неразсудными» — 12, 32_r, 71_p; «горьдѣнца и спесивѣнца» — 24, 127, «осуждают и оговариваютъ» — 102, «грабятъ и разоряютъ» — 12, «грабят и обидятъ» — 3_p, «кознят и вешаютъ» — 35_r, «кручинилася и плакала» — 114, «продал и пропивал» — 31, — и мн. др.

Интерполированием же организуются элементарные антитезы, экспрессивные повторы и композиционное распределение их, — типа:

«Горе нам, что для так солоткия рѣчи горькия смерть терьпим (giniemy)!» — 21_p;

Много токих есть людей, которые от денегъ зло набытых до злова конца приходят — 23_r.

Или в притче о судьбе спесивого коня — начало рассказа:

Коню, обраному под дорогимъ седломъ в златую даро-
гую узду (w pochwy u pastółkę przybranemu), лучилься на дорогъ осель...

И финал басни:

..И увидель ево после осель, а он драва везет, и молъвил ему: «Увы тебѣ, братѣ, — что за приборъ имѣешь? А гдѣ тое седло вызолоченое? гдѣ узда дорагая от дорогих камней? (a gdzie ono śiodło rozłoczone, abo pochwy puklami okowane?) — А нынѣ на тебѣ узда личная!» — 24.

Но все это — самые нехитрые, ходовые приемы русских книжников. Особенность манеры Кашинского — только в сдержанности их употребления и в ином, рационально взвешенном распределении, выдвинутом и оцущитом лишь в силу лаконизма и сжатости перевода.

4

Итак, судя по регулярным приемам и практическим решениям перевода, Кашинский не задавался строгой и точной передачей своего источника и зачастую не столько следует тексту польского оригинала, сколько исходит из общего течения фабулы или даже из остова самого сюжета. Нет у Кашинского и стремления к особой занимательности рассказа, тем паче — к нарочитой его изукрашенности, «художественности». На пресловутое пристрастие к экспрессивным эффектам, как и к насыщенности деталями, здесь нет и намека. Переводческие предпочтения Кашинского — преимущественно нарративно-логического порядка: обеспечить возможную убедительность иносказания, а в экспрессивном плане — настоятельность и непреклонность нравственных оценок, лаконизм и энергию рассказа. И хотя это приметно отличает перевод Кашинского от его польского источника, оно не противоречит природе прозаической басни как жанра.

Однако эстетический предмет прозаической басни — не конкретный социально-исторический и национальный характер — «вот этот», а, скорее, всечеловеческие, лишь персонифицируемые, нравственно-психологические сущности — «такие вот». И здесь-то в переводе Кашинского пробивается иное начало, поскольку сплошь и рядом то, что в оригинале и в традициях жанра выставлялось как извечное и всеобщее, в тексте Кашинского смещается в сторону социального, сословно дифференцируемого и неизбежно исторически конкретного. Тут переводчик не отказывает себе в праве поставить собственное слово. Только является оно не в фабульном повествовании (все так же аллегорически отвлеченном), а в том или ином выводе из басенного рассказа — его сентенции.

Разумеется, сентенции полагается быть лаконичной. Многозначность, столь часто изгоняемая Кашинским из басенного рассказа, в сентенциях вообще нетерпима, сокращения и сжатия текста которых в переводе неоднократны. Например:

Głupia to rzecz, gdy kto w przymierzu nadzieję wszystkę swey pomocy nieprzyjacielowi zada, bo niepewna rzecz, jeśli już odłożył nieprzyjaźń, ten któryć był nieprzyjacielem, a gdy cię bez obrony obaczy, naydzie przyczynę iż cię pożywie y zwalczy.

Глупая то речь есть, когда хто в примерью всю надежду своей помочи неприятелю верит, понеже он нат тобою измены и хитрости ищетъ — 29.

И все же в тексте сентенций преобладают интерполяции и особенно замещения, существенно дополняющего или уточняющего, а также модального и акцентного порядка, — словом, завершающие характеристики и оценки, нередко с социально-этической коррекцией, а то и полным изменением толкований польского оригинала.

В простейших случаях — это внесение нравственной оценки там, где оригинал ограничивался житейским или социальным обыкновением. И создается такая оценка как прямыми включениями, так и подстановками от переводчика:

Dawno tak powiadaig, iz to
wszystko utracisz, co dla
niewdzięcznego uczynisz.

Давно притча, что ни будь для лука-
ваго и негодного человека дѣла-
ешь, всю свою добродѣтель напрасно
утѣряешь, а на конецъ от не-
во же позоръ примешь — 2.

Аналогично:

Всемъ то намъ вестимо, что ложные третия много зла приносят
людемъ (wiele rzeczy bywa przewodzone) — 38;

Много тых людей есть (są niektorzy), что много словом сулят и дают,
толко их дѣлом и руками не вѣршат, — и в том стыда не
имѣють — 116;

Простова а добрава челоувѣка плохо (łaćno) обмануть — 5_p.

Заостряются прежние оценки. В одних случаях настоятельным повто-
рением уже вынесенного заключения, но в иной, более экспансивной, не-
редко идиоматичной форме, — образный тавтологический акцент:

Разумей, кому имѣешь добро дѣлать (się zachować masz), много бо
есть таких людей, которыя за твою добродетель злым тебѣ отдают, —
и хлѣба-соли твоея не помнят — 30;

Всякому делу свое время пристойть — когда плачють, тогда
не скачють! — 120.

В других — внесениими интенсифицирующих или обобщающих акцентов
дублетно-синонимичного или местоименного типа:

В бѣдности не прибавляй никому злости, — полно ему и тово, что
и свою скудость и нужу терпит — 65.

В третьих — негативная бытовая оценка трансформируется в своего рода
идеологическое порицание, вплоть до подведения под формулу духовного
отлучения:

Всякий человекъ в том богу хвалу отдавай, что ему господь богъ дал,
не завидуящуючи иному счастью, понеже то есть речь хулы годная
(jest rzecz głupia) и богу противная — 21.

Нравственное наставление подкрепляется соображениями обосновываю-
щего характера, нередко с нарастанием обобщающе-личных форм адре-
сации:

Хто своимъ приятелям не вѣрит, како неприятелю, которой под
тобою всегда яму копает, имѣет верити? — 135;

Злому человеку не пропущай и за малую вину наказания дѣлай,
чтобы впред пуще не вороваль — 141;

Что с приречения зло бываетъ, трудно когда бы получшало, — злому
приречению никогда не верь — а не будешь и забижен — 27_p.

Более острые акценты создаются интерполированием и столкновением мотивов полярного порядка — контрастом сущности и личины, эмфазой от противного:

Людский языкъ всегда жалит пуши остраго мѣча, либо слаткия слова молвить — 21_г.

Особой же настоятельности эффект достигается подключением антитез градиционно-сопоставительной семантики:

Лакомый и завидливый человекъ для своей корысти и з богомъ хитра поступает, а не токмо с человекомъ, котора всегда обманути хошетъ — 110;

Невѣста — рѣчь отмѣнная и ложная, а так ни в чемъ не треба ей вѣрити, понеже не токмо волка, она бо и людей зачастую обманываетъ своею хитростию — 66.

Иными, далеко не всегда соответствующими оригиналу предстают экспрессивные формы суждений переводчика — модально-психологическая окрашенность его наставлений, аподиктически непреложных, предостерегающих, императивных, энергия и динамизм их. Как и в басенном рассказе, все замысловатое, ухищренное заменяется простым и бесхитростным. Так в сентенции притчи «О мыши деревенской и градской»:

Либо богатство имѣет в себѣ много роскоши, токмо хто хошетъ разсудити, увидитъ, что великия кручины и тяжары терпитъ. Przeto Eutraperes-filozof, gdy nagorszy nieprzyaciółom swoim chciał uczynić, tedy im nadał bogactwa, mówiąc, iż się tak najlepiej pomszczę, bo oni z bogactwem dostaną wielkich ciężkości u prac bardzo trudnych.

В переводе же вместо парадоксального анекдота очевидное и немудреное:

..понеже всякий человекъ против мѣры, живучи на свѣтѣ без кручины, лутшее здравие имѣеть — 5.

Угасающий, размытый метафоризм оттесняется автологией:

Patrz, komu pilno masz służyć: bo wiele panow takich, ktorzy sługom swym nic dobrego nie życzą, owszem radziby ie potrawili.

Смотри, кому имѣешь служити: много бо господь есть такихъ, которые слухамъ своим ничего добра не делаютъ, наипаче всегда их бьютъ и бѣсчестят напрасно — 44.

И напротив, нарастают тропы конкретно-предметного наполнения, преимущественно как формулы национальной идиоматики, с аккумулярованной в них энергией и стихийной образностью народной речи:

Nic nie iest gorszego nad obłudność, bo nie tak straszny nieprzyiciel iawnny, iako on, ktory będąc nieprzyiazny, dobrą wolą zmyśla.

Нѣсть ничево на свѣтѣ хуже над лукавство: не так бо есть страшен неприятель видимый, аки человекъ лукавъ и хитръ, которы иное на языку, а иное на сердцу держит — 23.

Mnodzy ludzie wielkie rzeczy obiecują, gdyż małych nie mogą uczynić.

Многие люди великия сулят дары языкомъ, а малыхъ ничего не даютъ руками — 16_г.

Вместе с тем любая недосказанность поучения, хотя бы и восполняемая отсылкой к басенной ситуации, сменяется исчерпывающим и законченным выводом из этой басни:

Dawa znać, iako długo żona męża
żałuje po śmierci.

Всякая невеста в уме своемъ не-
крепька и непостоянна и ма-
ло что помнить смерти му-
жа своего — 12_p;

Przysłowie panom, którzy na
rzeczy lekkie nakład czynią.

Тая придча примовляет господам, ко-
торые собѣ на малые речи убыток де-
лают собѣ, а на годные къ их
славѣ казны желеють — 41_p.

Всякая двойственность, альтернативная неопределенность снимается в поль-
зу однозначных и непреложных истин:

Którzy swe rzemiosło opuszczają,
na insze się udawają, tacy często
ku upadku przychodzą, a rzadko
wskorają.

Которые свое мастерство от себѣ
откидывают, инова учатся, — такие
всегда до убытку, а не ко-
рысти приходятъ. — 108;

Nie tylko na to trzeba mieć
wzgląd, co kto czyni, ale też
którym obyczajem działa, pilno się
przypatrować masz.

Не токмо смотри тово, хто что дѣла-
еть, но такожде коим обычаемъ, —
смотри и разумеи, а во обман не
давайся — 96.

Предполагаемое квалифицируется как действительное и несомненное:

Nawiedzanie nieprzyjacielskie nie
może być bez podejrzenia
złego.

Неприятельское навещание всякое бѣз
хитрости не можетъ быти — 134;

Podarunek od nieprzyjaciela, by
też ze wszech najlepszy, tedy
mądrym człowiekowi nie może
być bez podejrzenia.

Подарокъ от неприятеля либо
наилучши был, токмо умному и муд-
рому человеку не довѣдетца ево
принимати для ради ево лести
и лукавства — 139.

И если обыкновение оборачивалось его оценкой, то обвинение становится
приговором:

Tak on, co złe czyni, y ten, co z
nimi obcuje, — iednako bywają
sądzeni.

Такъ тот, хто крадет, аки и тот, хто
краденое хоронит, заровно в иноваты
бываютъ — 47.

Но главное — эту непререкаемую аподиктичность упорно подпитывают
социальные мотивы и обращенность:

Daie tu znać, iż pospolicie ludzie
dla wielkiego dostatku leniwi
bywają, a za tym, co umyślą,
rzadko wykonywają.

Тая притча учит, что люди для великия
роскоши всегда ленивы бывают, кото-
рыя ни сабѣ самим, ни людям ко-
рысти не делают — 101;

W każdym stanie złey fortuny nie
mało naydzie: przeto dobrze
każdemu swego rzemiosła
pilnować.

Всякий человекъ бѣреги своего чину,
хто чим есть, а в чюжи чинѣ не
вступайся, — прирожание не
дало — 40_p.

Отвлеченно безусловные, «всечеловеческие» ценности переводятся в конк-
ретное сопоставление, а то и поляризацию этих ценностей в условиях
социального контекста:

...nad wszystkie dostatki lepsza wolność.

Всякому человеку, не имѣющему воли своей, да ничто дорогая ествва и питье, а волю свою держащему — о сухом хлѣбѣ лучше жить, которой никого не опасается — 90.

Сменяются источники, критерии и субъекты морально-этической оценки, которая, по Кашинскому, определяется отнюдь не доводами индивида и даже не очевидностью факта, но социумом:

Gdy kto może co rzeczą pokazać, a co mu po świadectwie?

Когда кого похвалять люди, самъ себѣ никако похвалы прибавить не можетъ — 100;

Nie bądź głupim, przywłaszczając sobie chwałę z cudzey prace.

Не приписуй собѣ чужие роботы и не хвастуй чужою силою: знают люди, что борань, что пехух, кажеде что конь, что муха — 13_p.

И там, где оригинал занят выявлением внутренних, личностных мотивов поступка, Кашинский может вообще не вникать в поведение как таковое, а декларирует лишь неизбежную обоснованность, а потому и непреложность социальной оценки:

Wywa to, iż kto sam bezecny, nie rad nad drugim czci zostawi.

Человекъ добрый не называется лукавым, добрая жена — не имѣнуется блядью — 115.

Смешается, наконец, сама призма морально-этических оценок: на месте психологического, «всеобщего» является социально обусловленное и характеризующее — сословная солидарность и антипатии:

Gdy ubogi baczy większą drugiego nędzę, tedy mu iego niedostatek miley zność u przyimować.

Когда бѣдны и нужны человекъ видит болшую иново, нежели свою, нужу, такоже ему в нужи хочеть пособити, аки и самый собѣ — 132.

Оттеснение психологических категорий этическими, «всечеловеческих» — социальными нередко оказывается столь решительным, что почти никаких следов отражения переводом оригинала в сентенциях подчас не остается. Так было в басне «О лисице со лвомъ», — той, где лисица от встречи к встрече все более осваивается с грозным хищником, — в переводе поучения к которой трудно отыскать лексические эквиваленты оригиналу:

Każdemu towarzystwo a pospolitanie śmiałości przydawa, choćby też najstraszliwszy człowiek był ku potkaniu.

Много есть господ страшных и великих, с которыми убогие люди опасаяцца заветовать,⁴ — а так против таких господь держи смирение и покору а латво умякчишь ево сердце — 45.

⁴ В обоих списках — «советовать», что едва ли не конъектура на месте непонятого переписчиком «заветовать» (zawetować — ‘опротестовать’, ‘отомстить’) — возможной передачи польского potkanie — ‘стычка’, ‘схватка’, подобно примерам на с. 140.

Естественно, что в подобном преломлении и переоценках фабульного материала сказалась не только острота проблем русской действительности, но и собственный голос, позиции, а то и судьба симбирского ротмистра:

Nie mamy się tak bardzo w swym mieyscu przyrodzonym kochać, żebyśmy nigdzie nie mieli wychodzić: bo wiele ich, co lepszą fortunę mają w cudzych stronach, niż w domu własnym.

Много таких людей есть, которыхя дома живучи дураками бьвають, а служить не хотят, начаючися, что толко свѣту, что в окнѣ — 1_p.

* * *

Кашинский не был ни профессиональным переводчиком, задавшимся старательной передачей оригинала, ни особенно образованным человеком. И тем не менее Кашинскому не отказать в несомненном литературном даровании. Но стремительность и сжатость его рассказа не обычны ни для русских повествовательных традиций, ни для практики московских переводов. Информативно-безыскусная простота и нарративный лаконизм русской басне не привьются и позже — даже примером Л. Н. Толстого. Так что усилия последующих переписчиков текста Кашинского (наряду со снятием полонизмов и тех или иных искажений русской речи) оказались направлены на придание его рассказу привычной нарративной обстоятельности и «художественной» аранжировки, весьма приметных во втором (и последнем известном) списке этого перевода. Однако для завершения этого процесса не оставалось исторического времени. В судьбы прозаической басни вторгается печатный станок, тиражирующий уже и новые переводы, и с той или иной избирательностью прежние, допетровские, и даже питающий рукописное бытование жанра. Списки с печатных изданий прозаической басни встречаются в XVIII в. много чаще, нежели с рукописных протографов. Но доступ к печатному станку для «художественно» неухищенного и лингвистически неустроенного текста Кашинского был закрыт.

А. М. ГРАЧЕВА

Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин)

Вся долгая творческая жизнь одного из крупнейших писателей начала XX в. Алексея Михайловича Ремизова прошла под глубоким воздействием художественного наследия Древней Руси. Увлеченность древнерусской культурой и контакты с занимающимися ею специалистами возникли еще в самом начале его писательского пути. В середине 1900-х гг. Ремизов не только начал свободно читать рукописи, но и овладел умением писать различными типами древнего письма: уставом, полууставом, скорописью (предпочитая последнюю). Освоив виды кириллического письма, Ремизов особо заинтересовался глаголицей. В архиве писателя сохранилась учебная тетрадь Ремизова с образцами глаголического письма, содержащая алфавит с отраженной в нем динамикой изменения буквенных начертаний и отрывки текстов разного времени, например из «Зографского евангелия» XI в., «Хорватского бревиария» XIII в., хорватской богослужебной книги XV в. и т. д.¹

Анализируя причины интереса Ремизова к глаголице, можно отметить не только увлеченность филолога-неофита специфическим пластом древней культуры. Для Ремизова, чье художественное сознание включало в себя многие категории мироощущения русского модернизма начала века, глаголица — это своеобразный эзотерический язык, понятный, ныне лишь избранным и потому имеющий сакральное значение, язык, придающий простым предметам особый, экзистенциальный смысл. Подобное понимание причин обращения писателя к этим забытым письменам было присуще, например, Андрею Белому, который в переписке с Ремизовым поддерживал своеобразную «игру» древними литерами.² А со времени учреждения в конце 1900-х гг. ремизовской шуточно-утопической Обезьяньей Великой и Вольной Палаты глаголица стала тем «официальным языком», на котором зачастую писались обезьяньи грамоты, возводящие друзей писателя в разные звания членов этого фантастического ордена, и на котором всегда подписывался его глава — обезьяний царь Асыка.³

¹ ГПБ, ф 634, оп 1, ед хр 16, 16 л

² См., например, записку Белого Ремизову, относящуюся к 1908—1909 гг., с обращением на глаголице (ГПБ, ф 643, ед хр 57)

³ Позднее Ремизов вспоминал об истории с употреблением глаголицы, случившейся в революционном Петрограде 1920 г и чуть не кончившейся для него трагически «Был случай, обезьянья палата держалась на ниточке. Обезьянье делопроизводство велось не на кириллице, всем понятной, на ней пишут книги и прошения, а на „глаголице“, о которой редко кто слышал. При обыске обратили внимание на фигурки — ничего понять невозможно. Сам нарком по просвещению Луначарский не понимает! Будь это в Москве, с Каменевым легко поладить, но в Петербурге Зиновьев. Пришлось подымать Горького и научить его ответу. И Горький объяснил Зиновьеву, что фигурки — глаголица, а глаголица не шифр, не криптография, тайнопись, а буквы нашей первой азбуки» (Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С 189)

С середины 1900-х гг. Ремизов стал заниматься переработкой апокрифов, пользуясь советами многих крупных медиевистов того времени, таких как А. А. Шахматов, М. Н. Сперанский, А. И. Яцимирский, В. Г. Гейман, которые помогали ему в поисках необходимых материалов. В ученой среде увлечение Ремизова глаголицей воспринималось как милое чудачество древника-любителя и однажды послужило поводом для чисто филологической шутки.

8—12 февраля 1912 г. Ремизов отправил А. И. Яцимирскому письмо, написанное на глаголице: «Многоуважаемый Александр Иванович [!] Очень благодарен Вам и Прасковье Ивановне (жена Яцимирского. — А. Г.) за ваш прием ласковый[.] Буду просить ваших советов и указаний. Книги мои пришлю вам как только выйдет седьмой том. Алексей Ремизов»⁴.

В своем ответе Ремизову (ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 247) П. И. Яцимирская использовала другие забытые древнерусские письмена, которые писатель не разгадал. Итогом этого «ученого» поединка явилось следующее письмо Яцимирского от 9 марта 1912 г.: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович. Пишу Вам просто „по-православному“, благодарю за „Сказки“ и особенно за книги „Отреченные“.⁵ Будет время, непременно напишу в „Ист(орическом) вестнике“ или у славян.⁶ Прасковья Ивановна начала уже читать, а я пока пересмотрел только. Ваше письмо глаголицей имело большой успех, читали его академики, наши профессора. (...) Видно, Вам не удалось прочитать письмо Прасковьи Ивановны, иначе Вы пришли бы к нам. Чтоб помучить, открою секрет: письмо написано пермскими письменами, и ключ найдете в любой Палеографии, напр(имер) Карского. А посоветовал написать так А. А. Шахматов. Еще раз спасибо за книги и автографы — совершенно очаровательные».⁷

Вспоминая об истоках своей увлеченности древними рукописями, Ремизов называл двух человек, способствовавших, хотя и не в равной степени, формированию его интересов: «Премудростям палеографическим, чтению и письму глаголическому, виноградной вязы, юсам и аористам научила меня ученица покойного профессора Ильи Александровича Шляпкина Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, действительный член Санкт-петербургского археологического института. Стал я понемногу старину читать, стал в старине разбираться».⁸ Жена писателя была известным специалистом-палеографом, в 20—30-е гг. читала курс славянской палеографии в Сорбонне. Всю жизнь она помогала Ремизову в его занятиях древнерусской литературой. Знакомство Ремизова с ее учителем — профессором Шляпкиным было довольно недолгим, но оставило приметный след в жизненной и творческой биографии писателя.

Илья Александрович Шляпкин к моменту его встречи с Ремизовым (в середине 1900-х гг.) был пожилым маститым профессором, преподававшим в Петербургском университете, Высших женских курсах, Археологическом институте, являлся членом-корреспондентом Академии наук и статским советником. Предположительно знакомство Ремизова и Шляпкина произош-

⁴ ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 1, л. 2

⁵ Ремизов А. Собр. соч. СПб., 1912. Т. 6. Сказки, СПб., 1912. Т. 7. Отреченные повести

⁶ Известна рецензия Яцимирского на первое издание части «Отреченных повестей» (Ремизов А. Лимонарь. СПб., 1907). Ученый высоко оценил ремизовские переработки апокрифов и писал, что литературная эволюция писателя идет «от индивидуализма к творческому коллективизму, от символа к мифу () Русская природа и русская старина стала ему родной и понятной» (Ист. вестн. 1908. Апрель. Т. 112. С. 1094).

⁷ ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 248, л. 3—3 об.

⁸ Ремизов А. Россия в письмах // Раннее утро. 1918. № 95. 26 мая. С. 1

ло через Серафиму Павловну и было вызвано потребностью в научной консультации. Но в то же время Шляпкин заинтересовал писателя как живое воплощение того типа «оригинала», чудака, который он не раз в тонах то юмора, то кошмарного гротеска воплощал в своих произведениях.

И. А. Шляпкин (1858—1918) был сыном талантливого крестьянского механика-самоучки, рано остался без отца и был воспитан дядей — мелким чиновником.⁹ Крестьянское происхождение мешало ему поступить в гимназию. В одних документах его условно записывали «сыном ремесленника», в других — «купеческим племянником». После успешного окончания гимназии он поступил и блестяще окончил Петербургский университет. Преподавал во многих гимназиях, был домашним учителем, в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию «Св. Димитрий Ростовский и его время». Несмотря на неустанный труд, Шляпкин постоянно испытывал материальные затруднения, ведя полную тягот жизнь рассчитывающего лишь на себя разночинца. Только в 1900 г. в 42 года он был назначен экстраординарным профессором Петербургского университета и смог сосредоточиться на преподавании в высших учебных заведениях.

Еще будучи студентом-филологом, Шляпкин женился на курсистке-математичке. Брак был несчастлив и скоро распался. Больше Шляпкин не женился. Долгое время нуждаясь и мыкаясь по углам, при первой материальной возможности он построил на родине (в Белоострове) дом, где и поселился вместе со своими многочисленными коллекциями разнообразных предметов старины. По характеру Шляпкин был мягким человеком, сознательно театрализуя свою жизнь, превращающим серую обыденность в карнавальное действо, хлебосольным хозяином, неистощимым рассказчиком забавных историй. В шуточной автобиографической заметке под заглавием «Для немногих» Шляпкин писал: «Антиквар в душе, собрал коллекцию русских древностей, картин, гравюр и библиотеку, имеющую в нынешнем 1907 г. свыше 10 000 названий. Пополнял ее из разгромленных библиотек О. М. Бодяновского, А. Н. Попова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина, К. А. Коссовича, Эттингера, М. Н. Островского, А. Н. Пыпина, Г. В. Есипова. Всего больше любил в свое время все сладкое, все таинственное (был знаком с А. Н. Аксаковым и бывал на настоящих спиритических сеансах, хотя и не спирит), редкие книги, хорошие издания и достаточно увлекался женской красотой. Выпивать никогда не любил, но в гастрономии не был чужд изящного вкуса. В 1897 году выстроил себе на родине дом, куда перевез разбитое сердце и все свои книги и коллекции. Природа и время утешили горе, а хорошее питание и деревенский воздух распространили мою поэтическую фигуру до исполинских размеров (отсюда — товарищеское прозвище «Белый Слон»). Живу эпикурейцем по привычкам, мистиком — по созерцанию, антикваром и коллекционером — по склонностям (...) Писал я много и всегда старался найти что-нибудь новое и неисследованное. Лучшими и более важными своими работами считаю: „Шестоднев Георгия Писидийского“, „Св. Димитрия Ростовского“, „Сочинения Грибоедова“, „Царевну Наталью Алексеевну и театр ее времени“, „Сказку об Ерше Ершовиче“, „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, „Древние русские кресты“, сборник „Волну“ (имеет автобиографический интерес).¹⁰ Всего наберется моих работ до сотни, и думаю,

⁹ См.: Буш В. В. Илья Александрович Шляпкин: (Некролог). Пг., 1920.

¹⁰ Библиографию трудов И. А. Шляпкина см. в кн.: Очерк научной деятельности профессора И. А. Шляпкина: (К 25-летию его научной деятельности) / Сост. А. А. Громов. СПб., 1907.

что в ученом отношении разменялся на мелочи, но предполагаю самоуверенно, что и сие когда-нибудь и кому-нибудь пригодится».¹¹

Шляпкин неоднократно помогал Ремизову в поисках текстов апокрифов, пересказанных писателем в книге «Лимонарь» (первое издание — СПб., 1909; второе — СПб., 1912). Второе издание книги Ремизов послал многим ученым-древникам, в том числе и Шляпкину. Профессор поблагодарил Ремизова за книгу, но не согласился с его новейшей, с точки зрения Шляпкина — еретической, трактовкой одной из «отреченных» легенд, названной Ремизовым «Страсти Господни». Шляпкин писал: «Я весьма признателен Вам за Вашу добрую обо мне память и за надпись в книге Вашей и в то же время мне очень тяжело. Тяжело мне, по-своему православному верующему человеку, за кощунственный тон одной из легенд Вашего Лимонаря (у меня есть и 1-е издание). Спаситель И. Христос в сознании русских православных людей всегда Царь Славы, от коего сокрушаются веревы вечные ада и содрогаются сатана и присные, а в Вашей легенде? Или это влияние Ге и лжереализма? Так зачем же воскресать Ему? этому скелету (да еще вонючему в 1 издании?). Пилатовское: се человек (даже и реальное) не так представлено: это антитеза славы и царства и антитеза человека покрытого кровью и язвами. Нехорошо, нехорошо...».¹²

Ответное письмо Ремизова от 23 февраля 1912 г. представляет собой одну из редких для его раннего творчества попыток автоистолкования своих древнерусских переработок: «Глубокоуважаемый Илия Александрович! Над „Страстями“ я много сидел и думал, и черкал и перечеркивал. Все не выходило у меня того ясного изображения, которого хотелось мне достигнуть. О кощунстве не было у меня и мысли. Грех мой в том, что не сумел я изобразить ясно, и грех и беда моя в этом. Во 2-ом изд(ании) я решил просто вычеркнуть те фразы, которые дали повод обвинять меня в умысле, от которого я был далек, и в поступке, в котором ни душою, ни телом невиновен. Я хотел представить наваждение Сатанаила и тот соблазн, который пойдет от Сатанаила, и то отчаяние, от которого изомрет душа.

„Два дня и две ночи безумствовал Сатанаил, вселяясь на сердца на тайные... отравляя сердца безумием, соблазном, отчаянием“. „Демонской силой Сатанаил отвел глаза человека... навел на души людей ночь безумия, погрузил душу в бесовский сон, и темный бесный сон сковал вселенную...“.

Тут в эти 2 дня и 2 ночи дело происходит не на земле и не среди живых людей, а в царстве душ человеческих, которые возродятся к жизни на земле. В эти 2 дня и 2 ночи Сатанаил „безумствовал“ над всей вселенной. И дальше описывается не то, что было, а то, что станет в душе людей, все искушения, какие после пройдут перед душой человеческой. И для тех, кто соблазнится, „изсякнуть источники“, „не останется вольного воздуха“ и „мера земле станет четыре шага — могила“. Чем чудовищнее Сатанинское действие, тем картина ярче — искушение сильнее, соблазн безнадежнее, победа крепче и полнее. Спасибо Вам за письмо, что написали. Уважающий Вас Алексей Ремизов».¹³ Этот эпистолярный диалог свидетельствует, что Шляпкин чутко почувствовал и не принял модернистского имморализма, пронизывающего текст Ремизова — писателя начала XX в., исследующего проблему полного господства зла в человеческих душах. Примечательно, что при подготовке первого издания «Лимонаря» этот рассказ вызвал во многом сходные возражения у Вяч. Иванова. В ответном

¹¹ ГПБ, ф. 865, ед. хр. 25, л. 8—11.

¹² ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 242, л. 2—2 об.

¹³ ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 2013, 2014, л. 2—3.

письме Иванову от 22 марта 1907 г. Ремизов сделал ряд текстуальных изменений и вставок. В частности, он добавил фразу: «Демонской силой Он отвел глаза человекам...» — и в заключении отметил, что после сделанных переделок ему «кажется, что теперь вполне ясно, что все это было сатанинское наваждение».¹⁴ Однако более позднее восприятие рассказа Шляпкиным подтверждает, что главной в нем осталась неоднократно возникавшая в западном и русском модернизме тема сатанизма.

Ремизов несколько раз встречался с Шляпкиным. Одна из их встреч может быть подробно описана на основании сохранившихся архивных свидетельств.

2 мая 1912 г. Шляпкин пригласил Ремизова в гости на свой день рождения. Он писал: «Уважаемый Алексей Михайлович! Если Вы свободны 9-го (среда), буду рад видеть Вас и супругу Вашу у себя в Белоострове от 12 ч(асов) дня и до 9 вечера: будут у меня слушательницы П(етербургских) Ж(енских) К(урсов), но никаких торжеств не предполагайте. (...) Р. S. Тогда возьмете и рукописи Ваши».¹⁵ Ремизов тотчас же откликнулся: «Глубокоуважаемый Илья Александрович! Приносим Вам благодарность за приглашение Ваше. Будем у Вас 9-го в Белоострове. Алексеи Ремизов».¹⁶

Встреча Шляпкина с Ремизовым состоялась 9 мая 1912 г. и, по счастливой случайности, была подробно описана в дневнике одной из приглашенных курсисток — Е. П. Казанович, через год поступившей работать в только что организованный Пушкинский Дом. Благодаря записи в ее дневнике, можно не только в деталях представить обоих участников встречи, но и увидеть как бы воочию ту оригинальную обстановку дома в Белоострове и эксцентричность поведения его хозяина, которые были замечены и Ремизовым, а затем художественно претворены в одном из его произведений. Казанович пишет: «Между прочим, был и Ал. Ремизов, но об нем после. (...) И(лья) А(лександрович) был великолепен. Первый раз, когда я была у него с Lusignan, он принимал нас в голубой сатиновой рубахе, подпоясанный каким-то широким турецким шарфом, и в высоких сапогах. Вчера (т. е. 9 мая. — А. Г.) он был в красной с пестрым белым горохом сатиновой блузе ниже колен и длинных брюках. Насколько это было красиво, представляю судить другим, что же касается меня, то я человек (сговорчивый) (уступчивый): отчего, в самом деле, не потешить себя человеку безобидным оригинальничаньем, маленькой фантазией! Недаром же прибил он у себя в передней над дверью латинскую надпись, по-нашему звучащую: у всякого барона свои фантазии. — Хоть в этом побыть бароном!... И(лья) А(лександрович) встретил нас очень радушно. — Здравствуйте, господа, очень рад вас видеть, — приветствовал он нас (немного по-военному), протягивая всем руку. — Вы уже закусили, теперь мы можем, значит, заняться осмотром моих коллекций? Только уж вам придется разделиться на две или три группы, а то мы все не уместимся. И наверх уж я с вами не пойду, попрошу кого-нибудь из бывавших у меня студентов заменить меня; вы понимаете, господа, что мне уж тяжело лазить по лестнице. Мы конечно вполне с этим согласились, и И(лья) А(лександрович) повел часть из нас в моленную, где находились наиболее интересные из его древностей. Помещается моленная под лестницей в мезонине и представляет собой маленькую продолговатую комнату в одно окно с узорчатой деревянной решеткой. В ней стоял запах ладана и несомненно присутствовало известное настроение, как и во всем его доме, чего я опять-таки на этот раз недо-

¹⁴ ГБЛ, ф 109, карт 33, ед хр 54, л 3

¹⁵ ГПБ, ф 634, оп 1, ед хр 242, л 1

¹⁶ ИРЛИ, ф 341, оп 1, ед хр 2013, 2014, л 5

статочно восприняла; первый же раз, помню, вынесла от визита к И(лье) А(лександровичу) очень сильное впечатление. Где-то я даже записала его тогда по возвращении домой. Вещи, на кот(орые) И(лья) А(лександрович) обращал наше особое внимание, были: кресты, между которыми висели два крохотные, сохранившиеся по предположению, может быть, еще от крещения Руси, другие — XI—XII веков; старообрядческие наперсные кресты поповские и беспоповские, символические и аллегорические иконы, раскрашенная деревянная статуя „Христа Страждущего“ из В(еликого) Устюга, кажется. Работа, на первый взгляд довольно топорная, поражает потом силой экспрессии как в лице, так и в самой позе: скорбные глаза, из которых точно текут кровавые слезы, капли крови со лба из-под тернового венца, как бы распухшие и запекшиеся от жгучей жажды губы; сгорбленная, изнеможенная под бременем страданий фигура.

Все это очень хорошо для такого примитива, но как бы оно ни было хорошо и безотносительно для чего, все-таки меня немного поразила просьба И(льи) А(лександровича) закрыть его поскорее (статуя всегда стоит у него закрытая), объясняемая тем, что: „неприятно все-таки, господа, вы же понимаете; сильное и неприятное впечатление“.¹⁷ Что тут: религиозное ли чувство, сильная ли впечатлительность, или маленькая доля рисовки. Рукописей Ш(ляпкин) не доставал, показав только шкаф, в котором они хранятся, зато он с большим трудом и осторожностью вытащил далеко заставленные хрустальные и стеклянные кубки, флагу и чарки с Петровским вензелем и орлом его времени, бывавшие, мож(ет) быть, даже на Петровских ассамблеях. Потом мы вынесли с его разрешения в гостиную ларцы с разными остатками одежды старинных тканей, папки с образчиками золотых (владимирских) и серебряных кружев и плетений разных сортов, и все это рассматривали, примеряя на себя, чему подал пример хозяин, одевшись в наряд невесты перед венцом.

В гостиной И(лья) А(лександрович) указал на некоторые картины, рассказав или их историю или их значение, после чего мы двинулись в кабинет. Там мы услышали историю письменного стола, за которым писал Белинский в редакции „Телескопа“, погодинского дивана и некоторых на-деждинских коллекций.

И(лья) А(лександрович) достал из стола папки с разными рукописями, автографами и письмами великих людей, и все это свободно ходило по нашим рукам, т(ак) что два-три человека брали какую-нибудь папку, шли куда-нибудь в уголок и там рассматривали и прочитывали ее содержимое. В этом отношении И(лья) А(лександрович) очень порядочен и даже благороден, надо отдать ему справедливость, несмотря на постоянные его шутки вроде того, что: „вы думаете, зачем я завел эту книжечку? вот вы все распишитесь в ней, так я и буду знать, с кого спрашивать, если пропадет какая-нибудь ценная вещь или автограф“, или „пожалуйста, господа, кушать, только предупреждаю: ложек в карман не класть, т(ак) к(ак) нынче у меня серебро платоновское (имеется в виду С. Ф. Платонов. — А. Г.). Уезжая, я отдал свое ему на хранение, а он сам возьми и уедь недавно в Москву, и все ключи с собой свез; вот Надеж(да) Ник(олаевна) и дала мне на сегодня свои ложки, т(ак) что, уж пожалуйста, честью прошу, не поставьте меня перед ней в неловкое положение“. (. . .) И(лья) А(лександрович) приятно трогал и казался даже образцом благородства. Мы держали себя у него полными хозяевами, разгуливали по всему дому и смотрели, что кому

¹⁷ Вероятно, это проявление того же неприятия художественного натурализма в изображении страданий Христа, которое Шляпкин резко отверг и в ремизовском рассказе, где было подробно описано разложение тела мертвого Спасителя.

хотелось. Также висят у него в кабинете плакаты: „книг из библиотеки не просить“, между тем как сам он привозил не раз курсисткам редкие книги, рукописи и давал их на дом, даже едва зная в лицо тех, кому давал. И некоторых вчерашних гостей своих он наверное видел только в первый раз, т(ак) к(ак), несмотря на приглашение одним семинаристам, приехали и не семинаристки.

Демонстрирование своих редкостей И(лья) А(лександрович) большей частью сопровождал рассказом о том, как они к нему попали. Напр(имер), деревянного „Иисуса сидящего“ И(лья) А(лександрович) просто-напросто выкрал с чердака монастыря во время всенощной, в чем ему помогал чуть ли не отец казначей или хранитель ризницы, что-то в этом роде. А так как статую проносить надо было мимо молящейся публики и всей монастырской братии, то ее и закрыли, „вы понимаете, на случай если бы нас окликнули. Дурно, мол, сделалось человеку, и все тут. Ну да, слава Богу, все сошло благополучно“.

Некоторые археологические вещи, вроде старого оружия, бердышей, пищалей, домашней утвари и даже некоторых крестов, продал ему за бесценок какой-то сторож. кот(орый), прельстившись примером ученых копателей, вздумал сделаться археологом и самостоятельно заняться раскопкой курганов, спросил у И(льи) А(лександровича) советов и указаний на этот счет, и таким образом добыл эти вещи, проданные потом Шляпкину.

Надеждинскую, кажется, коллекцию И(лья) А(лександрович) купил на аукционе, причем благодаря тому, что он дал взятку в 300 р. судебному приставу или кому там следует, — аукцион был веден жульническим образом, и за бесценок И(лья) А(лександрович) приобрел много ценного и редкого. Были, между прочим, такие эпизоды. Покупает он письменный стол, а пристав и говорит: „к столу полагаются две подушки“, и велит положить очень редкие диванные подушки итальянской работы XVI или XVII века с папским гербом, шитым золотом. Или по распродаже крупных вещей пристав объявляет: „аукцион окончен. Все оставшиеся мелочи положите с вещами г-на Шляпкина, их нечего считать“, и пр(очее) в таком роде. И(лья) А(лександрович) хотя как будто и возмущался с одной стороны, но с другой — несомненно гордился своим умением пользоваться случаем и, по всей вероятности, признавал втайне вместе с иезуитами, что цель оправдывает средства и ради науки все возможно.

Когда уж нечего было больше смотреть и показывать, И(лья) А(лександрович) вытащил свой альбомчик с автографами и предложил просмотреть и его. (...) В альбоме было неск(олько) стих(отворе)ний Голенищева-Кутузова, Потехина, Вейнберга и пр. (...) Три последних были вместе с И(льей) А(лександровичем) членами театрального цензурного комитета, заведывавшего выбором пьес для Александринск(ого) театра, и, воспользовавшись подходящим случаем, И(лья) А(лександрович) рассказал неск(олько) эпизодов из их совместной деятельности, изображая их в лицах и стараясь по возможности передать индивидуальность каждого.

— Мы собирались обыкновенно по субботам, — говорил И(лья) А(лександрович), сложив на животике руки и озирая нас всех, как он это привык делать на лекциях, — знаете, в той маленькой комнате, возле фойе Алекс(андринского) театра. Читал всегда Вейнберг вслух. Он читал, знаете, очень недурно и умел передразнивать всех артистов, т(а)к что если какая-нибудь сцена из читаемых подходила к кому-нибудь из них, он старался прочесть ее так, к(а)к ее исполнил бы передразниваемый им артист. При этом дурачился, конечно, утрировал немного, но характер схватывал удивительно верно. У них, верно, это уж семейная жилка была, знаете

ли; ведь брат его и был актером. Мы бывало покатывались со смеху, к(а)к он изображал Мичурину: в самом трагическом месте — „ах! мне дурно...“; и первое время не знаешь даже, написано это в роли, или П(етр) И(саевич) вошел в роль Мичуриной. Это ее прием был. — Но что меня всегда поражало в этих почтенных литераторах и чего я никак не мог понять — это их ненависть друг к другу; буквально ненависть, прямо зверское озлобление к(а)кое-то. Ведь все же, все это были люди выдающиеся, живущие преимущественно духовной жизнью, — и т(а)кие мелкие, земные чувства. Кто их знает: зависть ли тут играла роль, желание провалить друг друга, подставить ножку, — не знаю; просто, мне думается, печени у них были испорчены у всех: стары ведь уж были, немудрено! К(а)к сейчас помню такой случай. Устраивал к(а)к-то Вейнберг у себя пирог и пригласил, конечно, к(а)к водится, всех нас к себе. И вот, вообразите, т(а)кая сцена. Григорович потянул носом, поднял голову и заиграл пальцами, протягивая: „Не знаю, может быть, и буду...“. (И(лья) А(лександрович) постарался передать нам интонацию и выговор Григ(орови)ча.) — Это мы еще посмотрим!.. — в свою очередь прошамкал и Потехин. Ну, затем Вейнберг обратился ко мне: „И(лья) А(лександрович), надеюсь на вас“. Я, конечно: — Покорно благодарю, постараюсь быть. — После этого спускаемся мы с лестницы. Впереди я с Вейнб(ер)гом, сзади — Потехин с Григоровичем. Вейнберг не видал их, да к(а)к прошипит мне вполголоса с этакой, знаете, злобой, что даже к(а)к-то жутко стало: „Хоть бы скорей околевал этот старый пес“, — понимаете, это про Потехина, что-то в т(а)ком роде! Ужасно не по себе мне стало. А тут Потехин, шедший как раз позади нас, вдруг поскользнулся и упал (или оступился только, не помню уж. — Е. К.). Что ж бы вы думали? Вейнберг моментально оборачивается назад, подсказывает к нему и спрашивает к(а)к ни в чем не бывало, да т(а)ким лисьим, знаете ли, голосом: „Надеюсь, вы не ушиблись, ничего себе не повредили!“. Ну, вы понимаете, к(а)к должны были действовать (на меня) подобные сцены! (...). Так делился с нами И(лья) А(лександрович) своими театральными воспоминаниями. — И Чехов прошел через наши руки. Помню, „Чайку“ я отстоял, — закончил И(лья) А(лександрович) повествование.

Тут нас попросили уйти с балкона, т(а)к к(а)к пора было накрывать на стол. Был уже шестой час. Незадолго перед тем приехал А. Ремизов (...). Весь мой интерес направился, конечно, к фигуре Ремизова, т(а)к к(а)к мне довольно знать о ком-нибудь, что он писатель, хотя бы даже и не из особенно важных, чтобы он сразу привлек мой интерес (...). О Ремизове же я не имела еще никакого своего мнения; читать его не приходилось; слышала только, что он что-то чудит. Поэтому я устала на него с большим любопытством.

Я еще никого не встречала, кто бы т(а)к подходил по внешнему облику к типу Квазимодо, к(а)к Ремизов. Он несомненный урод, но что-то есть в этом уроде притягивающее к себе; чувствуется во всей его фигуре к(а)кая-то сосредоточенность в себе, к(а)кой-то свой мирок, в который нет доступа постороннему; чувствуется, что он и сам совсем особенный, отличный от всех людей. Точно он питается не теми же ростками, к(а)к и мы, не из общей всем нам почвы. В нем есть сходство с Сиповским в лице, но последний со своей пошлой физиономией и деланной мефистофельской складкой кажется прямо уродом рядом с (этим) Квазимодо-Ремизовым, несомненно заключающим в себе к(а)кое-то внутреннее благородство. В нем нет ни тени вычурности, ничего, похожего на рисовку; наоборот — масса простоты и, может быть, даже застенчивости, или просто отчужденности. К сожалению, заговорить с ним было никак невозможно, т(а)к к(а)к

сначала он ушел с И(льей) А(лександровичем) в моленную и о чем-то долго совещался с ним там по секрету, а потом все время держался особняком и упорно молчал. (...) Во время обеда Ремизов сидел за столом на балконе, куда я идти побоялась из-за своей простуды; забрался, говорят, в самый угол и также все время молчал. (...) Незадолго до обеда И(лья) А(лександрович) скинул свою красную рубаху и очутился в европейском костюме, к(а)к он сам сказал, т(о) е(сть) крахмальной сорочке и синем пиджаке, одетом на нем под рубахой. Для чего нужен был этот маскарад — неизвестно; просто хотелось человеку почудачить; переодевание к обеду было другое чудачество, по поводу которого он не преминул тут же произнести к(а)кое-то стихотворение об английских причудах русских, после чего И(лья) А(лександрович) добавил: „этим стих(отворе)нием я сам себя высек“. Ну и за обедом И(лья) А(лександрович) прочудачил в третий раз: он заставил нас встать и прочел молитву предобеденную, а после обеда — вторую, что повторил и за другим, „музыкантским“ столом на балконе. Читал он при этом именно „к(а)к пономарь“, т(а)к что вряд ли его чтение сопровождало к(а)кое-нибудь благоговейное чувство.

Встав из-за стола, мы начали прощаться (...) когда нас осталось человек 15 вместе со студентами, И(лья) А(лександрович) вынес нам неск(олько) экземпляров своей статьи о Толстом и брошюрки ученика его Громова „о научной деятельности И. А. Шляпкина“ с приложением его портрета — и со всей возможной торжественностью вручил нам их на память. Любит человек торжественность, что и говорить; но выходит и это у него крайне безобидно, точно дитя тешится (...) Т(а)к закончился проведенный в Белоострове день, и мы, от души поблагодарив ласкового хозяина за радушный прием и расписавшись в новом уже альбомчике, — тронулись в путь. Ремизов, кот(орый) просил И(лью) А(лександрови)ча указать ему литературу о Китоврасе, начертал что-то глаголицей, чего я уж никак разобрать не могла.¹⁸ На следующий день — 10 мая — Ремизов написал Шляпкину такое письмо на глаголице: «Глубокоуважаемый Илья Александрович! Хочется мне поблагодарить Вас глаголицей за Ваше доброе гостеприимство и вниманье. Как сказано Ва[м], мы будем у Вас в июне. По телефону сговоримся. Серафима Павловна тужила очень, что хворь ей не позволила быть у Вас в день Вашего рождения. О старом Петербурге с радостью готова делать. Алексей Ремизов».¹⁹

Сохранившиеся документальные свидетельства дружеских встреч Шляпкина и Ремизова, подробное описание быта и личности старого профессора, сделанное Казанович, — все это позволяет сделать реальный комментарий к одному из ремизовских произведений этого времени — рассказу «Глаголица», опубликованному в газете «Речь» (1911, 25 дек.). Сюжет рассказа таков: у статского советника в отставке, одинокого чудака Александра Александровича Корнетова, по вечерам собираются друзья и все поочередно рассказывают разные истории, иллюстрирующие призрачность обыденности, таящей в себе бессмысленность или мистику. Подробное описание быта и привычек Корнетова составляло содержание новеллы, обрамляющей целую цепочку других повествований. После публикации рассказа в петербургских научных кругах поползли слухи, что в лице Корнетова в пасквильном виде изображен профессор Шляпкин. Для про-

¹⁸ ГПБ, ф. 326, ед. хр. 18, л. 18, 20—26 об., 30 об.—33.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 2013, 2014, л. 7. Написанное глаголическими буквами письмо приводится в подстрочном переводе Шляпкина. При публикации введены необходимые пунктуационные знаки.

верки подобных утверждений достаточно сопоставить текст рассказа с реальными фактами жизни Шляпкина.

Рассказ «Глаголица» начинается с прямого намека автора на прототип героя и, одновременно, с авторского же отмежевания от подобного утверждения: «Путейский ревизор, статский советник в отставке, Александр Александрович Корнетов единственный на всем земном шаре писал письма и всякие дружеские послания глаголицей. Как известно, глаголица, вытесненная кириллицей, мертвая грамота, и никто до сей поры толком не знает, откуда она и кто ее на свет пустил. А от всей премудрости уцелело наперечет несколько ветхих памятников, над которыми и трудятся ученые, съевшие собаку не только в нашей прародительской грамоте, но и в самой эфиопской. Корнетов не ученый, нет у него ни трудов ученых, ни орленого золотого значка, но и без всяких отличий как ловко, как бережно, ну, так затейливо выводил он крючочки и ставил крестики, впору тому же ученому да книжному справщику».²⁰ Тщательно отвергнув предположение, что герой — ученый, занимающийся древними литерами, повествователь рисует образ одинокого собирателя всяких редкостей, пародийно представив его как коллекционера «пустяков» и «мелочей». Читатель, знакомый со Шляпкиным, мгновенно вспоминал его домашний музей, полный всякой всячины. Далее сообщается, что из-за любви к глаголице от героя ушла жена, и «проницательный» читатель сразу же мог припомнить несчастливый брак Шляпкина с курсисткой-математичкой. Корнетов изображен как гостеприимный хозяин, рассказывающий гостям массу смешных или страшных историй, случившихся с ним самим или связанных с окружающими его вещами и предметами. При этом разговорные интонации героя рассказа очень сходны с манерой речи Шляпкина, переданной в записях Казанович. В рассказе дано описание квартиры Корнетова: «Что ни комната, то свое название. Кабинет — неподобная комната в семь углов — избушка ледяная, тут Александр Александрович проводил за делами дневные часы свои. Соседняя с кабинетом комната — избушка лубяная или хворостяная, служила она у Корнетова моленной. Затем большая комната — палаты пировые, брусяные, а из пировых брусяных палат ход в самую маленькую комнатенку — в логовище» (с. 214). Напомню, что специальная комната-«моленная» была в доме Шляпкина. Повествователь сообщает, что множество гостей собирается у Корнетова два раза в год: в день Симеона Летопроводца и на Святках: «И кого только не набиралось на Кавалергардскую провести на высотах у Корнетова веселый вечерок, кого тебе надо, изволь: и старики-моховики, и молодежь желторотые, и тихие, и крикуны, и ссорщики, и наустители, и философы. (...) И, конечно, во всем, во всех разговорных словах коноводил сам неутомимый глагольник Александр Александрович» (с. 215—216). Такой же обычай был и в доме Шляпкина. По свидетельству его биографа В. В. Буша: «...раза два в год — обыкновенно на Рождестве и на Пасхе — у „белоостровского отшельника“ собирались студенты и его бывшие ученики. Иногда заезжали „солидные“, с „именами“. В эти дни хозяин с утра до позднего вечера всецело принадлежал гостям. Разговоры на книжные темы сменялись показыванием рукописей и автографов, редких книг (...) И каждый гость, уезжая, чувствовал, что этот день в его жизни не потерян...».²¹ Герой рассказа Ремизова увлекается всем чудесным и мистическим. Подобное же влечение было присуще и Шляпкину. Как вспоминал его соученик по гимназии

²⁰ Ремизов А. Глаголица // Ремизов А. Весеннее порошье. СПб., 1915. С. 211. Далее ссылки в тексте по этому изданию с указанием страницы.

²¹ Буш В. В. Илья Александрович Шляпкин. С. 15—16.

В. Г. Дружинин, Шляпкин еще в детстве под влиянием знакомства с писателем Н. С. Лесковым и католическим патером Рокитским имел тягу к мистицизму и ко всему таинственному, которая сохранялась у него в течение всей жизни.²² Наконец, внешность Корнетова также одновременно и резко противоположна внешности Шляпкина, и сходна с ней в плане ее театрализации колористически ярким костюмом: «Сам Александр Александрович особенный, (...) тоненький, тоненькая шейка (вспомним «исполинские размеры» фигуры Шляпкина. — А. Г.), ну, словно курилка, нос — багрецова пуговка, усы шипильные. А платье на нем сукна солдонова, чулки васильковые, маковый галстук и на плечах вишневый теплый платок (ср. неоднократно переодевания Шляпкина в яркие одежды, приведенные в описании Казанович. — А. Г.)» (с. 214—215).

Таким образом, анализ рассказа подтверждает, что прототипом Корнетова в значительной степени действительно было Шляпкин. Имеется еще одно доказательство этого. Шляпкин, которому сообщили о касающемся его подтексте рассказа, сам внимательно прочел его. В архиве ученого сохранилась вырезка из газеты «Речь» с текстом рассказа и пометами Шляпкина.²³ Он подчеркнул все отрывки текста, которые могли бы быть сопоставлены с обстоятельствами его жизни, начиная с совпадающего отчества «Александрович», чина героя — «статский советник», обстоятельств ухода жены, характеристики его сослуживцами как «трудного человека», больших съездов гостей два раза в год, описания гостеприимства и т. д. Пометы показывают, что Шляпкин узнал себя в герое рассказа, но оценил мягкий юмор и сердечную теплоту, с которой изображен Корнетов, и оставил под текстом резюмирующую запись: «Предполагают, что Корнетов — я, Шляпкин. Кой-что, особенно в обстановке, похоже, но и все. Это не пасквиль».²⁴ Добродушное отношение Шляпкина к рассказу отмечено и в письме Яцимирского к Ремизову от 9 марта 1912 г.: «Кстати, Шляпкину кто-то говорил, будто в рассказе „Глаголица“ выведен он. Илья Александрович, конечно, не верит. Он слишком умен для этого, а Ваши писания знает».²⁵

Книжник и чудак Шляпкин во многом, несомненно, послужил прототипом героя рассказа. Но имелся и другой всем известный любитель глаголицы, также склонный к розыгрышам и театрализации своего бытия. Им был сам Ремизов, некоторыми черточками своего характера напоминающий Шляпкина. И в данном случае в процессе работы над рассказом произошло столь излюбленное Ремизовым фантазмагорическое переплетение в одном литературном персонаже черт реально существующего лица и личности самого автора.

В дальнейшем развитие творческого метода Ремизова шло в направлении все большей субъективации повествования, экспансии авторского «я» во все пласты художественной структуры текста. В связи с этим закономерна дальнейшая трансформация литературного персонажа Корнетова. Он стал главным действующим лицом написанной в 30-е гг. книги Ремизова «Учитель музыки». В ее состав в переработанном виде вошел и рассказ «Глаголица». Изменение образа Корнетова заключалось в стирании черт, восходящих к Шляпкину, и усилении автобиографического начала. Теперь Корнетов стал учителем музыки, русским эмигрантом, живущим в Париже. В конце книги

²² Дружинин В. Г. Воспоминания об И. А. Шляпкине: (По случаю 100-летнего юбилея 3-й СПб. гимназии) // ГПБ, ф. 865, ед. хр. 25, л. 4.

²³ ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 333.

²⁴ Там же.

²⁵ ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 248, л. 3.

Ремизов специально объясняет мозаичный (монтажный) принцип построения «Учителя музыки», в котором не только внешний мир дробится на отдельные явления, сцены, как бы вновь собираемые автором в единое целое, но и внутренний мир авторского «я» распадается и материализуется во всех героях повествования. Ремизов пишет: «Прошу не путать никого с Александром Александровичем Корнетовым, ни из его знакомых и приятелей, это я сам. Имя Корнетову дано было еще в Петербурге в честь Александра Александровича Блока, а фамилия „Корнетов“ не столько инструментальная по профессии учителя музыки, сколько кавалерийская: заветная мечта Александра Александровича, которую он неоднократно высказывал, — „быть бы мне лихим корнетом, ездить на коне, как у Толстого в «Войне и мире», выделывать всякие ухарские штуки!“ — фамилия Корнетов дана по контрасту с его небоевым образом жизни. (...) Что-нибудь внешнее, постороннее, что называется „не-я“, „другой“, для писателя только материал, и, если он чувствует в нем себя, он его примет — „заживет в нем“. (...) Писатель подбирает материал по себе и через этот материал познает себя».²⁶ Нет возможности установить, в действительности ли имя героя было связано с Блоком или это столь типичная для Ремизова очередная мистификация: «совершенно достоверное» авторское толкование текста, выдвигающее новую гипотезу о реальном контексте рассказа. Но характерно, что одна фраза из переработанного текста является как бы прощальным намеком на человека, которого в 1910-е гг. называли прямым прототипом героя: «Не „ученый“, нет у Корнетова ни ученых трудов, ни орленого золотого значка Археологического Института».²⁷ Последние два слова — вставка, как бы возвращающая память автора к профессору Археологического института И. А. Шляпкину.

Контакты Ремизова со Шляпкиным — лишь один эпизод из продолжавшихся в течение всей его жизни дружеских и научных взаимосвязей с медиевистами. Эта тема заслуживает дальнейшего изучения, но уже на данном этапе можно попытаться хотя бы частично ответить на вопрос: для чего же нужен был Ремизову, занимавшемуся творческой переработкой древних текстов, постоянный контакт с виднейшими учеными, изучавшими те же памятники? Возможно, что одна из причин кроется в философских исканиях писателя, который, как и многие представители русского модернизма, задумывался над вопросом о сравнительной ценности двух путей познания действительности — художественного и научного и, в связи с этим, о роли и миссии творца художественных ценностей. Несмотря на то, что мировоззренческие взгляды Ремизова сформировались в тот период, когда зачастую в художественной среде научный путь познания отвергался или признавался менее значимым, чем путь интуитивного постижения мира провидцами и артистами, писатель признавал оба пути равноценными. Истина, по его мнению, возникла там, где эти пути пересекались. Именно поэтому он столь внимательно изучал все исследования о древнерусском памятнике, переработкой которого занимался. Зная все его варианты и творчески пересоздавая их, Ремизов писал свою «окончательную» редакцию памятника. Она, как ему представлялось, была выражением той же истины, только добытой путем художественного прозрения, какой была и та истина — знание о памятнике, которая возникала в результате исследования ученых.

²⁶ Ремизов А. Учитель музыки. Париж, 1981. С. 503—504.

²⁷ Там же. С. 6

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО ЗАСЕДАНИЯ,
ПОСВЯЩЕННОГО ПАМЯТИ АКАДЕМИКА АН УССР
НИКОЛАЯ КАЛЛИНИКОВИЧА ГУДЗИЯ
И СОСТОЯВШЕГОСЯ 25 ОКТЯБРЯ 1989 г.
В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ**

В. В. КУСКОВ

**Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского
учебника по истории древнерусской литературы**

Н. К. Гудзий, вышедший из научной школы В. Н. Перетца, прекрасно сочетал в себе качества ученого-исследователя с качествами великодушного педагога-воспитателя и гражданина. Ему принадлежит большая заслуга возрождения в советской высшей школе прерванной в 20-е гг. традиции преподавания истории древнерусской литературы.

В начале 30-х гг. Н. К. Гудзия пригласили в качестве преподавателя русской литературы в Высшую партийную школу, где он блестяще прочитал целый цикл лекций, посвященный древней русской литературе. Этот курс был воспринят слушателями школы как откровение.

Заручившись поддержкой руководства ВПШ, Н. К. Гудзий поднял вопрос о необходимости преподавания истории древнерусской литературы в высшей школе и добился положительного его решения в Комитете высшей школы. Курс истории древнерусской литературы был включен в учебный план литературного (так он тогда назывался) факультета Институты философии, литературы и истории, созданных в 1931 г. в Москве и Ленинграде. Преподавание древней русской литературы было введено также и в педагогических институтах. При этом на чтение курса в учебном плане было отведено 72 академических часа. Замечу, что в ныне действующих учебных планах филологических факультетов университетов преподаванию древней русской литературы отведено всего 32 часа. Это по максимуму, а фактически приходится не более 24 часов!

Новый курс надо было обеспечивать учебными пособиями.

Чем же мог пользоваться студент? Только книгами, вышедшими до Октябрьской революции. Это «История русской литературы» А. Н. Пыпина в четырех томах,¹ первые два тома были посвящены древнерусской литературе, книги П. В. Владимирова,² А. С. Архангельского,³ Е. В. Петухова,⁴ М. Н. Сперанского,⁵ В. М. Истрина,⁶ В. А. Келтуялы.⁷

¹ Пыпин А. Н. История русской литературы СПб, 1898—1899 Т 1—4 (4-е изд вышло в 1911 г)

² Владимирова П. В. Древняя русская литература ки. ского периода XI—XIII веков Киев, 1900

³ Архангельский А. С. 1) Из лекций по истории русской литературы Образование и литература Московского государства Казань, 1898—1901 Т 1—3, 2) Введение в историю русской литературы Пг, 1916 Т 1

⁴ Петухов Е. В. Русская литература Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периодов 3-е изд Пг, 1916 Т 1 Древнейший период

⁵ Сперанский М. Н. История древней русской литературы Пособие к лекциям М, 1914

⁶ Истрин В. М. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.) Пг, 1922

⁷ Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы СПб, 1906—1911 Кн 1—2

Всеми этими книгами студент мог пользоваться только в читальных залах научных библиотек. Замечу, что в 30-е гг. студенты еще не были отлучены от библиотеки им. В. И. Ленина, Исторической библиотеки. Это произошло позже, после Великой Отечественной войны, когда государственные публичные библиотеки закрыли свои двери перед студентами-гуманитариями. Закрыты они фактически и до сего дня. Только по особым специальным ходатайствам отдельные студенты проникают в эти библиотеки.

А какими пособиями могли пользоваться студенты периферийных вузов?

Все вышеперечисленные книги не давали цельного представления о развитии древнерусской литературы, ее специфике.

Так, например, А. Н. Пыпин не выделял литературу из общей культуры. Он отказался от хронологического распределения памятников по векам, утверждая, что «вследствие условий, в каких образовалась наша письменность, она почти не знает хронологии».⁸ В своей классификации памятников он стремился «соединить однородное, хотя разновременное по происхождению».⁹ Народную поэзию исследователь рассматривал после обозрения явлений литературы XI—XVII вв.

С вульгарно-социологических позиций подходил к литературе В. А. Келтуяла. Он положил в основу так называемый социологический принцип, назвав свой метод изучения литературы «естественноисторическим».¹⁰ Согласно этому «методу» творцами древней литературы явились княжеские дружинники, бояре и представители духовенства.

Книги Е. В. Петухова, А. С. Архангельского, М. Н. Сперанского, В. М. Истрина были написаны в лучших традициях культурно-исторической школы академического русского литературоведения. Однако никто из вышеназванных исследователей не касался вопросов художественной специфики памятников и рассматривал их в общем потоке древнерусской письменности.

Первую попытку рассмотреть художественную специфику древнерусской литературы предпринял в советское время П. Н. Сакулин.¹¹ В литературе средневековья ученый видел выражение культурного содержания эпохи, ее культурного стиля. Выдвинув положение об обусловленности стилей психологией и идеологией господствующих классов, П. Н. Сакулин выделил в древнерусской литературе два больших стиля: церковный, ирреальный по преимуществу, и светский, реальный по преимуществу. В свою очередь в церковном стиле исследователь выделил апокрифический и агиографический стили. Каждому из этих стилей, считал П. Н. Сакулин, соответствуют свои жанры и свои типовые образы, определяющие художественную теологию данного стиля.

Как видим, концепция П. Н. Сакулина страдала вульгарным социологизмом и схематизировала литературный процесс, но в конце 20-х гг. она была последним словом науки.

Вот те пособия, которыми мог воспользоваться студент при изучении курса. Замечу, что в средней школе изучалось лишь «Слово о полку Игореве», текст которого был издан с комментариями В. А. Келтуялы в серии «Школьная библиотека».

⁸ Пыпин А. Н. История русской литературы. 3-е изд. СПб., 1907. Т. 1. С. IV.

⁹ Там же. С. V.

¹⁰ Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы. СПб., 1913. Ч. 1, кн. 1. С. XXIV—XXXI.

¹¹ Сакулин П. Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. М., 1928. Ч. 1. Литературная старина.

Хуже обстояло с текстами древнерусских произведений. Ведь «Памятники старинной русской литературы», изданные Г. А. Кушелевым-Безбородко в 1860—1862 гг., хранились в библиотеках в весьма немногочисленных экземплярах. Правда, издание текстов «Повести временных лет» предприняло тогда издательство «Academia», а в 1934 г. Н. К. Гудзий опубликовал в том же издательстве «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Во вступительной статье исследователь дал первую в советской науке глубокую и широкую социально-историческую оценку творчества «огнепального» протопопа, познакомил с ним широкого читателя. Напомню, что это был 1934 год, когда начинался разгул сталинских репрессий, и образ стойкого несгибаемого бойца, не идущего ни на какие компромиссы с властью предрержащей, воспринимался весьма злободневно.

Подготовительным этапом к созданию учебника явилась «Хрестоматия по древней русской литературе», составленная Н. К. Гудзием и увидевшая свет в 1935 г. в Учпедгизе (позднее это издательство стало называться издательством «Просвещение»).

В «Хрестоматии» были весьма удачно подобраны основные тексты и отрывки из произведений древнерусской литературы. Каждому тексту предшествовала краткая историко-литературная и текстологическая справка с точным указанием источника публикации. Тексты в «Хрестоматии» печатались в подлиннике, на древнерусском языке. Николай Каллиникович был принципиальным противником перевода. Он полагал, что прелесть древнерусских произведений, их «аромат», красоту слова можно и нужно постигать только в подлиннике, а не при помощи перевода. «Читайте тексты медленно, — говорил он, — как рекомендовали древние книжники, и обязательно вслух. Тогда вы нутром почувствуете неизъяснимую красоту древнего русского слова!».

Хрестоматия получила высокую оценку и преподавателей и студентов. «Мы, педагоги, все должны быть глубоко благодарны ему (Н. К. Гудзиему. — В. К.) за его книгу», — писал А. С. Орлов в своей рецензии.¹²

«Хрестоматия» Н. К. Гудзия выдержала восемь изданий, при этом она систематически пополнялась текстами новыми, ранее не входившими в нее. Так, если первое издание содержало 392 с., то седьмое, самое полное прижизненное — 643 с.

Через три года после появления первого издания «Хрестоматии» вышло первое издание учебника. Это был конец 1938 г.

Учебник явился первым научным обобщением тех результатов, которых достигла русская академическая историко-филологическая наука к концу XIX—началу XX в. В учебнике Н. К. Гудзий широко опирался на опыт своих предшественников, в первую очередь на труды ученых культурно-исторической школы.

Первое издание учебника открывалось довольно обширным историографическим введением, где давалась краткая, но весьма емкая характеристика истории изучения древнерусской литературы. Н. К. Гудзий показывал, что нельзя заниматься наукой, двигаться вперед, не зная истории науки, не опираясь на опыт, достижения своих предшественников.

В качестве первого опыта систематизации материала Николай Каллиникович рассматривал описи монастырских библиотек XVII в., подчеркивая значение трудов В. Н. Татищева, Н. И. Новикова в собирании и изучении древних летописей, памятников старинной литературы. Он

¹² Орлов А. С. Учебники по литературе для педвузов // Учебно-педагогическая литература. М., 1935. № 12. С. 11—12. (Бюлл. Критико-библиографич. науч.-иссл. ин-та).

подчеркивал важность библиографической работы Н. И. Новикова, митрополита Евгения Болховитинова, П. М. Строева.

Не обходились вниманием и учебники, начало созданию которых было положено Н. И. Гречем.

Много места Н. К. Гудзий уделил характеристике академических школ русского литературоведения: мифологической, сравнительно-исторической и культурно-исторической, трудам Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова, особо выделив рецензию последнего на учебник А. Д. Галахова. Только имени своего учителя В. Н. Перетца Н. К. Гудзий тогда уже не мог назвать, поскольку тот находился в местах, не столь отдаленных. Не мог он касаться и трудов М. Н. Сперанского, который в это время был отстранен от преподавания, а затем и от руководства аспирантами. Замечу, что Н. К. Гудзий официально принял на себя руководство аспиранткой М. Н. Сперанского В. Д. Кузьминой, работать с которой фактически продолжал «опальный» ученый, которому Николай Каллиникович оказывал также и материальную поддержку.

В последующих изданиях учебника, особенно после печально-знаменитой дискуссии о А. Н. Веселовском, Н. К. Гудзий вынужден был убрать из учебника историографическое введение, и от этого учебник, конечно, только проиграл.

Напомню старожилам Пушкинского Дома в связи с этим памятную историю знаменитой скульптуры А. Н. Веселовского, которую тогда сначала заколотили досками, а потом перетащили в «укромное место». Лишь недавно она была размещена в вестибюле Пушкинского Дома.

Н. К. Гудзий в своих лекциях продолжал постоянно подчеркивать значение Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, А. Н. Веселовского, называя их цветом и гордостью русской науки.

Учебнику Н. К. Гудзия присущ последовательный принцип историзма. Историю развития древнерусской литературы Н. К. Гудзий разбил на четыре больших периода: I — период Киевской Руси, II — феодальной раздробленности XIII—XIV вв., III — объединения северо-восточной Руси и образования русского централизованного государства (конец XIV—начало XVI в.) и IV — укрепления русского централизованного государства, выделив в нем литературу XVI и литературу XVII в.

Напомню, что М. Н. Сперанский делил древнерусскую литературу на два периода: Киевский и Московский; Е. В. Петухов на три — древнейшую эпоху (XI—XII вв.), средние века (XIII—XVI вв.) и переходное время (XVII—начало XVIII в.).

Периодизация, предложенная Н. К. Гудзием, позволила ему показать неразрывную связь литературы с жизнью народа, государства. Ученый одним из первых подчеркнул в своем учебнике, что литература Киевской Руси является общим достоянием трех братских славянских народов: русского, украинского и белорусского.

В своем учебнике Н. К. Гудзий освобождал изучение древнерусской литературы от вульгарного социологизма, обратив внимание на отражение в ее произведениях народных интересов.

Он устанавливает принципы отбора памятников с точки зрения установки их создателей на образное, художественное выражение своих мыслей и чувств, на характер стилистического оформления.

Замечу, что в учебнике был дан анализ художественной специфики философско-публицистического «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, раскрыт его патриотический пафос (кстати сказать, текст этого произведения по не зависящим от авторов-составителей первого тома Памятников литературы Древней Руси Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева не увидел света).

Н. К. Гудзий обращал внимание на идейное богатство произведений древнерусской литературы: начальной русской летописи, исторических повестей, агиографической литературы, публицистических слов и поучений, отмечая попутно их художественную специфику, отличающуюся от культурно-исторических памятников письменности.

История древнерусской литературы раскрывалась в учебнике не как история книги, а как история развития особой формы художественного сознания, еще не расчлененного синтетического отражения действительности.

В учебнике выделено три аспекта изучения произведений древнерусской литературы: познавательный, воспитательный и художественный. Правда, последний аспект с современной точки зрения, когда наша медиевистика сделала значительный шаг вперед благодаря трудам академика Д. С. Лихачева и Отдела древнерусской литературы, развит еще недостаточно. Но для своего времени он знаменовал начало нового эстетического подхода к памятникам древнерусской литературы.

От современных читателей учебника Н. К. Гудзия можно услышать упрек, что в нем избыток пересказа отдельных произведений. Однако пересказы сделаны Николаем Калининичем необычайно мастерски и тонко. В них удачно выделены главные, основные моменты содержания, а также подчеркивается форма его выражения без всякой модернизации. Кстати, модернизации в изучении древнерусской литературы Н. К. Гудзий никогда не допускал и был ярким ее противником. Он считал, что нельзя произведения средневековой литературы мерить теми же мерками, что и произведения литературы новой. «Опирайтесь только на факты, — говорил он, — а не измышляйте гипотез. Самая красивая гипотеза, не подкрепленная фактами, только уводит от истины, а не приближает к ней».

Следует обратить внимание еще на одну чрезвычайно важную сторону учебника Н. К. Гудзия — это его насыщенность источниковедческим и библиографическим материалом. Эта сторона постоянно заботила ученого. Каждое новое издание учебника, а с 1938 по 1966 г. их было семь, он пополнял новыми библиографическими сведениями, связанными с публикациями текстов, появившимися новыми исследованиями, учитывая и защищенные докторские и кандидатские диссертации. При этом научно-справочными, библиографическими материалами снабжалось каждое произведение древнерусской литературы, и не рассматриваемое в учебнике. Эти библиографические справки служили основой самостоятельной работы студента над курсом, помогали аспирантам и просто любознательным читателям глубже изучать нашу старинную литературу.

Автору учебника был чужд догматизм, категоричность суждений, умозаключений. Он стремился объективно излагать различные научные точки зрения, подчас противоречивые, взаимоисключающие.

Приведу два характерных примера из учебника.

В главе «Древнейшее летописание» Н. К. Гудзий излагает гипотезу А. А. Шахматова, обращает внимание на значение работ В. М. Истрина, Н. К. Никольского, возражавших А. А. Шахматову, излагает точку зрения Д. С. Лихачева, высказанную им в монографии «Русские летописи и их культурно-историческое значение».

В главе, посвященной «Молению Даниила Заточника», Н. К. Гудзий излагает различные точки зрения исследователей на проблему соотношения I и II редакций памятника. Что старше — «Слово» или «Моление»? И делает весьма осторожный, некатегоричный вывод, что вторая редакция — «Моление Даниила Заточника» — сохранила более черт оригинала, нежели «первая» — «Слово Даниила Заточника».

Приводятся в учебнике и различные суждения исследователей о социальной принадлежности автора «Моления Даниила Заточника». Кто он? Член княжеской дружины, дворянин? боярский холоп? ранее свободный человек, попавший в холопы за долги? И Н. К. Гудзий на основании этих споров приходит к заключению: «Как бы то ни было, для нас самым существенным является то, что Даниил оказался выразителем позиций несвободного, зависимого человека, впервые заявленных в литературе и нашедших себе в „Молении“ очень яркое отражение».¹³

Уважительное отношение к чужому мнению, не совпадающему с мнением автора учебника, — вот что характерно для Н. К. Гудзья. Но он никогда не поступался научными и человеческими принципами, среди которых на первое место ставил порядочность. Первый и главный вопрос, который постоянно задавал Николай Калининвич о студенте, аспиранте, ученом: «А он порядочный человек?».

В этой связи хочу напомнить о том отпоре, который встретила со стороны Н. К. Гудзья концепция французского слависта Андре Мазона, пытавшегося «доказать» первичность «Задонщины» и вторичность «Слова о полку Игореве». Ученый выступил с научно аргументированной статьей, опровергавшей точку зрения французского исследователя, и эту полемику отразил в учебнике.

В многочисленных рецензиях, посвященных учебнику Н. К. Гудзья, он был оценен как «книга нужная и полезная».¹⁴ Учебник был переведен на английский и немецкий языки.¹⁵ В 1950 г. известный филолог М. Фасмер писал: «Большой шаг вперед в изучении древнерусской литературы был достигнут начиная с 20-х годов нашего столетия, это наглядно иллюстрирует „История древнерусской литературы“ Н. Гудзья, вышедшего из школы Перетца».¹⁶

После выхода в свет последнего, 7-го, издания учебника Н. К. Гудзья в 1966 г. наша медиэвистика далеко ушла вперед. Однако, на мой взгляд, переиздание в настоящее время учебника Н. К. Гудзья принесет только пользу в деле подготовки студентов-филологов, да и всей нашей культуре.

И не пора ли нам подумать о выполнении своего сыновнего долга — «воскрешения умерших отцов» (Н. Ф. Федоров) и начать издание специальной серии «Наше историко-филологическое наследие», в которой издать труды К. Ф. Калайдовича, И. М. Снегирева, И. П. Сахарова, П. М. Строева, М. А. Максимовича, Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравова, В. Н. Перетца, А. С. Орлова, М. Н. Сперанского и др.

Не следует ли подумать также о создании небольшого словаря-справочника, посвященного выдающимся исследователям-медиэвистам? Такой словарь был бы хорошим дополнением к «Словарю книжников и книжности Древней Руси».

¹³ Гудзий Н. К. История древней русской литературы М., 1966 С. 187

¹⁴ Бугославский С. Новый учебник древней русской литературы // Октябрь 1939 № 2, С. 215—218

¹⁵ Gudzy N. K. 1) History of Early Russian Literature New York, 1949, 2) Geschichte der russischen Literatur 11—17 Jahrhundert Halle, Nienueger, 1959

¹⁶ Zeitschrift für slavische Philologie 1950 Bd 20 H 2 S 459

Н. К. Гудзий — исследователь «Слова о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» входило в сферу научных интересов Н. К. Гудзия на протяжении всей его научной деятельности.

Первая его работа о «Слове» вышла в 1914 г.: «Литература „Слова о полку Игореве“ за последнее двадцатилетие (1894—1913) (Критико-библиографический обзор)». Подзаголовок этой работы Н. К. (она была опубликована в ЖМНП — 1914. № 2. С. 353—387 и выпущена отдельной брошюрой) определяет ее направленность: автор не только характеризует содержание реферируемых им работ и сравнивает их с предшествующими исследованиями «Слова», но и дает им свою оценку, высказывает собственные соображения по тому или иному вопросу.

Так, например, Н. К. Гудзий подчеркивает, что, по его мнению, «старый Владимир» «Слова» — это Владимир Мономах. Автору «Слова», считает он, имя Владимира Мономаха должно было говорить гораздо больше, чем имя Владимира I Святославича. Имя Мономаха теснее связано с разгаром княжеских междоусобиц и борьбой с половцами, а для «Слова» это центральные проблемы. Следует отметить, что по этому вопросу до сих пор нет единого мнения. Одни исследователи считают, что в виду имеется Владимир I Святославич, другие видят в «старом Владимире» Владимира Мономаха.

Рассматривая перевод «Слова» В. Шурата (1907 г.), Н. К. Гудзий отмечает как недостаток его — обилие рифм. Он пишет: «Ведь в самом „Слове“ рифмы сравнительно редки, и вводить их в изобилии в перевод — значит нарушать стиль памятника».¹ Вопрос этот принципиален для практики переводов «Слова» и сегодня.

Н. К. Гудзий категорически отвергает точку зрения, согласно которой «Слово» первоначально являлось устным произведением и лишь позже было записано. Проблема не потерявшая своей остроты и в наше время.

Чтобы дать представление о характере оценок реферируемых работ Н. К. Гудзием, приведу его отзыв об исследовании Г. М. Бараца «О библейском элементе в „Слове о полку Игореве“» (Киев, 1912). Работа эта, пишет Н. К. Гудзий, «должна быть упомянута при обозрении литературы „Слова“ прежде всего как образчик того любительского, ненаучного и неуважительного отношения к драгоценному памятнику, какое не вызывает к себе иного отношения, кроме чувства досады и вместе с тем невольного изумления перед беспредельностью человеческой изобретательности (...) Для того чтобы доказать поставленный тезис, автор до неузнаваемости растормошил те места памятника, которые он обрек себе в жертву (...) С необычайной легкостью г. Барац переносит целые строки и отдельные слова с таким

¹ Гудзий Н. К. Литература «Слова о полку Игореве»... С. 23.

расчетом, чтобы подогнать их под библейский текст (...) Усердие, с каким г. Барац опустошает этот текст, было бы еще понятно, если бы библейские параллели, им приводимые, были хоть сколько-нибудь подходящи; но дело в том, что сближения, „очевидные до наглядности“, очевидны едва ли не для одного лишь г. Бараца».²

Я привел эту большую цитату из первой работы Н. К. Гудзия по «Слову» не только потому, что в ней ярко отразился темперамент Н. К. и его непримиримость к дилетантизму в науке, но и потому, что она и сегодня звучит очень современно. К сожалению, не только в присылаемых в Отдел древнерусской литературы ИРЛИ на отзыв статьях о «Слове», но и во многих опубликованных работах перед нами и сегодня предстают образчики «любительского, ненаучного и неуважительного отношения» к «Слову», вызывающие «невольное изумление перед беспредельностью человеческой изобретательности».

Последующие работы Н. К. Гудзия по «Слову о полку Игореве» могут быть разделены на две большие группы: исследования общего характера, с анализом всех сторон памятника и исследования отдельных, частных вопросов. Промежуточными между этими двумя основными направлениями являются осуществленные Н. К. издания «Слова о полку Игореве» с его вступительными статьями и комментариями, а иногда с научным прозаическим переводом «Слова».

Первой большой исследовательской работой Н. К. Гудзия по «Слову» явилась его статья 1937 г. «Слово о полку Игореве».³ Свообразными продолжениями и добавлениями к этой статье были опубликованные в 1938 г. статьи: «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литературная традиция» (Литературный критик. 1938, № 5. С. 59—83) и «„Слово о полку Игореве“ и его историческая почва» (Исторический журнал. 1938. № 7. С. 5—13). Две последние статьи перепечатаны в сборнике статей Н. К. Гудзия «Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII—XVIII веков», вышедшем в издательстве «Наукова думка» (Киев, 1989).⁴ В этот сборник включено еще несколько работ Н. К. о «Слове», в том числе статья на украинском языке, опубликованная впервые в 1955 г. как предисловие к изданию «Слова» в украинской библиотеке поэта («Слово о полку Игоревім»). В этой статье Н. К. дает подробный обзор и характеристику переводов «Слова» на украинский язык. Следует отметить, что уже в статье 1938 г. Н. К. Гудзий подчеркивал: «Возникнув в той общей колыбели, какой была Киевская Русь для великорусов, украинцев и белорусов, оно («Слово о полку Игореве». — Л. Д.) по праву принадлежит в равной мере всем этим трем братским народам» («Слово...» и ... почва. С. 193).

Остановлюсь подробнее на статье из «Литературной учебы», привлекая по ходу рассказа и другие работы Н. К. по «Слову».

Н. К. Гудзий подчеркивает художественно-публицистический характер «Слова о полку Игореве». «В „Слове“, — пишет он, — не найдем почти никаких точных фактов, относящихся к битве, зато в нем передан весь ее драматизм и все ее необычайное напряжение».⁵ Он отмечает особо личностный характер «Слова»: «Фигура автора не уходит... с поля нашего зрения на протяжении всего повествования».⁶ Н. К. Гудзий отмечает, что подлинный

² Там же. С. 35—36.

³ См.: Лит. учеба. М., 1937. № 5. С. 30—54.

⁴ «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литературная традиция» — с. 153—180; «„Слово о полку Игореве“ и его историческая почва» — с. 181—194. Далее ссылки на эти статьи по данному изданию — в тексте с указанием страниц.

⁵ См.: Лит. учеба. С. 34—35.

⁶ Там же. С. 37.

характер народности «Слова» заключается в идейной направленности памятника — в призыве князей к единению для борьбы с внешними врагами Руси. По мнению Н. К. Гудзия, «содержание „Слова“ не дает нам никаких оснований для утверждения, что его автор был участником похода». «В „Слове“, — писал он, — отсутствуют те конкретные подробности в описании событий похода, которые были бы естественны у очевидца, непосредственно наблюдавшего все происходящее» («Слово...» и ... традиция. С. 153—154). Это положение Н. К. Гудзия диаметрально противоположно утверждениям аксиоматического характера о безусловном участии автора «Слова» во всех событиях 1185 г., присущим целому ряду работ о «Слове». Тем ценнее и интереснее предположения на этот счет Н. К. Гудзия.

В вопросе об авторе «Слова о полку Игореве» Н. К. Гудзий считает бесполезными поиски его конкретного имени. Автором, скорее всего, был дружинник. По происхождению он, вероятно, из Северной земли, возможно, черниговец. По своей же идейной позиции он был близок Святославу Киевскому, поэтому идеализировал его образ, преувеличивая политические и нравственные качества этого князя. По мнению Н. К. Гудзия, «Слово» было создано в Киеве.

Подробно останавливается Н. К. Гудзий и на вопросе о времени создания «Слова». Н. К. присоединяется к точке зрения тех исследователей, которые считают, что «Слово» было создано в два приема: сначала была написана основная часть, оканчивающаяся плачем Ярославны. Так как непосредственной историко-политической причиной возникновения «Слова», по мнению Гудзия, являлось приготовление киевского князя Святослава к походу на половцев летом 1185 г., как только до Святослава дошла весть о поражении Игоря, он полагает, что тогда и была написана первая, основная часть «Слова». В статье «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литературная традиция» Н. К. Гудзий добавил к этому еще одно соображение. Обращая внимание на призыв в «Золотом слове» Святослава к князьям Рюрику и Давиду Ростиславичам, он пишет: «Судя по повести Ипатьевской летописи, Рюрик и Давид тогда же, летом 1185 г., откликнулись так или иначе на призыв Святослава и двинулись против половцев. Значит, нужно думать, „Золотое слово“ было написано еще до того, как стало известно о выступлении Ростиславичей» (С. 158). Вторая, мажорная, часть «Слова» была написана после бегства Игоря из плена, которое Н. К. Гудзий относит к осени того же 1185 г. Таким образом, эта, заключительная, часть «Слова» была создана в конце 1185—начале 1186 г. «Но, — уточняет Н. К. Гудзий, — если мы согласимся с теми исследователями, которые полагают, что преждевременно было петь славу по невернувшемуся еще из плена сыну Игоря Владимиру, а вернулся он на Русь лишь осенью 1187 г., — то время написания заключительной части „Слова“ придется отодвинуть к концу 1187 или началу 1188 г.»⁷

Я так подробно остановился на датировке Н. К. Гудзием «Слова о полку Игореве» потому, что в работах, специально посвященных датировке памятника, как правило, на Н. К. Гудзия не ссылаются. Видимо, это объясняется тем, что данный вопрос рассматривался им попутно, в общих работах о «Слове». Нужно, однако, отметить, что Н. К. Гудзий опубликовал по этому вопросу и отдельную статью — «Где, кем и когда было написано „Слово о полку Игореве“?» Но статья эта была напечатана в «Литературной

⁷ Гудзий Н. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игоревъ: Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов 19-го и 20-го вв. / Ред. текста, его прозаич. пер. и коммент. Н. К. Гудзия; Ред. худ. пер. и переложений П. Скострева. М., 1938. С. 27.

газете» за 15 апреля 1938 г. и, затерявшись в потоке юбилейных статей 1938 г., выпала из поля зрения исследователей, хотя она и фиксируется в библиографиях по «Слову», в общих библиографиях по древнерусской литературе и в персональных библиографиях Н. К. Гудзия.

Остановливался Н. К. Гудзий и на вопросе об отражении в «Слове» древнерусской языческой мифологии. Он подчеркивает, что автор, без сомнения, христианин и нет никаких оснований думать, что он верил в языческих богов. «Вернее предполагать, — пишет Гудзий, — что автор был настолько проникнут поэтической стихией, что, несмотря на свою связь с христианством, не мог и не хотел уйти от той системы мироощущения, которая подсказывалась ему язычеством и которая еще была очень сильна в ту пору среди широких масс. Не надо забывать, что тогда еще живо было так называемое двоеверие, бывшее источником поэтического воззрения на природу».⁸

Рассматривая вопрос о ритмическом строе «Слова», Н. К. отмечает, что все попытки разложить «Слово» на стихи окончились неудачей. Сам он склонен сравнивать «Слово» с скандинавскими сагами и думает, что оно «представляло собой чередование прозаических и стихотворных, в основе своей песенных фаз».⁹

Много внимания как в статье 1937 г., так и в последующих работах уделяет Н. К. Гудзий вопросу изображения природы в «Слове о полку Игореве», художественным средствам памятника. В статье 1937 г. он писал: «Важнейшей особенностью, обуславливающей богатство его («Слова». — Л. Д.) поэтических красок, является неразрывная связь в нем мира природы и мира человека. Природа принимает здесь самое активное — дружеское или враждебное — участие во всех происходящих событиях... Природа в „Слове“ — не немая, бессловесная, а звучащая и даже говорящая: галки говорят своей речью, Донец разговаривает с Игорем, даже неодушевленные предметы издают звуки: кричат телеги, говорят боевые знамена. Звуками, звоном, пением переполнено вообще все „Слово“».¹⁰ Н. К. Гудзий анализирует особенности символики «Слова», его эпитетов, сравнений, метафор и прослеживает связь их с устным творчеством и книжной, письменной литературой той эпохи. Н. К. Гудзий подчеркивает, что параллели «Слова» с литературными памятниками XI—XII вв. «говорят только об общности известных стилистических формул» в «Слове» и в сопоставляемых произведениях. Наиболее обстоятельно эта проблема рассмотрена им в статье «„Слово о полку Игореве“ и древнерусская литературная традиция». Н. К. Гудзий отмечает случайность и мизерность дошедшего до нас материала для сопоставлений. Говоря о литературе предшествующей, одновременной и ближайшей после «Слова», Н. К. Гудзий пишет, что «Слово о полку Игореве», «не имея равных себе по своим художественным достоинствам, все же имеет достойных соседей» (С. 166). Подробнее останавливаясь на «Слове о Законе и Благодати» Илариона, Н. К. Гудзий подчеркивает, что оно «является блестящим показателем той высоты литературного мастерства, какого достигла Русь в пору раннего расцвета ее культуры, при Ярославе Мудром» (Там же. С. 170). «Если принято указывать на отсутствие литературных precedентов для „Слова о полку Игореве“, — пишет он, — то с не меньшим правом можно указать и на такое же отсутствие precedентов и для „Слова“ Илариона» (Там же. С. 169).

⁸ См.: Лит. учеба. С. 40.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 39.

По мнению Н. К. Гудзия, центральной идеологической частью «Слова о полку Игореве» является «Золотое слово» Святослава. Естественно поэтому, что он уделил много внимания определению границ «Золотого слова». В статье 1937 г. он ограничивает его объем третьим рефреном «загородите полю ворота...», т. е. в «Золотое слово» включаются обращения ко всем князьям, заканчивающиеся обращением к Ингварю, Всеволоду и всем трем Мстиславичам. Но уже в этой статье Гудзий замечает, что «не лишено основания» мнение В. В. Каллаша, который ограничивал «Злато слово» Святослава только упреками князьям, кончая фразой «Туга и тоска сыну Глебову», призывы к князьям, следующие за ней, идут уже от имени автора «Слова». Позже Н. К. Гудзий пересмотрел свою точку зрения по данному вопросу и посвятил специальную статью этой проблеме.¹¹

Подробно рассмотрев литературу вопроса, Н. К. Гудзий приходит к выводу, что аргументы тех исследователей, который считали невозможным ограничивать «Золотое слово» упреками Игорю и Всеволоду и сетованиями киевского князя по поводу того, что князья ему не помогают, неубедительны: «Почему, спрашивается, слово Святослава, содержащее в себе только упреки Игорю и Всеволоду и вместе с тем указывающее основную причину бедствий Руси в княжеских несогласиях, не могло быть названо автором „Золотым словом“, раз оно действительно затрагивает самые животрепещущие и злободневные вопросы тогдашней политической современности?»¹² Длиться до плача Ярославны, как полагали А. С. Шишков, Д. Дубенский и другие, «Золотое слово» не могло — оно слишком длинно в таком случае. Ведь сказано «изрони злато слово», а глагол «изронить» явно может быть соотнесен только с краткой речью. Не могло входить в «Золотое слово» все, что говорится о Всеславе Полоцком. Не могло быть в обращении великого князя киевского к другим князьям наименования их «господами». Не мог Святослав Киевский призывать Всеволода «поблюсти» киевский стол, не мог киевский князь подчеркивать, что галицкий князь «открывает Киеву врата». Автор «Слова» говорит о том, что «Злато слово» со слезами смешано: «...о слезах, разумеется, можно говорить, только имея в виду упреки и сетования Святослава, обращенные к Игорю и Всеволоду, а никак не воззвание к князьям, в котором нет ничего похожего на слезную речь».¹³ «Золотое слово», приходит к выводу Н. К. Гудзий, включает в себя «только укоры Святослава Игорю и Всеволоду и его жалобы на то, что князья ему не в помощь и что впустую обернулись года „на ниче ся години обратиша“».¹⁴ Н. К. Гудзий считает, что фраза о туге и тоске Владимира, сына Глебова, начиная со слов «се у Римь кричать...», в состав «Золотого слова» уже не входит. Анализируя характер употребления в «Слове о полку Игореве» эпитета «золотой», Н. К. Гудзий приходит к заключению, что в «Золотом слове» Святослава этот эпитет относится не к значению и содержанию «Золотого слова», а употреблен потому, что это слово великого князя киевского.

Имея в виду предлагавшиеся перестановки в «Золотом слове» Святослава, Н. К. Гудзий пишет: «Тенденция к перестановкам и перетасовкам текста „Слова“, как и любого другого художественного текста, должна быть всячески ограничена, и попытки в этом направлении, сделанные Вяземским, Потебней, Прозоровским, Ляцким и другими, должны быть безусловно

¹¹ О составе «Золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве» // Вестн. Моск. ун-та. 1947. № 2. С. 19—32. Перепечатана в кн.: Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси... С. 195—215.

¹² Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси... С. 210.

¹³ Там же. С. 213.

¹⁴ Там же.

осуждены».¹⁵ Правда, приемлемости некоторых перестановок в исключительных случаях он не отвергает, но отмечает, что они возможны только тогда, когда перестановки могут быть обоснованы палеографическими доводами.

Останавливался Н. К. Гудзий и на проблеме жанра «Слова о полку Игореве». И в этом вопросе его взгляды со временем претерпели определенное изменение. В статье 1937 г. Н. К. Гудзий пишет, что название памятника «словом» позволяет «рассматривать „Слово“ как ораторскую речь, как обращение к слушателям и читателям... Автор „Слова“... все время стоит в позиции оратора, говорящего от первого лица».¹⁶ Это же определение повторяется и в первых изданиях учебника. После выхода в свет хорошо известных работ И. П. Еремина 1944 и 1950 гг., в которых он обосновывал свою точку зрения на «Слово» как на памятник политического красноречия,¹⁷ Н. К. Гудзий иначе, чем прежде, характеризует жанровую природу «Слова». В 5-м издании своего учебника он пишет: «„Слово о полку Игореве“ совмещает в себе жанры ораторского произведения, воинской исторической повести, героической песни. Отсюда и наименование его самим автором то „словом“, то „песнью“, то „повестью“. Жанровые признаки повести и песни в „Слове“ самоочевидны, но в нем присутствуют и особенности, свойственные ораторскому жанру и сказывающиеся прежде всего в непосредственном обращении автора к своим слушателям и читателям».¹⁸ Давая к этим формулировкам жанра «Слова» ссылку на статью И. П. Еремина 1950 г., Н. К. Гудзий замечает: «См. интересную и содержательную по отдельным наблюдениям, но одностороннюю по общим положениям статью И. П. Еремина».¹⁹

В статье 1937 г. и в других работах конца 30-х—начала 40-х гг. Н. К. Гудзий отмечал, что имеющиеся в «Слове» хронологические нарушения усиливают эмоциональность памятника. Наиболее яркий пример такого хронологического нарушения он видел в том, что о солнечном затмении, которое, как известно, произошло на девятый день похода Игоря, автор сообщает сразу же после вступительной части, до рассказа о выступлении Игоря в поход. «Вследствие такого передвижения затмения, — писал Н. К. Гудзий в статье 1937 г., — фигура Игоря выигрывает в своей рыцарственности. Этим подчеркивается его неустрашимость, пренебрежение к грознейшей опасности». Благодаря этому, продолжает Н. К. Гудзий, «получается и значительный художественный выигрыш: предзнаменование беды, как увертюра, открывает собой повествование о походе, с тем, чтобы в различных проявлениях повторяться до тех пор, пока в судьбе Игоря не произойдет благоприятный перелом».²⁰ В 1950 г. Н. К. Гудзий опубликовал специальную статью «О перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“».²¹ В этой статье он обосновывал необходимость перенесения отрывка «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце ... съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» дальше от начала,

¹⁵ Там же. С. 211.

¹⁶ См.: Лит. учеба. С. 37.

¹⁷ Еремин И. П. 1) Слово о полку Игореве: (К вопросу о его жанровой природе) // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1944 (на обложке — 1945). № 72. Сер. филол. наук. Вып. 9. С. 3—18; 2) «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 93—129.

¹⁸ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 5-е изд., перераб. М., 1953. С. 127.

¹⁹ Там же. С. 128, примеч. 1.

²⁰ См.: Лит. учеба. С. 38.

²¹ См.: Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 249—254.

ставя его после характеристики Всеволодом своих воинов-курян, перед отрывком, в котором о затмении говорится во второй раз. Такая перестановка, в результате которой два отрывка «Слова», описывающие солнечное затмение, объединяются в единый текст, как считает Н. К. Гудзий, оправдана не только палеографически (такое палеографическое обоснование ее было дано в свое время А. И. Соболевским),²² но и логикой текста и историческим временем затмения. С возражениями на эту статью Н. К. выступил В. И. Стеллецкий.²³ На критику В. И. Стеллецкого Н. К. Гудзий ответил статьей «Еще раз о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“».²⁴ Целый ряд доводов Н. К. Гудзия звучит вполне убедительно. Однако считать этот вопрос окончательно решенным и после статей Н. К. Гудзия нельзя. До сих пор многие исследователи и переводчики перестановку эту не принимают. В издании «Слова о полку Игореве» в 1949 г. в малой серии «Библиотеки поэта» Д. С. Лихачев делает такую перестановку, но уже в издании 1950 г. в серии «Литературные памятники» отказывается от нее и оставляет начало «Слова» без изменения во всех своих последующих изданиях его. О. В. Творогов, наоборот, считает перестановку необходимой, и именно с такой перестановкой опубликован текст «Слова» во втором томе «Памятников литературы Древней Руси».²⁵ Мне представляется, что колебания в этом вопросе и самого Н. К. Гудзия и других исследователей «Слова» являются веским аргументом в пользу того, что перестановка здесь не нужна. Ведь и без нее ясно, что речь идет об одном и том же затмении и в любом случае подчеркивается пренебрежение Игоря зловещим предзнаменованием. И второй рассказ о затмении начинается словами: «Тогда выступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше...». Как убедительно показал Д. С. Лихачев, оборот «вступить в стремя» равнозначен сообщению о выступлении в поход.

Помимо уже упоминавшихся выше статей Н. К. Гудзия по отдельным вопросам «Слово»ведения есть еще ряд статей, мною не названных.

Еще в 1937 г. в «Литературной газете» за 26 июля Н. К. Гудзий опубликовал статью «Пушкин за работой над „Словом о полку Игореве“». В 1941 г. в сборнике Московского института истории, философии и литературы было напечатано большое исследование Н. К. Гудзия «Пушкин в работе над „Словом о полку Игореве“»,²⁶ в котором раскрывалась история работы Пушкина над «Словом» и прослеживался характер этой работы.

В 1946 г. Н. К. Гудзий опубликовал статью «Ревизия подлинности „Слова о полку Игореве“ в исследовании проф. А. Мазона»,²⁷ а в 1950 г. — статью «Невероятные догадки проф. Мазона о вероятном авторе „Слова о полку Игореве“».²⁸ Материалы этих статей были обобщены и дополнены в статье Н. К. «По поводу ревизии подлинности „Слова о полку Игореве“».²⁹ В этих трех статьях Н. К. Гудзий подверг тщательному критическому

²² Соболевский А И К «Слову о полку Игореве» (Материалы и заметки по древней русской литературе XVIII) // ИОРЯС, 1916 Т 21, кн 2 С 210—213

²³ Стеллецкий В И К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ М, Л, 1955 Т 11 С 48—58

²⁴ См ТОДРЛ М, Л, 1956 Т 12 С 35—41

²⁵ ПЛДР XII век / Сост и общая ред Л А Дмитриева, Д С Лихачева М, 1980 С 372—387

²⁶ Пушкин Сб статей / Под ред А Еголина М, 1941 С 260—291

²⁷ Учен зап Моск гос ун-та им М В Ломоносова М, 1946 Вып 110 Труды кафедры русской литературы Кн 1 С 153—187

²⁸ См ИОЛЯ, 1950 Т 9, вып 6 С 492—498

²⁹ «Слово о полку Игореве» — памятник XII века Сб статей / Под ред Д С Лихачева М, Л, 1962 С 79—130

разбору работы А. Мазона о «Слове» как поздней подделке, автором которой был, по его мнению, Н. Н. Бантыш-Каменский.

В 1951 г. опубликована статья Н. К. Гудзия «Судьбы печатного текста „Слова о полку Игоре“». ³⁰ Здесь рассмотрены основные принципы первого издания «Слова», дается характеристика научной значимости всех последующих изданий древнерусского текста «Слова» вплоть до издания 1950 г. в серии «Литературные памятники». Эта статья Н. К. является расширенной публикацией его доклада «Итоги текстологического изучения первого издания „Слова о полку Игоре“», прочитанного им в Пушкинском доме 9 декабря 1950 г. на научной сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Пушкинского Дома, посвященной 150-летию первого издания «Слова».

В статье «О „Слове о погибели Руския земли“» ³¹ Н. К. Гудзий остановился на вопросе связи этого «Слова» со «Словом о полку Игоре». Говоря о приводимых исследователями параллелях между обоими памятниками, он писал: «Как нам представляется, все эти параллели из обоих памятников, в том числе и в наибольшем количестве подобранные А. В. Соловьевым, — настолько общего характера, что едва ли могут свидетельствовать о литературной связи „Слова о погибели“ со „Словом о полку Игоре“, даже при тех оговорках, которые делает А. В. Соловьев. Как бы мы ни ценили „Слово о погибели“ с точки зрения литературной, нет необходимости во что бы то ни стало подтягивать его к „Слову о полку Игоре“. И думается, прав был В. Н. Перетц, когда он в своей книге о „Слове о полку Игоре“ 1926 года, прослеживая его судьбу в рукописной традиции, не включил в эту традицию „Слова о погибели Руския земли“». ³² В большой статье, посвященной «Слову о погибели», ³³ А. В. Соловьев, имея в виду данную статью Н. К. Гудзия, писал: «Тут некоторое недоразумение. Я вовсе не так уж убежден в том, что автор „Слова о погибели“ был знаком со „Словом о полку Игоре“, как это кажется Н. К. Гудзию. Моей задачей не было „подтягивать“ одно „Слово“ к другому. В моей французской статье я настаивал лишь на тематическом и стилистическом сходстве между обоими, на том, что оба „Слова“ — „несомненно продукт одной и той же поэтической школы“. Я хотел указать, что такая поэтическая школа существовала и могла давать светские произведения различной окраски». ³⁴ В этой статье А. В. Соловьев к 12 ранее указанным параллелям между обоими «Словами» приводит еще 12.

Последней работой Н. К. Гудзия о «Слове», вышедшей в свет в год его смерти, была статья «А. А. Шахматов о „Слове о полку Игоре“». ³⁵ Н. К. Гудзий приводит ряд примеров из работ Шахматова, из которых видно, что Шахматов определял «Слово» как литературный памятник XII в. Эта статья Н. К. являлась отголоском тех споров, которые велись вокруг «Слова» в связи с работой над «Словом» А. А. Зимина, пришедшего к заключению, что «Слово о полку Игоре» — подделка конца XVIII в.

Н. К. Гудзий часто выступал с рецензиями на разные работы по «Слову». Но особое место среди этих многочисленных рецензий занимает его рецензия на книгу о «Слове о полку Игоре» А. К. Югова. ³⁶ Рецензия Н. К. Гудзия

³⁰ ТОДРЛ М., Л. 1951 Т. 8 С. 31—52

³¹ См. ТОДРЛ Т. 12 С. 527—545

³² См. Там же С. 544

³³ Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // ТОДРЛ М., Л., 1958, Т. 15 С. 78—115

³⁴ Там же С. 110

³⁵ ИОЛЯ, 1965 Т. 24, вып. 1 С. 3—6

³⁶ Слово о полку Игоре / Пер и коммент А. Югова, Вступ статьи акад. Б. Д. Грекова и акад. А. С. Орлова М., 1945

была опубликована в 1946 г.,³⁷ в ответ на эту рецензию Югов опубликовал в 1947 г. открытое письмо Н. К. Гудзию «Грамматика на защите истории»,³⁸ в том же году Н. К. Гудзий опубликовал ответ А. К. Югову — «В защиту грамматики, истории и науки вообще».³⁹ Н. К. Гудзий выступил с резкой критикой неоправданных и научно слабо обоснованных толкований А. К. Юговым целого ряда слов, оборотов и понятий «Слова о полку Игореве». Я не буду перечислять, что именно подверглось в переводе и толкованиях А. К. Югова критике со стороны Н. К. Гудзия. Приведу лишь два больших отрывка из рецензии Н. К. Гудзия и его ответа на письмо А. К. Югова, так как эти отрывки, как мне кажется, дают очень точное определение общего характера работы А. К. Югова и не потеряли своей злободневности по вопросу о дилетантизме в филологии.

В заключении рецензии на книгу А. К. Югова Н. К. Гудзий писал: «Мы так подробно рассмотрели труд А. К. Югова потому, что этот труд написан с неоправданной претензией сказать новое слово в науке о „Слове“ и заново переосмыслить толкование его отдельных мест, прочно вошедшее в научный и педагогический обиход. Притом это сделано с такой самоуверенностью и с таким сознанием непререкаемости своих суждений, какие необычны в работах подлинных специалистов-филологов, всегда сознающих всю трудность и сложность проблем, возникающих при изучении и толковании „Слова о полку Игореве“, и потому обнаруживающих большую скромность и значительно меньшую категоричность в своих домыслах и утверждениях, чем это делает А. К. Югов, как видно, не имеющий специальной филологической подготовки, необходимой для той работы, за которую он взялся».⁴⁰

Ответ же Н. К. Гудзия на письмо А. К. Югова завершался так: «В начальных строках своего письма, ссылаясь на совет Пушкина не отмалчиваться от критики, когда нужно восстановить здравые понятия касательно искусства, А. К. Югов задачой своего письма ко мне ставит восстановление здравых понятий относительно „Слова о полку Игореве“. Охота восстанавливать мнимо здравые понятия в отношении столь многострадального памятника как „Слово“, ставшего давно уже жертвой многих любительских экспериментов, время от времени принимает назойливые и агрессивные формы. И чаще всего бывает так, что, чем меньше такие восстановители подготовлены к серьезной филологической работе, тем отважнее, безапелляционнее и шумливее они заявляют претензию на непогрешимость своих рассуждений, в которых если и попадаются крупницы здравых понятий, то они с избытком перекрываются псевдонаучными измышлениями и беспочвенными гаданиями. Ни пользы, ни славы от этого нашей науке не прибудет».⁴¹

Труды крупных ученых по тому или иному вопросу имеют научное значение не только сами по себе, ценность их состоит и в том, что они открывают новые перспективы в изучении этих вопросов. Многие из затронутых Н. К. Гудзием проблем «Слова о полку Игореве» находили дальнейшее развитие в трудах других ученых. Я уже отмечал такие случаи. Приведу еще один пример. После доклада Н. К. Гудзия 1950 г. «Итоги текстологического изучения первого издания „Слова о полку Игореве“» в 1957 г. была опубликована интереснейшая статья Д. С. Лихачева «История

³⁷ См.: Сов. книга. 1946. № 6—7. С. 98—110.

³⁸ См.: Новый мир 1947. № 1. С. 200—207.

³⁹ См.: Там же. № 10. С. 282—288.

⁴⁰ См.: Сов. книга. № 6—7. С. 109.

⁴¹ См.: Новый мир. № 10. С. 287—288.

подготовки к печати текста „Слова о полку Игореве“ в конце XVIII в.».⁴² В 1960 г. вышла моя книга о первом издании «Слова».⁴³

В ответе на 7-й вопрос IV Международному съезду славистов в 1958 г. «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве“»,⁴⁴ Н. К. Гудзий поставил ряд таких задач. Одна из них — «продолжить и углубить работу по лексикологии „Слова“» была решена изданием «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», первый выпуск которого вышел в год смерти Н. К. Гудзия — в 1965 г., а последний, 6-й, — в 1984 г. накануне 800-летия «Слова». Некоторые из поставленных Гудзием задач находили частичное решение в текущих работах по «Слову о полку Игореве», многие из обозначенных им задач еще требуют своего решения.

Исследования и статьи Н. К. Гудзия о «Слове о полку Игореве», раздел о «Слове» в его «Истории древней русской литературы», являвшейся на протяжении нескольких десятилетий самым главным и самым популярным учебником по истории русской литературы первых семи веков ее существования, сыграли огромную роль в постижении и пропаганде этого гениального литературного памятника XII столетия. Не меньшая заслуга Н. К. Гудзия в «Слово»ведении заключается и в той принципиальности, с которой он боролся против дилетантизма в изучении «Слова» и выступал в защиту его подлинности и древности.

⁴² См.: ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 66—89.

⁴³ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960.

⁴⁴ IV Международный съезд славистов: Сб. ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958. С. 25—26.

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (по архивным материалам)

Знакомство В. П. Адриановой-Перетц с Н. К. Гудziem, видимо, следует отнести к 1907—1908 гг., т. е. к тому времени, когда, сдав экстерном экзамены за гимназический курс, выпускник реального училища г. Могилева-Подольского поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Киевского университета. Там в это время начал свою работу Семинарий русской филологии профессора В. Н. Перетца, активной участницей которого была Варвара Павловна Адрианова, а слушателем стал Николай Каллиникович Гудзий. Через семь лет, в 1914 г., он сам начал преподавать в Киевском университете св. Владимира.

Именно в Семинарии В. Н. Перетца сложились научные интересы и навыки филологической работы Н. К. Гудзия, определившие в дальнейшем его путь ученого. «...я стал особенно усердным посетителем лекций профессора Владимира Николаевича Перетца, приобщавшего своих слушателей к тому, что должно было назваться литературоведческой наукой, о которой мы не имели до тех пор никакого понятия, придя в университет со скудным багажом школьных разборов отдельных литературных произведений», — так писал Н. К. Гудзий в статье, посвященной 30-летию со дня смерти своего учителя.¹

Варвара Павловна и Николай Каллиникович были почти ровесниками: он был старше ее всего на один год. Они вместе начинали научный путь, в одном городе, в одном доме, доме их общего учителя; затем их жизнь проходила в разных городах: В. П. с В. Н. Перетцем начиная с 1914 г., когда его избрали в Академию наук, жила в Петрограде, а Н. К. Гудзий с 1922 г. — в Москве. Но для обоих «киевский» период увлеченности наукой, жизни среди единомышленников, любви к общему делу и к своему учителю, т. е. период молодости, был самым дорогим воспоминанием. И В. П. Адрианова-Перетц это в Н. К. Гудзии очень ценила. «Недаром же мы с Вами из одного гнезда», — писала она ему в одном из писем (1934 г.), а в поздравительной открытке желала: «...чтобы Вы по-прежнему держали высоко марку нашей старой киевской гвардии, в чем и сих пор Вы безусловно сохраняете неизменно первое место» (1962 г.). Вот почему в их переписке, в том виде, как она дошла до нас, фигура В. Н. Перетца играет такую значительную роль и является ее главной темой. Как отмечал сам Н. К. Гудзий, он был связан с В. Н. Перетцем «памятью сердца»: «Он был нашим не только учителем, но и заботливым другом, старшим товарищем. Мы любили его сыновней любовью, хотя по возрасту он не годился нам в отцы.

¹ Гудзий Н. К. Памяти учителя // РЛ. 1965. № 4. С. 167.

Он держался с нами на равной ноге, несмотря на то, что мы отлично понимали расстояние между ним и нами и его дружеское отношение к нам воспринимали как щедрый дар».²

Переписка В. П. Адриановой-Перетц с Н. К. Гудзием сохранилась в составе фонда В. П. Адриановой-Перетц в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 726), поступившего туда после ее смерти в 1972 г. Писем Варвары Павловны к Н. К. Гудзию здесь 100, а писем Н. К. Гудзия всего 33. Видимо, В. П. Адрианова-Перетц сохранила из его писем лишь те, где так или иначе вспоминалось имя В. Н. Перетца. Ее же собственные письма вернулись к ней, очевидно, после смерти Николая Каллиниковича в 1965 г. по воле его сестры Анны Калликовны. Письма В. П. Адриановой-Перетц к Н. К. Гудзию подробно рассмотрены нами в отдельной статье,³ поэтому здесь обратимся главным образом к текстам сохранившихся писем Н. К. Гудзия. Хронологически они охватывают небольшой отрезок времени — всего девять лет, с 1956 по 1965 г., тогда как ее письма к нему начинаются с 1934 г. Напомним кратко о них. В этих письмах проходит почти вся научная жизнь и Варвары Павловны, и Отдела древнерусской литературы, и Пушкинского Дома, и Ленинграда. Большое место занимают в них размышления о работе над первыми двумя томами задуманной в 1936 г. десятитомной академической «Истории русской литературы», которую возглавила Варвара Павловна. Она вместе с академиком А. С. Орловым и Н. К. Гудзием редактировала этот коллективный труд, но и сама была в большой мере его автором. Да и основная редакторская нагрузка лежала на ней. Именно В. П. Адрианова-Перетц, как известно, приглашала авторов, среди них в первую очередь Н. К. Гудзия. Ее беспокоило, что авторский коллектив издания слишком малочислен: «Эх, кабы Вы могли достаточно обеспечить себя древней литературой! Нашего бы полку прибыло. А то ведь хоть караул кричи. А у меня просто сил не хватает все брать на себя». Осенью 1936 г. она писала ему же: «Мне придется в будущем году работать еще по группе XVIII века, которая подбрасывает мне Петровскую литературу. Здесь я имею полномочие подбирать сотрудников. Не хотите ли для истории литературы взять какой-нибудь отдел Петровской эпохи?». Н. К. Гудзий тогда уже много времени отдавал занятиям русской классической литературой XIX в. и не мог полностью включиться в предлагаемую ему работу. И В. П. сетовала: «Все же вгрызаться в материал сырой необходимо непрерывно, чтобы стержень оставался прочный, а Вы все уходите больше в XIX век» (1937 г.). В письмах к Н. К. Гудзию В. П. обсуждала вопросы зарождения и развития местных литературных и книжных традиций, особенностей памятников XIII в., Степенной книги, переводов Максима Грека. Она заботилась о высоком научном уровне издания: «У меня мелькает даже идея, не проташить ли через научно-популярную серию АН небольшой справочник для всех трех томов, с основной библиографией по всем разделам? Но это будет трудно» (1940 г.).

Таким образом, уже в первых сохранившихся письмах В. П. Адриановой-Перетц Н. К. Гудзию видны общность их научных интересов, их отношения не только как старых университетских товарищей, пусть и связанных памятью об учителе, которого Николай Каллиникович всегда называл в письмах «приснопамятным» и «незабвенным», но и как единомышленников в науке. В. П. доверяла знаниям, вкусу и добросовестности Н. К. Гудзия,

² Там же С 169

³ Рождественская М В, Николаева Е П Об архивном наследии В П Адриановой-Перетц // ТОДРЛ СПб, 1992 Т 45 С 21—29 Некоторые выдержки из писем В П Адриановой-Перетц неизбежно повторяются

а он в ответ старался сообщить ей всегда что-либо для нее важное, интересное, доставить радость. Вот почему Н. К. Гудзий постоянно возвращается к имени В. Н. Перетца. И это не просто воспоминания, а реальная забота о его памяти и о самой Варваре Павловне. Николай Каллиникович в письме от 14 октября 1956 г., одном из первых по хронологии, рассказал о письмах Владимира Николаевича к Ивану Франко, обнаруженных им в архиве И. Франко в Киеве и подготовленных для публикации. Н. К. Гудзий привел выдержки из этих писем. В одном из них В. Н. Перетц писал 21 марта 1906 г. по поводу обстановки, сложившейся в Киевском университете после поражения революции 1905 г.: «Я — Вы, конечно, знаете — не поклонник политических воззрений Антоновича и его близких друзей, но полагаю, что политические разногласия могли бы быть временно оставлены. Ведь Антонович не только старейший, но и *единственный* представитель украинской теоретической науки, создавший ряд учеников, из коих одного (т. е. Грушевского — Н. Г.) и Вы чествовали недавно». Посылая этот отрывок из письма В. Н. Перетца, Н. К. Гудзий спрашивает В. П.: «Не правда ли, — интересно, значительно и поучительно во многих отношениях?».

В те осенние дни 1956 г., когда Варвара Павловна получила это письмо Н. К. Гудзия, она была занята хлопотами по реабилитации и возвращению В. Н. Перетцу его доброго имени, которого он был лишен при аресте в 1934 г. и выслан по статье 58-11 (за «контрреволюционную националистическую деятельность») на 3 года в Саратов, где в 1935 г. умер от болезни сердца. Хлопоты В. П. Адрианова-Перетц начала еще весной, сразу после XX съезда КПСС. В ее архиве сохранилось заявление в Верховную Прокуратуру СССР от 20 мая 1956 г.: «Издать оставшиеся после мужа научные работы, назвав его снова тем научным именем, которое он с таким достоинством носил в течение последних двадцати лет своей жизни, — писала в нем В. П., — единственная цель моей просьбы». Об этих хлопотах В. П. сообщала своему постоянному корреспонденту, Н. К. Гудзию, тогда же, в 1956 г.: «В свете событий этого года все опять заново переживается. Подала дело в Верховную Прокуратуру, известили, что переслали в Ленинград, откуда-де и получу ответ. Но пока — молчание. Найдут ли самое дело, ведь в войну многое исчезло. Одновременно подано и заявление о Сперанском. Но там — только заявление, а я послала и копии с рапорта им в Академию, где подробно изложены все события с 11 апреля до середины июня 1934 г., а затем копию письма Сталину, где добавлен и рассказ о ноябрьском вызове в Верховную Прокуратуру. Не знаю, что удастся им найти об этом „деле“, ведь втянули много людей». «Нисколько не сомневаюсь, что Вы получите известие о реабилитации Вл. Ник., но и без официальных документов он, как и Сперанский, давно уж очищен от всяких поклепов», — писал в ответ Н. К. Гудзий 21 октября 1956 г.

Н. К. Гудзий заботился о восстановлении справедливости не только по отношению к В. Н. Перетцу, но и к другим ученым: «Я как-то, будучи в прокуратуре по делу реабилитации Переверзева, — писал он в том же письме, — который благополучно теперь живет в Москве и восстановлен во всех правах, заинтересовался делом Г. А. Гуковского, но прокурор, охотно принеся его дело, так и не мог сказать мне ничего вразумительного». А 11 августа 1957 г. В. П. сообщала Николаю Каллиниковичу о юридической реабилитации Влад. Ник. Извещение об этом она получила накануне Владимирова дня (28 июля).

После реабилитации В. Н. Перетца стало возможным издать том его работ по русско-украинским и украинско-польским литературным связям, продолжающий три выпуска «Исследований и материалов», изданных Отде-

лением литературы и языка АН СССР в 1927—1929 гг. Этот том вышел в свет в 1962 г.⁴ Приступая к его составлению, В. П. Адрианова-Перетц писала Н. К. Гудзию: «Сами понимаете, сколько всякого поднялось в душе, когда я прикоснулась к этим работам» (16 октября 1956 г.). «Очень хорошо, — отвечал Н. К. Гудзий, — что Вы упорядочиваете 4-й том „Исследований и материалов“ Владимира Ник. Конечно, я всячески постараюсь провести его через Комиссию по истории филологической науки, хотя издательство АН сильно лимитирует количество листажа на издания ОЛЯ». Н. К. Гудзий не только поддерживал В. П. в этой подготовке, но и активнейшим образом помогал ей. Это выразилось, во-первых, в том, что он, будучи председателем Комиссии по истории филологической науки, всячески «пробивал» книгу В. Н. Перетца для печати. «Дорогая Варвара Павловна, — писал Н. К. Гудзий 8 октября 1957 г., — вчера получил рукопись книги Владимира Николаевича и написанную Вами биографию Вл. Н. Написали Вы ее очень хорошо, и поучительно, и интересно. Многих подробностей жизни В. Н. я не знал. Постараюсь в ближайшее время дать ход рукописи». Через несколько месяцев Н. К. Гудзий сетовал на то, что возглавляемая им Комиссия «влачит жалкое существование», что необходимость выпуска книги В. Н. Перетца нужно доказывать в издательстве, что появились сложности и с изданием работ М. Н. Сперанского, чей сборник, по замыслу Н. К. Гудзия, должен был выйти из печати в 1958 г. к открытию IV Международного съезда славистов в Москве. И вместе с тем Н. К. Гудзий писал Варваре Павловне: «Все, что смогу сделать для ускорения дела, сделаю». Для «Материалов и исследований» В. Н. Перетца В. П. подготовила и обширную библиографию его трудов. Н. К. Гудзий, желая помочь ей в этом, стремился к тому, чтобы ни одна из мелких заметок В. Н. Перетца не осталась неучтенной. Он указывал на них В. П., и не только случайно обнаруживая их где-либо, но и специально тщательно разыскивал эти юношеские труды своего учителя, подписанные часто только инициалами или буквами латинского алфавита. Попутно Н. К. Гудзий устанавливал их авторство: «Я не сомневаюсь в том, что рецензии большей частью информационного характера в „Л. В.“ («Литературном вестнике». — М. Р.), подписанные буквой W, принадлежат Вл. Ник. Никто, кроме него, не мог писать отзывы на те книги и издания, которые подписаны этой буквой (дубль в). Кроме того, в них характерное для Вл. Ник. „серiousный“ вместо „серьезный“. Думаю, что и информационные рецензии, подписанные латинским Z, также принадлежат Вл. Ник.» (9 февраля 1958 г.).

Незадолго до этого письма Н. К. Гудзий сообщил В. П. Адриановой-Перетц о том, что он просмотрел «Литературный вестник» за 1901 г. и нашел там ряд рецензий, не зарегистрированных в ее перечне работ В. Н. Перетца. При этом Н. К. Гудзий отделил его аннотации чужих работ от рецензий критического характера (как, например, «разгромной» рецензии на книгу В. Малинина о старце Филофее). О дополнительных критических соображениях В. Н. Перетца сообщал Н. К. Гудзий Варваре Павловне, указывая на его рецензию на работу А. И. Соболевского о церковнославянских текстах моравского происхождения, напечатанную в «Литературном вестнике», и на 6-й том собранных А. И. Соболевским «Великорусских песен», на издание интермедий XVIII в. Вс. Миллером и некоторые другие статьи и монографии. Желание максимально полно собрать все сохранившееся в научном наследии В. Н. Перетца заставляло Н. К. Гудзия возвращаться к этим вопросам не в одном письме. Он сообщает, например, о

⁴ Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.: Л., 1962.

том, что в «Литературном вестнике» и за 1902 г. также нашел неучтенные публикации В. Н. Перетца, уточняет даты изданий, выходные данные этих и обозначенных в списке В. П. работ. К библиографической работе Н. К. Гудзий вообще относился с глубоким пониманием ее важности. Уже позднее, благодаря В. П. Адрианову-Перетц за присылку редактируемой ею «Библиографии работ по древнерусской литературе», составленной Н. Ф. Дробленковой, он писал: «Нечего говорить о том, как полезен и необходим для всех древников этот труд. Побольше бы библиографических работ, в частности, по древней русской литературе. По части библиографии мы отстаем от наших западных коллег» (3 октября 1961 г.).

Н. К. Гудзий не только выискивал малоизвестные и затерянные в украинской периодике работы В. Н. Перетца, но старался присылать Варваре Павловне все, что относилось к памяти В. Н. Так, в январе 1958 г. он отправил ей вырезку своей статьи из украинской «Литературной газеты», оговорив, что она может заинтересовать В. П. Адрианову-Перетц тем, «что в ней упоминается имя Владимира Николаевича».⁵ Одновременно Н. К. Гудзий отправил Варваре Павловне найденный им среди своих бумаг план книги В. Н. Перетца о «Слове о полку Игореве», о чем сообщил ей в цитированном письме. Но не только научная деятельность учителя постоянно была в центре забот Н. К. Гудзия. Он старался не забыть о трудах других своих предшественников — славистов и неславистов, с которыми, может быть, не во всем соглашался, но с которыми ощущал себя связанным общим делом и традициями филологической науки. Разбирая свои бумаги, Н. К. Гудзий нашел в них корректуру статьи Н. Н. Зарубина об академике Н. К. Никольском с упоминанием библиографии его трудов, собственноручно им составленной, и сразу написал об этом В. П. Адриановой-Перетц 26 января 1958 г.: «Статья эта проектировалась для напечатания в № 7 „Звеньев“, но она не вышла в свет. Если бы, по примеру последних текстов „Трудов“, редакция [взялась] бы напечатать эту библиографию, я могу ее прислать Вам. Впрочем, текст ее хранится в Архиве АН СССР, как и тексты некоторых неопубликованных работ Никольского, в том числе 2-й и 3-й части его „Повести временных лет“. Несмотря на всю спорность и головоломность этого последнего труда, не следовало бы его напечатать изданием Вашего сектора?».

Уход из жизни многих ученых, коллег Н. К. Гудзий воспринимал не только как личную утрату, но и как невозполнимый разрыв в единой научной традиции, столь необходимой для воспитания молодого поколения ученых: «Лишний раз вздохнул по поводу гибели Игоря Петровича (Еремина. — М. Р.), — пишет он 10 апреля 1964 г., — лекциями которого по украинской литературе для издания их займусь, когда их получу». Сообщая 29 апреля 1965 г. В. П. Адриановой-Перетц о смерти А. Н. Насонова, Н. К. Гудзий называет его «тишайший, скромнейший и очень значительный человек и ученый». В том же году он печалится о смерти академика М. Н. Тихомирова: «Это был крупный историк, притом очень плодovitый».

И к живущим и успешно работающим своим коллегам-древникам Н. К. Гудзий относился, как правило, доброжелательно и, как видно из его писем к В. П. Адриановой-Перетц, всегда старался помочь. В начале 1960-х гг. отношение к гуманитарным наукам в высших академических и правительственных кругах было достаточно скептическим. После сессии Академии наук в 1962 г. Н. К. Гудзий с грустью писал: «Не уверен, что

⁵ См. Вивчення української літератури до 1 після Жовтня // Літературна газета 1958 10 янв

гуманитарам станет намного легче после академической последней сессии. На нас все равно будут смотреть как на нахлебников науки. Разве такой крупный филолог, как Жирмунский, будь он физиком, математиком или даже ветеринаром, не удостоился бы академического кресла? Вот тут в Москве почти два года бился я, чтобы добыть Назаревскому звание профессора (без докторской степени), и только благодаря всяческим хлопотным ходам наконец достиг этого» (5 ноября 1962).

Когда вышла в свет книга В. Д. Кузьминой о рыцарском романе на Руси,⁶ Н. К. Гудзий высоко оценил эту работу и собирался напечатать рецензию на нее в «Вопросах литературы». Узнав о развернутом отзыве на труд В. Д. Кузьминой, присланном В. П. Адриановой-Перетц, который показала ему Кузьмина, Н. К. Гудзий решает напечатать рецензию Варвары Павловны, а не свою, потому что, по его словам, она «лучше, полнее, обстоятельнее». В этом, казалось бы, незначительном случае отразилось желание Н. К. Гудзия руководствоваться в первую очередь интересами дела, а не собственными амбициями. В 1964 г. украинский исследователь Л. Е. Махновец издал книгу, которую собирался защищать как докторскую диссертацию.⁷ В. П. Адрианова-Перетц написала на нее рецензию.⁸ Поддерживая работу Л. Е. Махновца, Н. К. Гудзий спрашивал ее: «Не дадите ли Вашу рецензию в „Вопросы литературы“? Хорошо бы это было» (29 апреля 1965 г.).

Находясь постоянно в курсе работы В. П. Адриановой-Перетц и всех сотрудников Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, когда развернулась полемика по вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве», Н. К. Гудзий поддержал в этой полемике В. П.: «Желаю Вам полного успеха в сражении за „Слово“ и за безоговорочное подчинение ему его праправнучки „Задонщины“. Я собираюсь вступить в войну, отнюдь не холодную, за „Слово“, когда выйдет на ротاپринте книга Зимина», — писал он 7 ноября 1963 г. После того, как труд А. А. Зимина, изданный ротاپринтным способом, попал ему в руки, Н. К. Гудзий в письмах к Варваре Павловне делится своими впечатлениями о нем: «Книга Зимина доставила мне много огорчений. Ее труднее читать из-за массы не к делу идущих ссылок, чем книгу Мазона...» (10 апреля 1864 г.). Несмотря на резкое несогласие с построениями и выводами А. А. Зимина, Н. К. Гудзий тем не менее добавлял: «Я считаю, что книга должна быть доступна специалистам в Союзе и за границей, и на нее должны последовать письменные отзывы».

Но каких бы сюжетов ни касались в своей переписке Варвара Павловна и Николай Каллиникович, В. Н. Перетц оставался центральной темой их разговора. И не только потому, что с ним была связана пора их научной молодости и первых самостоятельных трудов, но и потому, что оба продолжали разрабатывать проблемы, которые волновали В. Н. Перетца: взаимосвязи древнерусской и староукраинской, старопольской литератур. Н. К. Гудзий был, как и В. П., действительным членом Украинской Академии наук, он реально осуществлял взаимодействие русских и украинских филологов, знакомил их с работами друг друга. А Варваре Павловне каждое доброе дело, связанное с В. Н. Перетцем, каждое доброе слово о нем прибавляло сил. Одному из первых она послала Н. К. Гудзию книгу В. Н. Перетца «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков», в работе над которой он так

⁶ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964

⁷ Махновець Л. Е. Сатира і гумор української прози XVI—XVIII ст. Київ, 1964

⁸ ИЮЛЯ 1965 Т. 24, вып. 5 С. 437—441

много помогал ей. 20 февраля 1962 г. Николай Калининвич писал: «Дорогая Варвара Павловна! Сейчас получил от Вас книгу Владимира Николаевича. Нечего говорить, какую большую радость доставило мне это событие, связанное с памятью дорогого и приснопамятного нашего Учителя. Спасибо Вам за то, что Вы прекрасно потрудились над книгой и над биографией Владимира Николаевича и над библиографией его трудов. На-завтра уезжаю на сессию АН УССР в Киев, тот Киев, откуда есть пошла преподаваемая нам Владимиром Николаевичем наука. Мой Вам сердечный привет и дружеские пожелания. Ваш Н. Гудзий».

В 1962 г. Н. К. Гудзию исполнилось 75 лет. Варвара Павловна поздравила его с этой датой, и, отвечая на ее поздравление, Н. К. снова вспомнил об учителе, которому, как он всегда считал, был обязан формированием своих научных взглядов, связывая их со «школой Перетца». Прошло немало лет со дня смерти В. Н. Перетца, имя его долгие годы было незаслуженно забыто официальной наукой, мало осталось активно работающих его учеников. Поэтому Н. К. Гудзий старался не дать угаснуть памяти о В. Н. Перетце, о всех членах его знаменитого Семинария. «Нас, возвращенных нашим приснопамятным учителем и щедрейшим другом, — писал Н. К. Гудзий в ответ на поздравления с 75-летием, — остались считанные единицы, и общение их друг с другом особенно радует и волнует. Дай Бог, чтобы это общение длилось как можно дольше. Вам, талантливейшей ученице Владимира Николаевича и самому большому его другу, желаю как можно лучше себя чувствовать и как можно энергичнее работать».

Н. К. в своих немногих сохранившихся письмах к Варваре Павловне постоянно заботливо спрашивает ее о здоровье, беспокоится, узнав о ее болезнях (как правило, от других). Не отличавшийся сам крепким здоровьем, мучавшийся изматывающей бессонницей, Н. К. Гудзий не любил жаловаться по этому поводу. На проскальзывающие, однако, фразы Н. К. Гудзия о недомогании (только потому, что это являлось помехой в его работе) В. П. мгновенно откликалась медицинскими советами и сочувствием. После Всесоюзного совещания по древнерусской литературе, проходившего в Ленинграде в конце мая 1962 г., Н. К. Гудзий, вернувшись в Москву, беспокоился о здоровье Варвары Павловны, и в его беспокойстве проскальзывало упоминание о собственном перенесенном напряжении: «Я и то порядком устал, чего, по своему великодушию, не заметила М. А. Салмина: с молодежью я стараюсь казаться молодым, ее ровесником» (8 июня 1962 г.). В. П. Адрианова-Перетц и Н. К. Гудзий помнили молодость друг друга, а в человеческих отношениях это очень важно. Используя оброненное в давнем ее письме к нему выражение, Н. К. писал: «Все-таки из одного гнезда мы вылупились, и знать друг о друге во всех подробностях очень всегда хочется» (10 апреля 1964 г.). Несмотря на дружбу, скрепленную десятилетиями, и на то, что разница в возрасте у них была всего один год, он относился к ней (это видно по письмам) как к старшему коллеге и другу. Они всегда обращались друг к другу по имени-отчеству и на «Вы», что придавало их отношениям, и в частности переписке, оттенок особого уважения, необходимого доверия и теплоты. Все свои письма к В. П. Н. К. Гудзий подписывал «искренне Ваш», «дружески Ваш», и это не была просто эпистолярная формула. В 1963 г., когда здоровье и настроение Н. К. Гудзия были неважными, он получил от Варвары Павловны слова сочувствия и сразу же ответил ей: «Только что получил Ваше теплое, дружеское письмо, очень обрадовавшее и согревшее меня (в Москве похолодало во всех отношениях). Спасибо Вам сердечное за добрые, может быть, и не заслуженные слова» (27 апреля 1963 г.).

Последние письма Н. К. Гудзия к В. П. Адриановой-Перетц снова связаны с именем Владимира Николаевича Перетца. Осенью 1965 г. исполнилось 30 лет со дня его смерти, и, как уже упоминалось, Н. К. Гудзий готовил статью о нем, напечатанную тогда же в журнале «Русская литература». При работе над статьей он постоянно обращался за советами к Варваре Павловне: «О Владимире Николаевиче, — обещал он ей, — постараюсь написать как можно лучше». Он просит у В. П. разрешения поместить вместе со статьей фотографический снимок участников их Семинария, относящийся к зиме 1913/14 г. «Я непременно хочу добиться того, чтобы этот снимок сопровождал мои воспоминания о Владимире Николаевиче» (27 июня 1965 г.). К сожалению, в журнале фотография помещена не была, но она воспроизведена в сборнике воспоминаний о Н. К. Гудзии, вышедшем вскоре после его смерти.⁹ Еще до публикации Н. К. Гудзий отослал свою статью Варваре Павловне. Он просил написать ему о том, что ее не удовлетворяет в ней и что можно было бы исправить в корректуре. В. П. Адрианова-Перетц, по-видимому, была довольна воспоминаниями Н. К. Гудзия. «Я очень рад, что статья моя Вам понравилась, — пишет он 2 августа 1965 г. — Тут Вы для меня самый высокий авторитет. Все ваши замечания и пожелания приму в расчет». Одновременно он сообщал, что собирается в ближайшие дни написать еще одну статью о В. Н. — «о его и его учеников работах по истории украинской филологии» и что он уже договорился о публикации в редакции журнала «Радянське літературознавство».¹⁰ А. А. Назаревский, давний друг Н. К. Гудзия по Семинарию Перетца, рассказал в своих воспоминаниях о том, что в последнем письме к нему Н. К. Гудзий уже из больницы, куда он отправился, как предполагал, ненадолго, просил А. А. Назаревского прочитать корректуру этой статьи.¹¹ Через 10 дней после этого письма Н. К. Гудзия не стало.

Н. К. Гудзий умел быть верным тому, что он когда-то полюбил, и быть искренним в этой верности. Его отношение к В. Н. Перетцу и В. П. Адриановой-Перетц остается неизменным и в письмах к Варваре Павловне, и в статье о своем учителе; оно полностью совпадает с теми словами, с которыми Н. К. обратился к В. П. Адриановой-Перетц в дни ее семидесятипятилетнего юбилея, — словами «глубокого уважения, признательности и душевной приязни».¹²

Переписка Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц, хранящаяся в РО ИРЛИ, — это переписка двух больших ученых, прошедших общую школу, незаурядных людей, двух единомышленников. В небольших по объему и деловых по содержанию письмах раскрывается подлинное значение потерявшего сегодня истинный смысл слова «коллеги».

⁹ Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968.

¹⁰ Пам'яті академіка В. М. Перетца (1870—1935) // Радянське літературознавство. 1965. № 12. С. 45—49.

¹¹ Назаревский А. А. Из далекого и недавнего прошлого // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. С. 24.

¹² Гудзий Н. К. К семидесятипятилетию В. П. Адриановой-Перетц // РЛ. 1963. № 2. С. 266.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ж. ЖОАННЕ

Некоторые неизданные или забытые тексты-источники Изборника 1076 г. и Кормчей книги

Сразу же после появления в свет Академического издания Изборника 1076 г.,¹ которое впервые после многих лет было снабжено существенным числом греческих «параллельных текстов», начались публикации новых, обнаруживаемых греческих источников этого замечательного памятника;² потом, естественно, число открытий убавилось, и вот уже несколько лет ничего существенного в этой области не выходит. Настоящей публикацией хотелось бы продолжить прерванную серию и ввести в научный оборот греческие тексты, соответствующие в Изборнике отрывку, подписанному именем Моисея Скитянина, нескольким вопросу-ответам, приписанным Афанасию Александрийскому, а также двум таким же вопросу-ответам, помещенным в 68-й главе печатной Кормчей книги.³

Цель статьи не кодикологическая, а чисто филологическая: публикуются греческие источники именно нескольких текстов, помещенных в Изборнике, а не самого Изборника как рукописного памятника. В. Федер безусловно прав, когда сетует на публикации «источников», совершенно оторванных от своего «кодикологического окружения»,⁴ когда же речь идет о компилятивном памятнике (и тут неважно, где была сделана компиляция: еще в Византии или уже на Руси), шансы найти точно такой же греческий сборник (как, например, для Изборника 1073 г.) или точно такой же отдел (как, например, для отдела вопросо-ответов) сводятся почти на нет. Каждый

¹ Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Гольштенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965 (в дальнейшем это издание названо сокращенно: Ак. изд., а самый текст обозначен как «И»). Все греческие (кроме рук. С Моисеева отрывка) и славянские были просмотрены де-визу (парижские) или в микрофильмах. Приношу особую благодарность директору греческого отделения Института по разысканию и истории текстов при французском Национальном центре научных исследований (CNRS) Ж. Парамелю, который открыл мне богатое собрание микрофильмов и всячески помогал своими советами.

² Литература об Изборнике 1076 г. обширна, см.: Podskalsky G. *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237)*. München, 1982. S. 68—70 (примеч. 336—337); Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 41—43 (№ 5); Словарь книжников и книжности древней Руси. (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. Вып. 1. С. 196—198. Для моей темы особенно важны две статьи: Freydanck D. *Der Izbornik von 1076 und die Apophthegmata patrum // Zeitschrift für Slawistik*. 1976. XXI. S. 357—365; Veder W. R. *Welche Paterika lagen vor 1076 in slawischer Übersetzung vor? // Slovo*. Zagreb, 1978. XXVIII. S. 25—34.

³ Я пользовался изданием 1834 г., сверенным с изданиями 1653 г. (гл. 69) и 1787 г.

⁴ Veder W. R. *Welche Paterika...* S. 25, прим. 3.

отдельный текст или отрывок заслуживает внимания сам по себе. Проблема целого очень сложна и требует особого обсуждения.

Непосредственным поводом для моей работы послужили появление упомянутой в примеч. 2 статьи Д. Фрейданка о связях Изборника 1076 г. со сборниками «изречений» (апофегм) «отцов», затем, через несколько лет, выход в свет обширного библиографического патристического репертуара «Ключ к греческим отцам» («Clavis patrum graecorum»)⁵.

А. ОТРЫВОК, ПРИПИСАННЫЙ МОИСЕЮ СКИТЯНИНУ⁶

Что касается этого текста, то я выступаю лишь простым «посредником» между первооткрывателем источника (Д. Фрейданком) и издателями греческого текста; дело в том, что хотя источник известен и издан, но оба текста — греческий и славянский — никогда не были сопоставлены. Д. Фрейданк установил в свое время, что небольшой отрывок, надписанный именем «Моисея Скитянина», на самом деле принадлежит другому аскету — Исаии Газиту (или, может быть, Скитиоту)⁷ и является извлечением из его «Слова о радости начинающей служить Богу души», уже напечатанного по-гречески в оставшемся недоступным Фрейданку издании иерусалимского монаха Августина, и по-латыни в «Греческой патрологии» Миня.⁸ Д. Фрейданк замечает, что данный отрывок не фигурирует ни в одной из тех рукописей «Систематической коллекции» апофегм, которые были использованы Ж.-К. Ги в его известной монографии.⁹ Но это еще не значит, что он никогда не был связан с именем Моисея Скитиота. Еще в 1968 г. Р. Драгэ обнаружил в одной греческой рукописи (о ней см. далее) парижской Национальной библиотеки группу «Слов аввы Моисея Скитиота, обращенных к авве Пимену...»;¹⁰ среди них — Слово 16, откуда взят наш отрывок.¹¹ Самую редакцию Слов этой группы Р. Драгэ считает очень редко встречающейся в «апофегматических» рукописях.¹² Мне удалось найти вторую рукопись (Ватиканской библиотеки), содержащую подобную группу Слов с той же атрибуцией (см. далее). Сам монах Августин Иорданит в своем издании Исаии печатает в примечании по поздней рукописи иерусалимского монастыря св. Саввы (см. далее) уже не группу слов, но как раз отрывок из того же Слова, более или менее совпадающий с нашим отрывком в Изборнике и носящий

⁵ Clavis patrum graecorum. Vol. 3. A Cyrillo Alexandrino ad Iohannem Damascenum, cura et studio Mauritiij Geerard, Brepols-Turnhout, 1979: статьи об Анастасии Синаите, № 7745 (С. 454—455), и Исаии Газском (Скитском), № 5555 (С. 78—82).

⁶ Ак. изд., л. 244 об., 3—246, 5; с. 618—641.

⁷ О его «Словах» см. прежде всего: Draguet R. Les cinq recensions de l'Ascéticon syriaque d'Abba Isaïe. Louvain, 1968. I—IV (Corpus scriptorum christianorum orientalium. T. 289, 290, 293, 294), прежде всего тома I и IV; Abbé Isaïe. Recueil ascétique. Introduction par Dom L. Regnault et Traduction française par Dom Henri de Broc. 3-ème éd., 1985. Abbaye de Bellefontaine («Spiritualité orientale», n° 7 bis).

⁸ Freydanck D. Der Izbornik... S. 364; Августина Иорданита, *Τῷ δασίῳ πατρὸς ἡμῶν ἀββᾶ Ἰσαίου λόγος κδ'*. Иерусалим, 1911 (2-е изд. под ред. С. Схина, Волос, 1962); PG. T. 40. Col. 1146 (латинский перевод известен с 1558 г.). «Слово о радости души» соответственно в сирийской, греческой и латинской рецензиях носит номера 15, 16 и 11; см.: Draguet R. Les cinq recensions... IV (т. 294). P. 277—279 (франц. перевод двух сирийских рецензий и две греческие рецензии); франц. перевод другой греческой рецензии см. в издании Реньо-де Брока⁹ (Recueil Ascétique. P. 127—128).

Freydanck D. Der Izbornik... S. 364; Guy J.-C. Recherches sur la tradition grecque des Arophthegmata patrum. Bruxelles, 1962. P. 127—128. (Subsidia hagiographica 36).

¹⁰ Draguet R. Les cinq recensions... I. P. 56*—57*.

¹¹ Ibidem. IV. P. 277—279.

¹² Ibidem. I. P. 56*; он нашел ее только в одной из примерно 90 рукописей.

следующее заглавие: «Из послания аввы Моисея к авве Пимину».¹³ Видно, что как атрибуция Моисею некоторых Слов Исаии, так и бытование отрывка «о исходе души» в той или иной коллекции апофегм хотя и редко встречаются, но вполне возможны. Они не должны рассматриваться как случайная ошибка. Замечательно только при этом, а может быть, и закономерно то, что очередная апофегматическая рукопись, содержащая «Моисеевы» Слова или отрывки, каждый раз не принадлежит ни одному из обычных собраний — алфавитному, алфавитно-анонимному, систематическому.

Для настоящей публикации привлечено пять греческих рукописей и две славянские (кроме самого Изборника).

Греческие рукописи

B — Vaticanus graecus 1524, X—XI в., пергаменная, 235 × 175 мм, 116 л., в два столбца, 40 строк.¹⁴ Общее заглавие «Слов»: *Λόγοι ἀββᾶ Μωϋσεως τοῦ ἐν Σαῖτει πρὸς ἀββᾶν Ποιμένα προτραπέυτος παρ' αὐτοῦ γράψαι*. Наш отрывок занимает л. 27 619—в15 (извлечен из Слова I). Этот текст берется за основной.

C — Hierosolymitanus Sabbaiticus 633, XIV в., бумажная, 243 л., написанная во всю страницу, 19 строк.¹⁵ Заглавие: *Ἐκ τῆς πρὸς τὸν ἀββᾶν Ποιμένα ἐπιστολῆς τοῦ ἀββᾶ Μωϋσεως*. «Из послания аввы Моисея к авве Пимину». Содержание: аскетическое и апофегматическое собрание; наш текст находится на л. 31 об. Варианты приводятся по публикации Августина.

Син — Sinaïticus graecus 461, XV в., бумажная, 280 × 180 мм., 200 л., в два столбца. 37 строк.¹⁶ Наш текст находится на л. 181 б 35-в, заглавие то же, что в *C*. Содержание: аскетико-богословская антология.

K — Parisinus Coislinianus 283, XI в., пергаменная, 290 × 215 мм, I—332 л., во всю страницу, 30 строк.¹⁷ Общее заглавие «Слов» то же, что в *B* (за исключением двух незначительных вариантов); наш текст находится на л. 188—189. Содержание патерико-апофегматическое (более тысячи текстов разного происхождения).

Π — Parisinus Coislinianus 123, XI в., пергаменная, 327 × 230 мм, I—372 л., в два столбца, 28 строк.¹⁸ Текст наш, взятый из Слова 16, находится на л. 136 а/б. Рукопись содержит сочинения таких известных аскетов, как Дорофей, Исаия (л. 98 об.—200 об.), Нил; она является одним из основных источников будущего полного издания Исаии и привлекается здесь только «для контраста», с единственной целью показать разницу между обеими — «Моисеевой» и «Исаиинной» — редакциями публикуемого отрывка.¹⁹

¹³ *Τοῦ δόσιου πατρὸς ἡμῶν Ἡσαίου...* С. 99—100; Августин упоминает еще о третьей рукописи: Синаитская греческая 461.

¹⁴ Подробнейшее описание см. в книге: Gianelli C. Codices vaticani graeci. Codices 1485—1683. Città del Vaticano, 1950. P. 73—80. Содержание: собрание апофегматическое и аскетическое.

¹⁵ Описание дал А. Пападопулос-Керамевс: *Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη (...)*, II. *Κατάλογος κωδίκων ἐκ τῆς λαύρας μετενεχθέντων Σάβα τοῦ ἡγιασμένου*. СПб., 1894. С. 623—624.

¹⁶ Нет настоящего описания. См.: Gardthausen V. *Catalogus codicum graecorum Sinaïticorum*. Oxford, 1896. P. 113; Kamil M. *Catalog of all Manuscripts in the Monastery of Saint-Catherin on Mount Sinai*. Wiesbaden, 1970. № 685 (461).

¹⁷ Подробное описание см.: Devreesse R. *Le fonds Coislin*. Paris, 1945. P. 264—266; описание «Анонимной коллекции» (л. 64 об.—194) см.: Guy J.-C. *Recherches...* P. 99—101; приписанные Моисею тексты перечислены в книге Драгэ (см. выше, примеч. 8, 10—12).

¹⁸ Полное описание см.: Devreesse R. *Le fonds Coislin*. P. 117—118.

¹⁹ Вторая основная рукопись в Москве: ГИМ, собр. Син., греч. 320 (177 в каталоге архимандрита Владимира); наш текст издан Драгэ (IV. P. 277—278).

Во всех этих греческих рукописях Моисеев отрывок Изборника является или частью одного (среди других) «Слова» Моисея (рук. *В*), или отрывком как таковым из некоего «Послания» Моисея (рук. *С*, *Син*) — причем «кодиологическое окружение» иное, чем в Изборнике,²⁰ — или, наконец, частью одного (из целого собрания) «Слова» Исаии (рук. *П*).

Славянские рукописи

В отличие от греческих славянские рукописи, по которым был издан или в настоящей публикации издается отрывок из «Слова о радости души», объединяет (кроме, разумеется, самого Изборника) одна общая черта: они прежде всего содержат «Скитский патерик» (т. е. «Систематическое собрание апофегм»), и наше Слово является лишь одной из дополнительных статей, завершающих рукопись.²¹ Первым сблизил отрывок в Изборнике со Скитским патериком Д. И. Абрамович, в 1931 г. опубликовавший его по одной киевской рукописи.²² Недавно в своих обстоятельных статьях В. Р. Федер завершающее «Скитский патерик» «разное аскетическое» (*varia ascetica*) определил, пользуясь терминологией Д. С. Лихачева, как постоянный «конвой» Систематического собрания в славянских рукописях и дал критическое сопоставительное издание нашего отрывка в Изборнике и в венской рукописи (о которой см. далее), использованный Ван Вейком.²³ Я же лишь вновь сверил текст Федера с рукописным подлинником (кое-что удалось уточнить, главным образом благодаря греческому тексту) и присовокупил варианты парижской рукописи Ван Вейка.

Таким образом, были привлечены тексты из следующих рукописей (кроме самого Изборника):

М — Венская Нац. библиотека, слав. рук. 152 (по другой нумерации: 137), XIV в., пергаменная, 165 × 135 мм, 178 л., в один столбец, 23 строки. Болгарско-церковнославянская редакция; «слово» Моисеево идет третьим после окончания патерика (л. 94 об.); заглавие: Слово ѡтца Мосеа сѣща въ Скитѣ, къ Пиминоу, бѣждень бѣвь ѡт него писати ему, т. е. приспособленный к одному «слову» перевод греческого заглавия собрания «слов» в рукописях *В* и *К*; кроме того, оба причастия остались в им. пад. (вм.

²⁰ Это я могу утверждать с полной уверенностью лишь о рукописи *Син*, которую я просмотрел всю; для *С*, судя по общему впечатлению от содержания, считаю это только вероятным.

²¹ Греческий текст Систематического собрания до сих пор не издан; он должен скоро выйти в посмертном издании Ж.-К. Ги.

О Скитском патерике см. посмертное издание известного нидерландского слависта Ван Вейка: *The Old Church Slavonic Translation of the 'ΑΝΑΡΧΩΝ 'ΑΓΙΩΝ ΒΙΒΛΙΟΣ*, in the edition of Nikolaas Van Wijk, edited by Daniel Armstrong, Richard Pope and C. H. Van Schooneveld. The Hague; Paris; Mouton, 1975 (*Slavistic Printings and Reprintings*, 1); автор приводит уточненный и дополненный Р. Попе список (с. 37—43) тридцати восьми рукописей русско-, болгарско- и сербско-церковнославянской редакции; сам патерик издан по двум рукописям, но без заключительных дополнений: *Veder W. R. La tradition slave des Apophthegmata patrum (Aperçu de l'économie de la collection systématique) // Slovo. 1974. 24. P. 59—93*; это подробное и постатейное описание Скитского патерика по шести редакциям и двенадцати рукописям содержит некоторые указания, позволяющие установить наличие или отсутствие в рукописях «Слова о радости души».

²² Абрамович Д. И. Изборник Святослава 1076 року і патерики // Науковий збірник ленинградського товариства дослідників в українській історії, письменства та мови. Київ, 1931. Т. 3. С. 12—13. О самой рукописи см. примеч. 26.

²³ *Veder W. R. 1) Aperçu de l'économie...; 2) Welche Paterika... P. 30—31.* О термине «конвой» см.: Лихачев Д. С. Изучение состава сборников для выяснения истории текста произведений // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 3—12.

ожидаемого род. пад.). Слово занимает л. 97—100 об., наш отрывок — л. 97 об. 18—98, 20.²⁴

P — Парижская Нац. библиотека, слав. рук. 10, XIV в., пергаменная, 170 × 112 мм, 244 + 3 л., в один столбец, 20 строк. Сербско-церковнославянская редакция; «слово» Моисеево тоже третье после окончания патерика (л. 171 об.), заглавие совпадает с заглавием в *M* за исключением незначительных вариантов, но с переистолкованием несогласованного причастия бы, т. е. БЫСТЬ вместо БЫВЪ. Слово находится на л. 171 об. — 173, а отрывок на л. 172, 20—173, 7.²⁵

Здесь и далее греческие тексты опубликованы с соблюдением обычной древнегреческой орфографии и пунктуации (все очевидные описки и орфографические ошибки «молчаливо» исправлены), сокращенные слова даны полностью. Текст Изборника следует Ак. изд., исправления заключаются в угловые скобки;²⁶ в вариантах слова под титлом раскрыты, выносные буквы приведены в строку. Варианты учитываются только текстовые, орфографические или редакционные варианты (свидетельствующие о сербской или болгарской или русской редакции) для облегчения аппарата опускаются.

Вот наконец для сравнения латинский текст (см. примеч. 8) того же отрывка. Он менее пространен, чем все греческие редакции, но, вообще, скорее следует тексту *Π*, что неудивительно, раз он переводит Исаию, а не Моисея:

1. Cum enim anima e corpore egreditur, angeli cum ipsa proficiscuntur. Tunc autem occurrunt illi omnes tenebrarum potestates exquiruntque si quid in ea proprium inueniant, ut illam sibi uindicent. Contra uero tum angeli pugnant, tum multo magis opera quae ipsa fecit, quibus ab aduersariis oppugnantibus defenditur et custoditur, ut eam attingere nequeant.

²⁴ Описание у Ван Вейка (The Old Church Slavonic Translation... P. 41. N 32; анализ: P. 47—54) и А. И. Яцимирского (Описание южнославянских и русских рукописей зарубежных библиотек. I // СОРЯС. Пр., 1921. Т. 98. С. 184—187, за номером 139). Наш текст опубликован В. Федером (Welche Paterika... P. 30—31).

²⁵ Первое описание в книжечке о. Мартынова: Les manuscrits slaves de la Bibliothèque impériale de Paris, par le p. Martynof, de la Compagnie de Jésus. Paris, 1858. P. 45—70 (главное внимание уделено житию сербского святого князя Симеона, занимающему последние сорок листов: л. 201—244). № 33 в списке Ван Вейка (The Old Church Slavonic Translation... P. 41), анализ содержания патерика там же, с. 47—54. Рукопись просмотрена де-визу, варианты приводятся впервые.

Я так и не использовал текста, опубликованного Абрамовичем, главным образом потому, что я не располагал микрофильмом. Это рукопись № 93 Музея Киевской духовной академии, хранящаяся ныне в Гос. публичной библиотеке Академии наук Украины в Киеве в собр. Киевской духовной академии под № 580 (Муз. № 93) — ДА (см.: Петров Н. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Киев, 1877. Вып. 2. С. 567) (—Д): она имеет номер 17 в списке Ван Вейка (The Old Slavonic Translation... P. 39) и включает в себя Скитский патерик и его патристические «приложения». Текст интересен тем, что, если он обычно совпадает с текстом *MP* (например, § 1, сн. б, е—ж; § 2, сн. а, д; § 3, сн. а; особенно § 4, сн. г: схожее прибавление по сравнению с *И*: «измлада и съхрани»), то в нескольких немаловажных местах он имеет то же чтение, что *И* (например, § 2, сн. б: пойдуть; § 3, сн. 3: съ(в)рьшимъ *И*, съвръшающе *MP*, сътворимъ *Д*; сн. с—т: Бо соуъ *И*, бждъть *MPД*).

В. Р. Федер приводит еще и другую рукопись (№ 1048 Национальной библиотеки в Софии), в которой он нашел Моисеев отрывок с точно теми же начальными словами. Я мог убедиться, что собрание «слов» софийской рукописи ничего общего не имеет с тем собранием отрывков, которое мы находим в греческой рукописи *Син*.

²⁶ Можно было бы увеличить число исправленных мест. Так, например, в первом абзаце мы читаем: еще поимоутъ *И*, еще оубо имоутъ *MP* (и *Д*); εἰ ἄρα ἔχοισι греч.: следует, вероятно, прочесть еще оу(б)о имоутъ и в *И*. Или еще в том же абзаце (сн. н) чтение «да» *И* почти наверняка должно исправить на «та», как в *MP* (и *Д*).

2. Quod opera bona uicerint, tunc eius praeconium canunt angeli, donec cum laetitia Deo occurrat. Quo quidem tempore omnium laborum quos in mundo pertulit obliuiscitur.

3. In hoc ergo exiguo uitae curriculo alacriter laboremus, et opera nostra ab omni malitia pura atque integra custodiamus, ut e manibus inimicorum nostrorum qui abmodum improbi sunt, liberemur.

4. Beatus ille, in quo nihil eorum inest, quoniam gaudium eius et laetitia et quies et corona est immortalis.

(*Patrologia Graeca, XL, 1146 C—D*)

Б. АФАНАСЬЕВЫ ОТВЕТЫ

Вторая группа нововыявленных источников принадлежит к отделу так называемых «вопросо-ответов» (далее: В/О), объединенных в Изборнике под общим заглавием «Афанасьевы ответы» (л. 114 об.—133 об., 188—227 об.). Вопросу о славянских редакциях этого знаменитого патристического текста (и литературного жанра) было посвящено сто лет тому назад обширное исследование А. С. Архангельского.²⁷ Автор сосчитал всего 34 В/О,²⁸ которые он разбил на три группы: Афанасьевы В/О, Анастасьевы В/О, и группа до сих пор неизвестных в греческой литературе В/О, а именно: с одной стороны, В/О 20—22; 26—33 — с другой. Некоторые из них оказываются также в сборниках типа «Измарагд», или в Қормчей книге (рукописной и печатной), или и в том и в другой.²⁹

Академическое издание приводит греческие параллели для 21 В/О из 33-х, а именно для В/О 1—19, 23—24.³⁰ Совсем без источников остались В/О 20—22 и 25—33. Настоящая публикация дает источники к В/О 25—31, образующим маленькую, четко характеризованную подгруппу, которая фактически заканчивает весь отдел.³¹

Греческий текст первого и последнего В/О нашей группы (25 и 31) был найден благодаря известному «Ключу к греческим отцам»³² в отделе, посвященном «Вопросам и ответам» Анастасия Синаита; вслед за главной статьей автор приводит библиографические сведения на нескольких «странствующих» (uagantes) вопросах и ответах. Греческий текст В/О 25 (гораздо более пространный, чем в Изборнике) был опубликован Г. Гофманном в «Материалах XXX Международного Евхаристического съезда 1952 г.»³³ Источник же вопроса 31 давно известен, но, кажется, не был замечен: его напечатал еще в 1903 г. в «Византийском временнике» канонист Н. С. Су-

²⁷ Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1889. I—II. С. 9—88; специальное исследование Изборника 1076 г. — С. 37—77.

²⁸ Их только 33 в Ак. изд., которое не учитывает утраченного В/О вследствие потери одного листа после л. 133 об.; в этой статье я буду придерживаться нумерации Ак. изд.

²⁹ Архангельский А. С. С. 38, где годом печатания указывается 1834, на странице же 76—1836.

³⁰ По вопросу-ответам 2, 5, 6, 24 остался пробел в греческом источнике; пробел в В/О (л. 205 об., строки 4—12) легко восполняется: это переделанная цитата из Евангелия (Матф. 25, 34—36).

³¹ Оба последних вопроса очень кратки и своей частичной ветхозаветной тематикой резко отличаются от всего предыдущего.

³² См. выше, примеч. 5. Статьи об Анастасии Синаите, № 7745 (с. 454—455) и Исаии Газском (Скитском), № 5555 (с. 79—82).

³³ Hofmann G. Textus byzantini de ss. Eucharistia // XXXV Congreso Eucaristico Internacional, 1952. La Eucaristía y la Paz. Sesiones de Estudio, II. Barcelona, 1953. P. 704—712 (текст находится на с. 706—709 и снабжен латинским переводом).

воров,³⁴ известный своими исследованиями о покаянной дисциплине. Можно было довольствоваться отсылкой к этим публикациям, но меня побудили к продолжению поисков следующие соображения:

— публикацию Г. Гофманна очень трудно достать, так что имело смысл воспроизвести ее;

— проверив в рукописях (о них см. далее) напечатанные тексты, я обнаружил, что греческий текст В/О 25, кроме нескольких ошибочных прочтений, имеет еще немало расхождений с текстом Изборника, а в тексте «Византийского временника» отпали две-три строки.

После довольно долгих странствий по описаниям и рукописям мне повезло найти не только более точные параллели к В/О 25, но и источники к почти всем оставшимся без них вопросам-ответам «афанасьево-анастасьева» отдела Изборника 1076 г.³⁵

Греческие рукописи

Для настоящей публикации были привлечены следующие греческие рукописи (они расположены по алфавиту принятого сокращения):

А — Vaticanus graecus 1600, XII в., пергаменная, 239 × 185 мм, 1 + 178 л., написана во всю страницу, 29 строк.³⁶ На л. 159, 7—161, 23 текст (изолированный) В/О 25; этой рукописью пользовался Г. Гофманн;

В — Vindobonensis Theologicus graecus 167; XIII в.; бумажная, 236/238 × 162/172 мм, написана во всю страницу, 30 строк (для данных текстов).³⁷ Содержание богословское смешанное; на л. 144 об.—170 об. (в особенности 145—149 об.) группа В/О, среди которых следующие:

а) 145, 2—145 об., 11: В/О 25;

б) 145 об.—146 об.: Πᾶς ὁρεῖλομεν ἀσκανδαλίους...; / Τὸ κρῖνειν καὶ μὴ κρῖνειν... (не издано);

в) 146 об.—147: Λέγουσι τινες δι.../Ὁὐκ ὀρθῶς φρονοῦσι... (см. печатную Кормчую, изд. 1834, гл. 68, В/О 3, публикуется в конце настоящей статьи);

г) 147,10—17: В/О 29 (частично);

д) 147,18—28: В/О 28;

е) 147, 28—147 об., 9: В/О 27;

ж) 147 об., 10—148,2: В/О 30;

з) 148,2—149,25: Πᾶς νοήσομεν τὸν λόγον τοῦ Κυρίου τὸν λέγοντα...;/Ὁ Κύριος ἐν τοῖς ῥήμασι τοῦτοιοι... (не издано, это не В/О 7 главы 68 печатной Кормчей);

и) 149,26—149 об., 23: В/О 31.

О — Vaticanus Ottoboni graecus 436; 1435 г.; бумажная, 290 × 205 мм, 308 л., написана во всю страницу, 25 строк.³⁸ Богословская и нравственная

³⁴ Издатель Clavis'a автором этой публикации называет А. Пападопулос-Керамевса; на самом деле это Н. С. Суворов (К истории нравственного учения в восточной Церкви // ВВ. 1903, т. 10. С. 31—62; греч. текст — с. 61—62).

³⁵ Только частичную греческую параллель получил В/О 29.

³⁶ Подробнейшее описание см. в книге: Gianelli C. Codices vaticani graeci. Codices 1485—1683. P. 242—246. Содержание: сочинения св. Иоанна Лествичника; за ним (л. 146—177) следует «аскетическое разное».

³⁷ Подробнейшее описание: Hunger H., Kresten O. Katalog der griechischen Handschriften der Oesterreichischen Nationalbibliothek, Bd 3/2. Codices Theologici graeci 101—200. S. 268—275 (особенно 270—271).

³⁸ Описание: Feron E., Battaglini F. Codices manuscripti Ottoboniani graeci Bibliothecae Vaticanae. Roma (Ватикан), 1893. P. 241—242.

антология; на л. 146 об.—150 об., после заглавия *Τοῦ Ἀναστασίου Σιναΐτου* (Анастасия Синаита), идет группа В/О, очень близкая по составу к рассматриваемой группе в Изборнике;

а) 146 об., 2—147 об., 3: В/О 31;

б) 147 об., 3—149, 19: В/О 25;

в) 149—149 об.: *Ὅποια ἐστὶν ἡ ταπεινωφοροδύνη...;/Τινὲς μὲν λέγουσι τὸ ἔχειν...* (см. печатную Кормчую, гл. 68, В/О 5, публикуется в конце настоящей статьи);

г) 149 об., 16—150,8: В/О 27;

д) 150, 8—24: В/О 27;

е) 150,25—150 об., 24: В/О 30.

Т — *Vindobonensis Theologicus graecus* 333; XI в.; пергаменная, 135 × 105/108 мм, IV—153 л., написана во всю страницу, 23 строки (для рассматриваемого отдела³⁹). Содержание богословско-каноническое с довольно длинной (21 В/О) конечной группой почти всех (кроме одного) до сих пор неизданных В/О (л. 138—148). Этой рукописью пользовался Н. С. Суворов.

Для каждого вопроса-ответа основным, естественно, взят текст, наиболее близкий к тексту Изборника 1076 г.

Принципы издания остаются прежние.

Прилагаю сравнительную таблицу изданных здесь В/О Изборника и тех же В/О в главе 68 печатной Кормчей:⁴⁰

номер В/О в Изборнике	номер В/О в Кормчей	номер В/О в Изборнике	номер В/О в Кормчей
25	1	29	5
26	6	30	12
27	9	31	13
28	8		

В. О ДВУХ ВОПРОСО-ОТВЕТАХ КОРМЧЕЙ КНИГИ

Как уже было сказано в этой статье, глава 68 печатной Кормчей книги⁴¹ содержит собрание 14 В/О, из которых ровно половина уже находилась в Изборнике 1076 г. (см. предыдущую таблицу). Эта глава не принадлежит к первоначальной Кормчей⁴² и была к ней прибавлена в XVI в. митрополитом Даниилом, взявшим (или составившим) ее из

³⁹ Описание (без некоторых сведений): Nessel D., de. *Catalogus (...) omnium Codicum manuscriptorum graecorum (...) Bibliothecae Caesariae Vindobonensis, I. Theologici graeci*. Wien; Nürnberg, 1690. P. 444—446. Дополнительные кодикологические сведения в кн.: *Codices Chrysostomici graeci. IV. Codices Austriae, descripsit W. Lückner*. Paris, CNRS, 1981.

⁴⁰ Глава 68 печатной Кормчей содержит 14 В/О под общим заглавием «Святого Анастасия Синайского вопросы о различных винах»; список — у А. С. Архангельского (Творения отцов церкви... I—II. С. 76—77).

⁴¹ Напомним, что в печатной Кормчей книге 1653 г. было одной главой больше: глава 47, которая содержала неистовый антилатинский трактат, была устранена из всех изданий Кормчей начиная с 1787 г. и нумерация глав была соответственно изменена; см.: Žužek Ivan P. S. J. *Kormčaja kniga: Studies on the Chief Code of Russian Canon Law*. Roma, 1964 (*Orientalia Christiana Analecta* 168).

⁴² О первоначальном содержании Кормчей см. исследование Я. И. Шапова (Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978).

одной рукописной Кормчей.⁴³ Греческие источники двух В/О этой главы, как уже указано, нашлись в использованных мной рукописях, и мне показалось естественным присовокупить их в заключение настоящей публикации. Принципы издания греческого текста остаются те же, текст же Кормчей я просто перепечатал по правилам современной орфографии и пунктуации.

Тексты

Текст Моисея Скитянина	Осн. текст	Разночтения	Слав. (кроме И)
	<i>В</i> 276—в	<i>К, П, С, Син</i>	<i>М, Р, Д</i>
Греч. рук.: <i>В</i>	Ватикан, греч. 1524		
<i>К</i>	Париж, Нац. библ. Куален 283		
<i>П</i>	Париж, Нац. библ. Куален 123		
<i>С</i>	Иерусалим, Патр. библ. Sabbaiticus 633		
<i>Син</i>	Синайская греч. 461		
Слав. рук.: <i>М</i>	Вена, Нац. библ., слав. 152		
<i>Р</i>	Париж, Нац. библ., слав. 10		
<i>Д</i>	Муз. Київскої ДА 93.* (Киев, 580—ДА)		
Вопросо-ответ в Изб.	Основной текст	Разночтения	Слав. (кроме И)
XXV	О 147 об.—149	<i>А, В, Л</i> ⁴⁴	<i>К</i>
XXVI	О 149 об.—150		<i>К</i>
XXVII	О 150	<i>В</i>	<i>К</i>
XXVIII	Т 141—141 об.	<i>В</i>	<i>К</i>
XXIX	<i>В</i> (147)		<i>К</i>
XXX	О 150—150 об.	<i>В</i>	<i>К</i>
XXXI	Т 138—139	<i>В, О</i>	<i>К</i>
Греч. рук.: <i>А</i>	Ватикан, греч. 1600		
<i>В</i>	Вена, Нац. библ., Theol. gr. 167		
<i>Л</i>	Афон, Лавра, К 96		
<i>О</i>	Ватикан, Ottoboniani греч. 436		
<i>Т</i>	Вена, Нац. библ., Theol. gr. 333		
Слав. текст:	<i>К</i> Кормчая книга; <i>С</i> совпадающие в <i>И</i> и <i>К</i> варианты		

* Цит. по статье: Абрамович Д. И. Изборник Святослава 1076 року і патерики. Т. 3. С. 12.

⁴³ О деятельности митрополита Даниила в этой области см.: Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, особенно с. 747—750 и с. 747, примеч. 3. См. также: Žužek Ivan P. S. J. Kogničaja knjiga. P. 29 и 99.

⁴⁴ *А* имеет текст значительно более пространный, чем *О* или *В*; варианты приводятся только выборочно. Рукопись *Л* — поздняя (XVII в.), учитываются только некоторые интересные разночтения.

Текст Моисея Скитянина

1. Ἐάν¹ γὰρ² ἡ³ ψυχὴ ἐξέλη⁴
ἀπὸ⁵ τοῦ σώματος⁶ συν-
οδεύουσιν⁷ αὐτῆ⁸ ἄγγελοι· τότε⁹
οὖν¹⁰ συνανήθουσιν¹¹ αὐτῆ¹²
παῖσαι¹³ αἱ δυνάμεις τοῦ
σκοτούς, θέλουσαι¹⁴ αὐτήν¹⁵
καλῶσαι,¹⁶ ἐκζητοῦσαι¹⁷ εἰ ἄρα
ἔχουσι¹⁸ τι τῶν ἑαυτῶν¹⁹ ἐν
αὐτῆ. Τότε οὐχ οἱ ἄγγελοι ἀντι-
πολεμοῦσι²⁰ πρὸς αὐτούς,²¹ ἀλλ'
αἱ²² πράξεις ἄς ἐποίη-
σεν²³ αὐταί²⁴ περιτειχίζουσιν²⁵
αὐτήν ἀπ' αὐτῶν, ἵνα μὴ
ἄφωνται αὐτῆς.

2. Ὅταν¹ δὲ νικήσουσι² τὰ ἔργα
αὐτῆς, τότε ἄδουσι πρὸς³ αὐτῆς⁴
οἱ ἄγγελοι, ἕως οὗ ἀπαντήσῃ τῷ
θεῷ ἐν εὐφροσύνῃ. Τότε λοιπὸν⁵
ἐν τῇ ὥρᾳ ἐκείνῃ ἐπιλησθήσεται⁶
παντὸς⁷ τοῦ καμάτου αὐτῆς καὶ⁸
παντὸς τοῦ ἔργου τοῦ κόσμου⁹
τούτου.¹¹

1. Ὅταν ΠИ. 2. Нет И. 3-4. ἐξέλη ἡ ψυχὴ
КП. 5. ἐκ КП. 6. κόσμου С. 7-8. πορεύονται μετ'
αὐτῆς П. 8. αὐτήν Син. 9-10. καὶ τότε СП; τότε
К. 11-12. ἐξέρχονται εἰς συνάντησιν αὐτῆς П.
11-πῶσιν С. 13. Нет Син. И. 14. θέλοντες КИ.
15-16. καλῶσαι αὐτήν С; κολάσαι αὐτήν К.
16. κατασχεῖν П. 17- τούντες КИ; ἐξερευνοῦντες
П. 18. ἔχει С. 19. Проп. К; αὐτοῖς φίλων Син.
20-21. πολεμοῦσιν αὐτοῖς П. 20. В Син. текст
испорчен: следует ἄλλα τὰ ἔργα αὐτῆς, потом
пропуск да сноски 3-4 главки второй. 21. αὐτῆς
С. 22-23. ἀλλὰ τὰ ἔργα ἃ ἔπραξε СП. 24. Нет
СП. 25. περιτειχίζει καὶ φυλάττει П.
2. 1. εἰ Π. 2. -σαι КС. 3-4. πρὸς αὐτήν К
Син. П. 5. Проп. П. 6. ἐπιλανθάνεται П. 7-8. Проп.
П. 9. Проп. СКП. 10. βίου (?) И. 11. Доб. καὶ
παντὸς κόπου αὐτῆς П.

1. Моисей Скитянина

1. Югда^{aa} душа иждется от тела,
идущая с ней и^a ангелы, срабатывая
же и и^b силы тьмы, хотаяще^b
взыбраннати ии^г, ищяи^д, аще оу^c
понижуетъ что въ ней отъ конхъ
дѣла злыихъ^к. То³ тогда не^н
ангелы боруютъ съ съ ними, не
доурага^к дѣла^л, также сътвори
душа^м, да^н // оговоржати и отъ
нихъ, да не конуютъ съ ии.

л. 245

2. Югда же оубо по(в)ѣдати^a
дѣла неа, тогда по(н)та^б прѣдъ^b
ней ангелъ, доуде же оузари^г еа
съ взыбраннати. То^д тогда къ тѣ
часъ забовдети душа вьлакъ твоякъ
кон и вьлако дѣло житиѣа иго.

1. ^{aa}Доб. во М; доб. же Р. ^aНет в греч. и МР. ^bНет в греч. ^вψиε М, -ψиε и (-ψиε ии ?) Р; чтение И, возможно, передает соотв. вариант греч. текста (см. сн. 14). ^гПроп. МР. ^дψиε и МР, см. также сн. 17 греч. аппарата. ^{e-ж}Приблизительный соответ. греч. текст: ἄρα ἔχουσι ἡ ἐν αὐτῆ τῶν ἑαυτῶν ἔργων κατῶν; ὄβοι ии^а в ней что (что в ней Р) отъ ивого ии (ии проп. Р) МР.³ Проп. МР. ^кПроп. М, после иа Р. ^{к-л}доурага дѣнна М (доура дѣнна испр. Федер); м. б. правильно в Р: доурага дѣнна. ^мта М (но это слово не заменяет душа, как думает Федер; это им. п. мн. ч. ср. рода, который относится к слову дѣнна, на что указывают гр. текст [αὐταί] и палеогр. данные М: перед та — точка), проп. Р. ^нНет в греч. и МР.

2. ^aИспр. по гр. тексту и МР; повѣдати И. ^бто же; пондуютъ И. ^в—ангел прѣдъ неж М. ^дПроп. МР.

27b

3. Τοίνυν¹ καὶ ἡμεῖς, ἀγαπητέ,² ποιήσωμεν³ τὴν ἑαυτῶν⁴ δύναμιν,⁵ ἐργαζόμενοι καλῶς ἐν τῷ μικρῷ⁶ // βίῳ⁷ τούτῳ καὶ⁸ πονηρῷ, τελειοῦντες⁹ τὸ ἔργον ἡμῶν¹⁰ δίχα¹¹ πάσης πονηρᾶς ἐργασίας·¹² ἴσως¹³ δυναθῶμεν σωθῆναι ἀπὸ¹⁴ τῶν χειρῶν τῶν πονηρῶν¹⁵ τῶν ἐρχομένων πρὸ¹⁶ ἡμῶν· κατασχίσουσι¹⁷ γὰρ ἡμᾶς¹⁸ ἐν παντὶ πράγματι καὶ ἐξερευνήσουσι τὸ¹⁹ πᾶν ἔργον ἡμῶν·²⁰ πονηροὶ γὰρ εἰσι καὶ ἀνελεήμονες.²¹

4. Μακάριος οὖν¹ ἐστίν² ὅστις³ οὐχ εὐρεθήσεται ἐν⁴ αὐτῷ τι τῶν αὐτῶν,⁵ διότι⁶ ἢ⁷ χαρὰ αὐτοῦ καὶ ἡ εὐφροσύνη καὶ ἡ ἀνάπαυσις καὶ ὁ στέφανος ἀπαράλλακτός⁸ ἐστι.⁹

3. Да^a и мы оубо^b братие^c сътворимъ силѣ^d свои^e дѣлающе и правде^f въ житіи^g // семя малѣе^h и въ бѣдѣⁱ въ (в)ъшиши^j дѣла^k наше^l; отъ вѣлаго дѣлашии зѣла оубѣдимъ^m еъ,ⁿ неслии како възможемъ ибѣти еъ отъ зѣлиихъ и^o отъ^p гвалюциихъ на ны; оубѣдимъ^q бо ны еъла^r кѣши и възимѣтъ вѣлаго дѣла нашего : зѣла бо^s оубѣ^t и немилостивѣ^y.

л. 24б

4. Блаженъ оубо кѣта^a неже^b оубѣте еъ не имамъ нирѣго же // отъ ни^cхъ, не^d вѣтиньимъ поканиемъ оубѣтѣ^e себе,^f зане радостъ немѣу и вѣ(на)цѣ^g и покон бѣ конѣа оубѣта^h.

3. 1-2 Проп. П. 2 ἀδελφοί СИ; ἀγαπητοί К. 3 Доб. οὖν П. 4-5 δύναμιν ἡμῶν П. 6 βράχει П. 7 καιρῷ П. 8-12 αὐτὸν τὸ ἔργον ἡμῶν ἀπὸ παντὸς κακοῦ П. 9 φυλάττοντες С. 11-12 τοῦτο ἀπὸ πάσης πονηρίας К. 13 καὶ ἴσως С; ἴνα П. 14 ἐκ П. 15-16 ἀρχόντων τῶν προσόντων П. 17 κατασχίσουσι С; καθέξουσι Син. 18 ἡμῶν С. 19 Проп. С. 20 Проп. П. 21 ἀνηλεεῖς С.

4. 1-2 Проп. С; οὐ[ν] ἐστίν Син. 3 ᾧ Син; ἐν ᾧ П. 4-5 ἐν αὐτῷ (далее начало: ἐ) ἐξ αὐτῶν Син. 5 ἐξ αὐτῶν С. 6 οὗ П. 7-9 καὶ ἡ ἀνάπαυσις проп. К; ἡ εὐφр. αὐτοῦ καὶ ἡ ἀνάп. ἀίδιος ἐσται С; ἡ χαρὰ αὐτοῦ καὶ ὁ ст. καὶ ἡ ἀναп. ἀπαρ. ἐσται И. 8 ὑπὲρ μέτρον П.

3. ^aПеренесено после братие МР. ^{b-v}инаж вож (с в над строкой: вѣаѣ) М; тут, возможно, точный перевод греч. вин. п., но скорее сжатое окончание тв. п. ед. ч. ж. рода, явление нередкое. ^dоубѣ МР (как в греч.). ^{e-h}Переставлено МР (как в греч.). ⁱНет в греч. ^jИспр. по смыслу: съзвѣчимъ И; съзвѣжамъ МР (как в греч.). ^{k-l}дѣла наша МР. ^{m-n}Нет в греч. ^{o-p}иже МР (в точном соответствии с греч. текстом). ^qИли очень свободный перевод или испорченное место. ^rвъ вѣѣком МР; по-видимому, так тоже и было первоначально в И: (вѣ) вѣа(кон). ^{s-t}еждѣтъ МР (испорчено). ^uПоследняя фраза — точный перевод греч. текста, но вместе с тем содержит очевидный намек на одно место кн. прор. Иеремии (50, 42; нумерация глав, редакция Вульгаты и евр. подлинника): crudeles sunt et immisericordes; грозни суть и немилостиви Остр. Библия, они жестоки... Син. русская; в Септ. иначе: ἰταμός ἐστίν καὶ οὐ μὴ ἐλεήθ.

4. ^aДоб. не (так) М, потом выскреблено Р. ^{b-g}Нет в греч.; примерно: ἀλλ' ἀληθεῖα μετανοία ἐκαθάρισεν (καθαρίσει М) ἑαυτῶν. ^hоубѣтѣ М, — тима Р. ⁱДоб. нзъ мала и еълаидѣтъ МР: ἐκ βρέφους [νέου] καὶ τηρήσει [φυλάσει]. ^jИсправлено по греч. тексту, МР и указателю Акад. издания И; вѣѣ И.

ΒΟΠΡΟС XXV

1. Ἐρώτησις. Εἰ¹ ἄρα καλὸν τὸ κοινωνεῖν² καθ' ἡμέραν³ τῶν ἁγίων καὶ⁴ ζωοποιῶν⁵ μυστηρίων;

2. Ἀπόκρισις. Ὅτι μὲν πᾶσα θυσία τῷ θεῷ προσφερομένη εἰς ἄφεισιν ἁμαρτιῶν ὑπὸ θεοῦ τοῖς ἀνθρώποις ἐνομοθετήθη, πρόδηλον τοῦτο, καὶ μάλιστα ἡ ἀναίμακτος θεῷ¹ θυσία. Ὅτι δὲ πολλῆς ἡμῖν² νήψεως καὶ διακρίσεως δεῖ³ ἐπὶ τῇ μεταλήψει τῶν ἁγίων μυστηρίων, ὁ μακάριος ἡμῖν Παῦλος παρακαλεῖ λέγων ὅτι· Ὁ⁴ ἀναξίως ἐσθίων καὶ πίνων τὸ⁵ αἷμα τοῦ Κυρίου εἰς κρίμα ἑαυτῷ ἐσθίει καὶ πίνει.⁶

3. Εἰσὶ γάρ τινες καὶ διὰ χρόνου μεταλαμβάνουσιν ἐκδιδόντες ἑαυτοὺς τῇ ἁμαρτίᾳ, οἷους καὶ τοὺς Ἀρμενίους εἶναι γινώσκομεν. Ἄλλοι δὲ πάλιν συνεχενότερος μεταλαμβάνοντες παραφυλάττουσιν ἑαυτοὺς πολλάκις ἀπὸ πολλῶν καπῶν φοβούμενοι τὸ κρίμα τῆς μεταλήψεως.

4. Καὶ ὅτι μὲν ὀλίγοι οἱ ἀξίως τῶν ἁγίων μυστηρίων μεταλαμβάνοντες, πρόδηλον. Ὅμως ἔστιν ἁμαρτία πρὸς θάνατον,¹ καὶ ἔστιν ἁμαρτία πρὸς μετάνοιαν, καὶ ἔστι τραῦμα πρὸς ἔμπλαστον, καὶ ἔστι² ἄλλο ἀνίατον.

1. βλαφεί. Ὁ^α причащтении т'ѣла х'ѣ^б: аште догтонгт'ѣ^в кысг да причащтгати с'а ст'ѣи х'ч н живот-вораштгнхч т'анна х'ч?

2. (Г)ТГѢТЧ. Иако о'во кысака жыт'ѣа е'у причащтениа к'з о'т'ѣпу // штгение гр'ѣхоч о'т'ѣ е'а ч'ѣк'мч оузаконена быт'ѣ, гак'ѣ то к'ѣт'ѣ, паче же к'ѣк'ѣр'м'н'ага е'у жыт'ѣа. А понеже многа намаз т'р'ѣб'ѣ н т'р'ѣзв'ение н расуждение о причащтении ст'ѣи х'ч т'аннхч, бл'ж'н'иш Паула оу'ч'ѣт'ѣ^а н х'и г'л'а: іако недогтонг'ѣ г'адын т'ѣло г'ѣи н пиан к'р'ѣа к'з оу'д'а к'ѣб'ѣ г'аг'ѣ н пиет'ѣ.

3. Соут'ѣ же^а н'ѣци н^б іако^в к'ѣн л. 207 об. // ном'ѣ л'ѣт'ѣ^н причащт'ѣ о'т'ѣ да-шт'ѣ к'ѣе гр'ѣхоч, гак'ѣ (н) 'армени'к' оу'ч'ѣт'ѣ е'ѣм'ч. Ии же пакы ч'л'ст'ѣк' причащт'ѣ х'ранит'ѣ с'а м'шогаш'ады о'т'ѣ м'шог'ѣ з'л'л'ч, кошаг'ѣ с'а оу'д'а, жеке причащт'ѣ.

4. И^а іако же мало н'ч жеке догтонг'ѣ ст'ѣи х'ч т'аннхч причащт'ѣ, гак'ѣ к'ѣт'ѣ. Н'ч к'ѣт'ѣ гр'ѣ х'ч жеке к'з с'амаг'н'и н к'ѣт'ѣ гр'ѣ х'ч к'з пок'а-танн'ѣж, // н к'ѣт'ѣ ст'р'ѣп'ѣ к'з^б вра-ч'ѣвание, н к'ѣт'ѣ ннч неч'ѣб'л'н'иш^в.

1. ¹τί Α. 2-3 συνεχῶς κοινωνεῖν ΑС. 4-5 Проп. Α.

2. ¹Χριστοῦ ΑΒ. ²Доб. δεῖ καὶ ΑС, καὶ Β. ³Проп. ΑΒС. ⁴⁻⁶Αп. Павла I Посл. к Коринф. 11, 28. ⁵Доб. αἷμα καὶ ΑΒ. ⁶После этого слова следует в В большой пропуск до середины главки 9 (примеч. 7).

4. ¹Ср. I Посл. Иоанна. 5, 16. ²Доб. πάλιν Α.

1. ^{а-б}Нет в греч.; первый о причащении К. ^вдобро есть К.

2. ^акажетъ К.

3. ^або К. ^{б-в}иже и К. ^вНет в греч. ^ГВ греч.: «время от времени». ^н—томъ К. ^{с-ж}Испр. по греч. тексту; нармны И.

4. ^аК. ^биже ко К. ^в—нечь К.

5. Ἄλλως γὰρ βδελύττεται ὁ βασιλεὺς τὴν τοῦ κελεροῦ χεῖρα ἀπτομένην τοῦ σώματος ἢ τῶν ποδῶν τῶν βασιλικῶν, καὶ ἄλλως πάλιν¹ τὴν χεῖρα τὴν ὑπὸ λίχνης² τινὸς κεκρατημένην· καὶ ὡσπερ ἐπὶ τινος κάμψας³ μικράν (τινα)⁴ νοτίαν ἐχούσης ἐὰν βάλῃς ἄνθρακα πυρός, ἀναξηραίνει καὶ ἀναλίσκει τὴν νοτίαν καὶ καθ- αίρει, ἐὰν⁵ δὲ εἰς⁶ κάμψαν ἔχουσαν ὕδωρ βλυθῇ ὁ ἄνθραξ, σβέννυται, μηδὲν ὠφελουμένου ἐξ αὐτοῦ τοῦ σκεύους, 6. οὕτω καὶ ἐπὶ τῆς μεταλήψεως τῶν ἁγίων // μυστηρίων νοήσωμεν καὶ φρονήσωμεν, ὅτι, εἰ μὲν¹ μικρά τινα καὶ ἀνθρώπινα καὶ εὐσυχώρητα πταίομεν, ὅσον διὰ γλώσσης τινὸς¹ ἢ ἀκοῆς ἢ ὀφθαλμοῦ κλεπτόμενος^(ι)² ἢ κενοδοξίας ἢ λύπης ἢ θυμοῦ ἢ τινος τῶν τοιοῦτων, καταμεμφόμενοι ἑαυτοὺς καὶ ἐξομολογούμενοι τῷ θεῷ, οὕτω τῶν ἁγίων μυστηρίων³ μεταλαμβάνομεν πιστεύοντες, ὅτι εἰς κάθαρσιν γίνεται⁴ τῶν τοιοῦτων ἡμῶν⁵ ἁμαρτιῶν⁶ ἢ μετάληψις τῶν ἁγίων μυστηρίων⁷.

148

5. ¹Проп. А. ²λειχίνης А (и см. соответ. примеч. к слав. тексту). ³κάμψας А. ⁴Доб. из А (есть в С). ⁵То же в А (вопреки изданию). ⁶Нет в С.
6. ^{1,1}Проп. С. ²Испр. по А; -ου О. ³Нет А. ⁴Нет АС. ⁵Нет А. ⁶-τημάτων А. ⁷Доб. γίνεται АС.

5. Инако во гноушамета са цѣра трыдобатаго рѹкы прѣкаланштѣа тѣбѣ^а ли^б ногѹу цѣлѣкоу, инако же пакы рѹкы,^в отъ гладхѣтка^г нѣконего^д одражнмы,^е и тако же нѣ прѣконема ззданѣ *хѣсѹдѣ^з, малѹу нѣкакоу клагѹу нѣмѹшт(н),^и аште кѣложнши // л 208 об. ѹгѣл огнѣнѣ, нѣушамета и пожа- жѣтѣ клагѹу и очнштѣамета, аште ли же^к хѣсѹдѣ^л нѣмѹца кѹдоу,^м кѣкѣжѣтѣ са ѹгѣлѣ, ѹгѣсамета, нѣмыо же полѣзѹштѣж отъ него хѣсѹдоу. 6. тако н о прѣятѣн стѣнхѣ тѣннѣ разѹмѣнѣмѣ^а и раз- мѣнѣмѣмѣ, тако, аште малы нѣкѣша и (ч)л(ч)ѣкѣнѣ^б и ѹдока- прѣштнмы грѣхѣ // нѣмѣлѣ тако же ѣзѣкѣмѣ ли сѣѹхѣмѣ ли окѣмѣ кѣрд(о)м(н)^в ли тѣштѣлабнѣмѣ ли печѣлнѣ ли ѣротѣн ли жѣмѣ отъ такоѣхѣ, похѹлѣштѣ сеѣ и нѣповѣданштѣ са бѹѹ, такѹ стѣнхѣ тѣннѣ прѣкѣлѣмѣ, кѣрѹштѣ, тако вѣ очнштѣннѣ такоѣхѣ нашнхѣ грѣхѣ^г прѣятнѣ стѣнхѣ тѣннѣ кѣкѣмѣтѣ.

л 209

5. ^{а-б}В К ошибка (м. б., ошибочное исправление): тѣлси. ^{в,д,к}Проп. К. ¹Это сло- во, вероятно, передает греч. λίχη «жадность (особ. до еды)», но контекст требует на- звания какой-то кожной болезни (ὕψο λιχίνος, у Гофманца). ^{е-ма}К. ^{ж-з}Перест. К. ^иИспр. по греч. тексту. ^лОжидается вѣ хѣсѹдѣ. ^мДоб. и К.
6. ^амѣмѣ К. ^бИспр. по греч. тексту и К (где человѣчески). ^вТо же; крадѣмѣ И; воз- можно и исправление крад(о)мѣмѣ соответ. с вар. греч. рук. О. ^гИспр. по смыслу и К; грѣхѣ И.

7. Εἰ δὲ βαρέα τινὰ πορνικὰ καὶ σαρκικὰ καὶ ἀκάθαρτα πράττομεν καὶ μνησικακίας¹ τινὰς² πρὸς τὸν πλησίον ἔχομεν, τοῖς³ θεοῖς μυστηρίοις,⁴ ἕως ἄν μετανοήσωμεν, μὴ πλησιάσωμεν. Τοῦτο γὰρ ἡμᾶς⁵ καὶ ἡ νομικὴ γραφὴ διδάσκει.⁶ ἦνίκα ὁ Δαυὶδ τοὺς ἄρτους τῆς προθήσεως εἰς⁷ Βηθλεὲμ⁸ μετὰ τῶν συνόντων⁹ αὐτῷ παιδαρίων ἔφαγεν ὧν τὴν μετάληψιν οὐ μετέδωκεν αὐτοῖς Ἀβιάθαρ¹⁰ ὁ ἀρχιερεὺς ἄχρις ἄν ἠρώτησεν, εἰ καθαροὶ ἦσαν¹¹ ἀπὸ γυναικός.¹²

8. Ἐπειδὴ¹ δὲ² ἄνθρωποι σαρκικοὶ ὄντες καὶ ἀσθενεῖς, πολλοῖς ἐμφορόμεθα³ ἁμαρτήμασι μὴ τηροῦντες ἑαυτοὺς ἐκ τῆς κατὰ σάρκα ἁμαρτίας, δέδωκεν ἡμῖν ὁ θεὸς διαφόρους θυσίας εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν, ἅσιν αὖ ἐὰν προσφέρωμεν αὐτῷ προκαθαίρουσιν ἡμᾶς εἰς τὸ προσελθεῖν τοῖς ἁγίοις μυστηρίοις. Καὶ γὰρ ἡ ἐλεημοσύνη θυσία ἐστίν, καθαίρουσα^{3a} ἁμαρτίας.

л. 209 об. 7. // АШТЕ АН^а ТΑЖΚΑΥ^б ΗΓΚΑΥΑ Η ΛΟΥΚΑΚΑΥ^в Η^г ΠΛΑΤΥΚΑΡΑ Η ΝΕΨΙΤΑΓΑ ΔΕΒΙΜΑ Η ΖΕΛΟΥ^д ΠΟΜΑΝΓΕΝΗ ΚΑ ΕΛΕЖНОМ^е ИМАМЪ, ДОНДЕЖЕ НЕ ПОКАКМЪ СЪ; КЪ БЪЖАТЪМЫМЪ ТАННАМЪ НЕ ПРЕНКАЖАКМЪ СЪ. ВЕМОУ БО НЫ^ж ЗАКОННО ПНЕММЪ СΥΨΤΕ: ВЪНЕГДА ДΕΔЪ ХΛΕΒЪ^з ΠΡΕΔΑΚΟЖЕННА КЪ ВΗΔΑΚΩΜΕ^и ΕΞ ΣΥΨΤΗΝΗΜΗ ΕΞ^к ΠΗ//ΜΕ^л ΟΥΡΟΚΑΙ ΣΗΝΕΤΕ, ΗΥΣ ΖΕ ΠΝΑΤΗΝΑ НЕ ДΑΓΤΑ ΗΜΑ ΑΒΙΑΦΑΡΑ ΕΤΑΡΕΨΗΝΗΝΑ ΨΙΤΗΤΕΛΑΚΣ, ДОНДЕЖЕ ΒΟΡΩША ΗΥΣ, ΑШТЕ ΨΙΤΗ СΥΨΤΕ ΟΥΣ ΖЕНЪ.

л. 210

л. 210 об.

8. Да понеже челоуѣци ѡψште пастырни и немощныи, ех мнозѣхъ грѣхѣхъ ѡψште, не еаждемъ себе оуа пастынааго грѣха, дарока намъ ех разныи жрѣтѣи ех оузыпу//штенне грѣхоуа, таже аште прнноснмъ кмоу, проуѡшптанте насъ на прнходженне къ сѣынмъ таннамъ. Ибо мнлоостыни жрѣтѣа кѣта, оѡшптаншпги грѣхы (...)

7. ¹-τίαν И. ²Проп. С. ³⁻⁴После μετανοήσωμεν С. ⁵Нет А. ⁶Имеется в виду эпизод, рассказанный в I Кн. Царств (21, 4—6) и упомянутый в Евангелиях (Марк. 2, 25—27). ⁷⁻⁸εἰς τὸν ὄκνον τοῦ θεοῦ Марк. К. ⁹οὐν Α. ¹⁰-дар Гофманн, -θαρ Α; в I Кн. Царств первосвященником назван Ахимелех. ¹¹εἶσαν ΑС. ¹²Тут следует в А длинная цитата из 7-го вопроса-ответа Анастасия Синаита.

8. ¹⁻²Ἐπεὶ οὐν Α. ³-φυρ- Α. ^{3a}ἀποκαθ- Α.

7. ^аДоб. же К. ^{б-в}тяжка нѣкая и лукавна К (в ср. роде, как в греч.). ^гНет К. ^{д-е}злопомышля ко искренему К. ^жДоб. и К (как в греч.). ^зхлѣбъ К. ^идомоу божии К (= Марк. 2, 26); Вифлеем не назван ни в I Кн. Царств, ни в Евангелии от Марка. ^{к-л}Проп. К.

Ἐλεημοσύναι ⁴ γάρ, φησι, καὶ
πίστις ⁵ μὴ ⁶ ἐκλειπέτωσάν σοι·
αὐταὶ γὰρ ⁷ ἀποκαθαίρουσιν ⁸
ἁμαρτίας.⁹ Καὶ πάλιν ἑτέρα
γραφὴ λέγει ὅτι· Ἐλεημοσύνη
ἀνδρὸς συγχωρεῖ ἁμαρτίας
μεγάλας. Ἔστιν καὶ ¹⁰ ἑτέρα
θυσία σωτηρίας εἰς ἄφεσιν
ἁμαρτιῶν. Λέγει γὰρ καὶ ¹¹ ὁ
προφήτης ὅτι· Θυσία τῷ θεῷ
πνεῦμα συντετριμμένον, καρ-
δίαν συντετριμμένην καὶ τετα-
πεινωμένην ὁ θεὸς οὐκ ἐξου-
δεώσει. Ἐὰν οὖν ταύτας τὰς
θυσίας θεῷ ¹² //
148 v προσφέρωμεν,¹³ κὰν ἐλαττώ-
ματὰ τινα ἀνθρώπινα ἔχωμεν,
δυνησόμεθα τοῖς ¹⁴ ἁγίοις μετὰ
φόβου προσελθεῖν μυστηρίοις,¹⁵
ὡς καὶ ἡ αἰμοροοῦσα ¹⁶
προσηλθεν τῷ ¹⁷ Χριστῷ,
κλαίουσα καὶ τρέμουσα ¹⁸ διὰ
τὴν οἰκείαν τοῦ αἵματος ἀκαθ-
αρσίαν.

И ПАКИ ДРУГОМ ПИСАНИИ⁸ ГЛЕТЪ,
ИАКО МНОГОТЫНИ МУЖА
ПРАШТАМЕТЪ ГРѢХОМЪ МНОГОМЪ.
п. 211
КѢТЪ Н ДРУГАА ЖРАТВА ЕХ// ПАРИНА
ЕХ ОУТРАПΟΥШГЕННИ ГРѢХОМЪ; ГЛѢТЪ
ЕО ПРОРОКЪ, ИАКО: ЖРАТВА МЕТЪ ЕДѢ
ДѢХЪ СЪКРОУШЕНЪ, БРѢЦА СЪКРОУШЕНА
Н СЪМАТРАНА ЕХ НЕ ОУНИЧЖИТЪ. ДА
АШТЕ ОУЕО ИИ ЖРАТКИ ЕДѢ
ПРИНОСИМЪ, АШТЕ Н ГРѢХИ КЪЛА
ЧАБЧЫКЪЛА ИМАМЪ, ЕХЪЗМОЖЕМЪ ЕХ
СТРАХЪМЪ КЪ СТѢИМЪ ТАИНАМЪ
п. 211 об.
ПРИДЕ КЪ ХѢУ ПЛАЧУШГН Н
ТРЕПЕЧЖШГН СКОМЪ ДѢЛА КРЕВЪНЫА
НЕЧЕТОТЫ.

4-9 Притчи. 15, 27; проп. С. ⁴ -υαις Α.
⁵ πίστεων Α. ⁶⁻⁷ Нет Α. ⁸ -ρονται Α. ⁹ -τίαι Α.
¹⁰ δὲ Α. ¹¹ Нет ΑС. ¹²⁻¹³ προσφ.
τῷ θεῷ Α. ¹⁴⁻¹⁵ τ. ἀγ. μυστ. μετὰ φ. καὶ
τρόμον καὶ κατανύξεως καὶ ἐξομολογήσεως
προσελθεῖν Α; μετὰ φ. τ. ἀγ. μυστ. προσελθεῖν
С. ¹⁶ См. Ев. от Марка 5, 25-34. ¹⁷⁻¹⁸
Нет Α.

8. ⁸ О каком именно «другом писании»
идет речь, установить не удалось; на что-то
сходное по мысли — но далеко не по выра-
жению — указывает Г. Гофманн: Кн. пророка
Даниила 4,27 (Септ.) и I Посл. ап. Петра
(4, 8); см. также Кн. Иисуса Сирахова (3,
30).

9. Ἄλλην γὰρ συγγνώμην ἔχει ὁ μετὰ φόβου καὶ ἐξομολογήσεως προσερχόμενος, καὶ ἄλλην τιμωρίαν ὁ ἀφόβως καὶ μετὰ καταφρονήσεως, ὥσπερ ὁ Ἰούδας τότε¹ ἀμαρτωλὸς ὢν² μετὰ ἀναυδείας τοῦ μυστικῶν ἄρτου μετέλαβεν. Διὸ³ σὺν τῷ ψωμίῳ, φησὶν,⁴ εἰσῆλθεν εἰς αὐτὸν ὁ Σατανᾶς, διδάσκων⁵ ἡμᾶς,⁶ ὅτι⁷ τοῖς μετὰ καταφρονήσεως κοινωνοῦσι τῶν θείων⁸ μυστηρίων οὐ μόνον ἄφεσις⁹ (ἀμαρτιῶν)¹⁰ οὐ δίδεται,¹¹ ἀλλὰ καὶ ἐπὶ πλεῖον αὐτοῖς¹² ἐπιπεδᾷ ὁ διάβολος, χώραν λαμβάνων παρ' αὐτοῖς¹³ διὰ τῆς καταφρονήσεως αὐτῶν.

10. Οἱ δὲ μετὰ τοῦ¹ θείου φόβου τοῖς μυστηρίοις προσερχόμενοι οὐ μόνον ἀγιάζονται, ἀλλὰ καὶ τὸν διάβολον ἐξ αὐτῶν² δώκουσιν.

л. 212

9. Ино бо поминание^а имать може съ страхъма и исповѣданнѣма приходитъ, и ино мѡучение може бѣстраха и съ небрѣженнѣма, како же Иудѣ грѣшнѣши^б съ бѣтѡуднѣма таннааго хлѣба приѣтъ. Тѣма // же^в съ хлѣзма, же, вѣнде въ на вѡтона,^г ѡучашти нѣ ѡказани, како може ѣ небрѣженнѣма приѣштѡнтѣ ѣ ѡтѣнхѣ таннахѣ, не тѣкмо ѡтѣпоуштѣннѣ грѣхѡвѣ не дактѣ ѣ имѣ,^д нѣ и пакѣ наѣачѣтъ на нѣ днѣволѣ, мѣсто приѣмла ѡтѣ ѣнихѣ^ж небрѣженнѣ нхѣ дѣла^з.

л. 212 об.

10. Прихѡдѡштин же съ бѣн//нѣма страхъма къ стѣннѣ^а таннамаѣ не тѣкмо ѡѣмѡнтѣ ѣ, нѣ и днѣвола ѡтѣ нѣе прогонѡтъ.

9. ^{1, 2} Нет И. ³ Доб. καὶ АК. ⁴ Иоанн. 13, 27. ⁵⁻⁶ διδάσκοντος ἡμᾶς τοῦ ὑποδείγματος ΑΙΣ. ⁷ ὥστε В; отсюда возобновляется текст в ркп. В. ⁸ ἁγίων С. -σιν А (-σις Гофманн с ненужным испр.). ¹⁰ Доб. из АВЛ. ¹¹ δίδονται А (а не δίδεται Гофманн). ¹² А не αὐτοὺς Гофманн; проп. В. ¹³ παρανίκα ἐν В.

10. ¹ Нет АВ. ² ἐαυτῶν В.

9. ^а поминание К. ^б тогда грѣшень сы К; возможно, и в И первоначально было грѣшнѣ сы, а потом текст был неверно наведен — см. Ак. изд., примеч. 2. ^{в, г} Доб. и К. ^д Нет в греч. (не различение, а добавка ради большей стройности). ^{е-ж} Переводит скорее пар' αὐτῶν. ^з ради К.

10. ^а Нет в греч.

11. Καὶ γοῦν ἐπὶ τῆς ἡμετέρας γενεᾶς Δανιὴλ τις ἐξεταζόμενος, ¹φαρμακὸς τῆ τέχνη, ²Ἰουδαῖος ὑπάρχων, κατ' αὐτὴν ³ τὴν ³ ὥραν, ἐν ἣ ἔμελλε πυρίμαντος γίνεσθαι ⁴ ἀνέκραξε ⁵ λέγων Ὡ βία, ἰδοὺ ἄγγελος τοῦ⁶θεοῦ ἑβασανίζει με, ἵνα εἴπω, τοῖς χριστιανοῖς δ' ⁸ οὐκ ἤθελον εἰπεῖν. Μὰ τὴν ὥραν τῆς ἀνάγκης ταύτης, οὐδέποτε ἴσχυσαν τὰ φάρμακά μου εἰς ἄνθρωπον κοινανοῦντα καθ' ἡμέραν ὀλοψύχως ⁹.

12. Βεβαίωσω τὸν ¹λόγον ἐγὼ ² καὶ ³ ἐξ ἑτέρας ἀληθοῦς διηγήσεως. Καὶ γὰρ καὶ ⁴ ἕτερόν τινα⁵ ἔγνωμεν ⁶ Χριστοῦ θεράποντα, εἰς διάλεξιν προσωπικὴν δαιμόνων ἐλθόντα, καὶ πολλὰ μὲν ⁷ μυστήριά ⁸ τινα ⁹ αὐτοῦς ἐρωτήσαντα τὰ ¹⁰ εἰς ὠφέλειαν ἀνθρώπων ¹¹ συντείνοντα, ἐξ ὧν εἰσι καὶ ταῦτα τὰ ¹² δύο.

11. Ибо^а въ нашемъ родѣ^б Даниилъ нѣкто бѣ^в чародѣи иѣтѣзанимъ, иудеинъ ѡи, въ тѣ самѣ часы, въ нѣ же хотѣше оуныма сѣжжжжнѣ быти, вѣзѣши глагола: «О нѡуждѣ^г ѡ аѣтѣ бѣжнѣ^д мѡу^ечѣтѣ мѡ», да рекоу // хрѣтѣманомѣ, иго же нѣ хотѣше рѣшѣти. Тако ми часа бѣ^ддѣ^ж иѣа, ^к иинокѡи же вѣзѣмоушѣа чѣрѡе мо(н)^з на чѣкѣа, по вѣа днѣи комѣкажѣштѣа».

л. 213

12. Извѣштѣ же^а глѣ азѣ^б отѣ ииѡа иѣтѣнѣнѣи повѣрѣти. Ибо^в ииѡа нѣкоѡго оубѣдѣхомѣ чѣа оубодинѣка въ сѣтѣзаниѣ сѣ бѣ^гсѣи о^ччѣ^гбѣтѣ^г прѣша // дѣша и мѣногѣ^д оубо нѣкѣкѣхѣ тѣннѣ вѣпрѣшѣвѣшѣа нѣхѣ, иѣкѣ на полѣзѣю чѣкоѡмѣ кѣжчѣжѣтѣ ѣа, отѣ ннѣхѣ же иѣте нѣ иѣ дѣбѣ.

л. 213 об.

11. ¹⁻² φαρμακὸς ἐξεταζόμενος ABC. ³⁻³ κατὰ τὴν A; κατ' αὐτὴν τὴν B. ⁴ γενεᾶς AL. ⁵ He ἐν- Гофманн. ⁶⁻⁷ Προп. B. ⁸ ὧ A (исправл. у Гофманна на ὧν); чтение ὅ подтверждают OAC. ⁹ Нет C. 12. ¹⁻² δὲ ἐγὼ τὸν λόγον B; δὲ τὸ εἰρημένον (ὄημα L) ἐγὼ AL. ³ Προп. ЛИ. ⁴ Προп. АДИ. ⁵ Προп. B. ⁶ ἔγνωμεν A. ⁷ Προп. B. ⁸⁻⁹ Переставлено ЛС. Προп. АВ. ¹⁰ Προп. B. ¹¹ —των ABC. ¹² Приписано над строкой A.

11. ^а καὶ γάρ?; ибо и K. ^б Доб. нѣкогда K. ^в Нет в греч. ^г Доб. ми K. ^д Госпо- день K. ^{е-ж} сего K. ^з Испр. по смыслу и K; мон И. 12. ^{а-б} Переводит текст ркп. Л. ^в Доб. и K. ^г очевидно K. ^д много K. ^е Προп. K.

13. Ἠρώτησε γὰρ αὐτοὺς εἰ φοβοῦνται ¹ // τὴν προσευχὴν ² τοῦ Πάτερ ἡμῶν καὶ τοῦ ἐνενηκοστοῦ ψαλμοῦ καὶ τοῦ ³ Μεθ' ἡμῶν ὁ θεός, γινῶτε, ⁴ ἔθνη, καὶ ⁵ ἠττάσθε. ⁶ Ἀπεκρίθησαν δὲ αὐτῷ λέγοντες ὅτι· Οὐ βλέπουσιν ἡμᾶς αἱ τοιαῦται εὐχαί. ⁷

14. Θελήσαντος δὲ αὐτοῦ ἐρωτῆσαι αὐτοὺς ¹ τὴν ² ἀρχὴν ³ τοῦ ἐξηκοστοῦ ἐδόμου ψαλμοῦ ⁴ τὴν λέγουσαν· Ἀναστήτω ⁵ θεὸς καὶ ⁶ διασκορπισθήτωσαν οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ, ⁷ ὡς μόνον τὴν ἀρχὴν τοῦ στίχου ⁸ ἤρξατο, ἀνέκραξαν οἱ δαίμονες λέγοντες· Μὴ εἴπῃς τὸν λόγον τοῦτον, ἐπεὶ οὐκ ἀποκρινόμεθά σοι ἄλλο ῥῆμα, οὐδ' ^{8a} γὰρ ἔστι παρὰ ⁹ ἀνθρώποις ¹⁰ ἄλλη προσευχὴ καταλύουσα τὴν ¹¹ δύναμιν ἡμῶν ¹² ὡς ἡ προσευχὴ αὕτη.

13. ἘΡΩΤΗΣΑ ΕΟ ΗΡΩΤΗΣΕ, ΑΣΤΕ ΕΟΛΤΕ ΕΛ ΜΑΤΕΣΙ ΚΕΚΕ ΚΕΤΑ ΟΥΕ ΝΑΨΑ ΔΕΚΑΝΤΑΔΕΚΑΤΑΝΑΓΟ² ΠΑΛΑΪΜΑ Η ΕΞ ΝΑΜΗ ΕΞ, ΡΑΖΟΥΜΕΝΤΕ ΡΑΖΕΙΩΗ Η⁵ ΠΟΚΑΡΑΜΤΕ ΕΛ⁵. ΟΥΤΕΚΕΨΤΑΨΑ ΖΕ ΚΕΜΟΥ // ΓΛΩΨΤΕ, ΓΑΚΟ ΝΕ ΕΡΕΚΛΑΜΤΑ ΝΑΨΑ ΤΑΚΟΞΗΝΑ ΜΟΛΤΕΣΙ.

π. 214

14. ΕΞΗΚΟΤΕΚΕΣΗΚ ΖΕ ΚΕΜΟΥ ΕΞΕΡΑΨΑΤΗ³ ΝΑΧΑΛΟ ΞΞ ΑΓΟ ΠΑΛΑΪΜΑ ΓΛΩΨΤΑΓΟ: ΔΑ ΕΞΕΚΡΑΨΕΤΑ ΕΞ Η ΔΑ⁵ ΡΑΖΗΝΟΥΤΕ ΕΛ ΕΡΑΖΗ ΚΕΓΟ, ΓΑΚΟ ΤΕΚΕΜΟ ΝΑΧΑΛΟ ΜΟΒΑ ΝΑΧΑ, ΕΚΖΕΠΗΨΑ ΕΞΕΗ ΓΛΩΨΤΕ: «ΗΕ ΓΛΗ ΜΟΒΑ ΚΕΓΟ; ΑΣΤΕ⁹ ΑΗ ΤΟ,⁷ ΝΕ ΟΥΤΕΚΕΨΤΑΜΕΜΑ ΤΗ ΚΞ ΤΟΜΟΥ // ΓΛΑ¹⁰, ΗΕΡΤΕ ΕΟ⁸ ΟΥ⁸ ΧΛΚΣ³ ΗΝΑ ΜΟΛΤΕΚΑ ΡΑΖΔΡΟΥΨΑΛ(ΨΤΗ)¹¹ ΓΑΚΟ ΖΕ ΜΟΛΤ(Κ)Α¹² ΗΙ⁹.

π. 214 σβ.

13. ¹ φοβοῦντες AB. ² ἀρχὴν. ³ Этот стих поется на «Великом повечерии» (τὸ μέγα γὰρ ἀπόδειπνον). ⁴⁻⁶ Проп. В. ⁵⁻⁶ Проп. К. προσ — В.

14. ¹ τούτους В, нет И. ²⁻³ Проп. В. ⁴ τὴν ἀρχὴν В. ⁵⁻⁷ Пс. 67, 1. ⁶⁻⁷ Проп. В. ⁸ ψαλμοῦ А, λόγου С (?). ^{8a} οὔτε АВ. ⁹⁻¹⁰ Проп. К. ¹¹⁻¹² Проп. И.

13. ^a — таго К. ^{6-в} Проп. К.

14. ^a Доб. ихъ К. ^{в-г} Проп. К. ^{в-г} Вероятно, перевод другого текста; аще ли, то К. ^д глаголаша К (с точкой после ти): несомненно, ошибка (перетолкование непонятого КΞ ΤΟΜΟΥ ГААГОА: «больше ни слова»). ^е убо К. ^{ж-з} Проп. К. ^{и, к} Испр. по смыслу.

15. Εἶτα δὴ μετὰ¹ τοῦτο² ἠρώτησεν αὐτοὺς ὁ τοῦ Χριστοῦ³ ἄνθρωπος,⁴ ποῖα πράγματα φοβοῦνται⁵ ἐκ πάντων τῶν ὑπὸ τοῦ Χριστοῦ^{5a} τοῖς χριστιανοῖς παραδεδωμένων. Οἱ δὲ εἶπον αὐτῶ· Ὅπως ἔχετε τρία⁶ πράγματα μεγάλως ἐναντιούμενα ἡμῖν. Τὸ ἐν ἐξ αὐτῶν ἐσθίετε, τὸ δὲ ἕτερον ἐν τῷ τραχήλῳ ὑμῶν κρέμαται, εἰς⁷ δὲ⁸ τὸ ἕτερον λούεσθε. Ἐοήμαναν δὲ διὰ τούτων τῶν αἰνιγμάτων οἱ πονηροὶ τὴν ἁγίαν κοινωνίαν, τὸν⁹ τίμιον σταυρὸν καὶ τὸ ἅγιον βάπτισμα.

16. Εἶτα ἠρώτησεν αὐτοὺς ὁ τοῦ Χριστοῦ¹ ἄνθρωπος λέγων· Ποῖον δὲ² ἐκ τῶν τοιούτων³ τριῶν πραγμάτων⁴ πολλῶ⁵ πλεῖον φοβεῖσθε; Οἱ δὲ ἀπεκρίθησαν λέγοντες· Εἰ ἐφυλάττετε τὴν τιμὴν, οὐ⁶ ἐσθίετε, οὐκ ἠδυνάμεθα⁶ ὅλως προσεγγίσειν ἄνθρωπον⁷ χριστιανόν⁸.

15. Даже^a ἐπερῶσα нхч εἶκηч члорѣкч, котормнхч вештнч бонте ελ отч вѣѣхч, гакже отч хлѣ краѣтланома прѣданнч бѣтѣ. Онн же рѣша чмоу: «По нстннѣ нмаѣ· ѣ· вештнч, вѣлѣлнн протнчлѣннштѣ ελ намѣ: кдннѣ отч ннхч гастѣ, дрѣтѣуѣ же на шнн // [н]^b вѣшнн обѣшлѣмѣѣ, вѣ дрѣзѣн^b мѣкѣтѣ ελ». Знѣмѣнѣхѣу же нннн^г прѣтѣчлѣнн лѣукавнн стѣн прѣчлѣштѣннѣ, н чѣстѣчнн краѣтч, н стѣн хрѣштѣннѣ.

л. 215

16. Тѣтѣ^a же^b вѣпрῶша нхч εἶκηч члѣкч глѣ: «Кѣтѣрѣлѣго же отч трннч тѣѣхч колѣ бонте εл?» Онн же отчѣѣштѣлѣша глѣкч: «Аштѣ бѣнѣте хрѣнннн вѣ чѣ // стѣ, нго же гастѣ, не моглн бнхѣомѣ отнннѣудѣ прѣклѣжннштн ελ нн вѣѣдннштн^b хрѣстнѣннѣ^г».

л. 215 об.

15. ¹⁻² Проп. И. ³ θεοῦ АВ. ⁴ Доб. λέγων А. ⁵ φοβεῖσθε А. ^{5a, 6} Нет В. ⁷⁻⁸ καὶ εἰς АВ. ⁸ Нет С. ⁹ καὶ τὸν ВС.
16. ¹ Θεοῦ АВС. ² Нет А. ³ Нет АВС. ⁴ τούτων АВС. ⁵ πολὺ В. ⁶ ἠδυνό — А, ἐδυνά — В. ⁷⁻⁸ ἢ βλάψαι χριστιανόν ВС, ἢ βλ. χρ. ἄνθρωπον А.

15. ^aМ. б., первоначально стояло та же; также и потомъ К. ^bЛишняя буква (описка при переходе к след. листу). ^гтретьей К. ^гсами К (опечатка).

16. ^{a-b}Вместо то же?; в К опечатка: о томъ же (вместо потомъ же?) ^bповѣрдити К. ^гУчтено исправление опечатки.

ΒΟΠΡΟС XXVI

1. Ἐρώτησις. Τινὲς πολλάκις ἀποκόπτοντες ἁμαρτίας καὶ μετανοοῦντες ἔστιν ὅτε¹ πάλιν σκελιζόμενοι καὶ πίπτοντες ἀπογινώσκουσιν ἑαυτῶν ὡς δῆθεν ὄλον τὸν κάματον τῆς μετανοίας, ἧς ἐποίησαν, ἀπολέσαντες.

2. Ἀπόκρισις. Οὐκ ἀπόλετο παρὰ θεῶ ὁ κάματος, ὃν ἐποίησεν ἐν τῇ μετανοίᾳ ὁ ἄνθρωπος, καὶ διὰ τοῦτο οὐκ ὀφείλει ἀπογινῶναι αὐτοῦ, ἀλλὰ πάλιν ἀναστήναι¹ δι' ἀγαθοεργίας καὶ μετανοίας.

3. Ὡσπερ γὰρ ἐπὶ τοῦ στρατοῦ τοῦ βασιλικοῦ ἀποδέχεται ὁ βασιλεὺς τὸν στρατιώτην τὸν ἰσταμένον καὶ μαχόμενον πρὸς τοὺς ἐχθρούς, ποτὲ μὲν πλήττοντα, ποτὲ δὲ πληττόμενον, ὑπὲρ τὸν φεύγοντα // καὶ τὰ ὅπλα ρίπτοντα, οὕτω καὶ ὁ θεὸς μᾶλλον συμπάσχει τῇ ψυχῇ ἰσταμένη καὶ μὴ ἐνδιδούση, ἀλλὰ πολεμοῦση πρὸς δαίμονας ὑπὲρ τὴν μὴ πολεμοῦσαν καὶ ἑαυτῆς ἀπογινώσκουσαν καὶ λοιπὸν ἀδεῶς τὴν ἁμαρτίαν πράττουσαν.

150

1. **Ἐρωτησις.** Τινες πολλάκις ἀποκόπτοντες ἁμαρτίας καὶ μετανοοῦντες ἔστιν ὅτε πάλιν σκελιζόμενοι καὶ πίπτοντες ἀπογινώσκουσιν ἑαυτῶν ὡς δῆθεν ὄλον τὸν κάματον τῆς μετανοίας, ἧς ἐποίησαν, ἀπολέσαντες.

2. **Ἀπόκρισις.** Οὐκ ἀπόλετο παρὰ θεῶ ὁ κάματος, ὃν ἐποίησεν ἐν τῇ μετανοίᾳ ὁ ἄνθρωπος, καὶ διὰ τοῦτο οὐκ ὀφείλει ἀπογινῶναι αὐτοῦ, ἀλλὰ πάλιν ἀναστήναι δι' ἀγαθοεργίας καὶ μετανοίας.

3. Ὡσπερ γὰρ ἐπὶ τοῦ στρατοῦ τοῦ βασιλικοῦ ἀποδέχεται ὁ βασιλεὺς τὸν στρατιώτην τὸν ἰσταμένον καὶ μαχόμενον πρὸς τοὺς ἐχθρούς, ποτὲ μὲν πλήττοντα, ποτὲ δὲ πληττόμενον, ὑπὲρ τὸν φεύγοντα // καὶ τὰ ὅπλα ρίπτοντα, οὕτω καὶ ὁ θεὸς μᾶλλον συμπάσχει τῇ ψυχῇ ἰσταμένη καὶ μὴ ἐνδιδούση, ἀλλὰ πολεμοῦση πρὸς δαίμονας ὑπὲρ τὴν μὴ πολεμοῦσαν καὶ ἑαυτῆς ἀπογινώσκουσαν καὶ λοιπὸν ἀδεῶς τὴν ἁμαρτίαν πράττουσαν.

л. 216

л. 216 об.

1. ¹ Нет И.2. ¹ Доб. примерно: καὶ τῷ πολεμίῳ (или ἀντιπάλῳ) ἐναντιοῦσθαι С.1. ^a Доб. о покаянии К. ^b Доб. яко К. ^в Доп. по смыслу; отчаявають К.2. ^{a-b} противу врагу К.3. ^a После «убо» К. ^{b-b} Проп. К. ^г Нет К. ^{дс} бысы К. (как в греч.). ^е и К (как в греч.). ^ж-ша К. ^з-ща К.

4. Οὐ γὰρ ¹ τὸ αὐτὸ κρίμα ἔχει ὁ διὰ χρόνου ἁμαρτάνων καὶ ὁ καθ' ἡμέραν, ὡσπερ οὐδὲ τὸν αὐτὸν μισθὸν ἔχει ὁ καθ' ἡμέραν ποιῶν ἐλεημοσύνην, καὶ ὁ διὰ χρόνου· μυριάκις τοίνυν ἡμαρτες, μυριάκις μετανόησον, ἵνα ἐλθῶν ὁ θάνατος εὖρη σε εἰς μετάνοιαν.

л. 217

4. Не того же^а осуждения имать иже единомъ лѣтѣ^б съгрѣшала, негоже иже члсто съгрѣшала, тако же не тома же мзды и // мата иже по вѣл дѣи творитъ милостыини паче^в твораштѣго порѣды;^г аште оубо^д тѣмаминъ съгрѣшихъ кени, тѣмаминъ покани ѡ, да пришедъшии съмрѣти^е обрашѣтѣтѣ тѣ ѡ поканини.

ΒΟΗΡΟΣ XXVII

1. Ἐρώτησις. Ἐὰν ἐν ἁμαρτίαις καταγρήσας ὁ ἄνθρωπος διάθῃται ἐν τῇ προσευχῇ αὐτοῦ διαθήκην ἀναμεταξὺ αὐτοῦ καὶ ¹ τοῦ θεοῦ λέγων ὅτι· Συγχώρησόν μοι, δέσποτα, ἅπερ ἡμαρτον ἕως τοῦ νῦν, καὶ τοῦ λοιποῦ οὐ μὴ πράξω τὰς προτέρας μου ἁμαρτίας οὐδ' οὐ μὴ ἐπιστραφῶ πρὸς αὐτάς, ἀλλ' ἐξομολογήσομαι τῷ ὀνόματί σου, ἐὰν ταύτας τὰς διαθήκας ποιῆσθαι πρὸς θεὸν ὁ ἄνθρωπος, εἶτα ² ἐντὸς ὀλίγων ἡμερῶν ἀποθάνῃ, τί χρὴ λογίσασθαι ³ περὶ αὐτοῦ;

л. 217 об.

1. Вспрѣди. Аште въ грѣсѣхъ сътворѣхъ ѡ члкъ закѣштѣнѣтѣ въ^а молѣтѣ ѡкои закѣтѣ между ѡкои и еѣмъ глѣ тако: Прорѣи ма, вѣл // дѣко, таже съгрѣшихъ до-мѣтѣ, и прочѣи не съдѣи дѣвланихъ монхъ грѣхъ, ни обрашѣтѣ ѡ къ нимъ, нѣ исповѣмъ ѡ имени творѣмоу, — аште ина закѣтѣи сътворѣхъ къ еѣ члкъ, въ малѣ дѣни оумѣрѣтѣ, что трѣбѣ кѣтѣ помѣшлѣтѣ ѡ немѣ?

2. Ἀπόκρισις. Προεδέχθη ἡ πρόθεσις αὐτοῦ παρὰ θεῶ¹ καὶ ἐν ᾧ ἐφθάσθη, ἐν αὐτῷ καὶ ἐτάγη, τούτέστιν εἰς τοὺς διὰ μετανοίας σωθέντας· τὸ ² γὰρ μετανοῆσαι καὶ ἀποστῆναι τῆς ἁμαρτίας ἐν τῷ ἀνθρώπῳ ἐστὶ, (τὸ δὲ πολυχρονίῳ αὐτόν, ἐν τῷ θεῷ ἐστιν).³

л. 218

2. (т)тѣтѣ. Прѣмѣто бытѣ поканини^а него отъ еѣ, и въ немѣ же обрѣтѣ^б ѡ,^в въ тома // же и вѣчинениъ бытѣ, и кѣтѣ въ спѣшлѣтѣ^г поканини дѣлѣ;^д иже бо поканини ѡ и отътворѣнѣтѣ отъ грѣха въ члкъ^е то^е кѣтѣ, а иже мѣно-голѣтѣмоу быти въ еѣтѣ кѣтѣ.

4. ¹ Нет И.
1. ¹⁻² ἵνα μὴ πλεῖον ἁμαρτήσῃ, ἀλλ' (двѣтри буквы нрзб.) ἐξομολογήσῃς μετανοήσῃ καὶ В. ² Проп. С. ³ λέγειν В.
2. ¹ τῷ θ. В. ² τὸ μὲν В. ³ Доб. из В.

4. ^а Доб. бо К (как в греч.). ^б ль томъ К^{в-г} еяже иже порѣдку творить К. ^д Доб. и К. ^е смерть К; в И конструкция была переосмыслена как «дательный самостоятельный».
1. ^а Учено исправление опечатки.
2. ^а ἢ μετάνοια? ^{б-в} εὐρέθη? ^г спасение придетъ К. ^д ради К. ^е Нет ни в греч., ни в К.

3. Ὁ μὲν γὰρ¹ ἄνθρωπος συνετάξατο ὡς δοκῶν πολυ-
χρονοῖσαι ἐν τῇ μετανοίᾳ, ὁ δὲ
θεὸς προγινώσκων τὸ σαθρὸν καὶ
εὐλόμητον καὶ εὐτρεπτον ἡμῶν
πρὸς τὴν ἁμαρτίαν, πολλάκις²
ἐποίησε τοῦτο, καὶ ἐπὶ ἰδῆ
ἄνθρωπον ἐπιστρέψαντα³ εἰς
μετάνοιαν, εὐθέως ἐπῆρεν αὐτὸν
ἐκ τοῦ βίου καὶ ἔσωσεν αὐτόν.
Προγινώσκων ὁ⁴ θεὸς ὅτι, εἰ
ἐχρόνισεν ἐν τῷ κόσμῳ, τάχα⁵
πάλιν εἰς τὴν ἁμαρτίαν
ἐστρέφετο.⁶

3. Да чѣмъ оубо обѣщана ѡмъ како
члвкѣ многа лѣта быти въ пока-
ланинѣ, бѣ же, провѣдши немощаномъ
и оудобѣ съблазныномъ и оудобѣ //
л. 218 об. прѣбратыномъ наше кѣ грѣху, того
радн сътвори то н, како же виднѣ
чѣмъ обратыша ѡмъ въ покаяниѣ,
акне поитѣ^а и отѣ жегнѣи и сѣи^б
н. Провѣдши како бѣ, како, аште
бы премаднѣи въ мнѣ, еда бы
ѡмъ пакы кѣ грѣху обратнѣи.

ΒΟΗΡΟC XXVIII

1. Ἐρώτησις. Ἐάν τις οὐ
προθύμως ἀλλὰ βιαζόμενος
ἑαυτὸν παρέχη τὴν εὐποιάν,
μισθὸν¹ ἔχει² ἢ οὐ;

2. Ἀπόκρισις. Ἡ μὲν τελεία
θυσία ἐστὶν ἵνα μὴ¹ ἐκ λύπης ἢ
ἐξ ἀνάγκης παρέχη². Ἰλαρὸν γὰρ
δότην ἀγαπᾷ ὁ θεός,³ πλὴν⁴
ἐπειδὴ ἀκούομεν τοῦ //
141 v Κυρίου⁵ λέγοντος ὅτι· Βιαστῶν⁶
ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν
καὶ βιασταὶ ἀρπάξουσιν αὐτήν,⁷
πιστεύομεν τῇ αὐτοῦ⁸
ἀγαθότητι,⁹ ὅτι ἐν¹⁰ οἷς¹¹
βιαζόμεθα¹² ἑαυτούς, μισθὸν
ληψόμεθα.

1. Ἐρωτѣ^а Аште кѣто не
оубыднѣ, нѣ оудѣ себе поданѣ
добротвореннѣ,^б имѣтѣ^в ли //
л. 219 мѣздѣ^г ни нн?

2. (Г)тѣтѣ. Схвалениѣи оубо
жѣтѣи кѣтѣ, да^а ни отѣ окерн
ни отѣ оуждѣи тнѣ^б ко дакѣи
лиенѣи бѣ, понеже^в сѣшнѣи кѣ
галгѣишѣи, како : Оуждѣно
кѣтѣ цѣтѣи нѣсьномъ и оуждѣици
вѣхѣишѣи к. Сѣруѣиѣи бѣгѣи
л. 219 об. себе, мѣ // зѣи прннѣиѣи.

3. ¹Проп. С. ²διὰ τοῦτο С. ³-στρέφοντα В. ⁴ὡς С. ⁵τάχῃ В. ⁶ἐτρέπετο В.

1. ¹⁻²ἔχει μισθὸν ВН.

2. ¹⁻³Ср. II Посл к Коринфянам. 9, 7.

²Проп. С (и нет его в тексте Апостола).

⁴Проп. И. ⁵Θεοῦ С. ⁶⁻⁷Евангелие от Матф.

11, 12; первая часть цитаты переделана.

⁶-тѣ ВС. ⁸⁻⁹Переставлено В. ⁹χάρτι (?). ¹⁰⁻

¹¹εἰ καὶ В. ¹²ἐν τῷ δοῦ. В.

3. ^апойметь К. ^бспасеть К.

1. ^авопросъ о милостыни К. ^б-ния К. ^в-г ли мзду имать К (запятая, которая должна была бы стоять после добротворения, перенесена после подаетъ: перевод получается непонятный).

2. ^аПроп. К. ^бтихо (!) К, но тиха К (1653). ^вобаче же понеже К (как в греч.). ^гблагодати К (вероятно, ошибочное толкование сокращенного слова).

3. Καὶ γὰρ καὶ¹ οἱ τὴν² παρθ-
ενίαν ἀσκοῦντες³ καὶ οἶνον καὶ
κρεῶν καὶ τῶν ἄλλων ἀπεχόμενοι
καὶ⁴ ἐγκρατεῦόμενοι⁵ καὶ⁶
ιδιάζοντες⁷ καὶ⁸ ἐγκλειώμενοι⁹
καὶ χαμευνοῦντες καὶ ἀπο-
τασσόμενοι, βιάζονται ἑαυτούς·
καὶ μὴν¹⁰ οὗτοι πάντες ὑπὲρ τῆς
βίας μισθὸν παρὰ¹¹ θεοῦ¹²
λήφονται.

3. Ибо иже дѣлающе^а
вздвѣжати ѿ, и медю^б и мѣлх
и нѣхѣ вздвѣжаште ѿ, и
оубоветиште^в и^г на земли
лѣжаште,^д и отхрицаште себѣ;^е
и ели и поуждениа дѣла^ж отх
ѣ примажте.

ВОПРОС XXIX

1. Ἐρώτησις. Ποῖα
ἁμαρτήματα¹ ποιεῖ ἀπροσδεκ-
τοὺς τὰς εὐχὰς ἡμῶν τῷ θεῷ;
2. Ἡ ὑπερηφανία καὶ ἡ μνησι-
κακία· γέγραπται γάρ.¹ Κύριος
ὑπερηφάνοις ἀντιτάσσεται, καὶ
πάλιν λέγει² ὁ Κύριος· Ἀμὴν
λέγω ὑμῖν, ὅτι εἰ μὴ ἀφήτε
τοῖς ἀνθρώποις τὰ παραπτώμα-
τα αὐτῶν, οὐδὲ ὁ πατὴρ ὑμῶν
ὁ οὐράνιος ἀφή³ ὑμῖν τὰ
παραπτώματα ὑμῶν.
3. Ὅρα γὰρ ὅτι ἐκεῖνον τὸν
χρεωφειλέτην...¹

1. Βροῦδι. Κχιη γρέχη τκοηγη
μολῆτε наша неприятны едѣ?

п. 220

2. Ὑπερέττ. // Γελοσγτῆ и
Зѣла^а помыѣнни^б писано бо кста:
гѣ гѣдзинимх противети ѿ, и
пакхи глѣтѣ гѣ: Амни глж вама,
пакѣ, аште не оставитѣ чловѣкомх
пѣтѣтѣшениа^в нхѣ, ни оѣдѣ ваши
нѣшын оставитѣ вама
пѣтѣтѣшениа^г вашихѣ.^д

3. Βισμοτην ηυβο,^а пako ωνομѣ^б
дажжннкоу...^в

3. ^{1, 2} Проп. В. ³ καὶ ἑαυτοὺς καὶ τὴν φύσιν
βιάζονται ὁμοίως καὶ οἱ ἐπὶ χρόνου ἀσκοῦντες
доб. В. ⁴⁻⁵ Проп. ВС. ⁶ Проп. К. ⁷⁻⁹ καὶ
ἐκλειόμενοι καὶ ἰδ. В. ⁸⁻⁹ Проп. С. ¹⁰ Проп. С.
¹¹⁻¹² Проп. ВК.

1. ¹ ἁμαρτία С.
2. ¹ Притчи 3, 34. ² Контаминация двух
стихов Ев. от Матф. (6, 14 и 15). ³ В Ев.:
ἀφήσει.

3. ¹ Ответ оканчивается так (но уже
не соответствует С): τῶν μυρίων ταλάντων
ἀφεις ὁ Κύριος, πικεῖνος μὴ ἀφεις τῷ συνδούλῳ,
εἰκότως παρα τοῦ Κυρίου κατεκρίθη.

3. ^а Учено исправление опечатки. ^б вино
К. ^{в-г} Следую греч. тексту и пишу раздельно:
и является союзом, а не морфемой член-
ности. ^д В К на земли неверно связано с пре-
дыдущим причастием. ^е Плъжюще К (пере-
толкование малопонятного слова). ^ж -ся К.
ж ради К.

1. ^а Доб. о гордости К.
2. ^{а-б} злопомыние К. ^в со-К. ^{г-д} -ния ва-
ша К.

3. ^а В К правильно: бо. ^б Конец ответа,
гораздо более пространный, переводит другой
греческий текст.

ΒΟΠΡΟΣ XXX

150 v 1. Ἐρώτησις. Ποῖον τῶν παθῶν ἰσχυρότερον καὶ δυσεξάλειπτον ὑπὲρ τὰ λοιπὰ // πάθη καθέστηκεν;

2. Ἀπόκρισις. Ἡ πονηρὰ καὶ ¹ χρονία συνήθεια · ἐπὶ γὰρ χρόνους ἱκανοὺς ὁ ² ἄνθρωπος ³ συνείθισε μ<ολύ>νεσθαι, ⁴ τότε λοιπὸν καὶ ⁵ ἄκων ⁶ καὶ μὴ βουλόμενος πρὸς τὴν ἀμαρτίαν κατασύρεται, ὑπὸ τῆς χρονίας συνηθείας ἐξελακόμενος.

3. Διὰ τοῦτο γὰρ οἱ μακάριοι ἄνδρες τὴν ἐκ τοῦ κόσμου ἀναχώρησιν καὶ μακρὰν φυγὴν ἔξω τῶν ματαίων θορύβων ἐν ἐρήμοις ἐπενόησαν καὶ ἐξελέξαντο.

4. Ἐπιχειρήσαντες πολλάκις, ἐν ¹ ὅσῳ εἰσὶν ἐν τῷ κόσμῳ ἐν μέσῳ τῶν θορύβων, ἀποκόψαι τὴν πονηρὰν συνήθειαν καὶ μὴ ἰσχύσαντες, ἀλλὰ καὶ ² πολλάκις ³ πρὸς ὀλίγον χρόνον βιασάμενοι ἑαυτοὺς^{3a} καὶ ⁴ ἐγκρατευσάμενοι,⁵ πάλιν ὡς κύνες ἐπὶ τὸν ἴδιον ἔμετον ⁶ τῆς ἀμαρτίας ἐστρέφοντο,⁷ καταστρέφοντες ⁸ πάλιν ἅπερ ὠκοδόμησαν.⁹

1. Взапрѣи Кѣи грѣх^а мѣтѣн и нѣудокѣ оубѣтнмѣ памѣ ннѣх^а прѣчннх^а грѣхѣкѣ нѣтѣ?

л 221 об 2. // Отвѣтъ. Злнн^а прѣдлжжн-нын обнчнн: ачѣ бо лѣтѣ мнѣнога члѣкѣ обнчнтѣ окѣврннѣтн лѣ, тѣгда кѣ томоу н нѣ хотѣ кѣ грѣх^у влѣкомѣ нѣтѣ, отѣ дакѣ-наго^б наоука^в прнвлѣчннмѣ.^г

л 222 3. Вѣго бо^а лѣла^б влѣжннн мнѣжн нѣжѣ отѣ мнѣа отѣшмѣтннѣ н дѣлгои^в вѣгнннѣ^г крѣмѣ нѣнѣтннх^а пнн // штѣвѣ кѣ поу-тннѣх^а нзколнншѣ^д н нзѣмѣшѣ.

4. Начннншѣ мнѣогашѣдѣ, донѣл-жѣ^а нѣтѣ кѣ мнѣѣ понѣдѣ мѣтѣжѣ, отѣшѣштн злѣаго на-оука н нѣ вѣзмогѣшѣ, нѣ мнѣ-гашѣдѣ^б кѣ малѣ врѣмѣа поноужѣшѣ лѣ, пакн^в ѣако пннн на шѣа влѣ-вѣтнннн грѣхѣкѣнннѣ вѣзѣрѣштѣ^ахоу лѣ, рѣзѣнѣшѣнншѣтѣ л 222 об // пакнѣ, ѣажѣ вѣзѣрѣднншѣ.

2. ¹ Проп. И. ²⁻³ Проп. В. ⁴ Испр. по В и С; μαίνεσθαι О. ⁵⁻⁶ Проп. С. ^{4, 1-3} Проп. К. ² Проп. ВИ. ^{3a} Проп. В. ⁴⁻⁵ Проп. С. ⁶ Ср. Притчи. 26, 11. ὑπέστρεφον В. ⁸ -στρέφοντες В. ⁹ οἰκο—В.

1. ^а Род. пад. множ. числа!
2. ^а Доб. и К. ^б Учтено исправление опечатки в Ак. изд. ^{в-г} Привлечимъ обычная К.
3. ^{а-б} ради К. ^{в-г} долу легание(!) К. думыслища К.
4. ^{а-б} Проп. К. ^в и паки К.

5. Ὡσπερ γὰρ τὸν ἐν μέσῳ ἀνθρώπων πυρὸς περιπατοῦντα μόνου τοῦ Θεοῦ ἐστι φυλάξαι¹ αὐτὸν ἄτρωτον,² καὶ τὸν δι' ἀκανθῶν καὶ τριβόλων βαδίζοντα τηρῆσαι³ ἄπληγον, καὶ τὸν πλησιάζοντα χοίροις βεβορβορωμένοις σῶσαι ἀμόλυντον, 6. οὕτω μόνης τῆς δεξιᾶς αὐτοῦ¹ θεοῦ² ἐστι τηρῆσαι³ ἄπτωτον⁴ καὶ ἄσπιλον⁵ καὶ ἀβλαβῆ τὸν συνόντα καὶ συναναστρεφόμενον ἐν μέσῳ τῆς ἀπάτης καὶ δόξης καὶ τρυφῆς τῆς τοῦ βίου μεταιότητος, καὶ ὄρωντα σχήματα πορνικᾶ, καὶ ἀκούοντα ῥήματα ἄσεμνα καὶ ἥθη ὀλέθρια ἐπεκκαίοντα⁶ καὶ πυροέντα καὶ ἐξάπτοντα πρὸς ἀσελγείαν, οὐ μόνον τοὺς ἀσθενεῖς, ἀλλὰ καὶ αὐτοὺς τοὺς δοκοῦντας εἶναι δικαίους καὶ ἐγκρατεῖς καὶ σώφρονας.

л. 223

л. 223 об.

5. Ἰῆκο же бо^а поведе^б оугани огньникух^в ходалшугааго^г единаго ел^д кетъ^е кже ехураннети^ж кго без вередъ,^з и^и ккозѣ^к тырнне и екачѣѣ^л проходошугааго екаметн не газкына,^м и прѣканижлошугааго ел^н свинмахъ калынахъ еѣти бе— скварына,^п 6. такожде^а единаго^б деиница кетъ^к // же екаметн и бе— скварны и бес паденниа и без вѣда^в еушугааго и ходалшугааго поведѣ^г прѣлытнн^д и слакки и пританниа жнтиникаго^е оуметытка,^ж и ендл^з <штл>^г овразѣ блудничкыи и слашшшштл^д глѣи нечнстѣи и обычлм пагубныи, ражднзашштл^е и рапалаашштл^ж и ежжнзашштл^з на блудъ не тѣкмо // немоштншнл,^д нѣ и тѣхъ манаштннхъ ел^е прѣкданомъ еѣти и ездѣжжннкомъ и цѣлоушманшннмъ.

ВОПРОС XXXI

1. Ἐρώτησις. Πόθεν ἐπιγινώσκει ὁ ἄνθρωπος, ὅτι συνεχώρησεν αὐτῷ ὁ θεὸς τὰς ἀμαρτίας αὐτοῦ;

1. **Впрѣс.** Оуткоуду оуѣѣтѣ чѣкъ, ꙗко прѣстѣл и кетъ ел^д гѣхочк кго?

5. ¹ τὸ φ. BC. ² ἄφλεκτον B. ³ ἄπτωτον δοβ. B.

6. ¹⁻² τοῦ θεοῦ BK; проп.И. ³ τὸ τ. BC; δοб. αὐτὸν И. ⁴⁻⁵ ἄσπιλον καὶ ἄπτωτον И. ⁶ ὑп—B.

5. ^а Проп. К. ^б Так К (1653), хотящаго (1) К. ^в Проп. К. ^г волчець К. ^д нескверна К.

6. ^а Доб. и К. ^б Доб. бжия К. ^в—сти К (как в греч.). ^г Испр. по греч. тексту и К; в И: ендл (возможно, переводчик прочел и перевел ὄρων τα).

1. ^а Доб. о прощении К.

2. Ἀπόκρισις. Ἐν τῇ προσευχῇ ἡμῶν ἡνίκα κατὰ μόνας, μηδενὸς ὀρώντος ἢ ἀκούοντος, παριστάμεθα τῷ θεῷ, τότε γινώσκει ἡ ψυχὴ πῶς διάκειται πρὸς αὐτήν ὁ θεὸς καὶ αὐτὴ πρὸς τὸν θεόν. Ἐπιτὰ γὰρ τρόποι εἰσι καὶ ¹ διαφοραὶ τῆς ² προσευχῆς· τούτων αἱ μὲν ³ τρεῖς ὑπὸ φόβον καὶ ⁴ κόλασιν ὑπάρχουσιν, ⁵ αἱ δὲ ἄλλαι τέσσαρες τῶν σωζομένων εἰσι καὶ ἐχόντων μέρος ἐν τῇ βασιλείᾳ τοῦ θεοῦ.

3. Ὅταν μὲν οὖν ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος βεβυθισμένος ταῖς ἡδοναῖς, ὡς κατάδικος καὶ ¹ ἀπαρρησίαστος ἔνοχος θανά // του παρίσταται ἐν τῇ προσευχῇ. Δεύτερος τρόπος πάλιν ἐστίν, ὅτε ὡς ² χρεώστης παρίσταται καὶ προσομιλεῖ τῷ θεῷ ὁ ἄνθρωπος. Τρίτος τρόπος διαφορὰν ἔχει ³ παρὰ τοὺς δύο, ὅτε ὡς δοῦλος προσε(ύ)χεται ⁴ τῷ ⁵ Δεσπότη, πλὴν ⁶ καὶ ⁷ ὁ δοῦλος ⁸ ὑπὸ φόβον καὶ πληγὰς ⁹ ἐστὶ. Τέταρτος τρόπος, ὅτε ὡς μισθωτὸς διάκειται πρὸς θεὸν ὁ ἄνθρωπος ἐλεύθερος τῆς δουλείας καὶ προσδοκῶν μισθὸν λαβεῖν διὰ τῆς τοῦ θεοῦ ¹⁰ φιλανθρωπίας. Πέμπτος τρόπος μείζων τῶν τεσσάρων ἐστίν, ¹¹ ὅτε ὡς

2. **В**з молатъ е нашен кг да иднин, никому же а видяно ли б ⁶ **С**ЛШШШШТН, прѣтонтъ б ^в бѣу, тѣгда разумѣетъ дша, какъ кгтъ кз нн бѣ // и она кз г бѣу ^д · 3 · бо мѣетъ ^с кгтъ * разнытъ мблатъыннхъ; отъ нхъ ^з тѣм подъ стѣхъмъ бѣутъ и подъ мѣу-чѣннѣмъ, нмы ^н же четырѣ ^к бѣакмынхъ бѣутъ и нмѣштннхъ чѣстъ въ цѣштѣнн бѣжнн.

л. 224

л. 224 об.

л. 225

л. 225 об.

3. **К**гда а еубо бѣудѣтъ чѣкѣ пог-ружннѣ слатъмн јакѣ оубжденнѣ бѣз дѣзнѣнннѣ поынннѣ сѣмѣтн прѣтонтъ ^б // въ молатъ е. **В**хто-рнн обрѣзъ пакъ кгтъ, кгда јакѣ дѣжнннѣ прѣтонтъ ^в и бѣсѣдоуѣтъ кз бѣу чѣкѣ. Трѣтнн обрѣзъ ^г разнѣтѣо нмы пачѣ дѣжѣ, кгда јакѣ ракѣ молѣтъ ѣв владѣтѣ, обѣчѣ ^д ракѣ подъ стѣхъмъ и рѣнѣмн кгтъ. Четврѣтнн обрѣзъ кгтъ, ^д кгда јакѣ нанѣмннѣ // бѣудѣтъ бѣу чѣкѣ, еубѣдѣ раѣотѣ и чѣмъ мѣзѣу прнѣтн вѣдчѣнѣ рѣдн чѣкѣоуѣннѣ. Пѣтнн обрѣзъ болнн четврѣ кгтъ, кгда јакѣ дрѣугѣ прѣтонтъ ^с бѣу чѣкѣ и гѣѣтъ кз нѣ-мѣу. Шѣтнн вѣшнн еубѣ, кгда јакѣ еѣчѣ кз бѣу дѣзѣктѣ; **А**зъ бо рѣхѣ: еубн кгтъ и вѣнѣѣ вѣшннѣ-лѣго вѣнн хѣтѣштнн * // бѣдѣмнн же вѣшнн ^з вѣгѣхъ ^н кгтъ и на ^к

2. ¹Проп. И (исправлено в К). ²Проп. В. ³Проп. О. ⁴⁻⁵ eiaí kolásews O.
3. ¹Проп. ВОС. ²Проп. О. ³εχων ВОС. ⁴Забыто в ВВ, но есть в Т. ⁵Испр. по ВОС; προσέρχεται (!) Т. ⁶⁻⁷εξῆς В. ⁹-γην В. ¹⁰δεσπότης ВОС. ¹¹Проп. О.

2. ^аДоб. не К. ^били К. ^впред-К. ^гвъ бозѣ К. ^сПереводчик, по-видимому, прочел (или у него в исходной рукописи стояло): τόποι. *Доб. и К. ^знихъ же К. ^{н-к} и четыре же К.

3. ^аДоб. первое К (πρώτων). ^{б-в}пред-К. ^гДоб. есть К. ^дПроп. К. ^епред-К. ^жПроп. К (и в Псалме). ^{з-л}Текст несколько похож (как в И, так и в К) на текст примеч. 19—19 к греческому. ^нвъхъ вѣшннн образъ К.

φίλος παρίσταται τῷ θεῷ¹² καὶ διαλέγεται.¹³ Ἐκτος τρόπος¹⁴ ὑψηλότερος τούτου, ἡνίκα ὡς υἱὸς¹⁵ πρὸς θεὸν¹⁶ παρρησιάζεται. Ἐγὼ¹⁷ γὰρ εἶπα· θεοὶ ἐστε καὶ υἱοὶ ὑψίστου πάντες¹⁸ οἱ βουλόμενοι. Ἐβδομος τρόπος¹⁹ καὶ προκοπὴ ὁ πάντων ἀνώτερος¹⁹ ἢ ἀδελφοποιησία²⁰ ἢ²¹ πρὸς τὸν²² Χριστόν,²³ ὃς ἐγένετο πρωτότοκος²⁴ ἐν πολλοῖς ἀδελφοῖς²⁵ πιστοῖς, εἰς²⁶ τὸ²⁷ εἶναι αὐτοὺς κληρονόμους²⁸ Χριστοῦ,²⁹ καθὼς ὁ³⁰ Παῦλος βοᾷ.³¹

139

4. Εἴ τις οὖν ὡς κατάκριτος ἢ χρε // ωφειλέτης ἢ δοῦλος ἐν τρόμῳ πληγῶν διαλέγεται τῷ θεῷ προσευχόμενος, οὐ γέγονεν ἐλεύθερος τῶν οἰκειῶν¹ ἀμαρτημάτων,² ἀλλ' ὄπου³ πνεῦμα ἅγιον ἐπιφοιτᾷ, ἐκεῖ ἐλευθερία ἐστὶ τῶν⁴ ἀμαρτιῶν.⁴ Οὕτω γὰρ καὶ αὐτὸς ὁ Κύριος ἐνετείλατο⁵ λέγων, ὅτι.⁶ Ὁ ἀγαπῶν με τὰς ἐντολάς μου τηρήσει, καὶ γὰρ ἀγαπήσω αὐτὸν καὶ ἐμφανίσω αὐτῷ ἐμαυτόν. Ὡστε⁷ ἀληθὲς σημεῖον τῆς τῶν ἀμαρτημάτων⁸ συγχωρήσεως⁹

л 226

л 226 об.

прѣждѣвѣрѣннѣ^л братосѣтѣвореннѣ^м кѣ бѣу, иже бытъ прѣвѣннѣ кѣ мѣнѣзѣ братѣмъ вѣрннѣхъ, яко быти нмѣ наслѣдникомъ бѣнемъ, яко же н^н Паблаъ вѣрнѣтъ.

4. Иже оубо яко ооужденнѣхъ ан дѣлжннѣхъ ан ракѣхъ кѣ трепетѣ рахъ глѣ // тѣ кѣ бѣу мола ѣа, не бытъ оубо^а свобода^б свонѣхъ грѣхѣхъ, нѣ нде же дѣхъ стѣннѣ прѣходнтѣ, тѣу свобода кѣтѣ сѣгрѣшеннѣмъ. Тако бо н самъ глѣ заповѣда намъ глѣ, яко же: дѣклн ма заповѣдн мога сѣклн дѣтъ,^в н азѣ вѣзѣклн н н гакѣж ѣа кѣмоу. Иѣко нгннннѣннѣ знаменнѣ прѣмѣ // ннѣ грѣхѣхъ хрѣстѣанѣу ѣѣ кѣтѣ ѣвлѣннѣ хѣо бѣклнштѣнѣ вѣ дѣнѣзъ ѣлжннѣ бо, рѣчѣ, жнстннѣ фѣдѣмъ, яко тн^д бѣ оузѣрѣтъ.^с

¹² Доб. ὁ ἄνθρωπος ΒΟΣ. ¹³ Доб. πρὸς αὐτόν С. ¹⁴ Проп. ΒΟΣ. ¹⁵ ἅγιος (испр. на ὁ υἱὸς) в ВВ, но во всех ркп. стоит υἱὸς. ¹⁶ πατέρα О. ¹⁷⁻¹⁸ Пс. 81, 6. ¹⁹⁻¹⁹ ὁ παντὸς ἀνώτερός ἐστι (проп. О) гр. καὶ προκοπὴ ΒΟ (частично С). ²⁰ -οῖς В. ²¹⁻²³ Проп. О. ^{21,22} Проп. В. ²³ θεόν С. ²⁴⁻²⁵ Ср. ап. Павла Посл. к Римлянам. 8,29. ²⁶⁻²⁷ ὥστε ΒС. ²⁸⁻²⁹ Ср. там же. 8,17. ²⁹ θεοῦ С; θεοῦ καὶ συγκληρονόμους Χριστοῦ ΒΟ (там же). ³⁰ Проп. В; καὶ ΟИ. ³¹ Проп. В.

4. ¹ ἰδίαν О. ² -τιῶν О. ³⁻⁴ Проп. В. ⁴⁻⁴ ἀμαρτημάτων О. ⁵ Доб. ἡμῖν ОС. ⁶ Проп. В; ср. Ев. от Иоанна. 14,11 и 21. ⁷ Доб. τὸ ΒΟ (и С?). ⁸ -τιῶν ΒΟ. ⁹ Доб. τοῦ χριστιανοῦ ΒΟΣ.

^л Нет ни в И, ни в греч. ^м -ния К. ^н Нет в К.

^{4.} ^а Нет в греч. и К. ^б свобода К. ^в -даетъ К. ^г Проп. К. ^д тии К. ^с К до-бавляет концовку к главе 68: тому слава во вѣки.

τοῦτό ἐστι τοῦ ¹⁰Χριστιανοῦ, ¹¹
 ἢ ἐπιφάνεια τοῦ Χριστοῦ ¹² ἢ ¹³
 ἐν τῇ ψυχῇ γινομένη μακάριοι ¹⁴
 γάρ, φησὶν, ¹⁵ οἱ καθαροὶ τῇ
 καρδίᾳ, ὅτι αὐτοὶ τὸν Θεὸν
 ὄψονται.

III. Кормчая книга (гл. 68)
 ВОПРОС 3

(Греч. текст: В = Vindobonensis Theol. gr. 167, л. 146 об.—147)

1. Ἐρώτησις. Λέγουσί τινες ὅτι
 τοῦτό ἐστίν ἢ μετάνοια τῆς
 ἁμαρτίας τὸ ἐνδοῦναι καὶ
 παύσασθαι ἐξ αὐτῆς;

2. Ἀπόκρισις. Οὔκ ὀρθῶς φρο-
 νοῦσιν οἱ τοῦτο λέγοντες· οὔτε
 γὰρ εἴαν ποιήσῃ τις δέκα φόνους
 καὶ παύσῃται τοῦ φονεῦειν, ἥδη
 συνεχωρήθησαν αὐτῷ αἱ ἁμαρ-
 τίαи τῶν φόνων, οὔτε εἴαν τις ἐπὶ
 πολλοὺς χρόνους πορνεύσας,
 εἶτα γηράσας παύσῃται τῆς
 πορνείας, ἥδη ὡς μετανοήσας
 προσεδέχθη. Ἐπεὶ εἰ οὕτως ἢ
 συγχώρησις τῶν ἁμαρτιῶν γίνε-
 ται ἐν τῷ παύσασθαι τῆς //
 ἁμαρτίας, οὐ ¹χρεία προσ-
 ευχῆς, ²οὐ χρεία νηστείας, οὐ
 χρεία ἐλεημοσύνης, οὐ χρεία
 κλαυθμοῦ, οὐ χρεία ἀποταγῆς
 κόσμου καὶ ἀγρυπνίας καὶ

1. Вопрос о покаянии. Глаголют неции, яко то есть покаяние греха еже ошаятися^a и престати от греха.

2. Ответ. Не право смыслят иже се глаголют: ни аще бо кто сотворит десять убийств и перестанет убивати, то уже прощени суть и^a греси ему убийств; ни аще кто во многа лета блуд творит таже состаревся перестанет от блуда, уже яко покаявся прият есть. Да аще еже яко прощение грехов бывает еже престати от греха, то не требе пост, не милостыня, не требе плаха, не требе отложение мира, и злостраданиа, ^bи бдениа.^b Убо же ни покаяние се благоприятно есть, емуже учит ны Дух Святый глаголя Давидом: Уклонися от зла и сотвори добро. Уклонитися убо от зла есть еже престати от греха

10—11 Проп. ВОС. ¹² Трудно поддается чтению в Т (пятно); скорее всего Христоῦ (а не Κυρίου, как в Виз. врем.). ¹³ Проп. О. ¹⁴ ¹⁵ οἱ. Ев. от Матф. 5,8.

2. ¹ Нет в К.

1. ^a Соответствующий греч. глагол имеет прямо противоположное значение: «предаться (греху)», а не «воздержаться».

2. ^a Нет в греч. ^b—^b Переставлено по сравнению с греч.

κακοπαθείας. Οὐκ οὖν ἡ
μετάνοια ἢ εὐπρόσδεκτος αὐτή
ἐστὶν ἢν λέγει³ τὸ Πνεῦμα τὸ
"Ἅγιον εἰς ἡμᾶς⁴ διὰ τοῦ Δαυΐδ.
"Ἐκκλινον⁵ ἀπὸ κακοῦ καὶ
ποιήσον ἀγαθόν.⁶ Τὸ μὲν οὖν
ἐκκλῖναι ἀπὸ
τοῦ κακοῦ ἐστὶ τὸ παύσασθαι
ἀπὸ τῆς ἁμαρτίας, τὸ
δὲ ποιῆσαι τὸ ἀγαθόν, ἵνα ἐὰν
χθὲς ὑπῆρχες μεθυστής, σήμερον
γένῃ νηστευτής· χθὲς πρὸς
ἄλλοτριας συζύγους ἐμοίχενες,
σήμερον ἐγκρατεύσῃ καὶ τῆς
ιδίας· χθὲς τὰ ἀλλότρια ἤρπαξες,
σήμερον διάδος τὰ ἴδια· αὕτη
ἐστὶν ἡ ἀληθὴς μετάνοια.

а еже сотворити доброе, τὸ
аще еси был вчера пьяница,
днесь буди постник; вчера еси
с чюжими супругами блуд
творил, днесь воздержися и
от своая; вчера еси чюждая
расхищал, днесь же раздай и
своя: то бо^Г есть истинное
покаяние.

ВОПРОС 5

(Греч. текст: O = Vatic. Ottoboniani gr., л. 149—149 об.)

1. Ἐρώτησις. Ὅποια ἐστὶν ἡ
ταπεινοφροσύνη ἢ συγχωροῦσα
τῷ ἀνθρώπῳ τὰ ἁμαρτήματα
αὐτοῦ;

1. Вопрос о смиренномудрии.
Кая есть смирения мудрость
прощая^а человека от согре-
шении его?

2. Ἀπόκρισις. Τινὲς μὲν λέγουσι
τὸ ἔχειν ἑαυτὸν ἁμαρτωλόν,
τοῦτό ἐστι ταπεινοφροσύνη, ἐγὼ
δὲ νομίζω ὅτι πᾶς ὁ τὴν ἁμαρ-
τίαν ποιῶν ἁμαρτωλὸν ἔχει
ἑαυτὸν καὶ οὐ¹ παρὰ τὸ ἔχειν
αὐτὸν ἁμαρτωλόν² ἤδη
συγχώρησιν ἔχει παρὰ Θεοῦ.
Ἐπεὶ καὶ οἱ δαίμονες καὶ
αὐτὸς ὁ διάβολος οἶδασιν ὅτι
ἁμαρτωλοὶ // καὶ πονηροὶ εἰσι,
ἔθεν ὡς γινώσκοντες ὅτι ἐν
ἡμέρᾳ κρίσεως ἐν γεέννῃ

2. Ответ. Неции убо глаго-
лют, яко еже имети себе
грешна, тако есть смирено-
умие, аз же мню, яко всяк,
иже грех творит, грешна себе
имат и [...] ужели прощение
имат от Бога. Понеже и беси
и сам той диавол ведят, яко
лукави^а и грешни^б суть, тем
же яко сведуше, яко в день
судный в геене погибнут, зва-
ху Христу: «Что нам и тебе,
Иисусе Сыне Божию, при-
шел еси zde погубити нас?»
Рекше же „преже време“^Г,

149 v

³⁻⁴ διδάσκει ἡμᾶς τὸ Πν., τὸ "Ἅγιον λέγον Κ.
⁵⁻⁶ Пс. 33, 15.
2. ¹⁻² Проп. К.

^Г Нет в греч.

1. ^а Так во всех изданиях; эта форма
должна быть рассмотрена как и.м. п. ед. ч.
среднего р. (см. смиренномудрие или смирено-
умие).

2. ^{а-б} Переставлено в греч.

ἀπολεσθήσονται, ἔκραξον τῷ Χριστῷ· Τί³ ἡμῖν καὶ σοί,⁴ Ἰησοῦ υἱὲ τοῦ θεοῦ, ἦλθες ὡδε πρὸ⁵ καιροῦ⁶ βασανίσαι ἡμᾶς;⁷ Εἰπόντες δὲ «προ καιροῦ», ἐσήμαναν ὅτι ἐν τῷ καιρῷ τῆς κρίσεως ἀπολέσει αὐτοὺς ὁ Χριστός· Οὐκοῦν ταπεινοφροσύνη ἀληθῆς ἐστὶ συγχωροῦσα ἁμαρτίας, ὅτε ὁ ἄνθρωπος κατὰ θεὸν ζῶν καὶ ἀγαθὰ πράττων ἔχει ἑαυτὸν ἁμαρτωλὸν καὶ⁸ γῆν καὶ σποδόν,⁹ ὡς εἶπε [...] περὶ αὐτοῦ ὁ προφήτης Δαυΐδ·¹⁰ ὁ¹¹ κατὰ τὴν καρδίαν τοῦ θεοῦ ὢν καὶ ποιῶν πάντα τὰ θελήματα αὐτοῦ¹² καὶ ἵνα ἐν πᾶσι τοῖς ἀγαθοῖς οἷς διαπορεύεται ὁ ἄνθρωπος μὴ νομίζη τι ἀγαθὸν ποιεῖν, ἀλλ' ἐξομολογῆται τῷ θεῷ ὡς πολλὰ χρεωστῶν αὐτῷ καὶ μηδὲν ἀντάξιον προσφέρων αὐτῷ ὑπὲρ πάντων τῶν ἀγαθῶν ὧν ἐποίησεν ὁ θεὸς εἰς αὐτόν. Αὕτη ἐστὶν ἀληθῆς ταπεινοφροσύνη, ἣν ἀγαπᾷ ὁ θεὸς ὑπὲρ πᾶσαν ἀγαθοεργίαν ἀνθρώπων, περὶ ἧς εἶπεν ὁ Δαυΐδ· Θυσία¹³ τῷ θεῷ πνεῦμα συντετριμμένον, καρδίαν συντετριμμένην καὶ τεταπεινωμένην ὁ θεὸς οὐκ ἐξουδενώσει¹⁴.

³⁻⁷ Ев. от Матф. 8, 29. ⁴ В ркп. сѣ; испр. по тексту Евангелия. ⁵⁻⁶ Проп. К. ⁸⁻⁹ С.м. Быт. 18, 27. ¹⁰ Проп. К. ¹¹⁻¹² С.м. Деян. 13, 22 (а также I Царств. 13, 14 и Исаия. 44, 28). ¹³⁻¹⁴ Пс. 50, 19.

знаменаху, яко в день суда погубит я Христос. Да неуболи^в смиреноеумие истинно есть прощая грехи, егда человек о Бозе живыи и благая творя имат себе грешна и землю и пепель, якоже^г рече Авраам. И^д червь а не человек,^е якоже рече о себе пророк : иже по сердцу Божию сыи^ж творя вся хотения его, но и о всех благих, яже деет человек, да не мнит что благо творити, но исповедается Богу яко многим си^з должен ему и яко ничтоже достойна принося ему от всех благих, яже сотвори Бог о нем. Се есть истинно смиреноеумие, еже любит Бог паче всякаго блага делания человеческа, о немже рече Давид : Жертва Богу дух сокрушен, сердца сокрушена и смирена Бог не уничижит.

^в οὐκ οὐκον? ^{г-е} Проп. в греч. ^{д-е} С.м. Пс. 21, 6. ^ж Так напечатано во всех изданиях, но, возможно, следует прочесть: сыи и сыи?

Л. В. СОКОЛОВА

К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста)

Сочинение Даниила Заточника известно в нескольких редакциях.¹ Используя материал авторского текста Даниила (афоризмы, цитаты, поговорки, рассуждения на ту или иную тему), древнерусские книжники создавали произведения, отличающиеся друг от друга по композиции, стилю, жанру, так называемому образу автора. В связи с этим правильнее, вероятно, говорить не о разных редакциях одного памятника, а о цикле произведений, приписываемых Даниилу Заточнику, а также анонимных, но основанных на его тексте.

Н. Н. Зарубин при публикации всех известных ему текстов, атрибутированных Даниилу Заточнику, выделил два основных памятника (названных им основными редакциями) — «Слово Даниила Заточника» (далее: «Слово») и «Послание (Моление) Даниила Заточника» (далее: «Моление»),² к которым так или иначе восходят все остальные произведения цикла.

Вопрос о том, какой из двух памятников первичнее — «Слово» или «Моление», широко обсуждался в науке. Мнения ученых на этот счет разделились. Проведенное мной текстологическое сопоставление текстов «Слова» и «Моления» подтвердило точку зрения тех исследователей, которые считают первичным «Слово». Развернутое текстологическое обоснование этого будет дано в другой статье, посвященной характеристике «Моления». Здесь же ограничимся лишь самыми общими замечаниями, которые необходимо учитывать при анализе текста «Слова».

«Моление» Даниила Заточника представляет, на мой взгляд, кардинальную переработку «Слова», но более раннего, чем дошедший до нас, вида, в котором еще не было некоторых позднейших вставок.

Ключ к разгадке текста «Моления» нашел Д. С. Лихачев. Он отметил характерное для этого текста «скоморошье балагурство» автора.³ Это ско-

¹ В 1932 г. публикацию всех известных к тому времени списков с разделением на две основные редакции и их переделки осуществил Н. Н. Зарубин. См.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. После этого было обнаружено еще несколько списков. См.: Малышев В. И. Новый список Слова Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 195—200; Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника // Там же. 1954. Т. 10. С. 270—279; Покровская В. Ф. Неизвестный список «Слова» Даниила Заточника // Там же. С. 280—289; Перетц В. Н. Новый список «Слова» Даниила Заточника // Там же. 1956. Т. 12. С. 362—378.

² Название это в известной мере условное, так как списки данного памятника озаглавлены не только «Моление» и «Послание», но и «Слово».

³ См.: Лихачев Д. С. Великое наследие. 2-е изд., доп. М., 1980. С. 241—285. Правда, Д. С. Лихачев относит свою интерпретацию одновременно к обоим текстам — и к «Слову», и к «Молению».

моросье балагурство проявляется буквально во всем: в композиции, языке, стиле, в образе автора. Если в протографе «Слова» можно предполагать реальное послание, внесенное позднее в литературные сборники, то текст «Моления» явно литературный. Это антитекст, литературная пародия на «Слово» Даниила Заточника. Если «Слово» построено по четкому плану, то автор «Моления» перетасовал фразы, фрагменты своего оригинала и поставил их в случайном порядке. Вероятно, он имитирует речь шута, которая должна казаться бессвязной, нелогичной, отрывистой. Если текст «Слова», точнее его автор, последователен, то текст «Моления» полон противоречий. Например, то автор говорит о своем уме (вслед за оригиналом), то утверждает, что имеет «лубян ум, а толстян язык, мысли, яко отрепи изгребены», что «худ разум» имеет, что он «есмы не мудр, но в премудрых ризу облачихся, а смысленых сапоги носил», — типичные приемы шута. Сказав о себе, вслед за Даниилом, что он «паря мыслию своею, аки орел по воздуху», Псевдо-Даниил «Моления» далее пишет: «умомъ своим ползая мыслию, яко змия по камению». Символическое противопоставление горного орла и пресмыкающейся змеи общеизвестно. Даниил «Слова» гордится своим талантом, даром слова, а Псевдо-Даниил «Моления» язвительно противопоставляет его словесный дар трусости в бою: «Аще есми на рати не велми храбрь, но в словесѣх крѣпок». Даниил Заточник говорит о себе, что жизнь его расстроилась из-за буести, то есть излишней заносчивости, гордости, независимости. Псевдо-Даниил «Моления» парирует на это: «Аще бо были котлу во ушию златы колца, но дну его не избыти черноти и жжения; тако же и холопу: аще бо паче мѣры горделивь былъ и буявь, но укуру ему своего не избыти холопяя имени». Автор «Моления» пародирует и похвалу Даниила князю. Если в «Слове» похвала эта умеренна и уместна, то Псевдо-Даниил «Моления», пародируя ее, создает похвалу-насмешку: «Лев рыкнет — кто не устрашится, а ты, княже, речеши — кто не убоится? Яко же бо змии страшен свистаньем своим, тако и ты, княже нашъ, грозен множеством вои». Книжному стилю «Слова» Псевдо-Даниил «Моления» противопоставляет сниженную, нарочито грубоватую образность мирских притч, скоморошин, демократической сатиры.

Как видим, автор «Моления», основываясь на тексте «Слова», в то же время спорит с ним, пародирует его, высмеивает Даниила; его послание. Таким образом, «Моление» является вторичным по отношению к «Слову» памятником. Это ответ на «Слово», анти-«Слово», пародия на него.

Итак, из всех дошедших текстов, приписываемых Даниилу Заточнику, наиболее архаичным является «Слово». Однако и оно, по общему признанию, не является авторским текстом, поскольку в нем очевидны позднейшие вставки, в том числе и из «Моления». По словам П. В. Бессонова, судьба этого памятника «совершенно сходна с судьбою всех подобных произведений иностранных, классических и даже восточных. Как скоро сочинение... касалось нравственных и практических правил, никогда нельзя было избавиться вставок».⁴

Таким образом, чтобы восстановить авторский текст, необходимо прежде всего реконструировать первоначальный состав «Слова». Задача эта представляется чрезвычайно важной, поскольку, не решив ее, мы обречены судить о произведении Даниила Заточника не на основании авторского текста, а на основании его позднейшей обработки. На мой взгляд, указанная задача вполне выполнима, вопреки мнению А. Данти и М. Колуччи, убежденных в том, что «первоначальная структура произведения безнадежно

⁴ Бессонов П. В. Несколько замечаний по поводу напечатанного в «Русской беседе» Слова Даниила Заточника // Москвитянин. 1856. Т. 2. С. 416.

утеряна в результате наслаивающихся сознательных изменений, и не существует никакой техники, которая позволила бы восстановить первоначальный текст».⁵

Задачей данной статьи является не только реконструкция первоначального состава «Слова», но и интерпретация освобожденного от позднейших вставок авторского текста. Изложить гипотезу об авторском тексте «Слова» удобнее в обратном порядке, начав со смыслового анализа текста «Слова» реконструированного состава, после которого доказательства вторичности выделенных фрагментов будут выглядеть, думается, убедительнее.

I

Интерпретация любого литературного текста «должна начинаться с анализа буквального смысла».⁶ При изучении же древнего текста, а тем более написанного афористичным, иносказательным языком притч, экзегетическое толкование особенно важно и даже необходимо.

Чтобы в полном объеме уяснить содержание сочинения Даниила Заточника, необходимо не только выявить второй, скрытый смысл цитат, имеющий непосредственное отношение к судьбе Даниила, но также раскрыть смысл иносказательных метафоро-символических выражений. Не претендуя на безошибочное истолкование тех или иных фрагментов сочинения Даниила Заточника, я выношу на суд читателя свое прочтение этого интересного и загадочного произведения.

Интерпретацию авторского текста Даниила Заточника необходимо предварить замечанием о его композиции. По моему убеждению, Даниил Заточник создавал свое произведение по правилам эпистолярного жанра. Обоснование этого — тема особой статьи, здесь же постараемся лишь показать, что построено «Слово» по правилам архитектоники посланий⁷ и содержит все необходимые их части.

Изучение композиции не только русских, но даже и византийских посланий еще только начинается.⁸ В исследованиях архитектоники византийских писем много неустоявшейся терминологии, даже путаницы. Поэтому при характеристике композиции средневекового письма мы используем термины латинских риторик, в которых указываются следующие обязательные части послания: *salutatio*, *exordium*, *captatio benevolentiae*, *narratio*, *argumentatio*, *conclusio*.

По нашему мнению, композиционная схема средневекового послания была следующей. Функцию заглавия играла часть, называемая в латинских риториках *salutatio* (приветствие). В ней, в форме начального приветствия, сообщалось, чье это послание и кому адресовано. Не случайно части византийского письма, соответствующие *salutatio* (употребление одной из них исключало употребление другой), назывались *inscriptio* и *praescriptio* (оба слова переводятся как «надпись, заголовок, заглавие»). При включении

⁵ Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie / Edizione critica a cura di M. Colucci e A. Danti. Firenze, 1977. P. 48.

⁶ Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991. С. 41.

⁷ Дж. Беркофф, отвечая на вопрос, можно ли отнести «Слово» к жанру послания, отметила, что его композиция соответствует риторическому правилу, включая *exordium*, *narratio*, *argumentatio* и *conclusio*. Но данное расположение материала, по ее словам, характерно не только для эпистолярной литературы. См.: Bercoff G. V. Gattungs- und Stilprobleme der altrussischen Briefliteratur (XI—XV Jh.) // Gattungsprobleme der älteren slavischen Literaturen. Berlin, 1984. S. 114—116.

⁸ См. об этом: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С. 100. Пользуюсь случаем выразить благодарность Д. М. Буланину за консультацию при моей работе над статьей.

послания в литературные сборники эта часть легко переделывалась в заглавие.

Текст письма строился, по всей видимости, на переплетении триад:

I. Зачин (*exordium*),

II. Семантема:

1) вступительная часть (*captatio benevolentiae*),

2) центральная часть (*narratio* и *argumentatio*),

3) заключительная часть.

III. Концовка (*conclusio*).

Содержание частей послания строго регламентировалось, как показали исследователи. Зачин содержал «начальные» цитаты или пословицы, призванные выразить главную мысль послания. Концовка включала пожелание здоровья или — шире — благопожелания адресату в молитвенной форме. Во вступительной части семантемы автор не только старался ввести адресата в курс дела, объяснить, чем вызвано его послание, но и расположить адресата к себе; не случайно эта часть послания носила в латинских риториках название *captatio benevolentiae* (дословно — «заискивание расположения»). Центральная часть семантемы включала *narratio*, то есть рассказ, повествование о сути дела, в котором могла высказываться просьба (*petitio*), и *argumentatio*, то есть аргументы в пользу сказанного и опровержение контрдоводов адресата. Эта центральная часть семантемы включала различные композиционные топосы (этикетные формулы) в зависимости от типа послания (просительное, утешительное, дружеское и т. д.). Заключительная часть семантемы состояла из закрепленных за ней композиционных топосов, включаемых по выбору автора. Непременным было лишь указание на краткость послания как на основное правило жанра. В этой части семантемы могла быть также просьба об ответном письме, указание на источник своих знаний и т. д.

С учетом сказанного обратимся к тексту «Слова» Даниила Заточника в его первоначальном, согласно нашей гипотезе, составе.

Анализируется Академический список «Слова», признанный исследователями лучшим (название дано по бывшему месту хранения: библиотека СПб. Духовной академии). Шифр рукописи: ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 43/1120, нач. XVII века. В приложении к статье публикуется текст этого списка. В основу публикации положено издание Н. Н. Зарубина, в отличие от которого в тексте выделены позднейшие вставки (сдвинуты вправо), а первоначальный авторский текст дан с разбивкой на строфы.⁹ Таких строф в тексте 29. Строфа является законченным синтаксическим и тематическим целым. Она заканчивается точкой и включает в себе самостоятельную мысль. Для каждой строфы характерна общность интонационного рисунка. Строфа делится на периоды, в основе которых — синтаксический параллелизм, а периоды состоят из ритмических рядов или стихотворных строк. Стихотворная строка делится, как правило, четкой синтаксической паузой (цезурой) на два полустипа. Интересно, что каждая часть текста содержит определенное число строф, в этом заметна продуманность. Внешние, обрамляющие части (зачин и концовка) содержат по одной строфе, вступительная и заключительная части семантемы — по

⁹ Впервые ритмическую разбивку текста «Слова» предложил М. Колуччи. См.: Colucci M. Le strutture prosodiche delle Slovo Daniila Zatočnika // Ricerche Slavistiche, 1973—1974. T. 20—21. P. 83—123. Ср.: Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie. P. 197—219. Однако попытка представить весь текст «Слова» как построенный по «изоколическому» принципу вызывает справедливые возражения исследователей. См., например: Бирнбаум Х. Мечта и тоска в период высокого Средневековья: Даниил Заточник и Вальтер фон дер Фогельвейде // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 176 и примеч. 11.

3 строфы, центральная часть семантемы — 21 строфу (из них 12 — нарративная часть и 9 — аргументация). Схематично это выглядит так:

1 — 3 — 21 — 3 — 1.

Строфу составляют, как правило, от 4 до 8 строк. Только в одной строфе их 9.

Внесенные мной в текст исправления по другим спискам «Слова» выделены курсивом и в необходимых случаях обоснованы при анализе текста. В некоторых случаях изменены знаки препинания по сравнению с изданием Зарубина, i заменено на и.

* * *

В заглавии Академического списка послание Даниила Заточника названо «словом» и адресовано автором своему князю — Ярославу Владимировичу. Есть все основания считать, что «словом» назвал свое послание сам автор. По представлениям византийцев, восходящим к античной традиции, автор послания «говорил», а адресат «слушал». Считалось, что получатель письма воспринимал послание не глазами, а ушами, что, впрочем, соответствовало традиции читать письма вслух. В связи с этим пишущий письмо выступал как оратор, а для адресата применялось обозначение «слушатель».¹⁰ Из этого следует, что послание рассматривалось как своего рода «слово», произнесенное автором и услышанное адресатом. Риторические правила были действительно во многом общими для письма и ораторского произведения.

Заглавие представляет собой, вероятно, переделанное начальное обращение к адресату (*salutatio*). Приветствия адресату в нем уже нет.

Первую строфу (зачин) почти целиком составляют так называемые начальные библейские цитаты, являющиеся, по словам Р. Пиккио, «тематическими ключами» произведения.¹¹ Они призваны выразить в краткой форме главную мысль послания.

Прежде всего Даниил, используя образность Псалтири, сообщает о своем решении обратиться к князю, пользуясь, словно дорогими музыкальными инструментами, своим разумом, своей мудростью («Въструбимъ, яко во златокovanja трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в серебряныя органы *возвятия* мудрости своеа»). Словами Давида Псалмопевца «Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех» автор выражает стремление возродить свою былую славу песнетворца, исполняющего песни под аккомпанемент музыкального инструмента. С просьбой помочь ему в этом и обращается Даниил к князю, как увидим далее. Это — основная мысль и цель его сочинения. Следующие цитаты призваны охарактеризовать само послание: это исповедь автора («востану рано, исповѣмъ ти ся»), в которой в иносказательной форме («въ притчах») автор выскажет то, что мучает его, свои мысли, думы («гадания моя») и возвестит о своем таланте, составляющем его славу («провѣщаю въ языцѣх славу мою»).

Последняя фраза зачина имеет обобщающий характер афоризма: «Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотю и мудростию». Вероятно, это объяснение того, с какой целью пишет Даниил свое послание (на это указывает союз «ибо», связывающий данную фразу с предыдущим текстом): «смысленый» Даниил надеется помочь себе мудростью и красотю своего послания.

¹⁰ См.: Сметанин В. А. Эпистонология поздней Византии, прозевасис (конкретно-историческая часть) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1978. Вып. 15. С. 63.

¹¹ См.: Picchio R. The Function of biblical thematic clues in the literary code of «Slavia Orthodoxa» // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. Vol. 1. P. 23.

Основная часть «Слова», семантема, начинается, как и полагалось, вступлением, экспозицией (строфы II—IV). Здесь автор не только напоминает кратко предысторию послания, но одновременно пытается расположить адресата к себе (композиционный топос), оправдаться, объяснить князю свой поступок, за который был наказан.

Этот фрагмент, написанный иносказательно, крайне труден для интерпретации. Многие из использованных здесь метафор и сравнений построены на библейских образах, и не всегда до конца ясно, на чем именно строит автор сравнение или метафору. К тому же некоторые из использованных библейских образов сами по себе нуждаются в специальном исследовании. В связи с этим предлагаемая интерпретация фрагмента не претендует на бесспорность.

Прежде всего Даниил сообщает, что, отличаясь талантом красноречия («бысть языкъ мой — трость книжника-скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость»), он осмелился написать князю о всех узах, оковах своего сердца (то есть о том, что тяготило, волновало его), чтобы тем самым освободиться от них, разбить их с ожесточением («Сего ради покушахся написати всякъ съзъз сердца моего и разбих зльѣ, аки древняя младенца о камень»). Используя библейский символ младенцев, разбиваемых о камень,¹² Даниил Заточник иносказательно ссылается на крайнюю степень отчаяния, заставившую его обратиться к князю с посланием. Даниил пишет далее, что боится княжеской хулы, ибо он, как бесплодная смоковница, не имеет плода покаяния, не раскаивается глубоко, искренне в своем поступке («Но боюся, господине, похулениа твоего на мя: азъ бо есмь аки она смоковница проклятая, — не имѣю плода покаянию»).¹³ Следующей фразой Даниил пытается оправдаться: «Имѣю бо сердце — аки лице безъ очию, и бысть умъ мой — аки нощный вранъ на нырищи». Фраза эта обычно понимается как отрицательная самохарактеристика Даниила: и сердце у него слепое, и ум как ночной ворон. Я вижу здесь другой смысл.

Сердце, подобное лицу без очей, то есть слепое, свидетельствует, вероятно, о бесстрастности Даниила. Для сравнения напомним, что та же символика «лица без очей» (слепоты) в образе Фемиды: повязка у нее на глазах — символ беспристрастности. Та же символика слепоты—беспристрастности и в образе Фортуны, богини счастливого случая, незаслуженной, случайной удачи, которая также изображалась с повязкой на глазах. Свой ум Даниил сравнивает с «нощным враном» на нырищи, то есть на развалинах. «Нощный вран» — это калька с греческого слова *νυκτιβραξ*, означающего ночную птицу типа филина, как и переводится это слово на современный русский язык. Именно так понимали орнитоним «нощный вран» и древнерусские книжники: «нощный вран» как ночная птица упоминается в Физиологе и, наряду с «враном», в библейских книгах Второзаконие и Левит.

Сравнивая свой ум с филином, Даниил использует образ Псалтири из 101 псалма: «Уподобихся неясъти пустыньнѣй, быхъ яко нощный вран на нырищи. Бдѣхъ и быхъ яко птица, особящияся на здѣ (на гнезде)». Здесь образ филина — ночной и одинокой птицы, как и образ пеликана (неясъти), любящего пустынные места, символизирует одиночество попавшего в беду

¹² Даниил использует здесь образ 136-го псалма: «Дочь Вавилона, опустошительница..., блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!».

¹³ Некоторые исследователи предлагают понимать эту фразу иначе: не имею плода [от] покаяния, то есть раскаиваюсь, но не имею результатов своего покаяния — княжеской милости. Однако такое прочтение не может быть, на мой взгляд, принято. Даниил сравнивает с бесплодной смоковницей себя (он не имеет плода), а не свое покаяние.

человека. Сравнение же Даниилом своего ума с филином на развалинах должно, вероятно, охарактеризовать его ум как стремящийся к уединению, самостоятельный, не подверженный влиянию чужого мнения, — независимый, гордый ум.

Итак, Даниил, оправдываясь в поступке, за который он наказан, пишет, что, по его мнению, вся «вина» его в том, что он был беспристрастен и независим в своих суждениях.

Дальше Даниил, вновь в иносказательной форме, напоминает о том, что с ним случилось. Будучи приближенным князя, Даниил «забдел» (слово «забдѣхъ» употреблено здесь, вероятно, во втором, переносном значении, и его следует понимать так: начал бдительно, усердно служить князю, заботиться, радеть о его благе), но «буестъ» (излишняя самоуверенность, гордость, дерзость) стала причиной краха его карьеры, расстроила его жизнь, лишила имущества, свергла в нищету, как некогда погубила хананейских царей («Забдѣхъ — и расыпаса животь мои, аки ханаонский царь, буестию, и покрьи мя нищета, аки Чермное море фараона»).

Говоря о буести хананейских царей, Даниил, по всей вероятности, имел в виду библейский рассказ о том, как они, проявив непокорность, гордыню, встретили войной израильтян, отказались сдать им свои города, предназначенные израильтянам самим Богом, за что все хананейские города были преданы заклятию и полностью истреблены (Ис. Нав. 11, 19—20).

Интересная параллель к высказыванию Даниила о буести, приводящей к бедам, содержится в Ипатьевской летописи. Здесь под 1241 г. сообщается о том, что при походе на Перемышль, который возглавил дворецкий князя Даниила Галицкого, были взяты в плен слуги перемышльского владыки в богатых одеждах, среди которых был и «словутный певец Митуса». О последнем летописец пишет следующее: «Словутного пѣвца Митусу, древле за *гордость* не восхотѣста служити князю Даниилу, раздраного акы связаного приведоша; сирѣчь, яко же рече Приточникъ: буестъ дому твоего скрушиться... Си же притчею речена быша». Слова Соломона о буести, гордыне, «сокрушающей дом», которые, по мнению летописца, сбылись в судьбе Митусы, перекликаются со словами Даниила, который признается, что его жизнь разладилась «буестию».

Не раскаиваясь в своем поступке, Даниил тем не менее решается обратиться к князю с просьбой о помиловании, стремясь убежать от «художества» своего — преследующей его нищеты,¹⁴ как возгордившаяся Агарь от «смирившей» ее Сарры («Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры, госпожа своея»).

Обращаясь к князю с просьбой о помощи, Даниил рассчитывает на прежнее «добросердие» князя, на его прежнюю дружескую любовь и ссылается на слова Священного Писания («Но видих, господине, твое добросердие к собѣ и притекох къ обычней твоеи любви. Глаголетъ бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишень будеши царствия небеснаго. Писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, и тои тя препитаеть въ вѣки»).

Далее следует значительная по объему центральная часть семантемы, состоящая из двух частей: *parratio*, переплетающегося с *petitio* — просьбой

¹⁴ Некоторые исследователи считают, что слово «художество» употреблено здесь в значении «искусство», понимая смысл фразы так: я написал это послание, чтобы заглянуть вину за свое произведение, послужившее причиной опалы. Однако такое толкование вряд ли возможно: если допустить, что Даниил бежит от лица своего сочинения, то необходимо признать, что он раскаивается в том, что создал его. Даниил же подчеркивает, что он не раскаивается, почему и боится княжеского «похуления». Более того, Даниил подчеркивает, что и данное послание — не «плод покаяния»: он написал его, спасаясь от нищеты.

(строфы V—XVI), и *argumentatio* (строфы XVII—XXVI). В нарративной части Даниил описывает свое бедственное положение изгнанника, переплетая жалобы на житейские невзгоды с просьбами к князю вызволить его из нищеты. Варьируя описание своей нищенской жизни и просьбу к князю о помощи, Даниил стремится растрогать князя, заставить его откликнуться на просьбу о помощи.

Оказавшись в опале, Даниил уподобился чаклой, поблекшей траве, растущей под прикрытием высокой стены: на нее ни солнце не сияет, ни дождь не падает. Для Даниила такой глухой стеной, оградившей его от всех людей, от лучей их дружеского участия, стала боязнь княжеского наказания за дружбу с опальным поэтом. Напротив, все теперь обижают его («Азь бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет; тако и азь всѣмъ обидимъ есмь, зане огражень есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердымъ»). Но не смотри на меня, просит Даниил князя, как волк на ягненка, а смотри, как мать на младенца. Свою просьбу Даниил подкрепляет уподоблением себя птицам, которые не пашут, не сеют, но надеются на милость Божию. Возможно, это сравнение обусловлено именно тем, что Даниил относит себя к певцам, славотворцам, чье благополучие зависит от милости и щедрости князя («Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небесныа, яко тии не орють, ни сѣють, но уповають на милость Божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея»).

Изгнанный из княжеского окружения, став нищим, Даниил несчастен везде, где бы он ни находился («Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горький; и кому ти естъ Новьгород, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя»). Вероятно, Боголюбово, Белое озеро и Лаче озеро — это места, в которых пребывает Даниил, изгнанный князем из Новгорода. Называя эти топонимы, Даниил обыгрывает их семантику, первоначальный смысл. Боголюбово, то есть Богом любимое, а значит, счастливое, для него — горе лютое, Белое озеро для него — черней смолы, пребывание на Лаче озере для него — плач горький (здесь автор играет созвучием слов «Лаче» и «плач»), а Новгород, то есть новый город, для него настолько старый, что и углы опали: ведь в нем не расцвела его доля.

Отвернулись от него даже друзья и близкие, поскольку, будучи в нищете, он уже не может, как раньше, поставить перед ними «трепезы многообразных брашенъ». Многие дружили с ним, опуская руку в одно блюдо (сидя за его столом), а в несчастье стали врагами и даже помогают сбить его с ног. Глазами плачут с ним (делают вид, что сочувствуют), а сердцем смеются над ним. Поэтому, делает Даниил горький вывод, не верь другу и не надейся на брата («Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многообразных брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся. Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата»).

Как князь Ростислав¹⁵ предпочел смерть (в борьбе за свой княжеский стол) Курскому княжению (поскольку долгом чести считалось добыть более высокий стол, позором — занять менее престижный), так для мужа пред-

¹⁵ Слова, приписанные здесь Ростиславу (а в Копенгагенском списке Ярослав), согласно летописи произнес Андрей Владимирович (Добрый) в 1139 г., когда великий князь Всеволод Ольгович изгонял его с Переяславского престола, отдавая взамен Курское княжение.

почтительнее смерть, чем нищенская жизнь («Не лгалъ бо ми¹⁶ Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лѣпше смерть, ниже продолжень животь в нищети»). Поэтому Даниил «вопиет» к князю, «одержим нищетою», с просьбой помиловать его, вернуть в свое окружение (чтобы не восплакаться ему, как Адаму, об утерянном рае) и щедро оплачивать его талант, пролить живительный дождь княжеских щедрот на землю его искусства, «художества» («Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимира, да не восплачюся, рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего»). Затем Даниил поясняет, почему он считает богатство необходимым условием расцвета своего таланта: «Зане, господине, богат мужъ везде знаемъ есть — и на чюжеи странѣ друзи держить, а убогъ во своени ненавидимъ ходитъ. Богатъ възглаголетъ — вси молчат и вознесутъ слово его до облакъ, а убогии възглаголетъ — вси нанъ кликнутъ. Ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ рѣчь честна».

После этого вновь следует страстная просьба Даниила избавить его от нищеты («Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от усть лвовъ»).

Находясь в опале, став нищим, Даниил уподобился неогороженному дереву, растущему при дороге, у которого обрубают ветви: он всеми обижаем, потому что не защищен страхом княжеского наказания за нанесенные ему обиды («Азь бо есмь, княже, аки древо при пути: мнози бо посьбають его и на огонь мечють; тако и азь всѣмъ обидимъ есмь, зане [не¹⁷] огражень есмь страхомъ грозы твоеа»).

Перенося многочисленные беды, пишет далее Даниил, человек погибает, как часто расплавляемое олово. Всякий человек умен и мудр, рассуждая о чужой беде, а о своей не может здраво рассудить. Поэтому тот, кто поможет человеку, попавшему в беду, как студеной водой напоит его в жаркий день («Яко же бо олово гинеть, часто разливаемо, тако и человекъ, приемля многия бѣды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити. Всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чюжеи бѣди, а о своени не можетъ смыслити. Аще кто в печали человекъа призрит, какъ студеною водою напоитъ во зноинныи день»).

Князь многих поддерживает своей милостью, защищает сирот и вдов, обижаемых вельможами, поэтому Даниил надеется, что и ему князь не откажет в просьбе: придет послание, вновь приблизит к себе («Птица бо радуется весни, а младенецъ матери; весна украшаетъ цвѣты землю, а ты оживляеши вся человекы милостию своею, сироты и вдовицы, от велможъ погружаемы. Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой красенъ; медъ истачають устнѣ твои, и послание твое — аки рай с плодомъ»).

¹⁶ «Ми» является здесь, вероятно, не местоимением, а усилительной частицей, *dativus ethicus* (на что указывал еще А. И. Лященко), в связи с чем нельзя на основании этого слова делать вывод о беседе автора с Ростиславом. О частице «ми» см.: Павлик Я. Дальнейшее восточнославянское народнопоэтическое соответствие одному месту «Слова о полку Игореве» (что ми шумить, что ми звенить) // *Scando-Slavica*. 1985. Bd 31. S. 93—107; Алексеев А. А. *Dativus ethicus* в «Слове о полку Игореве» (рукопись).

¹⁷ В данном случае при глаголе «огражень» требуется по смыслу частица «не», отсутствующая во всех списках «Слова», но имеющаяся в тексте Ундольского списка «Моления» и во всех списках первой переделки «Моления». С палеографической точки зрения пропуск «не» после «зане» вполне понятен, такие случаи постоянно встречаются, как указал академик В. М. Истрин (Был ли «Даниил Заточник» действительно заточен? // *Летопись ист.-филол. об-ва при Новороссийском ун-те. Одесса, 1902. Т. 10. С. 64*).

Сопоставляя далее свою нищенскую жизнь с роскошью князя, Даниил стремится еще раз ярко, наглядно обрисовать то бедственное положение, в котором он оказался («Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; или пиеш сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мякких постелях под собольими одѣялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе»).

Описав свое бедственное положение и высказав князю просьбу избавить его от нищеты, взяв на службу в дружину, Даниил аргументирует далее свою просьбу.

Прежде всего он обосновывает необходимость для князя многочисленной дружины, обращается к князю с просьбой-советом быть щедрым, брать на службу неимущих, раздавая им золото и серебро («Да не будет, княже мои, господине, рука твоя согбена на подавание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержать воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем. Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и князь¹⁸ многими людми честень и славень по всѣмъ странам. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра, — они же рѣша: нашъ царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя, зане мужи злата добудуть, а златом мужси (не) добыти»).

Далее рисуется образ «доброего» князя — мудрого военачальника и правителя, щедрого господина, отца многим. Именно такому предпочитают служить дружинники. Это и совет князю, и одновременно тонкая похвала ему («Дивиа за буяном кони паствити; тако и за добрымъ князем воевати. Многажды безнарядимъ полци погибають. Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть; тако и многи полки без добра князя. Гусли бо страются персты, а тѣло основается жилами, а дубъ *крѣпится* множеством корення; тако и градъ нашъ — твоею дръжавою. Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многим; мнозии бо оставляютъ отца и мать, к нему прибѣгают. Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится болшей роботы. Зане князь щедръ — аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы, напаяюще не токмо человекѣки, но и звѣри, а князь скупъ — аки рѣка въ брезѣхъ, а брезѣи камены: нѣлзи пити, ни коня напоити»).

Вслед за этим советом князю и одновременно тонкой, умелой и к месту вставленной похвалой ему следует похвала Даниила самому себе. Посоветовав князю брать на службу «нища мудра», а не «богата несмыслена» и объяснив, почему, Даниил просит обратить внимание на него: он нищ, но разумом обилен, молод, но стар разумом, — мысль его парит, словно орел по воздуху («Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищъ бо мудръ — аки злато в кални судни; а богат красень и не смыслить — то аки паволочито изголовие, соломы наткано. Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутренняя моя. Азь бо... одѣнимъ оскуденъ есмь, но разумом обилень. Унь възрасть имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орель по воздуху»).

Далее Заточник перечисляет те функции, которые он мог бы выполнять, будучи княжеским дружинником. Прежде всего он говорит о своем таланте слагать славы, хвалебные песни, которые «слажше меду» и которые, если князь вновь пожелает его слушать, он «накаплет» ему («Но постави сосуд скуделничъ под *потокъ* капля языка моего, да накаплютъ ти слажше меду

¹⁸ В ркп. «ты, княже». Испр. по остальным спискам «Слова». Речь в данном фрагменте идет не о конкретном князе, адресате послания, а о князьях вообще.

словеса усть моих. Яко же Давидь рече: сладка сут(ь) словеса твоя, паче меда устомъ моимъ»).

Прекрасно справится Даниил и с обязанностями посла, поскольку, будучи посланным с поручением, он, «мудрый муж», в отличие от «безумного», будет думать о деле, а не о пире, не о застолье («Мужа бо мудра посылаи — и мало ему кажи, а безумнаго посылаи — и самъ не лѣнися по немъ ити. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго — дому пира»).

Рассуждая о «добрых» и «лихих» думцах, Даниил пытается убедить князя в том, что, благодаря своей мудрости, он будет «добрым» советником, с помощью которого князь сможет добыть «высока стола» («Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри; не огонь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное; тако же и князь не самъ впадаетъ въ вещь (в ошибку. — Л. С.), но думци вводятъ. З добрымъ бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая — меншего лишень будеть»).

Изложив свою просьбу взять его на службу в княжескую дружину и аргументировав ее, Даниил, как это было принято в посланиях, опровергает «противные доводы». Он приводит предполагаемый ответ адресата: «Или ми речеши: женися у богата тѣстя чти великиа ради; ту пии и яжь». В ответ на это предположение путем женитьбы на богатой получить избавление от нищеты Даниил Заточник отвечает: «Ту лѣпше ми вошь буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти. Вошь бо ни молвить, ни зла мыслить, а зла жена бѣма бѣсѣтсья, а кротима выситсья; въ богатествѣ гордость приемлетъ, а (в) убожествѣ иныхъ осужаетъ».

В заключительной части семантемы (строфы XXVI—XXVIII) Даниил касается трех тем. Во-первых, он сообщает об источниках своих знаний, разума, «сладости словесной» («Азь бо, княже, ни за море ходиль, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по рознымъ цвѣтом, совокупляя медвенныи сотъ; тако и азь, по многимъ книгама исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих, аки в мѣх воды морския»). Это общее место посланий, такой же композиционный топос, как и сменившая его позднее «формула смирения». Если в позднем средневековье авторы будут говорить о своем самообразовании в самоуничжительном тоне, то Даниил в XII в. рассматривает это как свое достоинство, как признак развитого ума.

Во-вторых, Даниил напоминает о том, что достоинство речи — краткость (обязательный композиционный топос), и, в-третьих, выражает надежду на то, что перестанет расточать свое «богатство», раздавать его бесплатно неимущим; он просит у князя, по словам Д. С. Лихачева, «платы за свои „слова“, за свое „глаголание“, за свой „ум“, который считает богатством»¹⁹ («Да уже не много глаголю. Да не буду аки мѣх утель, роня богатство в руци неимущим. Да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита. Да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою, яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываетъ. Глаголетъ бо в мирскихъ притчах: рѣчь продолжена — не добро, добро — продолжена паволока»).

Концовка послания, клаузула (строфа XXIX) представляет собой молитвенное пожелание всевозможных благ адресату: «Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александру, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову. И умножи, Господи, вся человѣкы под руку²⁰ его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣкъ».

¹⁹ Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника. С. 250.

²⁰ В ркп. «под ножи». Испр. по др. спискам.

* * *

Предложенная интерпретация текста показывает, что ошибочным является мнение некоторых исследователей, будто «за общими рассуждениями о том и о сем» в «Слове» невозможно «проглядеть личность автора»²¹ Несмотря на абстрагированность послания Даниила, его «деконкретизацию», оно позволяет составить довольно ясное представление об авторе, причине, побудившей его обратиться к князю, и той цели, которую преследует послание. Из «Слова» ясно, что Даниил в прошлом — приближенный новгородского князя Ярослава Владимировича, с перерывами княжившего в Новгороде с 1182 по 1199 г.²² Беспристрастность и независимость суждений Даниила, проявившиеся, вероятно, в слишком дерзких словах, обращенных к князю (возможно, послании), стали причиной опалы придворного ратора, его ссылки. Всеми покинутый, преследуемый нищетой, он обращается к князю с просьбой помиловать его и вернуть в свою дружину. Даниил претендует на ту же роль в княжеском окружении, которую он играл до своего изгнания, — члена старшей дружины, княжеской думы, а точнее — княжеского советника (думца), посла и песнетворца (возможно, шире — придворного сочинителя: поэта, ратора, составителя посольских и иных грамот, писем и т. д.). Это были не три разные «профессии», а три функции одного человека, требовавшие от него одних и тех же качеств: мудрости и дара художественного слова, красноречия, умения убеждать. Известно, что у славян, степных кочевников и на Западе певцы были одновременно и княжескими послами,²³ поскольку успех дипломатической миссии часто зависел от красноречия, умения убеждать. К тому же певцов древние наделяли магическими свойствами, умением очаровать, обаять. В Бертинских анналах под 839 г. говорится о трех славянских певцах, не имевших с собой ничего, кроме гуслей, и отправленных своим князем в качестве послов к византийскому императору Феофилу.²⁴ Ипатьевская летопись под 1201 г. рассказывает о певце, которого половецкий хан Отрог отправляет к хану Сырчану с целью убедить его вернуться на Родину. «Молви же ему словеса, пой же ему песни половецкия. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именем евшань».²⁵ В связи с типологической общностью скальдов и славянских певцов типа Бояна, общепризнанной в настоящее время, важно отметить, что придворные скальды являлись дружинниками конунга, прославлением которого не ограничивался круг их обязанностей. В частности, они также исполняли посольские миссии.²⁶

Идентичную роль играли при дворах правителей риторы, философы. Так, византийский ритор и философ XII в. Михаил Пселл, славившийся своей образованностью и красноречием, был советником при дворе императора, исполнял посольские поручения, составлял послания от лица императора, славился своим речами, в том числе панегириками правителю. В

²¹ Гуссов В М К вопросу о редакциях «Моления» Даниила Заточника // Летопись ист-филол об-ва при Новороссийском ун-те Одесса, 1900 Т 8 С 5

²² Называя Ярослава Владимировича сыном «великого царя Владимира», Даниил мог иметь в виду как Владимира Мономаха, потомком которого Ярослав Владимирович являлся (слово «сын» употреблялось и в значении «потомок»), так и отца Ярослава Владимировича — Владимира Мстиславича, который, пусть недолго, но все же сидел на киевском столе, а значит, мог быть назван «великим князем (царем)»

²³ Щелкина М В О личности певца «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ М., Л., 1960, Т 16 С 77—78

²⁴ Тихомиров М Н Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в М., 1940 Т 1 С 25

²⁵ ПСРЛ СПб, 1843 Т 2 С 155

²⁶ Адмони В Г Скальды при дворе конунгов // ТОДРЛ Л., 1985 Т 38 С 506—508

связи с судьбой Даниила Заточника интересно, что Пселл просил прощения у претендента на престол Исаака Комнина за то, что говорил с ним «слишком свободно», то есть дерзко (ср. «буесть» Даниила).²⁷

Что касается судьбы Даниила, постигшего риторика наказания и его причины, то в качестве аналогии можно указать на судьбу византийского хрониста и поэта XII в. Михаила Глика. Он написал императору Мануилу Комнину письмо, в котором в иносказательной форме осуждал, даже высмеивал его чрезмерное увлечение астрологией и гаданием. Своей дерзостью Глика навлек на себя гнев адресата и был сослан в Нумерию. Из заточения он написал императору стихотворное прошение о помиловании, в котором описывал свое тяжелое положение, доказывал свою невиновность и просил о милости.²⁸

Кто такой Даниил — историческая личность или вымышленный персонаж, от имени которого написано фиктивное послание, — решить трудно. В Византии, например, фиктивные, литературные письма не были редкостью. Однако А. И. Лященко считал невозможным появление на Руси XII—XIII вв. произведения, основанного на вымышленном событии и составленного от имени неизвестного лица.²⁹ Во всяком случае летописцы, сообщающие под 1378 г. о священнике, сосланном в заточение на Лаче озеро, замечают: «идѣ же бѣ Данило Заточникъ», то есть верят в реальность последнего, если даже основываются на тексте «Слова».

Но как бы там ни было, можно говорить об «образе автора». Каким он предстает перед нами в реконструированном первоначальном виде «Слова»?

Даниил молод («унѣ възрѣсть имѣю»), но при этом отличается умом и начитанностью. Он цитирует Священное Писание, Пчелу, Повесть об Акире Премудром, летопись и другие памятники.³⁰ Автор послания искусно владеет пером, сплетая «чужие слова» в оригинальное и цельное сочинение. Он прекрасно знает правила того жанра, в котором создает свое произведение, и следует им. Даже будучи в опале, Даниил исполнен достоинства. Он гордится своим умом и талантом, которые считает богатством. Несмотря на нищету, повергающую его в отчаяние, Даниил отказывается каяться в поступке, за который он подвергся опале, так как считает его проявлением своей беспристрастности и прямоты. В нем нет подобострастности. Послание князю он пишет «тоном человека, ни мало не унижающегося, вполне сознающего свое достоинство».³¹ Похвалы князю «проникнуты какою-то искренностью, чуждою лести... Да и всей челобитной придан такой оборот, что князь вредит сам себе, сам лишает себя полезного человека, оставляя Даниила в изгнании».³²

Даниил Заточник — «своего рода „интеллигент“ Древней Руси».³³ Это была, по словам В. Г. Белинского, «одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредст-

²⁷ Безобразов П. В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890. С. 62—64, 70, 192—193 и др.

²⁸ Фрейберг Л. А. Михаил Глика (1-я половина XII в.) // Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969. С. 243—244.

²⁹ Лященко А. О Молении Даниила Заточника. СПб., 1896. С. 20—21.

³⁰ Об источниках «Слова» см., например: Бессонов П. В. Несколько замечаний... С. 389—416; Шляпкин И. А. Слово Даниила Заточника. СПб., 1899. С. 71—81 (ПДПИ. Вып. 81); Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914. С. 238—339. Приложение. С. III—XXX.

³¹ Миллер О. Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности. 2-е изд., передел. и доп. СПб., 1865. Ч. 1, вып. 1. С. 379.

³² Там же. С. 378—379.

³³ Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника. С. 255.

венность; которых сердце болит и сдается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят, потом сживают со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить».³⁴

II

Обратимся теперь к дошедшему до нас тексту «Слова». Он является, по моему мнению, особой редакцией «Слова» Даниила Заточника, поскольку позднейшие добавления, значительно расширившие авторский текст, изменили жанровую природу произведения.

В тексте дошедшей до нас редакции «Слова» (назовем ее Пространной) обнаруживается девять вставок в реконструированный первоначальный текст «Слова». При публикации «Слова» в приложении к данной статье они обозначены римскими цифрами: I—IX. Отдельные фрагменты внутри вставки обозначаются арабскими цифрами и разделяются звездочками. Подборки пословиц считаются за один фрагмент и отделяются друг от друга отточиями.

Вставки развивают дополнительными афоризмами и пословицами затронутые автором популярные в древнерусской литературе темы: «богатство и бедность» (вставка I), «человек в печали» (вставка II), «князь и дружина» (вставка III), «щедрый и скупой господин» (вставка IV, 1), «сладость словесная» (вставка V), «умные и безумные» (вставки VI, 1 и IX), «злые жены» (вставки VII, VIII).

В одном случае вставка разрабатывает имеющийся в авторском тексте воображаемый диалог автора с адресатом (композиционный топос): к одному предполагаемому совету князя выбрать из нищеты добавлены еще три и возражения автора на них (вставка VI, 2).

При анализе выделенных фрагментов вначале показывается их вторичность в тексте. Доказательством вторичности того или иного фрагмента для меня является нарушение им стройной, тщательно продуманной структуры реконструированного авторского текста: последовательности и логичности изложения, композиционной стройности, ритмико-строфической организации, стилового единства, определенного соотношения объема отдельных частей текста и др.

Рассмотрим теперь последовательно все девять вставок в первоначальную редакцию «Слова».

Вставка I (внутри строфы IX) представляет собой афоризм, приписываемый Соломону. О вторичности данного фрагмента свидетельствует прежде всего то, что он нарушает логику авторской мысли. Лучше смерть, чем жизнь в нищете, считает Даниил. Поэтому он обращается к князю с просьбой избавить его от нищеты, пролить на него дождь изобилия (см. строфу IX). Вторая мысль тесно связана с первой, логично вытекает из нее. Ссылка же на слова Соломона, разбивающая этот текст, противоречит мысли, выраженной первой фразой и лейтмотивом проходящей по всему посланию: нищета — беда, богатство — благо. По словам Соломона, одинаковой бедой является как нищета, так и богатство. После этого нелогичным выглядит обращение Даниила к князю с просьбой о туче, несущей дождь княжеских щедрот, и противопоставление им жизни богатых — жизни бедных.

Текстологическое сопоставление данного фрагмента с соответствующей цитатой из Притч Соломона, из «Пчелы» и из «Моления» по Ундольскому и Чудовскому спискам убеждает в том, что из Притч Соломона цитата попала в «Пчелу», из «Пчелы» была заимствована в «Моление» (Ундольский

³⁴ Белинский В. Г. Русская народная поэзия // Отеч. зап. 1841. Ч. 19, № 11. С. 19—20.

список дает чтение более раннее, чем Чудовский) и из «Моления» внесена в «Слово». Для наглядности приведу текст цитаты по всем названным произведениям.

Пр. Сол. (30, 8—9): «Богатства же и нищеты не даждь ми: устрой же ми потребная и самодовольная. Да не насыщся ложь буду и реку: кто мя видит? Или обнищавъ, украду и кленуся именемъ Божиимъ».

«Пчела» (1-я ред.): «Соломонъ рече. Богатства, ни убожства не даждь ми, Господи, но створи мя яко подобна и удобна. Егда когда насытивъсь ложь буду и рьку: и кто мя видит? Или украду, убожавъ, и покленуся именемъ Божиимъ».

«Моление» (Унд. список, § XLIV): «Сего ради Соломонъ глаголетъ: богатства, ни убожства не дай же ми, Господи: обогатѣвъ, восприиму гордость и буеть, а во убожествѣ помышляю на татбу и на розбои; *убожество мужа подвигнет на татбу, а жену на блядню*».

«Моление» (Чуд. список, § XLIV): «Сего ради Соломонъ глаголетъ: богатства и убожства не дай же ми, Господи: обогатѣвъ, восприиму гордость и буеть, а во убожествѣ помышляю на татбу и на розбои, *а жены на блуд*».

«Слово»: «Яко же бо Соломонъ рече: ни богатства ми, ни убожства, Господи, не дай же ми. Аще ли буду богатъ — гордость восприиму, аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на розбои, *а жены на блядню*».

Как видим, при включении афоризма Соломона в «Пчелу» слова «нищета» и «обнищавъ» были заменены на «убожество» и «убожавъ». «Моление» в этом смысле следует за «Пчелой». При включении данной цитаты в «Моление» была добавлена фраза, лучше сохранившаяся в списке Ундольского (выделена курсивом). В Чудовском списке эта добавленная фраза уже сокращена до слов: «а жены на блуд». Именно в такой форме находим ее в «Слове». Но в другом разночтении двух списков «Моления» (на блядню — на блуд) «Слово» совпадает со списком Ундольского.

Вставку II (внутри строфы XIII) составляют три пословицы на тему «человек в печали»: «Злато искушается огнемъ, а человекъкъ напастыми. Пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ являеть, а в печали человекъкъ обрѣтаеть умъ свръшень. Молеве, княжи, ризы ѣдятъ, а печаль человекъка, печалну бо мужу засышють кости». В Академическом списке «Слова» читается «злато съкрушается», однако первоначальным было чтение «искушается», которое дают все остальные списки «Слова» и списки всех других произведений цикла. Такое же чтение дает и «Пчела».

О том, что приведенные пословицы добавлены в текст позднее, говорит нарушение ими логичности и последовательности авторской мысли. Фрагмент, в который они вставлены, содержит логическое умозаключение, состоящее из первой посылки (многие беды губят человека), второй посылки (человек в беде лишается способности здраво рассуждать и потому не может сам выбраться из бед) и вывода, заключения (находящемуся в беде человеку необходима помощь, она для него — как для жаждущего студеной вода в знойный день). Внесенные пословицы развивают тему первого суждения (но при этом две из них противоположны ему по смыслу), а поставлены после второго, нарушая ход авторской мысли, логику силлогизма. Кроме того, две первые пословицы противоречат, как уже отмечалось, авторской мысли. Касаясь одной из них, П. Миндалев отметил, что здесь позднейшая вставка до очевидности ясна: не мог же Даниил забыть до того, чтобы противоречить самому себе, утверждая, с одной стороны, что «никто не может ... у печали смыслити», а с другой — что «в печали обрѣтаеть человекъкъ умъ свръшень».³⁵ Первая пословица также противоречит авторскому вы-

³⁵ Миндалев П. Моление Даниила Заточника... С. 140.

сказыванию Даниила: она утверждает, что человек проверяется (искушается) напастями. Вероятно, заметив это, переписчик Академического списка и заменил «искушается» на «съкрушается».

На мой взгляд, три указанные пословицы внесены в «Слово» из «Моления». В «Молении» первые две пословицы входят в § LXIII (см. издание Н. Н. Зарубина), а третья — в § XLIX. Этот последний соответствует § XVI в «Слове» (у нас — строфа XIII) и содержит ту же мысль: печаль губит человека. В § LXIII «Моления», которому нет соответствия в «Слове», Псевдо-Даниил, часто полемизирующий с Даниилом, развивает противоположную мысль: печаль делает человека опытнее, мудрее. Редактор, дополнявший текст «Слова» текстом «Моления» (то есть составитель Сводной редакции), взял одну пословицу из § XLIX и две из § LXIII, поместив их вместе в строфу XIII «Слова» (по Зарубину — § XVI).

Вставка III (после строфы XVII) содержит ссылку на слова Святослава Игоревича, обращенные к дружине. О вторичности этого фрагмента свидетельствует его противоречие авторской мысли. Даниил убеждает князя в необходимости иметь большую дружину, устами же Святослава утверждается, что в битве исход дела решает не количество воинов, а Божье произволение.

Источником ссылки на слова Святослава послужил, вероятно, текст Никоновской летописи под 1138 г.: «Князь же Святослав Ольговичъ, сынъ Ольговъ, стоявъ, и недоумѣвся, рече: лутши естъ уповати на Бога, неже пролити кровь з братьею своею; отъ Бога бо возможна вся, и той управить, якоже хоцеть». Здесь речь идет о князе XII в. Святославе Ольговиче. В текстах «Слова» и «Моления» летописная запись существенно переработана. Князь назван Святославом, но подразумевается при этом Святослав Игоревич (X в.), сын Ольги, речь идет о походе на Царьград с малою дружиною, к которой и обращена его речь. Летописный текст лучше передан в «Слове». В «Молении» он значительно расширен. Кроме того, в «Слове» лучше передано заимствование из Псалтири (124, 1): «Надѣишиися на Господа, яко гора Сионъ: не подвижится въ вѣкъ».

Приведу текст рассматриваемого фрагмента по «Слову» и «Молению».

«Слово»: «Яко же рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа, намъ ли от града погинути или граду от нас пленену быти? Яко же Богъ повелить, тако будетъ: поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма. *Надѣяся на Господа, яко гора Сионъ не подвижится въ вѣки.*

«Моление» (Чуд. список, § XXII): «Яко же рече Святослав, сынъ Олжинъ, идя на Царьград малою дружиною, и рече: не вѣдомо ны естъ, братие, граду ли от насъ пленену быти, или будетъ нам от града погибнути. Аще Богъ по нас, кто на ны? Рече бо: поражаю и паки сотворю; воздвижю брани, уставлю миръ. Нѣсть храбрства, ни думы противу мнѣ. Всяко слово смерть и живот, но мышцею моею уповають вся страны. Яко же азъ реку, тако и будетъ: повелю бежати, и побегутъ; повелю гнати, то гонят. Поженет единъ сто, а сто подвигнет тму. *Надѣяся на Мя, яко гора Сион не подвижется во веки.*

Таким образом, текстологическое сопоставление «Слова» и «Моления» дает основание полагать, что данный фрагмент был внесен в текст «Слова» до его переработки Псевдо-Даниилом в «Моление».

Вставка IV (после строфы XIX) состоит из двух фрагментов. Первый фрагмент развивает тему о щедром и скупом господине: сказанное о князе перефразируется по отношению к боярину («А бояринъ щедръ — аки кладяз сладокъ при пути: напаяеть мимоходящих. А бояринъ скупъ — аки кладяз сланъ»). Рассуждения о щедром и скупом боярине явно неуместны в тексте,

цель которого — убедить князя иметь большую дружину и быть щедрым к своим слугам. Во втором фрагменте говорится об опасности соседства с правителем, что представляется уже просто нелепым в послании к князю. Получается, что Даниил советует князю не иметь села поблизости от села ... князя («Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дрѣжи села близъ княжа села: тивунъ бо его — аки огонь, трепетицею накладенъ, и рядовичи его — аки искры. Аще от огня устережешися, но от искорь не можеши устеречися и сождения порть»). Показательно, что ни в одном из остальных памятников цикла двух этих фрагментов нет. Следовательно, вставка была сделана после того, как на основании «Слова» были созданы его переработки.

Оба эти фрагмента вместе с афоризмом, который они развивают (о щедром и скупом князе), находим в «Пчеле» второй редакции (П. Бессонов указывает на «Пчелу» Сахарова, где есть все три высказывания³⁶). Однако трудно решить однозначно, кто у кого заимствовал в данном случае. Поскольку в списках «Пчелы» второй редакции, источником которой был и текст Даниила, афоризм первоначального текста (о князе) стоит рядом с афоризмом, добавленным в «Слово» позднее, можно думать, что в «Пчелу» они внесены из «Слова».

Вставка V (после строфы XXII) представляет собой искаженный афоризм Соломона. Две части этой фразы синтаксически противопоставлены друг другу, а по смыслу не связаны одна с другой; первая утверждает, что добрые слова приятны, сладки для души, а вторая — что уныние, печаль — удел «безумных». Данное обстоятельство позволяет думать, что эта фраза принадлежит не Даниилу Заточнику, создавшему совершенный, до мелочей продуманный текст, а одному из книжников, дополнивших текст «Слова».

Текстологическое сопоставление «Слова» и «Моления» с привлечением Притч Соломона и «Пчелы» второй редакции, содержащих данный афоризм, показывает, что текст «Моления» ближе к тексту Притч, чем «Слово». «Пчела» второй редакции включает оба варианта афоризма.

Пр. Сол. (16, 24): «Сотове медовнии — словеса добрая; сладость же их — исцеление души».

«Моление» (Унд. список, § LII): «Соломон рече: устове (искаж. «сотове») медвени — словеса добрая; сладость их — гоило души; уста праведнаго искаплют премудрость, печал сердцу душа безумных».

«Слово»: «Ибо Соломон рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрывает же печаль сердце безумному».

«Пчела» (2-я ред.): «Сотове медвении — словеса добрая; сладость же ихъ — исцеление души и тѣлу здравие почитаючи словеса Божия... Словеса добрая сладость души и тѣлу, покрываютъ печали сердце».

Вероятно, литературная история цитаты такова: автор «Моления» заимствовал ее из притч Соломона, прибавив к ней еще один афоризм. Из «Моления» цитата в переработанном виде была внесена в «Слово». В «Пчеле» данный афоризм приведен и в том, и в другом варианте, но оба варианта подверглись изменению. В варианте «Слова», например, удачно исправлена по смыслу вторая часть. Атрибуции афоризма Соломону здесь нет.

Вставка VI (после строфы XXIII) состоит из двух фрагментов, внесенных в текст «Слова» одновременно, одним редактором. Первый фрагмент — это подборка пословиц и скаморошины об умных и безумных. О вторичности данного фрагмента говорит следующее. Предшествующий ему текст содержит противопоставление мудрых княжеских послов и «безумных» посланников. Это должно сказать адресату, что Даниил, будучи мудрым, принесет пользу князю как посол. Редактор не понял, вероятно, смысла данной

³⁶ Бессонов П. В. Несколько замечаний... С. 406.

фразы, увидел в ней простое противопоставление умных и безумных и добавил еще ряд пословиц на эту тему, большинство из которых говорит о невозможности научить безумных, о бесполезности наставлять их. О вторичности включенных в текст пословиц говорят и нарушение ими строфической организации текста, и стилистическая сниженность, чуждая авторскому тексту «Слова».

По моему мнению, данная подборка пословиц составлена на основании двух фрагментов «Моления»: § LIV—LV (откуда взяты первые три пословицы) и § LXII (откуда взяты остальные пять).

Второй фрагмент вставки VI содержит своеобразный «диалог» автора послания с адресатом. Подобного рода диалог — «общее место» эпистолярных памятников. Цель его — предугадать возможный ответ адресата и опровергнуть его. Рассматриваемый фрагмент является развитием, разработкой диалога, имеющегося в авторском тексте Даниила (см. предполагаемый совет князя жениться на богатой и возражение на него).

Вторичность данного фрагмента выдает прежде всего занимаемое им в тексте место: вкупе с пословицами о безумных диалог вклинивается в перечисление автором тех функций, которые он готов исполнять при князе, тогда как в посланиях подобные «диалоги» помещаются после изложения автором своей просьбы, как это сделано в авторском тексте Даниила.

Еще более серьезным свидетельством вторичности данного «диалога» является вносимая им дисгармония в «образ автора». Если в «Слове» перед нами человек, вполне сознающий и даже подчеркивающий свое достоинство, чему способствует и книжный стиль его послания, то в привнесённом «диалоге» господствует холопский тон, которому соответствует сниженный стиль скоморошин.

Оба фрагмента VI вставки были, вероятно, внесены в текст «Слова» одновременно, их скрепляет тема безумия: после пословиц об умных и безумных идет «диалог» с адресатом, начинающийся с опровержения автором своего безумия.

Вставка VII (после строфы XXIV) содержит два высказывания о женщинах. Об их вторичности в тексте «Слова» свидетельствует прежде всего занимаемое ими место: они стоят не после предполагаемого совета князя жениться на богатой, ответом на который, по сути дела, являются, а перед ним. Это говорит о том, что данный фрагмент был внесен в «Слово» уже тогда, когда оно перестало восприниматься как личное послание, а стало рассматриваться как сборник изречений на разные темы. При таком отношении к тексту переписчику было неважно, куда приписать добавленные им изречения о женах — в конец или в начало подборки, до предугадываемого совета князя или после него. Ведь сам предполагаемый совет князя жениться на богатой с ответом на него расценивался тоже как одно из высказываний о женах, а потому и был внесен в «Пчелу» второй редакции.

О вторичности рассматриваемых фрагментов свидетельствует и то, что оба высказывания не соответствуют ритму «Слова», а скоморошины. Второе высказывание является прозой, хотя и своеобразно организованной, рассчитанной на произнесение вслух, — это отрывок из поучения, ораторской прозы.

Оба эти фрагмента присутствуют в «Молении», где они стоят *после* предполагаемого совета князя жениться на богатой и ответа на него. Скомороший стиль этих фрагментов убедительно свидетельствует о том, что именно из «Моления» были заимствованы они в «Слово».

Вставка VIII (после строфы XXV) самая большая по объему, она занимает почти одну шестую текста «Слова», в связи с чем в конце этой вставки редактор вынужден был отметить: «Еще возвратимся на предняя словеса». Это уже

само по себе ставит под сомнение принадлежность данного фрагмента авторскому тексту «Слова». П. Миндалев, считавший этот фрагмент вставкой, отметил, что он «состоит из отдельных кусков, соединенных механически, ... даже с нарушением логической последовательности». ³⁷ Вторичность этой подборки высказываний о злых женах выдает и характер использования в ней цитат. В отличие от Даниила, у которого все скрытые цитаты «прочувствованы, продуманы, прожиты, усвоены, сообразованы», ³⁸ органично вплетены им в ткань своего повествования, подчинены авторской мысли, редактор, внесший вставку о злых женах, не обрабатывает заимствования, они сохраняют следы своего источника — поучения, обращенного к «братии», «мужам», «женам», тогда как «Слово» Даниила Заточника построено на обращении к князю. Серьезным доказательством того, что всей этой подборки не было в первоначальном тексте «Слова», является то, что в «Молении» и его переработках она полностью отсутствует. Следовательно, в текст «Слова» эта подборка была добавлена после того, как на его основе было создано «Моление».

Вставка IX (внутри строфы XXVII) невелика по объему: «Не отмиѣтай безумному прямо безумию его, да не подобень ему будещи. Уже бо престану с нимъ много глаголати». По словам П. Миндалева, этого фрагмента не могло быть в авторском тексте, так как в противном случае князь, которому адресовано послание, мог бы понять эти слова как намек на собственное безумие. ³⁹ Этот фрагмент отсутствует во всех остальных произведениях цикла, нет его и в списках «Слова», опубликованных В. Ф. Покровской и М. Н. Тихомировым.

Подведем итог сказанному.

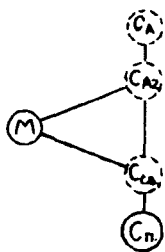
Рассмотренные вставки были внесены в первоначальный текст «Слова», по всей вероятности, в несколько этапов.

Вставка III добавлена в «Слово», видимо, до того, как на его основе было создано «Моление». В результате этого добавления возник второй вид Авторской редакции «Слова».

Вставки I, II, V, VI, VII внесены, как представляется, одним редактором из текста «Моления». Образовавшуюся в результате этого редакцию «Слова» можно назвать Сводной.

На следующем этапе распространения текста «Слова» дополнительными гномами были добавлены, вероятно в разное время, вставки IV, VIII, IX, отсутствующие во всех остальных произведениях цикла, а вставка IX даже в некоторых списках «Слова». После внесения в текст этих вставок, среди которых и обширная подборка о злых женах, возникла редакция «Слова», которую можно назвать Пространной.

Основные этапы литературной истории «Слова» Даниила Заточника можно отразить следующей стеммой:

Условные обозначения:

- СА. — Авторская, первоначальная редакция «Слова».
- СА₂ — Авторская редакция «Слова» с дополнением (вставка III).
- Ссв. — Сводная редакция «Слова».
- Сп. — Пространная редакция «Слова».
- М — «Моление».

³⁷ Миндалев П. Моление Даниила Заточника... С. 144.

³⁸ Бессонов П. В. Несколько замечаний... С. 392.

³⁹ Миндалев П. Моление Даниила Заточника... С. 146.

Таким образом, литературная история «Слова» Даниила Заточника шла по пути превращения его в произведение типа «словес избранных» на различные назидательные темы. «Слово» оказалось перегружено цитатами, афоризмами и утратило характер личного послания.

Внесенные в авторский текст добавления изменили до неузнаваемости первоначальный текст, нарушив однородность его языка и стиля, продуманность композиции, строгую ритмико-строфическую структуру.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слово Даниила Заточника,
еже написа своему князю, Ярославу Володимировичю

I

- 1 Вѣструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего
- 2 И начнемъ бити в сребренья органы *возвития*¹ мудрости своеа.
- 3 Вѣстани, слава моя, вѣстани въ псалтыри и в гуслех!
- 4 Востану рано, исповѣмъ ти ся;
- 5 Да разверзу въ притчах гадания моя и провѣщаю въ языцѣх славу мою.
- 6 Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

II

- 1 Бысть языкъ мой — трость книжника-скорописца,
- 2 И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость.
- 3 Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего
- 4 И разбих злѣ, аки *древня*² младенца о камень.
- 5 Но боюся, господине, похуления твоего на мя:
- 6 Азь бо емь аки она смоковница проклятая, —
- 7 Не имѣю плода покаянию.

III

- 1 Имѣю бо сердце — аки лице безъ очию,
- 2 И бысть умъ мой — аки ночныи врань на нырищи.
- 3 Забдѣх — и расыпаса животь мои, аки ханаонскый царь, буюстию,
- 4 И *покры* мя нищета, аки Чермное море фараона.
- 5 Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего,
- 6 Аки Агарь рабыни от Сарры, госпожа своеа.

IV

- 1 Но видих, господине, твое добросердие к собѣ
- 2 И притекох къ обычней твоеи любви.
- 3 Глаголетъ бо въ Писании:
- 4 Просящему у тебе даи, толкущему отверзи,
- 5 Да не лишень будеши царствия небеснаго.
- 6 Писано бо есть:

¹ В ркп. *возвитис*. Испр. по смыслу. В др. списках «Слова»: *возвѣстия*, и *возвѣмъ*, и *возвидѣ*. ² В ркп. *древяныя*. Испр. по др. спискам.

- 7 Возверзи на Господа печаль свою,
8 И тои тя препитаеть въ вѣки.

V

- 1 Азь бо есмь, княже господине,
2 Аки трава блещена, растяще на застѣнии,
3 На нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет;
4 Тако и азь всѣмъ обидимъ есмь,
5 Зане огражень есмь страхом грозы твоеа,
6 Яко *плотомъ* твердым.

VI

- 1 Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня,
2 Но зри на мя, аки мати на младенецъ.
3 Возри на птица небесныа,
4 Яко тии не орють, ни сѣють, но уповають на милость Божию;
5 Тако и мы, господине, жалаем милости твоеа.

VII

- 1 Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое;
2 Кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы;
3 Кому Лаче озеро, а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горкии;
4 И кому ти есть Новѣгород, а мнѣ и углы опадали,
5 Зане не процвите часть моя.

VIII

- 1 Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене,
2 Зане не поставих пред ними трепезы многообразных брашень.
3 Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило,
4 А при напасти аки врази обрѣтаются
5 И паки помагающе подразити нози мои;
6 Очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся.
7 Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

IX

- 1 Не лгаль бо ми Ростиславъ князь:
2 Лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение;
3 Тако же и мужеви:
4 Лѣпше смерть, ниже продолжень животь в нищети.

Яко же бо Содомонъ рече:

Ни богатства,³ ни убожества, Господи, не даи же ми.

Вставка I

Аще ли буду богатъ — гордость восприиму,

Аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбои,

А жены на блядню.

- 5 Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою:
6 Помилуй мя, сыне великаго царя Владимира,
7 Да не восплачюся, рыдая, аки Адамъ рая;
8 Пусти тучю на землю художества моего.

³ В ркп. далее добавлено: ми. Испр. по др. спискам.

X

- 1 Зане, господине, богат мужь везде знаем есть, —
- 2 И на чюжеи странѣ друзи держить,
- 3 А убогъ во свои ненавидим ходить.
- 4 Богат возглаголеть — вси молчат
- 5 И вознесут слово его до облакъ,
- 6 А убогии возглаголеть — вси нань кликнуть.
- 7 Их же ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.

XI

- 1 Княже мои, господине!
- 2 Избави мя от нищеты сея,
- 3 Яко серну от тенета,
- 4 Аки птенца от кляпци,
- 5 Яко утя от ногти носимаго ястреба,
- 6 Яко овца от усть лвовъ.

XII

- 1 Азь бо есмь, княже, аки древо при пути:
- 2 Мнозии бо посѣкають его и на огонь мечють;
- 3 Тако и азь всѣм обидимъ есмь,
- 4 Зане огражень ⁴ есмь страхом грозы твоеа.

XIII

- 1 Яко же бо олово гинеть, часто разливаемо,
- 2 Тако и человекъ, приемля многия бѣды.
- 3 Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити.
- 4 Всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чюжеи бѣди,
- 5 А о свои не можетъ смыслити.

Злато *искушается* ⁵ огнемъ, а человекъ *напастыми*.

Вставка II

Пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ являеть,
а в печали человекъ обрѣтаеть умъ свръшенъ.

Молеве, княжи, ризы ѣдятъ, а печаль человека,
печалну бо мужу засышють кости.

- 6 Аше кто в печали человека призрит,
- 7 Какъ студеною водою напоить во зноинныи день.

XIV

- 1 Птица бо радуется весни, а младенець матери;
- 2 Весна украшаетъ цвѣты землю, а ты оживляеши вся человекы милостию своею.
- 3 Сироты и вдовицы, от велможь погружаемы.
- 4 Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего,
- 5 Яко гласъ твои сладокъ, и образ твои красень;
- 6 Мед истачають устнѣ твои, и послание твое — аки рай с плодом.

⁴ По смыслу при глаголе *огражень* требуется *частица* не, однако отрицание не после *зане* часто опускалось, как указал В. М. Истрин. ⁵ В ркп.: *съкрушается*. Испр. по др. спискам.

XV

- 1 Но егда веселишися многими брашны,
- 2 А мене помяни, сух хлѣбъ ядуша;
- 3 Или пиеши сладкое питие,
- 4 А мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена;
- 5 Егда лежиши на мякких постелях под собольими одѣялы,
- 6 А мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа,
- 7 И каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе.

XVI

- 1 Да не будет, княже мои, господине,
- 2 Рука твоя согбена на подавание убогих:
- 3 Ни чашею бо моря расчерпати,
- 4 Ни нашим иманиемъ твоего дому истощити.
- 5 Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы,
- 6 Тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра,
- 7 Но раздаваи людем.

XVII

- 1 Паволока бо испестрена многими шолки и красно лице являеть;
- 2 Тако и князь⁶ многими людми честень и славень по всѣмъ странам.
- 3 Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго
- 4 И показа им множество злата и сребра, —
- 5 Они же рѣша:
- 6 Нашъ царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя,
- 7 Зане мужи злата добудуть, а златом мужей (не)⁷ добыти.

Яко же рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ,
Ида на Царьград с малою дружиною, и рече:
Братиа! Намъ ли от града погинути
Или граду от нас пленену быти?
Яко же Богъ повелитъ, тако будетъ:
Поженет бо единъ сто, а от ста двинется тма.
Надѣся на Господа яко гора Сионъ:
Не подвижится въ вѣки.

Вставка III

XVIII

- 1 Дивиа за буяном кони паствити;
- 2 Тако и за добрымъ князем воевати.
- 3 Многожды безнарядиемъ полци погибають.
- 4 Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣть;
- 5 Тко и многи полки без добра князя.
- 6 Гусли бо страются персты,
- 7 А тѣло основается жилами,
- 8 А дубъ крѣпится⁸ множеством коренна;
- 9 Тако и градъ нашъ — твоею дрѣжавою.

⁶ В ркп.: ты, княже. Испр. по др. спискам. ⁷ В ркп. частица не пропущена. Испр. по др. спискам. ⁸ В ркп. в.м.: а дубъ крѣпится — дубъ крѣпокъ. Испр. по др. спискам в соответствии с ритмической структурой (синтаксический параллелизм).

XIX

- 1 Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многиим;
- 2 Мнози бо оставляють отца и матеръ, к нему прибѣгаютъ.
- 3 Доброму бо господину служба, дослужится слободы,
- 4 А злу господину служба, дослужится болшей роботы.
- 5 Зане князь щедръ — аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы,
- 6 Напаяюще не токмо человѣки, но и звѣри;
- 7 А князь скупъ — аки рѣка въ брезѣх, а брезии камены:
- 8 Нѣлзи пити, ни коня напоити.

- 1 А бояринъ щедръ — аки кладяз сладокъ при пути:
Напаяеть мимоходящихъ.
А бояринъ скупъ — аки кладязь сланъ.
* * *

- Вставка IV*
- 2 Не имѣи собѣ двора близъ царева двора
И не дрѣжи села близъ княжа села:
Тивунъ бо его — аки огонь, трелетицею накладень,
И рядовичи его — аки искры.
Аще от огня устережешися,
Но от искоръ не можеша устеречися
И сождения порть.

XX

- 1 Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра,
- 2 Ни вознесе до облакъ богата несмыслена.
- 3 Нищъ бо мудръ — аки злато в кални судни,
- 4 А богат красенъ и не смыслить —
- 5 То аки паволочито изголовие, соломы наткано.

XXI

- 1 Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутренняя моа.
- 2 Азь бо ⁹ одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумомъ обилень;
- 3 Унъ възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ.
- 4 Быхъ мыслию паря, аки орель по воздуху.

XXII

- 1 Но постави сосудъ скуделничъ под *потокъ* капля языка моего,
- 2 Да накаплють ти слажше меду словеса усть моихъ.
- 3 Яко же Давидъ рече:
- 4 Сладка сут(ь) словеса твоя, паче меда устомъ моимъ.

- Вставка V*
- Ибо Соломонъ рече:
Словеса добра сладостью напаяють душу,
Покрываетъ же печаль сердце безумному.

XXIII

- 1 Мужа бо мудра посылаи — и мало ему кажи,
- 2 А безумнаго посылаи — и самъ не лѣнися по немъ ити.
- 3 Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ,
- 4 А безумнаго — дому пира.

⁹ В ркп. далее вставлено слово господине. Испр. по др. спискам.

Лѣпше слышати рѣшнє умных, нижели наказанїа безумных.

...
Даи бо премудрому вину — премудрїе будеть.

1 Не сѣи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных.

...
Безумных бо ни сѣють, ни орють, ни в житницу собирают, но сами ся родят.

...
Какъ в утель мѣх лити, такъ безумнаго учити.

...
Псомъ бо и свиинямъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумному — драгии словеса.

Вставка VI Ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати.

...
Коли пожреть синиця орла,
Коли камень въсплавлет по водѣ,
И коли иметь свииня на бѣлку лаяти, —
Тогда безумныи уму научится.
* * *

2 Или ми речеши: от безумїа ми еси молвилъ. — То не видал есмь неба польстїяна, ни звиздѣ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющѣ.
Или ми речеши: сыгаль еси, аки песь. — Добра бо пса князи и бояре любят.

Или ми речеши: сыгаль еси, аки тать. — Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвица бо погубляетъ красу свою бляднєю, а мужъ свое мужество татбою.

XXIV

- 1 Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри;
- 2 Не огонь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное;
- 3 Тако же и князь не самъ впадаетъ въ вещь, но думци вводятъ.
- 4 З добрымъ бо думцею думая, князь висока стола добудеть,
- 5 А с лихимъ думцею думая — меншего лишень будетъ.

Глаголетъ бо в мирскихъ притчах:

- 1 Не скоть въ скотѣх коза,
Ни зверь въ звѣрех ожь,
Ни рыба въ рыбах ракъ,
ни потка въ потках нетопырь,

Вставка VII не мужъ в мужех, иже кимъ своя жена владѣть,
не жена в женах, иже от своего мужа блядѣть,
не робота в роботах — под жонками повозѣ возити.
* * *

- 2 Дивнѣи дива, иже кто жену поймаеть злообразну прибытка дѣля. Видѣх жену злообразну, причинюще к зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣх еи: не зри в зеркало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль примемши.

XXV

- 1 Или ми речеши:
- 2 Женїся у богата тѣстя чти великиа ради; ту пии и яжъ.
- 3 Ту лѣпше ми воль буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти:
- 4 Воль бо ни молвить, ни зла мыслить,
- 5 А зла жена бѣема бѣсѣтъся, а кротима выситя,
- 6 Въ богатествѣ гордость приемлетъ, а (в)¹⁰ убожествѣ иных осужаетъ.

¹⁰ В ркп. предлога в нет. Испр. по др. спискам.

- Что есть жена зла? — Гостинница неуповаема, кошунница бѣсовская
- 1 Что есть жена зла? — Мирский мятежь, ослѣпление уму, началница
вскаои злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада
от спасения * * *
- 2 Аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на ея¹¹ ласковая
словеса и льстива, а дѣль ея не испытаеть, то даи Богъ ему трясею
болѣти, да будеть проклят * * *
- 3 *Вставка VIII* Не посему, братиа, рассмотрите злу жену И рече мужу своему господине
мои и свѣте очию моею! Азь на тя не могу зрѣти Егда глаголеши ко
мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тѣла моего,
и поничю на землю * * *
- 4 Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща крестъ есть глава
церкви, а мужъ — женѣ своеи Жены же у церкви стоите, молящеся
Богу и святѣи Богородици, а чему ся хотите учити, да учитесь дома у
своих мужей А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не
борзо обрѣсти добры жены * * *
- 5 Добра жена — вѣнец мужу своему и безпечалие, а зла жена — лютая
печаль, истощение дому
Червь древо глѣть, а зла жена домъ мужа своего терять
Лутче есть утли лодии ездѣти,
Нежели злѣ женѣ таины повѣдати
Утла лодиа порты помочит,
А злая жена всю жизнь мужа своего погубить
Лѣпше есть камень долоти, нижели зла жена учити
Железо уваришь, а злы жены не научишь
Зла бо жена ни учения слушаеть,
Ни церковника чтить,
Ни Бога ся боить,
Ни людеи ся стыдить,
Но всѣх укоряет и всѣх осужаеть * * *
- 6 Что два злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? —
Всего того злѣи зла жена Нѣсть на земли лютѣи женскои злобы Женою
сперва прадѣдъ нашъ Адамъ из рая изгнань бысть, жены ради Иосифъ
Прекрасный в темници затворенъ бысть, жены ради Данила пророка в
ровъ свергоша, и лви ему нози лизаху О злое, острое оружие диаволе
и стрѣла, лѣтящей с чемеремъ! * * *
- 7 Нѣ у кого же умрѣ жена Онъ же по *малых*¹² днех нача дѣти продавати
И люди рѣша ему чему дѣти продаешь? Он же рече аще будутъ
родилися в мать, то, возрошьши, мене продадут * * *
- 8 Еще возвратимся на предняя словеса

XXVI

- 1 Азь бо, княже, ни за море ходиль, ни от философъ научихся,
2 Но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвенныи соть;
3 Тако и азь, по многимъ книгамъ исьбирая сладость словесную и разум,
4 И съвокупих, аки в мѣх воды морския.

¹¹ В ркп. *вм* и на ея — и на я, и *Испр по др спискам* ¹² В ркп. по матерных *В др списках «Слова»* — по смерти *Испр по «Пчеле»*

XXVII

1 Да уже не много глаголю.

Вставка IX Не отмѣгаи безумному прямо безумию его, да не подобень ему будеши.
Уже бо престану с нимъ много глаголати.

2 Да не буду аки мѣх утѣль,

3 Роня богатство в руци неимушим;

4 Да не уподоблюся жорновом,

5 Яко тии многи люди насыщают,

6 А сами себе не могут насытитися жита.

XXVIII

1 Да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою,

2 Яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываеть.

3 Глаголеть бо в мирских притчах:

4 Рѣчь продолжена — не добро, добро — продолжена паволока.

XXIX

1 Господи! Даи же князю нашему

2 Самсонову силу, храбрость Александрову,

3 Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову.

4 И умножи, Господи, вся челоуѣкы под руку¹³ его.

5 Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

¹³ В ркп. под ножи. Испр. по др. спискам.

О. Ю. КЛАУТОВА

Жест в древнерусской литературе и иконописи XI—XIII вв. К постановке вопроса

Проблема изображения человека в древнерусском искусстве и литературе не раз поднималась русскими и советскими исследователями. Рассматривались как общие принципы изображения человека в разных жанрах литературы и изобразительного искусства XI—XVII вв., так и частные вопросы сходства исторических деятелей с иконными и словесными портретами.¹ Большой вклад в разработку этих тем внес Д. С. Лихачев. Его многочисленные статьи и обобщающий высказанные в них наблюдения труд «Человек в литературе Древней Руси» заложили основы подхода к разработке указанных вопросов. В «Поэтике древнерусской литературы» Д. С. Лихачев указал на необходимость изучения языка жестов и высказал ряд метких замечаний по этому поводу.²

Действительно, в современном отечественном искусствоведении и литературоведении нет специальных работ, посвященных изучению средневековых жестов,³ хотя важность правильного понимания их семантики (тесно

¹ Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи на миниатюрах XI в. СПб., 1906; Никольская А. Б. К вопросу о «словесном» портрете в древнерусской литературе // Сб. статей к сорокалетию деятельности А. С. Орлова. Л., 1934. С. 191—200; Адрианова-Перетц В. П. 1) К вопросу об изображении внутреннего человека в русской литературе XI—XIV вв. // Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.; Л., 1958. С. 15—24; 2) Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 3—68; Демин А. С. 1) Представления о переменчивости жизни в русской литературе XVII века // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 30. С. 149—164; 2) Новые художественные представления о мире, природе, человеке в русской литературе второй половины XVIII—нач. XVIII в. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1976; Лихачев Д. С. 1) Проблема характера в исторических произведениях нач. XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 218—234; 2) Изображение людей в летописи XII—XIII веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 7—43; 3) Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 105—115; 4) Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; Творогов О. В. Из истории словесного портрета в русской литературе XVI в. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 123—127; Чернышева М. И. Замечания о приемах перевода портретной лексики из «Хроники» Иоанна Малалы // История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 57—66; Каргер М. К. Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Софии Киевской // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1954. Вып. 20. № 160. С. 143—180; Чураков С. С. Портреты во фресках Ферапонтова монастыря // СА. 1959. № 3. С. 99—113; Калинин Ф. А. Портретное изображение псковского князя Довмонта // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 18. С. 272—276; Белоброва О. А. 1) К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 301—309; 2) К иконографии Максима Грека // ВВ. М., 1973. Т. 34. С. 244—248.

² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 40, 47.

³ В дореволюционное время происхождением, значением христианских жестов, в основном жестов благословения, молитвы, занимались историки церкви в связи с историей раскола и историей русской церкви в целом. (См., например: Никанор, архиеп. О перстосложении

связанной с происхождением), принципов отбора и изображения несомненна для верного истолкования произведений древнерусской литературы и иконописи. Неизбежное при анализе литературного или иконописного памятника толкование жестов часто следует установившейся традиции, не всегда верной, а ведь жест — это та семантическая единица, тот ключ, который позволяет открыть дверь в эмоциональный мир не только человека, но и всего произведения в целом.

Жест — это знак, служащий для выражения человеческих эмоциональных состояний. На синтаксическом уровне композиции живописного произведения жест как знак есть одно из средств выражения пространственных и смысловых связей фигур. На семантическом уровне жест ответствен за передачу эмоционального статуса персонажей. Прагматический аспект жеста как знака — в его связи со зрителем (читателем), в донесении до последнего, как мы увидим, основной идеи того или иного героя. (В данной статье, учитывая ее постановочный характер, при анализе изображения жеста в литературном и живописном произведении эти три условия расцениваться не будут).

На разных этапах исторического развития система средневековых взглядов на человека, на его внутренний мир накладывала свои ограничения на характер выражения человеческих чувств. Художники и писатели не могли не учитывать эти требования, материализуя их в определенном наборе поз и жестов. Каждый этап (эти этапы намечены Д. С. Лихачевым),⁴ несомненно, нуждается в специальном исследовании, ибо от «застывшего образа и застывшего жеста» раннего средневековья до «живости» героев XVII в. древнерусская литература и живопись прошли немалый путь.

Поэтому целесообразным представляется обратиться к истокам — к литературе и живописи Древней Руси XI—XII вв., включив в сферу исследования памятники, создававшиеся непосредственно на древнерусской почве. Ограничиться именно такими хронологическими рамками представляется возможным еще и потому, что «наиболее полное слияние художественных принципов изображения человека в литературе и живописи находим мы в монументальном стиле XI—XIII вв.»⁵

* * *

Для выделения жестов, запечатленных в литературном или живописном памятнике, нет никакого определенного метода. Они просто «вычитываются» из произведения и «задаются списком», после чего классифицируются и подразделяются на группы.

Подобная формализация не является насилием над материалом, а опирается, во-первых, на каноничность, этикетность, церемониальность (значит, и известную формализованность) древнерусского искусства и литературы; во-вторых, на своеобразную «каталогизированность» словесного портрета персонажа в литературном произведении и иконописном подлиннике. Особенно важно учесть строгую нормативность средневекового жеста, в основе которой лежит представление о незыблемом и упорядоченном мире,

для крестного знамения и благословения в обличие мнимых старообрядцев // Православный собеседник. Казань, 1869. Ч. 2. С. 6—168; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1911. Т. 2, вторая половина. С. 465—500. Из зарубежных работ можно назвать: О п а с ч К. Die ikonmalerei. Leipzig, 1969; Le Goff J. La civilisation de l'Occident medieval. Paris, 1972 (далее: Le Goff J.); Kretzenbacher L. Schutz und Bittegebärden der Gottes Mutter. München, 1981.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси.

⁵ Там же. С. 4.

где каждый человек занимает определенное место на ступенях иерархической лестницы («Каждый оставайся в том звании, в котором призван». I Кор. 7, 20) и в соответствии с ним строит свое социальное и бытовое поведение, ориентируясь на «вечные» нормы христианской этики. А христианская этика превыше всего ценила «тихость», умеренность, сдержанность в проявлении чувств; печаль ценилась выше радости, слезы — смеха, молчание — «многоглаголения». Писания отцов церкви полны указаний на то, как подобает христианину вести себя: «...плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхом Божиим»; «Язык дан для того, чтобы ты прославлял, чтобы хвалил Творца... Руки даны для того, чтобы ты воздевал их на молитву»,⁶ и т. д. Ценится не индивидуальность, а ориентация на действия, совершающиеся в далеком прошлом: «Всему находились достойные примеры, „приклады“ — в том числе и жестах».⁷ Повторяемость жестов, трафаретных ситуаций в литературе и искусстве вносила в реальный мир ощущение порядка и исторической преемственности, связывая воедино события, отделенные друг от друга столетиями. Устойчивость литературных и живописных канонов утверждала незыблемость этических и эстетических ценностей средневековья. По меткому определению Д. С. Лихачева, «перед нами этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный».⁸

В этом полном церемониальности мире писатель и художник становятся «церемониймейстерами», а их герои — так похожие друг на друга — участниками как бы бесконечно повторяющейся «церемонии», в которой жестко разграничено количество ситуаций, строго определен порядок действий-жестов, а их смысл всякий раз один и тот же и задан извне. Каждый участник был призван соблюдать чин «действия», разыгрывая роль, обусловленную его собственным «чином» — положением на иерархической лестнице феодального общества. «Художник и писатель стремятся к эмблематичности изображения, к передаче признаков и знаков достоинства»,⁹ т. е. основной идеи изображения (например, святости, княжеской власти, покорности и т. д.), которая строилась путем отвлечения от второстепенных характеристик персонажей. Типизированные таким образом персонажи, объединенные общей идеей, группировались в чины (лики. Лик—чин—порядок) — пророков, праотцев, святителей, преподобных и т. д. Эмоциональное состояние определенного чина в силу каноничности искусства выражалось концентрированно, обобщенно, без тонких границ и оттенков и передавалось формально через посредство точно определенного для данного чина жеста. Жест был ответствен за передачу эмоционального статуса группы изображений (персонажей). Эмоциональная нагрузка жеста повышалась еще и тем, что мимика не передавалась.

Средневековый иконописец, да и писатель не задавались целью воссоздать психологию человека во всей ее полноте. Тончайшие оттенки человеческих чувств они сводили к их простому изначальному смыслу (боль, радость, печаль, покой и т. д.), используя в своей «палитре» лишь «локальные цвета».¹⁰ Противоречия снимались, и «очищенное» таким образом

⁶ Святого отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского, Златоуста, беседы на Евангелие святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. СПб., 1855. Ч. 2. С. 370; Творения св. Иоанна Златоуста. СПб., 1895. Т. 2, кн. 1. С. 290.

⁷ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 195.

⁸ Лихачев Д. С. Литературный этикет Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 17. С. 6.

⁹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 34—35.

¹⁰ Интересны замечания Е. Н. Трубецкого о передаче настроения персонажей «радуютою праздничных красок на золотом фоне» и о «внутреннем слухе», выражавшемся в овне определенной позы: Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконописи. М., 1916. С. 18—19.

чувство существенно облегчало коммуникацию предстоящим иконе или литературному произведению.¹¹ Форма и содержание жеста веками «пригоялись» друг к другу. Именно их идеальное совпадение и соответствие «психологической ситуации» обусловили их освящение и канонизацию в рамках средневековой культуры. «Сжатая» форма иконописного жеста была подобна сжатой пружине, которая в любой момент могла легко развернуться в словесный образ. Достаточно сравнить для примера воплощение трагичнейшего эпизода новозаветной истории — «Распятия» — в иконописи и в литургических текстах.

В иконных композициях «Распятия» горе присутствующей Марии выражается очень скупое: одну руку она подносит к лицу в жесте печали (или поддерживает край мафория), другую протягивает к Христу с жестом обращения.

Литургическое понимание этого сюжета насыщает иконографическую схему живым чувством: «И обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго и прободено висяще и Марию мать его съ единѣмъ ученикомъ тому прѣдстоящу, яже от болѣзни сердца горцѣ рыдающи сице глаголаше: Тварь съболѣзнуеть ми, сыну, твоего зрящи бес правды умърщвения. Увы мнѣ, чадо мое, свѣте и творче тварем! Что ти ныня въсплачу? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения и по плещема биения, уз же и темницѣ, и заплевания святого ти лица, яже от безаконник за благая прият! Увы мнѣ, сыне!... Вижу тя, милое мое чадо, на крестѣ нага висяща, бѣздушна, безрачна, не имуща видѣния, ни доброты, и горко уязвляюся душею. И хотѣла бых с тобою умрѣти — не тѣрплю бо бездушна тебе зрѣти».¹²

Итак, оптимально соответствующая эмоциональному статусу форма жеста превращалась в овеществление смысла персонажа, а потому в пределах данной культуры изменениям не подлежала. Устойчивость формы иконописного жеста и трафаретность жеста в литературе делали их идеальным воплощением требования эпохи — упорядоченного выражения чувств.

Фонд средневековых жестов, отобранных и запечатленных писателями и художниками, невелик. Их можно разделить на две группы — инвариантных (канонических) и неканонических жестов.

1. Канонические жесты.

Обращение к памятникам древнерусской литературы и живописи XI—XIII вв. позволило выявить следующие жесты:

1. Прощаясь с отцом, князем Владимиром, князь Борис «пад поклонися отцу своему и облобыза честней нозе его, и паки вѣстав, обуим выю его, целоваша со слезами».¹³

2. Он же перед смертью молится: «И възрѣевъ на небо съ слъзами и горце въздѣхнув, начать молитися...».¹⁴ Молится и князь Глеб в аналогичной ситуации, «преклонь колене». «Воздев руце на небо», молясь со слезами, «вздыхая из глубины сердца», «зря» на икону (или на небо), умирают князь Андрей Боголюбский,¹⁵ Давид, Мстислав, Ростислав Мстиславич,¹⁶ Владимир Василькович.¹⁷

¹¹ Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1979. С. 21: «Литература священнодействие. Читатель был в каком-то отношении молящимся. Он предстоял произведению, как иконе...».

¹² Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Л., 1957. Т. 13. С. 419—420.

¹³ Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им // Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916. Вып. 2. С. 7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Повести Древней Руси. Л., 1983. С. 199.

¹⁶ Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 120—121.

¹⁷ Галицко-Волынская летопись под 1288 г. // Изборник. Повести Древней Руси. М., 1986. С. 173.

3. Перед боем князь Александр «пад на колену пред ольтарем, нача молитися съ слезами... въставъ, поклонися архиепископу. Епископъ... благослови его и отпусти».¹⁸ Точно так же ведет себя князь Довмонт Тимофей в подобной ситуации: «...пад, моляся много с плачем... игумен Сидоръ... благословиша и отпустиша».¹⁹

4. «Воздевь руце на небо», молятся князь Александр²⁰ и Авраамий Смоленский,²¹ воздевает руки к небу Ярослав, стоя на месте, «идеже убиша Бориса»,²² в летописи князья, получив дурные вести, молитвенно поднимают глаза к небу, взирают на икону, плачут и воздевают руки к небу.²³

5. Воздвигнув руки, благословляет Феодосий Печерский.²⁴

6. Узнав о событиях 3 февраля 1237 г., князь Юрий «възпи гласомъ великим со слезами, плача» и вздыхая из глубины сердца;²⁵ увидя разоренную Рязань, Евпатий Коловрат «воскрича в горести душа своя», а князь Ингварь Ингваревич «жалостно возкричаша», «воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в персьи свои руками биюще и ударяшеса о земля».²⁶

7. Незадолго до кончины Феодосий Печерский «пришедшу по обычаю братию целовавъ»; «Всеволод же приде к брату своему Изяславу Киеву целовашеса...».²⁷

Живописные памятники иллюстрируют и дополняют перечень изображенных в литературе жестов:

Благословение

Принятие благодати

Плач

Моление, заступничество, предстояние

¹⁸ Повесть о житии Александра Невского // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 121.

¹⁹ Сказание о Довмонте // Там же. С. 138.

²⁰ Повесть о житии Александра Невского. С. 125.

²¹ Житие Авраамия Смоленского // Древнерусские предания. М., 1982. С. 89.

²² Повесть временных лет под 1019 г. // Повести Древней Руси. С. 75.

²³ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 231, 233, 234, 238, 250, 336, 420,

421 и т. д.

²⁴ Киево-Печерский патерик. Слово 1. Благослови, отче // Повести Древней Руси. С. 431.

²⁵ Лаврентьевская летопись под 1237 г. // Воинские повести... С. 50.

²⁶ Повесть о разорении Рязани Батыем // Там же. С. 100—102.

²⁷ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Стб. 186, 200 и т. д.

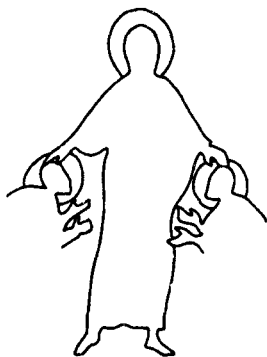
Целование

Поклон

Указанными жестами исчерпывается фонд канонических литературных и иконописных жестов. Эти жесты с небольшими изменениями переходят из произведения в произведение, способствуя складыванию сословных эталонов поведения, столь важных для «культуры памяти», ориентированной на подражание раз и навсегда установленным образцам.

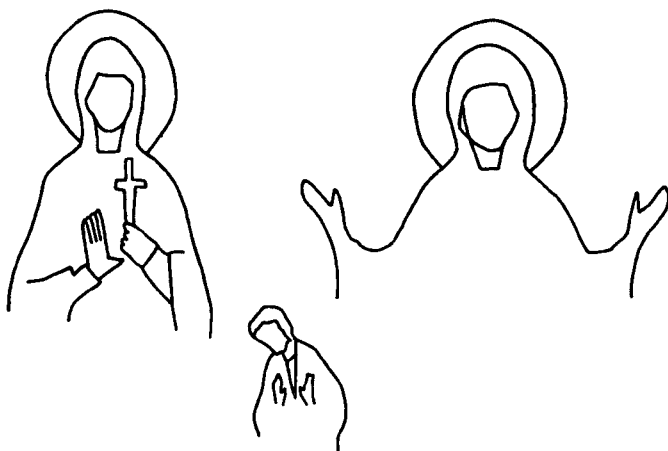
Канонические жесты не зависят ни от жанра, ни от сюжета произведения. Встречаемость их в литературном произведении ограничена набором определенных ситуаций (в этом смысле канонические жесты локальны), которые, в свою очередь, ограничены рамками церемониальности, включающей сравнительно небольшое количество ситуаций поведения. «Жестовая» ситуация обычно подразумевала экстремальные условия, требующие от героя максимального напряжения душевных сил (прощание с родными, выступление в поход, оплакивание погибших и т. п.). Вне таких ситуаций в литературном произведении излагался ход событий, передавались речи персонажей, жесты же и движения только подразумевались, но не описывались. (Динамику, движение древнерусский писатель передавал сравнениями, близкими «по сути своей к сравнениям, которые имеют своими объектами действия, поступки, процессы»)²⁸

Благословение — возложение рук.

Канонический жест — это как бы «программа» поведения, отступить от которой герой не может: риторическая поза, статическая декламационность, некий оттенок актерской игры подчеркивают назидательный характер сцены. А именно поучительность, стремление дать образец для подражания (задать

²⁸ Лихачев Д. С. Поэтика... С. 179.

Молитва

Коленопреклонение

«алгоритм» поведения) были той сквозной темой,²⁹ столь важной для древнерусского писателя, которую несли канонические жесты.

Жесты-инварианты можно назвать и характерными, поскольку они подчеркивают черты поведения определенной группы персонажей — положительных героев и создают образ ритуализированного поведения (и в литературе, и в иконописи отрицательные персонажи характеризуются неканоническим поведением).

Эта характерность жеста в иконописи дает возможность довольно точно определить принадлежность того или иного персонажа к какому-либо чину: святители обычно держат в левой руке евангелие, а правой на него указывают или благословляют; пророки держат в левой руке свиток с пророчествами, правой указывают на них; мученики изображаются с крестом в правой руке и раскрытой перед грудью ладонью левой руки или с раскрытыми перед грудью ладонями обеих рук в жесте молитвы, иногда свободная от креста рука изображалась покровенной.³⁰ Однако эта характеристика внеиндивидуальная, не зависящая ни от воплощения, ни от восприятия жеста, ни от характера самого персонажа (его исторического прототипа). Это характеристика всего чина в целом. В иконописи жест сверхупорядочен. Это скорее мысль о движении, нежели воплощение реального впечатления от него: «представление покоя о теле в движении».³¹ Подвижность,

²⁹ Понятие «тема» обозначает «постулат или положение — явное или подразумеваемое, обычно контролирующее поведение или стимулирующее деятельность, которая молчаливо одобряется или открыто поощряется в обществе» (Тэрнер В. Символ и ритуал М., 1983 С. 34—35).

³⁰ Можно выделить еще позы и жесты князя и воина. См. об этом: Сахаров И. Исследование о русском иконописании. М., 1850.

³¹ Гильдебрандт А. Проблема формы в изобразительном искусстве М., 1914 С. 59

суетливость присуща только отрицательным героям. Оппозиция «движение—неподвижность» была очень важной. Она разделяла персонажей на героев и окружение. Подвижность второстепенных персонажей подчеркивала этикетную неподвижность главного героя. («Неподвижность в иконах усвоена лишь тем изображением, где не только плоть, но и само естество человеческое приведено к молчанию, где оно живет уже не собственно, а надчеловеческою жизнью.

Само собой разумеется, что это состояние выражает собою не прекращение жизни, а как раз наоборот, высшее ее напряжение и силу».³² Жест был как бы остановлен в кульминационный момент, и эта остановка в движении давала возможность почувствовать напряженность ситуации, подчеркнуть заложенный в ней смысл. Ведь в системе композиции жест — одно из средств выражения пространственных и смысловых связей фигур. Поскольку жест несет большую семантическую нагрузку, то и движение и жест одной фигуры можно назвать «смысловой точкой» композиции; движение и жесты группы фигур — «смысловым участком». Совокупность смысловых точек и участков составляет смысл композиции в целом. Движения и жесты направлены обычно к смысловому центру — центральной фигуре (фигурам) композиции, чей жест является «семантическим ключом» всей композиции. Это движение определяет и сюжетное движение композиции. Замыкаться движение может двояко: направленные навстречу друг к другу, как бы взаимопомогающие жесты (например, в «Евхаристии»); движение, замыкающееся на центральной фронтально развернутой фигуре («Деисус»). Взаимодействие персонажей в иконе отличается одной особенностью — направленностью друг на друга и на зрителя одновременно, причем последнему отводится важнейшая роль. Жесты персонажей не столько связывают их, сколько демонстрируют происходящее зрителю (жесты-индексы, жесты-медиаторы). Создается впечатление: не связанные на первый взгляд с общим направлением движения фигуры, развернутые фронтально к зрителю, а не к смысловому и композиционному центру иконы.

«Внепространственность» жеста в иконописи основывается на духовной установке средневековой культуры (приоритете духа над материей), лишавшей человеческое тело объема, а пространство — трехмерности. В уплотненном, спрессованном пространстве иконы³³ жесту нигде было «развернуться», он мог развиваться только параллельно развернутой на плоскости фигуре, если руки персонажа располагались перед туловищем, или параллельно плоскости. Между руками и туловищем не оставалось и минимального пространства — они просто накладывались на него.

Канонический жест вневременен. И не потому только, что повторяется в разных произведениях. Как нечто, не подверженное никаким изменениям и не соединяемое с ними, он имеет своей мерой вечность.³⁴ Это особенно хорошо заметно в однофигурных композициях — изображениях святых (святой аккумулирует в себе прошлое, как один в цепи многих; присутствует в настоящем, предсказывает будущее), мучеников, преподобных и т. д. — и в композициях, построенных по принципу «нанизывания» отдельных фигур на единую «смысловую нить» («Евхаристия», «Деисус»). В названных композициях персонажи изображались «в молчании», но именно жест поз-

³² Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. М., 1916. С. 20.

³³ «... нет ничего между планами форм, что давало бы представление о конкретной мере заключенного между ними пространства; мы имеем несоизмеримое, отвлеченное пространство, даже не атмосферу, а лишь пространство как таковое». Некрасов А. И. О явлении ракурса в древнерусской живописи // Российская ассоциация научных институтов общественных наук. Труды отделения искусствознания. 1. М., 1926. С. 10.

³⁴ Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1, ч. 2. С. 834.

волял почувствовать напряженность их «вечного покоя». Они «стоят добре», по выражению Иоанна Златоуста, именно так, как надлежит стоять перед Богом.³⁵ Жест — это образ очищенного от суеты, бесконечно длящегося времени, отданного «умной» молитве, созерцанию, медитации.

Итак, канонические жесты этикетны, церемониальны, лаконичны, статичны. «Устойчивые этикетные особенности слагаются в литературе в иероглифические знаки, в эмблемы. Эмблемы заменяют собой длительное описание и позволяют быть писателю исключительно кратким. Литература изображает мир с предельным лаконизмом. Создаваемые ею эмблемы общи в известной, „зрительной“ части своей с эмблемами изобразительного искусства».³⁶ Действительно, и в литературе, и в искусстве эстетическое было функцией от простоты и экономичности изображения.³⁷ «Экономичность» словесного описания или живописного изображения отнюдь не означала утрату выразительности. Напротив, «иероглифическая запись» эмоционального состояния имела несомненные достоинства: ее лаконичная форма заключала в себе громадный эмоциональный заряд. За скупыми строками литературного произведения и за этикетностью повторяющихся жестов древнерусский зритель и читатель чувствовал драматизм и напряженность ситуации. Ему достаточно было намека, чтобы увидеть за ним целую картину. Он как бы становился соавтором, дополняя в воображении недостающие детали, конкретизируя их на основе собственного опыта и общекультурных установок.

Приведенный набор канонических жестов нельзя назвать системой. Они не составляют четко организованную целостность, хотя некоторые связи между ними возможно установить. Например, центральное положение в группе жестов-инвариантов занимают жесты благословения, моления, молитвы. Они наиболее семантически ценны и самостоятельны, тогда как остальные жесты чаще всего сопровождают центральные: молитва может сопровождаться плачем, поклоном; благословение (или принятие благодати) — поклоном, коленопреклонением. Если же рассматривать канонические жесты в системе средневекового искусства (и шире — в культурном контексте в целом), то окажется, что они создают фиксированные точки всей системы и повторяются во многих из составляющих систему ритуалов.³⁸ Они являются последовательным выражением логики средневекового мышления, единого миропонимания, позволивших определить средневековую культуру как «культуру жеста».³⁹

Подводя итог высказанному, дадим определение канонических жестов. Каноническими (инвариантными) можно назвать такие жесты и позы, которые в пределах данной культуры не подлежат изменениям и минимально зависят от контекста. Про них невозможно спросить: «„Что бы это значило?“»,

³⁵ Успенский Н. Д. Византийская литургия // Богословские труды. М., 1983. Вып. 24.

С. 14.
³⁶ Лихачев Д. С. Великое наследие. С. 19.

³⁷ Лекомцев Ю. К. Изобразительное искусство и семиотика // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962. С. 124.

³⁸ Тэрнер В. Символ и ритуал. С. 37.

³⁹ Понятие «культура жеста» ввел Ж. Ле Гофф (Le Goff J. P. 441). «Культуру жеста» можно определить как культуру, подчинявшую повседневное поведение человека строжайшим нормам этикета, выражавшимся во внешних упорядоченных формах — в обрядах, ритуалах, церемониях (*suite des gestes*) — театрализованных и рассчитанных на зрителя. Философским, эстетическим и этическим идеалом данной культуры становится упорядоченный до обезличенности «человек на своем месте» — актер, повторяющий отработанные до него десятками поколений движения, когда-то выражавшие определенное состояние, а теперь просто ставшие обозначениями этих состояний, т. е. жестами.

так как всякому, знакомому с данной культурой, и так ясно, что это значит».⁴⁰

За определенным жестом, позой навсегда закрепляли (уславливались понимать) определенное значение, которое в дальнейшем для своего угадывания не требовало дополнительных пояснений. (В этом смысле инвариантный жест конвенционален). Жест становится знаком с точно фиксированным значением. Устойчивость семантики жеста порождала устойчивость форм выражения. Значимость содержания обуславливала значимость формы (как живописной, так и в литературе): формализовалось (и ритуализировалось) то, что обладало константной ценностью для эпохи. Инвариантные жесты в наибольшей мере отражали ценностные установки культуры. Не случайно к ним принадлежат жесты благословения, моления и молитвы, предстояния и плача, печали, поклоны и некоторые другие жесты. Культурная значимость, константность, обобщенность обусловили высокую степень формализации инвариантных жестов. Они и составляют основу «языка» иконы и набор этикетных жестов литературного произведения.

II. Неканонические жесты.

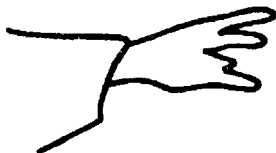
Неканонические жесты — это жесты, возникающие в спонтанном поведении и допускающие больший личностный оттенок. (Точной формализации они поддаются с трудом, а в литературных произведениях как будто вовсе не отразились).

Количество их ограничено даже в наиболее «свободных» жанрах — повествовательных, ибо любой язык для того, чтобы быть понятным, требует определенной степени формализации и стабильности знаковой системы.⁴¹ Кажущееся разнообразие жестов в миниатюрах есть разнообразие ситуаций и действий (на самом деле оживленная жестикуляция героев миниатюр сводится в основном к трем жестам: указания, обращения и речения). Произвольность неканонических жестов ограничивалась общекультурным требованием упорядоченного и сдержанного проявления чувств и специфически художественным требованием соответствия ритмическому, смысловому и композиционному строю произведения в целом.

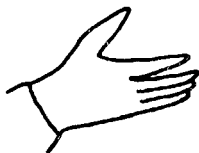
В композиции они обычно выражают смысловую связь персонажей или поддерживают ход ритуального действия.

Обращение

Ораторский жест, речение

Указание (приказание).

⁴⁰ Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971. С. 68.

⁴¹ См.: Лихачев Д. С. Поэтика... С. 40.

Инвариантные и неканонические жесты не разделялись «китайской стеной». И те, и другие — знаки одного «языка» и в его пределах могли трактоваться в зависимости от определенного контекста, в который данный жест включался (жест благословения — жест речения).

Ограниченность набора неканонических жестов, вероятно, можно объяснить тем, что на Руси не были развиты ни теория ораторского искусства (искусства ораторского жеста), ни театральное искусство, а язык жестов скоморохов и юродивых не сложился в упорядоченную систему.⁴² Исследователями отмечалось также, что резкой мелодичности русского звукового языка (речь идет не о языке как таковом, а именно о выразительных средствах звука) соответствует довольно скупая гамма жестовых и мимических сопровождений. В этом смысле жесты в классическом понимании имеют как бы дублеров среди «голосовых жестов».⁴³ В русской коммуникации только два жеста противопоставлены друг другу (да — нет, движение головой), остальные значащие жесты не упорядочены в систему. Жестикаляция осуществляется одной рукой, вторая не повторяет движение первой; синхронные движения рук, характерные для романских народов (хлопанье в ладоши, жест мольбы), употреблялись редко.⁴⁴ Практически невозможны были заимствования из языческих обрядов, сопровождавшихся песнями, плясками, играми, магическими действиями (имевшими силу именно как «действия» и не расчленявшимися на составные части — жесты), ибо их стихийная жизнеутверждающая сила мало соответствовала христианскому идеалу, как мало соответствовала ему домонгольская русская культура.⁴⁵ XI—XIII века — это период становления новых христианских норм, окончательно устоявшихся в конце XV—начале XVI в., когда при дворе Ивана III складывается сложный этикет. Тогда же в «Стоглаве» закрепляются основные нормы церковного культа и обрядность, а «Домострой» предлагает нормы внутренней, домашней жизни.

В XI—XIII вв. лишь литература и искусство были полноправными представителями «культуры жеста» на Руси, способствуя складыванию эталонов сословного поведения. Трудно сказать, становились ли реальностью эти найденные искусством образцы (во многом следовавшие византийской традиции),⁴⁶ так как в самом искусстве они очень часто формализовались и переходили из произведения в произведение в виде устойчивых формул, что позволило выделить их в ходе анализа живописных и литературных произведений и попытаться показать их связь с идеями, владевшими умами людей средневековья.

* * *

Представляется возможным и интересным создание семантического словаря жестов. Для этого имеется достаточный материал у античных авторов, в писаниях отцов церкви и в трудах по истории церкви, в работах русских и зарубежных иконографов.

⁴² Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

⁴³ Николаева Т. М. Жест и мимика в лекции. М., 1972. С. 29—30.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., 1967.

⁴⁶ Известно, что придворный византийский ритуал влиял на складывание иконографических канонов. Произведения византийского искусства в опосредованной форме доносили информацию об этом ритуале до «потребителя», принадлежащего к иной культурной среде.

Нами предлагается первая попытка такого рода истолкования жеста: интерпретация наиболее значимого христианского жеста — жеста благословения.

Жест благословения перешел в христианскую культуру из практики античных ораторов и философов и первоначально обозначал обращение с речью, приветствие, убеждение или приказание.⁴⁷ Об этом довольно подробно говорят в своих сочинениях Квинтилиан (*De institutione oratoria*), Апулей (*De augeo asino*), Цицерон (*De oratore*). Этот жест характерен для статуи римских ораторов, императоров. В Ватиканском кодексе Вергилия и рукописи Илиады (V—нач. VI в.) разговаривающие изображены именно с такими жестами (двуперстное сложение, позднее ставшее характерным для латинского благословения, и сложение, близкое к греческому благословию, — большой палец сложен с четвертым, остальные подняты).⁴⁸ Поэтому в зависимости от контекста жест благословения может трактоваться как ораторский:

а) если он употребляется между второстепенными персонажами, не имеющими непосредственного отношения к передаче благодати; при изображении ветхозаветных персонажей; в сценах историко-повествовательного характера;

б) если при фронтальном изображении фигуры рука повернута ладонью внутрь и направлена к книге или свитку в другой руке. Такой жест, например, придан Иоанну Златоусту (в святительском чине Софии Киевской), который, как известно, был блестящим проповедником и оратором. Как ораторский жест можно расценить жест Иисуса Христа в изображениях спора с фарисеями в храме, поучения апостолов или когда Он предсказывает Петру его тройное отречение; в сценах чудес, за которыми следовало Его поучительное слово. «Что христиане не всегда понимали поднятую руку Спасителя, со сложенными перстами, как знак благословения, видно из слов Павла Силенциария, который, в поэтическом прославлении церкви св. Софии, премудрости Божьей, в Константинополе, описывая изображения Христа, говорит, что Спаситель подымает пальцы правой руки, как бы возвещая слово вечной истины, а в левой держит книгу божественного учения — Евангелие. Писатель, следовательно, видел в поднятой руке Спасителя жест, сопровождающий начало речи, а не благословение. Христианские художники представляли пророков и патриархов с поднятыми руками и со сложенными перстами; в такой позе изображен, например, Моисей, обращаясь к евреям и держа скрижали закона».⁴⁹

При фронтальном расположении фигур рука, развернутая ладонью наружу, воспринимается однозначно как благословляющая.

Основные виды жеста благословения — именованное и неименованное. Для именованного благословения «слагаются все 5 перстов таким образом, что из указательного и среднего перста образуются буквы, именно указательный простерт, а средний простерт, но несколько наклонно. Из большого перста с двумя последними образуются буквы, именно безымянный нагнут прямо, а большой положен чрез него в середине, а мизинец простерт несколько наклонно».⁵⁰ Именованное перстосложение — благословение священническое. В чистом виде в иконографии встречаются редко. (Молитвен-

⁴⁷ Sittl C. Die Gebärden der Griechen und Römer. Leipzig, 1890. S. 262—316.

⁴⁸ Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876. С. 37—39.

⁴⁹ Фрикен А. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. М., 1880. Ч. 3. С. 143—144.

⁵⁰ Никольский К. Пособие к изучению Устава Богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 161.

ное, общее всем верующим: первые три пальца соединяются так, чтобы их концы были равны, а последние два пригибаются к ладони).⁵¹

Древнейшая форма перстосложения — единоперстие. «О начертании креста перстом, то есть одним перстом, говорят: Иоанн Златоустый, Епифаний Критский, блаженный Иероним, Феодорит Кирский, Созомен, Григорий Двоеслов, Иоанн Мосх и Андрей Критский...».⁵² Двоеперстие появилось как результат монофизических споров. Упоминается с конца IX в. В последней четверти XII в.—первой половине XIII в. в употребление вошло троеперстие.⁵³

Вообще перстосложение допускает значительные вариации. Например, патриарх Никанор насчитывает четырнадцать видов перстосложений. Объяснение такого рода изображений дает Андрей Денисов, отмечая, что иконописцы и молящихся изображали в разных позах: в поклоне до земли, или преклонивших колени, или только голову, «хотящи показать завод или начатие действу и средину и конец, или поклон или знаменованье. Тако и перстослагающе обычаю последующие, на образах изображают, благословляющия и молящяся руки, начатие и недосложение, и совершенное совокупление пишут».⁵⁴

Греческое перстосложение может истолковываться и как жест благословения: жест Иисуса Навина перед архангелом и его приближенных перед ним самим (Ватиканский греческий список Иисуса Навина V—VI вв.).⁵⁵

Изображаемая на иконах десница Господня может быть истолкована двояко: как десница благословляющая и как знак того, что Бог говорит.

В пользу первого истолкования можно привести, например, следующие ветхозаветные свидетельства: «...рука Бога нашего для всех прибегающих к Нему *есть* благодеющая, а на всех оставляющих Его — могущество Его и гнев Его!» (I Езд. 8, 22); «И дал мне царь, так как благодеющая рука Бога моего была надо мною» (Неем. 2, 8). Это свидетельство божественного покровителя изображалось в виде человеческой руки только из-за слабости «духовного зрения» верующих. Иоанн Дамаскин четко объяснил то, что говорится о Боге «телесным образом»: «Под руками — деятельную Его силу, так как и мы посредством рук совершаем полезное, особенно же благодарнейшие наши действия. Под десницею — Его помощь в справедливых случаях, так как и мы, при совершении дел благородных — действуем правую руку».⁵⁶

Но в некоторых сценах, например в изгнании Адама и Евы из рая, вряд ли можно трактовать десницу Господню как благословляющую. Это рука «говорящая», знак того, что Бог не благословляет, а обличает. Однако нельзя, как некоторые исследователи, отождествлять десницу с Гласом Господним, «вещанием в эфир», в пространство храма.⁵⁷ Глас Господень описал Василий Великий: «...во владычественном души удостаиваемой такой благодати, неизреченного некоторою силой, воображается Божие слово; тогда как Божия сила издает глас в достойных не через телесный слух, но в самом владычественном души у очищенных напечатлевая мысль и

⁵¹ См.: Никанор, архиеп. О перстосложении для крестного знаменья и благословения. СПб., 1890. С. 14.

⁵² Голубинский Е. История русской церкви. Т. 2, вторая половина. С. 466—467.

⁵³ Там же. С. 470—473.

⁵⁴ См.: Брюсова В. Г. Фреска Вседержителя и легенда о Спасовом образе // ТОДРЛ. Л., 1966. Т. 22. С. 61.

⁵⁵ Никанор, архиеп. О перстосложении... С. 72.

⁵⁶ Иоанн Дамаскин. Творение. СПб., 1913. Т. 1. С. 178.

⁵⁷ Le Goff J. P. 200; Данилова И. Е. От средних веков к Возрождению: Сложение художественной системы картины кватроченто. М., 1975. С. 51.

как бы молча написывая в них понятие... Посему пророк слышал мысленный голос, бывший в сердце, что бывает иногда во сне. Ибо нам кажется во сне, что слышим, тогда как никто не говорит, и в проходы слуха не входит через воздух чувственный зверь. Так говорит Бог, так слышат святые!». ⁵⁸

На перстосложенные руки, как на руки благословляющие, стали смотреть не ранее XI в. Об этом говорит Е. Голубинский, опираясь на приписку в статье «О фрязех и прочих латинех». Он же замечает, что как молебные руки перстосложенные руки стали рассматриваться не ранее XV в. До этого молились посредством воздеяния рук, а крестное знамение было только добавочным действием (славянский устав 1409 г., ст. 83; Писания отцов церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения; студийский устав патриарха Алексея). ⁵⁹

Собор 1667 г. отмечал, что «на образах Спасителя и святителей должна изображаться благословляющая десница, по древнему преданию апостолов и святых отцов. А что касается мучеников и прочих святых, когда изображают их молящимися Богу-Христу или Пречистой Богоматери, то следует писать их с простертыми руками, но без всякого перстосложения, так как перстосложение выражает не молитву, а исповедание веры». ⁶⁰

Учитывая все вышесказанное, весьма спорным представляется мнение И. Е. Даниловой о жестах передачи и приема откровения. Действительно, эти жесты наиболее семантически значимы. Однако, как мы видели, перстосложенная рука далеко не всегда может трактоваться как благословляющая, поэтому трудно согласиться с тем, что «вне зависимости от иконографического построения сцены один или несколько персонажей делают жест благословения, т. е. передачи благой вести, благодати, в то время как остальные, подобно расставленным в разных местах звукоуловителям, принимают эту весть». ⁶¹ К тому же жест приема благодати (см. выше рис. на с. 257) весьма отличен от жеста благословения и довольно редко встречается в иконописи. ⁶²

⁵⁸ Василий Великий. Творение. СПб., 1911. Кн. 1. С. 355—356.

⁵⁹ Голубинский Е. История русской церкви. Т. 2, вторая половина. С. 502.

⁶⁰ Покровский Н. Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900. С. 365.

⁶¹ Данилова И. Е. От средних веков к Возрождению. С. 51.

⁶² Подробнее о церковном обряде передачи благодати см.: Вениамин, архиеп. Новая скрижаль. СПб., 1908. С. 307—308, 325.

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем

Слово шестое *

(Славянский XIV в. и современный переводы)

НА ИУДЕЕ СЛОВО ШЕСТО

л. 248 об.

Царь: Сиа убо от зѣло многих мала тебѣ о божест'внѣмъ въчловѣчении Христовѣ. Не еще в'сего словесе намъ прошьдѣшу, хощу же въ малѣ еже о семъ слово оставити, еже о Троици упразнитисе, якоже нѣгде и ты прѣжде мала добрѣ вѣси. Многа убо имѣе къ прѣдставленію истины выпутнаа и богата въ указаниихъ сѣ, их'же многихъ Новѣ мнѣ Завѣтъ подае, не потрѣбую же отъ сихъ ниедино, яко не в'сака ми нужда. Жестокъ убо, — еже рече пророкъ, — и необрѣзану твоему сердцу о таковыхъ бывшу, недѣйств'на в'са яветсе и въсуе обличетсе приведена. // Егда и бо о сей бесѣдующе вещи другъ другу въ прѣдчиніихъ не исповѣдають, како убо вѣсма что и съвршитсе? Како бо убо любомудръць¹ Троицу Бога быти когда примет, въ началѣ ниже быти вѣсма Бога непщуете? Тождеже ниже тебе праведно есть оттуду повиновати начети, отъ Новаго явѣ Завѣта, егоже никакоже приемлеша, истинѣ сущу о себѣ, паче солнца сияющу, нѣ отъ Вѣтхаго и вашего, егоже ниня и мѣ, святѣ сущи и правед'не вѣдуще, удивихомсе и приемлемъ.

л. 249 об.

Ксень: Многа да будутъ ти, царю, отъ Бога благаа, зѣло бо желаю таковыхъ услышати словесъ.

Царь: Имаши ли еще въ памяти, колико намъ сътвори трудъ, якова ниня глаголаше триемъ поклоняющимсе намъ Богомъ, оно Моусеово къ прѣдставленію твоимъ словесемъ потрѣбовавъ, еже «Слыши, Израилю, Господь Богъ твой Господь единъ есть?»

Ксень: Паче же сего помню, царю, и тмами, аще мощно би, съмрѣти под'ети убо о немѣ.

Царь: Праведна убо тѣя рече, яко о сей умрѣши вѣрѣ. Азъ же, яко да увѣси, толико те хощу пороковати сего ради или Моусеово отгнати слово, яко убо еже рекль еси, многы // убо и самъ азъ, паче же иже отъ Христа призвани в'си изволили быхомъ съмрѣти о иже въ единого Бога поклонянию.

л. 249 об.

Ксень: Съпротивна себѣ глаголати видетсе, царю, и много отъ прѣжднихъ и их'же глаголати хощеша словесъ разн'ствующа.

* Предыдущие пять «слов» см. в 41—45-м томах ТОДРЛ.

¹ В оригинале — 'Επίκουρος.

Царь: Тебѣ сѣ мнитсе, се же есть не таково. Аще бо вѣнмати, усрьдствуеши, зѣло мене обрѣщеши съгласна и себѣ и в'сѣмъ светимъ и пророком.

Ксень: Глаголи убо, сиа же покажеши.

Царь: Онѣх же тебѣ прѣвѣ воспомѣнути словесъ хощу, въ нихъ же якоже нѣкое намъ искомымъ основание подложено бысть, еже не по естеству и слову яже паче сих разумѣти искати, единою же вѣрою сиа и приимати и почитати. Аще убо въ онѣх еще прѣбыти хощеши, в'са вамъ вѣмѣстетсе въ умѣ; аще ли же ни, всуе скончается еже трудитесе.

Ксень: Многа же нужда въ уставленных прѣбывати, праведно бо.

Царь: Зачело убо буди искомымъ, еже и инѣмъ нужднѣйше, явѣ яко никакоже много испитовати что когда по естеству есть Богъ. Се бо не якоже чловѣкомъ вѣсма невѣзможно, нѣ и гор//нѣшим чиноначалником. л. 250
Всакому бо равно бывшему естеству есть непостижим и ниже вѣсма от вѣсх кому ниже отчести Богъ познать бысть.

Нѣ аще и по естеству таковы есть, не остави нас въ отнуднѣмъ еже о нем непостижении, яко въ гльбочайшей т'мѣ, заблуждаемых жити, яко убо да не и еже въ Давидѣ безумномъ ономъ постраждемъ не быти Бога несмысленно непщевав'ше, или, аще хощеши и еже безумнаго любомудрца,² иже ниня³ и тѣ самобытному⁴ даяше, и еже Промыслнику быти и Настоятелю вѣсх Богу никакоже убо приемаше, нѣ аггелом убо непосредств'внѣ еже о Себѣ разумъ вложи имиже вѣсть словесы, иже сих научивѣ, чловѣчскому бо постижению се невѣзможно, намъ же чловѣкомъ знаменна дасть, имиже убо разумъ наш на оногъ мысли възводитисе может. Знаменна же и якоже образы нѣкые именованах небо же и землю и в'са яже на них, да доброту ихъ и еже чина извѣстно и без'смысленна зреще, къ иже и приведшаго и сдържешаго и учиняющаго умомъ да проходимъ и Бога увѣмы того вѣсесилна, — не существа его, прѣстани, — силы же его, и хытро//сти, и прѣмудрости прѣестест'вное же и божеств'ное и вѣруемъ въ л. 250 об.
нѣ. Елма же недовелно есть се к съвршениу богоразумна — еже къ единому Богу мыслиу творенны приходити, путь бо сиа къ богоразумиу от прѣмудрых речено бысть, и нѣсть иже еще путьшествующому къ достижениу быти — паче же и иудеи, и Моамефову послѣди причестившесе неистовству Бога и сии в'сему быти творца исповѣдают и подателя, — посла Богъ прѣвѣ убо святых чловѣкъ, таже пророкы, учителя, иже и, открывше съвршеннѣйшаа Божиа таин'ства, учити вылагѣху вѣсх чловѣкъ. Прочее, понеже убо Адамъ, якоже юже варив'ше рѣхомъ, Бога и тамошняго посѣщения же и помощи, прѣльщенъ бывъ, пусть наста и отврѣжень, аще и не съвршено, нѣ убо отврѣжень бысть, и иже от оногъ же по немъ многими и инѣми удрѣжани бывше безмѣстными, коньць и къ служениу идолом попльзошесе, како убо мощно би было от толикаго бѣсещихсе неистовства напрасно о сущем Бозѣ съвршено под'ети словеса и еже богоразумна абие цело наученом быти? Сиде и ниня убо гадан'ми, ниня же указа//н'ми, якоже зрѣцалом, свѣт издалече начет свѣтити, обнажаватисе Троицьское таин'ство. И прѣвѣ убо Моусеомъ; а ихъ же прѣжде Закона отце оставлю: Иова явѣ яко, Мелхиседека, Авраама, Исаака и Иакова, иже Отца Бога познавших и сего Сына и Духъ Светы. л. 251

² В оригинале 'Елѣкоѣров.

³ В оригинале дѣ.

⁴ В оригинале автомиѣф.

идол'ские отлучае скврѣн'ные службы и свой разум вам влагае, показуе же и Сына тѣнцѣ въ иже о немъ словесехъ. Вспоменуто же бысть вамъ въ преждныхъ, како Давидъ убо, вьнегда рещи: «И да поклонетсе ему в'си агтели Божии», — Сына показоваше, и Моси такожде тѣмьжде словесы: «Да поклонется, — рече, — тому в'си агтели Божии». И паки тѣжде, егда Бога глаголаше въскрѣсити от братие ваше пророка, — яко того. Нѣ и еже прѣжде мала тѣ приведе от Моусеовѣхъ заporучений едино быти, явѣ яко еже: «Слыши, Израилю, Господь Богъ твой Господь единъ есть», — и се Троицу явѣ показуеть. Въ еже бо рещи «Господь Богъ твой Господь» Отца и Сына яви и Святого Духа, а въ еже рещи «единъ есть» — едино быти прѣдстави триехъ божество и единого естества сия проста // быти и нераздѣлна. Садукеи убо ни Духа вѣрують быти, ниже агтела, ни въскресение мрѣтвыхъ, вы же, фарисеи, в'са сия вѣруете, мню. Прочее же, сице ли есть, или инако?

К сень: Сице убо и не инако.

Царь: Въ книзѣ Исхода рече Моси, яко заповеда тому Богъ сед'мьдесеть мужий от сыновъ Израилевъ избрати, яко убо, от иже на немъ Духа възьмѣ, на не положит, и будутъ въ пророкы. Елма убо и душа дух нарычется, сего ли ради от Моусеове душе Богъ възети глаголаше и положити на сед'мьдесетыхъ? Никакоже, елма несмыслно есть сѣ помышляти, паче же бесловесно вьсма. Нѣ и от иже на немъ Прѣсвятаго Духа силы же и благодати, ее же ради пророчествоваше же и инаа твораше. Тѣ же како имаши о семъ?

К сень: Добрѣ съмотрити мнѣ мнишисе, о цару, о семь. Ни бо инако начну глаголати, развѣ яко божеств'нымъ духомъ Моуси пророчествоваше и яко сего възети Богъ хотѣаше и положити от седьмьдесетыхъ.

Царь: Еще егда трици Илия потопаи жрѣтвнныкъ водою, и священ'ники студные изби, что ино бѣ знаменуе, развѣ Троицу и таин'ство крѣщения? Егда же и велеглас//ний Исая Господа видѣ сѣдеще на прѣстольтъ висоцѣ и прѣввзнесенѣ, и серафими, страшный онъ прѣстольтъ окрестъ лѣтающе и трижи възглашающе: «Светъ, светъ, светъ», — что когда, прочее, ине зрѣше тогда, развѣ Троицьское въ зрѣцаль таин'ство? Троицьска бо светость Отца изде и Сына являше и Духа Светаго, а иже единою «Господь» нанѣсение — един'ств'ное существа, еже и Моуси за еже «Слыши, Израилю, Господь Богъ твой Господь единъ есть» являше, и Давидъ въ тридесеть и петомъ псалмѣ «Въ свѣтѣ твоємъ, — глаголе, — узрим свѣтъ», — сирѣчь в Сынѣ твоємъ Духъ твой Светый: якоже бо Сынъ, сице и Духъ свѣт Светы и есть и именуется.

Еще и еже рече Исая: «Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза ме, благовѣстити нищимъ посла ме», — яко от лица Христова есть рекы, егоже Богъ помаза, якоже рече Давидъ: «Елеемъ радости паче причестникъ его», якоже въ прѣждныхъ рѣхомъ, иже кто странны явѣ яко и паче естества чловѣкъ, и в'са приет духовнаа дарованиа, яже естество ни котораго убо чловѣка, развѣ оного, может приети.

Еще тѣжде Исая: «Изыдет, — рече, — жьзль ис корене Иесеова, и цвѣт от него възыдет». «Жьзль» убо Прѣсветую Богородицу нарычет, «цвѣт» же — // иже от нее рожденнаго Исуса Христа, якоже бо намъ въ ковчѣга зрѣнии речесе.

Таже «Почиет, — рече, — на нь, — сирѣчь на Христѣ явѣ яко, — Духъ Божий». Которы убо иматъ кто глаголати инъ духъ на Христѣ почити, аще не единосущны Отцу и Сыну Духъ Светы, еже и Давидъ духъ усть именуетъ Господнихъ, единосущное и сѣ устомъ прѣдставляе. егда «Словомъ Господнимъ небеса утвердишесе» глаголетъ, сирѣчь създашесе, «и духомъ усть в'са сила

ихъ»? Что убо будет иже небеса одръже и съдръже ино, развѣ Богъ? Якоже бо Давидъ zde рече, яко «Словесемь Господнимь небеса утвердишесе и духомь устѣ Его в'са сила ихъ», сице и боговидыц' Моуси въ Бытейской книзѣ пръвѣе убо рече: «Рече Богъ: да будетъ тврьдь. И бысть», — таже паки низышдь: «И сътвори, — рече, — Богъ тврьдь», — сугубление тврьды Сына являе. Еже убо реши «Рече Богъ: да будетъ тврьдь» Отца назнамена, а еже навести «И сътвори Богъ тврьдь» — Зиждителя и Сына и Съдѣтеля в'сему, якоже и Отца, указа.

И якоже паки Давидъ за еже утврѣждати реши Духу небеса, Богъ сего ясно проповѣда, и Захариа «Духъ, — глаголе, — наста посрѣдѣ вас», — и Соломонъ: «Духъ Господень испълни вселеную», — и Исаяя: «Раздражише Духъ Светы и възвра//тисе тѣмъ въ вражду», — и домъ Иаковль раздражи Духъ Господень, сице и Моси рекъ: «Рече Богъ: да будетъ тврьдь», «И сътвори Богъ тврьдь», — подателя всѣхъ и съдръжителя и Сына и Отца прѣдстави.

Да не почюдиши же се, аще Мосеа въ единое же реши «И сътвори Богъ тварь» съдѣтел'ное рѣхъ Сыну назнаменати: тожде бо бѣ реши того тврьди творца еже в'сему творца. Еже убо о Духу Давидъ, сѣ Моуси о Сынѣ единѣмъ глаголомь коиждо о коемждо являютъ иже есть Богъ. Якоже убо Христосъ Слово Божие и есть и глаголетсе Слово Отче, единосущному добрѣ за еже «Слово» глаголатисе показаему, сице и божеств'ны Духъ Божий Духъ и глаголетсе и есть единосущ'нь и тѣ Отцу и Сыну сѣ. Идеже убо въ Писании Духъ Божий услышиши или Духъ Господень, да не ино что възнепшущеси, развѣ Прѣсвяты Духъ быти, иже от Бога исходитъ, якоже бо Сынъ от тогоже Бога и Отца рождается. Аще ли же и аггели духове Божии нарычютсе, нь они убо мнози, и единочинни другъ другу коегождо чина, и създани суть, и служѣбни. Сѣ же по изредному въздѣ въ Писании единств'нѣ Духъ Божий глаголетсе. Якоже бо бози глаголетсе убо и аггели, и от чловѣкъ болшии и по Бозѣ жившей, Богъ же по-изредному сѣ различиемъ глаголему Творца небу и земли Бога разумѣ//ти дае. И сынове убо Божии и святии глаголютсе, нь егда Сынъ Божий речемь, единороднаго Отцу и единосущнаго явихомь, иже несказанно от Него и неизреченно рождѣшусе. Сице и егда Духъ Святы услышимь, еже от Бога и Отца разумѣваемь несказанно и паче слова исхоще, якоже естествомъ прѣбывае сѣ Нимъ и от присносущаго, якоже и Сынъ.

Елма же въ горныхъ словесѣхъ не по-единому образу по-образу Божию чловѣку създану быти глаголатисе прѣдставихом, елика подобна иже тогда глаголемымъ бѣху въспоменухомь, услышати убо имаши и ниня инь образъ образу Божию въ чловѣцѣ.

В'сакъ бо чловѣкъ имать и слово, и духъ естеств'на и подобна себѣ. Или убо аще не би сиа имѣль, бесловес'нь би и мрътьвь. Нь не сего ради три чловѣкы единого речемь по-коемуждо раздѣляюще: не убо ни же ино-сущна тому слово его и духъ, нь единосущна и единоестеств'на. Якоже убо о семь, сице и о Бозѣ, иже чловѣка създавшому по образу и по подобию своему. Имасть убо и сѣ единосущно себѣ Слово, от себе рождено, и Духъ, естеств'но от него происходе. Бесловес'нь бо и сѣ убо былъ би истинною и несъврѣшенъ, и сего ради, по-подобному, ни//же Богъ есть, аще не сиа имѣлъ би. Елма же съврѣшенъ есть Богъ, нужда и съврѣшено раждати свое Слово и Сына и съврѣшенъ от себе производити единоестеств'ны и съприсно-сущны Духъ. Да аще на чловѣцѣ единомъ триемь нѣсть реши за еже слово имѣти и духъ, много вещьше при Бозѣ простѣйшимъ в'сако съложение отстоить. Аще и Слово имать и Духъ, якоже убо не трие чловѣци, сице ниже три бози.

Вѣждь же, яко не вамь тъкмо и еллином и сущимъ Моамѣовыи прѣльсти велицей погибѣли бысти виновно еже паче потрѣбы простоти Божие приемати, нъ и множайшимъ именуемыхъ христиань. Немалѣи бо въ ересехъ супротивныхъ выпадоше отъ таковыи вины, иже Ариевѣи реку и Евномиеви, и прѣжде сихъ Савелиева причестившесе чръножльчиа и ини съ ними мнози. Пострадаше же сѣ за еже своими увѣратисе мыслемь и въ себѣ хотѣти быти прѣмудремь и иже отъ Бога прѣданнаа словеса не послушати, ниже въ словѣ творити сихъ ничесоже и ниже разумѣвати мощи, ниже вѣровати хотѣти. Идеже бо нѣсть вѣра, никакоже есть разумь, якоже нѣгде и Исая: «Аще не имете вѣры, — рече, — не имате разумѣти».

л 254 об Сутъ бо убо и ина многа, яже Бога показующа Духъ Светы, яково есть и о//но, еже Иововѣхъ друзей единь, Елиусъ Вузитинь рече, явѣ яко «Духъ божествъ ны, сътворивѣи ме, дыхание же В'седръжителя, учещее ме». И се бо Творца и В'седръжителя глаголетъ Духа Светаго. Нъ довол'на быти къ увѣрениу глаголемаа непщевахъ. Аще бо не симь увѣришисе, ни же, аще би и множайшѣ кто глагола, увѣрена те възыматъ когда. Обаче же убо и се же съ инѣми еже о Святомъ Духу тебѣ слово да назнаменуется.

Исповѣдалъ бо еси прѣжде мала, яко отъ негоже Духа Богъ отъ Мосеа глаголаше от'ети и положити на сед'мьдесятыхъ ниже аггл'скы, ниже чловѣчьскы бѣ, нъ Духъ Божий. Онѣи сего ради благодать Прѣсветаго Духа, яже Мосеу тогда дарована и сед'мьдесятымъ и по тѣхъ пророкамъ, сиа и иже въ Христа Еуаггелиемь вѣровав'шимъ послѣди дасе. Ниже бо есть рещи ину убо прѣжднымъ пророкомъ благодать дати, другу же пакы иже по онѣхъ, понеже убо единь есть иже отъ Отца исходець Духъ Светы, и едина есть сего благодать и тажде, паче же едина и тожде триехъ есть и божество, и благодать, и сила — Отца реку, и Сына, и Светаго Духа.

л 255 Икоже бо аще кто зажежену свѣшу трѣплетену помыслитъ иматъ убо, и отъ съплетеныхъ кое//ждо свѣтъ нескуд'нъ же и прѣис'плнь, пакы же и триемь единь и тѣжде свѣтъ съплетений ради съединяемь бываетъ, ни единому убо или сълитуу въ съединени, или раздѣленѣи триехъ ради съплетений случаютъ свѣтомъ, нераздѣлно бо и просвѣщаемь приближается и окрестъ проливаемаго въздуха просвѣщаетъ, никомуже и зѣло прѣмудрому раздѣлити свѣтъ или расудити възмог'шу, яко рещи онсице сѣ отъ съплетеныхъ и онь онсице, нъ единь есть и триехъ цѣль и коемуждо цѣль; сице и лицамъ Святыи Троице Богъ убо есть коеждо съврѣшень, нъ и Троя пакы съврѣшень Богъ есть тѣжде.

л 255 об Еже убо глаголахомъ, тѣжде благодать и сила есть, яже тогда убо малѣмъ нѣкоторымъ и по-врѣменехъ послаема, ниня же въ бесчисльна множьства даруема. И свѣдѣтел'ствуетъ симь Иоиль: «Излиу, — глаголе, — отъ Духа Моего на в'саку плоть, и прорекутъ сынове ваши, и дщери ваше, и старци ваши съниа узрет, и юноше ваши видѣниа узреть. И убо на рабы Мое и на рабыне Мое въ дни оны излиу отъ Духа Моего», и прорекутъ, «и дамъ чудеса на небеси и на земли: кровь и ог'нъ, и курение дыма. Солнце прѣвратитсѣ въ тму, и луна въ кровь прѣжде даже приити день Господень, великѣи и про//свѣщени. И будетъ: всакъ, иже аще призоветъ име Господне, спасетсѣ».

Зри убо, колику силу реченная пророкомъ имутъ и кого сими незнаменуеть. Прѣвѣ убо силоу Духа свѣдѣтел'ствуетъ, и рече не инако убо мощи кому пророчествовати, аще не Оному нашъдышу пророчествовати хотещому. Оставляетъ убо симъ разумѣти, яко ничтоже ино, иже таковая могущу, развѣ Богъ есть. Таже хотещее быти пришъствие Христова провъзвѣсти, великыи и свѣтлыи день онь нарекъ. О сихъ и Спаса сего всѣмъ призывающимъ быти рече: в'сакъ бо, иже аще призоветъ, рече, име Господне — Христово явѣ яко — спасетсѣ.

Елма убо, о Ксеню, о Богѣ убо, Егоже мѣ убо и Отца Сыну глаголемь, вѣ же сице просто Бога, ниедино и обоимъ есть сумнѣние не быти сему Богу и судѣтелю всѣх, в'сако же намъ слово о Сынѣ же и Прѣсвятѣмъ бысть Духу, яко убо и от сих Бога кождо указати, и едину сущу тѣмъ же и Отцу божеству и силѣ и царству. Яже убо о Духу от божеств'наго намъ указана написаниа доволна мнѣ мнетсе се прѣдставити Бога и единостест'вна и нераздѣлна от Него происходить Бога и Отца. Духъ убо Божий и вѣ глаголете. Како же о Нем достоитъ разумѣвати, никакоже вѣсте.

О // Сынѣ же пакы доволна убо и о семь благоразумнымъ сказаннаа, непщую, указати Бога убо и того суща, плът' же въ послѣднихъ приемша врѣменехъ. Къ реченнымъ же немало и Иезекиилово въ прѣдставление божеств'наго ему вчловѣчениа. Тѣ бо по еже повѣдати видѣние еже въ плѣнениа врѣме видѣ на рѣцѣ Ховарь, безврѣменно в'се ниня повѣдати. «Тогда глас, — рече, — слову, яко глас плѣка; и вьнегда стати животна, прѣстааху крыла ихъ. И се глас прѣвьше тврѣди, сущие над главою ихъ.⁵ Вьнегда стати имъ, вьсхождаху крила ихъ. И прѣвьше тврѣди, еже выше главы ихъ,⁶ яко видѣние камене сапфира, подобие прѣстола на немъ, и на подобие прѣстола — подобие яко видѣние чловѣка съвьше».

л. 256

О книхъ убо zde животныхъ Иезекииль глаголетъ и кого явити хоте еже на подобии прѣстола яко чловѣка съдещаго? И явѣ, яко животна убо керувимъ и серафимъ глаголетъ, а иже на сихъ съдещаго оного, о немъ же и Моси рече «Да поклонетсе ему в'си аггели Божии», — иже есть Богъ и чловѣкъ. Нъ сиа убо не еще проходещимъ намъ, явленѣйше и инѣми, ихъ же рещи хошемъ, сказател'нѣйша яветсе и нажайша прѣдставлена будут. Тѣ же правед'нѣ убо будещи сказаетъ // мнѣ, како въ души твоей о Троици вьнидоше словеса. Прочее, безмльв'ствуетъ ли ти речен'ными умъ, или помыслмы нѣкѣми колѣблемъ обносимъ есть и къ прѣксловиу подвижитсе, вещьшихъ еще трѣбуе и тврѣйшихъ указаний?

л. 256 об.

К сень: Высокъ еще, цару, къ обоимъ купонитсе и ниже прѣкланяитсе готовѣ имѣти къ реченнымъ, ниже противитсе крѣпцѣ и къ противленію от проявленаго честь устроятсе. Нъ тѣ убо прочее слово, аще мнитсе, проходи, азъ же тебѣ посрѣдѣ тыщещусе нищущее явѣ сътворю.

Царь: Благо же. Молюсе убо и пакы намъ на здравь отвѣтъ извести твой умъ и болшее избрати усрѣдствовати. Да дасть ти Господь, Соломоново рещи, разумъ въ всѣмъ.

Да имемсе прочее иже о плѣтскомъ Христовѣ и пакы съмотрении словесемъ. Велегласнѣ рече Исая: «Се деваа въ чрѣвѣ примет и родит сына, и нарекут име ему Еммануиль».

К сень: Коликимъ убо лютиимъ виновна присно лъжа бывает! Пророкъ бо не «дева», нъ «отроковица» рече въ чрѣвѣ приметъ, явѣ яко съшдьшисе съ мужем. Вы же своихъ утврѣждати хощете лъжь, девуку вьмѣ//сто отроковице вьсприесте. Что бо убо кто и глаголетъ, колико отсуду помрачение, и тькомо глаголемо творит и невѣрие велико изливает слышещим. Кто бо от в'сего вѣка деву слыша рождьшу? Аще мнѣ едину имат показати кто, къ ничесому же убо съпротиви реку вещьше.

л. 257

Царь: Добрѣ глаголещи. Покажи ми тѣ Бога иногъ съ небесе съшдьша и въ плѣть облькшасе, и азъ тебѣ покажу юже, якоже сам просиши, дѣвицу, того рождьшую. Ты же, понеже сѣ вѣровати общаваешисе, навькнеши⁷ и ино таково показати имат бывшѣ, приетно убо буди тебѣ и сѣ, прьво и

⁵⁻⁶ Приписано над строкой и на поле.

⁷ Слово не соответствует оригиналу. В оригинале: εἴ σοι τις.

едино съ, елма и оно, къ ниединому иному узрѣти хотѣаше. Аще же убо прьво бѣ, виновна же есть лъжа великъмъ бѣдамъ рекль еси, не вынѣ слова глаголати мнишимисе.

Обаче же убо, како убо кому, умь имущу, лъжа врѣдъ будет, немощна въсма о себѣ и несъставна съ? Ни бо что есть, ниже въ сущихъ есть. Какъ убо, такова съ, себе можетъ съставити? Аще бо не истина съставляла би сиу, по самому же сему еже лъжа истиною быти глаголати ⁸ето шо, ⁹ниже име выистину убо было би той. Еже рѣхъ, сѣ есть.

л. 257 об. Да речемъ же двѣ нѣ//каа быти, и овому убо от них глаголати: лъжа есть, яко лъжа есть ето шо; другому же истина есть глаголати, яко лъжа есть ето шо. В'сако от прьваго же ничтоже скончается, от другаго же навыхокомъ, за еже истина есть рещи, яко лъжа выистину есть ето шо. Видиши ли како, аще и мнитсе нѣчто когда лъжа, истиною и тогда съставляется, о себѣ же ни есть, ниже въ сущихъ есть. Толика бо немощь той есть, яко аще и мнитсе что быти когда, истину и тогда лицемѣр'ствуется. Аще бо не истину лицемѣр'ствуема есть, ниедину пакость творити възможет, еже и въ вас видѣти есть: т'мѣ бо не противещесе, въ свѣтѣ прѣбывати непшуете, никакоже убо въ сиемъ глухыхъ разньствующе и слѣпыхъ.

л. 258 Кромѣ же сих и общаемыхъ тебѣ помнѣти дльговѣ и не по естеству яже выше естества и по слову яже выше сего искати. Аще ли, прочее, се убо оставлено быти, покажи же ми ты, како Моуси отце ваше Чръное прѣити сътвори; и от камене толику источи воду, яко в'сѣмъ людемъ насытитисе; и кивот, священными носим, и Иордан'скую прѣшьдыше струю по-суху прѣиде; и Иерихон'скые сътресошесе стѣни; и ми//логиу Иорданъ паки Елисей разв'рзе и раздѣлишесе воду суду и суду, самъ же по-суху прѣиде. Еда убо по естеству, что быти сихъ есть рещи? Никакоже. Аще ли же онѣ паче естества, ниже се по естеству.

Ваше же непокор'ство добрѣ обличи велегласны Исая: «Весь день, — глаголе, — прострѣхъ руцѣ мои къ людемъ непокоривымъ и прѣрекающимъ». И къ в'сѣмъ убо еже о Христѣ пророчествиомъ явленомъ сущимъ и истинномъ, неистовымъ образомъ прилежите, иже от путѣ углажденныхъ укланяющесе низъ стрѣмины множицею себе поринувше, паче же от иныхъ къ настоещому. Обаче же убо выш'ше мало сие възприимемъ, да увѣмы явленѣише, каа есть пророкомъ реченныхъ мысль и о кыхъ есть.

л. 258 об. «Приложи, — рече, — Господь глаголати къ Ахазу, глаголе: проси себѣ знамение от Господа Бога своего въ гльбыну или въ высоту. И рече Ахазъ: не имамъ просити, ниже искусити Господа. И рече Исая: сего ради дасть Господь Самъ вамъ знамение: се деваа въ чрѣвѣ примет и родить сына, и нарекутъ име ему Еммануил'. Масло кравие и медь сънѣст прѣжде даже разумѣти ему или изволити лукаваа, избрати благое. Зане прѣжде даже разумѣти отро//четоу добро или зло отврѣжет лукавое, избрати благое». От начала убо паки, по-малу изложивше, съматраимъ: «Приложи Господь глаголати къ Ахазу, глаголе: проси себѣ знамение от Господа Бога своего въ гльбину или въ высоту. И рече Ахазъ: не имамъ просити, ниже искусити Господа». Испитати убо прѣжде праведно есть, каа бѣ вина Ахазова прѣслушания, яко не хотѣти сътворити повелѣннаа от Бога.

Рѣхомъ же убо яко чловѣкъ съ съ сует'ствомъ и безумиемъ поживь и къ лъжепророкомъ и обавникомъ и таковѣмъ прѣльстникомъ зияе, прѣнебрѣщи не лѣняшесе божеств'ныхъ повелѣний. Тѣмже небрѣжител'ное, якоже и бес-тудное оногъ Исая понашае, «Сего ради, — рече, — дасть Господь Самъ

8-9 В оригинале: τὸ δὲ τι.

знамение», пославы ме явѣ яко к тебѣ скврѣн'ному и злочѣстивому, поругавшомусе божеств'нымъ повелѣнием. Да не убо возъм'ниши, яко посланъ есмь к тебѣ яко достойну сушу, далече бо еси тѣмъ еже таковъ быти, яко убо не тебе ради, нѣ дома ради Иудова и в'сѣх посланъ есмь сыномъ Израилевомъ. «Сего ради убо дасть Господь Самъ знамение вамъ: Се дева въ чрѣвѣ примет и родить сына, и нарекут име ему Еммануль».

Аще убо, якоже//тѣ рекль еси, отроковицу пророкъ прѣдглагола би въ чрѣвѣ имѣти, поживши съ мужемъ, суетно бѣ явѣ и зѣло бесловесно еже знамение сѣ нарыцати. Развѣ же сего и еже «отроковица» вмѣсто еже «дѣвица» дрѣжимо обрѣщещи прѣдставлено въ Второзаконѣ. Рече бо, яко: «Аще кто понудит на поли отроковицу дѣвицу», и «Идеже аще кто обрѣщеть отроковицу обрученную и, понудивъ, спит съ нею, убиете чловѣка тѣмко, и отроковицы не сътворите ничесоже». И Есдра же отроковицу нарычетъ, еже с царемъ-пророкомъ Давыдомъ състарѣвшимсе спешую девицу, яже о сьгрѣанѣ ради тому старостиу остуждену спаше съ нимъ, а не за ино что. Рече бо, и не позна сиу царь. Елма же, якоже рѣхом, и еже зачети женѣ спешой съ мужемъ чудо ничтоже бѣ, ниже знамение вълѣпоту сѣ убо нареклъ би пророкъ, изьостаеъсь непщевати того рещи знамение дано быти от Бога, еже деву без' мужа родити, еже убо и коньць приеть, аще и вы истинною гнилыми нѣкѣми словеса и несъставными, свойств'нѣйшее же рещи несмыслными, разорити начинате.//Достойно же есть ниже сѣ мимо- л. 259 об текати, яко аще не въ Девѣ Марии знамение приело би коньць, како иже из нее рожденны не от похоти плѣтскыя, ни от похоти мужьскыя, нѣ от Духа Света, по пророчьскому слову, Еммануиль именованъ бысть, сирѣчь «С нами Богъ»? Что убо будет еже «с нами Богъ»? И явѣ, яко Богъ будет с нами, чловѣкы, сирѣчь подоб'нъ нам чловѣкъ будет, и Богъ тѣжде сѣ. Такожде еже и заеже «нарекут» множество в'се рече чловѣкѣ, еже и бысть.

Сим'же и яже въ Варуху Иеремие вьсма съглашаетъ, «Сѣ, — бо рече, — Богъ нашъ, не вмѣнитсе инь къ Нему. Изьобрѣте в'сакъ путь художества». Якоже би глаголетъ, вѣсть в'сако художество, яко сама Прѣмудрость сѣ, и в'са словеса ихъ яко Съдѣтель тѣх сѣ. «И дасть сие Иакову, отроку Своему», сирѣчь рабу своему, «и Израилю възлюблен'ному от Него», тогожде и паки глаголе Иакова и сему глаголе дати Богъ в'сака художества путь, сирѣчь в'сако слово. Како же не в'сако художество рече, нѣ в'сакъ путь художества? Яко вещьшу сушу явѣ и съврѣшенѣйшу от еже художествиомъ вѣдѣти //словеса, нежели художества тѣ. Въ еже убо рещи, яко «Дасть сие Иакову, отроку Своему» непрѣськомое тѣмко назнаменоваше Иаковле, реку же самого и тѣмко Иакова, а въ еже паки рещи «и Израилю, възлюблен'ному от Него» яви убо и паки тогожде Иакова, назнамена же и их' же Еуаггелиу вѣровавших. Еже бо «Израиль» «Умъ, зре Бога» сказаетсе. Тѣмже и иже добрыми дѣян'мы ума себе, зреща Бога, съдѣлованна, в'сако явѣ яко слово и сѣ, и в'саку художества вину приеть от Бога, пожившому съ чловѣкы и от них видѣну плѣтиу. Еще убо и тогожде Ветхому дателя и Новому показа за еже дати рещи Иакову, отроку Своему, и Израилю, възлюбленному от Него. Елма же пророкъ никоуже вмѣнитисе къ нему рекшу, прѣвысока того несъсужденно показа от именуемых боговѣ, агтель явѣ и чловѣкѣ.

Тогда рече по сих: «На земли явися и съ чловѣкы поживе» — еже на земли того пришьствие и еже съ нами, земельными, житие явленѣйше глаголе. По сих же, якоже сказатель тѣжде и учитель Божиих повелѣний поставленъ. «Сиа, — рече, — книга повелѣний Божиих и законъ сѣ //въ л. 260 об

вѣкы. В'си дрѣжещеи сиу», — книгу явѣ яко Божиихъ повелѣний, — «въ живот, оставльши же сиу умруть. Възвратисе, Иакове, и приими сиу», — книгу явѣ яко повелѣний, — «проиди къ сианиу прѣмо свѣту ее», — еже въ книзѣ явѣ яко богоразумиа. Таже, якоже повелѣвае иудейскому языку, рече: «Не даждь иному славы свое и пользныхъ твоихъ языку туждему», — сирѣчь, аще и вѣровати хочеть в'сакъ языкъ въ небу и земли Творца Бога, нь никтоже будет от тебе честнѣйши и паче възлюблень, якоже и именовать бысть прѣвороднѣ сынъ и възлюблень, аще не тѣь самъ издаси еже от Бога тебѣ дарованную почеть и издаси свою славу и суцаа блага; аще ли же тѣь самъ на почѣтшаго Бога встанеши, свою славу издаси и прѣвѣн'ства, якоже Исава, и множае от оного възненавидѣн' будеши и отрыновень и высльдь гредушеи людие языкѣ, достигше, твоа примуть благаа и славу, и честь, юже сам, имѣе, оставиль еси от рукѣ несмыслно. Таже таковую славу языкѣ и обращение пророкъ являе, «Блажени, — рече, — есмы Исраилю», — языкы в'сако нарыче «Исраиль», // яко вѣри ради и благѣхъ дѣаний «Умь зре Бога» бывшу, «яко угоднѣ Богови вамъ разумна суть».

л. 261

Позна ли, прочее, како явѣ пророкъ се рече свѣршенъ быти законъ и вѣчнь тѣжде, егоже съ чловѣкы живы Богъ дасть и сего рече быти повелѣний Божиихъ книгу, а не иже вамъ дан'ны древле, егоже въ вѣрме празна оставити давый Богъ рече?

Нь да идемь, аще мнитсе, и паки на Исаиу: «Проси, — рече, — знамение от Господа Бога своего въ глыбину или въ высоту». Глыбину бо пророкъ рече zde еже от небесѣ на землю убо, от сее же въ адѣ съшьствие Сына и Слова Божиа, высоту же еже от мрѣтвыхъ въскресение Его и еже от земле на небеса въсход, отнудуже съниде, якоже проходе намъ слово скажеть.

Мнит' же ми се, мало от пророческихъ словесъ отступльшу, иже о Приснодевы Марие словесех упразнитисе, и оттуду паки благовѣрменнѣ къ имже о ней и иже от нее рождьшагосе пророчества възвратитисе.

Коньць еже на Иудеихъ шестому слову.

Vindobonensis Palatinum, Slav. 34

ШЕСТОЕ СЛОВО ПРОТИВ ИУДЕЕВ*

Император: Вот тебе малое из великого множества свидетельств о божественном вочеловечении Христа. И пусть не все мы еще сказали, на время мне хочется эту тему оставить и поговорить о Троице, как ты недавно и попросил. Имея много средств для явления истины и богат будучи доказательствами, каковые мне во множестве представляет Новый Завет, я не воспользуюсь ни одним из них, так как нет в этом крайней необходимости. Ведь сердце твое по отношению к ним жестко и необрезано, по словам пророка (ср.: Левит, 26, 41; Исайя, 46, 12; Иеремия, 9, 26; Иезекииль, 2, 4; 3, 7), так что все они будут бездейственны и окажутся приведенными понапрасну. Потому что, если говорящие не согласны друг с другом в предпосылках, как вообще они могут о чем-либо договориться? Мог ли бы, например, философ¹ воспринять, что Бог — Троица, совершенно не веруя, что Бог вообще существует? Так что не имеет смысла братья убеждать тебя свидетельствами оттуда, то есть из Нового Завета, каковой ты вовсе не приемлешь, несмотря на то, что он сам по себе является

* За проверку этого перевода от души благодарю профессора А. И. Зайцева.

¹ В оригинале — Эпикур.

истиной и ярче солнца сияет, но будем черпать их из Ветхого, вашего Завета, и нами чтимого и принимаемого как святой и справедливый.

Ксен: Много да прибудет тебе, царь, благ от Бога, ибо как раз это я очень хочу послушать.

Император: Ты еще помнишь, какой ты сделал против нас выпад, заявив, что мы поклоняемся трем богам, подкрепив обвинение цитатой из Моисея: «Слушай, Израиль: Господь Бог твой Господь один есть» (Второзаконие, 6, 4)?

Ксен: Прекрасно, царь, помню и десятки тысяч раз, если бы было возможно, принял бы за это смерть.

Император: Отлично ты сказал, что умер бы за эту веру. А я, как ты можешь видеть, настолько далек от того, чтобы порицать тебя за это или отвергнуть Моисеево изречение, что я и сам, да и все мы, называющиеся по имени Христа, многократно, как ты сказал, пошли бы на смерть за поклонение единому Богу.

Ксен: Похоже, ты противоречишь, царь, сам себе, и то, что ты намерен сказать, сильно отличается от того, что ты говорил.

Император: Тебе так кажется, но это не так. Если потрудишься послушать, увидишь, что я в полном согласии и с собой, и со всеми святыми и пророками.

Ксен: Ну, так говори и докажи это.

Император: Прежде всего я хочу тебе напомнить те слова, которые мы положили как бы неким основанием рассуждений, а именно: не стараться средствами природы и рассудка уразуметь то, что выше природы и рассудка, что следует одной верой воспринимать и почитать. Если ты намерен этого держаться и впредь, все у вас вместится в уме; если же нет, то мы понапрасну будем трудиться.

Ксен: Совершенно необходимо держаться принятого, ибо это справедливо.

Император: Итак, да будет началом наших разысканий то, что более другого необходимо: никоим образом не разузнавать, чем по природе является Бог. Ибо это совершенно недопустимо не только для людей, но и для высочайших чиновначалий. Ведь Он в равной степени непостижим для всякой рожденной природы и совершенно никем ни полностью, ни отчасти познан быть не может.

Однако же, будучи таковым по природе, Он не оставил нас жить, блуждая, словно в глубочайшей тьме, в абсолютном о Нем неведении, чтобы мы не пострадали вместе с упомянутым Давидом безумным, неразумно предположившим, что Бога нет (см.: Пс. 13, 1), или, если хочешь, вместе с безумным философом,² который тоже верил в самостоятельность бытия и никак не соглашался с существованием стоящего над всем Бога-Промыслителя; и Он вложил в ангелов непосредственное знание о Себе в понятиях, которые знает их научивший, для человеческого же постижения недоступных; нам же, людям, Он дал знамения, с помощью которых наш разум способен возвышаться к мыслям о Нем. Знамениями и как бы некими символами я назвал бы небо и землю и все, что на них, — чтобы, видя их красоту и сплоченность и неслиянность, свойственные их устройству, мы были способны восходить умом к приведшему их в бытие и в нем содержащему и устроющему и познавать в нем всесильного Бога — не существо Его, конечно, но сверхъестественность и божественность Его силы — и веровать в Него. Поскольку же для совершенного богоразумия этого недостаточно — путем мысли приходиться от творения к единому Богу (мудрецы называют это путем к богопознанию),

² В оригинале — Эпикуром.

да и этого мало, чтобы путешествующий достиг цели — в частности, и иудеи ведь и те, кто позднее впали в Магометово безумие, считают Бога творцом всего и подателем, — Бог послал сначала святых людей, затем пророков и учителей, которые, открывая более совершенные Божьи таинства, стали учить всех людей. Поскольку же Адам, будучи прельщен, как мы раньше говорили, лишился Бога, Его прismoтpa и помощи и был отвержен — хоть и не совершенно, но ведь отвержен, — и его потомки после него, захваченные многим другим неподобающим, в конце концов докатились до служения идолам, как могли бы они, бесыащиеся от столь великого безумия, вдруг воспринять слова о сущем Боге и зараз быть наученными чистоте богоразумия? Так что свет начал светить и таинство Троицы обнажаться издали — иногда в загадках, иногда в образах, словно в зеркале. Сначала — через Моисея. А об отцах, живших прежде Закона, я не буду говорить; я имею в виду Иова, Мелхиседека, Авраама, Исаака и Иакова, познавших Бога-Отца, Его Сына и Дух Святой.

Выведа с помощью Моисея ваш народ мышцею высокою из земли Египетской, Бог через него научил вас чтить Себя как творца неба и земли, понемногу отучая от скверной службы идолам и влагая в вас свой разум, при этом смутно показывая и Сына в сказанных о Нем словах. Нами было уже раньше упомянуто, что Давид словами «И да поклонятся Ему все ангелы Божии» (ср.: Пс. 102, 20; 148, 2) указывал на Сына, и Моисей тоже и теми же словами: «Да поклонятся Ему, — сказал он, — все ангелы Божии» (Второзаконие, 32, 43). И еще он же, говоря, что Бог воздвигнет из братьев ваших пророка (Второзаконие, 18, 15), Его имел в виду. Да и тобою чуть раньше приведенное одно из Моисеевых повелений: «Слушай, Израиль: Господь Бог твой Господь один есть» (Второзаконие, 6, 4), — и оно явно указывает на Троицу. Ведь словами «Господь Бог твой Господь» он явил Отца, Сына и Святой Дух, а словами «один есть» представил единую для трех божественность — единую простую и нераздельную природу. Саддукеи ведь не верят ни в Духа, ни в ангела, ни в воскресение мертвых, вы же, фарисеи, во все это, мне кажется, веруете (ср. Деяния, 23, 8). Впрочем, так ли это, или иначе?

Ксен: Так это, не иначе.

Император: В книге «Исход» Моисей говорит, что Бог повелел ему избрать семьдесят мужей из сыновей Израилевых, чтобы, взяв от того Духа, который на нем, возложить на них, чтобы они стали пророками (в книге «Исход», 24, 1, упоминаются семьдесят старейшин Израилевых, но пересказывает император здесь книгу «Числа», 11, 16—17, 25). Духом ведь и душа называется, но означает ли это, что речь идет о том, что Бог возьмет часть Моисеевой души и возложит ее на семьдесят человек? Нет, конечно; бессмысленно ведь и даже очень неразумно и помыслить это. Но — от бывшей на нем силы и благодати Пресвятого Духа, благодаря которой он и пророчествовал, и иное совершал. Ты-то как об этом думаешь?

Ксен: Мне кажется, ты правильно это рассматриваешь, царь. И я не взялся бы говорить что-либо иное, как то, что Моисей пророчествовал божественным духом и именно от него Бог хотел взять и возложить на семидесяти.

Император: Еще: когда Илия трижды облил жертвенник водой (3 Царств, 18, 34) и перебил скверных жрецов (там же, 18, 40), — чего это было знамением, как не Троицы и таинства крещения? А когда великогласный Исайя видел Господа сидящим на высоком превознесенном престоле и серафимов, летающих вокруг этого страшного престола и троекратно возглашающих «свят, свят, свят», что иное созерцал он тогда, как не отражение таинства Троицы? Троекратное возглашение святости являло одновременно с Отцом Сына и Дух Святой, а однократно произносимое

«Господь» (Исайя, 6, 3) — единство сущности, — то же, что и Моисей показывал словами «Слушай, Израиль: Господь Бог твой Господь один есть», и Давид в тридцать пятом псалме, говоря: «Во свете Твоем мы узрим свет» (Пс. 35, 10), — то есть в Сыне Твоем — Дух Твой Святой; ибо как Сын, так и Дух Святой являются и именуется светом.

Также и то, что сказал Исайя: «Дух Господа на мне, ради Которого Он помазал меня, благовествовать нищим послал меня» (Исайя, 61, 1), — он сказал будто от лица Христа, Которого Бог помазал, по словам Давида, «елеем радости более соучастников твоих» (Пс. 44, 8), как мы прежде говорили, и Который — явно странный и сверхъестественный человек, принявший все дарования Духа, воспринять каковые не способна природа ни одного, кроме Него, человека.

Еще тот же Исайя сказал: «Произойдет отрасль из корня Иессеева, и цвет от него поднимется» (Исайя, 11, 1). Отраслью он назвал Пресвятую Богородицу, цветом же — родившегося от нее Иисуса Христа, как нами сказано при истолковании ковчега.

Далее он говорит: «Почиет на нем» — то есть на Христе, явно, — «Дух Божий» (ср. Исайя, 11, 2). Какой другой дух почил на Христе — может ли кто-нибудь сказать — кроме единосущного Отцу и Сыну Духа Святого, каковой Давид и духом уст Господних именуется, когда говорит, в образе уст представляя единосущность: «Словом Господа небеса утвердились» — то есть были созданы — «и духом уст Его — вся сила их» (Пс. 32, 6)? Что другое может удержать и содержать небеса, кроме Бога? В соответствии с тем, как Давид здесь сказал «Словом Господа небеса утвердились и духом уст Его — вся сила их», и боговидец Моисей в книге «Бытие» говорит сначала «Сказал Бог: да будет твердь» (Бытие, 1, 6), и она появилась, затем, чуть ниже: «И сотворил, — говорит, — Бог твердь» (там же, 1, 7), — вторичным упоминанием тверди являя Сына. Ведь словами «Сказал Бог: да будет твердь» он указал на Отца, а прибавлением «И сотворил Бог твердь» он указал на Сына, такого же создателя и творца всего, как и Отец.

И опять же, как Давид, говоря, что Дух утвердил небеса, ясно проповедал, что Дух есть Бог, так и Захария словами «Дух пребывает среди вас» (ср. Аггей, 2, 5), и Соломон, говоря «Дух Господа исполнил вселенную» (Премудрость Соломона, 1, 7), и Исайя, сказав «Раздражили Духа Святого, и Он обратился в неприятеля их» (Исайя, 63, 10) — и дом Иакова раздражил Дух Господа, — также и Моисей, сказав «Сказал Бог: да будет твердь», «И сотворил Бог твердь», представил подателем и содержателем всего и Сына и Отца.

Не удивляйся тому, что Моисей одной фразой «И сотворил Бог твердь» указал, как я сказал, на творческую способность Сына: ведь сказать, что Он творец тверди, это то же, что назвать Его творцом всего мира. То, что Давид сказал о Духе, Моисей сказал о Сыне, — одной фразой каждый о каждом свидетельствует, что тот есть Бог. Ибо как Христос и является, и называется Словом Божиим, Словом Отца, — имя «Слово» хорошо показывает их единосущность, — так и божественный Дух Божий и называется, и является Духом, единосущным Отцу и Сыну. И когда слышишь, что Писание говорит о Духе Божиим или о Духе Господа, не думай, что речь идет о каком-то ином духе, кроме Пресвятого, который от Бога исходит — как Сын рождается от того же Бога-Отца. Хоть и ангелы духами Божьими называются, но их много, и они равны друг другу в каждом чине, и они созданы, и состоят при службе. А так, особым образом, везде в Писании только Дух Божий называется. Подобным же образом богами называются ангелы и лучшие из людей, по-божески жившие, но когда говорят о Боге особым образом, дают возможность понять, что разумеют Бога — творца

неба и земли. И сыновьями Божиими называются ведь святые, но когда мы говорим «Сын Божий», мы имеем в виду едиnorodного и единосущного Отцу, неизъяснимо и неизреченно от Него родившегося. Так, и когда мы слышим «Дух Святой», мы понимаем, что речь идет о Духе, несказанно и превосходящим наше понимание образом исходящем от Бога-Отца, а естественным своим извечно с Ним пребывающим, как и Сын.

Выше мы сказали, что о человеке — что он создан по образу Божию — говорится неоднозначно, а теперь мы вспомнили нечто связанное с тем, о чем тогда говорили, так что ты послушай и теперь о некоем образе образа Божия в человеке.

Всякий человек имеет слово и дух естественные и соответствующие ему. Ибо, если бы он их не имел, он был бы бессловесен и мертв. Но мы не говорим на этом основании о трех людях в одном, разделяя человека на три части: ведь у его слова и духа не иная сущность, нежели у него, но они единосущны и единопородны ему. Подобно этому обстоит дело и применительно к Богу, создавшему человека по Своему образу и подобию (ср. Бытие, 1, 26). И Он имеет единосущное Себе Слово, от Него рожденное, и Дух, естественным образом от Него происходящий. В противном случае и Он был бы поистине бессловесен и несовершенен, а стало быть, не имея их, Он не был бы Богом. Поскольку же Бог совершенен, Он должен рождать Свое Слово совершенным и производить из Себя единый с Ним по природе и совечный Ему Дух. И если об одном человеке нельзя сказать как о трех потому, что он имеет слово и дух, то в гораздо большей мере от Бога простейшего всякая сложность далека. Хоть Он и имеет Слово и Дух, но как нет трех человек в одном, так нет и трех богов.

Знай, что неправильное понимание простоты Божией оказалось причиной великой погибели не только вас, эллинов и последователей Магометовой лжи, но также многих, называющих себя христианами. Ибо немалое число таковых людей по этой причине впало в противные христианству ереси, как, скажем, последователи Ария и Евномия, а прежде них — причастившиеся безумия Савеллия, а с ними и многие другие. Они пострадали за то, что уверовали в собственные мысли и сами по себе захотели быть премудрыми, а от Бога переданных слов не послушали, ни воспринять из них ничего, ни уразуметь не могли, а беровать не хотели. А где нет веры, невозможно быть разуму, как и Исайя где-то сказал: «Если не уверуете, и не поймете» (Исайя, 7, 9).

Есть и много другого, что показывает Духа Святого Богом, как, например, слова Елиуя Вузитина, одного из друзей Иова: «Дух божественный, сотворивший меня, и дыхание Вседержителя, учащее меня» (ср. Иов, 32, 8). Ведь и здесь Дух Святой называется Творцом и Вседержителем. Но достаточно, я думаю, чтобы убедить, уже сказанного. Если же это тебя не убеждает, то, скажи кто-нибудь и больше, уверить тебя вряд ли когда-либо сможет. Однако же вот еще что наряду с прочим скажу тебе о Святом Духе.

Ты согласился чуть раньше с тем, что Дух, о котором Бог сказал, что возьмет от Моисея и возложит на семидесяти, не был ни ангельским, ни человеческим, но — Божиим. А ведь та же самая благодать Пресвятого Духа, что была дарована тогда Моисею, семидесяти и последующим пророкам, — она же впоследствии была дана и уверовавшим во Христа через Евангелие. Ибо невозможно сказать, что одна благодать была дана первым пророкам, а другая последующим, поскольку один есть Дух Святой, исходящий от Отца, и одна и та же благодать Его, точнее же — одна и та же божественность, благодать и сила у Трех, то есть у Отца и Сына и Святого Духа.

Как если мы представим себе свечу, связанную из трех свечей и зажженную, причем каждая из связанных дает яркий и обильный свет, но по причине соединения свечей свет у них общий, и при этом не происходит ни слияния

трех воедино, ни разделения их — по причине соединенности и слияния света, ибо он нераздельным приближается к освещаемым предметам и освещает окружающий воздух, так что никому и весьма премудрому не разделить свет и не различить его составляющие, чтобы сказать, что это — от этой из связанных свечей, а это — от этой, но — один и целостен свет у трех, и у каждой целостен; так же каждое из лиц Святой Троицы представляет собой совершенного Бога, но и Троица тоже есть тот же совершенный Бог.

Как мы уже говорили, та же самая благодать и сила, которая прежде время от времени была посылаема малому числу людей, ныне даруется бесчисленному множеству. А свидетельствует об этом Иоиль: «Излию, — говорит он, — от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и старцы ваши сны увидят, и юноши ваши видения узрят. Да и на рабов моих и на рабынь моих во дни те излию от Духа Моего» (Иоиль, 2, 28—29), и будут пророчествовать, «И явлю чудеса на небе и на земле: кровь и огонь и курение дыма. Солнце превратится во тьму, и луна — в кровь, прежде нежели придет день Господень, великий и светлый. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (там же, 30—32).

Вдумайся, какой смысл имеет сказанное пророком и на кого он этими словами указывает: во-первых, силой Духа свидетельствуя, он говорит, что невозможно иначе пророчествовать, как только если на желающего пророчествовать снизойдет Дух. Тем самым он дает понять, что это невозможно ни для кого, кроме Бога. Далее он провозвестил будущее Христово пришествие, назвав это великим и светлым днем. При этом он сказал и то, что Он будет спасителем всех призывающих, ибо «всякий, — говорит он, — кто призовет имя Господне» — ясно, что Христово, — «спасется».

Итак, Ксен, поскольку о Боге, которого мы называем Отцом Сына, а вы просто так Богом, ни у тех, ни у других нет никаких сомнений в том, что Он есть Бог и творец всего, речь у нас шла о Сыне и Пресвятом Духе — чтобы показать, что и каждый из них Бог и имеет те же, что Отец, божественность, силу и царство. Что касается Духа, то мне кажется, что открытое нам божественным Писанием достаточно, чтобы представить Его Богом, единоприродным Тому и нераздельным от Того, от Кого Он происходит — от Бога-Отца. О Духе Божиим ведь и вы говорите, а как достойно — не думать, совершенно не знаете.

О Сыне же тоже, полагаю, достаточно для благоразумных уже сказанного, чтобы показать, что Он есть Бог, воспринявший в последние времена плоть. Хорошо указывают на Его божественное вочеловечение и слова Иезекииля. Рассказав о видении, которое он видел во время пленения на реке Ховар — нет сейчас времени все пересказывать, — он говорит: «Тогда — звучание слова, словно шум полка; и когда останавливались животные, опускались крылья их. И вот — голос превыше тверди, которая над их головой» (ср. Иезекииль, 1, 24—25). Когда они останавливались, расслаблялись крылья их. «А превыше тверди, которая над их головой, — как бы видение камня сапфира, на нем — подобие престола, а на подобии престола — подобие как бы облика человеческого, сверху» (там же, 26).

О каких животных говорит здесь Иезекииль и кого хочет обнаружить в как бы человеке, на подобии престола сидящем? Разве не ясно, что животные, о которых он говорит, это херувимы и серафимы, а Тот, Кто на них сидит, — это Тот, о Ком Моисей сказал «Да поклонятся Ему все ангелы Божии», Бог и человек. Но мы еще будем об этом говорить, и тогда это яснее будет показано тем, что мы еще намерены сказать, и это станет более понятным и обнаженным. Ты же поступишь правильно, если скажешь мне, как душа твоя восприняла слова о Троице. То есть безмолвствует ли твой ум в ответ на сказанное или возмущается какими-то

мыслями и к возражениям устремляется и требует большего числа и более основательных доказательств?

Ксен: Он еще неуверенно колеблется, царь, между тем и другим и ни склониться перед сказанным не готов, ни решительно воспротивиться и открыто занять другую сторону. Но ты, если хочешь, говори дальше, а я по ходу дела уясню свое мнение.

Император: Хорошо. Стало быть, я молюсь, чтобы мы вновь вывели твой ум к здравому выбору и чтобы он пожелал выбрать наилучшее. Да даст тебе Господь, как сказал Соломон, разум во всем (?).

Итак, примемся вновь за высказывания о промысле Христова воплощения. Великий в речах Исайя сказал: «Вот, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему Эммануил» (Исайя, 7, 14).

Ксен: Скольких бед причиной постоянно бывает ложь! Ведь пророк сказал не «дева», а «отроковица» во чреве примет, подразумевается — сошедшись с мужчиной. Вы же, чтобы утвердить свою ложь, читаете «дева» вместо «отроковица». И сказать невозможно, сколько отсюда происходит помрачения, и это одно лишь слово творит и великое неверие изливает в слышащих. Кто когда-либо слышал, чтобы дева рожала? Если мне хоть одну кто-нибудь покажет, я ничего больше не скажу против.

Император: Хорошо говоришь. Покажи мне ты другого бога, сошедшего с неба и в плоть облекшегося, а я тебе покажу, как ты просишь, деву, его родившую. Но раз ты обещаешь в это поверить, *если тебе кто-нибудь*³ укажет на другое подобное бывшее, то пусть воспринято будет тобой и это первое и единственно настоящее, поскольку за ним никакого другого не последовало. Коль скоро же оно было первым, то твои слова, что ложь — причина многих бед, не лишены, мне кажется, смысла.

Однако же как может ложь причинить вред человеку, имеющему ум, будучи сама по себе немощна и несостоятельна? Ведь она не есть что-то, и ее нет среди сущего. Как же, будучи таковой, она может себя реализовать? Если бы ее не составляла истина, было бы поистине ложью говорить о ней как о чем-то, совершенно не существовало бы даже имени для нее. Что сказал, то и есть.

Вообразим себе двух человек, из которых один говорит: ложь, что ложь нечто собой представляет, — а другой: истинно, что ложь нечто собой представляет. Из первого утверждения совершенно ничего не следует, а из второго, поскольку второй сказал «истинно», мы узнаем, что ложь воистину есть нечто. Видишь, даже когда ложь кажется чем-то, она состоится благодаря истине, сама же по себе она ничто, и ее в сущем нет. Ей ведь свойственна такая немощь, что, хоть и кажется иногда, что она является чем-то, под истину она подделывается и тогда. Ибо если она не станет подделываться под истину, никакой пакости сотворить она не сможет, что у вас и возможно видеть: цепляясь за тьму, вы полагаете ведь, что пребываете в свете, ничем в этом не отличаясь от глухих и слепых.

Кроме того, ты должен помнить наш уговор не стараться объяснить законами природы то, что выше природы, и логикой — то, что выше ее. Если же, допустим, это будет оставлено, объясни мне тогда ты, как Моисей сделал, что ваши отцы перешли Чермное море; как он источил из камня столько воды, что все люди напились; как кивот, носимый священниками, был переправлен через реку Иордан посуху; отчего сотряслись стены Иерихона; как Елисей милотью рассек Иордан, так что разделились воды, отступив туда и сюда, и он посуху его перешел. Исходя из законов природы, как сказать, что это такое? Никак. Если это превыше естества, то и то не по законам природы.

³ В славянском переводе здесь бессмысленное на этом месте слово «навыкнеши»; переведены слова греческого оригинала *eî σοι τίς*.

Ваше же непослушание хорошо обличил великий в речах Исайя, говоря: «Весь день простираю я руки мои к людям непокорным и прекословящим» (ср. Исайя, 65, 2). Вы ведь ко всем явным и истинным пророчествам о Христе безумным образом относитесь, уклоняясь от путей выровненных и с обрыва многократно себя низвергая, более, чем другие, к настоящему времени. Однако же вернемся немного назад и постараемся понять смысл изречений пророка и о ком в них идет речь.

«Продолжал, — говорит он, — Господь говорить к Ахазу, и сказал: проси себе знамения у Господа Бога своего или в глубине, или в высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и искушать Господа. Тогда сказал Исайя: потому Сам Господь даст вам знамение: вот, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил. Масло коровье и мед Он будет есть, доколе не начнет разуметь, как отвергать худое и избирать доброе. Ибо прежде, нежели младенец будет разуметь отвергать худое и избирать добро, Он отвергнет худое и изберет добро» (ср. Исайя, 7, 10—16). Еще раз, сначала понемногу прочтя, подумаем: «Продолжал Господь говорить к Ахазу и сказал: проси себе знамение от Господа Бога своего в глубине, или в высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и искушать Господа». Итак, прежде всего надо разобраться, какова причина послушания Ахаза, ведь он не захотел выполнить Божье повеление.

Мы уже говорили, что человек, пожив в суеде и безумии, доверившись лжепророкам, прорицателям и подобным им обманщикам, не утратил пренебречь божественными заповедями. Понося его пренебрежительность, равно как и бесстыдство, Исайя сказал: «Потому Сам Господь даст знамение», — то есть Господь, пославший меня к тебе, скверному и злочестивому, надругавшемуся над божественными заповедями. Да не возомнишь ты, что я послан к тебе как к достойному, ибо ты далек от того, чтобы быть таким, так что не тебя ради я послан, но ради дома Иуды и всех сыновей Израиля. «Потому Сам Господь даст вам знамение: вот, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил».

Если бы, как говоришь ты, об отроковице пророк предсказывал, что она во чреве примет, пожив с мужем, явно понапрасну и вовсе бессмысленно было бы называть это знамением. Кроме того, слово «отроковица», а не «дева», избрано и использовано — ты найдешь — во «Второзаконии». Ибо там сказано: «Если кто-то совершит насилие над девой-отроковицей» и «Если кто-нибудь встретит где-нибудь отроковицу обрученную и, принудив, спит с ней, убейте только мужчину, а отроковице не делайте ничего» (ср. Второзаконие, 22, 25—26). И Ездра называет отроковицей деву, спавшую с состарившимся царем-пророком Давидом, который не мог в старости согреться, — а не по какой-либо иной причине (см. 3 Царств, 1, 1—4). Поскольку в зачатии спящей с мужем женщиной никакого чуда нет, и знамением это пророк не называл бы никак, остается думать, что знамение, о котором он сказал, что оно будет от Бога, это — то, что дева родит без мужа, что и произошло, хоть вы и пытаетесь некими воистину гнилыми и несуразными, точнее же сказать, безумными словами это опровергнуть. Проходить мимо этого не следует, ибо если это знамение исполнилось не в Деве Марии, то как же Рожденный ею — не от похоти плотской, не от похоти мужской, но от Духа Святого — был бы, по пророческому слову, наименован Эммануилом, что значит «С нами Бог» (Матфей, 1, 23)? А что это значит — «С нами Бог»? Ясно — то, что Бог будет с нами, людьми, то есть будет подобным нам человеком, пребывая при этом Богом. Равным образом и словом «нарекут» он предсказал — что наречет множество людей, что и произошло.

С этим полностью согласуются слова Иеремии в книге «Варух»: «Это, — он говорит, — Бог наш, не сравнится с Ним другой, Он изобрел всякий путь художества» (Варух, 3, 36—37). Как он сказал, Тот знает все художества,

будучи самой Премудростью, и весь разум их, будучи Сам их творцом. «И даровал его Иакову, отроку Своему» — то есть рабу Своему — «и Израилю, возлюбленному Своему» (там же, 37) — здесь он вновь имеет в виду того же Иакова и говорит, что ему дал Бог всякий путь художества, то есть всякий смысл. Почему же он не сказал «всякое художество», но — «всякий путь художества»? — Потому что это явно больше и совершеннее — знать смысл художеств, нежели сами художества. Словами «Дал его Иакову, отроку своему» он указал только на личность Иакова, то есть на самого и только Иакова; говоря же «и Израилю, возлюбленному им», он указал опять же на того же Иакова, но при этом и на уверовавших в Евангелие. Ведь «Израиль» означает «Ум, зрящий Бога». Потому-то совершенно ясно, что тот, кто путем благих деяний соделал себя умом, зрящим Бога, смысл и основание всякого художества воспринял от пожившего с людьми и благодаря плоти видимого ими Бога. Кроме того, словами «Дал Иакову, отроку Своему, и Израилю, возлюбленному Им» он указал на Него как на подателя Ветхого и Нового Заветов. А поскольку пророк сказал, что никто не сравнится с Ним, он показал, что Тот несравнимо превосходит так называемых богов, то есть ангелов и людей.

Тут же далее он говорит: «На земле явился и с людьми пожил» (там же, 3, 38), — самым ясным образом предсказывая Его пришествие на землю и жизнь с нами, землянами. А затем — и то, что Он поставлен истолкователем и учителем Божиих повелений: «Это, — говорит он, — книга повелений Божиих и закон, пребывающий вовеки. Все, держащиеся ее», — имеется в виду книга Божиих повелений — «пойдут в жизнь, оставившие же ее умрут. Обратись, Иаков, и возьми ее», — то есть книгу повелений, — «иди к сиянию при свете ее», — то есть при свете содержащегося в книге богопознания. Затем, как будто повелевая иудейскому народу, он говорит: «Не отдай другому славы твоей и полезного тебе — народу чуждому» (Варух, 4, 1—3), что значит: если даже уверует любой народ в Бога — творца неба и земли, никто не будет почтен и возлюблен более тебя, поскольку ты был наименован первородным сыном возлюбленным, — если только ты сам не отдашь дарованную тебе Богом честь и не отдашь свою славу и принадлежащие тебе блага; если же ты восстанешь на Бога, Который тебя почтил, то потеряешь свои славу и первенство, как Исав, и более, чем тот, будешь возненавиден и отринут; а затем люди идущих следом народов, дойдя, возьмут твои блага, славу и честь, которые ты, владея ими, сам неразумно выпустил из рук. Предсказывая затем такую славу и обращение народов, пророк говорит: «Блаженны мы, Израиль», — несомненно, называя Израилем народы, ставшие путем веры и благих деяний «Умом, зрящим Бога», — «ибо угодное Богу вам понятно» (там же, 4, 4).

Итак, уразумел ли ты, насколько ясно пророк сказал, что это будет совершенный и при этом вечный закон, который даст, живя с людьми, Бог, и что именно о нем он сказал как о книге повелений Божиих, а не о данном вам в древности, каковой Бог обещал со временем оставить бездейственным?

Но вернемся, если не возражаешь, вновь к Исае. Тот сказал: «Проси знамение у Господа Бога своего в глубине или в высоте». Глубиной пророк называет здесь ведь сошествие с небес на землю, а с нее в ад Сына и Слова Божия, высотой же — восхождение Его из мертвых и восшествие с земли на небеса, откуда Он и сошел, о чем в дальнейшем будет сказано ясно.

Мне кажется правильным, немного отойдя от пророческих изречений, остановиться на словах о Приснодеве Марии, а оттуда в свое время возвратиться к пророчествам о ней и о Том, Кто у нее родился.

Конец шестого слова против иудеев.

Древнерусские врачевальные молитвы от укуса змеи

Лечение болезней в Древней Руси часто сопровождалось молитвами, поскольку сама болезнь считалась наказанием Божиим за грехи. Молитвы на разные болезни помещались в церковных Требниках и Служебниках. В отличие от истории медицины на Руси, имеющей обширную научную литературу, посвященную травникам, лечебникам, медицинским знаниям вообще,¹ врачевальные молитвы изучены значительно меньше.² Исследователи, изучая древнерусские Требники и рукописные сборники, обратили внимание на то, что среди церковных молитв встречаются молитвы апокрифического характера. Четкого определения этого вида молитв пока не существует. И. Каратыгин писал о них так: «Молитвы эти иногда более напоминают формы суеверных заговоров, чем освященных церковью молитвословий, и вообще содержат указания на апокрифические верования и отличаются понятиями, вовсе не гармонирующими с ясным церковным представлением о христианстве. Трудно судить о происхождении таких молитв, если не считать их специальным продуктом особенностей древнерусского религиозного мировоззрения».³ И. Я. Порфирьев отмечал, что «как в апокрифах к истинным представлениям и сказаниям священной истории постоянно примешиваются вымыслы народной фантазии и древние мифические предания еще языческой старины, так и в апокрифических молитвах посреди воззваний к Спасителю, Богоматери, ангелам и святым постоянно встречаются представления из народных поверий и суеверий».⁴ Апокрифичность молитв связывалась также с ложным их усвоением како-

¹ Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII вв. М., 1976. С. 23, 41, 285—299.

² Алмазов А. И. 1) Врачевальные молитвы: К материалам и исследованиям по истории рукописного русского Требника. Одесса, 1900; 2) Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры. Одесса, 1901; Яцимирский А. И. Из истории ложных молитв в южнославянской письменности // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 3; Розов Н. Н. Русские Служебники и Требники // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 2. С. 328, 332—333; Гранстрем Е. Э. К истории заговоров и апокрифических молитв в византийской письменности (неизвестный сборник греческих врачевальных молитв) // Texte und Textkritik: Eine Aufsatzsammlung (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur). Berlin, 1987. Bd 133. S. 169—178; Гранстрем Е. Э., Чернышева Т. Н. Александр Македонский и врачевальные молитвы // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 64.

Каратыгин И. Обзор некоторых особенностей в чинопоследованиях рукописных Требников, принадлежащих Библиотеке С.-Петербургской Духовной Академии // Христианское чтение. 1877. Март—апрель. С. 441—448.

⁴ Порфирьев И. Я. Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой библиотеки // Труды четвертого археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. 2. Отд. 6. С. 2.

му-либо святому, например Иоанну Златоусту «от всех уд», священномученику Антипе от зубной боли, с упоминанием целителей Козьмы и Дамиана. В молитве «аще коли жена дитятем болит» (не может разродиться) фигурируют Христос и Иоанн Богослов. Есть молитвы, приписанные брату Господню Иакову, св. апостолу Филиппу, чудотворцу Григорию, священномученику Киприану.

Некоторые из врачевальных молитв встречаются в сборниках XV в. книгописца Кирилло-Белозерского монастыря монаха Ефросина,⁵ возможно, применявшего их в своей лечебной практике. У него же имеется интересная запись: «Боже, Моисеова знамена помилуй мя. Научи аглаголати, аще кого змиа уясть».⁶ Ефросин полагал, будучи начитанным в Священном Писании, что молитва от укуса змеи должна быть связана с именем пророка Моисея, лечившего ужаленных изображением змея из меди («И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» — Чис. 21, 9). Однако молитва от укуса змеи, которая требовалась Ефросину, приписана не пророку Моисею, а апостолу Павлу.

А. И. Яцимирский, рассматривая в своей работе среди других апокрифических молитв и эту, перечислил 25 списков текста из южнославянских и древнерусских сборников XIV—XVIII вв.⁷ Молитва апостола Павла от укуса змеи публиковалась в XIX—XX вв. неоднократно. Один из ранних списков из уставного Сербского Требника 1423 г. опубликован Н. С. Тихонравовым.⁸ И. Каратыгин привел в своей работе текст Кирилло-Белозерской рукописи XVI в.⁹ А. И. Яцимирский указал на особенности текста из Требника Бисериканского монастыря 1527 г.,¹⁰ а также сопоставил фрагменты этой молитвы из разных рукописей.¹¹ А. И. Алмазов издал, по-видимому, самый ранний русский вариант молитвы по списку ГПБ, Софийское собр., № 836, конца XV—начала XVI в.¹²

Описывая Сербский Требник 1423 г., А. В. Горский и К. И. Невоструев ссылаются на греческий оригинал молитвы апостола Павла *Εὐχή τοῦ ἀγίου Παύλου εἰς τὸν δάκνοντα ὄφιν*, правда не указывая дату греческой рукописи.¹³ Текст молитвы в Сербском Требнике сохраняет черты греческого оригинала: «Молитва святаго апостола Павла от змие.

Во име Отца и Сына и Святаго Духа. Иногда гонитель, ныня же честный сосуд. Изыдох от обителища моего в Сикелию и съграмаждьшу ми сухы розгы. И абие ехидна изышьдши усекну ме в десную руку и обесисе. Аз же имее в себе силу Святаго Духа и сию отресь в рождени пламене и съжежена бысть вьса до конца. И ни едину же пакость приемь от усекновения яе, вь сънь преложихсе. И пришьд агтель великыи Михаилъ и възгласи глаголя: Савле, Павле, вьстани и възприими сию книгу и обре-

⁵ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Яцимирский А. И. Из истории ложных молитв... С. 70—74.

⁸ ГИМ, Синодальное собр., № 374 (307); Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 353—354.

⁹ Каратыгин И. Обзор... С. 441—448.

¹⁰ Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе // ИОРЯС. 1900. Т. 5, кн. 4. С. 1242—1246.

¹¹ Яцимирский А. И. Из истории ложных молитв... С. 64—90, 100—102.

¹² Алмазов А. И. Врачевальные молитвы. Приложение № 21. С. 122—123.

¹³ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. 3. № 374 (307), л. 196 об.—197. С. 174. Сборник был привезен Арсением Сухановым с Востока; в 1655 г. взят из кельи патриарха Никола на Печатный двор.

щеши слово написано сице глаголющи, закливаю вас бывших 60 и половину родов звери пльзающих по земли въ Бога сътворшаго небо и землю и въ непоколебимыи престоль. Змиа пакостнаго, закливаю те въ реку огннюю, яже исходитъ от подножиа ногу Господню и Богу, и Спасу нашему Исусу Христу, и въ неговехъ бесплътных агтель, и василиискаа змиа ромъ, змиа тетрахалина, змиа додекахалина, змиа лагодрома, змиа и ехидну, иже имать въ десной стране ядь, що либо еще уясть, не мощно есть ему ожити, еще же 24 родъ, свалкъ, идеже постигнетъ вернаго и святаго апостола молитва и запрещение сие, въ кои абие час ухапившии змиа умереть, человек же уязвленъ от нее живъ будетъ въ славу Отцу и Сыну и Святому Духу ныня и присно и въ веку веком». ¹⁴

Самый ранний русский текст молитвы апостола Павла представляет собой обработку и распространение южнославянского. Молитве предпослан чин ее употребления и приведены заклинания из непонятных слов, которые, по мнению Яцимирского, носили мистический сакральный характер.

«Молитва. От змии угрызенну. Напиши ю на водѣ а любо на хлѣбѣ и даи изъясти угрызенному. Болныи исцѣлеетъ, а змиа умрѣть. Сара сарра кенъ параклитуима паразема елимасава порогория громъ порогория гропомъ.

Молитва святаго апостола Павла. От змии угрызенному человеку. Въземь сосуд чистъ и влѣи воду чисту, и молитву сию рекъ над водою, и напои болящаго, и помажи ему мѣсто, идѣже есть уяденъ. Аще ли есть далече врежении, и ты сътвори повѣдавшему и напои его, и помажи ему, како то бы створилъ вреженому. И исцѣлеетъ врежении. Аминь.

Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа азъ Павел, иже и Сауль, бывши гонитель, и каменiemъ побивахъ честныя сосуды Святаго Духа, нынѣ же рабъ и апостоль Исус Христовъ. Пловущу ми по морю къ странамъ Сикилиискымъ и къ острову подщавшеся, изидоша вси от карабля, изидохъ и азъ, еже събрати чешмениа нѣкая. И абие изъшедши же отонуду ехидна, усѣкну и обѣсися на деснѣи ми руцѣ. Азъ же имѣя в себѣ Духа Святаго и оттрясох ю на въсходящии пламень. И съжжена бысть до конца, и ни едину же пакость приимъ от усѣкновения ея, но в сонъ преложиhsя. И явлен ми ся во сне архаггелъ Михаилъ възгласи ми глаголя: Павле, рабе Господень, въставъ приими книгу сию и обрящеши в неи въображение написано не о единемъ стражушем, но о мнозѣхъ. И въставъ приимъ сию, и разгнувъ обрѣтохъ в неи написано имуще сице: закливаю вас 60 и пять и половину роды звѣрины и ползающихъ по земли, во имя Господа нашего Исуса Христа, сътворшаго небо и землю, и море, и въ престоль Его неподвижныи, и въ огненую рѣку, иже исходящую от подножиа Господа нашего Исуса Христа, и въ множество святаго апостола Его, приимшихъ власть от Него наступати на змиа и скорпия, и на всю силу вражю, змию вредящую и василиска, и аспида родомъ всѣмъ, змию облаковидную, змию власяновидную, змию дубовъсходную, змию врановидную, змию тетрахалина — четверорасохатнаго, змиа додекахалина — 12 рахохъ имущи, змиа лагодрома — заяцотекуща, змию слѣпую, змию стрѣльную, змию черную, змию троеглавную, змию, уядающую жены, ехидну морскую, имущую ядь в деснѣи челюсти, еще и скорпия, дохновение диавола, и что ли убоися невъзможно есть ожити, и еще же 20 и 4 родове не гиблящеися, идѣже приспѣть святаго апостола Павла запрѣщение, въ тои же час, еже проповѣда звѣри ради и пречестныя Богородица, явльшиися звѣрь яковъ любо есть, да умрет, а врежении, да исцѣлеетъ въ славу Божию. Аминь». ¹⁵

¹⁴ Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. С. 353—354.

¹⁵ ГПБ, Софийское собр., № 836, л. 229—230 об.

В русском варианте наряду с греческими названиями змей дан их перевод, причем редактор снова применил грецизм — рахох (*ράχος* — розга). В более позднем списке XVI в. (Кир.-Бел. № 517/774, л. 222) употреблен термин — двунадесятиуздная. Редактор не понял названия «змия ромь», по-видимому «могучая» (*τὸ ῥώμα* — могущество), и заменил его «родом всея»; в списке XVI в. сказано «змия роднаго». Сопоставляя греческий и славянский тексты, Яцимирский отметил совпадение названий змей — облаковидная, дубовсходная, врановидная, слепая, безочивая и ехидна, имеющая в «десной челюсти» яд. В разных древнерусских списках этот перечень либо пополнялся, либо сокращался. Как правило, в других списках не приводятся греческие названия змей (напр.: ГПБ, собр. Михайловского, Q.9, Соловецкое собр., № 703 (1018), XV—XVI в.).

Горский и Невоструев назвали молитву апостола Павла «нелепым апокрифическим сказанием», как бы уловив ее литературный характер. Как и другие апокрифы, текст молитвы опирается на евангельские Деяния апостолов. Там мы находим историю юноши Савла, который радовался смерти христианина Стефана, побитого камнями, и намеревался привести связанных христиан из Дамаска в Иерусалим на истязание, но затем внезапно уверовал в Христа (Деяния. 7, 58—59; 8, 1—3; 9, 1—3; 22, 4—10). Эти фрагменты могут служить развернутым комментарием к первой фразе молитвы: «Азь Павел, иже и Саулъ, бывши гонитель, и камением побивах честныя сосуды Святаго Духа, нынѣ же рабъ и апостолъ Исус Христовъ». Дальнейшее повествование полностью соответствует тексту Деяний: Павел со спутниками попадает на остров Мальту (Мелит), где его жалит змея, выползшая из хвороста; Павел сбрасывает ее в костер, а сам остается невредим (Деяния. 28, 1—6). В русском варианте молитвы есть цитата из Евангелия от Луки о том, что Христос дал апостолам власть наступать на змей, скорпионов и на всю силу вражию (10, 19). На этой цитате построена особая врачевальная молитва «аще уяст человека змия или бешен пес»: «Господи Боже наш, Его же имя святое и милость неизреченна и человеколюбие неизреченно и давши силу святым апостолам наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию. И Ты, Господи, избави раба твоего сего, имя рек, от всех сетей вражиих, и от срящи звериных, и от учения диаволя. Да о всем хвалить имя святое Твое, яко Ты еси Бог миловати и спасти нас, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и в веки веком».¹⁶

Помимо евангельских сюжетов молитва апостола Павла связана с другими апокрифами. Архангел Михаил, явившийся Павлу во сне, фигурирует во многих апокрифических молитвах и произведениях. Он наделен в воображении древнерусского читателя особой силой. «Первый княж и небесных сил грозный воевода», свергнувший с неба дьявола, призывался во многих случаях, когда требовалась помощь против злых сил.¹⁷ В апокрифической врачевальной молитве против трясовиц их прогоняют с помощью святого Сисиния и архангела Михаила.¹⁸ В греческом апокрифе о Федоре Тироне архангел Михаил помогает Тирону выйти из пещеры, которую завалил своим телом убитый змей.¹⁹ Архангел Михаил дает апостолу Павлу книгу. С одной стороны, такой книгой может быть служебник

¹⁶ Порфирьев И. Я. Апокрифические молитвы... С. 22.

¹⁷ Яцимирский А. И. Из истории ложных молитв... С. 63.

¹⁸ Галяхов А. История русской словесности древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880.

Т. 1. ¹⁹ Отд. 1. Древнерусская словесность. С. 193.

Тихонравов Н. С. Отреченные книги Древней Руси // Соч. М., 1898. Т. 1. Приложения к Очерку 7. С. 83.

или молитвенник, где записан текст молитвы. Но, с другой стороны, это небесная книга, полученная из рук одного из высших ангельских чинов, сродни скрижалям, апокрифической книге Еноха или таинственным «глубинным», «глубинным» книгам, по народным преданиям, падавшим с неба.²⁰

Возможно, огненная река, упомянутая в молитве апостола Павла в заклятии змей, также ведет свое происхождение из апокрифов, она фигурирует в «Хождении апостола Павла по мукам», в «Хождении Богородицы по мукам» как граница, отделяющая место мучений от рая.²¹

Исследователи апокрифической молитвы апостола Павла обращали внимание на то, что действие в ней происходит не на Мальте, как в Евангелии, а на Сицилии. Особую работу этому вопросу посвятил А. Н. Веселовский. На Сицилии еще в XIX в. существовало поверье, что человек, родившийся в ночь на 29 июня или 25 января — числа, посвященные памяти апостола Павла, не боится укуса змеи и исцеляет ужаленных, помазав рану слюной либо прикоснувшись к ней языком или рукою; одно его присутствие может спасти пострадавшего. Бродячие торговцы демонстрировали змей, обвинившихся вокруг их рук, и продавали фигурки апостола Павла, увешанные изображением змей.²² В апокрифических Деяниях апостолов Петра и Павла действие также происходит на Сицилии, куда приезжают святые.²³ Можно думать, что и в выборе места на молитву оказали влияния либо народные предания, либо апокрифические произведения.

Апокрифические молитвы не расписаны подробно в индексах отреченных книг. Разве что в Погодинском Номоканоне № 31, XIV в., упомянуты «лживые молитвы, еже о трясавицах».²⁴ Упоминание врачевальных молитв появляется в русских индексах, по-видимому, не ранее XVI в. — «лживые молитвы врачевальные у сельских у нераздудных попов».²⁵ Интерес к такого рода литературе характерен именно для среды низшего духовенства. Описывая русские служебники и требники, Н. Н. Розов отметил: «В Требниках приходских сельских церквей, естественно, преобладают молитвы на различные сельскохозяйственные „бытовые“ нужды — „над стадом“, в начале сева и уборки урожая. Среди них попадаются и апокрифические, с элементами колдовства и заговоров — например, молитва „аще кого змия укусет“».²⁶ Заговор от змей и скорпионов встречается и в поздних, XVIII в., сирийских сборниках, переписанных священниками, среди заговоров на разные случаи, в том числе и врачевальные.²⁷

Текст апокрифических молитв апостола Павла довольно устойчив. Он сохранился в народном обиходе до XX в. почти без изменений. Именно такой текст был записан П. Шереметевым во время поездки в Белозерский край от охотника и псаломщика церкви в Раменье Семена Ивановича Семенова, который лечил этой молитвой не только людей, но и коров, коней, собак. Семенов получил эту молитву от умершего 50 лет назад

²⁰ Беляев М. В. Книги небесные // Изв. Бакинск. гос. ун-та. Баку, 1921. № 1. Второй полутом (гуманитарные науки). С. 244.

²¹ Тихонравов Н. С. Отреченные книги Древней Руси. С. 206—210.

²² Веселовский А. Новые журналы по народной словесности и мифологии // ЖМНП. 1882, ч. 223. Сентябрь. С. 213—216.

²³ ЧОИДР. 1889. Кн. 3. С. 27. Текст опубликован по рукописи XV в. ГИМ, собр. Хлудрова, № 105.

²⁴ Пыпин А. Н. Для объяснения статьи о ложных книгах // ЛЗАК. 1861 год. СПб., 1862. Вып. 1. С. 27.

²⁵ Там же. С. 41.

²⁶ Розов Н. Н. Русские Служебники и Требники. С. 332—333.

²⁷ Мещерская Е. Н. Сирийские заклинательные сборники из Матенадарана // Палестинский сборник. Л., 1981. Вып. 27 (90). История и филология. С. 96, 99.

деда, а тот узнал ее у странника.²⁸ Несомненно, текст молитвы был почерпнут из какого-то старого рукописного сборника.

Кроме книжной апокрифической молитвы от укуса змеи в народе издавна были известны чисто фольклорные заговоры. М. И. Соколов в сербской пергаменной рукописи XIII в. обнаружил заговор, с помощью которого лечилась рана от укуса змеи: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, поидох уз море и низ море, и лежаше мехъ на месе, и под тем мехомъ зло велико, и под тем злом змия хохлата, и ухопи человека свезана ногу...», — после чего ужаленный человек обращался к Христу, сидящему на престоле.²⁹

В середине XIX в. П. П. Барсов записал в Орловской губернии довольно обширный текст народного заговора от укушения змеи:

«Святыи Боже! басловъ! [благослови] Святыи Боже! басловъ. В чистом поле, в темном лесе, на крутом равнине, на море-окиане, там стоит игрушка; на той груше 700 дубцев, 700 кокотов [сучьев], на тех кокотах змеиное гнездо, а в том гнезде змея-змеица, всем змеям царица, Катерина-Ригатуха. Прихожу я, раб Божий, имрек, к тебе змее, Катерине-Риготухе, от Господа Бога, от большого брата, от большой сестры: „Собери ты весь свой гад змей, что в тебе есть на свете, тридевять покрасы, и вынимай ты с такого-то раба свой злат зуб маковым зерном, ховиным [совиным] пером. Коли соберешь ты весь свой гад змей, что в тебе есть в свете тридевять покрасы, и вымешь ты свой злат зуб с такого-то раба, то я прощу тебе со всеми твоими змеями, что есть у тебя в свете тридевять покрасы, а не я тебя заклян, заклянет тебя Господь Бог и Михаил архангел животворящим крестом. Собирайте речных речниц, озерных озерниц, земляных земляниц, травяных травяниц, борových боровиц, лесовых лесовиц, кустовых кустовиц, полевых полевиц, копных копниц, межевых межевиц, дворовых дворовиц, варковых варковиц, гноевых гноевиц и ползучую, и бегучую, и летучую, и ярую, и перярую, и веретеницу, и сереновицу“.

Святыи Боже, басловъ! Мать пречистая! ходи ко мне на помочь, ангел на радощах! Выползала змея с болонья, с лукоморья, с зеленой и с сырой земли, и укусила змея такого-то раба за белое тело. Идет Мать пречистая, еверь качает, из этого раба змеинные зубы выбирает: „Выпадыте зубы из такого-то раба, из белаго тела, и утихни есель [опухоль]; а я, Мать пречистая, стала на помочь, и такого-то раба ангел на радощах!“³⁰

При всем сюжетном и композиционном отличии народного заговора от апокрифической книжной молитвы апостола Павла в них можно усмотреть несколько общих мотивов: змей заклинают архангел Михаил и Богородица, перечисляется большое количество змей разных видов, чьи фантастические названия связаны с местом их обитания и некоторыми свойствами.

Книжная врачевальная молитва апостола Павла соприкасалась не только с аналогичным фольклорным заговором, но существовала рядом с древнерусскими произведениями, включающими в себя змеборческие сюжеты, и с целым набором сказок о змеборцах.³¹ Эти виды памятников тесно переплетались. Широко распространенная в литературе и в фольклоре Повесть

²⁸ Шереметев П. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 44—45.

²⁹ Соколов М. И. Сисиниевы молитвы от трясавиц // Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888. Вып. 1. С. 23.

³⁰ Заговор от укушения змеи / Сообщен П. П. Барсовым (Записан Орловской губ. Трубчевского уезда в селе Котовке) // Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Трихонравовым. М., 1863. Т. 5. Отд. 3. Смесь. С. 105.

³¹ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 103—105; Пушкирев Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980. С. 40—43.

о Еруслане Лазаревиче, благодаря змееборческому мотиву, отразилась в украинском заговоре от укуса змеи:

«На осиянском мори стоит дуб, а на том дубе Яруслав Лазуревич. Яруслав Лазуревич! не будешь ты своего гаду собирати, из желтой кости зуба вынимати — полевого, медового, травяного, болотного — побьет тебя день Середа! Аминь».³²

Молитва апостола Павла, скорее всего, не связана с народным заговором и не отражает каких-то древних языческих воззрений. Текст ее носит следы книжного происхождения, непосредственно восходя к Священному Писанию и соприкасаясь с апокрифической традицией. Наряду со своеобразным «деловым» назначением, применяемая для исцеления людей, она в то же время представляет собой литературное произведение, содержащее кроме собственно молитвы по крайней мере два самостоятельных сюжета, героем которых выступает апостол Павел.

³² Галахов А. История русской словесности древней и новой. С. 432 (раздел написан А. Н. Веселовским).

А. Г. БОБРОВ

«Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV в.

Появившиеся в последнее время исследования, посвященные «смеховому миру» Древней Руси, показали, что юмористические и сатирические тексты были известны древнерусским книжникам не только в XVI—XVII вв., но и намного раньше.¹ К уже рассмотренному широкому кругу «смеховых» произведений можно добавить Слово «о злых женах» в оригинальной русской переработке XV в., которой и посвящена настоящая работа.

Слова «о злых женах» (или «о добрых и злых женах») встречаются в древнерусской книжности уже с XI в.; они входят в состав Изборников 1073 и 1076 гг., Златоструя, Пролога, Измарагда, Великих Миней Четых и многочисленных сборников непостоянного состава.² Одним из основных источников древнерусских Слов «о добрых и злых женах», как установил А. С. Архангельский, является сочинение о женах, помещенное в «Вопросах и ответах» Анастасия Синаита³ и известное по Изборнику 1073 г.⁴ Исследователь отметил, что «3-я часть трактата, читаемого у Анастасия о женах (глава 86-я), по-видимому, служила источником для некоторых редакций Слова Даниила Заточника».⁵ С этим текстом Изборника 1073 г. (л. 174—175, нач.: «Всь възрѣвыи рече на жену якоже похотѣти еи...») связано и «Сказание о злоноривых женах», читаемое в Берлинском сборнике XIII в. (л. 10—15 об., нач.: «Вьсакъ възрѣвыи реч[е] на жену якоже похотѣти еи...»)⁶ Как отметила Л. В. Титова, «русские книжники, опираясь на переводную учительную литературу, создавали различные модификации Слов о женах».⁷ Такие тексты, например, опубликованы М. И. Сухомлиновым, Н. А. Лавровским, Н. С. Тихонравовым, И. С. Некрасовым, П. П. Вяземским, А. С. Архангельским, А. И. Пономаревым,

¹ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984; Сатира XI—XVII веков / Сост., вступ. статья, коммент. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. Представление М. Ф. Мурьянова о том, что «все разговоры русистов о смеховой культуре и карнавальности возвращаются главным образом вокруг протопopa Аввакума и, во всяком случае, не углубляются дальше эпохи Ивана Грозного» (Мурьянов М. Ф. Из истории чувства юмора // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 197), является, по нашему мнению, неверным.

² Каган М. Д. Слова о добрых и злых женах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 399—401; Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исслед. и публ. текстов. Новосибирск, 1987. С. 117—121 (далее: Титова).

³ Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890. Ч. 4. С. 174.

⁴ Изборник Святослава 1073 г. М., 1983. Л. 171—175 (далее: Изборник 1073 г.).

⁵ Архангельский А. С. Творения отцов церкви... С. 191.

⁶ Berlinski sbornik / Н. Miklas, V. M. Zagrebin. Graz, 1988. P. 10—15 v.

⁷ Титова. С. 121.

П. Симони, М. Д. Каган-Тарковской, Л. В. Титовой.⁸ В славянской рукописной традиции Слова «о женах» зачастую приписывались Иоанну Златоусту.⁹

Особая глава — «Слово 68. О женах» — входит в состав первоначальной редакции «Пчелы» (так называемой 71-главной), переведенной с греческого оригинала на Руси не позже XII—XIII вв.¹⁰ Эта глава содержит выписки из Св. Писания, сочинений отцов церкви, а также античных авторов: Демокрита, Диогена, Пифагора, Плутарха, Геродота и др. Слово «о женах» первоначальной древнерусской «Пчелы» помимо В. Семенова было также опубликовано П. Бессоновым по рукописи конца XIV в.¹¹

Вторую разновидность древнерусской «Пчелы» представляет редакция из 68 глав, в которой «женам» посвящена 27-я глава.¹² П. Бессонов отметил, что в этой главе встречается «много вставок», причем текст сильно варьируется («что рукопись, то, конечно, новый и особый извод»).¹³ Эта глава была издана П. Бессоновым по рукописи XVII в.¹⁴ и С. А. Щегловой по рукописям XV¹⁵ и XVII—XVIII вв.;¹⁶ тексты действительно заметно различаются. Время создания 68-главной «Пчелы», основанной на первоначальной ее разновидности, но переработанной и дополненной, может быть определено лишь по старшему списку — не позже XV в. Раздел «о женах» 68-главной «Пчелы» имеет много общего с русскими переделками Слов «о женах» и с «Молением» и «Словом» Даниила Заточника, однако взаимоотношение этих текстов не может считаться окончательно установленным.¹⁷

⁸ Сухомлинов М. И. О псевдонимах в древней русской словесности // Изв. имп. Академии наук. СПб., 1855. Т. 4. С. 126—147 (отд. изд.: СПб., 1855. С. 14—33; далее: Сухомлинов); Лавровский Н. А. Памятники старинного русского воспитания // ЧОИДР. 1861. Кн. 3, ч. 3. С. 22—29; Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы. М., 1863. Т. 5. Отд. 3. С. 145—147; Некрасов И. С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873. С. 110—112; «В 29 день месяца августа Слово Иоанна Златоуста на усекновение главы Иоанна Предтечи и о Иродии и о добрых женах и о злых»: Литографированное издание списка с рукописи XV в. из библиотеки Святейшего Синода в С.-Петербурге № 78. СПб., 1877 (Изд. ОЛДП. № 57); Архангельский А. С. Творения отцов церкви... С. 173—193; Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 119—124; Симони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Вып. 3: Задонщины // СОРЯС. 1922. Т. 100, № 2. С. 6—10; Каган-Тарковская М. Д. «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 382—386 (далее: Каган-Тарковская); Титова С. 400—409.

Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности: (XI—XIV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 352, 355, 369 (№ 27, 45, 110).

¹⁰ См.: Творогов О. В. Пчела // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—перв. пол. XIV в.). С. 382—387. Список первоначальной редакции (ГПБ, Ф. п. 1. 44, XV в.) издан: Семенов В. Древнерусская «Пчела» по пергаменному списку. СПб., 1893. Глава «О женах» — на с. 417—426 (далее: Семенов).

¹¹ Бессонов П. Книга Пчела: Памятник древней русской словесности, переведенный с греческого // ВОИДР. 1857. Кн. 25. С. XXXVI—XL.

¹² Творогов О. В. Пчела. С. 384.

¹³ Бессонов П. Книга Пчела... С. XXI—XXII.

¹⁴ Там же. С. XLI—XLVI.

¹⁵ Щеглова С. А. «Пчела» по рукописям киевских библиотек: Опыт изучения и тексты. СПб., 1910. С. 57—60 (2-я паг.) (далее: Щеглова). Текст издан по выписке из 68-главной «Пчелы» в рукописи Киево-Михайловского монастыря, № 493 («Слово изо бчелы о женах от еу[ан]г[е]лия»; далее: Щеглова. Мих.).

¹⁶ Щеглова С. 61—63.

¹⁷ См.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исслед. и тексты. М., 1904. С. 305—314; Творогов О. В. Пчела. С. 382—387; Лихачев Д. С. Даниил Заточник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—перв. пол. XIV в.). С. 112—115.

Входящий в состав «Слова» и «Моления» Даниила Заточника отрывок о «злых женах», несомненно связанный с 71-главной и, особенно, с 68-главной «Пчелой» и со Словами «о женах», рассматривался М. Н. Тихомировым как поздняя вставка в произведение Даниила.¹⁸ В таком случае выяснение взаимоотношений этих текстов представляется еще более сложным. Не пытаясь разрешить этот непростой вопрос, выскажем здесь некоторые соображения о «жанровом образе» Заточника. Д. С. Лихачев определил его как «образ скомороха: балагура и умного попрошайки».¹⁹ К этому наблюдению можно добавить, что образ насмешливого, порой грубого персонажа, наблюдающего жизнь с едким остроумием и эпатирующего своими репликами окружающих, был хорошо известен древнерусским книжникам — это образ киника Диогена Синопского в «Пчеле» (например: «Диогень. Съ[и] видѣвъ жены прящася и реч[е]: „Зрите, како аспида отъ ехидны зелья проситъ“»²⁰). Если вспомнить, что Даниил называет себя «нищим мудрым»²¹ и прямо использует приписываемый Диогену текст, известный также «Пчеле», о жене, смотрящейся в зеркало (см. об этом подробнее на с. 297), то можно предположить, что «жанровый образ» Даниила включает в себя и некоторые черты образа нищего философа-кинника.

Анализируя древнерусские тексты о «злых женах», Л. В. Титова отметила как их характерную черту переплетение книжных источников с фольклорными, частое использование «мирских притчей».²² Так, например, монах-книгописец Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин (конец XV в.) включил в состав «Слова о женах о добрых и о злых» своеобразный диалог, «в котором чередуются противопоставления в поведении доброй жены и жены злой»; источники этого диалога, по мнению М. Д. Каган-Тарковской, «скорее всего, следует искать в фольклоре» — он напоминает «разыгранную скоморохами сценку, где каждая ситуация может быть представлена в лицах».²³ Л. В. Титова отметила также смешение книжного стиля и устной поэтической традиции в других сочинениях, посвященных «злым женам», — в приведенном М. И. Сухомлиновым Слове «о женах» из Измарагда XVI в.²⁴ и в «Молении» Даниила Заточника.²⁵

Среди текстов, которыми древнерусские книжники обогащали свои сочинения о «злых женах», обращают на себя внимание своеобразные «мирские притчи» — небольшие сюжетные повествования (о муже, плачущем по злой жене; о продающем детей от злой жены; о золоте на «злообразной» жене; о жене, глядящейся в зеркало; о женившемся на богатой вдове; о муже, притворившемся больным; о посекавшем первую жену и просящем за себя вторую; о муже, которого звали на зрелище «играния» обезьян, и др.).²⁶ Из всех этих текстов только один — о жене, глядящейся в зеркало, — не-

¹⁸ Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника // ТОДРЛ. Л., 1954. Т. 10. С. 273—275.

¹⁹ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 70.

²⁰ Семенов С. 422; ср.: Строев С. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в Публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841. С. 124.

²¹ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С. 21, 56 («Не лиши хлѣба нища мудра»; «Нищъ бо, а мудръ...»); С. 104 («Не возненавидѣждь мудраго нища»; «Нищъ бо мудръ...») (далее: Зарубин).

²² Титова. С. 118—119.

²³ Каган-Тарковская. С. 385.

²⁴ Сухомлинов. С. 27.

²⁵ Титова. С. 119.

²⁶ См.: Семенов. С. 436; Щеглова. С. 58—60; Зарубин. С. 27, 32, 33, 44, 69, 70, 118; Каган-Тарковская. С. 384; Титова. С. 406, 409.

сомненно, восходит к греческому источнику, остальные же, встречающиеся в 68-главной «Пчеле», у Даниила Заточника и в Словах «о злых женах», известны нам только по древнерусским рукописям. Этот факт позволяет не согласиться с Е. Модестовым, заметившим по поводу сочинения Даниила Заточника, что «мрачный тип злой жены списан автором, конечно, не с русской женщины тогдашнего, хотя и не образованного, но еще молодого и свежего русского общества, а с греческих поучений о женах, в которых изображается испорченная византийская женщина».²⁷

Очевидно, сама возможность проникновения в поучения фольклорной стихии может быть объяснена совпадением отрицательного отношения и «ключа изображения» «злых жен» в книжных текстах и в народном творчестве, в частности в анекдотической сказке, которая знала великое множество сюжетов такого рода.²⁸ Е. М. Мелетинский отметил, что «специфической чертой анекдотического жанра» следует считать «не просто шутовство или остроумный финал», а «абсурдные парадоксы», «выворачивание наизнанку логики и обыденной реальности».²⁹ Соглашаясь с этим положением, мы должны отметить, что такого рода «абсурдные парадоксы» свойственны не только устному анекдоту, но целому роду книжных текстов о «злых женах», созданных по принципу «заданная ситуация — выворачивающая ситуацию наизнанку реплика или действие персонажа». Эти тексты часто бывают построены по модели «видев (видех)... — рече (рекох)...» и в значительной степени лишены нравоучительности и назидательности, свойственной жанру притчи. «Карнавалыный» характер обличений «злой жены» у Даниила Заточника был отмечен Д. С. Лихачевым: «Смех над своей женой — только предполагаемой или действительно существующей — был разновидностью наиболее распространенного в средние века смеха: смеха над самим собой, обычного для Древней Руси „валяния дурака“, шутовства».³⁰

Следует заметить, что жанр фольклорного анекдота не был полностью чужд древнерусской письменности. Не говоря уже о XVII в., когда, как отметил Д. С. Лихачев, «на Руси усваивается ряд переводных жанров», в том числе «веселые анекдоты (в первоначальном смысле этого слова анекдот — это историческое происшествие)»,³¹ известны случаи и более раннего проникновения этого жанра в русскую средневековую книжность. Еще А. Пельтцер отметил, что притча «о пролившем мед и масло», содержащаяся в «Стефаните и Ихнилате», есть не что иное, как фольклорный анекдот о простаче, строящем воздушные замки, но разбивающем принадлежащий ему реальный предмет.³²

²⁷ Модестов Е. О послании Даниила Заточника // ЖМНП. 1880. Ч. 212, № 11. С. 165—196.

²⁸ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барраг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 273—305 (№ 1350—1524); Мелетинский Е. М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Учебный материал по теории литературы: Жанры словесного текста. Анекдот. Таллинн, 1989. С. 71—72.

²⁹ Мелетинский Е. М. Сказка-анекдот... С. 73—74. Ср.: Пельтцер А. Происхождение анекдотов в русской словесности // Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. Харьков, 1899. Т. 11. С. 57—117; Сумцов Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы: Анекдоты о глупцах // Там же. С. 118—315; Кирпичников А. Отзыв о сочинении профессора Н. Ф. Сумцова // Отчет о сорок втором присуждении наград графа Уварова. СПб., 1902. С. 151—174.

³⁰ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 25.

³¹ Лихачев Д. С. Система литературных жанров... С. 91.

³² Пельтцер А. Происхождение анекдотов... С. 72; Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков / Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Л., 1969. С. 43, 97—98, 149, 242. Ср. также анекдот из «Луга духовного» Иоанна Мосха, вошедший в «Синайский патерик», о ленивом ученике старца Антина, который попал в ад и находился в огненной реке, благодаря молитвам учителя, только по шее, стоя «на врьсь епискупу» (Синайский патерик. М., 1967. С. 95—96; Мурьянов М. Ф. Из истории чувства юмора. С. 199—200).

Разнообразные «мирские притчи», включавшиеся древнерусскими книжниками в сочинения о «злых женах», можно рассматривать как «первичные жанры» (Д. С. Лихачев)³³ или «простые формы» (А. М. Панченко),³⁴ которые входили в состав «объединяющих жанров» литературы Древней Руси.³⁵ С этой точки зрения особый интерес представляет сочинение о «злых женах», находящееся в рукописи конца 70-х гг. XV в. — Златой матице (далее — ЗМ).³⁶ Анализ состава ЗМ (ГПБ, ф. № 905 (НСРК), 1946 г., № 35/2 F) привел к заключению о том, что эту рукопись можно назвать своего рода «авторским» сборником, составленным с определенными дидактическими и просветительскими целями. Составитель ЗМ обращался к различным литературным источникам, но главным образом к тем, которые получили типологическую завершенность только к XV в. (Торжественник 2-й редакции, Измарагд).³⁷ На л. 141—143 об. этой рукописи находится интересующий нас текст, озаглавленный «А съ о злых женах». Представляя собой самостоятельную и оригинальную разработку темы «злых жен», это сочинение сохраняет тесную связь со Словами «о женах», с 68-главной «Пчелой», с «Молением» и «Словом» Даниила Заточника. Непосредственно за нашим произведением в ЗМ следуют еще два любопытных памятника, также заслуживающие в будущем специального рассмотрения, — компилятивное «Слово о въздержании языка» (л. 143—145; нач.: «Соломон рече: Възг[лаго]лемь преди о гла[гола]нии усть н[а]ших...») ³⁸ и особая, как можно думать, псковская редакция «Слова с[вя]того Григория изобретено въ толцѣх его о томъ, како пѣрвое погании суще языци кланялися идолом и требы имъ клали, иже и н[ы]нѣ то творять» (л. 145—148 об.; нач.: «Видите ли ока[я]нную сию и сквѣрную службу створяему...»)³⁹.

Текст сочинения «о злых женах» по списку ЗМ приводится полностью, по правилам, принятым в ТОДРЛ, с необходимыми комментариями. Кроме оговоренных ранее в комментариях принято следующее сокращение: ГБЛ, ф. № 344 (собр. Шибанова), № 248, л. 84 об.—88 («Словеса избранныя о злых женах»), XVIII—XIX вв. — Шиб. Этот список указан мне Л. В. Титовой, за что приношу ей глубокую благодарность. Условная нумерация фрагментов текста принадлежит нам и сделана для удобства комментирования.

³³ Лихачев Д. С. Система литературных жанров... С. 60—63.

³⁴ Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 539—558.

³⁵ Ср. о включении притчи из «Пчелы» в состав «Слова похвального инока Фомы»: Poljakov F. V. Artaxerxes und der Bauer: Eine griechische Florilegien-Anekdote im Tverer Zyklus über den Fürsten Boris Aleksandrovič // Die Welt der Slaven. München, 1989. Bd 34. Heft 1. S. 167—172.

³⁶ См.: Бобров А. Г. Псковский сборник XV в. «Златая матица» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 40—41; Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 341—358 (здесь же подробное описание рукописи).

³⁷ Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы. С. 352—353.

³⁸ В состав этого Слова входит, в частности, такая «мирская притча»: «От лѣт[о]пис[и]. Янь старецъ Киевьскыи бл[а]ж[е]нныи видѣвъ некоего раба, сквѣрная словеса гл[аголю]ща и реч[е]: „С[ы]ну, подобаетъ тебѣ в семь вѣцъ работати, а въ онымъ вѣцъ мучитися“» (ЗМ, л. 144).

³⁹ Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы. С. 347—348, 355.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«А съ о злы[х] [же]на[х].

л. 141 об.

(1). Что е[сть] зла жена? Око дияволе, торгъ адовъ, сквѣрна[м] ѣц[а]рѣ, воевода неправдамъ, стрела сотонина, и уязвляющи многымъ с[е]р[д]це.

(2). Что е[сть] жена? Сътъ утворена, прелщающи ч[е]л[ове]кы въ сласте[х]; свѣтлымъ убо лице[м] и высокыма очима намизающи, ланитома ск[л]ябящися, языкомъ поущи, словесы чарюущи, ризы повлачащи, ногами играющи, дѣлы убивающи. Те[мъ] гл[аголе]тъ: «Въ добротѣ женѣстѣи мчози погыбоша, и о[т] того любви яко огонь възгарається».

(3). Что е[сть] жена зла? Кладязь смрадѣнь, стрѣла съ чемеремъ, вѣтръ свѣрѣрь, д[е]нѣ невѣдрѣнь, пустота дому, бѣшена сука, неистова коза.

(4). Нѣкто вѣнидѣ въ б[о]гаты домъ къ вдовѣ и оженися ею, но бяше зла. И людие хваляху ему, он же рече: «Не н[ы]нѣ хвалитѣ ми, но егда избуду ея».

(5). Некому досажаше жена, кленуши см[е]ртию и всеми злобами по вся дни, мужеви же недоумѣющи, чего домыслити[ся] о семь. И присуну к собѣ немощъ злу, // и възлегъ ницѣ, завѣпи. Она же нача плакатися по не[м]. Мужъ же възклонився рече[ч]и еи: «Почто, окаянная, плачеши мене, а по вся дни см[е]ртию клѣнуущи?». И вѣставъ имъ ю за власы, нача бити ю дрѣво[м] и пусти едва живу. Она же о[т]голѣ нача не кляти мужа своего.

л. 142

(6). Нѣкому умре жена зла. Он же по малѣ[х] днехъ нача запродавати дѣти ея. Людие же клѣняху его, он же рече: «Боюся, еда како и сии въ м[а]т[е]рѣ буду[т], да некако възрастьше, мене про[д]а[дутъ]».

(1). Вопросом «что есть зла жена?» начинаются многие фрагменты в Изборнике 1073 г. (л. 174), «Пчеле» 1-й редакции (Семенов. С. 423—424), «Слове» Даниила Заточника (Зарубин. С. 28, 119), Словах «о женах» в сборниках Ефросина (Каган-Тарковская. С. 383; Титова. С. 405), но они заметно отличаются от нашего текста. Ср. сходные выражения в Изборнике 1073 г.: «Что бо есть жена?»; «...дияволь уветь...»; «...хоругвь адова...»; «...оружье дьяволе...» (л. 174—175). Наиболее близок к нашему текст в отрывке из 68-главной «Пчель»: «Что е[сть] зла жена? Око дьяволе, горло адово, ц[а]рѣ скверна, воевода неправда, стрѣла сотанина, уязвляющи многи ч[е]л[ове]кы» (Шеглова. Мих. С. 57).

(2). Текст фрагмента почти дословно совпадает и, очевидно, восходит к «Вопросам и ответам» Анастасия Синаита в Изборнике 1073 г. (л. 174).

(3). Схожий текст в 68-главной «Пчеле»: «Что е[сть] зла жена? Мразь золь, кладезь злосмраденъ, прывьи врагъ, ядъ аспидень, стрѣла с чемеремъ, д[е]нѣ неведрень, пустота дому, бесная сука, неистова коза» (Шеглова. Мих. С. 58). Ср. в «Слове» Даниила Заточника: «О злое, острое оружие дьяволе и стрѣла, лѣтящей с чемерем» (Зарубин. С. 32); «Жена зла и неистова аки вѣтръ въ дому своем» (Там же. С. 47); в Изборнике 1073 г.: «дому буря..., некротимыи звѣрь» (л. 174); в 71-главной «Пчеле»: «Что есть жена? ... дому пагуба..., медведь питаемъ..., обуимающи львица, украшена ехидна, лъстива сука, животина лукава...» (Семенов. С. 423—424).

(4). Аналогичный текст с пометой «Ульмастрѣ рече» см. в Слове из 68-главной «Пчель» (Шеглова. Мих. С. 58), а также в списке Шиб., л. 84 об.—85.

(5). Аналогичный текст с пометой «Диктан рече» см. в 68-главной «Пчеле» (Шеглова. Мих. С. 58). В отличие от предыдущего фрагмента, здесь заметна назидательность; текст можно назвать небольшой нравоучительной новеллой.

(6). Наиболее близкий текст см. в «Пчеле» с пометой «Мурион рече» (Шеглова. Мих. С. 58—59). Параллели к этому фрагменту встречаются также у Даниила Заточника: «Нѣ у кого же умре жена; он же по матерных днехъ нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: „Чему дѣти продаешь?“. Он же рече: „Аще будутъ родилися в матерѣ, то, возросшыи, мене [пр]одадутъ“» (Зарубин. С. 32—33; ср. с. 44); в сборниках Ефросина: «Видѣх у коего мужа злая жена умирает. Он же начат по неи дѣти свои продавати. И аз рекох ему: „О чем, брате, дѣти свои продаешь?“. Отвеща ми он: „Аще возрастут злыя жены дѣти, то мене продадутъ“» (Каган-Тарковская. С. 384. Ср.: Сухомятинов. С. 31; Титова. С. 406). Аналогичные тексты встречаются также в рукописях ГПБ, Q.I.1163, XVIII в. (Титова. С. 409) и Шиб., л. 86—86 об.

(7). Сеи ре[че], плачяся по зле жене: «Не сего плачюся, зане умре ми жена, но сего плачюся, аще такова будеть и другая!».

(8). Нѣкто посече жену, зане зла бѣ. Просящу же ему инья за ся, и рекоша ему: «Какѡ имамъ за тя дати, а ты пѣрвую посече!» Онъ же рече: «Аще такова буде[т] другая, то и третью посечи имамъ».

(9). Жены борзее себѣ не поймаи, не аки г[осподи]нѣ еи будеши, но она аки г[оспо]жа ти будеть.

(10). Видѣвъ стару жену, мажущяся румянцемъ и приникающу въ зеркало, и ре[че]: «Не въ зеркало зри, но въ корьсту!».

(11). Зла кобъ, зла жена биема бѣситься, кротима высить[ся].

(7). Схожий текст с пометой «Павел ре[че]» см. в «Пчеле» (Шеглова. Мих. С. 59). Аналогичные тексты встречаются в сборниках Ефросина: «Видѣх у нѣкоего мужа злая жена умирает, он же начат плакаться и тужити по ней. И аз рекох ему: „О чем, брате, плачешь, по злои сеи жень?“ Он же отвѣща ми: „О том, брате, плачу, да будет злои, дѣ не заправду умерла. Аще ли паки будет заправду умерла, иное бы ми Бог другие паки не дал бы“» (Каган-Тарковская. С. 384; ср.: Титова. С. 406). М. Д. Каган-Тарковская отметила, что предыдущая и эта притчи — о продаже детей злой жены и о муже, плачущем по злой жене, — читаются и в «Пчеле», причем, по ее мнению, именно «Пчела» и явилась литературным источником Ефросина. Но в первоначальной (71-главной) редакции «Пчелы» этих текстов нет, а вопрос о взаимоотношении 68-главной «Пчелы» и Слов о «злых женах» не может считаться решенным. И Ефросин, и составитель русской «Пчелы» могли заимствовать эти тексты из сочинения о женах типа встречающегося в ЗМ. Ср. также тексты в поздних списках ГПБ, Q.I.1163 (Титова. С. 409), Шиб., л. 86 об. и Сухомлинов. С. 31 (в последнем обе притчи контаминированы в единый рассказ, как и у Ефросина, от первого лица).

(8). Схожий текст с пометой «Дианъ ре[че]» см. в 68-главной «Пчеле» (Шеглова. Мих. С. 59).

(9). Ср.: «Ерон ре[че]. И жены горши себе не поминаи, и паки г[осподи]нѣ будеши еи, а не яко осложя ти будет» (Там же). Текст в ЗМ более исправен. Заметим, что рассуждения о главенстве мужа в семье являются «общим местом» древнерусских текстов. См., например, у Даниила Заточника: «Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: „Крестъ есть глава церкви, а мужъ женьъ свои“» (Зарубин. С. 30) или в сборнике Ефросина: «Жена не человекъ ест, но на службу человеком дана от Бога» (Каган-Тарковская. С. 384).

(10). Первоисточник этого анекдота — апофтегма о Диогене Синопском: «Увидев приходящую старуху, Диоген сказал: „Если для живых, то напрасно, если же для мертвых, то не мешкай“» (Антология кинизма. М., 1984. С. 141). Со ссылкой на Диогена этот анекдот попадает в первоначальную редакцию «Пчелы»: «Диогень. Се[и] видѣвъ стару жену, крсящуюся вапомъ и ре[че]: „Аще къ живымъ красишися, то облазилася еси, аще ли къ м[ертвымъ], то не облыси“» (Семенов. С. 436). У Даниила Заточника этот анекдот встречается в двух вариантах: 1) в «Слове»: «Видѣх жену злообразну, причинище к зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣх еи: „Не зри в зеркало, видѣше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль примеша“» (Зарубин. С. 27; ср. с. 118); 2) в «Молении»: «Паки видѣх стару жену..., причиниши в зеркало, и рекох еи: „Не позоруй в зеркало, но зри в коросту...“» (Там же. С. 69—70; ср. с. 95). Оба эти варианта встречаются в сборниках Ефросина: 1) текст, аналогичный анекдоту из «Слова» Даниила Заточника: «Видех нѣкую жену злообразну, сматряющуюся в зеркало, и аз рекох еи: „Жено, что ся смотриши в зеркало, болшую си печаль примеша, видѣвши нелѣпоту лица своего“»; 2) текст, аналогичный анекдоту из «Моления» Даниила: «Видѣх нѣкую жену злообразну, сматряющуюся в зеркало, и аз рекох еи: „Жено, что ся смотриши в зеркало, смотриши в дубову колоду“» (Каган-Тарковская. С. 384. Ср.: Титова. С. 407). М. Д. Каган-Тарковская справедливо отмечает, что ефросиновская «дубовая колода» аналогична «коросте» у Заточника (в значении «гроб»), но, несмотря на это, ошибочно, на наш взгляд, считает, что не «Слово» Даниила Заточника, а именно «Пчела» и явилась литературным источником Ефросина. Приведенный материал показывает, что ефросиновские притчи-анекдоты о «старой жене», смотрящейся в зеркало, более схожи с текстами Даниила Заточника, чем с «Пчелой». В списке ЗМ этот анекдот наиболее близок тексту «Моления» Даниила Заточника. В списке Мих. с пометой «Конхолии ре[че]» содержится текст, близкий другой версии анекдота (Шеглова. Мих. С. 59).

(11). Текст изречения восходит к Изборнику 1073 г. (л. 173: «Жена же злыа и корима беситься, и квочима вышиться»); ср. в «Слове» Даниила Заточника: «Зла жена бѣма бѣсться, любима высится» (Зарубин. С. 28; ср. с. 118) и в Слове из 68-главной «Пчелы»: «Анадан Мосхион Иасафу. Ужели еси укротил жену? Он же ре[че]: „Велика вещь[ь] жена кротити, зла бо жена бѣма бѣситься, а кротима высится“» (Шеглова. Мих. С. 59).

(12). Зваху нѣкоего на позоръ играня облезиянъ, онъ же ре[че] имь: «Имамъ дома // облезияну — жену злообразну!».

л. 142 об.

(13). Много помочи бѣсу въ женьскы[х] клюка[х].

(14). Устрѣль бяхъ лва на пути и разбоиника на распутьи, обоого сего убѣжа[х], а злы жены не мого[х] убѣжати.

(15). Суть мужи города владѣючи, а женамъ работающе.

(16). Видѣвъ писца иконнаго, продающа иконы и много цѣны хотяща, и рече: «Не много цѣны хоши, да не вторы[и] Июда будеши, продавыи Г[оспод]а!».

(17). Видѣвъ скомраха идуща и ре[че] ему: «Владѣя на[д] бѣсы, гдѣ идѣши? Чи къ о[т]цю своему Сотонѣ?».

(18). Нѣкто по[д]рученъ бѣ рѣзоимцю. Идущу ему мимо дворъ его, видѣ у тына его псы щетину грызуща, и рече: «Обрадовался бы[х], яко г[осподи]на дому сего ядять!».

(19). Видѣвъ русалкы по граду идуща и рукавома прѣгыбающемъ, и рече: «Се суть мвроносице адовы идутъ къ о[т]цю своему Сотонѣ!».

(20). Видѣвъ ч[е]л[ове]ка толста тѣло[м] и ре[че]: «Сему подобаетъ близъ поля жити, да не вѣликъ трудъ будетъ влѣкущи[м] тѣло его къ гробу».

(21). [Д]ума женьска не тверда е[сть], аки храмъ непокровенъ.

(22). Иже не видѣвъ, ни слышавъ ничтоже, но самъ замысливъ, что любо не бл[а]го молвить, тотъ по[д]обень е[сть] псу, на вѣ//трѣ лающу. л. 143

(23). Слышаль ли е[сть]: что не бл[а]го, то не гл[аго]ли въ уши безумнымъ, но съгнои на с[е]р[д]ци своемъ.

(24). Не мощно дружбы имѣти волку съ агнѣдемъ, тако убогу съ б[о]гаты[м].

(12). Ср.: «Аристоръ ре[че]. Сего зваху некогда на позоры облѣзияны, он же ре[че]: „Имамъ дома облезияну злообразну“» (Там же. С. 60).

(13). Аналогичный текст с пометой «Лалави ре[че]» см.: Там же.

(14). Схожий текст с пометой «Дафиан ре[че]» см.: Там же.

(15). Текст восходит, очевидно, к 71-главной «Пчеле»: «Димокри[т]. Суть друзии иже города владѣюще, а женамъ работаю[т]» (Семенов. С. 35—36); ср. в 68-главной «Пчеле»: «Димас ре[че]: „Сут[ь] мужи град[а]ми владеют, но женамъ работают“» (Шеглова. Мих. С. 60).

(16—20). Схожих текстов в древнерусских источниках не обнаружено. Во всех этих пяти анекдотах, на наш взгляд, нет никаких признаков их переводного характера. Лексика этих текстов свидетельствует об их русском происхождении («поле» в значении «кладбище», «рѣзоимец», «русалкы», «тын», «щетина» и т. д.). Так, например, по мнению Б. А. Рыбакова, в русских средневековых источниках есть слово «русалии», но нет «русалок», это слово соответственно заменено южнославянским словом «вилы», а в русских этнографических материалах, наоборот, «широко известны русалки и нет вил» (Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 352). Как видим, в нашем анекдоте фигурируют именно русалки, причем здесь имеются в виду не мифологические существа, а, очевидно, участницы языческих празднеств — русалий. Пародийный смысл этого анекдота заключается в следующем: как жены-мироносицы приносили масло для помазания Иисуса Христа во гробе, так и «русалки» идут для помазания «отца своего Сотонь». Объединяет эти пять анекдотов «жанровый» образ автора, с поистине «кинической» безжалостностью смеющегося над «толстым человеком», сравнивающего (весьма рискованно!) «писца иконнаго» с Иудой, а жен-мироносиц — с адовыми дочерьми-«русалками». Думается, эти тексты, возникшие на стыке литературы и фольклора, в значительной мере лишены элементов «серьезности» и «назидательности». Отметим также явную неуместность этих анекдотов в произведении, посвященном теме «злых жен», что подчеркивает их особое происхождение.

(21). Ср.: «Алодам ре[че]: „Дума женьска не твѣрда, аки храмъ непокровен“» (Шеглова. Мих. С. 60). Схожие тексты также встречаются у Даниила Заточника: «Ум женский не твердъ е[сть]» (Зарубин. С. 48) и в списке Шиб., л. 88: «Женская е[сть] дума, аки храм не покрыт».

(22—23). Аналогий для данных изречений в древнерусских текстах не найдено.

(24). Схожий текст встречается в выписках из «Пчелы», содержащихся в рукописи Киевской Духовной академии, № 531 (XVII в.): «Не может богатыи со убогим в дружбе быти, аки волкъ со а[гн]цем» (Шеглова. С. 42).

(25). Дионисии ц[а]рь слышавъ гудьца добръ гудуца и порце ему капъ зла[та]. И прииде заутра, прося капи зла[та], и рече ему ц[а]рь: «Ты мя обвесели погудѣниемъ, и азъ тебѣ — общаниемъ. И се о[т]иде о[т] мене твое веселие, а о[т] тебѣ — мое общание».

(25). Этот анекдот, очевидно, заимствован из первоначальной редакции «Пчелы»: «Дионисии ц[а]рь, слушая гудьца, добръ гудуца, обеща ему даръ дати капъ злата. Утру же бывшу, и приде гудецъ просить общанаго, он же отвѣща: „Ты вчера, гуда, възвеселил мя еси пѣсньми, а я[з] такоже общнье[м] възвеселихъ васъ, нынѣ же о[т]иде о[т] ушю мою веселие твое, а о[т] тебе упованье мое“» (Семенов. С. 89—90).

МАКАРИЙ, ИГУМЕН (ВЕРЕТЕННИКОВ)

Новые материалы о Всероссийском митрополите Макарии

Активная дипломатическая деятельность митрополита московского Макария уже отмечалась историками. И. И. Смирнов писал о принадлежности Макария к «руководящему ядру государственных деятелей Русского государства, т. е. правительству».¹ Он также говорил о том, что ни до, ни после митрополита Макария при ведении переговоров в русской дипломатической практике ничего подобного не наблюдалось. Тем самым еще раз подчеркивается выдающаяся личность этого замечательного представителя Русской Церкви.

Следует сказать, что для первых московских митрополитов дипломатия была необходима, поскольку приходилось иметь дело с Золотой Ордой. «Так как Узбек при своем вступлении на престол узаконил, чтобы митрополиты являлись к новым ханам за получением утвердительных ярлыков, то Феогност должен был предпринять путешествие в Орду к новому хану для сейчас помянутой цели (в 1342—43-м году). Это его путешествие в Орду едва было не имело для Церкви весьма печальных последствий»,² — писал Е. Е. Голубинский. Кроме того, следует принять во внимание, что деятели Русской Церкви, например митрополит Фотий (1431), посещали Литовскую Русь и имели отношения с литовскими князьями. Позднее, «после митрополита Ионы, — справедливо замечает историк, — начинается период упадка государственной деятельности древнерусских митрополитов».³ Поэтому ко времени митрополита Макария русскому высшему духовенству если и приходилось иметь дело с иностранными людьми, то это, по-видимому, могли быть только «старцы» и иерархи с Востока, просители «милостыни».

Нечто подобное деятельности первых московских митрополитов мы встречаем у новгородских владык, где архиепископ Макарий (1526—1542) был до своего избрания в митрополиты. В древности новгородские иерархи участвовали в заключении договоров Великого Новгорода со своими западными соседями. Кроме того, новгородский владыка вел торговые отношения с немецкими купцами.⁴ В последнее время стало известно о поставке воска

¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 200.

² Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 156.

³ Чиннов П. Участие древнерусских митрополитов в современной им государственной и общественной жизни // Вера и разум. (Харьков). 1911. № 13. С. 48.

⁴ Никитский А. И. 1) Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 44—46; 2) Отношения Новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным // ЖМНП. 1883. № 7. С. 1—15.

от архиепископа Макария ревельскому купцу О. Элерсу, а взамен получалось серебро, свинец,⁵ т. е. металлы, необходимые при церковном строительстве, для изготовления церковной утвари и т. д.

Незадолго до возведения Макария на Московскую кафедру, в Новгороде был сильный пожар. «[В] лето 7047. Сентября 26, в четверток, 2 час ночи на пятницу, Божиим попущением бысть велик пожар в Великом Новгороде на Торговой стороне: загорелося на Лубяницы среде улицы, и выгоре от святого Иоана с Опок, от Ильинского примостка, по Великую улицу, берегом, по Щитную улицу, а церкви огореша: святый Иоан на Опоках, и святый Дмитрие в Торгу, и святый Дмитрие на Славкове улицы; и сторожа два под церковью умроша от дымны горести; и святый Никита огоре; а улиц 14, а дворов описных 500 без осми дворов; и Кирила уродивой сторѣ».⁶

Во время этого пожара в Новгороде сгорела и немецкая церковь,⁷ о чем, впрочем, русские летописи не сообщают. По-видимому, непосредственно во время пожара немецких купцов при их церкви не было; был только один молодой человек. Он, защищая от разграбления имущество, убил одного новгородца. Вопросы возмещения убытков и защиту ревельских интересов впоследствии осуществлял ревельский гражданин Яков (Иаков) Штайнвик. Он был из числа тех, кто потерпел убытки с потерей своих товаров в Новгороде. Яков Штайнвик в связи с этим письменно обращался в Ревельский магистрат: «...я мог бы взять на себя это дело и мог бы сделать то, что их Митрополит хочет... так как те, которые еще живы, знают все события совершенно точно, потому что сами были в то время, и это может послужить к лучшему. Что тот, который там был и хорошо знает все дела, тот и не будет скрывать правду в данном вопросе, поэтому было бы весьма, весьма хорошо, чтобы дело не тянули и не затягивали долгое время, потому что там пока еще живет кто-нибудь, так как мы все смертны. Итак, мы должны упорядочить этот вопрос своевременно, чтобы в конце концов туда не пришел тот, кто хочет, а там уже никто не знает общую ситуацию. Так ваш (городской) совет должен был по справедливым соображениям требовать возмещения, когда все действуют вместе, тогда это имеет лучшие результаты, чем один купец это может сделать, который оставил там свое имущество. Если правильно посмотреть на это дело, то дело заключается в том, что медные окна и двери были быстро найдены и новгородцы должны были бы строить церковь заново, переделать заново пол и все, что было построено ранее на этом дворе. Но если Митрополит уже не был бы в живых, тогда я вообще не посмел бы думать об этом. Я имел там вино и еще другое имущество на том дворе, ценность стоимостью в сто марок. Те, которые были на этом дворе, знают это хорошо, и я мог бы пытаться получить эту стоимость».⁸

В 1545 г. должна была состояться поездка Я. Штайнвика в Москву, так как январем этого года датируется послание ревельского магистрата царю Иоанну Грозному с просьбой о возмещении убытка их купцам в Новгороде. Ревельские бургомистры и ратманы писали царю: «Мы послали

⁵ Дорошенко В. В. 1) Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией: Сб. статей. Рига, 1968. С. 47—58; 2) Торговля крупного таллинского купца в XVI веке (По торговой книге О. Элерса 1534—1541 гг.) // Изв. АН Эстонской ССР. Т. 18. Обществ. науки. 1969. № 4. С. 332—343.

⁶ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 616—617.

⁷ См. акты из Ревельского архива, опубликованные А. Чумиковым (ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Смес. С. 7—8).

⁸ Центральный государственный архив Эстонии, Таллинн, ф. 230, Ревельский магистрат, оп. 1, № 1318 (ВН 4), л. 5 об.—6. Благодарю за помощь при переводе данных документов с нижненемецкого языка почетного члена Московской Духовной академии Фэри Лилиенфельд.

к Вам нашего согражданина Якова Штайнвика, к Вашему царскому величеству из-за названной жалобы. Для этого он был снабжен полномочной грамотой, скрепленной печатью нашего города, чтобы получить возмещение за ущерб, от которого они пострадали и о котором говорится в челобитной. Поэтому сие является нашей покорнейшей просьбой, чтобы Ваше царское величество смогло увидеть в этом деле то грубое насилие, высокомерие и дерзость, которые должны быть наказаны, и чтобы наши получили при содействии нашего посланника Якова Штайнвика возмещение за нанесенный ущерб, и чтоб возмещение не осталось удержанным, чтобы более не возникали ссоры и раздоры и чтобы невинные не страдали вместо виновных... Мы желаем оставаться без раздора и все да будет так, как полностью усмотрит Ваше царское величество, содействуя получению возмещения за причиненный ущерб.

Досточтимый господин и отец в Боге Митрополит Макарий, который был в то время архиепископом Новгородским, может вспомнить при своей большой открытости и доброй воле, что он знает по данному поводу, и не будет скрывать истину пред Вашим царским величеством, то, что он слышал об этом деле, куда делись все вещи и т. д.»⁹ Этим временем, нужно думать, датируется грамота митрополиту Макарию (прилагаемая к статье), в которой содержится та же просьба, что и к царю, только она изложена подробнее и упоминается об убийстве новгородца. Но, очевидно, решение этого дела затянулось. Я. Штайнвику была дана охранная грамота для послов, датируемая декабрем 1554 г.¹⁰ Новгородские наместники писали потом в Кольвань: «Присылали есте к великому государю Ивану, Божию милостию, царю и государю всеа Руси и великому князю, бити челом своего человека Якова Стевника у грамотами». При этом указывалось, что было возмещено 337,5 р., и на «дворника вашего Пантелейкова живота, шестьдесят и пол-осма рубля московских, отдали есмя вашему дворнику Пантелейку».¹¹

⁹ Центральный государственный архив Эстонии, Таллинн, ф. 230, Ревельский магистрат, оп. 1, № 140, л. 6—7.

¹⁰ Ю. Кивимяз, любезно указавший нам этот документ, за что ему сердечное спасибо, датирует грамоту 2 XII 1551 г. (Kivimäe J. Zur Handelsgeschichte der Fugger im spätmittelalterlichen Livland. Abraham Greiszbeutel in Dorpat 1552—1553 // Scripta Mercaturae. Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Ostridern, 1980. Jahrg. 14. H. 1, S. 9. Anm. 46).

Но мы в выражении «7060 второго декабря месяца» отнесли слово «второго» не к числу дня месяца, а к единице цифры в дате года (7062 — 5508 = 1554). Это самый древний русский документ в Таллиннском архиве, поэтому приводим здесь его текст полностью:

«Божиею милостию от великого государя Ивана царя всеа Руси и великого князя Владимирского, Московского, Новгородского, Казанского, Псковского, Смоленского, Тверского, Югорьевского, Пермьского, Вяцкого, Болгарского и иных в Любок семидесяти дву заговорных (!) городов ратманом и посадником и купцом и купецким детям.

Присылали есте к нам бити челом Якуша Стенвеха с своею грамотою, а в грамоте в своей к нам писали есте, что есте съехавься в Любок меж себя все думав к нам послали бити челом, чтобы нам пожаловати вас, велети наместником своим Ноугородским дати вам перемирье по старине, чтобы вам с нашии отчины ноугодцкими купцы в Великом Новегороде торговати меж себя советуочи поволною торговлею всяким товаром на всякий товар по старине, как было наперед того, и хотите о том слати к нам бити челом послов своих. И нам бы ныне вас пожаловати дати вам на послы своя жалованная опасная грамота. И мы вас пожаловали, дали вам на ваши послы сю свою жаловальную опасную грамоту. И вы бы по той нашей жаловальной опасной грамоте послали к нам бити челом послов своих. А вашим послом со всеми их людьми и со всеми их животы приехати к нам и отъехати добровольно безо всяких зацепок.

А ся вам наша жаловальная грамота на ваши послы и опасная писана в государства нашего дворе града Москвы лета 7060 второго декабря месяца» (Центральный государственный архив Эстонии, Таллинн, ф. 230, Ревельский магистрат, оп. 1, № 1319 (ВН 30)).

¹¹ РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 99—102.

Таким образом, поднятый в источниках вопрос ставился, когда еще Макарий был архиепископом в Новгороде, а решался он позднее, уже в Москве, когда новгородский владыка стал митрополитом. Участие Макария в решении этого дела для ревельцев того времени представлялось само собой разумеющимся: они воспринимали его почти как очевидца описываемых событий. Приведенные документы позволяют говорить о прямых контактах и даже хороших с ним отношениях Я. Штайнвика, торговавшего в Новгороде. В сущности, это самые ранние документы, свидетельствующие о связях митрополита Макария с иноземцами. Таким образом, истоки дипломатической деятельности митрополита Макария, отмеченные И. И. Смирновым, следует видеть еще в Новгороде.

Приведенные документы не были учтены А. Чумиковым, опубликовавшим в прошлом веке русские материалы Ревельского архива. Открытие новых документов проливает свет на историю пожара в Новгороде в 1541 г. и на его последствия. Ниже мы приводим текст грамоты Ревельского магистрата Всероссийскому митрополиту Макарию в переводе с нижненемецкого языка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Досточтимый Владыко в Бозе отец, Митрополит всея Руси Макарий, Ваше честное здравие, счастливое блаженство и благополучие в Вашем духовном ведении пребывающее. Мы знаем это всегда охотно и (желаем), чтобы Ваше Достоблаженство изволило, чтобы и мы все добровольно пребывали в Вашем ведении.

Досточтимый господин в Бозе отец, мы не хотим скрывать пред Вами то, что к нам явились некоторые подданные нашего Совета вместе с некоторыми другими товарищами — купцами, пришедши из-за границы, и с горечью жаловались нам, что в Великом Новгороде во время последнего сильного пожара, когда Вы были еще архиепископом Новгородским, Вы допустили, что новгородцы белым днем вломились силою в немецкую церковь и разграбили все, что там было, и потом подожгли ее изнутри. Там не было ни справедливости, ни правды, так как вооруженные люди великого князя и государя всех русских с такой непримиримостью враждебно действовали. А мы об этом подлинно узнали, так как некоторые знатные новгородцы говорят об этом, это было очевидно, так как произошло днем. Наша всеподданнейшая просьба такова, чтобы Вы ради Божественной правды помогли восторжествовать справедливости, и возмещение ущерба сделало бы Вам честь; сумма причиненного убытка равна 675 московским рублям. И нужно, чтобы они (новгородцы) никогда больше такого вреда не причиняли, и чтобы никто не мог пострадать в будущем, и чтобы не страдали невинные люди. Там был один молодой отрок тех людей, которые были во время новгородского пожара, и нужно, чтобы ему простили убийство новгородского купца. Над ним был совершен суд, и в последние минуты жизни перед своей смертью он сказал, что хотел бы еще больше русских убить, так как в Новгороде нет возможности добиться правды; каждый делает то, что он захочет, и если что-то затягивается слишком долго, к чему он стремился, чтобы получить свое, то он действовал так, как отрок хотел.

Досточтимый господин в Бозе отец! О таком насилии и таком ущербе, которые были причинены, редко услышишь, и очень легко мог бы случиться еще больший конфликт и раздор, если бы не стремление наших людей

употреблять сдержанные выражения и быть миролюбивыми. И если бы мы не просили сами, то те, которые пострадали при этом, обратились бы к великому князю, государю всех русских, который является по праву их господином. А мы полагаемся во всем на его величество, чтобы вопрос был справедливо разрешен и чтобы справедливость восторжествовала. Большая вина лежит на новгородцах, и им нужно указать, чтобы они возместили причиненный ущерб. И теперь мы передаем это дело по справедливости великому князю и государю всех русских, чтобы по его велению они прекратили подобные нападения.

Досточтимый господин в Боге отец! Мы до сих пор медлили в этом вопросе по разным причинам, чтобы послужить к лучшему, но теперь уже мы не можем больше медлить и поэтому послали нашего согражданина Якова Штайнвика к великому князю и государю всех русских и Вашей чести с письмом. И в письме великому князю есть также копия челобитной, направленной Вам кораблем (по морю), чтобы его величество и Ваша Досточтимость, каждый получил свою честь и чего желают, что Вы нам объявили.

Мы не сомневаемся, что его величество не все знает, что Вашей досточтимости хорошо известно, что мы желаем говорить правду и устроить все дела к лучшему, чтобы каждый получил без всякого промедления и чтобы старое благополучие не потерпело вреда, чтобы все дела решались по старым обычаям и в добром мире, чтобы каждый мог прийти к другому и чтобы каждый мог питаться у другого по старому обычаю.

Наша всеподданнейшая просьба заключается в том, чтобы Ваша честь упорядочила все по лучшему христианскому праву, чтобы подобные ссоры и неприятности были избегнуты и чтобы никто не был бы в них обвинен, чтобы мы могли с удовольствием вернуться туда назад.

(Центральный государственный архив Эстонии, Таллинн, ф. 230, Ревельский магистрат, оп. 1, № 1318, (ВН 4), л. 20—20 об.).

Е. В. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

Записка о Макарии Калязинском

Для воссоздания истории текстов произведений агиографического жанра важную роль играют краткие биографические записки и начальные необработанные варианты житий, написанные без соблюдения литературных канонов. В. О. Ключевский, выявив целый пласт таких памятников, отметил: «В редком из житий искусственного склада, появившихся с XVI века, не встретим более или менее ясных намеков на старые свитки, малые хартии, первоначальные записки, послужившие материалом для этих житий».¹ По замечанию В. О. Ключевского, интенсивное появление таких биографических записок замечается с XV в., и связано оно с развитием монастырской колонизации. В ряду этих памятников находится не привлекавшая до сих пор специального внимания исследователей биографическая записка о Макарии Калязинском, «любопытная как по своему простому изложению, так и по биографическим чертам, не воспроизведенным в пространном житии».²

В. О. Ключевский указал один список этого произведения, находящийся в рукописи ГБЛ, ф. 113, собр. Волоколамского монастыря, № 515, л. 422 об.—423 (далее: Волоколамский). Этот сборник XVI в. (полуустав и скоропись разных почерков, 4°, 535 л.) кроме записки о Макарии Калязинском содержит слова, послания, поучения, ответы и толкования отцов церкви, отрывки из патериков и житий греческих святых, а также комплекс оригинальных древнерусских памятников: Рассказ о смерти Пафнутия Боровского, составленный Иннокентием,³ краткое сказание о Пафнутии и выписки из его жития, духовную грамоту Иосифа Волоцкого, краткий летописец его жизни и ряд относящихся к XVI в. летописных заметок, обозначенных в описании⁴ «Летописец Российских замечательных происшествий XV и XVI веков» и «Краткий летописец о царе Иване Васильевиче».

Нами обнаружен еще один список биографической записки о Макарии Калязинском, находящийся в описанном А. Ф. Бычковым⁵ сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1571, л. 28—29 (далее: Погодинский). Этот сборник

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 373.

² Там же. С. 289.

³ Издан по этому единственному списку: ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 478—513.

⁴ Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной академии. М., 1882. С. 149—154.

⁵ Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 63—69.

(4°, 127 л.), составленный в XIX в.⁶ из нескольких рукописей, писанных полууставом и скорописью XVI и XVII вв., состоит из тринадцати частей. Одна из них (л. 28—45) содержит не имеющую названия биографическую записку о Макарии Калязинском (л. 28—29), за которой следует «Сказание о чудесах преподобного и богоносного отца нашего игумена Макария нового чудотворца, иже есть Колязиньской» (л. 30—45). Последнее датированное чудо относится к 1539 г. По находящимся на листах этой части сборника филиграммам («Кувшинчик двуручный» — типа: Лихачев, Вод. зн., № 2851 — ок. 1560 г., № 2852 — ок. 1560 г.) список биографической записки можно отнести ко второй половине XVI в.

Произведение представляет собой запись сведений, сообщенных дмитровскому князю Юрию (Георгию) Ивановичу, брату великого князя московского Василия III, родственницей Макария монахиней Евфросиньей.⁷ Возможно, запись производилась непосредственно во время беседы князя с монахиней, чему соответствует «протокольный» характер первых строк: «В лета 7032-го [1524], марта 17 день, въспрашивал князь Юрий Иванович стретеньскыа старицы Евфросинии, Василиевскыа жены Кожина, о житии преподобнаго Макария чудотворца, от каковых родителей родися, и какво было житие его. И старица Евфросиниа сказывает, помнит Макариеву маму, котораа его кормила, а звали еа Еуфимиею, а жила 106 лет» (текст цитируется по Погодинскому списку). Волоколамский список указывает, что беседа князя с монахиней велась 2 марта, а не 17-го, как отмечается в Погодинском списке. Трудно сказать, какое сведение первоначально. Скорее всего, событие происходило 17 марта, в день церковной памяти Макария Калязинского.⁸

Других несовпадений фактических сведений тексты списков не содержат. Различие прослеживается, в основном, на лексическом уровне. Например, в Волоколамском списке князь «пытал» о житии Макария старицу Евфросинью, а в Погодинском — «въспрашивал»; в Волоколамском списке Евфросинья «помнила маму его», а в Погодинском — «помнит Макариеву маму», и т. п. Наблюдается также пропуск в Погодинском списке имеющегося в Волоколамском в заключительной части после упоминания о построении Троицкой церкви словосочетания «и монастырь состави» и пропуск в Волоколамском списке имеющегося в Погодинском списке перед упоминанием о кормлении нищих уточнения «и въ время глада». Все это позволяет предположить, что эти списки не восходят один к другому, а имеют разные протографы.

Биографическая записка о Макарии Калязинском, как указано в ее начале, была составлена в 1524 г. Причиной ее написания послужил особый интерес князя Юрия (Георгия) Ивановича к обстоятельствам жизни осно-

⁶ Д. К. Уо считает, что этот сборник, входивший в собрание П. М. Строева под № 37, был подготовлен Строевым к переплету в 1832 г. (см.: Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 195).

Монахиня Евфросинья, названная в тексте записки женой Василия Кожина, вероятно, была женой Василия Александровича, племянника Макария. У Макария было два младших брата — Александр, ставший непосредственным родоначальником дворян Кожиных, и Григорий, в монашестве Геннадий, ставший двенадцатым епископом тверским. Другой племянник Макария Павел (сын сестры Макария Осении) постригся в Калязинском монастыре под именем Паисий и стал сам впоследствии основателем монастыря в Угличе (см.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1866. Т. 1. С. 381).

Н. С. Демкова обратила внимание на возможность палеографического объяснения этого расхождения. В рукописях число «2» обозначается буквой «В», а число «17» — буквами «ЗІ». Учитывая то обстоятельство, что буквы, обозначающие число «17», могли меняться местами (т. е. «І» могло писаться перед «З»), при таком порядке следования и при небольшом расстоянии эти две буквы легко могли быть приняты переписчиком за одну букву «В».

вателя Троицкого Калязинского монастыря после того, как в 1521 г. были обретены мощи Макария.⁹

Записка явилась источником биографических сведений и фабульной основой для составления жития¹⁰ Макария, созданного в 1546 или в 1547 г.¹¹ в связи с канонизацией и установлением повсеместного празднования памяти Макария Калязинского на соборе о новых чудотворцах 1547 г. Используя фактические данные записки и разрабатывая материал с помощью традиционных агиографических приемов, автор жития рассказывает о детстве Матфея, сына Василия Кожина¹² и Ирины, повествует о том, как Матфей по воле отца вынужден был жениться. Однако в тексте жития не нашли отражения такие подробности записки, как упоминание кормилицы Евфимии, которая прожила 106 лет, а также сообщение, что жену Макария звали Еленой. Через три года жена его умерла от болезни, после чего Матфей принял постриг под именем Макарий в Николаевском Клобуковском монастыре около Кашина, а через некоторое время сам основал монастырь в 15 верстах от Кашина. Житие содержит отсутствующее в записке сведение о том, что Макарий ушел из Клобуковского монастыря не один — «изыдоша же с ним от обители нищии от братии числом семь» (л. 512 об.).

Вслед за запиской житие объясняет название монастыря Калязинским тем обстоятельством, что недалеко от этого места жил «некий земледелец» Каляга. В житии содержится отсутствующий в записке интересный рассказ о том, как землевладелец Иван Каляга хотел убить Макария, «помышляя в сердцах своем: еда како мних сей обладает местом сим, и мене изженет и землю мою пустыни своей присовоюкупит» (л. 514). Однако вскоре Каляга «в болезнь многу впал... едва дошел до Макария и поведал свое согрешение».

⁹ Об этом событии есть запись в Воскресенской летописи (ПСРЛ, СПб., 1859. Т. 8. С. 269): «В лето 7029 [1521]. Преставися князь Дмитрий Иванович, брат великого князя Василия, февраля 14. Того же лета, майя в 14 день, в вотчине благоверного князя Георгия Ивановича Московского в Кашине, в Калязине монастыре начаша копати рвы на основание церкви святая и живоначальнаа Троицы, и обретоша мощи преподобнаго игумена Макария, началника месту тому целы, неврежденны, и ризы его не ислеша, и увидевше, удивишася и прославиша Бога, прославляющаго святыхъ своихъ». В примыкающем в ряде рукописей (ГПБ, Соловецкое собр., № 826/936, л. 526—533; ГПБ, Софийское собр., № 1356, л. 741 об.—747) к житию Макария Сказании об обретении мощей Макария Калязинского подробно рассказывается об этом событии: каменная Троицкая церковь закладывается на средства купца Михайлы и самого князя Георгия Ивановича. Князь Георгий сообщает об обретении мощей Макария Василию III и митрополиту Даниилу, передает митрополиту «хартию», которая была написана в Калязинском монастыре после обретения мощей Макария, о чудесах, от них происшедших. На освидетельствование мощей митрополит Даниил посылает в Калязинский монастырь архимандрита Чудовского монастыря Иону.

¹⁰ Н. Барсуков в «Источниках русской агиографии» (СПб., 1882. Стб. 340—343) указывает более двадцати списков жития Макария Калязинского. При цитировании жития мы пользуемся списком рукописи ГПБ, Соловецкое собр., № 826/936, XVI в., л. 507—526. Далее листы указываются в скобках в тексте.

¹¹ Время написания указано в тексте жития, неизвестный автор которого отмечает, что «подвиги» Макария «уже 64-му лету совершающе по преставлении святого, ни от кого же написана быша» (л. 525). Макарий умер 17 марта 1483 г., следовательно, житие составлено в 1546 или 1547 г.

¹² По легенде эту фамилию Василий Ананьевич получил за взятие в плен Дмитрия Шемяки: в 1450 г., нагнав бежавшего с поля битвы Шемяку, он убил под ним коня и вырезал у животного кусок кожи. За взятие Шемяки Василию Ананьевичу были пожалованы поместья (см.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. С. 380).

Получив прощение, Каляга постригается в монастыре у Макария и «землю от лук его пустыне предает» (л. 514 об.).¹³

В записке упоминаются «сведетели» жизни Макария Маркел и Сергий. Житие рассказывает о пострижении Макарием двух юношей «от знаемых ему благородни суще» (л. 515), которым он дал имена Маркел и Сергий. Автор жития отметил, что он использовал рассказы Маркела и Сергия в своем произведении: «По преставлений же блаженнаго Макария исповедана быша от ученик его, Маркела и Сергия, ... яко многа лета с ним жиша на месте оном и довереннии свидетели о чудном жительстве его быша» (л. 524 об.).

Записка, упоминая о том, что Макарий умер в возрасте 81 года, дает возможность установить год его рождения. Учитывая данные жития о смерти Макария 17 марта 1483 г., можно заключить, что Макарий родился в 1401-м или в начале 1402 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что в рукописи ГБЛ, ф. 113, № 515 биографическая записка о Макарии Калязинском находится в окружении памятников, связанных с Иосифо-Волоколамским монастырем. Текст жития Макария Калязинского свидетельствует о личных контактах Макария с Иосифом Волоцким. Автор жития включил в повествование рассказ Иосифа Волоцкого о том, что он слышал от самого Макария об одном из семи пришедших с ним на это место монахов — Митрофане Бывальцеве, который прожил в афонских монастырях девять лет и пришел к выводу, что напрасно посещал эти монастыри, так как «вся предания отеческия неизменно совершаются во обители отца Макария» (л. 522 об.). Рассказ об этом читается и в произведении Иосифа Волоцкого «Отвещание любозагорных и сказание вкратце о святых отцах, иже в Русстей земли суших».¹⁴ Однако прямых текстологических совпадений эпизод из этого произведения с текстом жития Макария Калязинского не содержит. В. О. Ключевский отмечает, что сведения о жизни Макария, записанные по рассказам Иосифа Волоцкого, содержатся также в Волоколамском патерике, написанном Досифеем Топорковым.¹⁵ Таким образом наблюдается определенная связь жития Макария Калязинского и биографической записки о нем с таким значительным литературным центром, каким был в XVI в. Иосифо-Волоколамский монастырь.

Текст биографической записки о Макарии Калязинском интересен тем, что конкретные детали и живые подробности сочетаются в нем с приемами описания, характерными для житийного жанра: Макарий уже в младенческом возрасте соблюдал пост, женился, «не хотя преслушати отца», и жил с женой «въ всякой добродетели и чистоте, не прикосаяся к ней никогда же».¹⁶ Сочетание конкретных данных и житийных ситуаций обусловлено отношением рассказчицы к Макарию, с одной стороны, как к человеку, своему родственнику и современнику, а с другой — как к святому, мощи которого обретенны нетленными. Нагнетание обобщенных житийных формул особенно заметно в заключительной части произведения: «...наипаче же вдасть себе болшему подвигу, посту и бдению, и любви нелицемерней, и смиренню, и худости ризней, и изнуряти плоть свою злострадаaniem, и въ время глада нищих безпрестани кормяше» (л. 29 об.). Здесь, по-видимому,

¹³ И. У. Будовниц отмечает, что «обычная борьба нового монастыря со своими соседями за обладание окрестными землями» закончилась соглашением Макария с Калягой, «который, по всей видимости, стал совладельцем новой вотчины и по имени которого монастырь получил название Калязинского» (см.: Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XI—XVI вв. М., 1966. С. 205—206).

¹⁴ Опубликовано А. Н. Пыпиным в «Летописи занятий археографической комиссии» (СПб., 1862. Вып. 2. С. 79—93).

¹⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 289.

¹⁶ ГПБ, собр. Погодина, № 1571, л. 28 об. Далее листы указываются в скобках в тексте.

отразилась целевая установка фиксировавшего беседу князя с монахиней писца, который ориентировался на то, что этот материал будет использован при составлении жития.

В. О. Ключевский отметил, что «древнерусские писатели не считали первоначальных записок о святых житиями».¹⁷ Однако биографическая записка о Макарии Калязинском, похожая на проложное житие, передающее «немногие наиболее крупные биографические черты в простом рассказе»,¹⁸ видимо, выполняла некоторое время функцию жития (до канонизации Макария и составления пространного жития). Не случайно в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1571 записка находится в комплексе со «Сказанием о чудесах»¹⁹ Макария. Этот «сухой и длинный перечень чудес»²⁰ встречается также и в комплексе с житием Макария, однако «Сказание о чудесах», представленное в Погодинском сборнике № 1571, интересно тем, что содержит в первоначальной краткой редакции три прижизненных чуда Макария (об исцелении расслабленного Захарии, об исцелении «бесна» Василия Рясина и об ослеплении похитителей монастырского скота), которые в житийном повествовании разрабатываются подробно.²¹

Биографическая записка о Макарии Калязинском является одним из тех произведений, о которых В. О. Ключевский писал: «До церковной канонизации жизнеописатель имел больше простора для своего пера: он и тогда искал в описываемом лице знакомых ему черт идеального типа, но ничто не заставляло его избегать и простых житейских подробностей, не подходивших под принятые в житиях обобщения, ибо он писал повесть не для церковной службы, делавшей такие обобщения обязательными для биографа, а для читателей-современников, в памяти которых подробности о жизни знакомого им человека и в своем реальном виде еще не потеряли живого интереса».²² Эти произведения отличаются «простотой биографического рассказа», «живостью черт и близостью к действительным явлениям жизни»,²³ а также разнообразием типов не ограниченного житийными рамками повествования. В этом отношении большой интерес представляют завещания-уставы и духовные грамоты основателей монастырей,²⁴ в которых их авторы сообщают факты своей жизни, рассказывают историю создания обители. Примерами могут служить относящиеся к XVI в. произведения Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, которые еще ждут специального исследования.²⁵

¹⁷ Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 385.

¹⁸ Там же. С. 413.

¹⁹ Окончание «Сказания о чудесах» утрачено. Последнее полностью читающееся чудо 93-е. Чудеса 53-е и 58-е частично, а 54-е, 55-е, 56-е и 57-е полностью отсутствуют из-за утраты листа.

²⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 290.

²¹ В некоторых рукописях (ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 692 и № 802) за житием следует «Сказание о чудесах», переработанное монахом Макарием, который «распространил их прежнее сухое изложение, приделал к ним витиеватое предисловие» и прибавил одно новое чудо, относящееся к 1584 г. Имя «Макарий» содержится в анаграмме, помещенной в специальной статье «О списатели чудесем по преставлении преподобнаго Макария чудотворца». В. О. Ключевский отмечает, что этого Макария нельзя считать автором жития, так как «в послесловии ясно указано, что он описал только чудеса по „прежним тетрадам“» (см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 290).

²² Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 367—368.

²³ Там же. С. 368.

²⁴ Жанровые особенности этих типов памятников рассматриваются в статье Ф. Лиленфельд «О литературном жанре сочинений Нила Сорского» (ТОДРЛ. М.: Л., 1962. Т. 18, С. 80—98).

²⁵ В помещенной в настоящем томе статье «Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV—XVI вв.» сделана попытка жанрового определения этих произведений.

Своеобразие биографической записки о Макарии Калязинском состоит в том, что она, с одной стороны, отражает живые воспоминания лично знавшего Макария человека, а с другой — уже несет на себе печать определенной стилистической — житийной — обработки, предпринятой писцом. Записка является интересным в историко-литературном отношении примером немногих дошедших до нас первоначальных материалов, фиксировавших устные рассказы современников, на основе которых велась работа над пространными этикетными произведениями житийного жанра.

Текст биографической записки о Макарии Калязинском публикуется по Погодинскому списку (ГПБ, собр. Погодина, № 1571), разночтения подводятся по Волоколамскому списку (ГБЛ, ф. 113, собр. Волоколамского монастыря, № 515). Графическое оформление выполнено в соответствии с правилами ТОДРЛ, пунктуация и разбивка на абзацы наша.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В¹ лета 7032-го² (1524), марта³ 17⁴ день, въспрашивал⁵ князь Юрий⁶ Иванович стретеньскыя⁷ старицы⁸ Ефросинии, Василиевскыя⁹ жены¹⁰ Кожина, о житии преподобнаго Макариа чудотворца,¹¹ от каковых родителей¹² родися, и каково было¹³ житие его. И старица Ефросиния сказывает, помнит¹⁴ ¹⁵Макариеву маму,¹⁶ котораа¹⁷ его кормила, а звали ея¹⁸ Еуфимиею,¹⁹ а жила 106 лет.

л. 28

Начало житиа²⁰ Макариева²¹ сице бысть. Родися преподобный Макарие²² от отца именем Василиа, по реклом Кожина, и матери Ирины.²³ От рожения²⁴ же²⁵ своего в среду и в пяток от съсцу²⁶ матери своа²⁷ млека не ссааше,²⁸ и въ время утрянга²⁹ пения сна не принимаше. И егда приспе³⁰ время разума,³¹ вдаша его на учение грамоте, // и начат³² удалитися от всех человек обычаем и от бесед нелепых, наипаче же³³ прилежаща³⁴ смиренню и кротости. И начат³⁵ помышляти еже³⁶ от мира удалитися и въсприяти мнишеский образ.

л. 28 об.

Се же уведо отец его и начат³⁷ его увещевати браку причаститися,³⁸ иногда волею моля его и овогда неволею с прещением на долго время. Он же не хотя преслушати отца,³⁹ и сътвори по воли его, и понят⁴⁰ жену именем⁴¹ Елену, и поживе с нею три лета въ всякой добродетели и чистоте, не прикасяся⁴² к ней никогда же.

В то же время прииде милосердие Божие, на вся люди смертоносие. Он⁴³ же завещаше⁴⁴ между⁴⁵ собою завет, которому⁴⁶ случится умерети, // а единому⁴⁷ от них⁴⁸ остатися, тому не причаститися⁴⁹ второму браку, но восприяти⁵⁰ иноческий⁵¹ образ. По малых⁵² же днех разболеся жена его и умре, он же отшед в монастырь,⁵³ нарицаемый Клобуково,⁵⁴ и восприят⁵⁵ аггельский образ иноческий. Немного же время ту пребысть и⁵⁶ по сем⁵⁷ изыде⁵⁸ из монастыря⁵⁹ по благословению отца своего в пустыню, нарицаему⁶⁰ Колязин,⁶¹ пятнадесет⁶² поприщ от града Кашина.

л. 29

1 Нет. 2 7032. 3 Доб. в. 4 2 5 пытал. 6 Юрьи. 7 стретеньские. 8 старицы. 9 Васильевской. 10 жена. 11 чудотворца. 12 родители. 13 бысть. 14 помнила. 15-16 маму его. 17 котороя. 18 ея. 19 Еуфимиею. 20 жития. 21 Макариеву. 22 Макарии. 23 Доб. и. 24 рождения. 25 Нет. 26 сосцу. 27 своа. 28 ссааша. 29 утрянга. 30-31 в разум. 32 нача. 33 Нет. 34 прилежаще. 35 нача. 36 Нет. 37 нача. 38 съпричатися. 39 в разум. 40 прят. 41 имянем. 42 прикасяся. 43 они. 44 завещаша. 45 между. 46 Доб. их. 47-48 их. 49 присчатати. 50 въсприяти. 51 иноческий. 52 сих. 53 монастырь. 54 Клобуков. 55 въсприят. 56-57 званием. 58 изыиде. 59 монастыря. 60 нарицаемую. 61 Колязино. 62 пятнадесет.

Что же⁶³ ради прозвася та пустыня⁶⁴ именованием таковым? Прежде⁶⁵ убо пришествиа преподобнаго Макариа, идеже вселися преподобный, близ же⁶⁶ бе места оногo, живяше некий⁶⁷ земледелец, зовомый по реклом Коляга. И сим званием прозвася пустыня она, и монастырь Колязин наречеса.

л. 29 об.

Быша же тому⁶⁸ сведетели старцы,⁶⁹ // егда вселися преподобный на месте том, именован Маркел да Сергей. Сии быша пострижены⁷⁰ от руки его и много лет с ним пожиша.⁷¹ ⁷²Тем же сведетель⁷³ старец Иов и ины⁷⁴ мнози сведетели, яже своима очима видеша житие его, иже показа⁷⁵ на месте том⁷⁶ поты и труды. Првие⁷⁷ убо постави церковь въ⁷⁸ имя святыа ⁷⁹Живоначалныа Троица,⁸⁰ ⁸¹наипаче же вдасть себе болшему⁸² подвигу, посту и бдению, и любви нелицемерней, и смиренню, и худости ризней, и изнуряти плоть свою злостраданьем,⁸³ и въ время глада⁸⁴ нищих без престани кормяше.

И сим житием и⁸⁵ до кончины своеа⁸⁶ пребысть. Всех же лет житиа его в мире⁸⁷ и в иноческом⁸⁸ образе 81,⁸⁹ и преставися к Богу в вечныа кровы.⁹⁰

(ГПБ, собр. Погодина, № 1571)

63 Нет. 64 Доб. Колязино. 65 Прежде. 66 Нет. 67 некий. 68 сему. 69 старци.
70 пострижены. 71 жиша. 72-73 с ними же свидетельствует и. 74 инии. 75 показа. 76 Доб.
многы. Првие. 78 во. 79-80 Троица Живоначалныа. 81 Доб. и монастырь състави.
82 болшему. 83-84 Нет. 85 Нет. 86 своеа. 87 Доб. и зачеркнуто: и в иноцех. 88 иночьском.
89-90 Нет.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Судьба пергаменного Часослова, «уничтоженного» в 1788 г. вместе со Спасо-Ярославским хронографом

Указом Екатерины II от 3 июля 1787 г. об упразднении ряда русских монастырей Спасо-Ярославский монастырь был преобразован в архиерейский дом «для пребывания архиепископа Ростовского и Ярославского; а бывшему во оном архимандриту Иоилю, по старости и болезням его увольняемого тем монастырем, производить по смерти его нынешнее жалование».¹

Архимандрит Иоиль (Быковский), занимавший эту должность с 1776 г., т. е. более двадцати лет, подписал акт о сдаче всего монастырского имущества прибывшему из Ростова новому штату архиепископа Арсения (Верещагина). Документ озаглавлен: «Опись Спасо-Ярославского монастыря церкви Преображения Господня 1787 года учиненная».²

В числе монастырского имущества были перечислены ценности, хранившиеся в ризнице Спасо-Преображенского собора: «Книги печатные» и «Книги письменные» (рукописные). Наличие предметов, перечисленных в описи 1787 г., отмечалось маленьким крестиком слева от порядкового номера. Таких крестиков не оказалось при четырех рукописях. Кроме того, линия, проведенная направо от названия рукописи, заключалась тщательно стертой записью.

Д. П. Эрастов посредством оптико-фотографического исследования прочел тщательно выскобленную запись — «отданъ», которая находилась при четырех рукописях, не отмеченных крестиками.³

247. Часословъ писаной на паргаминоу — отданъ.

272. Псалтырь на паргаминоу — отданъ.

279. Аввы Дорофея — отданъ.

285. Хронографъ в дестъ — отданъ.

Опись заканчивается подписью архимандрита Иоиля и расписками лиц, принявших от него монастырское имущество. Архимандритом Иоилем сделаны также: надпись на обложке «Опись Спасо-Ярославского монастыря... 1787 года учиненная», поправка на л. 58 об. по стертому тексту «одина-

¹ Полное собрание законов Российской империи 1784—1788. СПб., 1830. Т. 22. С. 1073—1074.

² Ярославский музей-заповедник (далее: ЯМЗ), № 15277, л. 1—82.

³ ЯМЗ, № 15277, л. 59—59 об., 60. Оптико-фотографическое исследование казенного имущества Спасо-Ярославского монастыря 1787 г., проведенное руководителем Группы фотоанализа Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР Д. П. Эрастовым, опубликовано в книге: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С. 134—135.

дцать» во фразе: «Поучений преосвященного Платона томов одиннадцать», скрепа по нижнему полю всей описи: «К сей описи по указу духовной Ростовской консистории сочиненной, руку приложил и означенная в ней церковная ризничная и монастырския вещи самолично смотрел Спасово-Ярославского первоклассного монастыря настоятель Архимандрит Иоиль».⁴

В 1960 г. Е. М. Караваевой в период ее работы над реставрацией Ярославского Спасо-Преображенского собора была выявлена в ГИМ опись 1788 г., о которой она высказала важные наблюдения над приписками на полях, имеющимися против четырех рукописей.⁵ Е. М. Караваева обратила внимание на то, что в этой описи отмечены книги и рукописи монастырской библиотеки, значащиеся ветхими, но не обозначено, что они уничтожены; против же четырех рукописей, «о которых не сказано, что они ветхи», появились отметки на полях: «за ветхостию и согнитием уничтожены».

Е. М. Караваева отметила и карандашную приписку «Иподиаконь Соколовъ» с четырьмя вопросительными знаками и № рядом с известием об уничтожении «Хронографа в десь». Она высказала предположение, что Соколов интересовался именно Хронографом, зная, что в его состав входило «Слово о полку Игореве».⁶

В обеих описях — 1787 г. (Е. М. Караваевой неизвестной) и 1788 г. речь идет об одних и тех же четырех рукописях. Изменился немного порядковый номер, так как в ризницу Спасо-Преображенского собора поступила печатная книга в двух экземплярах о русско-турецкой войне. Она была включена в опись 1788 г. под № 221 «Две книжицы о победе на супостаты 1787 году», поэтому нумерация «письменных» книг сдвинулась первоначально на два номера («Часослов» № 247 — на № 249, «Псалтирь» № 272 — на № 274). Но в описи 1787 г. под № 278 числится «Иоанна Лествичника две книги», которых нет в описи 1788 г., и последующие номера изменились на единицу («Аввы Дорофея» № 279 — на № 280, «Хронограф в десь» № 285 — на № 286).

В описи 1788 г. крестиком слева от названия отмечены четыре рукописи, а справа помещены записи:⁷

249. Часословъ писанной на баргаминь—	К докладу его преосвященства: За ветхостию и согнитиемъ Часословъ уничтожень.
274. Псалтирь на баргаминь—	Оная Псалтирь за ветхостию и согнитиемъ уничтожена.
280. Аввы Дорофея—	Оная книга Аввы Дорофея за ветхостию и согнитиемъ уничтожена.
286. Хронографъ в десь—	Оной Хронографъ за ветхостию и согнитиемъ уничтожень.

Основываясь на документальных материалах, мне уже приходилось писать о том, что со времени упразднения Спасо-Ярославского монастыря и превращения его в архиерейский дом бывший настоятель — архимандрит Иоиль, уволенный на пенсию, был отстранен от всех дел и не имел никаких прав.⁸ В описи 1787 г. записано, что по распоряжению «его преосвященства» — архиепископа Арсения из кельи Иоиль были вынесены «десять икон и портрет ея величества (Екатерины II. — Г. М.) в рамках на холсте».⁹

⁴ ЯМЗ, № 15277, л. 63.

⁵ Караваева Е. М. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 года // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 82—83.

⁶ Там же. С. 82.

⁷ ГИМ, ф. 65, № 86069/арх., л. 73 об.—74.

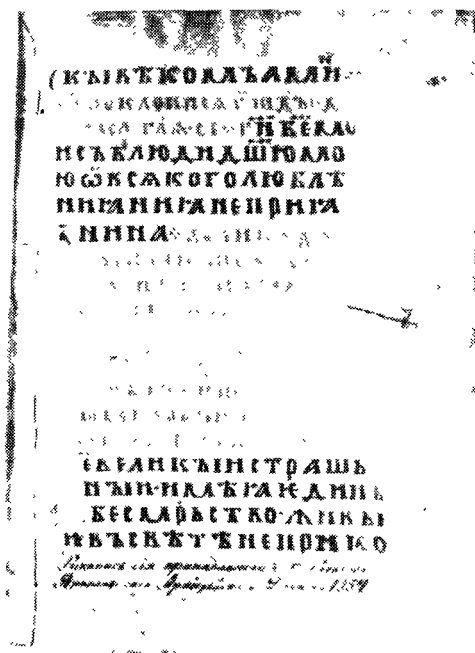
⁸ Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф... С. 84—87.

⁹ ЯМЗ, № 15277, л. 20.

Совершенно очевидно, что четыре рукописи, хранившиеся в ризнице Спасо-Преображенского собора, были отданы какому-то лицу с разрешения архиепископа. По-видимому, предполагалось, что рукописи будут возвращены в ризницу Спасо-Преображенского собора. В противном случае их отсутствие не было бы отмечено крестиком слева, свидетельствующим о наличии рукописи, и припиской «отданъ» — справа. Когда же стало ясным, что эти рукописи оказались не возвращенными, в описи 1788 г. появились записи об их уничтожении «за ветхостию и согнитием».

О том, что сведения об уничтожении были ложными, первым дал нам знать «иподиаконъ Соколовъ». В настоящее время имеется возможность с еще ббльшей основательностью быть убежденными в очевидной фальсификации сведений, зафиксированных в описи 1788 г.

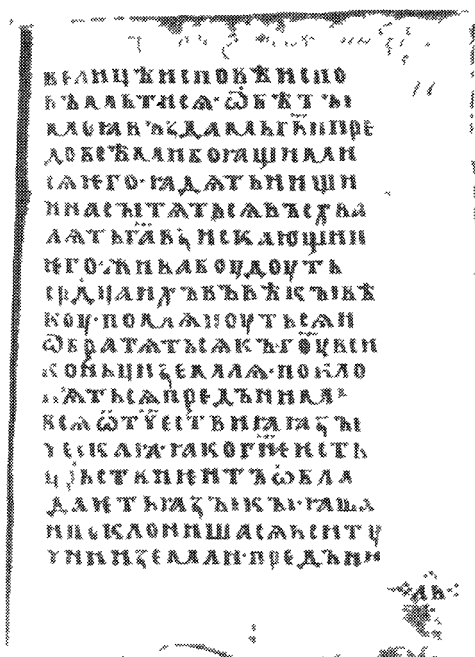
В рукописном отделе Ярославского музея-заповедника хранится пергаменный Часослов.¹⁰ О том, что это тот самый «Часословъ писаной на паргаминѣ», который в описи 1787 г. был помечен — «отданъ», свидетельствует надпись в верхней части л. 5: «Спасо-Ярославского монастыря № 247». № 247 имеется и на л. 1, но здесь он перечеркнут.

Пергаменный Часослов. ЯМЗ № 15481, л. 1.

Нумерация листов пергаменного Часослова сделана в 1854 г., о чем можно судить по записи на нижнем поле л. 1: «Рукопись сия принадлежит Библиотеке Ярославского Архиерейского Дома. 1854». Но эта новейшая пагинация рукописи не соответствует первоначальной ее нумерации «по тетрадам». На л. 5 (где четко обозначен порядковый № 247 по описи 1787 г.) в нижнем правом углу буквенная нумерация — «ЛВ». Это 32-я тетрадь.

¹⁰ ЯМЗ, № 15481, 1^о. Мое внимание на этот Часослов обратила Н. П. Большухина, которой я приношу большую признательность.

Пергаменный Часослов. Наверху запись: «Спасова Ярославского монастыря. № 247». ЯМЗ, № 15481, л. 5.

От 31-й тетради впереди сохранилось 4 листа (л. 1—4 об.). Простой подсчет показывает, что в рукописи не хватает в самом начале 236 листов. Кроме того, не имеется 35-й, 40-й, 48-й, 50-й, 57-й и 59-й тетрадней. Итого: 48 листов в добавление к 236 листам в начале рукописи, в настоящее время насчитывающей 226 об. Конца рукописи тоже недостает. Следовательно, первоначальный объем ее был более 500 пергаменных листов. На переплетных досках, обтянутых темно-коричневой кожей, сохранились две металлических жуковины по углам и одна в центре.

Под верхним и нижним переплетами помещены по три переплетных бумажных листа с водяным знаком: медведь с алебардой под короной и литеры: ЯМСЯ. Такую бумагу выпускала Ярославская мануфактура Саввы Яковлева в начале 70-х гг. XVIII в. С. А. Клепиковым зафиксирован документ, написанный на такой бумаге в 1774 г.¹¹

Следует отметить, что на такой же бумаге переписаны описи монастырского имущества 1776 и 1778 гг.,¹² когда архимандрит Иоиль принимал управление Спасо-Ярославским монастырем. На этой же бумаге составлена и опись 1787 г., в которой отмечено, что пергаменный Часослов под № 247 «отданъ». Можно полагать, что в конце 70-х гг. XVIII в. была предпринята частичная реставрация этой древней рукописи, о чем свидетельствуют аккуратно подклеенные листы.

Ярославский пергаменный Часослов (сборник молитв) переписан уставом второй половины XIII в. В его состав входит 6 молитв Кирилла Туровского. Впервые в печатном издании этот Часослов упомянут иеромонахом

¹¹ Клепиков С. А. Филигранны на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978. С. 62

¹² Государственный архив Ярославской области, ф. 1118, д. 2620, л. 1—113 об.

Владимиром.¹³ Им занимался Е. В. Барсов (у которого оказался один лист из этого сборника с молитвой Кирилла Туровского)¹⁴ и многие другие исследователи. М. Н. Сперанский считал эту рукопись южнорусской по происхождению, попавшей затем в Ростовскую епархию, оттуда в конце XVIII в. поступившей в Ярославский архиерейский дом в связи с переносом туда из Ростова архиепископской кафедры.¹⁵ Но пергаменный Часослов числится среди имущества Спасо-Ярославского монастыря, начиная с описи 1709 г.; без номера в числе 4-х «харатейных книг».¹⁶

Какое значение имеет этот пергаменный Часослов в истории Спасо-Ярославского Хронографа со «Словом о полку Игореве»?

Мы помним, что четыре рукописи, хранящиеся в ризнице Спасо-Преображенского собора, в описи 1787 г. значились «отданными». № 247, помеченный на л. 5, убеждает нас в том, что именно под этими номерами рукописи были переданы какому-то лицу с надеждой на возвращение. Но к 1788 г., когда составлялась по указу императрицы Екатерины II новая опись, эти четыре рукописи не находились в Спасо-Ярославском монастыре, и понадобилось срочно сделать документ об уничтожении их по причине «ветхости и согнития». Но, как мы видим, пергаменный Часослов второй половины XIII в., с более чем наполовину изъятыми листами, ни в малейшей степени не производит впечатления ветхости и гниения.

Очевидно, что пергаменный Спасо-Ярославский часослов был возвращен в ризницу Спасо-Преображенского собора после 1788 г., ибо никаких следов помет 90-х гг. XVIII в. и начала XIX в. на рукописи нет вплоть до 1854 г., когда по указу архиепископа Нила Иркутского (Исаковича) составлялась новая опись «книгохранительницы» архиерейского дома.

После находки В. П. Козловым выписки из рукописи «Слова о полку Игореве», сделанной И. П. Елагиним в 1790 г.,¹⁷ возросла вероятность того, что Спасо-Ярославский хронограф со «Словом» стал собственностью А. И. Мусина-Пушкина после 1788 г. и был помещен в его «Собрании российских древностей» под № 323.

В 1798 г. скончался Иоиль, бывший архимандрит Спасо-Ярославского монастыря, и в 1799 г. в Петербурге, находясь по синодальным делам, умер архиепископ Арсений.

Когда именно А. И. Мусин-Пушкин, ознакомившись со Спасо-Ярославским часословом, решил вернуть его в ризницу Спасо-Преображенского собора, нам неизвестно. Для нас важен сам факт наличия этого древнейшего пергаменного сборника молитв (как видно, не оцененного «любителем российских древностей»), он подтверждает еще раз фиктивность сведений описи 1788 г. об уничтожении «за ветхостию и согнитием» четырех рукописей, в числе которых находился и Спасо-Ярославский хронограф со «Словом о полку Игореве».

¹³ Владимир, иером. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль, 1913. С. 108.

¹⁴ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 320—322. Здесь перечислена вся литература.

¹⁵ Сперанский М. Н. Ярославский збірник XIII в. // Науковий збірник за рік 1924. Записки Всеукраїнської АН. Київ, 1925. Т. 19. С. 29—36.

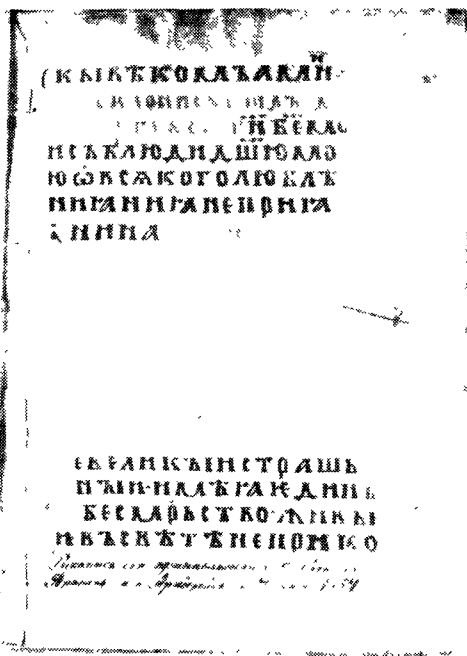
¹⁶ ЯМЗ, № 15446, л. 81.

¹⁷ Козлов В. П. 1) «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // ВИ. 1984. № 8. С. 23—31; 2) Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 85—97.

Совершенно очевидно, что четыре рукописи, хранившиеся в ризнице Спасо-Преображенского собора, были отданы какому-то лицу с разрешения архиепископа. По-видимому, предполагалось, что рукописи будут возвращены в ризницу Спасо-Преображенского собора. В противном случае их отсутствие не было бы отмечено крестиком слева, свидетельствующим о наличии рукописи, и припиской «отданъ» — справа. Когда же стало ясным, что эти рукописи оказались не возвращенными, в описи 1788 г. появились записи об их уничтожении «за ветхостию и согнитием».

О том, что сведения об уничтожении были ложными, первым дал нам знать «иподиаконъ Соколовъ». В настоящее время имеется возможность с еще большей основательностью быть убежденными в очевидной фальсификации сведений, зафиксированных в описи 1788 г.

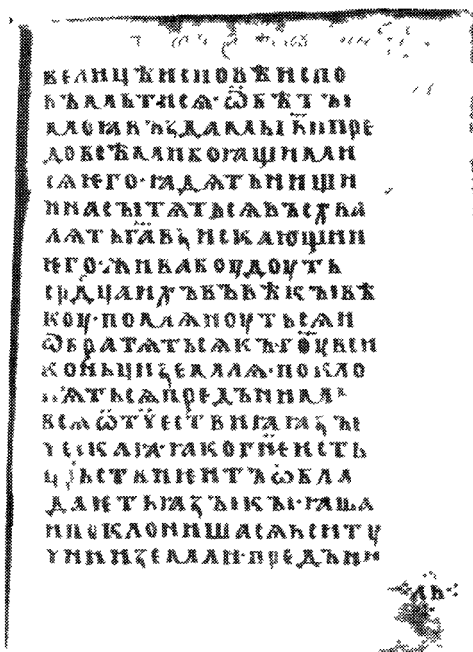
В рукописном отделе Ярославского музея-заповедника хранится пергаменный Часослов.¹⁰ О том, что это тот самый «Часословъ писаной на паргаминѣ», который в описи 1787 г. был помечен — «отданъ», свидетельствует надпись в верхней части л. 5: «Спасо-Ярославского монастыря № 247». № 247 имеется и на л. 1, но здесь он перечеркнут.

Пергаменный Часослов. ЯМЗ № 15481, л. 1.

Нумерация листов пергаменного Часослова сделана в 1854 г., о чем можно судить по записи на нижнем поле л. 1: «Рукопись сия принадлежит Библиотеке Ярославского Архиерейского Дома. 1854». Но эта новейшая пагинация рукописи не соответствует первоначальной ее нумерации «по тетрадям». На л. 5 (где четко обозначен порядковый № 247 по описи 1787 г.) в нижнем правом углу буквенная нумерация — «ЛВ». Это 32-я тетрадь.

¹⁰ ЯМЗ, № 15481, 1^о. Мое внимание на этот Часослов обратила Н. П. Большукина, которой я приношу большую признательность.

Пергаменный Часослов. Наверху запись: «Спасова Ярославского монастыря. № 247». ЯМЗ, № 15481, л. 5.

л.

От 31-й тетради впереди сохранилось 4 листа (л. 1—4 об.). Простой подсчет показывает, что в рукописи не хватает в самом начале 236 листов. Кроме того, не имеется 35-й, 40-й, 48-й, 50-й, 57-й и 59-й тетрадей. Итого: 48 листов в добавление к 236 листам в начале рукописи, в настоящее время насчитывающей 226 об. Конца рукописи тоже недостает. Следовательно, первоначальный объем ее был более 500 пергаменных листов. На переплетных досках, обтянутых темно-коричневой кожей, сохранились две металлические жуковины по углам и одна в центре.

Под верхним и нижним переплетами помещены по три переплетных бумажных листа с водяным знаком: медведь с алебардой под короной и литеры: ЯМСЯ. Такую бумагу выпускала Ярославская мануфактура Саввы Яковлева в начале 70-х гг. XVIII в. С. А. Клепиковым зафиксирован документ, написанный на такой бумаге в 1774 г.¹¹

Следует отметить, что на такой же бумаге переписаны описи монастырского имущества 1776 и 1778 гг.,¹² когда архимандрит Иоиль принимал управление Спасо-Ярославским монастырем. На этой же бумаге составлена и опись 1787 г., в которой отмечено, что пергаменный Часослов под № 247 «отданъ». Можно полагать, что в конце 70-х гг. XVIII в. была предпринята частичная реставрация этой древней рукописи, о чем свидетельствуют аккуратно подклеенные листы.

Ярославский пергаменный Часослов (сборник молитв) переписан уставом второй половины XIII в. В его состав входит 6 молитв Кирилла Туровского. Впервые в печатном издании этот Часослов упомянут иеромонахом

¹¹ Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978. С. 62.

¹² Государственный архив Ярославской области, ф. 1118, д. 2620, л. 1—113 об. ч.

Н. В. ПАРФЕНТЬЕВА

Славник «О колико блага» усольского распевщика И. Т. Лукошкова

Настоящая работа посвящена одному из произведений древнерусской музыкально-рукописной традиции — славнику «О колико блага» выдающегося распевщика Усольской певческой школы И. Т. Лукошкова (ум. около 1621 г.).¹ Песнопение обнаружено в ЦГАДА в записи на отдельном листе, текст его предваряется указанием: «Перевод Лукошкин, взято лета 7110 (1601) сентября в 8 день».²

Славник «О колико блага» — древнейшее произведение, известное на Руси уже в памятниках письменности XII в. Он входил в цикл стихир, исполнявшихся в «неделю о блудном сыне», поэтому поэтический текст славника, как и всего цикла, принадлежащий византийскому гимнографу Стефану Савваиту (ум. около 807 г.), литературно связан с соответствующей евангельской притчей.³ Особенно сильны в тексте покаянные мотивы, вызванные эсхатологическими настроениями средневекового человека. Эти настроения ярко проявлялись в периоды обострения феодально-классовых противоречий, эпидемий, военных неудач, ожидания конца мира, что находило отражение в иносказательных символах, в притчах и покаяниях, в создании литературных, живописных и музыкальных композиций. Так, в конце XV в. бытовало потрясающее по трагизму поэтического содержания музыкальное произведение — покаянный стих «Окаянный и убогий человек, век твой кончается и конец приближается».⁴ Эта же тема раскрыта в иконах московского Успенского собора «Апокалипсис» и «Страшный суд» (конец XV в.). В XVI в. Иван Грозный пишет «Канон Ангелу Грозному воеводе», полный «страха смерти, бреда преследования и чувства одиночества».⁵ В одном ряду с подобными творениями находится и славник усольского мастера. Песнопение было писцом «взято», очевидно, у самого мастера в 1601 г., когда в стране вспыхнули голодные бунты. Думается, И. Т. Лукошков, живший в условиях тяжких бедствий, услышал в древнем каноническом тексте созвучность образного строя внутреннему миру человека своего времени. Возвышенно-поэтический характер высказывания, торжественное красноречие, эмоциональность речи также, вероятно, послужили

¹ Подробнее об Усольской певческой школе см.: Парфентьев Н. П. Усольская школа в древнерусском певческом искусстве XVI—XVII вв. и произведения ее мастеров в памятниках письменности // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 52—69.

² ЦГАДА, ф. 188, № 1589, л. 1. См. также: Парфентьев Н. П. Усольская школа... С. 61.

³ См.: Карабинов Н. Постная Триодь. СПб., 1910. С. 119—120.

⁴ БАН, Устюжское, № 70, л. 769.

⁵ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 137.

толчком для создания авторского музыкального произведения. Отметим в этой связи и особое место славников в древнерусском певческом искусстве.

Как известно, славник — это песнопение, замыкающее тот или иной цикл стихир (Стихирари месячный, постный и др.) и исполнявшееся после малого славословия. Славники зафиксированы в древнейших певческих рукописях XII в. В рукописных источниках первой половины XVII в. широкое распространение получили целые подборки этих песнопений, имеющих авторские и местные распевы, выполненные в различных стилях (Большом знаменном, Путевом, Демественном). Вопрос о том, почему славники были в центре внимания распевщиков, нуждается в специальном исследовании. Возможно, здесь сыграла роль их особая функциональная значимость — завершение в музыкально-гимнографическом отношении того или иного цикла стихир. Кроме того, славники исполнялись не только в службах, но и во время торжественных царских и патриарших выходов, приемов и т. д. Так, в дни поставления первого патриарха Иова в январе 1589 г. «был стол у патриарха в Большой палате», где велено было петь «дьякам певчим большой станице, Ивану Макарьеву с товарищи, славник Успению, другой станице, Первому Федорову с товарищи, — литийный славник Успению», затем пелись и другие славники.⁶ Возможно, для таких особенно значительных случаев и создавались авторские распевы, которые исполнялись лучшими певцами хоров. Запись песнопения «О колико блага» в «переводе» И. Т. Лукошкова сделана мастером певческого дела, по-видимому, государевым певчим дьяком, именно для таких исполнительских целей.

«О колико блага» как песнопение подготовительных дней к великому посту входит в состав Триоди постной и завершает последовательность стихир на «Господи воззвах» «Во безгрешную страну» и «Разумеем, братие, таинство». Исследование песнопения проведено по спискам XII—XVII вв., выявленным в составе Стихирарей рукописных собраний ГИМ, ЦГАДА, БАН, ИРЛИ, ГПБ. Во всех рукописях славник зафиксирован столповым знаменем с указанием 2-го и 6-го гласов.⁷ Самая ранняя из известных нам нотированных записей содержится в рукописи XII в.⁸

Как отмечалось, славник исполнялся в «неделю о блудном сыне». Содержание его поэтического текста связано с евангельской притчей об этом персонаже. Некто «окаянный», преступивший заповеди и тем самым лишивший себя «небесного царствия», «возопи Христу Богу»: «Яко блуднаго прими мя, Боже, сына и помилуй мя». Возникает символическая параллель: лирический герой — блудный сын и Бог-Отец, могущий простить раскаявшегося грешника. Гимнографический текст славника — монолог, звучащий напряженно благодаря эмоциональным восклицаниям («О», «Ох», «Увы мне»), риторическим вопросам («О колико благ окаянный себе лиших?», «О какого царствия отпадох убогий аз?»), а также благодаря гиперболизации прегрешений героя и в связи с этим его самоуничтожительным эпитетам («окаянный», «убогий», «блудный»). Обращает на себя внимание особенность структуры речевого произведения — его ритмическая организация. Она присуща всему тексту и заключается в ритме перечисления и в грамматическом рифмовании некоторых слов: «лиших», «возгубих», «приях», «преступих», «отпадох»; в параллелизме синтаксических конструкций с элементами звукового повтора:

⁶ РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 322—323.

⁷ Как репрезентативные отметим списки: ГИМ, Успен., № 8, л. 7; ГПБ, Соф., № 96, л. 4 об.; Кир.-Бел., № 581/838, л. 295 об.—296; ГБЛ, ф. 304, № 409, л. 174—174 об.; № 410, л. 263 об.; № 411, л. 162—162 об.

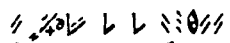
⁸ ГИМ, Успен., № 8, л. 7.

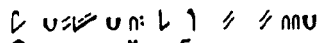
О колико благ
 Окаянный себе лиших?
 О какого царствия отпадох
 Убогий аз?

Но особенно ярко повышенная ритмичность речевого произведения слышится при делении его на мелкие ритмо-синтаксические единства, которые Л. В. Щерба предложил называть синтагмами. При выделении синтагм в данном случае учитывались и их акцентно-ритмические границы, т. е. структура зачинов (анакруз) и окончаний (клаузул). По сходству с терминологией стиховой метрики ударные зачины и окончания назовем мужскими (м), односложные женскими (ж), двусложные — дактилическими (д), более чем двусложные — гипердактилическими (г). Исходя из этого, определим ритм всех анакруз и клаузул гимнографического текста.⁹

№ строки	Текст (раздельноречный)	Ритм	№ строки	Текст (раздельноречный)	Ритм
1	О колика блага	дж	9	Увы мне	жм
2	Окаянный себе лишихо	дж	10	Окаянная душе	дм
3	О хабува	дж	11	Огневи веченему	мг
4	Какова царствия отпадохо	дж	12	Прочее осужаешися	мг
5	Убогий азо	жж	13	Тем преже конца	мм
6	Богатство изгубихо	жж	14	Возопи Христу Богу	дж
7	Еже прияхо	мж	15	Яко блуднааго прими мя сына	дж
8	Заповеди преступихо	мж	16	Боже и помилуй мя	мм

Как следует из таблицы, для речевого произведения характерна урегулированность ритма зачинов и окончаний при вариативности основного ритмического ряда синтагм. Эта ритмическая оформленность находит отражение в музыкально-графическом облике древнейшего песнопения XII в. Каждая из 15 синтагм старорусиноречного текста передана здесь комплексом знамен, включающим начертание либо попевки, либо фиты. Например:

 О ко - ли-ко благь,
 фита

 О-ка-я-нный се-бе ли-ши-хъ,
 попевка

Это создает особую строфную ритмичность древнего напева, следующую за ритмом синтагм и определяющуюся совпадением их клаузул с кадансирующими участками музыкальных формул, являющихся архетипами попевок или фит. Таким образом, выстраивается композиция, равная 15 музыкально-поэтическим единицам или колонам.¹⁰

Если исходить из ритмической упорядоченности музыкально-гимнографического текста и его смыслового содержания, то можно представить славник состоящим из двух крупных разделов: первый включает колоны 1—7, второй — колоны 8—15.

Первая часть целиком посвящена раскрытию одной темы — перечислению благ, которых лишился герой. Устойчивая повторяемость ритмических признаков речи в этом разделе находит отражение в музыкальном тексте. Так, в начальных фрагментах 1-го и 3-го, 2-го и 4-го

⁹ См.: Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М., 1982. С. 28—29. Текст приводится по списку ЦГАДА, ф. 188, № 1589, л. 1.

¹⁰ В современном музыкознании принято считать колоном единство музыкально-поэтического текста, определяемое протяженностью одной музыкальной формулы, будь то попевка, лицо или фита (А. Н. Кручинина, Б. П. Карастоянов).

колонов древнейшего песнопения наблюдается совпадение знаков нотации, вероятно, обусловленное звуковым повтором словесного текста:

1.	2.
3.	4.

В большинстве колонов преобладает силлабический тип распева. Лишь междометие «О», начинающее колоны 1 и 3, отражено в музыкальной графике сложным начертанием $\approx \approx \approx \approx$, предполагающим единый мелизматический развод. Так подчеркивается параллелизм синтаксических конструкций. Рифмующиеся слова «лиших», «изгубих», «преступих» приходится на окончания 2-го, 4-го, 6-го колонов и распеваются попевками, завершающимися хамилой, что свидетельствует о возможности единообразного интонирования концовок этих колонов.

--	--	--

Итак, первый экспозиционный раздел песнопения отличается большой целостностью и глубокой взаимопроникающей связью ритма текста и напева.

На стыке крупных разделов формы (колоны 8 и 9) резко изменяется весь строй музыкально-поэтической речи. В восклицании «Увы мне, ока-янная душе!» прорывается чувство героя, когда он от констатации своих проступков переходит к покаянию и мольбе. Этот яркий момент отмечает основную покаянную мысль славника и одновременно составляет его драматическую кульминацию. В музыкальной записи этот всплеск чувств передан фитными начертаниями:

колон 8:	колон 9:
----------	----------

Фита колона 8, контрастируя со всем предыдущим и последующим музыкальным материалом, должна выполнять роль кульминационного центра. Фита 9-го колона, идентичная фите колона 1, служит репризой, так как эти колоны переключаются единичными внутрислоговыми разводами. Таким образом, все три фиты, являясь важными опорными точками в развитии целого, конструктивно оформляют распев, выполняя при этом образно-смысловые связи текста и музыки. Средством скрепления формы служит также близкий состав знамен, предполагающий соответственно и близкий распев в кадансах колонов 3 и 9, рифмующихся еще и дактилическими клаузулами.

--	--

Итак, древнейшее песнопение «О колико благ» XII в. — это своеобразный музыкальный стихоид, которому свойственна повышенная ритмическая выделенность колонов, а также композиционная упорядоченность и высокая степень централизации формы. Музыкально-стиховой ритм глубоко следует за воплощением внутреннего смысла речи, являясь значимым элементом художественного целого. В формообразовании большую роль играет репризность.

Следующий этап в существовании славника — XIV—первая половина XV в.¹¹ Песнопения этого периода фиксируются, повторяя во многом древнейшую запись. При этом в кадансирующих попевках колонов 11, 12 и 15 заметны графические изменения.

XII в.	↘ u n: ↘ ↘ ↘ ↘ // //		↘ ↘ ↘ ↘ //		↘ ↘ n: ↘ ↘ u ↘
XIV в.	↘ n: ↘ ↘ ↘ ↘ // //		↘ ↘ ↘ ↘ //		↘ ↘ n: ↘ ↘ ↘ ↘
XV в.	↘ u n: ↘ ↘ ↘ ↘ // //		↘ ↘ ↘ ↘ //		↘ ↘ n: ↘ ↘ ↘ ↘

прочее о-сужа-е-ши-ся тем прежде конца бо-же и помилуй.

В других случаях различия в начертании знамен коснулись обозначений звуковысотности, отраженной в самих знаках.

XII в.	↘ u ↘ u n: ↘ ↘ // // n n u		n: ↘ ↘ u ↘ // //
XIV в.	↘ u ↘ u n: ↘ ↘ // // n n u		n: ↘ ↘ ↘ ↘ // //
XV в.	↘ u ↘ u n: ↘ ↘ // // n n u		n: ↘ ↘ u ↘ // //

О-ка-я-нный се-бе ли-ши-хъ; У-бо-гий а-зъ.

В остальном списки XII—первой половины XV в. в основном идентичны, что позволяет считать их фиксацией единого распева, который на протяжении столетий мог незначительно интонационно видоизменяться.

Во второй половине XV в. на основе более древней записи (архетипа) формируется производное песнопение, являющееся как бы связующим звеном между древним и авторским (Лукошковым) распевами.¹² Оно широко бытовало в различных регионах страны на протяжении всего XVI в.¹³ При сравнении данного песнопения с древнейшей записью славника обнаруживаются черты сходства, что выражается: 1) в неизменности числа фит, закрепленных за одними и теми же словами; 2) в сохранении силлабо-мелизматического типа распева; 3) в едином композиционном строении; 4) в близости состава знамен в отдельных фрагментах песнопений. Приведем эти «постоянные эпитеты» славника, привлекая также и авторское произведение в целях выявления черт общности и различия между древнейшим, производным и Лукошковым распевами.

Архетип (XII в.)	↘ u ↘ u n: ↘ ↘ // // n n u
Производное (XVI в.)	↘ ↘ ↘ ↘ n: ↘ ↘ // // ↘ ↘
Лукошково (1601 г.)	↘ ↘ ↘ ↘ n: ↘ ↘ // // ↘ ↘

О-ка-я-нный се-бе ли-ши-х;

Арх.	↘ ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ // // ↘ n: ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ // //
Пр.	↘ ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ // // ↘ n: ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ // //
Лук.	↘ ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ // // ↘ n: ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ ↘ // //

Ка-кого це-сарьстви-я от-па-дох у-бо-ги-й а-з;

¹¹ ГПБ, Соф., № 96, л. 4 об. (XIV в.), в ремарке указание на исполнение «на стиховне»; ГПБ, Кир.-Бел., № 637/894 (XV в.), л. 62 об.—63, в ремарке указано: «Стихиры на Господи возвах». В списках последующего времени сохраняется последнее указание.

¹² ГБЛ, ф. 304, № 410, л. 263 об.

¹³ ГБЛ, ф. 304, № 409, л. 174—174 об.; № 411, л. 162—162 об.; ГПБ, Кир.-Бел., № 581/838, л. 295—296; № 569/826, л. 525—525 об.; № 668/925, л. 174; Солов., № 277/289, л. 226 об.—227; собр. Титова, № 3636, л. 181 об.—182; БАН, Устюжское, № 70, л. 619; Тек., № 319, л. 272 об.—273; Осн., 32.16.18, л. 77 об.; и др.

Арх.	U	n̄	γ	L	L	≡	nnU		n̄	L	L	≡	γ	≡	≡
Пр.	L	L	n̄	L	U	≡	≡		n̄	L	L	≡	γ	≡	≡
Лук.	L	n̄	L	U	≡	≡	≡		n̄	L	L	≡	γ	≡	≡

За- по- ве- ди пре- сту- пи- х; | ог- не- ви ве- чно- му-;

Арх.	L	L	n̄	γ	≡	≡	≡
Пр.	n†	n̄	L	n̄	γ	≡	≡
Лук.	n†	n̄	≡	n̄	γ	≡	≡

Во- зо- пи Хри- сту бо- гу.

Наряду с общностью, между древнейшим и более поздними вариантами песнопения существуют и различия. Они выражаются:

1) в изменении большинства кадансов строк:

Арх.	≡	≡	nnU		n̄	γ	L	≡	≡		L	≡	≡	nnU		L	L	L	nnU	
Пр.	≡	γ	≡	γ		n̄	L	U	≡	≡		U	≡	≡	≡		L	≡	n̄	γ
Лук.	≡	γ	≡	γ		n̄	L	U	≡	≡		U	≡	≡	≡		L	≡	n̄	γ

ли- ши- х | у- бо- ги- й а- з | пре- сту- пи- х | и- згу- би- х;

2) в почти полном несовпадении начертаний знамен на словах:

Арх.	L	L	n̄	γ		L	L	n̄		L	L	L	≡	L		L	≡	L
Пр.	L	L	n̄	γ		n†	n̄	≡	n̄		n†	L	L	L	L		L	L
Лук.	L	L	n̄	γ		n†	n̄	≡	n̄		n	L	L	L	L		L	L

бо- га- тство | во- зо- пи | я- ко блу- де- на- го | бо- же;

3) в несовпадении начертаний фитных формул; 4) в полном отсутствии репризности в распевах производного и авторского произведений; 5) в замене староистинноречного текста раздельноречным; 6) в появлении в более поздних списках (рубеж XV—XVI вв.) новых комплек-

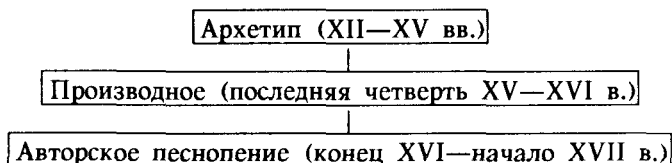
сов: $\frac{\equiv}{0} \frac{\equiv}{n†} \frac{\equiv}{\equiv} \frac{\equiv}{\equiv}$; $\frac{\equiv}{\equiv} \frac{\equiv}{L..^{++}} \frac{\equiv}{\equiv} \frac{\equiv}{\equiv}$; Ха — бу — ва.

Эти образования возникли в

начале колонов 1 и 3 вместо знаков в древнейшем песнопении $\frac{\equiv}{\equiv} \frac{\equiv}{+}$. Появление этих новых в данном случае лицевых формул повлекло за собой возникновение двух новых колонов, в которых музыкальное содержание отрывается от текстовой основы.

Таким образом нарушался принцип соответствия первичных формул речи и музыки, который был соблюден в древнейшем песнопении. В авторском песнопении продолжена традиция распевания междометия «О» и «хабувы» в тех же фрагментах славника. Главное отличие авторского варианта от более ранних в том, что в Лукошковом «переводе» разведены почти все тайнозамкненные формулы. Усольский распевщик воспринял традицию распева не через древнюю запись, а через производную от древней, именно на нее он ориентировался при создании своего произведения.

Итак, все выявленные списки славника можно определить следующим образом: 1) древнейшая запись песнопения, лежащая в основе его дальнейшего развития, в данном случае представляет собой архетип; 2) новый вид фиксации, являющийся промежуточным между архетипом и авторским распевами, определяется как производное от архетипа; отличительная черта данного песнопения — большая близость к авторскому «переводу» и тайнозамкненность всех фитных и лицевых формул; 3) собственно авторский распев, связанный как с архетипом, так и с производным. Взаимосвязь выявленных списков можно представить стеммой.¹⁴

Как уже отмечалось, музыкально-гимнографические тексты производного и авторского распевов, обнаруживая свою зависимость от архетипа, во многом идентичны между собой. Фиксация производного в рукописях конца XV—XVII вв. обладает большой устойчивостью. Лишь в начертании тайнозамкненных формул, позднее разведенных Лукошковым, существует графический «произвол». Проиллюстрируем это на примере 1-й и 4-й строк.

	строка 1	строка 4
ГБЛ, ф. 304, № 410, посл. четв. XV в.	// = n† // //	// = L- ⁺ Δ ⁺ // //
ГБЛ, ф. 304, № 409, кон. XV—нач. XVI в.	// = n† // //	// = L- ⁺ Δ ⁺ // //
ГПБ, К. Б. 668/925, серед. XVI в.	// = n†	// = L- n† Δ ⁺ // //
ГПБ, К. Б. 569/826, перв. пол. XVI в.	// = n // //	// = L- ⁺ Δ ⁺ // //
ГПБ, Солов. 227/289, серед. XVI в.	// = Δ	// = + Δ
ГПБ, Титова, № 3636, серед. XVI в.	// = L ⁺ // //	// = L- Δ ⁺ // //
БАН, Устюж., № 70, серед. XVI в.	// = γ // nn //	// = L- ⁺⁺⁺ Δ ⁺ // //

Как видим, в записи славника на протяжении конца XV—XVI в. наряду со стабильно зафиксированным материалом, приходящимся на силлабически распеты попевочные строки, существовал ряд постоянно графически видоизменяющихся тайнозамкненных начертаний. Так как этот период (до начала XVII в.) был «безразводным» и распевщики подобные формулы должны были разводиться самостоятельно, можно предположить, что именно в этих участках распева, наполненных освобожденным от строгой текстовой зависимости длительным мелодическим движением, и вызревали предпосылки для творчества древнерусских мастеров пения. Каждый из них распевал подобные формулы в русле традиций, выработанных в том творческом окружении, к которому принадлежал. Существуют письменные доказатель-

¹⁴ Как примеры укажем списки: архетипа — ГИМ, Усп., № 8, л. 7; производного — ГБЛ, ф. 304, № 410, л. 263 об.; авторского — ЦГАДА, ф. 188, № 1589, л. 1.

ном толковании фитных и лицевых начертаний. О том, что их разводы, по-видимому, впервые выполненные усольским мастером, обладали значительной эстетической ценностью, свидетельствует сохранение их в пометных списках второй половины XVII в. Авторское своеобразие наблюдается и в том, что Лукошков в своем «перевод» стремился мелодически развить не только разводы формул, но и речитативные фрагменты песнопения.

Лукошково			
Производное			
	ка-ко-ва	ца-ре-стви-я;	о-то-па-до-хо;

Лук.			
Пр.			
	бо-га-те	ство	из-гу-би-хо.

В этих же целях мелодического обогащения напева распевщик изменяет в седьмой строке архетип попевки. Так, «мережу» он заменяет «пауком», чем расширяет распев кадансирующего фрагмента до 12 звуков.

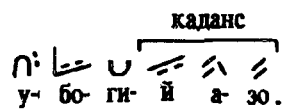
Лук.												
	за-по-вед	пре-сту-пи-во	за-по-вед	пре-сту-пи-во	за-по-вед	пре-сту-пи-во	за-по-вед	пре-сту-пи-во	за-по-вед	пре-сту-пи-во	за-по-вед	пре-сту-пи-во
Пр.												
	за-по-ве-ли	пре-сту-пи-хо	за-по-ве-ли	пре-сту-пи-хо	за-по-ве-ли	пре-сту-пи-хо	за-по-ве-ли	пре-сту-пи-хо	за-по-ве-ли	пре-сту-пи-хо	за-по-ве-ли	пре-сту-пи-хо

Большой интерес для изучения музыкальных особенностей авторского распева представляет рукопись ЦГАДА, содержащая запись песнопения пометной крюковой нотацией с переложением на нотолинейную. Этот двоезнаменник дает уникальную возможность воссоздать музыкальный облик песнопения. Несмотря на фонетическую редакцию текста (раздельноречие заменено новым истинноречием), перестановку некоторых слов, музыкальная основа не подвергалась сколько-нибудь значительным изменениям, проявляя большую близость к распеву Лукошкова. Причем все внутрислоговые разводы в двоезнаменнике даны как в начертании, так и в изложении дробным знаменем и нотами линейной нотации.¹⁸ Благодаря существованию данного двоезнаменника, а также пометных рукописей второй половины XVII в., содержащих списки славника, мы имеем возможность исследовать музыкально-поэтическое содержание песнопения И. Т. Лукошкова на структурном и образно-смысловом уровнях.

В композиционном отношении мелодия знаменного распева славника состоит из 17 ритмо-интонационных формул, записанных характерным последованием знаков. Заключительные знаки попевочных формул

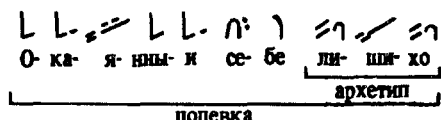
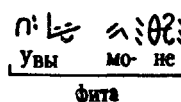
¹⁸ ЦГАДА, ф. 181, № 1574, л. 6 об. — 7 об. (последняя четверть XVII в.).

фиксируются в данном случае статьей, палкой воздернутой и пауком. Длительные внутрислоговые разводы, данные без начертаний, определены как лицевые и фитные, благодаря наличию этих разводов совместно с начертаниями в других списках славника.¹⁹ Как было выявлено ранее, первичной ритмо-интонационной единицей словесного текста является синтагма. В музыкальной речи она, как правило, распевается одной формулой — попевочной, лицевой или фитной. Лишь в редких случаях нарушается принцип соответствия первичных единиц музыкальной и словесной речи. Так, первая синтагма «О колика блага» распевается двумя музыкально-графическими формулами, лицевой и фитной, образуя два колона. Междометие «О» вычленяется и разводится длительным мелодическим узором, привносящим в начало песнопения элемент декоративности и торжественности. Взаимодействие первичных ритмо-интонационных единиц речевого и музыкального произведений проявляется в совпадении окончаний музыкально-графических формул с цезурами текста, обусловленными ритмической выделенностью синтагм, и в подчеркивании этих цезур напевом с помощью мелодических кадансов. В этом усматривается своеобразная ритмичность музыкального языка славника. Лишь в единственном случае мелодическое кадансирование не следует дробности текстовой структуры:

 <p style="text-align: center;">ка- ко- ва ца- ре- стви- я о- то- па- до- хо;</p>	 <p style="text-align: center;">у- бо- ги- й а- зо.</p>
колон 5	колон 6

Это несоответствие музыкального деления ритмически-смысловому может быть объяснено ориентацией на музыкальное исполнение текста с учетом певческого дыхания, а вследствие этого стремлением избежать слишком большого несоответствия между двенадцатисложным колоном 5 и пятисложным колоном 6.

Следующий после колона уровень формообразования в песнопении — строка. Эта структурная единица музыкальной речи с обязательным ритмическим торможением в интонационно ярком кадансирующем участке, волнообразно развивающаяся и мелодически завершенная, может содержать одну и более мелодических формул. Так, колоны 1—4, 9—11, 14—17 распеты музыкально-графическими формулами, соответствующими строкам, например:

колон 3	 <p style="text-align: center;">О- ка- я- ны- и се- бе ли- ши- хо</p>
колон 10	 <p style="text-align: center;">Увы мо- не</p>

Колоны 5—8, 12—13, распеты попевочными формулами, попарно объединены в составе одной музыкальной строки, например:

¹⁹ ЦГАДА, ф. 181, № 787, л. 6 об. — 7; БАН, Строг., № 39, л. 194—194 об.; ГБЛ, ф. 379, № 61, л. 6—7; ф. 354, № 156, л. 5—5 об. Все рукописи пометные, относятся ко второй половине XVII в.

Для того, чтобы отделиться в особую строку, попевкам 5, 7 и 12 колонов не хватает устойчивого ритмического кадансирования.

В результате выяснения взаимодействия словесного и музыкального текстов на уровнях: синтагма — музыкально-графическая формула, синтагма — строка — определяется четырнадцатистрочная музыкальная композиция, в которой текст полностью зафиксирован следующим образом:

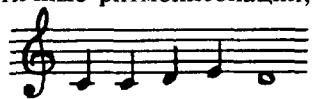
Таким образом, словесный текст активно взаимодействует с музыкальным,

№	Текст строки	Музыкальная структура	Речевая структура
1	О	колон	} синтагма
2	Колика блага	колон	
3	Окаянный себе лишико	колон	синтагма
4	О хабуви	колон	синтагма
5	Какова царствия / отопадохо убогий азо	два колона	две синтагмы
6	Богатство изгубихо / еже прияхо	два колона	две синтагмы
7	Заповеди преступихо	колон	синтагма
8	Увы мене	колон	синтагма
9	Окаянная душе	колон	синтагма
10	Огневи веченому / прочее осужаешиса	два колона	две синтагмы
11	Тем преже конца	колон	синтагма
12	Возопи Христу богу	колон	синтагма
13	Яко блуднааго приими мя сына	колон	синтагма
14	Боже и помилуй мя	колон	синтагма

формируя строки, равные одному или двум колонам. В свою очередь напев существенно влияет на строчную организацию текста. Проявление структурной самостоятельности напева наблюдается в распевании междометия «О» и речевой формулы «О хабуви», а также в музыкальном дроблении колонов 5 и 6, в которых знак музыкального препинания (каданс) не совпадает с текстовой цезурой. Взаимодействие текстовых и мелодических структурных единиц в основном построено на принципе соответствия, логика музыкального развития не ломает структуру текста, напротив, напев подчеркивает членение текста, не нарушая его формы, а следовательно, и смысла.

Перейдем к выявлению образно-смысловых связей текста и напева. Проследим, как отражена крупная смысловая единица речи — фраза. Всего таких фраз шесть. Отметим, что каждая из них распета по типу «мелодического развертывания», когда мелодия как бы варьирует саму себя. Первая фраза распета тремя строками, вторая — одной, третья и четвертая — двумя, пятая — одной и шестая — четырьмя. При обращении к интонационному строению музыкальной речи в общем потоке мелодического движения обозначились ясно очерченные идентичные ритмоинтонации, за-

вершающие каждую из пяти речевых фраз:

Лишь третья фраза завершена у Лукошкова иной интонацией, близкой предыдущей в ладовом отношении. Это — авторская особенность песнопения:

Построения, очерченные идентичными концовками, назовем музыкально-фразовыми единствами. Размеренная повторность их окончаний вносит периодичность и служит средством объединения формы напева. Благодаря единству заключительного тона межфразовых окончаний возникает единая тоникальность, подчеркиваемая ритмо-интонационными условиями кадансирования и значительно скрепляющая форму в целом. Не только фразы, но даже фразовые компоненты завершаются единообразно по отношению друг к дру-

гу. Эти концовки фразовых компонентов своим ритмо-интонационным и ладовым отличием от окончаний фраз подчеркивают функциональную неоднозначность данных синтаксических конструкций.

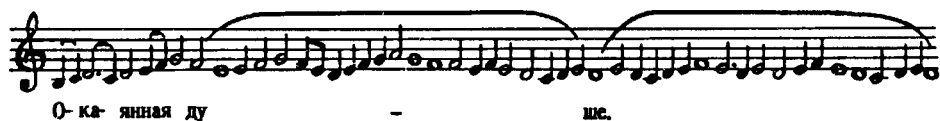
Таким образом, содержание поэтическое славника находит отражение в интонационном строе распева путем рифмования единообразными кадансами окончаний каждой законченной мысли. Это органически соединяет фразы единой тоникальностью и свидетельствует о высокой степени музыкального обобщения функциональной значимости образно-смысловых единиц словесной речи, о глубинных процессах взаимодействия смыслового содержания текста и напева.

Развитие музыкального целого связано с образованием еще более крупных, чем музыкально-фразовые единства, разделов. При этом в основу музыкального строения положена двухчастная централизованная форма речевого произведения. Первая часть заключает 9 колонов, вторая — 8 колонов, каждая распевается семью музыкальными строками, что говорит об упорядоченности структуры. Проследим это более подробно.

Тип распева можно определить как силлабо-мелизматический. Так, начальные строки каждой из двух крупных частей (1—2 и 8—9) согласуются длительными внутрислоговыми лицевыми и фитными разводами, акцентирующими важные в смысловом отношении слова «благо», «увы, мне», «душе», что служит средством достижения образно-смысловой связи текста и музыки. Эта связь отражена также в совпадении кульминационных центров речевого и музыкального произведений. Они приходится на распев слов «окаянная душе». Что же позволяет считать мелизматически распетые строки 8 и 9 кульминацией и одновременно переломом в развитии музыкального целого? Прежде всего эти строки, согласуясь своими длительными внутрислоговыми (четыре слова распеваются 86-ю звуками) разводами с начальными строками 1—2, резко контрастируют с силлабическими, очень короткими предыдущими 5-й, 6-й и со всеми последующими строками. Строка 8 является началом второй части не только потому, что возвращает мелизматику 1-й строки песнопения, но и в силу яркого изменения всех средств музыкальной выразительности. Мелодия впервые завершается на почти предельно низкой для обиходного знаменного звукоряда ладовой опоре «Н», что привносит более мрачную ладо-тональную окраску. Ступенчатый характер мелодического развертывания с неуклонным погружением в низкую область звучания призван передать страх, трепет, безысходность отчаяния человека в восклицании «Увы мне!»:

Строка 9, интонационно связанная с 8-й, превосходит последнюю распевностью, но звучит спокойнее, просветленнее: постепенно возвращается прежняя область звучания, волнообразность мелодического движения, типизированная концовка с главенствующей в произведении ладовой опорой «Н». Эта строка уравнивает предыдущую, сглаживает ее драматическую напряженность:

Итак, строки 8 и 9 резко выделяются на фоне предыдущего и последующего музыкального развития и в силу этого, совпадая с речевым началом второго раздела славника, определяются как переломно-кульминационный момент развития музыкальной формы. Помимо строк 1—2 и 8—9, ведущих в конструктивном и в образно-смысловом плане, в песнопении мелизматика определяет распев речевой формулы «о хабуви» в 4-й строке. Эта формула встречается в древнерусской музыке с XII в. В распевании славника она появилась в конце XV в. Скорее всего, «хабува», не выражая определенного смысла, имела исключительно музыкально-исполнительское значение. Пространственный распев этого слова, не несущего смысловой нагрузки, композиционно уравнивает длительные начальные и кульминационные фрагменты песнопения и может быть определен как музыкальное украшение, оторванное от текстовой основы. В остальных строках песнопения (3, 5—7, 10—14) текст распет силлабически: на каждый слог приходится один знак знаменной нотации. Большинство этих строк завершается единообразно, рифмуясь типизированными концовками, что свидетельствует о ладовой устойчивости. Силлабически распетым строкам присущ скромный диапазон звучания, они, обладая попевочной природой, часто согласуются единими попевками. Все это дает возможность сконцентрировать внимание не на красочном распеве, а на смысле пропеваемого слова.

Музыкальный язык песнопения, таким образом, характеризуется чередованием силлабически и мелизматически распетых строк, которые различаются не только по степени распетости мелодизма, но и по диапазону звучания, по функциональной значимости в раскрытии образно-смыслового содержания текста. Мелизматически распетые строки, в которых напев превалирует над текстом, в то же время поясняя и раскрывая его посредством музыкального языка, выполняют ключевые конструктивную, образно-смысловую и отчасти декоративную функции. Активность напева создает в этом случае эмоционально окрашенный «подтекст». В силлабических строках смысл текста не растворяется в напеве, а взаимодействует с ним. Эти строки являются ведущими в передаче декламационно-информативного содержания славника. Своим каноническим музыкальным языком, попевочной структурой они оттеняют яркие, полные мелодической динамики эмоциональные вершины песнопения, приходящиеся на строки с длительными внутрислоговыми распевками.

Славник «О колико блага» в переводе И. Т. Лукошкова представляет собой вершину в эволюционном развитии древнейшего песнопения. Мастерство усольского распевщика проявилось не только в умении отразить певческое значение сложных тайнозамкнутых формул знаменного пения с привнесением черт неповторимого авторского участия в формировании разводов этих формул, но и в ином прочувствовании этих распевов, окрашенных живой человеческой эмоцией. Автор мелодически обогатил, освежил также отдельные фрагменты песнопения. Не случайно современники характеризовали Лукошкова как мастера, который «вельми знаменного пения распел и наполнил». В его песнопении активно взаимодействуют, взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга в тесном диалектическом единстве текст и напев, силлабика и мелизматика, ярко претворены черты традиции и новаторства.

Вирши Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора

Целью предлагаемой работы является публикация обширного стихотворного библейского цикла конца XVII в. Представляется важным напомнить историю открытия этого текста и отчасти проследить его литературную историю. Что касается источниковедческой, историко-литературной и стиховедческой характеристик этого произведения, пожалуй, в них нет недостатка. Введение публикуемого текста в научный оборот несомненно вызовет дополнительный интерес к нему и позволит уточнить его место в историко-литературном процессе последней трети XVII—начала XVIII в.

Авторское произведение русской силлабической поэзии, датированное 1679 г., — вирши Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора 1674 г. — известно с конца XIX в., когда М. И. Соколов раскрыл по акростику («Монах Мардарий Хоников трудился») имя составителя обширного стихотворного цикла и предложил обзорную характеристику последнего.¹ Рукопись с акростиком, находившаяся в 1890-е гг. в распоряжении М. И. Соколова, происходила из нежинского собрания И. Н. Михайловского, которое в 1908 г. поступило в Публичную библиотеку в Петербурге.² Поскольку здесь не оказалось списка стихов к Библии Пискатора, вскоре утвердилось мнение, что рукопись с виршами Мардария Хоныкова затерялась. Между тем незадолго до своей смерти (1906 г.) М. И. Соколов передал список из собрания И. Н. Михайловского московскому исследователю И. М. Тарабрину «для дальнейшего обследования и издания».³

Остается неизвестным, почему И. М. Тарабрин не подготовил к изданию текст Мардария Хоныкова, оказавшийся в его руках. Судя по протоколам заседаний Славянской комиссии МАО, исследователь продолжал заниматься сбором материалов о бытовании Библии Пискатора в России: в 1906 г. он выступил с докладом «О составителях вирш к Лицевой Библии...»,⁴ в 1907 г. прочел доклад «Хронограф и Библия Пискатора».⁵ В 1911 г. на XV Археологическом съезде в Новгороде был оглашен еще один, наиболее известный, доклад И. М. Тарабрина: «Библия Пискатора в истории русской

¹ Соколов М. И. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к Лицевой Библии Пискатора // Археологические известия и заметки. 1895. № 9—10. С. 300—321.

² Отчет имп. Публичной библиотеки за 1908 год. СПб., 1915. С. 32—59.

³ См.: Протокол 89-го заседания Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества от 24 октября 1906 г. // Древности: Труды Славянской комиссии имп. МАО. М., 1907. Т. 4. Протоколы. С. 61—62. Здесь конспективно излагается доклад И. М. Тарабрина «О составителях вирш к Лицевой Библии Пискатора» и ход его обсуждения.

⁴ Там же.

⁵ Древности: Труды Славянской комиссии имп. МАО. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 17—

К У И П А Ч Е Л Ю

98

Мудрости Слани буди бы подателб .
 Оуб . св . и д х х . Мира создателб .
 Навешшему дало се благо Натани .
 . А благошащему Вползу всех Спонтати .
 Художив Анци внизи сеи изобрещени .
 мйрными Сашенскими Стихи извясненни .
 А се бысти пишанелб муча всеблагго .
 раснителя Писаниа всема прудрагого .
 Добб Убо сеи . Добрих же делателб совершб .
 . Ованаси и менелб . . Иоанноб рождени .
 Реношии Агдоселб . и же Ма понуди .
 . и се же Христа . сеи цртва Общнии буди .
 И сице аз . Преслушнии . Сов . все несице быти .
 Художив . сий Дерзуд сй сотинити .
 W бае . ентателб . и зрени Агдуб .
 Недажи зому мисти . тебе Умолад .
 И же задистав сий притв . и благод нещди .
 поварен бо Слани . Сеу ипогда же внилои .
 Онаго Слобу шщепну Лршо Повергия .
 . всемо же нахуди пруды призная .

Вирши с акростихом Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора. Список
ГИМ, Муз. 3192, л. 98.

письменности и искусства». ⁶ Нежинскую рукопись — сборник с виршами Мардария Хоныкова к Библии Пискатора и с виршами неизвестного автора, предназначенными для гравюр другой, не названной Библии, ⁷ И. М. Тарабрин определил в Рукописный отдел Исторического музея, где она и хранится поныне под шифром ГИМ, Муз., № 3192. ⁸

М. И. Соколов, описавший парадный беловой список стихов Мардария Хоныкова, понимал, что существовали и другие списки. Он разыскал и привлек более поздний неполный по составу список без акростиха, обнаруженный им в Румянцевском музее (ГБЛ, Муз., № 3058). ⁹

Вскоре И. А. Бычков нашел вирши Мардария Хоныкова при описании рукописей Ф. И. Буслаева (ГПБ, Q. XVII. 210). ¹⁰ Опираясь на харак-

⁶ Текст доклада не издан. См. конспективное изложение названной темы И. М. Тарабрина: Известия XV Археологического съезда в Новгороде. М., 1911. № 9. С. 99—101; см. также: Рудаков В. Пятнадцатый археологический съезд в г. Новгороде // ЖМНП. 1912, июль. № 7—8. (Нов. сер. Ч. XL). С. 33—34. В архиве И. М. Тарабина (ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 206), как сообщила Е. М. Юхименко, хранятся черновики его докладов (фонд обработан после подготовки данной статьи).

См.: Белоброва О. А. Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мериана // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 443—479.

⁸ Идентификацию указанной рукописи с описанием М. И. Соколова любезно провела Л. М. Костюхина.

⁹ Отчет Московского Публичного и Румянцовского музеев за 1886—1888 г. М., 1889. С. 99—101. Здесь в сборнике отмечена «книга надпись из личной библии», но автор стихов определен только М. И. Соколовым (Славянские стихи... С. 311—312).

¹⁰ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке // Отчет имп. Публичной библиотеки за 1894 год. СПб., 1897. Приложение. С. 277—288.

Поеб мудростів Грубая Испраи .
 рабу Фе Милослише повожу състапи .
 Оусердіе мое всемі, болве воздби .
 Долги^и моих трудонъ. Воище немоги .
 Издаши . семь тысящъ . сто осмьдеса седмаго .
 Ально Химити Должинстиву пиорца благасо .
 Строящаго все еше есть Угодно Ему .
 Импо Црв ибгу занса Слани тому .

Аминь.

Virshi с акростихом Мардария Хонькова к гравюрам Библии Пискатора.
 Список ГИМ, Муз. 3192, л. 98 об. (окончание).

теристики стихотворного цикла, данные М. И. Соколовым, еще один список из рижского церковно-археологического музея нашел и полностью опубликовал А. И. Успенский.¹¹ К сожалению, эта публикация не была отражена в библиографиях по древнерусской литературе. Возможно, это связано с отсутствием заглавия перед древнерусским стихотворным текстом.

М. И. Соколов в своей статье 1895 г. первым отметил факты включения стихотворных стрóf Мардария Хонькова в гравюры русских мастеров конца XVII в. — первой половины XVIII в. Долгое время эти вирши считались анонимными: их публикация в капитальном труде Д. А. Ровинского была предпринята еще в 1881 г.,¹² — до открытия М. И. Соколовым имени Мардария Хонькова по акростиху. Но и после этого разъяснения вирши под гравюрами аннотировались не всегда точно. То же самое происходило и с рукописными списками полного стихотворного цикла. Так, выявленные к 1913 г. в собрании Н. С. Тихонравова «Подписи к лицевой Библии» (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 251)¹³ не были аннотированы как авторские, тем более что и здесь акростих отсутствует. В то же время когда мы читаем в современном каталоге рукописей определение «Вирши Мардария Хонькова к Библии Пискатора» (ГБЛ, Муз., № 705),¹⁴ то не всегда учитываем, как о них судили до открытия их авторства. Между тем еще в 1859 г. В. Г. Ва-

¹¹ Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913. Т. 1. Приложение 1. С. 1—51. Местонахождение этого списка в настоящее время неизвестно.

Редкая ссылка на публикацию цикла стихов в Словаре А. И. Успенского приведена искусствоведом: Овчинникова Е. С. Сюжет Книги Эсфири в произведении русской живописи XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сб. статей. М., 1961. С. 382, примеч. 17.

¹² Ровинский Д. А. 1) Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 259—268, 277—281, 307—310, 319—323, 340, 353—355, 388—389, 527, № 811, 819, 840, 861, 876, 912, 996, 1317—1320; 2) Подробный словарь русских гравюров (посмертное изд.). СПб., 1895. Т. 1. Стб. 369—370. № 61—66. Здесь воспроизведена гравюра А. Зубова с подписью из цикла Мардария Хонькова из Песни Песней.

¹³ Георгиевский Г. П. Собрание Н. С. Тихонравова. I. Рукописи. М., 1913. С. 42.

¹⁴ Музейное собрание рукописей: Описание (ГБЛ. Отдел рукописей). М., 1961. Т. 1. С. 20—21.

ренцов, обратившийся к данному сборнику, дал по существу первую, но достаточно емкую стиховедческую характеристику сочинению, в то время анонимному: «В этой книге, написанной силлабическими стихами, изложено все содержание Библии, начиная с книги Бытия... и оканчивая Апокалипсисом; это изложение, разделенное на 464 неравные строфы (от 4 до 28 стихов) заключает в себе 1912 стихов... и довольно строго выдержан силлабический стих в 11 слогов, с цезурой после 5-го слога и с женской рифмой, большей частью на глаголы...».¹⁵ Но как сам сборник, так и его оценка долго оставались неизвестными. Та же судьба ожидала экземпляр Библии Пискатора «с славянскими стихами монаха Мардария Хоникова», вписанными на полях (ГПБ, Ф. I. 906), хотя поступление этой книги в дар библиотеке в 1910 г. было отмечено в печати.¹⁶

Когда И. М. Кудрявцеву понадобилось привлечь вирши Мардария Хоникова к четырем гравюрам из ветхозаветной Книги Эсфирь, он обратился непосредственно к экземпляру Библии Пискатора из келейной библиотеки патриарха Адриана, с вписанными от руки стихами (ГБЛ, ф. 304, II доп., № 370, б. 2715, л. 210—213).¹⁷

При публикации стихов Мардария Хоникова к сюжетам из Песни Песней А. М. Панченко обратился к гравюрам Алексея Зубова, 1740 г., где повторены подписи, вписанные в свое время на полях Библии Пискатора, как уже упоминалось. Что касается обращения «К читателю», с акrostихом, оно привлечено в том же издании из публикации М. И. Соколова.¹⁸

В свою очередь И. Ф. Мартынов при аннотировании виршей в рукописи БАН, 25.7.13 и в двух неполных экземплярах Библии Пискатора (БАН, собр. Никольского, № 350 и 351) опирался на фрагментарные публикации М. И. Соколова и А. М. Панченко.¹⁹

Московские экземпляры Библии Пискатора с вписанными под гравюрами виршами Мардария Хоникова, 1679 г., изредка отмечались в каталогах или обзорах, подобно альбому из Троице-Сергиевой лавры.²⁰ Иногда вместе с гравюрой воспроизводились и древнерусские вирши, подписанные на полях.²¹

¹⁵ В. В [аренцов]. О рукописном сборнике стихотворений XVIII столетия // Библиографические записки. М., 1859. Т. 2. № 11. Стб. 332—339.

¹⁶ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1910 год. Пг., 1915. С. 62—63.

¹⁷ Артаксерсово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подг. текста, статья и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л. 1957. С. 37—38. Здесь опубликованы 4 строфы стихов Мардария Хоникова. На вклейках между с. 144—145 и 256—257 воспроизведены две гравюры из Книги Эсфирь со стихами на полях. Названный экземпляр Библии Пискатора в двух томах переходил из рук в руки: он имеет владельческие записи А. А. Виниуса и патриарха Адриана; наиболее поздним владельцем Библии был Троице-Сергиев монастырь, судя по наклейке. В 1959 г. первый том данного экземпляра с ветхозаветными сюжетами и стихами к ним был представлен на выставке в Праге. См.: Выставка «История русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности». Каталог. М., 1959. С. 74.

¹⁸ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 180—183 и 378. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.). Одна из гравюр этой серии — «Невеста Христова» М. де Воса, с вписанными виршами Мардария Хоникова — воспроизведена: Грабарь И. История русского искусства. Живопись. М., б. г. Т. 6, С. 528.

¹⁹ Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1975. М., 1976. С. 44—47; Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения // Описание Рукописного отдела БАН СССР. Л., 1980. Т. 4, вып. 2. С. 12—14, № 6, 7 и 8.

²⁰ См. примеч. 17.

²¹ Например, гравюра к сюжету «Яко твое есть царство» (Матф. 6, 13) с виршами в 8 строк привлечена из Библии Пискатора ГИМ, Муз., № 3666, л. 341. Она воспроизведена в работе: Ретковская Л. С. О появлении и развитии композиции «Отечество» в русском искусстве XIV—XVI веков // Древнерусское искусство XV—начала XVI веков. М., 1963. С. 260. Чаще всего встречаются воспроизведения гравюр без полей, не только искажающие формат гравюры, но и пренебрегающие реальными приметам бытования Библии в русской среде.

Sola placet regi multis e millibus Hester Thine regale decus suscipit in capite. Hester. cap. 2. 17

Артавергъ єїѡнъ изъ дѣлъ похвалѣетъ. Въ жинѣ и євѣѣ похити мѣлѣ; Сѣмѣ родомъ ѿ іудѣи єаше.
и на главу єнъ стѣнѣцѣ полагаетъ. и црнѣи чѣтѣ тои прѣдѣстѣял. Нѣмѣ мѣрдохѣи єнѣрѣи єа питаше. Єїѡнъ ѡбѣдѣ.

Pectore sollicito sed non tristi omne Regem Conueniens Esther fercula ad alba vocat. Nestor. cap. 5. ab.

Євѣрь свѣщенно срѣце имѣюща,
и во шестинъ Слѣдѣхъ вѣрующа,
къ царю пришедши и многоль притомъ,
и на аггерахъ вѣстияхъ приидесть:

Хотѣвши царя за рожь свойъ молити,
и мѣрости его менше въротити,
но дѣланъ стѣпаны въ полнъ постварѣсть,
и стѣрны е. смерты соотпушарѣсть.

Вирши Мардария Хонькова на полях Библии Пискатора. ГБЛ, ф. 304, II, № 370, л. 212.

Впрочем, в условиях разобщенности рукописных списков стихотворного цикла Мардария Хонькова и при невольном игнорировании опубликованного А. И. Успенским текста трудно было ожидать, чтобы вирши на полях гравированных библейских сюжетов получали исчерпывающую характеристику. Так, например, единственное в советской практике профессиональное книговедческое описание экземпляра Библии Пискатора из Гос. Публичной исторической библиотеки в Москве²² содержит скромное упоминание: «экз. с рукоп. надп. (кириллицей) под илл.». Между тем сверка *de visu* показала, что среди «надписей кириллицей» 82 листа — из цикла Мардария Хонькова (ГПИБ, ОИК. 177); те же вирши вписаны на полях второго, более позднего неполного экземпляра Библии Пискатора (ГПИБ, ОИК. 178).²³

Раньше чем назвать малоизвестные петербургские списки стихов Мардария Хонькова, заметим, что в Москве до пожара 1812 г. находилась еще одна рукопись: «Надписи на личную Библию (именуемую *Theatrum Biblicum apud Nic. Joh. Piscatorem. 1674*) стихотворил монах Маргарий (так! — О. Б.) Хоников, в лист».²⁴ Судя по упоминанию имени стихотворца, в этой рукописи (погибшей вместе с библиотекой П. Г. Демидова в пожаре Москвы) читался акростих. Известие это затерялось в каталогах, давно ставших библиографической редкостью. И все же представляется полезным оценить, что задолго до находки М. И. Соколова, еще в начале XIX в., имя Мардария Хонькова как автора стихов к нидерландской Библии Пискатора, оказывается, было отмечено в печати.

Пожалуй, до сих пор остаются обойденными вниманием два петербургских экземпляра Библии Пискатора: один — с полным рукописным текстом вирш Мардария Хонькова (ГПБ, Разнояз. F, I. 19),²⁵ другой — с виршами того же автора только к Апокалипсису (Научная библиотека Академии Художеств. G. 608).²⁶ Неполный список стихотворного цикла Мардария Хонькова, наиболее близкий к списку ГИМ, Муз., № 3192, поступил с книгами и рукописями В. А. Иванова в Университетскую библиотеку (СПбГУ, Научная библиотека, MsE II. 67).²⁷

Можно с уверенностью сказать, что перечисленные списки — девять экземпляров Библии с вписанными виршами Мардария Хонькова (из них в трех — полный цикл) и восемь рукописей — отнюдь не исчерпывают рукописную традицию этого сочинения.²⁸ Чем скорее появится в печати публикация стихотворных циклов как Мардария Хонькова, так и анонимных, тем легче будет осуществляться выявление и аннотирование их на местах. Среди необследованных экземпляров Библии Пискатора в

²² Издания Нидерландов XVII в.: Каталог коллекции (Гос. Публичная историческая библиотека. Отдел редких книг) / Сост. В. П. Степанова. М., 1980. Ч. 4. № 884. С. 264—265.

²³ Об этом и других текстах (кроме списка ЛГУ) нами было сообщено М. Д. Каган, когда она совместно с Г. А. Богуславским готовила словарную статью о Мардарии Хонькове (см. далее примеч. 26). Оба экземпляра Библии Пискатора из ГПИБ (№ 177 и 178) были приобретены в ГИМ в 1913 г.

²⁴ Fischer, prof. *Catalogue systématique des livres de la Bibliothèque de Paul de Demidoff. A Moscou, 1806. P. 259*; см. также: Каталог российским книгам библиотеки П. Г. Демидова, составленный им самим / Издал В. М. Ундольский. М., 1846. С. 23.

²⁵ Время его поступления в ГПБ не установлено.

²⁶ Этот экземпляр упомянут в статье: Богуславский Г. А., Каган М. Д. Мардарий Хоньков (Хоников): Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 128—129.

²⁷ См. там же. Этот список указала М. Д. Каган; о принадлежности рукописи В. А. Иванова сообщил Н. И. Николаев. Список цитируется в кн.: ПЛДР. XVII век. Кн. 3. М., 1993.

²⁸ О неразысканных экземплярах Библии с виршами см.: Белоброва О. А. Библия Пискатора в собрании Библиотеки Академии наук СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. 1985. Л., 1987. С. 184—216.

настоящее время — альбомы в Костроме и в Киеве, из частных собраний²⁹ и т. д.

Известна также своеобразная традиция включения стихов Мардария Хоныкова в необычный контекст в Хронограф особого состава. В печатных каталогах изредка встречаются описания прозаических текстов хронографического жанра с вкраплением стихотворных строф. Среди них назовем рукописи: БАН, 34.4.15,³⁰ БАН, Арханг. К-52³¹ и из Ярославского гос. архива, № 53.³² Правда, вирши, упоминаемые здесь, не голучили атрибуции; не обратил на них внимания и И. Ф. Мартынов при составлении каталога стихотворных рукописей БАН.

Вирши Мардария Хоныкова — не менее 30 строф — частично привлекались и для вписывания на оборотных листах двухтомной миниатюрной Библии с гравюрами сестер Кюслин (Аугсбург, около 1700 г.) из собрания Петра I (БАН, 16.16.41=Петр. собр., Б 102/1-2).³³

Отдельные строфы библейского цикла Хоныкова встречаются в рукописях кон. XVII—нач. XVIII в., например, в сборнике БАН, 16.14.26 (л. 271—278 об.), в Цветнике ГПБ, Ф. I. 318/2³⁴ и др.

При выборе лучшего списка для подготовки текста к изданию сопоставлены доступные нам рукописи.³⁵ В первую очередь была принята во внимание полнота и достоверность списков. Так, например, в *Л* утрачены 16 или 17 листов; в *А* нет первых 25 строф, пропущено несколько строк; в *Т* и *В* нет первых пяти строф, и т. д. Во всех списках, кроме *М*, отсутствует заключение с акростихом. Порядок в следовании строф неодинаков, отчего не совпадает их нумерация (ср. *М* и *У*); в некоторых списках строфы не пронумерованы (*А*). Встречаются ошибочные чтения, которые искажали метрическую систему стиха путем добавления или сокращения слогов. Таковы, например: *доброту* вместо *добру*; *пастуху* вместо *пахсу*; *старый* вместо *стрый*; *мужик* вместо *муж*; *любите* вместо *люте*; *Христос* вместо *Спас*; *собра* вместо *со брега*; *идолов* вместо *индов*; *воздух* вместо *аер*, *пастырь* вместо *стар* и т. д. Некоторые слова в *У* представляют собой описки (или опечатки), как например: *издатели* вместо *ваатели*; *живяше* вместо *жняше*; *отца* вместо *огня*; *нача* вместо *паче*; *общины* вместо *общницы*; *народ* вместо *извед*; *родов* вместо *ралом*; *Сираху* вместо *Сисару*; *кимпан* вместо *кимвал*; *победивый* вместо *побивый*; в *Нинию* вместо

²⁹ По мере научного описания материалов находки возможны даже в фондах крупных библиотек, примером чему служит выявление в 1987 г. в ГПБ экземпляра Библии Пискатора 1674 г. Разнояз. Ф. I. 19. О нахождении подобной Библии в частном собрании сообщалось в книге: Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках: Памятник живописи и зодчества XVII века. М., 1970. С. 165, примеч. 49.

³⁰ Исторические сборники XV—XVII вв.: Описание Рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 81—89.

³¹ Указание на эту рукопись сделал Б. М. Клосс.

³² Описание коллекции рукописей гос. архива Ярославской области XIV—XX веков / Сост. В. В. Лукьянов. Ярославль, 1957. С. 12—13. Рукопись названа по вкладной записи 1706 г. «Летописец вкратце».

³³ См.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 46, № 232; Стихотворения, романсы... С. 30—31. № 15; наличие строф Мардария Хоныкова здесь не отмечено; некоторые строфы при переписке сокращены, если не вмещались на листах (их формат 32⁰); попутно заметим, что основной стихотворный текст в этой Библии, на наш взгляд, не принадлежит Симеону Полоцкому вопреки утверждению Е. И. Бобровой и И. Ф. Мартынова.

³⁴ О Библии с гравюрами сестер Кюслин см.: Hollstein's German engravings, etchings and woodcuts. Amsterdam, 1977. Vol. 20. S. 6. Экземпляр БАН здесь не учтен.

³⁵ Эта рукопись с клеенными гравюрами указана И. М. Грицевской.

Обозначим эти списки сокращенно: ГИМ, Муз., № 3192 — *М*; СПбГУ, Ms. Е II. 67 — *Л*; ГБЛ, ф. 299, № 251 — *Т*; ГПБ, Q XVII. 210 — *В*; БАН, 25.7.13 — *А*; ГБЛ, Муз., № 705 — *В*; ГБЛ, Муз., № 3058 — *Ш*; опубликованный А. И. Успенским — *У*.

в *Ниневию*; *жезл* вместо *желчь*; *хлебами* вместо *хлебы*; *зле* вместо *зде*; *труд* вместо *труб*; *льстивым* вместо *лживым*, *киевския* вместо *скифския* и т. д. Описки встречаются и в других рукописях: *милость* вместо *милоть* (А), *купец* вместо *кубец* (А), *дева* вместо *вдова* (А), *Осух* вместо *Охус* (Т), *Стефан* вместо *Санфан* (Т) и др. Заметим, что на полях М встречаются альтернативные чтения: *путь* — *бег* (№ 89), *народ* — *язык* (№ 104), *образ* — *чертеж* (№ 104), *особь* — *ина* (№ 153), *лживы* — *мерзцы* (№ 161), *сладки* — *здравы* (№ 169), *кладези* — *вся воды* (№ 183), *истиннаго* — *единаго* (№ 192), *восхищая* — *похищая* (№ 208₂), *образ* — *идол* (№ 222), *пред ним* — *тому* (№ 222), *наставлен* — *вразумлен* (№ 236), *вручаше* — *побеждаше* (№ 237₁), *изыде* — *явися* (№ 237₂), *котва* — *якорь* (№ 269), *святую* — *чистую* (№ 270), *иных* — *прочих* (№ 273), *претворяет* — *сотворяет* (№ 294), *снедно* — *брашно* (№ 403), *каженик* — *ефиоп* (№ 420). Варианты этих чтений встречаются и в других списках.

Внешняя связь стихотворного цикла с цельногравированной Библией Пискатора наиболее ощутима в списке А, поскольку он представляет собой рукопись альбомного типа, вытянутую по горизонтали. Строфы Мардария Хонькова переписаны здесь в два столбца, как на полях Библии.³⁶ Начальные буквы каждой строфы и отсылки к библейским книгам выделены кинovarью.

В некоторых списках встречаются латинские отсылки к библейским книгам (М, Л, В); здесь же и латинские наименования персонажей, почерпнутые непосредственно из гравюр Библии. В тех же трех рукописях совпадает графическая манера обозначения глав и стихов библейских книг — в виде дробей.

Предназначение списков стихов Мардария Хонькова было отмечено еще М. И. Соколовым, который нашел в рукописи М ремарки для писцов, выполненные латинскими буквами (Podpis werchnaia; Podpisiwai na niznom poli; Podpisywai na werchnem poli sie nad anhely; Podpisywai sie na niznom poli; Siia podpisywai nad perwym licem Apokalipsisa).

В списке Т аналогичные рекомендации писцу, переносившему текст из рукописи на поля гравюр Библии, сделаны по-русски: «Наверху сии писати», «Сии внизу писати»; «сей лист в начале Евангелия»; «конец Евангелию»; «Символа изображение»; «О Апокалипсисе». Сверяя по этим ремаркам текст, внесенный на верхние и нижние поля гравюр известных нам экземпляров Библии Пискатора, мы убеждаемся в соблюдении такого рода указаний.

Обратим внимание на владельцев библейских вирш. Экземпляр Библии Пискатора, дополненный древнерусскими стихами Мардария Хонькова, находился, как упоминалось, среди келейных книг патриарха московского Адриана (позднее — в Троице-Сергиевой лавре); другой принадлежал семье Глебовых-Стрешневых (ГПБ, Разнояз. Ф. I. 19). Рукописные списки позволяют судить об их принадлежности — то Илариону, митрополиту псковскому и изборскому, завещавшему рукопись Троицкому собору в Пскове под 7206 (1698) г.,³⁷ то псковскому иконописцу Евмению Максиму, под 1704 г.,³⁸ то священнослужителям вятской епархии середины XVIII в.,³⁹

³⁶ При переписке в два столбца имеются случаи путаницы в порядке следования строк.

³⁷ Вкладная надпись опубликована: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. С. 114. Список У.

³⁸ Запись латиницей приведена: Стихотворения, романсы... С. 14. Список А.

³⁹ Музейное собрание рукописей: Описание. С. 20—21. Список В.

СОХ **Марно**
 Марно, священный Рукостъ баше.
 Сей прегу Бакс Сюда ѿписаше.
 Поникша въ сажъ, а въ сажъ волбша
 Испрашнѣ путь, бѣжъи возлуца
 Бораннѣ же ады, ирецавша
 И Хриша Спса Презлущаца
 Гдѣ же пришедъ ль нему, прщаетса.
 И ѿбѣца Намъ Ахъ, Излущаетса.
 Мирну же образъ Аша Приписуетса.
 Снѣкъ, бо прѣтса, ѿнѣ ѿобразуетса.
 Ѡнѣ же понъ ингу Намънаетъ.
 Восирнѣмъ же в сопернѣмъ.
 СОВ **Ашн**
 Аша священнай Хрѣмодъ, Благодѣстннѣ.
 И многодъ будѣсѣ ѿ проподѣстннѣ.
 Тѣмъ же образъ Прнсемъ написаса.
 Имъ же законна Фертпа знаменаса.
 Бѣа бо Аша спво той воспомннѣтъ.
 Идохрѣбъ сауфаща алаетъ.
 Намънаетъ сна ѿ ѿзатѣ.
 И Хрѣта Цлопк Наса прнѣтѣ.
 Странно ѿ Ашн рѣшпо Слѣзу.

Годписицаи писатромъ Голъ

Премнога вадѣхъ Попадашъ, Бугеса.
 И познаноса въ сѣхъ вѣрнѣмъ на нѣсо.
 Иа же рѣсѣ раби солпорнша.
 И кнѣно ихъ, Тому послушнша.
 Бояща Бѣсѣ, вѣрнѣти Ушошъ.
 И ѿбѣснѣхъ, Сворби Нѣшнно Пѣрлѣшъ.
 Сѣа образъ ѿ есемъ, ашадѣтъ.
 Ешнѣ Наня, Пщително вѣрабѣтъ.
 Творю снѣкъ бѣгу Хрѣмодъ, возлущѣ.
 И прѣдннѣа Имъ прѣлѣтѣ брѣдущѣ.
 СО **Стѣпанъ мѣтѣвѣ**
 Мѣтѣвѣ стѣпанъ рѣсѣ Хрѣта, ѿписуеѣтъ.
 И кнѣна въ сѣхъ, прѣдѣсѣбъ спѣзуеѣтъ.
 И есеѣна порене гладъ, суша.
 Мѣтѣвѣ же Аду, стѣвѣ Имуша.
 Иа же Ада спасѣтъ, мѣрѣ вѣлати ашаса.
 Бѣа снѣкъ : Имъ же Бѣа шѣпша, Пѣтребѣса.
 Бѣа Ешнѣстѣ, Асѣбъ, Намънаетса.
 Сѣапу же сушу, бѣсѣтѣ сѣа Ашаса.
 Ѡписуѣшу вѣлати, Сѣмѣрнѣ.
 И бѣсѣ, ѿ менно Хрѣта, роѣснѣ.
 Ѡдѣтѣ : мѣтѣвѣ Намънаетъ, вознѣсенна.
 Ѡрѣ него же вѣса пѣсарѣ, знѣтса Спасенна.

Рукостъ.

Рукостъ.

... Крѣстѣ соудѣмъ и дѣломъ водвори,
 воздвори погрѣхъ оныхъ гелогенъ. Аминь.

ИЖА

VISIONES APOCALYPTICAE

Иже іованнѣ бгословенцѣ вращѣ,
 вѣда по острѣмъ писаніемъ изданѣмъ башѣ,
 зрѣмъ вѣстниѣмъ. Тебѣмъ предъстѣлаемъ,
 и ясно сія вѣса изобрѣдѣмъ.

Podpisz wai nawe
 rechnem. Pofli sie
 nad ahifefy

Бѣда бо свѣщеннѣмъ, сѣдѣмъ цркви знаменна,
 иже крѣсто слово воспріашѣ,
 вѣдѣмъ же крѣстѣмъ, сѣдѣмъ прѣдъ и мушнѣ,
 и иннѣ, сѣдѣмъ, фѣлѣмъ мѣшнѣ.

Иже шнѣстѣмъ развѣстѣмъ илѣмъ,
 и много мѣмъ, вѣмъ знаменна,
 вѣмъ же, шнѣмъ слѣмъ бѣмъ шнѣмъ,
 вѣмъ же, мнѣмъ же, вѣмъ же, вѣмъ же,
 сѣдѣмъ бо шнѣмъ Ова и мѣмъ.

Podpisz wai sie
 nazhrom Pofli

Иже Агнѣмъ сѣмъ бѣмъ развѣстѣмъ,
 и агнѣмъ; иже илѣмъ, бѣмъ, и мѣмъ,
 шнѣмъ дѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 шнѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ же сѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ.

Sia podpisz wai nad
 derwyt sicem
 wrobasz pisa.

и іованнѣ вѣдѣмъ бѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ.

и вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ,
 вѣмъ вѣмъ вѣмъ, вѣмъ вѣмъ.

то монаху Троице-Сергиева монастыря Антонию Шешкову,⁴⁰ причем в ряде случаев это были и переписчики вирш. Московское происхождение стихотворного цикла установлено еще М. И. Соколовым по списку М.

Сопоставление рукописей, содержащих вирши Мардария Хоныкова, позволяет остановить выбор на списке М как на лучшем: он не авторский, но белой, притом достаточно авторитетный, поскольку именно в нем упоминается своего рода заказчик вирш бывший царский наставник Афанасий Иоаннович Федосиев⁴¹ и дата окончания стихотворного цикла -- 1679 г.

Ниже приводится текст по списку М, подготовленный по правилам, принятым в ТОДРЛ. Разночтения не подводятся: дошедшие списки менее полны, изменения, им присущие, чаще всего представляют порчу текста и только изредка проясняют непонятые при переписке слова в списке М. Приведенные на полях ссылки на тексты Библии (Книга Бытия, глава, стих; Книга Исход и др.) сохраняют особенности списка М (т. е. не унифицированы нами). В конце приведены три приложения, дополняющие виршевой цикл по другим спискам.

ТЕКСТ

¹ ^аСия книга Библия.^б Издана удобнейшаго ради познания^в изображенных немецкия резбы лиц, которая лица печатаны в целый лист в лето 1674 с подписью латинского языка.^г А в Москве сочинена краткими виршами.^д Имеючи в себе 1912 виршей. л. 1

А подлинно: В Ветхом Завете 951

В Новом Завете 847

Во Апокалипсисе 100^е //

к Читателю 14

Всего 1912^ж //

л. 1 об.

³ Превод Библии латинския личныя преведеныи виршами, емсющий в себе виршей 1912.^н //

л. 2

Описание на лист 1.

л. 2 об.

1. Зрелище се есть книг божественных,
ветхих и новых повестей священных.
2. Медными дсками бысть изображенно,
хитрыми зело творцы сотворенно,
Иже прежде сих времен в мире быша
и иже в сия времена пожиша
3. Преизряднии икон^к писатели
и мудрии сих весма ваатели

⁴⁰ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1886—1888 гг. С. 99—101. Список Ш.

⁴¹ О составлении стихов к Библии Пискатора Мардарием Хоныковым «по поручению царского учителя Афанасия Ивановича Федосеева» сообщалось еще И. М. Тарабриным в 1906 г. (Древности. Труды Славянской комиссии имп. МАО. М., 1907. Т. 4. С. 61). Здесь же на с. 62 находим написание фамилии Мардария через «ы» в сообщении Н. Н. Дурново. В настоящее время С. И. Николаеву удалось обнаружить вирши Мардария Хоныкова, «учителя царёва», не входившие в библейский цикл (Николаев С. И. Три фразки Яна Кохановского в переводе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 289—301).

¹, ^{а--б} Писано крупными прописными буквами. ^в На полях справа почерком писца приписано ведения. ^г Отсюда текст писан более тонким пером. ^д На полях приписано чернилами почерком XIX в. (монахом Мардарием Хоныковым). ^е В нижней части листа справа от неполных трех последних строк отписк штемпеля в рамке Библиотека / профессора / Матвея Ивановича / Соколова. ^ж Далее л. 1 об. пустой. ^{з--н} Писано крупными прописными буквами; внизу почерком XIX в. (перев. монаха Мардария Хоныкова). ^к Выделено прописными буквами.

Сия же собра с велиим тщанием
и произведе в мир с прилежанием.
4. Муж мудр Николай,^л сын Иоаннов сый,
Пискатор зовом, художество се имый.
Тысяща шестьсот семьдесят в четвертом
лете по Христе на кресте простертом. //
л. 3 Дела Божия zde изображенна,
яже в сем мире дивно сотворенна.
Зрителю честный, на сия взирая
благотвори же, Творца прославляя.

2

Да будет свет сей, Бог повелевает
и от тмы его дивно разделяет.
Свет убо день, тму же ночь нарицает
и яко премудр сый ее содевает.

Быт., глава 1,
стих 3

3

Бог словом воды многи разделяет
и твердь премудро зело устроает.
Часть убо вод сих горе возвождает,
доле же паки их совокупляет.

1.6^М

4

Воедино Бог воды собирает,
сушу же землю быти уставляет.
Собрание же вод море назася
и земный красен всяк плод показася. //

1.9

л. 3 об.

5

Светил бытием вся Бог просвещает
и красоту звезд преславно являет.
Устроая им чинно хождение,
времен же и лет во управление.

1.14

6

Земля различны скоты испушает,
море же рыбы многи порождает.
Птиц же множество парящих бывает,
яже премудрый вся Бог содевает.

1.20

7

Животна многа земля производит —
гады и всяка зверя, иже ходит.
По сих Творец Бог соблаговоляет
и человека святейша сотворяет
Прочих умнейша. И твари владыку,
ему бо быти достоин толику.
Еще же ему помощь устроает —
из ребра его жену созидает.

1.24

^л Выделено прописными буквами. ^М Здесь и далее расположение отсылок на полях непостоянно: то при начальных строках строфы, то в конце ее.

8 //

Господь в Адама вдохну дух живота,
 да божественна в нем будет красота.
 Скотов же и птиц представи пред него,
 да нарекутся имяны от него

л. 4
 Быт., глава 2
 стих 7.

9

Господь Бог, жену Адаму сотворив
 и супружество свято благословив,
 На востоце рай красен насаждает
 и в нем убо их жити устрояет.

2.21

10

Хитрейший зверей змий Еву прелщает
 и заказан плод ясти ей вдает.
 Она же плодом прекрасным прелщенна
 от лстиваго же змиа наущенна
 Вдаде Адаму, да яст той от него
 и бысть убо всем смерть вечна от сего.

Глава 3.6

11

Господь Адама таящаяся зовет
 и со гневом: Где еси ты? — вопиет.
 Он же со страхом к нему отвещает //
 и яко наг есть, о себе являет.
 Господь же казнив всех ввек проклинает,
 на них же ризы кожны на всех налагает.

Быт., 3.9

л. 4 об.

12

Агтелом Адам из рая гонится
 и окаянно zde жити строится.
 Се бо сотвори им преслушание
 и в бедно введе их пребывание.

3.24

13

В болезни Ева отроча раждает,
 Адам же беды многи обретает.
 С болезнию бо трисно труждается,
 да нужно брашны сам препитается.

4.1

14

Благи дары Бог Авеля приемлет,
 Каиновы же злы молбы не внемлет.
 Всем на брата зле Каин смущается,
 от Бога же зол сый обличается.

4.3

15

Завидев Каин брата убивает //
 и свята мужа, зол сый, погубляет.
 За сие же мзду должну принимает
 и в вечней клятве злый сей погибает.

л. 5
 Быт. 4.8

16

Горце рыдают сына убиенна
 отец и мати, зряще умерщвленна.

4.25

Богу же жертву о нем приношают
и ужасшися о сем разсуждают

17

Енох в Божии страсе прежив лета 5 22
и угодив взят бысть от сего света
Подав образ всем в вере зде живущым,
яко вземлются от зде к тамо сущым

18

Ною повеле Бог ковчег создати 6 14
и от всех родов в онь два два прияти
Да человеческ род в потоп спасется,
такоже и всяк зверь жив соблюдется

19

Вниде Ной в ковчег со всем своим домом, // 7 1
птиц же и зверей всех со всяким родом,
Яже на земли и воздухе зрятся,
да от потопа вси вкупе хранятся

20

По днех же бездны отверзошася вод 7 10
и потопиша землю и всяк жив род
Сташа же воды многи над горами,
ковчег же бяше блюдом над водами

21

Из ковчеге Ной со всеми исходит 8 15
звери же и вся яже с ним изводит
Паки на земли строя селение,
да будет от всех плод и рождение

22

Принесе Богу Ной всесожжение, 8 20
Господь же прия се приношение
Ноя и сыны в век благословляя
и завет вечный с ними поставляя
Яко не имать потоп паки быти,
знамя им мира изволи явити //

23

Ной успе вином упився обнажен, 9 20
от злаго сына Хама бысть осужден
Сим же и Афет вспяты шедше покрыша
наготу отца, а не укориша
Востав же сия вся Ной познавает,
прокляв зла сына, сих благословляет

24

Егда в языке едином люд бяше, 11 3
столп же вавилонск здати умышляше,
В земли Сенаар жити вселяется
и к делу столпа уготовляется

25

Высоко зело бысть столпа здание 11.4
и презелное людей всем тцание,
Да до небес верх его имать быти,
в нем бо желаху безбедно прежити.

26

Бог человеческ совет слаб являет, 11.7
зело же высок здан столп разоряет. //
Смесив языки сим казня злу дерзость, л 6 об
высокое бо все есть пред Ним мерзость.
Тем же друг друга гласа не познаша
и разделшися столп здати престаша.

27

Авраам в землю Ханаан приходит глава 12
с Лотом, жену же и дом весь преводит.
Оставль дом, отца и рода лишися,
веровав Богу, в чуждь край преселися.

28

Авраам вои еламски победив, 14
Лота же и люд от плена свободив,
Мелхиседек честно сретается
За победу же благословляется.

29

Авраам мужей трех странных приемлет, Быт., 18
поклонся к земли, ноги их объемлет
И пречестно их в дому учреждает.
Бог же его сый в сих благословляет.
Сарре сказуя сына породити //
смеявшейся же, рече: Сему быти. л 7

30

Авраам Агарь с сыном отпускает, 21.14
сиде бо ему Бог повелевает.
Исаак убо рек: Наследит твоя,
о сем же воля сицева есть моя.
Идущи же в путь, Агарь заблудися
и в жажди верчги сына прослезися.
Юже скорбящу агтел утешает
и сына, воду подав, напаяет.

31

Авраам сына пожрети хотяше, 22
искушаем бо Богом се творяше.
Но агтел сие ему возбраняет
паче бо жертвы веры Бог желает.

32

Раб Авраамов ищущий супруги 24
Исааку, сей прииде со други
В междоречие госпожу прияти,
от сего же ю умыслил познати, //
Аще коею с скоты напоится, л 7 об
Сия мне, рече, госпожа явится.

33

Аггелы странны Лот честно сретает
и витати я к себе призывает.
Любезно же их вшедших учреждает
и вечерю им добру устрояет. Быт. 19

34

Содомляне дом Лота обтекоша,
странных просяще гласы вознесоша. 19
Презол грех с ними хотяще творити.
Лот же изшед к ним хотяй возбранити.
Они же много его укоряху
и насилие вси ему творяху.
Тем же аггелы в дом Лота ввождают,
всескверных же сих граждан ослепляют.

35

Всесквернен огнем град поपालается. 19
Лот же и весь дом вон извождается.
Запрещается же и вспячь взирати, //
ниже в пределах оных постояти.
Жена же его в столп слан претворися,
слову бо Бога та не покорися.

л. 8

36

Лот и с ним дщери в горé обитают, 19
от них же хитре упоен бывает.
Дщери же плотски с ним бывша зачаша,
семя бо отца лукавно прияша.

37

Исав от лова утруждася прииде 25
к ядушу брату, алчен съй привниде.
Первенство ему за ядь отдавает
и клятсся. Сие в ничто же вменяет.

38

Иаков отцем не познавается 27
материю бо всем подучается.
Да яко Исав снедь отцу предложит
незрящу, он же его благословит
Власяницами хитро обложенона,
Исава быти мняй перворожденна. //

л. 8 об.

39

Иаков чрез сон лествицу смотряше, 28
яже до небес концем досязаше.
Восходящии же аггелы бяху,
тии же паки ею нисхождаху.
Горé же ея Господь являшешя,
Им же вовеки благословляшешя.

40

Иаков Рахиль грядущу сретает 29
с овцами отца, юже и лобзает.

Тщится же камень скоро отвалити
и овец стрья дочере напоити.

41

Предтече брату Иаков идушу, Быт., 33
много же мужы оружны имушу.
Поклоншесе же друг друга объемлет,
Исав же почтен быв дары приемлет.

42

Иаковля дочь прекрасная Дина 34.1
сия зрети дев изыде едина. //
Юже возлюбив Сихем обручаше, л. 9
красотою бо ея язвлен бяше.

43

Сихемов отец Еммор прихождает 34.6
ко Иакову и мира желает.
Да Дина, его дочь, в жену вручится
Сихему, он же в земли их вселится.
Сим бо хочет гнев его утолити,
такожде Дины срамоту покрыти.

44

Обрезатися всех Еммор увеща, 34.24
Иакову бо сей сице обеща,
Да с сыны и с ним вечно примирится,
Сихему же дочь его обручится.

45

Егда же убо три дни преидоша, 34.25
обрезаннии же изнемогоша,
Тогда Симеон с братом мечи взяша
и вшедше в град мног люд смерти предаша,
Осквернение сестры Дины мстяще,
побиша всех ту^н сущих не щадяще.

46

Иуда идяй Фамарь усмотряет // Быт., 38.15
украшенну же ю не познавает. л. 9 об.
Мнит бо, яко есть от блудниц едина,
но сия бяше жена его сына.
Юже да будет с ним, увещаваает.
Перстень же отдав ей и жезл вручает.
Обеща же ей и козлища дати,
Она же прия от него зачати.

47

Иуда козла вскоре отсылает 38.20
храня бо обет не укосневает.
Но Фамарь тамо не обретается,
бывши бо с ним в свой дом возвращается.
Хранящи залог от него врученный,
козлищ же он бысть к нему возвращенный.

^н На полях справа при.

48

Яко непрадна Фамарь обличися,
 тем же да идет во огонь осудися
 Она же с нею бывшего являет
 Залог явивши, огня избывает,
 Иуде бо жезл с перстнем предлагает,
 Он же ю, познав свой грех, освобождает.

38 24

49

По сем близнецы Фамара раждает //
 сыны: Фареса и Зару являет.
 Из них же един руку яви прежде,
 знаменан же быв родися послежде

38 27

л 10

50

Иосиф, иже отцем любяшеся
 паче всех братии, сему се сняшеся
 Якобы в поли с братиею жняше
 и вкупе с ними во свой сноп вязаше.
 Но его сноп став прямо утвердися,
 оных же книждо сему поклонися,
 Паки же солнце зряше со звездами
 поклоншыся пред его ногами
 Сия сония ему честь являху,
 но во братии злу зависть раждаху.

37

51

Иосиф отцем к братии послася,
 но ими яко злодей сей прияся
 Той ношаше им благословение,
 они же тщатся на убиение
 Емше бо его, в ров глубок ввергают,
 по сем извлекше купцем продавают.

37

52

Иосиф в Египт купцами отведен, //
 в нем же велможе честну бяше вручен
 Сей над всем домом его поставляет
 и да владеет во всех, власть вручает
 Сего зла жена Иосифа нудит
 похитивши и нагло, да соблудит
 Он же оставив ризу вон бежаше,
 творити бо зла сего не хотяше.

Быт., 39 12

л 10 об

53

Седяй в темнице Иосиф толкует
 сны соседящих с ним и повествует,
 Яко честь паки винарю вратится,
 житарь же по днех царем умертвится.

40

54

Сония царю фараону зрятся:
 тучная седьм крав худыми требяся.
 Такжеже класы седьм пресовершенны,
 яже от седми тощих зрит сненны.
 Сия Иосиф ему излагает:
 седьм крав и класы — седьм лет предъявляет

41

В них же обилство плодов всяких будет,
по сих семь же лет глад велий пребудет.

55

Братии жита Иосиф продает, //
устрашая же их злодеими зовет.
О отце бо их хошет вопросити,
себе же от них мыслит утаити.
Тии же пред ним от страха падоша
и яко вси суть братия рекоша.
Сказавше еще юна брата в дому,
он же повеле приити и тому.

Быт., 42
л. 11

56

Паки братия в Египт приидоша,
Иосифу же брата приведоша
Вениамина, яко заповеда
и быша царска общницы обеда.
Иосиф же зря брата умилися
таяся же их; отшед прослезися,
Та же повеле жыта наложити
во вретича их и чашу вложити
В юнаго брата мех, да их удержит
и, яко брат их есть, о себе явит.
По сем даровав честно возвращает
к отцу, его же узрити желает.

43

57

РУВИМ

Рувим Иаковль первородный есть сын,
сей предпочтен бе во братии един //
Иже над всеми вящшии уготовлен
бысть, пролиянней воде уподоблен.
Понеже блудник бе на отчи ложи,
тем же его род Бог и не умножи.

49

л. 11 об.

СИМЕОН^о

Симеон мечем многи поразивый
и велик сестры Дины стыд отмстивый.
Но зане отца всем зело раздражи
тем же, его он прокляв уничижи.

58

ЛЕВИЙ

Царя сихемска Левий поразивый
и стены града с братом разоривый.
За се свойственна града отщетися
и разсеян быв по чуждим вселися.

ИУДА

Иуда царства честию почтенный
и паче братии есть благословенный.

^о Отсюда на полях почерком XIX в. проставлены арабскими цифрами ошибочные номера единичных фигур 50—60 к строфам 57—62; далее пронумерованы и сюжетные изображения от строфы 63.

В мужестве сей лву уподобляется,
 иже никим же спящу возбуждается.
 Сице Иуда враги устрашает
 и никогда же царствуя престаёт.
 Произыде бо Христос из чресл его,
 иже пречечный есть царь мира всего. //

59

ЗАВУЛОН

Завулон убо при мори вселися
 и до Сидона сей распространися.
 Бяше же присно кораблестроитель,
 такожде и рыб морских преловитель.

ИСАХАР

Исахар присно сый обремененный
 делаяй землю бяше утружденный.
 Осла имяше, сей иго носити
 егда хотяше сам мало почити.

60

ДАН

Дан предуставлен есть люд разсуждати
 и весь Израиль от враг защищати.
 Змий же при пути коня угрызающ
 сей есть; ездца же вспясть опровергающь.
 Прародитель бо сей Сампсонов бяше,
 иже судия быв и врагом мстяше.

ГАД

Гад побеждаем бысть и побеждай
 крепкодушен же во брани бывай.
 Пророка убо роди сей ревнива,
 его же взя Бог в колеснице жива.

61

АСИР //

Асир стяжавый землю благоплодну
 и предлагаше всяку благородну.
 Хлеб же и вино дая обилно всем
 и царие бо утешахуся тем.

НЕФФАЛИМ

Неффалим от бед многих бе сохранен
 и яко елень бежай псов неврежден.
 В словесех бо род его премудр бяше
 и сими паче меча побеждаше.

62

ИОСИФ

Красновозрастен Иосиф муж бяше,
 многу же на ся зависть убиваше.
 Крепок убо лук чистоту сей стяжа
 и благословен быв от злых убежа.

ВЕНИАМИН

Вениамин, сын Иаковль юнейший.
его же бяше род всех братии злейший.
Яко волк присно агнцы похищай,
насилствовалаше люди умерщвляяй.

63

Моисею Бог в купине явися,
юже горящу, он зря удивися.
Приступити же хотяй бысть возбранен. //
Приблизися zde, рече, необувен.
Он же изувся со страхом приступи,
в купине же зримь Сый, к нему возопи,
Да идет в Египт люди свободити,
даде же и власть чудеса творити.

Ехodus Исход,
глава 3, стих 2

л. 13

64

Моисей со всем домом в Египт грядет,
скорбный подъемля путь, вся тамо ведет.
Его же честно Аарон сретае
и объемь его радостно лобзает.
Ему же совет благ Моисей сказа
и яже творит Бог чуда показа.

4.18

65

Фараон люди паче озлобляет
и плев даяти оным запрещает.
Да сами к плинфом плены собирают
и тоежде в день число поставляют.
Яже Моисей рече презирая,
работати же вящши понуждая.

Исход, 5.6

66

Царю Аарон предста и Моисей,
повергоша же жезл и бысть в змия сей.
Се же и царсти волсви сотвориша, //
когождо бо их жезлы в змия быша.
Но Моисеов жезл вся пожираше,
по сем же всюду и вода в кровь бяше.
Бог бо чудеса сия сотворяше,
да свободит люд царя устрашаше.

7.10

л. 13 об.

67

На фараона казни Бог наведе,
земля бо жабы и скнипы издаде.
И песиих мух премножество всюду,
от них же бяше зол вред всему люду.
Жабы же брашна их вся оскверниша
и во царских бо снадех тья быша.

8.1

68

Господь на Египт зелный град низведе
скот же и многии люд смерти предаде.
По сем же пружи землю покрывают
и всяк ея плод весма растлевают.
Но фараон злый вся пренебрегает
и сия казни в ничто же вменяет.

Исход, 9 и 10,
стих 23 и 13

69

Моисей пасху с народом снедает, 12.21
 сице бо ему Бог повелевает.
 Всецела агнца испечена огнем //
 с костми же вкупе и со всем яже в нем.
 Кровию его праги покропляя,
 агтелу же вход в дома възбраняя,
 Иже первенцы египтян бияше,
 в дома же оных зря кровь не вхождаше.

л. 14

70

Первородных смерть царя устрашает, 12.33
 тем же вся люди вскоре освобождает.
 Египтяне же паче понуждают
 и многи златы вещи им вдавают
 Да немедленно отидут моляще,
 вручаху им вся нимало щадяще.
 Израиль же взем елико можаше
 и из Египта со всем исхождаше.

71

Вслед Израиля фараон гонящий, Исход, 14.23
 в колеснице сый прегордо седящий.
 Тростаты имущь зело оруженны
 и многи вои бяше окруженны.
 Со всеми сими в мори утопает,
 Израилю же мокр путь сух бывает.

72

Израиля Бог манною питает, // 16.4
 юже яко снег мног низпосылает.
 Люд же узрев ю, что се вопрошаше,
 бела бо она и округла бяше.
 На кииждо же день купно собираше
 и вместо брашен различных снedaше.
 Уготовляяй токмо на субботу,
 не исхождаше бо в ню на работу.

л. 14 об.

73

Моисей в камень жезлом ударяет 17.6
 егда Бога люд ропшущ искушает.
 Из сего вода многа истекает,
 он же ю воду свара нарицает.

74

Моисей горé руже воздвизает 17.8
 егда Иисус брався побеждает
 Со всеоинством горда Амалика,
 вождь сый избранна израильска лика.

75

В скрижалех закон приемый Моисей, Исход, 24.12
 предлагает всем людем, да хранят сей,
 Богописанны заповеди имущь,
 на горе святей данный священный сущь.

76 //

Егда Моисей на горе косняше,
 тогда люд телца слив за бога чтяше.
 И седе богат сый, ясти и пити
 востав же нача злы игры творити.
 Сие Моисей зря скрижали разби
 поклоншися же телцу люд погуби.

л. 15
 32.1

77

Моисей посла землю соглядати,
 в ней же завеща им Бог пребывати.
 От Израиля мужы все избранны,
 да узрят места земли обещанны.
 Иже пришедше о всем возвещают
 и плод оныя земли предлагают.

Числ., глава 13,
 стих 2

78

Люд роптанием Бога прогневляюшь
 казнит змий злый род смертно уязвляюшь.
 Тем же Моисей змия сотворяет
 медна и сим их яда исцеляет.
 Вознес на древо, да вси нань взирают,
 еликих смертно змий уязвляет.

21.6

79

Валаам грядет Израиля кляти
 но загряздает путь аггел осляти. //
 Его же оный зле яряся биег,
 осел же яко человек вопиет:
 Почто мя, старче, биеша невинна
 или не зриши ты аггела дивна?
 Иже представ мне ити возбраняет,
 убити же тя мечь уготовляет.

Числ. 22.21

л. 15 об.

80

Валаама царь моавск призывает,
 да Израиля кленет, понуждает.
 Но в клятвы место сей благословляет
 не от себе же сие сотворяет.
 Сила бо найде нань Духа Святаго,
 яже не даде рещи слова злаго.

глава 23 и 24

81

Израиль с дщерми моавлян смесися
 и кумиру их скверну поклонися
 Веельфегору, жертвы приношая
 и вкупе с ними оныя снедая.
 Тем же гнев Божий нань воспалается
 и смертоносен мечь посылается.
 Но Финеес гнев его уголяет,
 блудящих бо сей мечем прободает.

25.3

82 //

Посла Иисус во град соглядати
 Иерихон два мужы, сих прияти
 Раав держает верно их сокрывши,
 да спасетса дом ея помоливши.

л. 16
 Иисус, глава 2,
 стих 1

Свесивши же их чрез стену отпусти,
 тем же Иисус повеле ю спасти.
 Багряно уже в дому знак имущу
 с сродники всеми яко верну сущу.

83

Израиль реку Иордан переходит 3.1
 и кивот Божий священный преносит.
 Священницы той предварше ношаху
 и вси людие по нему идяху.
 Вода бо бяше им сюду и сюду
 и устроися сух путь всему люду.

84

Обрезати люд Бог повелевает 5.2
 еже Иисус вскоре сотворяет.
 Да от скверных сей язык разделится
 и зело в земли их распространится.

85

Израиль пасху в Галгалех снедает, 5.10
 и от жит земли оныя вкушает. //
 Тогда и манна с небесе престает,
 Люд же от земных плод ядь сотворяет.
 По сем же аггел Иисусу зрится,
 он же мня его противна страшится.
 Но сей началник небесных вои бяше;
 его же паде ниц Иисус чтяше.

л. 16 об.

86

Израиль кивот носяй обхождаше 6.15
 Иерихон, се же седьм дний творяше
 Священником, в седьм труб пред ним трубящым,
 седмижды же в день седмый обходящым.
 Господь вся стены града разрушает,
 Иисус же в онь со всеми входит.
 Живущыя вся мечем закалая.
 И ничто же в нем взяти завещая.

87

Ахар заповедь презрев украдает 7.1
 от градских вещей и в кущи скрывает.
 Сего ради Бог люди оставляет
 и шедших взяти Гай не защищает.
 Гоняше об их врази убивают
 и мали от них здрави утекают.

88 //

Преступник Ахар обличен бывает 7.19
 и яже сокры вещи объявляет
 Сего. И весь дом Израиль взимает
 и камением извед побивает.
 Иисусу бо повелевшу сице,
 да не будет весь люд в гресе толице.

л. 17

89

Иисус враги брався поражает 10, глава 10,
 и славну зело победу являет стих 9

Помолися же, да солнце не течет,
 дондеже полки противных иссечет.
 Господь же его молитву внушает,
 солнца и луны бег^п удерживает.
 Сопостаты вся весма сокрушая
 и камением свыше побивая.

90

Из пещеры пять царей извлекает 10.22
 Иисус, яже ему Бог вручает
 Перваго царя Иеросолима.
 Адонивезек, сего баше имя.
 И прочих прежде в брани побежденных:
 Охам, Афия и Фарам реченных,
 Их же зря суца злы и нечестивы // л. 17 об.
 не оставляет же сих быти живы.
 Коегождо их сице умершвляет,
 возвед на древо ужем удавляет.

91

От Иисуса цари исчисленни, 12.1
 иже от него быша пораженни.
 Их же тридесять обрете с единым
 преданных судом вышняго предивным.

92

ГОФОНИИЛ

Гофониил люд пленен свободивый Суд., 3, стих 9
 и многи храбры враги поразивый.
 Четырдесят лет судия баше
 и весь Израиль в мире сохраняше.

АОД

Аод многия дары предлагаяй 3.15
 царю Моавску и лестно вещаяй
 С ним же в палате един царь остане,
 Аод же его ножом закаляет.

93

САМЕГАР

Самегар шестьсот ралом поразивый 3.31
 противных. И весь люд свой свободивый
 От чужда ига его защищая
 и от многих бед мужески спасая. //

ВАРАК

Варак Сисару с вои победивый, л. 18
4.6
 силна же его суца сокрушивый.
 Вослед же его бежаша течаше,
 но той от жены убиен лежаше.

94

ГЕДЕОН

Да снидет роса, — Гедеон моляше — 8
 на руно овче, еже Бог творяше

^пНа полях справа путь.

Землю повсюду суху устроая,
токмо рососою руно окропляя.
Являя яко мадиамы пленит
и брався с ними весма их поразит.

ИАИР

Тридесять сынов Иаир родивый, 10.3
двадесять же три лета люд судивый.
Но присно в злая Израиль течаше
и паки по нем правду разтлеваше.

95

АВЗАН

Есевон честно в мире сем поживый, 12.8
во Израили же истинно судивый.
Многи сыны же и дщери породы
и коегождо их добре учреди.

ИЕФФАЙ //

л. 18 об.

Иеффай врагов крепкий победитель, 11.1
аммонитов же мужествен боритель.
На Бога бо сей зело уповая,
сожже свою дщерь обет сохраняя.

96

ЕЛЛОН

Еллон богато царство управляяй, 12.11
се же советом многим содеваяй.
Судя же правду зело сохраняше
и люд закону присно поучаше.

АВДОН

Авдон судия израилск блаженный, 12.13
сего род бяше зело умноженный,
Сыны и внуцы его мнози бяху
и честни суще, на ослах ездяху.

97

САМПСОН

Сампсон, лва яко агнца растерзавый Суд., 14.1
и от челюстей его мед изявый.
Осло же челюсть яко меч взимаяй
сей; и тысящу мужей умерщвляяй.
Филистинов быв крепок победитель,
Израиля же от злых свободитель.

САМУИЛ

л. 19

Самуил Духом Святым прорицайй // 1 Царст., 3.19
и благочестно люди управляяй
Во всех словесех верен сей познася
и в первых пророк свят именовася.
Над Израилем царя поставляет,
святопомазав же благословляет.

98

Геден жертву Богу приношает,
 агтел же концем жезла возжигает.
 Знамением сим его уверяя
 и крепка на брань вожда устрояя. Суд., глава 6.12

99

Суха повсюду вся земля бывает,
 роса же токмо руно омочает.
 Паки на всю землю низпослалася
 роса; руно же все сухо остана.
 Сим Гедена Господь утверждаше
 и Свою помощь на враги являше. 6.36

100

Геден к реце полк людей приведе
 и да пикот вси заповедь им даде.
 В них же едини припадше пияху,
 ини же воду руками черпаху.
 Он же черплющих воду исчисляет //
 и токмо триста оных обретае.
 Сих же поемлет со враги братися,
 прочым повелев в домех остатися. Суд., 6.6
 л. 19 об.

101

Геден на полк мадиамск прииде
 устроив полки три окрест обыде.
 Повелев вкупе всем в трубы трубити
 и со свещами сосуды разбити.
 Звук же труб и вопль людск зелный бывает,
 мадиамы же страх велий смущает.
 Ужасшеся бо с воплем утекаху
 и мечи кииждо друг друга ссещаху. 7.19

102

Согрешихом, — люд израилск взывает
 к Богу; чужди же боги сокрушает.
 Капица скверных всюду разоряя,
 сим милостива Бога сотворяя.
 И от всех своих зол отвращается,
 еже пред Богом благо является. 10.15

103

Иеффай изгнан быв призывается,
 израилский вождь поставляется,
 Да аммониты враги побеждает //
 и крепки рати на ня устрояет.
 Он же началство взем люд управляет,
 Израиля падша возставляет. Суд., 11.1
 л. 20

104

Иеффай послы к царю посылает
 аммонску; вину брани вопрошает.
 Царь же о земли слово сотворяет,
 в ней же израилск народ^Р обитае,
 Глаголя свое быти стяжание
 и творити всем хочет изгнание. 11.12

^РНа полях слева язык.

Иеффаю же се послы сказуют
и послан границ образ^с показывают.

105

Иеффай полки врагов побеждает
и даже до их предел прогоняет. 11.32
Крепки же грады их прием пленяет
и жилища вся весма разоряет.

106

По победе в дом свой возвратися 11.34
Иеффай; крепок бо в брани явися.
Тем же идяше весело ликуя,
с похвалою же храбрость показуя.
Сего дщерь с лики дев предусретае, //
кимвал имущи радостно играет.
Он же узрев ю прискорбен бывает
и с плачем ризы своя раздирает.
Обещася бо в жертву возложить,
еже из дому имать предизыти.

л. 20 об.

107

Ко отцу умильно дева припадает,
да шедши плачет девства, умоляет
Со другинями горы преходити
и малу себе отраду творити.
Тамо же токмо два месяца быти.
Иеффай же ей повеле изыти.

108

Иеффай обет Богу исполняет, 11.39
отроковицу дщерь сей закаляет.
За победу дар Ему воздавая,
деву чистую в жертву предлагая.

109

Господу Маной жертву приношает, 13.19
агел же горé с огнем восхождает,
Иже от Бога к нему послан баше
и яко зачнет сына возвещаше
Сампсона, славна врагов борителя, //
Израиля же крепка хранителя.

л. 21

110

Идущаго лев Сампсона сретае, 14.5
он же его взем уста раздирает,
Преславну борбу крепце сотворяя
и яко ягнца сего сокрушая.

111

Сампсон разгневан, лисиц уловляет 5.4
и две две связав особь отпускает
Свещи возженны с ошибми сплетая
и филистимски нивы поपालая.

^сНа полях слева чертежь.

Отпущены бо разно побегоша
и свещами вся жита их возжгоша.

112

Сампсон пленицы крепкия растерзав, 15.5
ослю же челюсть рукою восприяв,
Тысячу мужей сею убивает,
окруженных же зело умерщяляет.

113

В Газе Сампсона филистими стрегут 16.3
уготовльшеса, да его убивют.
Он же градския врата восхищает
и на плещы их возложь утекает. //

114

Сампсона злая Далида прелщает, л. 21 об.
он же ей тайну сию открывает, Суд., 16.19
Яко во власех есть вся крепость его;
она же спяща остризаает всего.
Тогда врази нань злии нападоша
и ослепивше во плен отведоша.

115

Во плене Сампсон князем предстояше 16.25
и воздати им за зло умышляше.
Объем же столпы, палату разруши
и вся сущыя в ней люди сокруши.
Вкупе же и сам с ними умирает
и тако врагом злым месть воздавает.

116

Руфь иноверна люд свой оставляет 16.14
и при свекрови в дому обитает.
Орфа бо в свою страну отхождает,
она же паче свекровь возлюбляет.

117

На нивах класы Руфа собирает, 2.5
Вооз же ону к себе присвоает
Повелев рабом ю не отгоняти //
да от его жит имать ся питати. л. 22

118

Свекрове совет Руфа исполняет — 3.6
к спящу Воозу у ног возлегает.
Ощутився же он ю познавает
и в мужа быти ей обещаает.

119

Близиии южика сапог изувает 16.14
во свидетелство, яко не желает
В жену сродную Руфу восприяти,
да Воозов брак может состояти.

120

Давид еще юн сый овцы стрежаше
и челюсть зверя люта сокрушаше. 1 Царст., 17.34
Медведя и льва крепце преборая
и от зубов их агнцы изхищая.
Сиче и Христос о нас поборае,
жало смерти же и ада стирает.
От зубов злаго верных сохраняя
и в горню пажить присно возвожда.

121

л. 22 об.

Голиада зла Давид побеждает; 17
велика зело мал сый умерщвляет. //
Исторгнув же мечь, главу отсекает
и противных полк в бегство обращает.

122

Злохитрый Саул Давиду злотворит 19
поучаяся, да его погубит
Егда же злый дух Саула томяше,
Давид играя в гусли отгоняше.
Нань же копие Саул устремляет,
Но Давида Бог дивно сохраняет.

123

В пустыню Давид зелну отхождает, 1 Царст., 25
пищи же ради рабов посылает
К Навалу, овцы своя пасущему
и стяжания многа имущему.
Он же злонаравен сый их презирает
и Давида але хулив укоряет.

124

Авигеа зло еже бысть познавши, 1 Царст., 25
хлебы же многи и вино приявши
Грядет, Давиду сия предложити,
да возможен гнев его утолити.

125

л. 23

Грядуща с брашны Давида сретает // 1 Царств., 25
Авигеа, сим его примиряет.
К ногам же падши прощения просит
своему мужу и дары приносит.
Он же мудру ю жену нарицает
и, оставив гнев свой, благословляет.

126

Наван пирствуяй вскоре умирает, 25
внезапу бо смерть его похищает.
Богу творящу за грех отмщение,
яко рек царю зло поношение.

127

В нощи ко шатром царским прихождает 1 Царст., 26
Давид, Саулу спящу се бывае.
Давид же зане благ сый, не дерзает
его убити; зла не воздае.

Токмо копие и сосуд взимаєт
и укорив вся стражы, отхождаєт.

128

Саул царь с вои поражен бивает
еже зря сам ся мечем прободает.
Такожде и раб его сотворяєт
и в смерти царя сей не оставяєт.

31

129 //

Вестник к Давиду скорбящ притекает
и смерть Саула ему возвещает.
С главою же злат венец предлагает,
но Давид его смерти предавает.
Желающа мзду от него пряти
повелев главу за сие отяяти.
О Сауле же сам горце рыдает
и раздрав ризы убийц проклиняет.

л. 23 об.
2 Царств, глава
1, стих 2

130

Зрит мьющуся Давид Вирсавию
и разжегся зле зело возлюбю ю.
Послав же к себе ону призывает
и зол блуд с нею скверно сотворяєт.

2 Царств, 11.4

131

Давид Урию к себе призывает
и о здравии воев вопрошает.
Брашны же его царскими питает
и да идет в дом свой, повелевает,
Прелюбодейства грех хотя покрыти
и Вирсавию в сем обезвинити,
Яко от мужа заченши своего,
яже зачала уже плод от него.

2 Царств, 11.7

132 //

Не воскоте в дом свой Уриа внити,
но в царских с рабы возляже почити.
Царь же паки в полк его отпускаєт,
зане по воли его не бываєт.
Тамо повелев на брань предпослати
Урию; да мысль злу может скончати.
И сице воля его совершися:
предсразився бо Урии умертвися.

л. 24
2 Царств, 11.14

133

Давида Нафан пророк обличает
и грехи его притчею являєт.
Блуд и убийство, яже он, соверши,
Давид же позна яко в сих согреша.
Пад же на землю просит прощения,
яко достоин за грехи мщения.
Покаяние к Богу приношая
и «Помилуй мя, падшаго» вzywая.

2 Царств, 12.2

134

За грех Божию казнь пророк являет
 Давиду; и смерть сына прорицает. 2 Царств, 12.14
 Давид же слышав ризы растерзает
 и скорбна сына жалостно рыдает
 Пред Бога грехи своя предлагает //
 и да живет сын его умоляя.

л 24 об.

135

Авесалом люд с лестию лобзает 15.2
 и всех лукавно к себе примиряет.
 Хотяй отчее царство восхитити
 и ругателно его изгонити.

136

Давид от злаго сына убегает, 16.5
 Семий же скверный его поношает
 И камень нань злый он вергает.
 Давид же кротце вся претерпевает
 Хотящим ему мстити возбраняя
 И злым; достойна себе нарицая

137

Ахитофел злый злых совокупляет 17.1
 и погубити царя умышляет.
 Бог же совет их вскоре разоряет
 и от всех лютых Давида спасает.

138

Авесалома зла зло постигает, 2 Царств, 18.14
 своими бо сей власы увязает.
 На древе повис яко злых творитель,
 отца же царя лютый досадитель. //
 Вои же его мечи прободают
 и яко врага царска умерщвляют.

л 25

139

Числив Давид люд Бога прогневляет, 24.12
 его же пророк предств обличает.
 Три же казни: глад, мор и меч являет,
 да юже из них хочет избирает.
 Давид же в руце Бога предается,
 да от противных меча люд спасется.

140

Внегда Давиду уже престаревшу 1 Regum.
 и всех противных в Бозе одолевшу, 3 Царств, 2.1
 Соломон отца наследник бывает
 и на царск высок престол восхождает.
 Его же отец зря царя сядяща
 восхвали Бога сице се творяща.
 Радостно зело возблагодаря,
 Соломона же в благих укрепляя.

141

Царица к сыну Соломону вниде, 1 Reg. 1 Царств.,
 он же срести ю тщателно изыде 2.19
 В десных же себе матерь посаждает
 и словес ея прилежно внимает. //

Она же ему молбу предлагает л. 25 об.
 братню, яко он Авесы желяет.
 В сем Адонии лєсть царь познавает
 и смерти его вскоре предавает.

142

Царь премудро приу дву жен разсуждает, 3.16
 единыя же злобу познавает,
 Яко не мати та младенцу бяше,
 яже на полы разсеци желаше.
 Повеле же сей младенца прияти,
 яже моляше жива ѝ отдати.

143

Царь Соломон храм Божий созидает 6.1
 и вся премудре на се устроает
 Да зело славен Богу дом создастся
 и за всех Ему жертва в нем воздастся.

144

Царица Савска дары предлагает 10.7
 и величество царя искушает
 Такожде мудрость и вся присущая
 яко велик ум сама имущая.
 Но Соломония мудрость ѝ ужаси,
 зело бо его хвалящи возгласи: //
 Блажен ты, царю, и иже при тебе л. 26
 да будет слава вовеки о тебе.

145

Соломон царь сый зело богатейший, Cantica, ca. 1.
 никто же бо ин его бысть краснейший Ver. 1
 Мудростию же и многим державством
 и велик всяким бе благоприятством.
 От Бога честным даром препочтенный
 имеяй престол злат преукишренный,
 Многи в доволстве имущ человеки,
 не будет же ин сицев и вовеки.
 Сей Песни Песней сладце воспеваает,
 таинственны же зело составляет
 Христа жениха церкви описуя,
 и к друг другу их любовь показуя.

146

Аз есмь цвет полный, — жених возглашает, Cantica, 2.1
 невесту же крин чистейший взывает Песн. Песн. 1.1
 Его же яблонь в древах нарицает,
 под его же сень витати желяет.
 Невеста плодом его сладящися
 и вином любви зде веселящися.

147 //

На ложи моем исках тя любезне, л. 26 об.
 невеста зовет жениха усердне. Cantica, 3.1
 Не обретши же всюду претекаю,
 тя, любимиче, обрести желяю.
 По улицам же и по стогнам града
 да души моей явится отрада.

Се одр Соломонь зело украшенный,
избранных вои лики окруженный.
Столпы имей от злата чистейша,
почи бо на нем, мудрость всечестнейша —
Правда, мужество и разсуждение,
одра же сего есть украшение.

148

Се краснейшая моя, — нарицает
невесту жених, юже убожает
Чудне и ея красоте дивится,
да к любви его тая восперится.
От Ливана ю по себе взывает
и зело теплу любовь к ней являет.
От гор Ермона и Лам глашает
и благовонен сад ю нарицает
Смирны, аллоа и кассии полный,
и в нем же есть всяк различен цвет полный. //
Она же духа любви на ся просит
и ему плоды своя вся приносит.

л. 27

Cantica 4.1

149

Невесту жених к обществу взывает
и в виноград ю свой внити глашает.
Вкупе благих всех с ним наслаждатися
и в свете его присно вселятися.
Она же зело сном бе преклоненна,
сердцем слышащи, бысть же возбужденна.
Жених бо простре к ней руку в оконце
и осия ю светом яко солнце.
Внутрь сердце ея к себе распаяя,
да долняя в прах вменить ю пленяя.

Cantica 5.1

150

Любезный мой мне, — невеста глашает
и ся самую ему поручает.
Он же слово ей жизни подает
и велию в ню благодать вливает.
Зело к ней любовь велику являя
и паче многих девиц украшая.
Едину же ю чисту нарицает
и светлу яко солнце объявляет.

Cantica 6.1

151 //

Иероваоам пророка сретает
Ахию, иже ризу раздирает
На части; десять их ему вручая,
яко в толиких царь будет являя.
Особно же две части оставляет,
сими колена два прознаменает
Та бо [рече] сын Соломонь примет,
десять же за грех отца Бог отимет.

л. 27 об.

Reg., 11.29

3 Царств, 11.29

152

Соломонь сын царь Роваоам бывает
иже старцев благ совет отрывает

3 Царств, 12.6^T

^TВыше на полях 12.6 арабскими цифрами.

Юных советы паче похваляя
и зол их разум зле предпочитая.

153

По совету царь юных сотворяет
Ровоам и люд преотягощает. Reg., 12.12
3 Царств., 12.12
Отец [рече] мой бияше вы бичем,
аз же лобию жезлом сим и мечем.
Тем же от него люд мног отступает
и особь себе царя поставляет.

154

Посланный царем дани собирати
и без милости весь люд оскорбляти. // 12.18^Ф
На него же вси яро нападают
и камением емше убивают. л. 28

155

Иеровоам презлый царь бывает,
сей телцы златы идолы сливает,
Покланятися им люд научая,
от небесна же Бога отвращая.
Во Израили вознес их постави
и скверныя им праздники устави. C. V. 12.28^х

156

Иеровоам кумиром предстоит
прием фимиам, да оны покадит. 13.1^Ц
Некий же пророк Божий возглашает
и нечестие его обличает.
Царь же, да его имут, простирает
руку, но тая вскоре усыхает.

157

Всяк человек зря сие научися
и закон Божий крепче блюсти тщися 1 Reg. 13.24
Коль убо сего зло преступление, 3 Царств., 13.24
зде ясное есть изображение.
Се бо пророка Божия лев снеде,
понеже слово его не соблюде. //
В дом бо пророка лжива уклонися,
прелщен быв брашен его насытися. л. 28 об.

158

Илиа пророк царя обличает 17.1
Ахава и глад зол провещавает.
Дождь, рече, лета три не имать быти,
да престанеши идолом служити.
Зане Ваалу насадил еси сад,
Тем же повсюду будет великий глад.

159

К вдовице пророк в дом посылается 17.9^Ц
да ею в zelный град препитается.

^уНа полях слева ина. ^ФПосле арабских те же цифры по-славянски. ^хАрабские цифры повторены дважды. ^ЦПосле арабских цифр — по-славянски. ^ЦПосле арабских цифр — славянские.

Он же пришед ю скудну обретае
и малу мукѣ горсть той умножает.
Яже хотяше чада напитати
и снѣдши с ними смерти ожидати.

160

Во глад Илиа възскан к царю грядет,
да помолвися Богу дождь низведет.
Но Авдий сего грядуща срѣтае
и да не идет к царю, возвращает
Хотящу его зле смерти предати;
посла бо рече тя всюду искати. //

1 Reg. 18.1
3 Царств, 18.1

л 29

161

Скверну Ваалу жертву приношают
лживи,^ш пророцы ѣ крепце зывають.
Да послушав их огонь на ню низведет;
телца же и вся дрова вкупе пожжет.
Но Илиа им пророк ругается,
зане всуе глас их възвышается.
Отгнав же Богу жертву приношае
и водою той олтарь окружает.
Бог же низпослав огонь вся поपालет,
Тогда Илиа лживых^б умерщвляет.

18.22^ш

162

Ахав виноград отгяти восхотев,
от ярости же сей зело разслабев.
Женою учим на сие бывает
да Науфеа лестно умерщвляет.
Заповедь рече: даждь да люд постится
и сший нань лжи сеть, да в ню ловится.

21.4

163

Езавель всюду пишет послания,
да будет пост всем без пререкания.
Науфеа бо мыслит оболгати
да может его виноград прияти. //

1 Reg. 21.8
3 Царств, 21.8

л 29 об

164

Лжесвидетели два пред царя сташа
и Науфеа сице оболгаша,
Яко завещан царск пост не постися,
тем же за сие зле сей осудися.

21.11

165

Скверна zde поста конец ясно зрится;
зря же се верный всяк да устрашится.
Науфей бо сей зле каменовася;
пост же да умрет той назнаменася.
Тем же всяк сего блюстися да тщится
да кождо пост в сицев не вменится.

21.13

^ш После арабских цифр те же славянские. ^ш На полях справа мерзцы. ^б На полях справа мерзских.

166

Иліа царя грехи обличает 21.29
 Ахава; и смерть злу провещаает.
 Зане невинна Науфеа уби
 и душу служа кумиром погуби.
 Он же ужасся ризы раздирает
 и грешна себе пред Богом являет.

167

Езавель за град вон извергается 2 Reg. 9.33
 и сице суци зла умерщвляется. 4 Царств. 9.33
 Пси же притекше плоть ея терзают //
 и лижуще кровь уды развлекают. л. 30

168

Иліа пророк горé взимается 2.11
 и колесницы всадник является
 Огненны страшны кони имущия,
 грядет же от эде в дом присносущия.
 Елиссею же милоть оставляет;
 он же Иордан с нею прехождает.
 Трегубо ею воды ударяя
 и преиде сухо Бога прославляя.

169

Иерихонски воды вредны суша, 2.19
 неплодие же и горесть имуща.
 От граждан пророк умолен бывает
 Елиссею, соль же в ня вложь, исцеляет.
 Неплодство и злу горесть отгоняя,
 благовидны же и сладки^ы являя.

170

В Вефиль грядуща пророка сретают 2.23^б
 отроцы; нань же хулно восклицают:
 Гряди, плешиве! — сице глашаху
 и ругание ему зло творяху.
 Пророк же злы ѧ быти познавает //
 и Божиим их словом проклиная. л. 30 об.
 Тем же от леса звери изидоша
 и поразивше оных изъядоша.

171

К пророку жена нища припадает 2 Reg. 4.1
 и яко должна ему возвещает. 4^я Царств,
 Не имяше бо той, чим возвратити 4.1
 давый же взаим хочет чад лишити.
 Пророк же велий дар ей подавает,
 елей умножив богату являет.
 Сей бо продавши долг свой возвращает
 и свободьши чад Бога прославляет.

172

Елиссею пророк в дом жены вхождает 2 Reg.
 соманитиды, в нем же обитает. 4 Царств, 4.8

^ыНа полях справа здравый. ^бНиже славянскими буквами-цифрами 2.21. ³Испр., в рук. 1.

Всегда от нея обильно питаем
и честно зело всеупокояем.
За службу сию о ней благотворит,
прорече бо ей, яко сына родит.

173

Егда же девять месяц преидоша, 4.17
вня же матерня чрева возрастоша,
Отягченна же суща плод носити, //
нудятся бремя сие отложити.
И раждается сын предобещанный,
родителем же радостожеланный.

л. 31

174

И егда жита, стебли возрастиша 2 Reg. 4.19
и благоплодны класы разшириша. 4 Царств, 4.19
Претружден старец жатву сотворяет
и жатели сей рабы назирает.
Тогда юн его сын изыде к нему,
но внезапно зла скорбь случится тому.
Отец же его в дом свой отсылает,
той же в матерне лоне умирает.

175

Оскорбленна дом жена оставляет 4.24
и достигнути пророка желает,
Родити сына оней предрекшаго,
на высоки же горы отшедшаго.
Хотящи ему свою скорбь явити
и достолепно сего воспочтити.
Обретши же, ног касается его
и да воскресит сына — молит того.

176

Пророк от жены умолен бывает, // ю.4.29^я
в дом ея раба вдав жезл посылает.
На мертваго той рече возложити
желая того чрез сей оживити.
Пришед же его раб се сотворяет,
но ничто же жезл оный возмогает.

л. 31 об.

177

Подвигся пророк сам в дом прихождает 2 Reg.
и с мертвым един ся в нем затворяет. 4 Царств, 4.34
Уды с удесы онаго слагая
и седмижды нань сице возлегая.
И тако мертва плоть согривается
и преславное чудо является.
Мертвый бо отрок очи разверзает
и паки в него дух Бог возвращает.

178

Аталиа род царский погубляет II Reg. XI.1 II.1
и малых детей злая умерщвляет
Токмо Иоас мал украдается
и един втай сей жив сохраняется.

^{ю-я}Доб., в ркп нет.

179

Архиерей вся люди собирает
и царска сына седми лет являет
Да стрегут его им повелевая //
и от злых навет присно сохраняя. Reg.
11.4

л. 32

180

Иоаса люд царя поставляет,
архиерей же помазав венчает. 11.12
И вси радостно его прославляют,
да живет же царь, — купно возглашают.
Аталиа же злая сие зрящи
злословит царя и люди скорбящи.

181

Егда же нов царь Иоас бывает,
сей вся кумиры всюду сокрушает. 2 Reg.
4 Царств, 11.18
Убивает же Ваалу служащих
и скверны жертвы ему приносящих.
Всесквернен олтарь его разоряя
и изваянный идол разсекая.

182

Езекиа, муж благ сый царь бывает,
сей скверных богов храмы разоряет. 18.1
Идолы же их всюду разбивает
и сады в горах их искореняет.
Церковь Господню благоукрашая
и чисты жертвы Богу приносяя.

183 //

Кладези^{II, а} окрест града засыпает
Езекиа царь и град укрепляет л. 32 об.
2 Paral. apit.
32.2
2 Парал., 32.2
Нашествие нань врагов познавая,
да не обрящут вод предъумышляя
И не могуще без вод тии быти,
изнемогше, град престанут борити.

184

Иеросалим с вои окружает
Сенахирим царь и брань сотворяет. 2 Reg.
4 Царств, 19.35
Но в ночь едину аггел низхождает
и сто осмьдесят пять тысяч ссецает
От ассирийских полков, град борющихся,
спасая царя и людей в нем сущых.

185

Сенахириму за зло Бог отмщает,
от сынов бо сей убиен бывает. 2 Reg.
4 Царств, 19.37
Егда кумиру Месараху жряше
и богомерзску службу совершаше.
Нечестивым бо всем се случается,
всяк же злый и zde зле скончавается.

II, ^aНа полях справа Вся воды.

186

Манасиа царь Бога прогневивый
и чуждим скверным богом послуживый. //
В Вавилон пленен сый отвождается
и узы связан быв закладывается.
Идеже грех свой к Богу познавает
и плача молбу к Нему возсылает.

2 Пар., 33.11

л. 33

187

Сапфан, писец книг цареви предстает
и книгу словес Божиих читает
Яже много лет не слышана быша
люди бо Бога и закон забыша.
Иосиа же царь сия внушает
и раздрав ризы ужасен бывает.
Познав гнев Божий на зол люд грядущий,
яко закона Его не брегущий.

2 Reg.
4 Царств, 22.10

188

Иосиа царь весь люд собирает
и закон Божий пред ним сей читает.
Хранити его всем завещаваая
и от идолских служб отвращая.
Да творцу Богу жертвы приношают
и преданный Им закон исполняют.

2 Reg.
4 Царств, 23.2

189

Иосиа вся кумиры ссекает
и Вааловых жерцов сожигает //
Разоряет же в честь звезд созданная
капища и вся златолиянная.

23.4

л. 33 об.

190

В честь солнца кони вданны погубляет
и колесницу его сожигает
Иосиа; храм Божий очищая
и злы идолы вся искореняя.

23.11

191

Астарфа идол Соломоном зданный,
вторый же Мелхол аммонский названный.
Их же капища в предградии быша
и мерзости их в них люди служиша.
Иосиа же царь вся разоряет
и высокия столпы сокрушает
Костми мертвыми места наполняя
и святыню их мерзску оскверняя.

23.14

192

В Вефиле олтаре высок разоряет
и гробы с костями мертвых сожигает.
Иеровоам бо сих здатель бяше
служай кумиром сам и люд скверняше.
Иосиа же сия разрушает
и истиннаго⁶ Бога прославляет. //

2 Reg.
4 Царств, 23.16

⁶На полях слева единого.

193

л. 34

Закалат всех кумиром служащих
и скверных им жертвы приносящих.
Царь Иосиа закон Божий хранящ
и врагом Его праведну казнь творящ.
Ни одинаго от них оставляя
и кости оных огнем сожигая.

23.20

194

Царь Иосиа весь люд собирает
и Господеви службу воздавает.
Завещав вкупе Пасху сотворити
и древний закон Божий обновити
От време не бо судей та не баше,
ибо кумиром люд паче служаше.

23.21

195

Иеремия пророк показася
и свьше гласом от Бога воззвася.
Да железныя оковы сотворит,
тяжкия зело и на ся возложит.
Людем работы иго проявляя
и яко будут в плен предвозвещая.

Jeremi
Иерем., 27.1

196

Иеремию люд зол озлобляет //
и в глубок тинный ров его ввергает.
О сем мурин благ царю возвещает.
Царь же тщательно се повелевает
Да шед пророка от рова извлечет
и от нуждныя смерти его спасет.

л. 34 об.
Jeremi
Иерем., 38.8

197

Царь пророка втай к себе призывает
и что творити имать? вопрошает.
От врагов граду обстоиму сущу
и потреб нуждных скудоту имущу.
Пророк же совет благий подалает
да изшед сретить врагов совещает.
И сице, рече, град цел сохранится
и князь ассирийск к тебе примирится.

38.14

198

Ассириане град с гневом взимают
Иеросалим и весь люд пленяют.
Седекиа же бежащ ят бывает
и взем его князь вой очей лишает.
Непослушавша совета благаго
убоявшася же всем люда злаго.

39

199

САУЛ

Саул первый царь израильский бывший //
четыредесятъ же лет в сем пожиный.
Но понеже зла пред Богом хождаше
и нечестие премного творяше,

л. 35
1 Sammel
1 Царствъ,

Тем же умерщвлен был; зле погибает
такожде и род его исчезает.

глава 9 и 31

ДАВИД

Четыредесят лет Давид царствуй
и благочестно во всех началствуй.
Но и сей яко человек согреси,
прелюбодейство бо злое соверши
За се праведно от Бога казнь прия,
покаянием же потреби сия.

2 Саму.
2 Царств,
глава 2 и 24

СОЛОМОН

Соломон царь был четыредесять лет
премудростию сей удиви весь свет.
Созда же и храм Богу преукрашен,
напоследок же от злых жен бысть прелщен
И чуждим скверным богом поклонися,
тем же по смерти царство разделися.
Грех бо его Бог на сыне отмщает
и царство того весма умаляет.

I Reg. 3 Царств,
1 и 11

200

РОВОАМ

Ровоам совет юных возлюбивый //
и тяжко бремя на люд возложивый
Царства сотвори зло разделение
и многих благих своих лишение.
Седьмнадцать же лет иудейск царь был
злаго совета всем образ предложив.

I Reg.
3 Царств,
12 и 15

л. 35 об.

АВИА

Авиа царь три точию лета был,
Ровоамов сын; и враги победив.
Иероваамль полк крепце побивый
и злаго сего злу гордость смиривый.

15

АСА

Аса идолы скверны сокрушивый
и матерню злу службу разоривый.
Благополучно мурины победы,
благочестив же сый Богу угоди.
Четыредесять лет с единым царь был,
преиде ко отцем, плоть смертну отложив.

201

ИОАСАФАТ

Иоасафат царь, муж благочестивый,
аммониты же без брани смиривый.
Двадесять пять лет царство содержаше,
во дни же сего и Илия бяше.

3 Царств, от глав
15.14 до 22

ИЕРОВОАМ //

Иероваам идолопоклонник
подражатель злых и пренебзаконник
Братию свою без правды побивый
и весь Израиль на зло совративый.

3 Царств глава 22
до 4 Царств, глава
8, стих 15

л. 36

Токмо осмь лет царства его бяше,
обаче и в сих многа зла творяше.

АГАЗИА

Охозиа царь едино лето быв,
сего ассирийск Иуа царь пленив
Уязви; тем же ранен, умирает
в Магедде граде и жизни гонзает.

Ahazia
4 Царств, от гла-
вы 8, стих 24 до
главы 9, стих 29

202

ИОАС

Иоас прежде благочестив бяше,
дондеже первый священник живяше
Иоад, иже его наставляше
на вся благая; злых же отвращаше.
Егда же умре той, царь совратися
и идолом злым прелщен поклонися.
Тем же от своих раб убивается
и тако злый зле и скончается.

4 Царств, от гла-
вы 11 до 13

АМАСИА

Амасиа бысть прежде благочестив
и Идумей сей крепце победив. //
Посем идолск скверных почитает
и злу брань воздвиг побежден бывает.

4 Царств, глава
12, стих 21
л. 36 об.
до главы 14, стих
20

АЗАРИА

Азариа, сей филистим пленивый,
пятьдесят же лет со двема царь бывый.
Прияти же зле священство пожелав
и Божий грядущь за се гнев не познав.
Праведно за грех казнь воспринимает
и чрез весь живот прокажен бывает.

4 Царств, глава
14, от стиха 2
до главы 15, стих
7

203

ИОАФАМ

Иоафам царь шестнадцать лет быв,
благочестну же пред Богом жизнь пожив,
Благополучно аммониты плени;
умерша же Бог со отцы его вмени.

4 Царств, глава 15,
от стиха 7 до
стиха 38

АХАЗ

Шестнадцать лет Ахаз царство имущь,
чрез вся же дни сей весьма нечестив сущь.
Многи идолы всюду поставляше
и сына в жертву оным приношаше.

4 Царств, глава 16,
от стиха 1-го до
стиха 20-го

ЕЗЕКИА

Двадесять девять лет Езекиа жив
и благочестно толико лет царь быв.
Вся бо капища всюду разоряше, //
Божий же зело храм честен творяше,
Десятины в онь присно воздавая
и иереи благо снабдевая.

4 Царств, глава
18, 19 и 20

л. 37

204

МАНАСИА

Манасиа царь, зело нечестивый
 пятьдесят же пять лет во злых поживый
 Идолом скверны жертвы принося
 и сыны своя в сих всесожигая

4 Царств, глава
 21, от стиха 1 до
 стиха 18

АММОН

Аммон два лета царство содержаый
 нечестию же отца подражавый
 Тем же его Бог царствия лишает
 от рабов бо быв заклан исчезает

4 Царств, глава
 21, от стиха 18
 до стиха 26

ИОСИА

Иосиа царь всеблагочестивый,
 сей вся кумиры всюду сокрушивый
 Истины чрез вся дни поборник сущий
 и всюду скверных идол храмы жгущий
 Тридесять лет царь со единым бяше
 и во всех Богу благоугождаше

4 Царств, от гла-
 вы 22, стих 1 до
 главы 23, стиха 30

205

ИОАГАС

Иоахаз царь три месяца бывый
 в нечестии же и сия преживый //
 От египетскаго царя бысть побежден
 и безчестно в плен оным же отведен

4 Царств, глава
 23, от стиха 30
 до стиха 34

ИОАКИМ

Иоаким лет десять с единым быв
 и лукавое пред Богом сотворив
 Тем же вавилонск царь его пленяет
 и Иудею всю порабощает

4 Царств, от гла-
 вы 23, стих 34 до
 главы 24, стих 6

ИОИАХИН

Ехониа царь три месяца бяше,
 равно же отцу и сей зло творяше
 Нань же вавилонск царь ополчается
 Навходоносор, им же пленяется
 Невозможе бо противо стояти,
 соизволи град и себе предати

4 Царств, глава
 24, от стиха 6 до
 стиха 17

206

СЕДЕКИА

Седекиа лет десять с единым быв
 и закон Божий злочестно преступив
 Дань же даяти царю не восхотев
 вавилонску слаб сый гнусно возгордев
 Той же возвращая его побеждает
 и разорив град во плен отвождает

4 Царств, от гла-
 вы 24, стих 17 до
 главы 25, стих 1

207

КОРЕС, ИЛИ КИРУС

1. Кир первый персов самодержец бяше, //
 преславны же сей детели имяше
 И в царех мира изряднейш числится,
 сего славы всяк царь да не лишится.
 В преславных делех его подражая,
 в благочестии же паче сияя
 Тридесять бо лет царствова сей славный
 весма благ нравом и во всех преславный.

Иустин, книга 1
 л. 38

КАМВИЗЕС

2. Камвизес Киров сын царство держаше,
 но в благих отцу сей неравен бяше.
 Египт же к отчю царству прилагает
 егда на скифы Кир брань сотворяет.
 Своим же мечем убиен бывает
 и тако царства и жизни гонзает.
 Седьмь лет и месяц шесть царство имущии,
 вся бо сечет мечь смертный, страшен сущий.

Иустин, книга 1

208

ДАРИЙ

3. Дарий, Истаспов сын, третий царь перский,
 конюх прежде бе и муж весма земский.
 На престол царский возведен бывает
 и благохвално зело управляет.
 Вавилон же град благо сострояет
 и многу славу о сем простирает. //
 В шестьдесят же три лета жизнь кончает,
 вся бо приемлет смерть и не престаает.

Иустин, книга 1

л. 38 об.

КСЕРКСЕС

4. Ксеркс, Дариев сын, царь четвертый бяше,
 по отце престол перский сей держаше.
 Менший родом сын царство восхищая^в
 и первородных живота лишая.
 Двадесять же лет сие управляет
 и по сих яко не быв исчезает.

Иустин, книга 2

209

АРТАКСЕРКСЕС

5. Артаксеркс, Ксерксов сын, долгорук бяше,
 иже десницу должайшу имяше
 Шуйцы; отсюду долгорук назвася,
 по отце же царь персов показася
 Четыредесять лет сих управляя,
 благонравен же во всех им бывая.

ДАРИЙ

6. Дарий шестый царь персов прилучися,
 от сквернаго же ложа сей родися.
 По долгоруком царство содержаше,
 не сын же, но муж сестры его бяше

^вНа полях справа похищая.

Девятнадцать лет самодержствуя,
управляя люд и благоденствуя. //

л. 39

210

АРТАКСЕРКСЕС МНЕМОН

7. Артаксеркс Мнемон самодержец седмый
персов; сына же Дариа сей имый,
Брат бо Киру бысть и царства наследник,
иже монарха и добропобедник.
Мужеством велик зело и пресловушь,
богохраним же и благодатен сущь.
Самодержствова четьыредесять лет,
управляше же весь благостроя свет.

ОХУС

8. Охус осмый царь персов презол бяше
Артаксерксов сын, иже вся губяше.
Безчеловечен весма и мучитель
и братии своих прелютый губитель.
Сей разори град Сидонию славный,
восприемлет же и Египт прехвалный.
Лет же двадесять три царство имяше;
по сих епархом злый убиен бяше.

211

АРСАМЕС

9. Арсамес, Охусов сын, царь бысть девятый
персов; еще юн сый на царство взятый
Епархом, иже отца его уби;
сего он по сем камением поби //

Смерть отчю ему в ярости отмщая
и прочих врагов своих устрашая.

л. 39 об.

ДАРИУС

10. Дарий последний царь персидский бывый,
во изрядстве сей разума прославый.
От убийц же царство принимает
Арсамлих; им же мстити умышляет,
Его смерть ибо благодетель бяше;
тем и Дариа ся именоваше.
По сих Александр сего побеждает
и самодержство перское престает.

212

Артаксеркс Есфирь из дев возлюбяет
и на главу ей венец возлагает.
В жену ю себе пояти желая
и царскую честь той предуставляя.
Сия же родом от иудей бяше,
юже Мардохей стрый ея питаше.

Hester
Есфирь, 2.17

213

Аман ко царю дерзнув приступает
и да умертвит еврей испрошает.
Многую цену за них обещаю
и погубити род оный желая. //

Hester
Есфирь, 3.9

Прощение же его царь внушает
и снем свой перстень, любезно вручает
Повелевая грамматы писати,
да умертвятся, сим же знаменати.

214

Есфирь смущенно сердце имущая
и о вести злей в болезни сущая.
К царю пришедшая к ногам припадает
и на вечерю честну призывает.
Хотящи царя за род свой молити
и ярость его на них укротити.
Но Аман столпы в поли поставляет
и стрью ея смерть совещавает.

215

Есфирь ко царю мольбу предлагает
егда той с нею светло вечеряет.
Род, рече, царю мой, к смерти осужден;
молю убо тя, да будет свободен.
На сие же ты сей Аман приведи
ибо за род мой серебро тебе даде.
Се и моему стрью столпы стоят,
его же уже повесити хотят.
Царь же слышав се зело възьарися, //
злость бо Амана ему возвестися. *л. 40 об.*
Тем же самага его осуждает,
Мардохеа же смерти освобождает.
Но Аман молит Есфирь возлежащу,
Царю же на се с ревностию зрящу.
Тем же повеле его умертвити
на столпех, яже дерзнул водрузити.

216

Иов человек праведен и честен,
ненавидяше бо всяк путь прелестен.
Сему диавол злобне позавиде,
со агелы же пред Бога привниде.
Богом же его хвалима злословит
богат; бо рече сый: ты благословит
Аще велиши ми вся его взяти,
весма в лице ты имать Иов кляти.
Господь же его искусити даде;
тогда диавол злая нань наведе.
Во един бо час вестницы предсташа
и многи ему гибели сказаша.
Един, со рабы волов пленение,
инии же стад овчих пожжение.
По сих большую скорбь изъяви иный, //
яко не оста дщерь, ни сын единый. *л. 41*
Храм бо от ветров, рек, на ня нападе
и вечней смерти всех вскоре предаде.
Но Иов за вся Бога прославляше,
диавола же крепце побеждаше.

217

Паки диавол дерзает просити
Бога, да предаст Иова вредити.
Попущен же але его уязвляет
и гноем лютым всего обливает.
По сем от жены Иов насмеваем
и Бога кляти ею пущаем.

Job.
Иов, 2, 9

Едину от жен злых ю нарицает,
Богу же за вся хвалу воздавает.

218

Слышаще друзи три злоключение 2.11
предсташа вскоре на посещение
Иова, зело им любима суца,
прежде же во всех благих пресловуца.
Болезнь же его прелютую зряще,
раздравше ризы седоша слезяще.

219

Поскорби Иов обогащается // 42.10
и вяшше его дом прославляется.
Сугубо скотов бысть умножение,
чад же и дочерей паки рождение.
Богом бо яко крепок венчается
и паки зело богат является.

л. 41 об.

220

Царь от плененных юнош избирает Daniel
Навходоносор и в дом свой ввождает, Daniel, 1.3
Да имут ему присно предстояти,
повеле язык халдейск изучати.
С сими пророк Даниил прилучися
и с трети в царск дом отроки вселися.

221

Престрашен зело сон царю сняшесе; 2.26
возбнув же велми сей ужасешесе.
Ибо изрещи его не можаше,
Даниил же той ему разрешаше
Подробну действия вся сонии толкуя
и яже по сим предбудут сказуя.

222

Златый образ^Г царь высок поставляет 3.1
и чтити того всем повелевает
Да пад рече: Всяк^Д пред ним^Е поклонится //
егда мусикийск труб звук возгласится.
Пещь же седмийды зелну разжигает
и не чушущих той образ устрашает.
Тогда отроцы трие явишася
и ставше тому не поклонишася.
Тем же их царь в пещь горящу ввергает,
но Бог отроки невредны спасает.
Daniel, Cap. 3, Ver. 1.

л. 42

223

Валтасар царь пир с вельможы творяше Daniel
и на трапезе сый пиян седяше. Daniel, 5.5
Внезапу рука пишущи явися
на стене перстом, царь же устрашися;
Незнаема бо писмена писаше
и злу кончину царю проявляше.

^ГНа полях слева идол. ^{Д-Е}На полях слева тому.

224

Даниил пророк страшен сон смотряет, 7.1
 им же ему Бог тайны открывает.
 От четырех бо стран ветры востаха
 и великое море взволноваша.
 Та же четырех зверей страшных зряше,
 от них же первый лев с крилами бяше.
 Медведь же и рысь четвероглавен сушь //
 и страшнейш ин зверь, рогов десять имуще. л. 42 об.
 Сии четыре царства проявляху,
 яже последи по друг друзе бяху.
 По сих же Ветхий денми зрится седящ
 и Сын Человечь, Сын Божий вся судящ.

225

Даниил змия страшна умерщвляет, апоcryph
 смолы бо укрух в челюсти влагает. 14.22
 Вавилонск бо люд сего почиташе,
 якоже Бога и жертвы даяше.
 Тем же пророк их прелесть обличает,
 уморив сего, не Бога являет.

226

НИНУС

Первый с крилами лев зверь проявляше, Dani.
 его же пророк Даниил предзяше Дан., 7.4
 Царство Нина; сей самодержец бяше
 ассирийск, иже яко лев рыкаше
 Зело во бранех мужески дерзая
 и пределы стран своих простирая.
 Благополучен же бысть победитель,
 храбрых воев первый добр строитель.

227

КИРУС ВЕЛИЧАЙШИЙ

Медведь, его же пророк по лве зряше; // 7.5
 самодержство сей перское являше л. 43
 Еже воздвиже Кир мидян победив
 и деда, царя их Дариа убив.
 Иже хотяше его умертвити
 еще младенца и царства лишити.
 Но Кир питаем тайно сохранися,
 по сем же славен царь персов явися.

228

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

Третий зверь главы четыре имущий, 7.6 и 8,
 сей Александр царь зело пресловущий, стих 20
 Иже противных крепце сокрушаше
 и многи цари славно побеждаше.
 Единорог же сей козел назвася
 дворог бо персидск овен сим попрося.
 От рода же сей македонска бяше,
 но превозшед круг мира содержаше.

229

ИУЛИУС КЕСАРЬ

Зверь же четвертый, десять рогов имущь,
и зело паче первых страшнейший сущь
Римское царство сей знаменоваше
и яко истнит вся царства являше.
Еже Иулий кесарь исполняет,
самодержец бо сей мира бывает. //
Вся цари сего крепце побеждая,
Рим же паче всех градов возвышая.

Дан. 7 7.8

л. 43 об.

230

Иону Господь пророка глашает
и в Ниневию его посылает.
Казнь на град оный людем возвестити,
да возможет их от грех обратити.
Он же преслушник словесе бывает
и в Фарсис град швед в корабль убегает.

Joanas
Иона, 1.2

231

Пророк от лица Божия бежащий
и в Ниневию ити не хотящий.
Из корабля сей в море вергается
и китом зелным ят поглощается
Внутрь же сего; три дни и нощи бяше
и каюся в нем к Богу вопияше.

2.15

232

Пророк невредим в ките быв сохранен
и преславно сей является спасен.
Цела бо на брег его кит вергает,
да яже рече Бог шед исполняет.

Joanas
Иона, 2.1

233

В Ниневии люд пророк обличает //
и казнь от Бога на град возвещает.
Люд же веровав пост завещает
и царь вретище на ся возлагает.
Постящися же к Богу возопиша
и сим грядущь гнев Его отвратиша.

3.4

л. 44

234

Иона зело опечалывается,
пророчество бо не исполняется
И из града вон изшед нань взирает,
Бог же тыквою его осеняет.
Та же вскоре ю червми погубляет,
пророк же паче о сей унывает.
Тем же ею Бог его обличает
и яко шадит град щедровещает.

4. 6

235

ИСАИА

Исаиа, муж свят и пророк бяше,
иже облечен в мех долгий хождаше.

Главу имейя весма откровенну,
 прорече Христу приити рожденну.
 Напоследок же пилюю претреса
 и пророков всех вышший наречеса.

ИЕРЕМИА

Иеремиа сей жезл зряше бдящий //
 и паки горнец^ж на огни кипящий.
 Израилю бо скорбная явялху,
 яже вскоре нань приити имяху.
 О сем рыдая пророк вопияше
 и горце града Сиона слезяше.

л. 44 об.

ИЕЗЕКИИЛЬ

Иезекииль дверь замкнenu зряше,
 яже чистую деу знаменаше.
 Ею же Господь един прошел баше,
 родитися бо от девы имяше.
 В рождестве врата девства невредивый
 и по рождестве деу сохранивый.

236

ДАВИД

Давид, некогда сей овцы пасяше
 и в доброголасны гусли нев бряцаше.
 Царь же и пророк сподобися быти,
 возлюби бо Дух Святый, в нем почити.
 Им же наставлен^з Псалтирь сочиняет
 и всю церковь сим поя услаждает.

ДАНИИЛ

Даниил царство Христово предзяше,
 иже приити спасти мир имяше,
 И противника ему проявляет, //
 иже яко мал рог зверя востае.
 Злый вождь последи приити хотящий
 и нечестием злым весь мир сквернящий.

л. 45

ИЛИА

Илиа небо словом заключивый
 и лживых пророк мечем погубивый.
 Воскреси же сей и вдовича сына
 и та спасесе от глада едина.
 Ревность бо благу сей пророк имяше
 и израилск люд от злых отвращаше.

237

ЕЛИСЕЙ

Сугуб дар духа Елисей стяжавый,
 еже являет голубь двоеглавыи.
 Израилский же люд сей защищаше
 и асириан, врагов, им вручаше.^н
 Но и по смерти мертвого воскреси,
 иже положен бысть к его телеси.

^ж Испр., в рук. гарнец. ^з На полях слева в разум[лен]. ^н На полях справа побежд[аше];
 конец слова срезан.

ИОНА

Иона в волнах морских погруженный
и китом зелным ят и поглощенный.
Преславно же бысть от сего сей спасен
ибо по трех днех изыде^к не врежден.
Тридневно Христа воскреса прописав //
извержеся цел, ничто же пострадав.

л. 45 об.

АВДИЙ

Авдий во плене сущым послуживый,
хлеб же и вино оным предложивый.
Иже в Вавилон отведени бяху
и тамо в узах замкнени седяху
Благую любовь присно им являя,
насыщаше я брашны утешая.

238

АМОС

Амос, сей пастырь овчий прежде бяше,
Духом же Святым много прорицаше.
Прдрече же в мир мессии приити
и яко грешных всех той имать спасти.
К покаянию сих увещавая,
сам же за имя се претерпевая.

ЗАХАРИА

Захариа храм создати желаяя
утешаше люд, о сем предвещаяя.
Сего здания и сам зритель бяше
и вящше дело сие устрояше.
Прорече же сей люду спасение
и в плоти Христа Бога смотрение.

МАЛАХИА //

Малахиа сей аггелский поживый
и чрез весь живот девство сохранивый.
Тем же аггела имяше блюдуща
прдрече Христу сего предъидуща.
Сей есть предтеча Христа предваривый
и яко аггел сему послуживый.

л. 46

239

Царю юноши даша гадания
три, желающе многа даяния.
Един бо крепость вина предлагаше,
вторый же царску державу являше.
Но третий жены и правды мощь чтяше
преодолевш же царем почтен бяше.
Се убо вина многа крепость зрится,
пьяный бо всяк безумен вменится.
Старца бо творит детей игралище,
такожде юным всем есть ругалище.

3 Esd
Ездр., глава 3

240

Зрится царствуяй в высокоей палате,
прав же и крепок сушь во венце злате.

Ездр., глава 3

^к На полях справа явился.

Наветы злыя весма отреваюць
 и сим вяшшую славу получаюць.
 Тем же присуца яго вси трепещут //
 и честь даюць на землю ся мещут.
 Царская бо власть всюду возмагае
 и еже хоцет сие содевае.

л. 46 об.

241

Се зрится власти женския высота,
 всех бо пленяет весма их красота.
 Окаяние же многи раждизае
 и нечувственно жити устрояе.

л³ Ездр., 3 и 4^М

242

Истины крепость всех одолевае
 зане в небесных присно пребывае,
 Никто же бо ю может победити,
 но должнствует всяк главу преклонити,
 Жити бо право сия наставляет
 и всякую ложь весма разоряе.

3 Esd.
Ездр., глава 3 и 4

243

Ездра на гору Сион возведенный
 зрит поющих людей сонм преукрашенный.
 Превыше же их юноша стояше
 и на славящих венцы налагае.
 Он же дивяся ко агелу вещает,
 о юноши же, кто ест, вопрошае. //
 От него же — се Сын Божий — услыша,
 венчанныи же мученицы быша.

4 Esd.
Сар. 2
Вер. 42
Апокал. 7

л. 47

244

Егда в пустыни Ездра размышляе,
 скорбящу жену одесную зряе.
 Яже бо сына умерша рыдае,
 но оный гневно ю увещаваше.
 Та же вид ея зряе изменяем
 и бысть яко град велиий созидаем.
 Он же ужасен быв на землю паде,
 но агел его утешив возведе.
 Сказуя ему се показание,
 яко Сиона будет назидание.

Ездр., книга 4,
глава 10, стих 25

245

От моря силен муж восходящ зрится,
 его же взора всяк земен страшится.
 По сем от всех стран люд укрепляется
 и крепце зело нань ополчается.
 Он же медную гору созидае,
 без меча же сый на ню восхождает.
 Изпусти же огонь из уст попадаюць
 купно вся, в прах же и дым превращаюць.

4 Esd.
3 Ездр., 13.3

246 //

Повеле Ездре Бог мужей избрати
 и к писанию вся уготовляти.
 Он же яко же лепо устрояе
 и пять в пустыню мужы привождает.

л. 47 об.
4 Esd.
3 Ездр., 14.37

Тамо же Богом приити гласится,
 да от пития его усладится,
 Испив же чашу зело умудрися,
 Дух бо Божий в онь преславно вселися

247

Товиа благо сотворяет дело,
 убитаго бо погребает тело
 Спай же при стене, гноем ослепися
 пгичиим, Богом бо се попустися,
 Да терпения образ всем явится,
 по сем же венцем славы украсится

Tobie 2 10
^нТовиа, глава 2,
 стих 10^о

248

Товиа велит козлище отдати
 жене, не хошет бо его прияти
 Украденна бо быти помышляет,
 жена же его злобне поношает
 Суетна бысть [рече] надежда твоя,
 ничто же убо узриши от нея //

Tobie
 Тов , 2 13

л 48

249

Товиа сына в Рагес посылает
 взяти же древний долг завещавает
 Сему Рафаил агтел вождь бывает
 и от многих зол его сохраняет

5 24

250

Товию вкупе с агтелом сретает
 Рагуил, их же радостно лобзает
 Много же с ними бяше беседауй
 и слущшаяся им исповедуай
 Агтелом дати дщерь увещен бяше
 в жену Товии, юже он любяше
 Тем же им вскоре брак устрояется,
 агтелом же злый бес прогоняется
 Прежде женихов зле погубляющий,
 но им честен брак радость являющий

7 1

251

Пущен Товиа в дом от Рагуила,
 имушь же вожда блага Рафаила
 Жену поемый и многа богатства
 провождается с любовию братства
 Ко отцу ждушу здрав возвращается
 и любезно им зело лобзається //

Агтелом учим сый желчь прилагает
 к очесем отца, он же прозирает
 Слава во благих всех щедрого Бога,
 яко есть судеб Его бездна многа

Tobie
 Товиа, 10 11

л 48 об

252

Рафаил яко агтел является
 и от очес их горе взимается
 Они же падше Бога величают
 и дивна Его зело прославляют

12 4

253

Навходоносор вои устроет
и Олоферна вожда поставляет
На восточныя страны брань творити,
израильский язык разорити.

Judith
Иудифь, 2.4

254

Июдифь вдова прекрасная сущи
и ревность благу о людех имущи.
Облекшися же светло исхождает
и в асирийский полки приходяет.
Олоферну же та представляется,
он же на сию зря уязвляется.

Judith
С. 10. V. 10

255

Олоферн в чертог Июдифь вводит //
и един с нею пьян сый остане.
Хотай всескверно дело сотворити,
яже увеща возлещи почити.
Та же вземши мечь, главу отсекает
и втай от полков во град отхождает.
Премудро злаго сего умертвивши,
град же и язык свой цел сохранивши.^п

л. 49
Judith
Иудифь, 13.19

256

Смерть Олоферна граждане познавш
и главу сего воем показавше.
Тии же страхом одержими бяху,
воеводы бо главу вси познаху.
Граждане же вси на них истекают
и тако врагов в бегство обращают.

РИудифь, 14.8^с

257

Сусанна на блуд зле принуждается,
творити же се та отрицается,
От старец скверну любовь к ней имущих
и закон Божий весма не брегущих.
Умрети паче в чистоте хотящи
и ложе свое нескверно хранящи.

Daniel
Даниил, 13.19

258

Сусанна на смерть зле осуждается, //
от старец бо злых всем наваждается.
Яко блудница ими оболганна
бывши от них в зол грех не увещанна.
Неповинна же на смерть сия грядет
и к Богу горце от сердца вопиет.

л. 49 об.
Daniel
Дан., 13.41

259

Даниила Бог юна возставляет,
иже Сусанну от злых избавляет.
Уже ведомо каменми побити,
но юноша се дерзну возбранити.
Обогателей старцев обличая
и яко пророк злобу их являя.

13.45

^пИспр., в ркп сохранить. Р^с Доб., в ркп нет.

260

Обогатели казнь воспринимают,
 камением бо злых их побивают.
 Нечестию их бывшу объявленну,
 Сусанну же Бог яви свободженну.
 Целомудрие крепце стяжавшую
 и сего образ всем правый давшую.

13.62

261

Израиль закон Божий пренебрегший
 казнится, богов суетных почетший,
 Антиох бо царь Сион разоряет //
 и многи взем град крови проливает.
 Церковь Господню мерзкий оскверняя
 и златы вещи святыя взимая.

Machab.
I Макк.,
1.22

л. 50

262

Маттафия сый иерей муж блажен
 и ревностию за закон бе разжен.
 Зря нечестие ризы раздирает
 и жруща богом скверным убивает
 Антихова вожда презирая
 и многи от зла сего свободжая.
 Оставль же Модин град в пустыни скрися,
 с ним же и закон хранящъ люд вселися.

Macha
I Макк., 2.14

263

Субботу хранящъ люд убивается
 и весма врагом не противляется.
 Иже в субботу нань ополчишася
 языцы; зверски бо устремишася.
 И предашася вси им да побияют,
 закон же Божий несквернен соблюдут.

2.38

264

Иуда иже Маккавей звашеся
 на враги крепце сей ополчашеся.
 Полк Антиохов брався сокрушает, //
 Богу же за се хвалу возсылает,
 От скверных Сион святыи очищая
 и олтарь идолск свой разоряя.

4

л. 50 об.

265

Иуда олтарь Богу возставляет
 и осквернен сущъ паки освящает
 Творя законно свято служение
 и возлагая нань всеожжение.
 В сицевый же день в онъ же той осквернен
 и благодарит сей яко бысть спасен.

Machab.

266

Никанор гордый побежден бывает.
 Иуда бо полк его сокрушает.
 Главу же злаго того отсекает
 и повесив ю из града являет
 И руку гордо на град прострещую,
 да зрят ю врази их, отсеченную.

7.27

Торжество светло в день той сотворяя
и за вся хвалу Богу возсылая.

267

Маккавей zelно с враги сражается Machab. 2
и оным крепце сей противляется
Тимофеев полк мужески ссецая // л 51
и победы нань от Господа чая.
Господь же конник пять низпосылает
и на противных его укрепляет
Иже агтели небеснии бяху,
полк же израилск от враг защищаху.

268

Тимофей во град твердый затворися, 10. 32
побежден сый мя в оном спастися.
Израилск же люд нашед той взимает
и стены того огнем запалает.
Тимофею же главу отсекают
и с братиею живота лишают.

269

Вера, надежда, любовь всех спасают
и Бога ясно зрети сподобляют.
Надежда сия тщетна не бывает,
яко бо котва[†] в вере утверждает.
Любовь же с Богом всех соединяет,
стяжавый бо ю в Бозе пребывает.
Сих совершитель Христос показася,
се в священных сих повестех писася.
Уже Христос Бог содея воплощся,
от Девы же мир спасти чисто рождся. // л 51 об
Премнога в людех показав чудеса
и вознося всех верных на небеса
И яже Его раби сотвориша
и елико их тому послужиша.
Во имя Его верити учаше
и от злых скорби невинно терпяще.
Сия образы очесем являют
елицы на ня тщателно взирают.
Творцу сих Богу хвалу воздающе
и преданная Им крепце брегуще.^ф

270

СВЯТЫЙ МАТФЕЙ

Матфей^х святыи род Христа описует
и имена всех праотцев сказует.
Иессеева корене плод суща,
матерь же Деву святую^ц имуща.
Иже да спасет мир в плоти явися
Бог сый; им же зла клятва потребися.
Сей евангелист агтел наречеса,
святу же сущу честь, сия дадеса
Описующу в плоти смотрение
и безсеменно Христа рождение

[†] На полях справа якорь. ^у Слева снизу вверх по вертикали расположена запись латиницей: Podpis werchiaia. ^ф На полях справа снизу вверх запись латиницей: Podpisiwai na niznom poli. ^х На полях слева евангелист. ^ц На полях слева чистую.

От Девы; та же на крест вознесена,
 чрез Него же вся тварь зрится спасенна. //

л. 52

271

МАРКО

Марко священный евангелист бяше;
 сей Предтечу глас слова описаше.
 Покайтесь, — всем людем вопиюща
 и исправите путь Божий зовуща.
 Во Иордане же люд крещающа
 и Христа Спаса предвозвещающа.
 Господь же пришед к нему крещается
 и от Отца нань дух низпускается.
 Марку же образ лва приписуется,
 сим бо Предтечи чин образуется.
 От Него же той книгу начинает,
 воскресением же ю совершает.

272

ЛУКА

Лука священный Христов благовестник
 и многих чудес Его провозвестник.
 Телца же образ при сем написася,
 им же законна жертва знаменася.
 Сея бо действо той воспоминает
 и Захарию служаща являет.
 Написав сына его зачатие
 и Христа плоти на ся приятие.
 Странно от Девы рожество сказуа //
 и чинно о сем вся благовествуя.
 По сем Сего же за весь мир пожренна
 и со злодеи ко кресту пригвожденна.

л. 52 об.

273

ИОАНН

Якоже орел птиц превосходит
 егда летая воздух пресекает,
 Крыла своя выпрь крепце простирая
 и прямо солнца безвредно взирая.
 Сице Иоанн иных^ч превосходит
 благовествуя, к Богу ум возводит
 Триипостасно божество являя
 и Бога слова плоть бывша вещая.
 Троицы же бысть дивно явление
 во Иордане Сына в крещение
 Егда с небесе Отец возглашаше,
 Дух же во зраце голубя схождаше.

274

Святая Анна Марию рождает
 чистую деву и млеко питает.
 Иоаким же светло торжествует
 и ковчег Божий свят дщерь именует,
 Богородицу хотящую быти
 и юже имут вси роди блажити. //

св. Дамаск.,
 слово 2 на
 Рожество Бого-
 родицы

^ч Слева на полях прочих.

Тем же Давидов дом ублажается,
из него же сей свят плод рождается

л 53

275

Служащ аггела Захариа зряше,
иже велию радость возвещаше,
Яко сын ему Иоани родится,
им же Израиль к Богу обратится
Но Захариа ему отрицаше,
старец рече есмь неплоден — вешаше
Аггел же ему о сем запрещает
и за неверство нема сотворяет

Лука, глава 1,
стих 11

276

Аггел Гавриил к деве низпослался,
иже предстоит ей зело страшася
Благодатная, радуйся взывая
и Божий совет вечный открывая
Со гласом же Сын слово воплотися
и Дева, мати чистая явися
Святым же Духом свыше осененна
и в рожестве бысть Дева неврежденна

Лука
Лука 1 26

277

Тщательно дева в горня вхождает
и Елисавет южику любзает //
В ней же младенец радостно зыгрался,
сим Бога мати Мария назвася
Владыку бо раб верный познавает
и чревоносим сый провещавает

1 40

л 53 об

278

Святая Дева Бога величает
и славящи песнь тому возсылает
Возрадовася дух мой зовущая,
смиренна рекши Есмь^ш раба сущая
Величие мне славно сотворшаго
и мною печаль в радость претворшаго
Сего вси в вышних Бога восхвалите
и достойну честь Ему воздадите
С кимвалы, с гусльми и лики зовуще
и непрестанно царю всех поюще
Несказанно всю тварь управляюще
и милостивно верных спасающе

279

Аггел пастырем радость возвещает
и «Слава в вышних Богу» той взывает
На земли поя благоволение
и человеком мир и спасение, //
О рожестве им Христа Бога сказав
и зрети сего во Вифлеем послав
Абие же с сим множество узреша
аггел, согласно бо вси сие пеша

Лука
Лука, 2 8

л 54

^ш На полях слева Се

280

От святыя Бог Девы раждается 2 16
 и человек плоть носяй является
 Бог и человек сей совершен зрится,
 Им же в рожестве девство не вредится
 И во скотиих яслех возлегает,
 мир же от ига злаго свобождает
 Христос прием зрак рабий ся смиряя
 и к Богу Отцу падших примиряя

281

В церковь младенца Христа принесоша, ^{III}Лука, глава 2,
стих 21^b
 и по закону вся Богу пожроша
 Отроча свято и первоначально
 исполняюще закон совершенно
 Обрезают же плоть законно Сего
 и нарицают Иисуса Того

282

л 54 об

Царь Ирод волхвов тайно призывает // Math
Матф , 2 7
 и о рожденном много вопрошает,
 Иже от перских стран царие бяху,
 по звезде шедше рождышася искаху
 Увещаая, да ему возвестят,
 егда обретше Тому честь воздадят
 И аз рече шед имам Его чтити
 лстя им, Христа же мыслит злый убити

283

Волсви по звезде в Вифлеем шествуют, 2
 царя бо Христа рождышася взыскуют
 От восточных стран тщателно грядуще,
 звездословцы же и царие суще
 Явльшиися бо им звезда путь показа
 и яко перстом Вифлеем указа

284

Христу рождышуся царие представше 2 11
 и боголепны дары восприявше
 Злато, смирну же и ливан приносят
 и припадше вси Его превозносят
 Познавше Бога воплощенна быти,
 благоволиша сему послужити

285

л 55

Аггел спящыя волхвы научает // Math
Матф , 2 12
 и ко Ироду ити възбраняет
 Презол же совет его им являет,
 яко той Христа убити желает
 Иным отити путем завещая
 и во страны их здравы провождая

286

Иосиф во сне аггелом научен 2 14
 яко младенец всяк будет убиен

^{щ-ъ} Отсылка расположена не на полях, а под нижней строкой строфы 281, испр., в рки глава 1

Отроча Христа и мать взимает
и востав в Египет бегство сотворяет
Тамо же лета доволна вселися
и прием извет паки возвратися

287

Младенцев злии люте убивают 2 16
и от матерних сосец восхищают
Во Вифлееме и окрест живущих,
в пределех власти Иродовы сущих
Иже повеле зло се сотворити
умыслив с сими и Христа убити
Но ничто же всем успев сей прелстися
и богоборец прелютый явися

288

Симеон Христа на руку восприя, //
с радостию же и страхом вопия л 55 об
Ныне, владыко, мя отпускаеши, Луце
Твоего раба, и разрешаеши Лука, 2 29
Очи же мои уже Тя, Спаса, зрят
и пришедша в мир устне благословят
Израиля бо Ты прославляеши,
расточенных же чад собираеши

289

Отрок Иисус мать оставляет 2 46
и в училище закона вхождает
Со старцы мудре совопрошаеся,
их же киждо нань зрит ужасеяся
Мати же Его обрете скорбящи
и да грядет в свой дом к нему зовящи
Он же рече В сих быти изволяю
яже Отча, Аз токмо сия знаю

290

Покайтеся, — всем глас слова взывает Иоанн, 1 6,
Иоанн, путь же прав уготовляет Лука, 3 3
Грядуща Христа людем возвещая
и свет истинный сего нарицая,
Иже живущих в мире просвещает,
уча же сице пророк люд крещает //

291

Иоанн ризы кожными облечен, Mathej
диким же медом и пруги воскормлен Matf, 3 13
Во Иордане Христа сей крещает
и Господа всех суща познавает
С трепетом верху Его касаяся
и яко царя раб ужасаяся
Отец бо свыше Се Сын Мой — взывает
и Дух нань яко голубь низхождает
Крестяй же, о Нем свидетелство дает
се агнец вземляй грех мира — вопиет
Главу змиеву вводе сокрушай
и от прелести его всех спасаей

292

Крестився Христос в пустыню вхождает,
 в ней же диавол Его искушает
 Четыредесятъ бо дней бе постяся
 и толико же ночей воздержася.
 По сих же взалкав от брашен жаелает,
 искуситель же к нему приступает:
 Аще Сын рече, Божий, чудотвори
 и камень сие в хлеб претвори.
 И паки на верх церкви поставляет, //
 еще же славу мира представляет.
 Вся, глаголя, дам Ти, мне поклонися;
 посрамлен же быв, Христом победися.

л. 56 об.

4.1

293

Егда с Андреем Петр рыбы ловяше,
 Христос при мори мимо их идяше.
 Узрев же, вослед Себе сих глашает
 и человек ловитву вручает.
 Сии слышавше, сети повергоша
 и вся оставльше, вослед Его идоша.

4.18

294

Первое чудо Христос сотворяет,
 в Кане бо воду в вино претворяет,^ы
 В водоносы шесть повелев влияти
 и на браце е сущым подавати
 Еже перваго лучше нарицают
 и познавше вси Христа прославляют
 Благоволивша брак свят сотворити
 и чудным даром, вином сим почтити.

Ioannis.

Иоанн, 2. 1

295

Егда вся грады Христос проходилше
 и в галилейских пределех учаше.
 В дом же Симона Петра приходяет //
 и тещу его скорбну исцеляет,
 Юже огница зелна умучаше,
 возстави же ю, Господь исхождаше.

Lucе.

Лука, 4.38

л. 57

296

Христос по морю плавание творит,
 волнящуся же Ему в корабли спит.
 Сущии же с Ним зело страшася
 и что творити недомышляхуся.
 Корабль бо уже опровергашеся
 и киждо жити отчаявашеся.
 Тем же пришедше Христа возбуждают
 и помози нам — вси к Нему зывают.
 Христос же востав бури запрещает,
 всесильным словом море утишает.
 Маловерным я весьма нарицаю,
 явив, яко жив будет, с ним бываяй.

Mathel.

Матф., 8.24

297

В пределы Христос Гергесински пришед,
 преплыв на он пол, из корабля изшед.

Матф., 8.28

Марк, 5.2

^ы Испр., в ркп сотворяет.

Бесоимущих дву лютых сретае,
 нечистым же в них духом запрешает.
 Иже моляще Его вопияху,
 да не мучит их, Христа нарицаху. //
 Христос же изгнав мужи исцеляет,
 оных же в стадо свиной посылает.
 Они же вшедше, в море их ввергают
 и тако стадо свиной погубляют.
 Спасеннии же Его прославляют,
 богохваляще всюду не престають.

л. 57 об.

298

Разслабление много лет имуща
 и верна zelo в Христа Бога суща.
 Яко Той его может исцелити,
 друзи дерзають во храм низпустити.
 В нем же народи Христа утесняют,
 раскопавше верх, сего предлагают.
 Иже зря веру его, исцеляет,
 сотворив здрава, грехи отпускает.

Лuce.
Лука, 5.18

299

Человека Спас словом исцеляет
 и суху руку здраву сотворяет
 В сонмищи уча и власть показуя,
 яко Господь есть субботы сказуя.
 Фарисеи же нань ропущут зли сущи,
 сей разоряет закон вопиюще.

6.6

300 //

Преславно чудо Христос сотворяет,
 пятию хлебы пять тысящ питает.
 Толик сей народ в пусте месте сущий,
 еще же чада и жены имущий.
 Дванадесать же кош от сих избыша
 и насыщени Христа возлюбиша.

л. 58
Ioannis
Иоанн. 5.5

301

Христос, живота и смерти начальник,
 учитель же всех верных и наставник.
 В Наине мертва чудне воскрешает
 и божества власть преславно являет.
 К погребению бо износим баше
 вдовы сын; мати же его рыдаше.
 Ей же: Не плачи — Христос возглашает
 и мертва словом токмо возставляет.

Лuce.
Лука, 7.11

302

Дванадесать лет жена болящая
 и непрестанно зле кровь точащая.
 Врачем же разда вся, да здрава будет
 и злаго того недуга избудет.
 Христу грядущу, та риз касается
 и веры ради сим исцеляется.

Marc.
Марк. 5

303 //

Прокаженных Спас десять исцеляет
 и, да во церковь идут, посылает

л. 58 об.
Лuce.

Жертву законну Богови воздати
и иереев, да зрят, их призвати.
От сих же един токмо возвратися
и благодарив Христа поклонися.
Самарянин сый благ познавается,
иудеев же зол нрав является.

Лука, 17.12

304

При овчей много лет купели бяше
разслаблен, в ню же аггел низхождаше
Единою в год, воду возмущая
и прежде вшедша в купель исцеляя.
Христос же пришед сего вопрошает,
аще разслаблен, здрав быти желает.
Кроме же воды словом исцеляет
того и взяти одр повелевает.

Иоан.
²Иоанн, глава 5,
стих 2³

305

Мимо грядый Спас слепа призирает
и яко верен есть, той познавает.
Брение же взем очи помазует
и власть божества яве покажет. //
Слепорожденну дая, да ясно зрит;
той же узрев свет, Творца благодарит.

Иоан.
Иоанн, 9. 1

л. 59

306

Четверодневна мертва воскрешает
Христос Лазаря, от гроба взывает
Возгласив: Гряди вон. — Той же встает
и по сем много лет жив пребывает.
Друг убо верен жизнедавцу бяше,
тем держати смерть его не можаше.

11.38

307

Блажени иже духом обнищаша
и весь презревше мир Бога познаша,
Упование нань возлагающе,
оставиша вся, горних желающе.
Сии небесно царство получают,
аще и мечи их zde разсекают.
Яко же Иов, иже зло страдалше,
но благодарен быв, небо стяжаше.

Матт.
Матф., 5.3

308

Блажени иже слезы источают
и непрестанно за грехи рыдают.
Сии благодать от Бога приемлют,
аще и малу скорбь в мире подьемлют. //
Скорбящих бо Бог присно утешает
и щедроты им Своя изливает.
Егда бо жена к Христу припадше
и нозе Его слезами мочаше.
Тщетна от Него та не возвратися,
но плачущей ей всяк грех отпустися.
И сице убо всяк скорбен да творит,
утешение бо плача получит.

Матт.
Матф., 5.4

л. 59 об.

³ Отсылка расположена под нижней строкой строфы 304.

309

Блажени иже вся претерпевают 5.5
 живуще кротце; злых же не отмщают.
 Изволяюще паче скорбь носити,
 да благая вся могут получитьи.
 Тем наследницы на земли бывают
 и страны многи тии обладают.
 Кротких бо Господь преславно венчает,
 священники же и цари являет.
 Сердца смиренна не уничижая
 и в обещанну землю возводя.
 Кроток Моисей, священный он бяше,
 тем же его Бог присно озаряше.

310

Блажени иже правду возлюбиха // л. 60
 и паче брашен алчни сея быша. Матт.
 Сии небесным даром питаются Матф., 5.6
 и Христа Спаса всех наслаждаются.
 Той убо правда есть сущая един,
 напаяет сей жаждущих паче вин.
 Сея Симеон правды алчен бяше
 и много лет жив сей присно жадаше.
 Узрев же правду суцу познавает
 и алчен тою насыщен бывает.
 Прием на руку в церковь принесенна
 Христа от Девы святыя рожденна.

311

Блажени иже милость содевают 5.7
 к ближним и нищих сущых их питают.
 Благоутробно в дома ввождающе
 и всяку нужду их исполняюще.
 Сим милостивно имать Бог воздати
 и славны в царстве Своем показати.
 Якоже древле Товии воздаде
 и от всех скорбных нань бывших изведе.
 За сие яко всем благодворяше
 и умершыя присно погребаше.
 Иже убози и безродни бяху, // л. 60 об.
 не погребенни же в путех лежаху.

312

Блажени иже сердца суть чистаго, Матт.
 сии бо Бога всех узрят истаго. Матф., 5.8
 Ум непорочен весьма имущий
 и суетен мир сей не брегущий.
 Чиста бо сердцем дева весьма бяше
 Мариа; ум же горѣ возвождаше.
 Тем же во чрево ея Бог вселися
 и человек Спас сый мира явися.
 В зачатии к ней аггела низпослав,
 иже радуйся рече со страхом представ.
 Живота чисту мать нарицает,
 Дух же Святый ю низшед осеняет.

313

Блажени иже гнев злый утоляют 5.9
 и человеков ярых примиряют.

Сии сынове Бога нарекутся
и в небесный мир святы возведутся
Диавол навет разоряющий
и в любви жити наставляющий
Якоже жена некогда сотвори,
яже Давида ко мужу примири //
Иже убити его яр течаше
но Авигеа честно усреташе,
Хлебы и вино в дар предлагающи
и гневна царя сим примиряюща

л 61

314

Блажени иже изгнани бывают
и правды ради вся претерпевают
Всяк зол глагол в сем мире приемлюще
и за Христа скорбь и смерть подъемлюще
Тех есть горнее царство стяжание,
тамо бо их мзда и пребывание
Внегда бо Стефан святой злострадаше
и за биющих его той моляше
Не постави им Боже в грех вопия,
узре во славе Творца твари всея
Иже его Сам в небо призывает
и прием его дух в горних вселяет

Матф 5 10

315

Отче наш, сице вси к Богу да зovem
и непрестанно славяще вопием
Иже в небесах присно обитает
и Его же вся земля не вмещает
К сему очи же и ум да возносим //
и от души всех полезных нам просим
Согласно Отца вси нарицающе
и сим друг друга братство являюще
И яко равен есть нищъ же и богат,
милостив же всяк в небо будет прият
Со Христом в славе Отца спребывати,
сего долженствуем вси присно желати

Матт 6 9

л 61 об

316

Отца убо вси Бога преднарекше,
прочее к Нему молитву простерше,
Да грядет царство Его, — возглашаем
и сокрушители князя тмы желаем
Иже греховны узы простирает
и весь мир во злых связав привлекает
Скиптр нечестивый всюду утверждая
уловляет zde многих побеждая
Тем же вопием Да сего упразднит,
царство же святое свое утвердит
Бог, миродержца зло царство пленяя
и от уз греха верных свободяя

Матт 6 10

317

Да будет воля Твоя, — вси вопием
и яко в небе аггели да живем //
Иже святую волю Его творят
и присно со страхом служаще предстоят
Сице на земли воля буди Его
сохраняюща нас от злаго всего
Да по воли все Его сотворяем
и яко Богу благоугождаем

Матт 6 10

л 62

Волю бо Отца Христос исполняше
 рек: Твоя воля буди; крест ношаше.
 Тако различно мнози пострадаша,
 иже ся святей воли Его вдаша.

318

Хлеб наш насущный, молим вси прияти
 иже веки может препитати.
 Хлеб сшедый с небес верных оживляяй,
 Христос, Сын Божий, души насыщяяй.
 Ядите бо плоть Мою, — всем вопиет
 и чашу крове всяк верен да пьет.
 Той же в потребных нас не оставляет
 и повседневный хлеб всем поставляет.
 Тем непрестанно Его благодарим
 ядуще или иное что творим.
 Да и небесных благих нас не лишит
 и со святыми по сей жизни вселит. //

Matt. 6.11

319

Остави долги наша, — вси взываем,
 якоже и мы другом оставляем.
 Ибо пред Богом присно есмы должни,
 да глаголюще се: не будем ложни.
 Аще не делом сие исполняем,
 всуе моляще Творца, всем стужаем.
 Тем же аще что имаши на кого,
 отпусти ему долг кроме зла всего.
 И аще брат в тя согрешит, прими,
 паче же его ущедри обими.
 И тако твоя долги Бог оставит
 и очищенна в горних воспрославит.

л. 62 об.

Matt,
 Matф., 6.12

320

Не введи же нас во искус, — вопием —
 и прилежно вси молящиеся зовем.
 Да паче силы ны зло не постигнет,
 не моляйся бо, сице той погибнет.
 Всяк убо живой на ся не уповай,
 но надежду всю на Бога возлагай.
 Ибо трех врагов крепких вси имеем;
 их же без Бога зде не одолеем.
 Мир, иже во злых присно пребывает; //
 плоть же яже ны похотми пленяет.
 И диавол злый на вся поощряяй,
 но да молимся: Есть бо избавляяй.

Matt.
 Matф., 6.13

л. 63

321

От лукаваго, молим, нас избави
 и падшыя ны всецедре возстави.
 Да не весма злый нами обладает
 и оставлены от Тебе вреждает.
 Сице бо должни есмы молитися
 внегда случится нам искушиться.
 Никого же бо нас Бог искушает
 обаче в ползу нашу попускает.
 Тем же потщимся Ему угодили
 и закон Его усердно хранити.
 Да с высоты нас светом озаряет
 и искушени злаго избавляет.

6.13

322

По молитве же Бога прославляем
и благодарно Его воспеваем.
Яко Твое есть царство, — вопиюще,
Отца и Сына, со Духом зовуще.
Честь же и сила, яже вся содержит,
сей с страхом аггел множество предстоит. //
Их же троичным светом просвещает
Бог, иже везде сый вся исполняет.
Сему колено всяко поклонится
и в славе Его весь мир просветится.
Царство же Его вовек пребывает
и от аггел пет быти не престаает.

Matf.
Matf., 6.13

л. 63 об.

323

Сучец в очеси брата смотряеши,
бервна же в своем не познаваеши.
Малое братне зря прегрешение
твориши ему зло досаждение.
Сам же болшая злая содевая
не чувствуеши в оных пребывая.
Притчею сею Христос научает,
да никто же zde ближних осуждает.

Лис.
Лука, 6.41

324

Царство небесно Спас уподобляет
богатству, еже обрет муж скрывает
На селе; вся же сия продавает
и купив село оно рад бывает.
Притчею же вся сею научает,
да его ищай, мир сей оставляет.
Сокровище бо той есть нетленное //
обогативый наше разтленное.

Matf.
Matf., 13.44

л. 64

325

Аще бо слепец слепца наставляет,
еже по всему велми зло бывает.
Не может бо путь их весма прав быти,
но падше в дол вси имут ся разбити.
Притчею сею Христос наказует
да благаго всяк вожда изыскует
Учения вся лжива отревая,
воистинне же себе снабдевая.

15.14

326

Богату мужу нива угобзися
и велико жит доволство случися.
Он же рече: Что имам аз творити,
яко не могут храмы жит вместили.
Малыя моя житницы разорю
и да вместят их, болшыя сотворю
И реку душе: яждь, пий, веселися;
живущи много лет сих насладися.
И ковчеги бо не вмещают злата,
тем же равна всем несть ми, ниже брата.
Но Бог безумна его нарицает
и в ону же ночь живота лишает. //

Лука, 12.16
¹⁰¹ Луис, 12.16^я

^{100—я} Отсылка расположена под нижней сторокой строфы 326.

327

л. 64 об.

Христос Спаситель наш всех научает,
 да друг другу всяк спасится желает.
 Притчю ста овец пасомых предложив,
 от них же ищет едину погубив.
 Стажатель прочих в горах оставляя,
 о погибшей же паче всех внимая.
 Юже на рамо обрет возлагает
 и в радость свою други созывает.
 Срадуйтесь мне братие вопия,
 погибшая бо обретется сия.
 Сие и драхмы притча показывает,
 юже обретши рек: Жена ликует.

Matt., Луце
 Матф., 18.12.
 Лука, 15.3

328

Винограда Спас притчю предлагает
 и делавших в нем верно уболажает
 В онь же изыде господин наяти
 делателей, мзду им обещав дати.
 В различны часы оных обретая
 и ины позже обаче взимая.
 По сем же равну мзду всем воздавает
 и позже вшедших дело похваляет.

Matt.
 Матф., 20.1

329 //

Притчу рече Спас иудейску люду,
 яко виноград есть огражден всюду
 Израиль; Бог же его насадитель,
 но оный рабов его бысть губитель.
 Иже послани от него к сим быша,
 они же емше тех зле сотвориша.
 Коемуждо их раны наложивше
 и камением нещадно побивше.

л. 65
 Луце.
 Лука, 20.9

330

Вечерю зелну муж уготовляет
 и многих послав рабы призывает.
 Но звании вси сих отвратишася
 и на вечери сей не явишася.
 Господь же дому прискорбен бывает
 и от стогн града нищих собирает.
 Рек: мнози звани, мало же избранных,
 прием в дом худых, питает же странных.

Matt.
 Матф., 22.2

331

Егда же странни вкупе вечеряху
 и благодарно Бога прославляху.
 Господь же дому оных призирает
 и безъодежна суца познавает.
 Его же рабом повеле пояти, //
 руце же ему и нозе связати.
 Понеже дерзну внити неукрашен,
 ввержен во тму бысть, зол сый и безстрашен.

Матф., 22.11

л. 65 об.

332

Десяти дев Спас притчу предлагает,
 юже слыша всяк да разумеваает.
 Пять убо мудры от них нарицает,
 вторья же пять безумны являет.

Matt.
 Матф., 25.1

Яже жениха срести изидоша,
 свещи носяща, вкупе же успоша
 Но мудри елей в сосудех имяху,
 юродивых же свещы угасаху
 И внезапно вопль бысть Се жених грядет
 да внидут же с ним на браки, вопиет
 Тии же свещы возжегше внидоша,
 готов бо елей в сосудех несоша
 Юродивым же отшедшим купити
 жених не даде в красный чертог внити
 Каяждо бо их во врата толцаше,
 но жених Не вем вас, — отвещаше

333

Фарисейск злый сонм Христа искушает,
 аще кесарю дань завещавает //
 Той же познав леть их пенязь смотряет
 и чий образ той иматъ, вопрошает
 Они же быти кесарев рекоша
 и уловити сим не возмогоша
 Рече бо Царю должная воздайте,
 но яже Богу сия соблюдайте

22

л 66

334

В Ерихон некий человек схождаше,
 Иеросалим оставль сей идяше
 Нань же убийцы злии нападоша
 иже бивше, риз его совлекоша
 И уязвише нага повергоша
 еле дышуща, весма не брегоша
 Сия притча род человекъ являше
 иже уязвлен диаволом бяше

 Луке
 Лука, 10 30

335

Иерей некий путем мимоходит,
 узрев же болна лежаща преходит
 Сице и левит его презирает
 и никую же милость нань являет
 Но уязвленный уже исчезаше
 и милующий его никто бяше

10 31

336 //

Самарянин же мимогрядый зряше,
 яко человек уязвлен лежаше
 Сошед тщателно к нему притекает
 и милостивно его обимает,
 Гнойныя струпы его отирая,
 елей и вино нань же возливая

10 33

л 66 об

337

Та же боляща на конь свой всаждает,
 самарянин взем его провождает
 Болшу же милость к нему сей являет
 и в дом врачевский целити вдавает
 Врачу пенязи два дав да прилежит,
 уязвлена же здрава да сотворит
 И аще свое — рек — что приложиши
 возвращая воздам аз, не погубиши

 Луке
 Лука 10 34

338

Приточне Христос люди научая
и яко грешных приемлет являя. 15.11
Человек рече: два сына имяше,
им же богатство равно разделяше.
Юный же свою часть собрав взимает
и отчий оставль дом вчуждь отхождает.
Велию печаль отцу сотворяя, //
провождает бо той его рыдая. л. 67

339

Отшел же в страны далны обитает 111, аЛука, 15.13^б
блудно живой, вся своя расточает.
Упиваяся и в злых пребывая,
имение же отче погубляя.
С блудницами же и с клеветы злыми.
по сем обнища, сей прелщен быв сими.

340

Иждив же вся, сын блудный наг бывает 111се.
и с свиньями живот провождает. Лука, 15.15
Послан насти их, гладен пребывая,
от рожцев же сих чрево насыщая.
Пришед же вся, дом отца поминает
и како лишен бысть сего, рыдает.

341

Пришед блудный сын, к отцу припадает, 15.20
его же оный сретив, ем, лобзает.
Согреших, отче, — к нему вопиюща;
приими щедре, погибша мя суща.
Не к тому сына мя себе являя,
но с наемники твоими счисляя.
Тем же его той щедро принимает //
и упитанна телца закалат. л. 67 об.
Светло торжество в день той сотворяя
и одежды нань с перстнем возлагая.
Мертв, глаголя, сын мой, се жив явися,
тем многа мне днесь радость сотворися.

342

Человек некий zelo богат бяше, 111Лука, 16.19^г
сей непрестанно в багряных хождаше,
По вся дни светло в них облачаяся
и пирствоваше сладце питаяся.
Пред сего враты Лазарь нищ лежаше
иже немощен и весь гноен бяше.
Насытитися от крупиц желая,
нань же богатый не бяше взирая.
Из дому же пси к нему прихождаху
и ноги его гнойныя лизаху.
Но богатый сей немилостив бяше
и нимало что сему подаяше.

111, а-б Доб., в ркп нет. 111-г Доб., в ркп нет.

343

Егда же Лазарь нищий умираше,
 иже в болезни вся дни пребываше,
 Ангели душу его восприемлют
 и в горняя ю несуще подъемлют //
 Во Авраамлих недрах пребывати
 и вкупе с лики святых почивати.

Лuce,
 Лука, 16.22

л. 68

344

По сем богатый он зле умирает,
 душу же его демон восхищает.
 Иже чрез всю жизнь во злых пребываше
 и паче Бога богатство любяше.
 Тем же демони его душу приемлют,
 сицеву бо смерть вси злии подъемлют.
 Блази же его дние исчезоша
 и тако вкупе с ним во ад снидоша.

16.23

345

В муках же адских богатый взирает
 горé; огнем же палим сый смотряет
 Лазаря, в недрах Авраамлих суща
 и многа блага в небесех имуща.
 Ко Аврааму умильно взывает,
 посли Лазаря, отче, — умоляет.
 Да поне язык мой мало прохладит.
 Но Авраам сей о оном не радит.
 Он рек, яко жив приял ты благая,
 тем же вселился еси в сия злая.
 Еще же зельно есть разстояние, //
 по смерти бо несть ти покаяние.

Лuce.
 Лука, 16.24

л. 68 об.

346

Христос Спаситель всюду проходя
 учаше, много чудеса являя.
 Узре Матфея на мытнице суща
 и собрания многаа имуща.
 Сему: Гряди вслед мене, — возглашает;
 той же оставль вся по нем прехождает.

Матт.
 Матф., 9.9

347

Егда же Христос в Ерихон идяше,
 сего зело мног народ окружаше.
 Закхей же мытарь зрети нань желает,
 но понеже мал сый, не возмогает.
 Тем же на древо предтек восхождает.
 Его же узрев Спас: Сниди, — глашает,
 Закхее, в дом бо твой Аз хощу внити.
 Той же потщася Его угостити.

Лuce.
 Лука, 19.2

348

На кладезе Спас Иаковле сedit
 утруждась с пути, да себе прохладит.
 Жена же воды пришедши налити,
 к ней же той рече: Даждь Ми сея пити.
 Но оная се Ему отрицает: //
 Иудей еси, тем не подобает
 Самаряныне жене коснутися.
 Спас же глаголет ей повинутися:

Ioannes.
 Иоан, 4.6

л. 69

Аз, рече, кладязь есть живья воды,
 яже пиющим творит благи плоды.
 Не вжаждет убо вовск всяк ю пияй,
 тем воду сию пити ты возжелай.

349

Егда Спас в дому Симонове бяше
 и с фарисеи купню вечеряше,
 Жена на нозе миро возливает,
 главными же их власы отирает.
 Яже блудница во граде том бяше,
 тем о сей Симон зле негодоваше.
 Но Христос веру ея похваляет
 и — Жено, иди в мире, — к ней вещает.

Лука, 7.37

350

Отвергийся зле Христа Петр рыдает
 и в темне месте себе затворяет.
 Из глубины же сердца въздыхает
 и многи слезы горце проливает.
 Да паки Господь милостив явися
 и в первый свой чин прощен возвратися. //

Matt.
Матф., 26.75

351

Христос Творец же и Бог мира всего
 страждает на кресте, да избавит сего.
 Поносну же смерть плоть приемлет,
 беззакония бо всех на ся вземлет.
 Между злодеев безгрешный распяся,
 смерть, диавол и грех сим попрося.
 Един же злодей его познавает
 и — Помяни мя, Спасе мой, — взывает.

л 69 об
Лука.
Лука, 23.42

352

Из корабля Спас народ научает.
 И многи притчи премудро вещает.
 Изыде, рече, человек, да сеет
 желая, да труд его в плод успеет.
 В разных же местех семена падоша,
 но многа от них падше погибоша.

Matt.
Матф., 13.1

353

Спящим же людем враг куколь всевает
 и пшеницу сим добру оскверняет.
 Притча же сия всех нас научает,
 да слышай слово благо сохраняет.
 Враг бо диавол той не почивает,
 иже во благих и злых умножает //

13.25

354

Господин же шед нивы назирает.
 откуда куколь? рабов вопрошает.
 Аз, рече, добру пшеницу посеях,
 зрю же в ней куколь, сего не содеях.
 Раби же просят, да его исплевут
 и от благия злый куколь отженут.
 Но той отрече до жатвы пребыти,
 дабы пшеницы с ним не погубити.

л 70

Mat.
Матф., 13. 27

355

Егда же время жатвы благо наста,
 тогда жатели кийждо жати воста.
 И куколь убо прежде собирают
 связавше в снопы огнем сожигают.
 В гумно пшеницу благу относяще
 и тамо добре оную храняще.
 Сия притча суд страшный возвещает,
 святым царство, злым же муку являет.

13.30

356

На Фаворе Спас преобразуется,
 божества бо свет zde показуется.
 Из плоти Его лучам сияющим
 и апостолов зрак помрачающим. //
 Лице же яко солнце просветится
 и якоже свет одежда явится.
 Тем апостоли на землю падоша,
 зрети бо сии нань не возмогоша.
 С Ним же Моисей и Илиа бяше
 и Отец свыше: Се Сын Мой, — глашаше.
 Петр же, да сени три будут, желает,
 от страха бо сей невесть что вещает.

17.1

л. 70 об.

357

Жена некая Христа в дом свой прия,
 Марфа же убо бяше имя сея.
 Сестру же сия Марию имяше,
 яже при ногах Спаса приседяше.
 Марфа же службу в потребных творяше
 и да поможет ей сестра стужаше.
 Но Спас Марии дело похваляет,
 Марфе запретив, да ей не стужает.

Лукс.
Лука, 10.38

358

Младенцев Христу мнози приношают,
 ученицы же им се возбраняют.
 Но оставите их, — Спас возглашает
 и да никто же о сем им стужает.
 Тацы рек Царство Божие наследят, //
 злобы бо сии и греха не ведят.

18.15

л. 71

359

Христос царь кроткий грядет на жребяти
 во град Сион страсть волнуу прияти.
 Сего с ваием и ветвми стретает
 и — Осанна, царь израилск, — взывает.
 Возраст младенец злобы не имущих
 и еще сосцы матерния ссущих.
 По пути же вси ризы постилают
 и — Благословен, грядый, — воспевают.

Math.
Матф., 21.1

360

Никодим Христа в нощи присещает
 и чим спаситися? Его вопрошает.
 Христос же рече, иже не крестится,
 сей в небесное царство не вселится.
 И да верует, сего наказует,
 себе же Сына Божия сказует.

Ioann.
Иоанн, 3.1

361

Царь некий дела рабов испытует
и едина долг имуща взыскует. Матт.
Матф., 18.23
Сей же раб тмою талант должен бяше,
их же воздати царю не можаше.
Царь же повеле дом его продати //
и серебро свое всецело прияти. л. 71 об.
Но раб пад к ногам его, умоляет,
милостив же царь долг ему прощает.

362

Изшед же раб той, клеветета сретает, 18.28
иже пенязей сто не воздавает.
И пад на него люте удавляет.
Отдаждь ми долг мой, — бия ѝ вешает.
Потерпи, брате, — не внемля моляща,
всади в темницу должника скорбяща.

363

Уведев же царь, еще той содела,
не терпит сего раба злаго дела. Матт.
Матф., 18.32
Послав же к себе его призывает.
Аз, рече, отдах ти долг, укоряет.
Ты же жестоце клеветету твориши,
тем мой долг люте мучен возвратиши.
Сия же убо притча научает,
да к ближним кииждо милостив бывает.

364

Повеле же царь узы наложити
и во оковах нозе заключити. 18.34
Немилостива к клеветету своему //
запретив весь долг возвратити сему л. 72
И стрещи его, дондеже вся воздаст;
сице Бог мукам немилостивых вдаст.

365

Человека два во церковь внидоша
и мольбы своя к Богу принесоша. Лк.
Лука, 18. 10
Един фарисей, вторый мытарь бяше.
Спаситель сию притчу предлагаше.
Фарисей рече сице вопияше:
Благодарю Тя, Боже мой, зовяше.
Праведна себе во всех представляя,
мытаря же зле в ничто же вменяя.
Но мытарь стоя далече смиренно
Боже милостив, — зовет умиленно.
Буди мне грехи многия имущу.
и зрети горé весма не могущу.

366

Христос в храм вшед, бичь от вервии взимает,
бия же купцев, все опровергает. Матт.
Матф., 21.12
Иже купли в нем многи содеваху
и сим храм Божий злий оскверняху.
Дом, рече, Мой, дом молитвы наречен,
от вас же вертеп разбойничь сотворен.//

367

Фарисеи леств многу умышляют,
 жену блудницу Христу представляют
 Той же преклонся на земли писаше
 и глаголемых ими не внимаше
 Лукавно убо Его вопрошают,
 аще годно ю пустити вещают
 Но Спас премудро им отвещавает
 и сущих их злых весма посрамляет
 Аще рек кто в вас греха не имеет,
 той ю взяв камень убити да смеет
 Тем слышаше се, тии отступиша
 и жену ону смерти свободиша

Ioan
 Иоанн, 8 3

368

Прежде неже бысть Авраам, Аз же бых,
 раздражает сим Спас иудеев злых
 Камень бо али суще взимают
 и нарекшаго се Христа вергают
 Бога бо его суща не познаша
 и от сего нань паче вси восташа

Ioan
 Иоанн, 8 59

369

Хранилищу Спас в церкви приседяше
 и колико кто в ня влагает, зряше //
 Мнози же много богатии вложиша,
 от избытков бо своих сотвориша
 Но вдова нища две цате влагает,
 юже паче всех Христос похваляет
 Более, рече, та даде богатых
 убога суща, лучше сих превзятых

Marc
 Марк, 12 41
 л 73

370

Ученицы храм указуют велик,
 зриши ли — Христу рекуще, сей колик
 Христос же оным сице возглашает
 Аминь, — глаголю вам, — предвозвещает
 Яко имать той весь быти разорен
 и не един же камень будет явлен

Math
 Матф, 24 1

371

Иже во овчий двор дверми не входит
 и прелазий тать красти бо приходит
 Входяй же дверми добр пастырь есть овец,
 иже глашает их якоже отец
 Овцы же его глас вси познавают
 и упасени во благих бывают
 Притчею сею Христос всем являет,
 яко сам сый добр пастырь и спасает

Ioan
 Иоанн, 10 1

372 //

Христос добр пастырь овцы защищает
 и душу Свою за них полагает
 Волков злохищных жезлом отгоняя
 и стадо Свое от оных спасаая
 Наемник же зря волков, отбегает,
 да расхитят все стадо, оставляет
 Тем же всяк пастырь Христа всем подражай,
 стадо же свое от всех злых сохраняй

10 11

373

Симона Петра Господь вопрошаше
и аще любит Его познаваше.
Три краты к нему, Симоне, глашая:
Любиши ли мя паче сих? — вещая.
Петр же: Ты веси вся, — отвечает,
яко люблю Тя, Господи, — глашает.
Господь же ему: Паси агнцы моя;
трижды сие рек: Се есть паства твоя.
Тем же святыи Петр стадо свое пасет,
да от злохищных волков цело спасет.
В пажитех благих вся агнцы питая
и во ограду их миру вводя.

^дИоанн,
21.15^с

374

Егда Христос Сын Человечь придет //
и судити мир со агелы снидет,
Тогда бо яко пастырь вся соберет
и овцы своя от козлищ разберет.
Их же искупил есть на кресте страдав
и кровию сих всех Своею стяжав
Благословенных же в десных поставит,
разлучив от злых в царствии прославит.
Во град небесный Сион водворяя
и божественны славы наслаждая.
Козлица же зла умучит осудив,
тем же блюдися сего всяк нерадив.

л. 74
Matth.
Matф., 25.33

375

Человек некий призва рабы своя,
таланты оным коемуждо дая.
По достоинству же им разделяет
пять талант и два и един вручает.
Да прилежно вси куплю ими творят
и сребро его всецело да снабдят.
Сам же в далнюю страну отхождает
и благо жити всем завещавает.

25.14

376

Приемый же раб пять талант прилежит
да сугубья купльствуя сотворит. //
Тщательно бо их зело умножает
и другия пять сей приобретает.
Такожде и два приемый творяше
и другия два и той обреташе.

25.16

л. 74 об.

377

Приемый злый раб талант свой скрывает,
раскопав землю тамо полагает.
Нерадив же сый нимало трудится
и умножити его сей не тщится.
Господина бо заповедь не хранит
и о прибытке весма злый не радит.

Matth.
Matф., 25.18

378

По времени же господин их грядет
и да воздадут слово — рабов зовет

25.19

^{д-с} Доб., в ркп нет.

Сребра своего от них изискуя
и коегождо дело испытуюя
Да по трудом им даст воздаяние
исполняя все благих желание

379

Приступль же талант пять сребра раб вземый 25 20
принесе еще пять, труды подъемый
Такожде убо той иже два прия
усугубив их предлагает сия //
Господин же сих зело похваляет
блази раби вернии глашает
Вмале бо бысть вернии, тем идите
и за вся труды благо примите

л 75

380

Злый же раб талант един токмо имуць 25 30
не трудився же, принесе той же сущь
Тем же господин его осуждает,
злый и ленивый рабе возглашает
Сребро бо мое тще еси сотворил
Тем же прими якоже заслужил,
Повелев рабом зла суща связати
и да мучится вовеки отслати

381

Христос во славе мир судити грядет, 25 31
вся бо народы пред Себе соберет
Престол же славы Своя поставит
и царство Свое пред всеми прославит
Тогда колено всяко поклонится,
от святых же всяк грешен разлучится
От козлищ убо овцы разлучает
и в десных Себе сия поставляет
Благословенны оны нарицая //
и да наследят царство призывая
Ошуюю же козлищ проклиняет
и осудив их во огонь отсылает

л 75 об

382

Дела, чрез них же праведни бывают, 25 35
иже усердно сия исполняют
Христос на суде имать исчислити
и всех творящих я благословити
В первых аще кто нищия питает
и милостивно алчных учреждает
Самого Христа сей должна сотворит,
алчна бо питал мя еси — возгласит

383

Иже жаждущих нуждных напаяют, 25 35
благое дело сии сотворяют
Речет бо к ним Спас Егда возжадахся,
напоисте Мя, нищь бо Аз скитахся
Тем же всяк сице потщися творити,
аще хоцещи Христу угодити

384

Иже бо в дом свой странных принимает 25 35
и двери своя сим не затворяет

К сему Христос — Аз странен бых, — возгласит; //
 ввел Мя еси в дом и в рай его вселит. л. 76
 В горних жилищах присно пребывати
 тем не гнушайся всяк странна прияти.

385

Иже нагия сущя одевает 25.36
 и неимущим ризы подавает.
 Сей бо услышит Христа вопиюща,
 наг бых, одеял Мя еси, зовуща.
 В светлы же ризы в горних облечется
 и со аггелы жити сопричтется.

386

Иже болящих присно посещает Matt.
 и в зелней скорби сущих утешает. Matф., 25.36
 К сему болен бых, — Христос возопиет;
 посетил еси Мя, в царство воззовет.
 Тем посещати скорбных вси потщимся,
 да слышати глас Христов не лишимся.

387

К сущим в темницах достоит ходити, 25.36
 брашна же оным и питей носити.
 Христос бо имать сих благословити,
 иже потщатся сице сотворити.
 В темнице бых Аз, — ко оным воззовет. //
 Утешисте Мя, — и в царство призовет. л. 76 об.

388

К сим же седмое есть благое дело, Tobi.
 еже погребсти странна мертво тело. Товиа, 2.4
 Сице бо древле Товиа творяше,
 иже мертвыя тайно погребаше.
 Убиенных бо телеса взимаше
 и паче царска страх Божий имяше.
 В нощи мертвыя в дом свой приношаа
 и благочинно земли предавая.

389

Ученик Христов сый зол является Mathei.
 Иуда; и враг лют познавается. Matф., 26.14
 Учителя бо умысли предати,
 ко архиереем шед сребра прошати.
 Что ми хочете, — глаголет, — зань дати?
 Аз же вам явлю Его к смерти взяти.
 Тем же тридесять сребреник взимает.
 Оле, колик грех злый сей содевает.

390

Со ученики Христос вечеряет. Луке.
 К сим один от вас предаст Мя, — вешает. Лука, 22.14
 Сие слышавше скорбети начаша; //
 кто же предатель есть злый, не познаша. л. 77
 Тем перси его Иоанн лобзает,
 да явит кто в них сицев, умоляет.
 Христос же к нему: На сие, рек, взирай,
 ему же подам хлеб, той есть, познавай.

391

Учеником Спас ноги умывает,
 сим смирения образ предавает.
 Научая всех ближним се творити
 и да навькнем друг другу служити.
 Но Петр прежде се Ему отрицаше,
 запрещен же быв и главу даяше.
 Христос молитву к Богу Отцу творит,
 да преидет чаша смерти, юже той зрит.
 Отче Мой, аще мощно, — се вопия,
 пот же, яко же кровь, на землю ля.
 Но ученицы изнемогше спаху,
 с предателем же злии нань течаху.

392

Иудеев зрит Христос нань текущих,
 вожда же злаго Иуду имущих.
 Кого ищите? — оных вопрошает,
 глас же сей зело всех их устрашает. //
 Слышавше бо той на землю падоша,
 едва от страха вси не исчезоша.
 Иуда лстивно Господа лобзает
 и безценнаго злый злым предавает.
 Тии же емше узы налагают
 и многа злая Ему сотворяют.
 Во град к судиям злым Его ведуше
 и без милости на мнозе биюще.

393

Трижды Господа Петр отрицается,
 яко человек бо устрашается.
 Ни яже, рече, Христос поминает,
 петеля же глас сего исправляет.
 Воспомяну бо глагол предреченный,
 изшед плакаше, яко быв прелщенный.
 Каиафю Спас судим, предстоит,
 неповинен сый, ругаемъ же молчит.
 И оклеветан в ланиту биется,
 оплеваем же всеми не брежется.
 Каиафа бо взем ризы, терзает,
 хулит рек, бити злый повелевает.

394

Христа Пилату на суд представляют //
 иудей; сей злодей есть — взывают.
 Царя бо себе именует быти,
 тем же повели сего умертвити.
 Христос же кротце вся претерпевает,
 о колику Бог сый благость являет.
 Галилейский царь Христа испытует
 Ирод; и чудес от Него взыскует.
 Но Христос ему не отвещавает,
 тем же от него поруган бывает.
 Багряню бо нань ризу возлагает
 и паки того к Пилату вращает.

395

Христа Господа от риз совлачают
 и привязавше к столпу поставляют
 Воини злии, лозием биюще
 и многи раны бичми зле дающе.

Тако, яко кровь землю очервлени,
 но и сие их лютость не премени.
 По сем венец нань тернов возлагают
 и острым остьем главу прободают.
 В багряницу же Его облачают
 и ругателно трость за скиптр вручают.
 Радуйся, царю израилск, зовуще //
 и плеваша нань по главе биюще.

л 78 об

396

Венчанна Христа Пилат извождает
 и Се человек — людем возглашает.
 Они же: Возми, распни, — все взывают
 и вместо Его злаго свободяют.
 Да вскоре могут того умертвити
 и последнюю злобу совершити.
 Предстояй люд зол Пилату стужает
 и да распнется Иисус, — взывает.
 Пилат же руки своя умывает:
 Чист аз от крове сея, — возглашает.
 Повелев Христа на кресте распяти,
 не возможе бо злым противо стати.

397

Осудиша крест свой Христу понести,
 сим бо прииде осужденных спасти.
 Благоволив смерть за всех восприяти
 и безгрешен сый за злых страсть подъяти.
 Рыдает мати чистая се зрящи
 и биет перси жалостно слезящи.
 Нагаго Христа на крест полагают,
 руце и нозе гвоздми пригвождают. //
 Большую же сим болезнь Ему творят,
 пречистыя бо члены Его вредят.
 И ризы снемше зверски раздирают,
 вся же творяще Его посрамляют.

л 79

398

О Христе Боже, благости Твоя,
 Царю и Творче святыи твари всея.
 Какое крестом всех клятвы спасаеши,
 древом же прибывши грех потребляеши
 Ученик бо Твой и мати стояще,
 ужасахуся, болезнь Твою зряще.
 Со креста тело Господне снимают
 и боголепно е в гроб полагают.
 Мати же Его чистая рыдает,
 объемши Сына слезы проливает.
 Зрящи бо сего Дева умерщвлена
 увы! вопиет — како есмь лишена.

399

Верен Иосиф с Никодимом зрится,^ж
 погребае бо Христа, не страшится.
 Плащаницею Его повивая
 и благовонно миро возливая.
 Повив же, в гроб нов тело полагает //
 но Девы сердце болезнь утесняет.

л 79 об

^жНа полях справа почерком XIX в. неразборчивая запись о замене.

Воскресения свет святой блистает,
 Христос бо ада победив встает
 Из мертвых, мертвым всем жизнь подавая
 смерть же и древнии злый грех потребляя
 Сам же на небо ко Отцу восходит
 и верующих в онь к себе возводит

400

Воскресша Христа Магдалина зряше,
 вертоградара же быти и мняше
 Ей же Что жено, слезиши, возгласи,
 она же Его дерзостно вопросы
 Господи, яви мне, Его же ишу
 и не возврати мя, скорбну же и тшу
 Та же, ю Господь по имени зовет
 и не касайся Мне, — сице вопиет
 Восхожду бо Аз ко Отцу моему,
 Ибо Отец есть той и миру всему
 Богу же, яко есмь по вам человек
 иже естеством Бог сый прежде всех век

Иоанн
 Иоанн, 20 14

401

Учеником Спас в пути является,
 оными же Той не познается //
 Им же сшествуя в Еммаус идяше
 и дряхлюющих их Той утешаше
 От писании им многая сказуя,
 неверство же их поносит толкуя
 По сем ядуша с ними познавают
 и воскресша и шедше прославляют

Лука
 Лука, 24 13

л 80

402

Учеником Спас всем вкупе явися,
 воскрес из мертвых, zde Фома случися
 Сей руку в ребра Христова влагает
 и яко Бог есть, право познавает
 Господь мой и Бог еси Ты, — вопия,
 похвална же бысть его вера сия

Иоанн
 Иоанн, 20 26

403

Спас учеников со берега глашает
 и аще имут снедно³ — вопрошает
 Иже ничто же есть сих — отвещаша,
 явльшася бо вси Его не познаша
 Христос же мрежи повеле воврещи
 и не могоша вси в них рыб привлещи
 Тем, яко Христос есть Той, познавают
 и ядше вкупе Того прославляют //

И Иоанн
 Иоанн, 21 1^K

л 80 об

404

Восходит в небо ада победитель
 Христос, Сын Божий, всех верный Спаситель
 Учеником рек в Сионе пребыти
 Утешитель бо имать на вы снити
 Дух Святой, иже исходит от Отца,
 пришед сохранить вас даже до конца
 И Аз с вами же непрестанно буду
 и защищати имам от злых всюду

Лукас
 Лука, 24 51

³ На полях справа брашно и-к Вписано под последней строкой строфы 403

405

ACTA APOSTOLORUM

Повнегда в небо взыде всех Спаситель,
 Бог и человек Христос, искупитель.
 Отнуду же всех верных присети
 и благодать дав сердца их просвети.
 Учеников, весь мир послав учить
 и да веруют в онь благовестити.
 Сих деяния зде изображаем
 и яже на них скорби изъвяляем.

406

Апостолский лик с Петром пребывает,
 радости свыше присно ожидает
 Единодушно молитвы творящи //
 и яко Христос отиде скорбящий.
 Марии же жен святых лик приседит,
 ея бо сердце матернее болит.
 Всеи же Святаго Духа ожидаху
 и яко рече им Спас уповаху.

Асю.
 Деян., 1.14

л. 81

407

Апостоли вси возшедша вслед зряху,
 Христа и Бога падше прославляху.
 Возвращешя же лик свой наполняют
 и в Иудино место поставляют
 Два ученика от многих избравше
 и моляхуса, жребий има давше.
 Из сих Матфия Дух Святый в лик введе,
 нань же апостолск данный жребий паде.

Асю.
 Деян., 1.23

408

Дух Святый в виде язык низхождает
 на апостолск лик, яко огонь седает.
 Когождо особь светом просвещая
 и благодати полны их являя.
 Всеи же небесну теплоту прияша
 и глаголати языки начаша.
 Яко же им Дух Святый подаеше
 и киждо Бога благодать вещаше. //

2.1

409

Петр духа исполнь сый к людем вещает
 и яко Христос есть Бог научает.
 Иже без отца от Девы родися
 и да спасет мир, человек явися.
 Неповинен же изволи страдати
 и нас ради крест и смерть восприяти.
 Того, глаголет, познайте воскресша
 и от адových уз род наш возведша.

л. 81 об.

Ас.
 Деян., 2.14

410

Петр люд во имя Троицы крещает,
 Отца, Сына же и Духа; вещает
 Устав божествен перво исполняя
 и три едино быти научая.
 Крещаем же мног народ приложися
 и тайн святых верно причастися.

2.41

Веровав, яко Христос Сын Божий суц
и един токмо той спасти вся могут.

411

Петр и Иоанн во церковь вхождает
и болна у врат сядяща смотряют. 3.1
Иже от чрева материя хром бьяше
и у входящих на пищу просяше. //
Петр же взем его руку воздвизает
И Христово рек имя исцеляет.

л. 82

412

Апостолский лик егда моляшеся
в дому идеже весь собирашеся,
Тогда место же и дом потрясеся,
молитва бо их горé вознесеся.
Абие же Дух Святыи найде на них
и вляя многу благодать свою в сих.
Да дерзновенно слово возвещают
и воскресшаго Христа прославляют.

Ас.
Деян., 4.31

413

Иудеанин Анания бьяше,
иже и жену Сапфиру имяше. 5.1
Сей же за село свое цену прия,
принесе к Петру, украдь нечто сея.
Хотя от него сие утаити,
но не возможе Бога искусити.
Апостол бо всем его обличает.
Он же слышав пад пред ним, исчезает.
Не ведущи же жена виде его,
общница сущи злаго дела его.
Согласует же мужу вопрошенна, //
такожде паде, и бысть умерщвленна.

л. 82 об.

414

Апостолом Бог чудес дар подаде,
веровати же сим многи приведе. ^лДеян., глава
5.15^М
И на путех бо болных полагаху,
да осенит стень Петрова, желяху
Всюду же многи целбы чрез них быша;
и тем Христову церковь разшириша.

415

Апостоли вси в темнице замкнени,
быша бо от злых иудей всаждени. Ас.
Деян., 5.19
Аггел же пришед двери отверзает
разрешив от уз всех их свободждает.
Да шедше во храм Христа возвещают
и веровати в оны люд научают.

416

Архидиакон Стефан судим бьяше,
Христа бо Бога ясно возвещаше 6.12
От писания много показуя
и яко той есть Сын Божий сказуя.

^{л-м} Вписано под последней строкой строфы 414.

Архиереи же и люд не внимают,
 но да убиен будет, осуждают //
 Той же молящяся небо отверсто зрит
 и Христа, иже в десных Отца седит.
 Нечювствен же злый люд нань нападает
 и камением сего побивает.
 Иже моляше, да в грех им не вменит,
 божественным же светом да просветит.

л. 83

417

Честно Стефана тело провождают
 апостоли вси и зело рыдают.
 Перваго сего страдалца скорбяще
 полагают в гроб, жалостно слезяще.
 Сей убо первый за Христа смерть подъя,
 тем же и венец небесный восприя.

8.2

418

Верова Христу люд в Самарии сущ,
 но еще Духа даров не бе имущ.
 Тем апостоли к сим послани быша
 Петр и Иоанн; и сих совершиша.
 Пришедше убо руки возлагаху,
 да снидет на ня Дух Святый, моляху.

Аста.
Деян., 8.14

419

Филиппу аггел сей путь показывает,
 да востав к Богу идет, наказует. //
 Филипп же шед, зрит мурина грядуща
 и пророчество Исаии чтуща.
 Сего от чтомых словес научает
 и Христа Бога суща возвещает.

^нДеян.,
8.26^о
л. 83 об.

420

Каженик^п Христа Бога познавает
 и узрев воду путь свой оставляет,
 Повелев стати колеснице, при ней
 молит Филиппа, да крестит его в ней.
 Филипп же веру его зря, крещает
 сошед на воду, сего погружает.
 Крестив же, Духом сам восхищается
 и в Азоте в той час поставляется.

8.38

421

Савл грядет в Дамаск, да верных разженет^р
 и Христа Бога познавших побиет.
 Сего в пути свет свыше освещает
 и глас: Савле, что зол еси? — вещает.
 Гоня Мя присно Бога воплощенна,
 но борити зло есть непобежденна.
 Той же слышав глас ужасен бывает
 и Что творити имать? — вопрошает.
 Тем Господь в Дамаск его посылает. //
 Тамо речется ти, что подобает.
 Ослеплен же той, путем ведом бяше,
 иже последи повсюду светяше.

Ас.
Деян., 9.3

л. 84

^{н-о} Доб., в ркп. нет. ^п На полях слева ефиоп. ^р На полях слева из вместо раз.

422

Крещен же быв Савл о Христе учаше
 в Дамасце; многи к вере обращааше.
 Яко той есть Сын Божий утвержда
 и иудеев презлых обличая.
 Тем же убити его совещааша;
 но ученицы совет их познаша,
 Нощию чрез град в коши низпускают
 и тако жива Савла сохраняют.

9.25

423

Петр святых сущих в Лиде посещает,
 разслабленна же тамо обретает
 Енеа, иже осмь лет в скорби бяше
 и зелне стражда смерти ожидаша.
 Сего именем Христа исцеляет
 преславно чудо с одра возставляет.

9.33

424

Во Иоппию Петра призывают
 и яко умре Тавифа, являют
 Жены убоги, яже та питаше; //
 одеваючи их всем удовляше
 Сия пришедша Петра умоляют,
 да помолся ю воскресить, желают.
 Той же молитву сотворь, возглашает:
 Востани, серно, — рек; ту воскрешает.

Асю.
Деян. 9.40

л. 84 об.

425

Корнилий сотник благочестив бяше;
 сей в Кесарии граде дом имяше.
 Ко убогим милость премногу являя
 и маломощных обилно питая.
 Молящя же зрит аггела представша
 и яко прият его Бог, вещавша.
 Веляща ему Петра в дом призвати,
 иже имать тя о всем наказати.

10.1

426

Петр на горницу вшед молитву творит,
 в восторзе же быв, небо отверсто зрит
 И плащаницу низпущенну суцу;
 гад же мног и скот и птицы имушу.
 И глас заклати их повелевающ
 слышит же, ясти вся благословляющ.
 Той же, сия суть скверна, отрицает;
 но Бог: Очистих сия Аз, — вещает //
 Сим языческ люд скверный знаменуя,
 яко прият есть и чист показуя.
 Тем же да имать от язык крестити,
 сыны же света и царства явити.

Асю.
Деян., 10.11

л. 85

427

Петр к Корнилию позван прихощает,
 сему поклоня той, честно сретает.
 Апостол же емь его возставляет:
 Аз бо человек емь, — к сему вещает.
 Вшед же в дом его, Христа возвещает
 и яко Божий есть Сын научает,

10.25

Самаго и весь дом его крещая
и да примут Дух Свят обновляя

428

Ирод царь многих верных озлобляет 12 2
и зельно церковь Христову вредяет
Иакова же осуди убити,
восхотев паству его расточити
Посла бо главу его зле отгяти,
от иудей честь желая прияти
Сей Иаков брат Иоаннов бяше,
епископ же сый, за Христа страдаше

429//

По сем яко же Иакова уби л 85 об
Ирод, за се люд злый его возлюбил Асю
Той же им тщится вьящше угодити, Деян , 12 6
Петра в темницу повеле всадити
В темнице же Петр стрегом стражми спаше
и связан крепце веригами бяше
Но ангел пришед его возбуждает
и ем за руку узы разрешает
Свободен сый, рек ему Мне последуй,
дерзая же, всем Христа проповедуй

430

Павел остров Паф кипрский прохажает 13 11
и в Христа Бога веру утверждает
Ипата Павла сея научая
и яко спасе той вся, возвещая
Но Еллима злый всем противляется
и развратити се понуждается
Павел же злому волхву запрещает
и обличив ѝ словом, ослепляет

431

В Листре хромаго Павел исцеляет, 14 8
чудесем же сим люди удивляет,
Иже зряще Се боги суть, — вопиют //
Павла бо сице и Варнаву зовут л 86
Мнят же их, Диа и Ермиа быти
и жертвою им тщатся угодити
Но апостоли се им возбраняют
и текше жрети едва утоляют

432

Жену Лидию Павел научает, Асю
яже приседит и зело внимает Деян , 16 14
Призва же его в дом свой крестившися
и тайн веры сим научившися
Шедша же Павла бесная сретае
и — Се есть божий раб, — та возглашает
Павел же духу злому запрещает
Христово имя рек, сим изгоняет

433

На Павла мятежь злый дух воздвизает, 16 27
изгнан из девы, весь град возмущает

Тем его бивше, в темницу всадиша
и силу с ним же емше заключиша
Им же сидящим трус велий бывает
и всех сущих ту узы разрешает
Двери темницы силно разверзая
Сие же зрит страж недоумевая //
Избежавших бо всех от уз той мняше
тем мечем себе ^субити хотяше ^т
Павел же гласом велиим взывает
не твори се Всеи суть зде, — возвещает

л 86 об

434

Многа чудеса чрез Павла Бог творит
и болных его убрूसами целит
Сия бо тии на ся возлагают,
тем же от них злии дуси утекают
Се зряще волсви книги сожигают
и Христа Бога суца познавают
Зело же церковь верных возрастает
и идолска лесьт весма исчезает

Асю
Деян , 19 14

435

Павел на мнозе слово простираше
и благочестно люд жити учаше
Христовы тайны оным подавая
и словом жизни сладце утешая
Юн же Евтих с стен здремав низпадает
зело высоких, и мертв зрим бывает
Сего Павел шед долу воскрешает
и в славу Христа жива представляет

20 9

436//

Павел многия страны мира обшед
в законный же храм очиститися вшед
От иудей ят и биен бывает,
Иеросалим бо весь нань востает
Сие же в слухи тысящника вниде,
иже взем вои, отъяти прииде
Павла мятежь зол градский утоляя,
живот же дати невинну желая

21 31

л 87

437

Архиерею Павел бив представлен
глаголет, Духом Святым сый наставлен
Прилежно на сонм очима смотря
и дерзновенно о вере вещая
Архиереи же повеле и бити
по устом, хотя ему возбранити
Павел же рече Что мя зле биеша,
Божия бо сам суда^у не минеши
Та же тысящник совет зол нань познав
и в нощи свои сей сотника призвав
Из града тайно велит проводитьи,
да жива его может сохранитьи

Асю
Деян , 23 1

438

Агриппе Павел представлен бывает //
царю и яже о себе вещает,

24 24

л 87 об.

^{с-т} Испр, в ркп хотяше убити ^у В ркп ошибочно повторено сам

Како с небесе бяше Богом призван
 благовестити людем всех стран
 И иудей сущь, гнев на ся являет,
 яко от них вся зле претерпевает
 Царь же невинна его весма зряше,
 тем и свободна явити хотяше
 Но понеже той кесаря нарече,
 тем же да грядет в Рим, царь нань изрече
 Сие же Божий промысл устрояше,
 просветити бо град оный хотяше

439

На остров Милит здрави изыдоша	Асю
сущии с Павлом вси и огонь возжгоша	Деян 28 1
Павел же лозы сухи собирает,	
да согрется люд, огонь умножает	
Из сих изшедши змия угрызает	
его руку, тем люд зла и вменяет	
Той же во огонь ю от руки ввергает	
и никое же зло ему бывает	
Смерти же его уже ожидаху,	
но зряще здрава Сей Бог есть, — зовяху	
Поплин же в дом всех прием учреждает, //	
сего отца вшед Павел исцеляет	л 88

440

Нуждный путь морской с Павлом прешедший	28 9
и скорби многи обще подъемший ^Ф	
Та же вси Рима града достигают,	
с сотником вои Павла в онь ввождают	
Иже братию сретающую зрит,	
сих лобзав, Бога зело благодарит	
По сем иудей лучших созывает	
и вся им яже о себе вещает	
Веровати их в Христа научая	
и никто же бе ему возбраняяй	
Но глаголаше дерзновенно слово,	
сим в Риме стадо растяше Христово	

441

Христос за всех крест и смерть восприемлет,	X P S
змия же злаго древний яд отъемлет	Lucе
Пригвождаем бо ко кресту сей терпит,	Лука 23 33
да умерщвленный мир оживотворит	
При Пилате нов Адам умирает,	
древняго же грех весма потребляет,	
Кровию его своею искупив	
и от ада весь род его свободив //	
Сей победитель смерти показася	л 88 об
Вседержитель сый, Им же мир создася,	
Иисус Христос Бог сый воплощенный	
да славит Его всяк земнорожденный	

442

Верховнейший Петр, апостолска лика	S Petrus
и учитель сый всякаго языка	
Всюду же Христа благовествовавый	
и веровати в онь многи призывавый	
Первопрестолник сей бысть Рима града,	
в нем же подья смерть пастырь сего стада	

^Ф Испр, в ркп подъемше

При Нероне бо на кресте распяся,
подрожатель прав Христа показася.

443

Андрей, его же прежде Христос призва
егда Гряди вслед мене, — к нему воззва.
Сей же вся оставь, по нем прехождаше
и неразлучно до смерти с ним бяше.
Проповеда же и воскреша того,
уча языки веровати в него.
И его ради жезлы бяше биен
в Патрех Ахайских и ко кресту пригвожден.

S. Andreas

444 //

Иаков, веры во Христа учитель,
апостол Его сый и благ ревнитель.
Сын Зеведеов, ученик освящен;
иерусалимск люд мног сим просвещен.
Дерзновенно бо иудей учаше
и многи от них ко Христу обращаше.
От Ирода же усечен, скончася,
но велия месть тому зань воздася.

S. Iacobus
major

445

Его же Христос паче всех любяше,
есть сей Иоанн, иже зань страдаше.
Дометианом в конобе быв варен
в Риме; от сего изыде не врежден
И смертным ядом злым чашу пияше,
но вера его здрава сохраняше.
Во Асии же мног люд сим просветися
и Афродиты злы храм разорися.
Идолску бо лесь всюду разрушаше
и веровати во Христа учаше.
В Ефесе же стар сый с миром скончася,
предав Богу дух на небо возвася.

S. Ioannes

446

Филипп, святого Петра согражданин //
в скифския страны сей послан бысть един.
В них же прелщенный народ научаше
и от идолски службы отвращаше.
Единаго всех Бога возвещая
Иисус Христа и в онь люд крещая.
От неверных же ко кресту пригвоздися.
сице проповедь его совершися.

S. Philippus

447

Верфоломей сый Христов благ ревнитель,
идолов же бысть велий разоритель.
От скверных бо их служб отвращаше,
в Индии уча мног народ крещаше.
Тамо же его невернии яша
и с жива кожу в Арване содраша.
Сице же страдав за Христа скончася,
к Нему же возсед, вечно увенчася.

S. Bartholomeus

448

Фома, сей индов восточных учаше
и ко Христу всех Богу обращаше,

S. Thomas

Персом и мидом Сего возвещая
и идолску злу лесьт искореняя.
Попра бо злая их научения,
тем же восприя многа мучения. //
По сих же збоден копии скончася,
во Индии кровь изливав венчася.

л. 90

449

Матфей апостол, мытарь прежде бывый,
Евангелием же мир просветивый.
Сей во языцех Христа проповеда
и Бога Его суща исповеда.
Многи бо страны уча обхождаше
и веровати в Него обращаше.
Тем же от еллин многи муки подъя,
по сих усечен мечем конец прия.

S. Mattheus

450

Иаков Божий брат, епископ бывый
иеросалимск, первый всем служивый.
Сей иудеем Христа благовести,
да веруют в онь уча многих крести
Палицами же от них бяше биен
и с церковнаго крила низриновен.
Последи главу его сокрушиша,
белилным древом сего умертвиша.

S. Iacobus
minor

451

Симон апостол и Иуда, Фаддей
подражатели суть Христовых страстей. //
Многи бо страны в него уверяху
и от идилов скверных отвращаху.
Тем же многия зань муки подъяша
и смерть в различных местех восприяша.
Симон пилою претрен быв скончася,
Иуда же сей на кресте распяся.

л. 90 об.
S. Simon
S. Iudas
Thadeus

452

Матфей чрез жребий велик апостолск взятый
вместо Иуды сей дванадесятый.
В Ефиопии Христа благовести
и веровати люд научив крести.
От скверных идол многих обраща
и яко не суть бози обличая.
Тем же усечен быв тамо скончася,
но в небе яко страдалец венчася.

S. Matthias

453

Павел в апостолск лик с небесе званный,
воистинну сей есть сосуд избранный.
Яко крилат бо, весь мир обтекаше,
иудеем же и всюду дерзаше.
Рождьшася Христа Бога возвещая
и от идол всяк язык отвращая.
В Риме же Нерон его усекает, //
но сей учити присно не престаает.

S. Paulus

л. 91

454

FIDEI APOSTOLICAE

Веры зде члены расположишася	Асюг 10.
и художне вся изобразишася	Асюг 15.
Кия же в себе тайны заключают,	Деян., 10,
зрителю сия иконы являют.	стих 43 и
Бог бо верою сердца очищает	глава 15,
и во имени Христове спасает.	стих 10
Всем грехов вземлет всяк оставление,	
ибо той веры есть совершение.	

455

CREDO

Верую в Бога безначална Отца,	1
зримых убо всех и незримых Творца	
Неба и земли и елика суть в них,	
той совершитель и Вседержитель сих.	

ET IN

Иисуса Христа, Сына Его	
с присносущна же и суща из Него	2
Господа тварей, яко же явился	
внегда на горе сый преобразися.	

456

QUI

Во чреве Духом Святым заченшася //	3
Марии Девы и в плоть облекшася.	
Рождышагося же нетленно из нея,	
не вредившаго ключи девства сея.	

л 91 об

PASSUS

При Пилате же нас ради страдавша	4
и на кресте кровь свою излиывша.	
Умершаго же бывша погребенна,	
сим бо явился зла смерть умерщвленна.	

457

DESCENDIT

Низшедша во ад пленных свободити	5
и диаволю крепость разрушити.	
Из мертвых же в день третий воскресшаго	
и весь род Адамль от уз изведшаго.	

ASCENDIT

В небо возшедша апостолом зрящим	6
и зело яко отиде слезящим.	
Седящаго же тамо Отца в десных	
сподобляюща нас жилищ небесных.	

458

Отонуду же грядущи судити	7
и царство свое вовек утвердити.	

Живым и мертвым по делом воздати,
оных в жизнь, сих же в геенну отслати. //

CREDO IN SPIRITUM

л. 92

Верую в Духа Свята жизнь дающа
Отцу и Сыну Бога соприсносуща
На апостолы преславно низшедша
утешителя от Отца изшедша.

8

459

SANCTAM

Святую церковь в Христе утвержденну,
православну же и соединенну.
В ней же и святых возьмем общение,
яже мати всех есть и спасение.

9

REMISSIONEM

Во Христе грехов всем оставление
апостолское вземшым учение.
Иже веруют и крестятся в Него,
не спасется бо ни един без сего.

10

460

CARNIS

Ожидаю же дне воскресения,
Божиим Духом всех оживления.
Вси бо во плоти имамы востати
и якоже кто содея прияти.

11

ET VITAM

Жизнь же вечная праведных явится
небесный Сион, в нем же Бог вселится. //
Христос со Отцем и Духом вовеки
возводяй во град оный человеки. Аминь.

12

л. 92 об.

461

VISIONES APOCALYPTICAE

Яже Иоанн Богословец зряше
егда во остров Патмос изгнан бяше.
Зрителю честне, тебе представляем
и ясно сия вся изображаем.^к

Седьмь бо свещник, седьмь церквей знаменаша,
яже Христово слово восприяша.
Седьмь же аггелов, седьмь труб имущии
и инии седьмь фиал лиющии.

Иже таинства различна являху
и многа на мир злая знаменаху.
Книга же таинств бяше божественных,
юже никто же отверзе от земных.^ц

^кСлева на полях в трех строках по вертикали: Podpisuyai na werchnem poli sie nad ahhely. ^цСлева на полях в двух строках по вертикали: Podpisuyai sie na niznom Poli.

Седь бо печатей оная имяше //
 яже агнец Сын Божий разрешаше
 И аггел, иже ключь бездны ношаше,
 той диавола ем ужем вязаше.
 Та же красен град с небесе явися,
 в нем же с праведных лики Бог вселися^ч

462

1

^шИоанн егда бе в заточении,
 во Патмосе же сущ в восхищении.
 Слыша убо глас, яко трубу гремящ.
 Аз есмь начало и конец — ся зовящъ.
 Повелевающ же к седми писати
 церквам; зрямая от Него послати.

2

^щОбращя зряше апостол зовуща,^б
 виде окрест седь светилник имуща,
 Их же посреди сам звавьй стояше,
 иже яко Сын Человеческ бяше.
 Седь же в деснице звезд зримый держаше.
 Лице же солнцу подобно имяше. //

3

^ыБогослов духом в небо восхищенный
 зрит престол Божий зело украшенный.
 На нем же седящ сардину подобен,
 иаспису же; Бог сый благоден.
 Окрест же его двадесать четыре
 престоли старцев во небесном мире.
 Трисвятое же животна пояху
 четыре; Ему день и ночь глашаху.
 И старцы, венцы положше, взываху
 поклоншеся; честь, слава — восклицаху.

4

^зЗрит на престоле Феолог седяща,
 в руку же книгу с печатми держаща.
 Агнца же, яко заколенна суца
 у седящаго книгу емлюща.
 И старцев с гусльми пред агнцем упавших,
 фимиамы же, молитвы отдавших.

463

5

Агнец первую печать отрешает,
 животное же едино глашает.
 Ити и зрети Иоанну велит,
 оный же с луком во венце ездца зрит //
 Паки печати агнец отрешает,
 животное же коеждо глашает.
 Особь к коейждо их отрешению,
 ездца же с весы происхождению

л. 94

^чНиже в трех строках: Siia podpisuyai nad perwym licem Apokalipsisa. ^шСлева на полях W. ^щСлева на полях W. ^бОтсюда на полях почерком XIX в. буквенно-цифровая нумерация 1—20; с пропуском при № 17, 19—23, 26 и 27. ^ыСлева на полях N. ^зСлева на полях N.

И смерти, ада по ней идуща,
 гладом же земли часть зле вреждающа.

6

Пятую печать агнец отрешает,
 побитых святых души объявляет.
 Иже зовяху сице велегласно:
 мсти избившим ны, владыко, напрасно.
 Их же в белыя ризы облекоша
 и ждите братии, сице отрекоша.

7

Шестую агнец печать отрешает,
 солнце и луну мрачны объявляет.
 Звезды, небеса весма разоренны,
 вся же зелнейшим ветром превращенна
 Рабов, купцев же и царей текущих
 в горы; тамо же погибели ждущих.

8

Сé Богослов зрит агтелов стоящих
 на концех земли и ветры держащих //
 Не вредити же инаго веляща,
 землю и море и зело гласяща.
 Печатлети же хотяща избранных
 множество, от всех язык богозванных.
 Зрит же и народ безчислен поющий
 честь, слава агнцу с финики же сущий.

л. 94 об.

Лист 464

9

Агнец седмую печать отрешает,
 седми же агтел с трубами являет.
 Единого же кадило держаща,
 святых молитвы к Богу возносяща.
 Еже поверже с огнем от престола,
 быша же громи из небесна кола.

10

Се первый агтел явися трубящий,
 огонь же третью часть древес палящий.
 Всю же снесает траву земленую,
 веселящую зрак и любленную.

11

Егда же второй агтелов воструби
 третью моря часть огнем погуби.
 Часть же душ в мори сущих умертвися,
 им же множество кораблей растлися. //

12

Агтел же третий явися трубящий
 и звезда яко светилник горящий
 Спаде на часть вод и источник земных,
 исполни же я горестей подземных.

л. 95

Яже апсинфос звание имяше,
горестию же вод люд умерщвляше

Лист 465

13

Четвертый аггел егда бе трубящий,
солнца, луны же и звезд треть вредящий
Такожде и дне, еже не светити
и во мрак ся им весма претворити
Аггел же зрится в небеси летающ
и горе, горе, горе возглашающ

14

Егда же пятый аггелов трубяше,
Богослов звезду падшу с неба зряше
Ей же студенца бездны ключь дадесея,
множество же пругов и дым вознесесея
Солнце и аер дымом омрачися,
от пругов же люд зол суц уязвися

15

Егда же шестый аггелов трубяше //
един от рогов олтаря глашаше
Разрешити аггел в Евфрате четыре,
да избюит треть люда суца в мире
Всадник же кони лвоглавны имущих
зряше Богослов с бронями суцих

л 95 об

16

Се аггела зрит от небес идуща
Богослов, в облак облеченна суца
Солнцелична же и дугу имуща
на главе, книгу к нему же несуща
Иже на земли и на мори сташа,
ноги же яко столпы сей имяше
Книгу же даде Иоанну ясти,
сказа же ему быти во напасти

Лист 466

17

³Святити по трех днех возставляются,
побити бывше в небо ввождаются
Их же умучи зверь из бездны суций
прежде брань с ними зле воздвигающий
По сем часть града десятая паде
и погибели многии люд предаде //

л 96

18

Жена преславно одеянна суци
в солнце, звезды же за венец имущи,
Явися в небе на луне стоящи
и змий седмоглав явися ю зрящи
Стояше же сей хотя поглотити
плод жены, иже хотяше родити

³Слева на полях почерком XIX в см изд IV, 601

Но рожденное к Богу вознесся,
от вод же змиа жена соблюдеся.

19

Иоанн егда на песце стояше,
от моря зверя восходяща зряше.
Иже седмоглав и роги имяше,
честно же ему люд поклон творяше.
Ин же от земли зверь происхождаше
и оному честь творити веляше.

20

Агнец на горе Сион стоящ зрится,
с небесе же песнь новая гласится.
И аггел среди небесе парящий,
Евангелие Божие носящий.
Ин же паде град Вавилон зовяще,
паки ин чашу гнева злым являше. //

Лист 467

л. 96 об.

21

Сый на облацех зрится со серпами,
их же отдаст аггелов руками
Жати траву же и вся винограды,
яже воздают земны вертограды.
Поженше же я, в точило вложиша
Божия гнева и крови пролиша.

22

Се аггели седьм фиал изливают,
землю, море, люд и реки вреждают.
Солнце же жещи люд творят злохулен,
богохулен же сущ и злопреступен.
И зверя престол весма разорися,
изпустив же он жабы, умертвися.

23

Иоанн, духом в пустыню хищенный,
зрит жену и люд от нея прелщенный.
Юже нашаше зверь сущ седмоглавен,
в руку же ея кубец сущ сквернавен.
Яже пияна бе кровию святых,
Вавилон сущи имати проклятых.

24

Аггел с небесе зряшеса парящий //
властитель же сущ и зело гласящий:
Паде, паде град великий Вавилон,
ин же веляше люду изити вон.
Камень велик сущ в море низвергающ,
сим Вавилона погибель являющ.

л. 97

Лист 468

25

Богослов небо отверзенно зряше
и се сый — Слово Божие — едзяше

На беловидном коне, царствующий,
 многи же венцы на главе имущий.
 Иже из уст меч острый испущаше
 на противен люд, и тем их бияше.
 Ят же бысть и зверь со пророком лживым,
 жещися огнем вечным негасимым.

26

Сниде агтел ключь бездны с ужем имущь
 к змию, иже зол и древний демон сущь.
 На тысящу лет в бездну заключити,
 мир же от его лести свободити.

27

Зряше Богослов престол поставленный,
 седящ же на нем Бог благословенный. //
 Явися мертвых всех возставляющийи,
 книги же суда и дел являющийи.
 Воздающийи же комуждо поделом,
 грешным же муку и злым духовом.

28

Егда на гору Богослов возведен,
 зряше град святыи сущь и преукрашен.
 Сходящъ с небесе, иапису сличен.
 Злат же и имущь всяк камень различен.
 Глаголяй же с ним, злату трость имяше.
 и на стадии многи град меряше.
 Зрящъ же и слышущ сия поклонися.
 но от агтела поклон возбранися.
 Аз [рече] клевет Бога воспочитай,
 его же уже грядуща усретай.

СЛАВА БОГУ. АМИНЬ.¹⁰ //

л. 98 К ЧИТАТЕЛЮ.

Мудрости слава буди Богу подателю,
 Отцу, Сыну и Духу, мира Создателю.
 Научившему дело се благо начати,
 а благоволившему в ползу всех скончати.
 Художне лица в книзе сей изображенна,
 мерными славенскими стихи изьясненна.
 А сие бысть тщанием мужа всеблагаго,
 рачителя Писании весма предрагаго.
 Добр убо сей, добрых же желатель совершен,
 Афанасий именем, Иоанном рожден,
 Рекомый Федосиев, иже мя понуди.
 Иисус же Христа сей царства общник буди.
 И сице аз преслушник зол в сем не смех быти,
 худоумен сый, дерзнух сия¹¹ сочинити.
 Обаче, читателю, изрещи дерзаю:
 Не даждь Зоилу места, тебе умоляю,
 Иже завистлив сый враг и благих не щадяй,
 коварен бо злый, сему никогда же внимай,
 Онаго злобу тщетну присно повергая,
 весело же на худы труды призирая, //
 Твоею мудростию грубая исправи,
 рабу же милостиве твоему остави.

¹⁰Внизу листа почерком XIX в.: У Писк. тоже 28 — см. Ров. IV, 611. ¹¹На полях справа стихи.

Усердје мое в сем более возлюби,
долгих же моих трудов вотще не погуби.
Издавый семь тысящ сто осмьдесят седмаго,
лепо хвалити долженствую Творца благаго,
Строящаго все, еже есть угодно Ему,
яко царю и Богу, за вся слава Тому.

АМИНЬ

iv^a Первой Библии конец и Богу слава.⁶

iv^{a-6} *Вписано в конце листа в правом углу, в двух строках.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1. На дельве спя ниц ленивый сам скверно храпяше,
ни совета, не токмо труда той приимаше.
Не орай нивы, всуе надежда о плоде,
жда жит, но и ныне веры за леность оскуде.
2. Лениваго постиже в рубицех убожество,
с ним скор гонец — нищета и наготы множество.
Досаду тяжку и зло ему умножают
и яко щитом медным того покрывают
Частым ударением, яко мечем, сияет
егда искусен воин им ся защищает.
3. Мраз лениваго землю, а не рало сечет,
от росы в баню лете, от зноя в сень течет.
Ленивый, егда благий жня с поля собирает,
взаим испрош подсеваь той ся не срамляет.
4. Потом ленивый, телом наг, подобен древу,
скитаяся, просяше, мня отраду чреву
Некую в беде своей тако уллучити;
нудим бысть гладом нужно душу испустити,
Веру знати и Бога к людем глаголаше,
ових же поносом за леность рыдаше.

(У, Т, № 145—148)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Всяк человек, зря сие, научися
и закон Божий крепце блюсти тшися. 3 Царств,
13.24
Коль убо сего зло преступление,
зде ясное есть изображение.
Се бо пророка Божия лев снеде,
понеже слова его не соблюде.
В дом убо пророка уклонися,
прелщен бысть брашен его, насытися.

(Т, между № 160—161).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

1. Небесный царь вечерю си уготовляет, Матф., 22.4
тельцы и питомья вся закалат.
Раба си посла рещи ко званным: Грядите,
на трапезе моей вси скорее сядите.
2. Село купих, — глаголет первый, — иду зрети; Лука, 14.18
посланный же раб того же возмог препрети,
Глаголя: Безумне, ты у себя губиши,
благо елико си в век не получиши.
3. Куплею пяти супруг волов отрицает Лука, 14.19
вторый; глупцем и сего звавый нарицает,
Понеже не хотяше зовом тамо ити,
где невозможно с трудом иному приити.
4. Жена мне есть ныне в дом красна приведенна Лука, 14.21
егда может едина бысть оставленна.
Тем не могу итти; мя имей отреченна,
не премногим временем мне та есть врученна.

И се третий для жены младой отречися,
где для рода светла никто когда ведися.

5. Посем царь на улицы в стогны посылает,
да всех на царский пир раб гостей собирает.
Сице бо повеле царь нищих всех понуди,
хромых, бедных в палату вести не забуди.

Матф.,
22.10

6. Посреде тех введенных наг некто седаше,
соглядатаем вшед, царь ту на него зряше,
Глаголет к нему: Друже, почто на тебе несть
одеяния брачна, а ты дерзнул zde сесть?
Ничто отвеща нагий, точию молчаше;
руце и нозе связав: Во тьму — повелеваше, —
Ввержите кромешную; рече своим рабом:
где будет плач великий, там и скрежет зубом.

Матф.,
22.12

(Т, У, № 337—342)

Е. К. БРАТЧИКОВА

Парсуна «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский»

Государственный музей палехского искусства (далее: ГМПИ) обладает небольшой, но интересной коллекцией произведений непалехских художников. Это — живопись маслом и графические листы. Большинство из них в инвентарных книгах значится как работы неизвестных мастеров. К числу неатрибутированных относится и портрет Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского.¹

Образ святителя написан масляными красками на плотном, среднезернистом холсте прямого плетения. Полотно вертикального формата, размером 84 × 68.8 см. Перед нами поясное изображение в фас. Фигура помещена на нейтральном, темно-оливковом фоне, несколько высветленном вокруг головы и плечья. На лицевой стороне портрета авторская надпись: «Персона преосвященного Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского».

Димитрий изображен в архиерейских одеждах. На нем гвоздичного цвета, подбитый темно-зеленой тканью, саккос; омофор с крестами, отделанными рубинами и сапфирами; обшитые золотом поручи; на голове — митра «рудожелтой тафты», на которой, вместо «дробниц», написаны святые образы Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи; на груди, на золотых «чепях» — крест с изображением Богоматери «Знамень» и панагия с образом Спаса Нерукотворного; в левой руке — митрополичий жезл, пальцы правой сомкнуты в благословляющем жесте.

По характеру живописи это — произведение переходного периода, более связанное с древнерусской традицией, нежели с искусством Нового времени. Черты иконописного канона прослеживаются в нем достаточно четко. Изображение вплотную придвинуто к переднему краю «картины», статично. Правда, в постановке головы и плечья художник пытался дать небольшой разворот влево: взгляд Димитрия устремлен не прямо на зрителя, а как бы брошен искоса, но это едва уловимое движение ни в коей мере не нарушает в целом фронтального построения.

Руку иконописца, привыкшего иметь дело с «образом», но не портретом, выдает разница в написании «доличного» и «лика» святителя. Одежды выполнены предельно плоскостно. Нет и малейшего намека на то, что под ними теплится живая плоть. По старинке все внимание сосредоточено на орнаментах, в отделке которых художник достиг высокого мастерства. Дра-

¹ ГМПИ. КП 2659. Инв. № 175. «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский». Воспроизведен в кн.: Летописец о ростовских архиереях. СПб., 1890 и в статье: Федорова М. М. Димитрий Ростовский. Иконография в собрании Ростовского музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 2. С. 48—70.

Парсуна «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский».
Холст, масло, 1702—1709 гг. Палехский музей.

гоценные камни и золотые цепи написаны настолько натуралистично, что невольно ловишь себя на мысли: не коллаж ли это?

И вместе с тем если сравнить наш портрет с изображением персон в знаменитом «Титулярнике», то станет очевидно, что для автора палехского экземпляра искусство XVII столетия — недавнее, но все-таки прошлое. До блеска отточенная композиционная схема древнерусского портрета (имеются в виду портреты «Титулярника») в данном случае уступает место творческим исканиям, пусть пока еще робким, однако самостоятельным и непременно связанным с натурными наблюдениями.

Отход от средневековой манеры более всего проявился в выполнении лица святителя. Автор палехского портрета не мог не знать древнерусской техники «личного» письма, которая, как известно, к концу XVII в. стала настолько универсальной, что вполне могла справиться с задачами иллюзорной живописи. Тем не менее создатель портрета отказывается от традиционных приемов. Теряется мастерство, но в лице появляются индивидуальные черты.

Палехский вариант тем и примечателен, что в нем соединились качества двух художественных эпох. С одной стороны, образ Димитрия достаточно каноничен и близок к иконным изображениям, а с другой — кажется, будто бы написан «с живства». По контрасту с плоскостно трактованной фигурой — живописно моделированное лицо. Такая разностильность характерна для первых русских портретов с натуры, или, как их чаще называли, «парсун».

Итак, перед нами парсуна с изображением преосвященного Димитрия. Возможно ли определить, когда она создана? Димитрий изображен в полном архиерейском облачении с атрибутами святительской власти. Известно, что митрополичью кафедру он занял в 1702 г., следовательно, ранее этого времени портрет появиться не мог. Возникает еще один вопрос: не является ли это изображение прижизненным? Чтобы ответить на него, попробуем проследить, как складывалась иконография этого образа.

Описание портретов Димитрия Ростовского можно найти в Словарях Д. Н. Бантыш-Каменского² и Д. А. Ровинского.³ Последний приводит около полусотни вариантов, в числе которых живописные и графические изображения, а также лубочные картинки. Портреты святителя в разное время опубликованы Ф. А. Бычковым,⁴ А. А. Титовым,⁵ Б. Эдингом,⁶ И. Кологривовым.⁷ Изображения архиерея названы в изданном в 1914—1915 гг. двухтомном каталоге Н. Обольянинова,⁸ в Каталогах московской выставки 1988 г.⁹ и киевской 1989 г.,¹⁰ в Альбоме произведений Государственного музея украинского искусства.¹¹ Наконец, атрибуции одной из живописных реплик с изображением святителя посвящена статья Ю. Г. Малкова.¹² А в 1991 г. опубликован обзор М. М. Федоровой.

Все известные нам варианты можно поделить на те, которые выполнены до канонизации Димитрия и после нее.¹³ Естественно, предположить, что в ряду композиций, созданных до причисления Димитрия к лику святых, могут быть и прижизненные. Действительно, сведения о таких портретах имеются у Д. А. Ровинского и Ф. А. Бычкова.

На основании прижизненных портретов появились посмертные изображения Димитрия. Одно из них создано в 20-е гг. XVIII в. Ионой — иеро-

² Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. 2-е изд. СПб., 1847. Ч. 1. С. 522—535; портрет на вклейке.

³ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. Стб. 696—700.

⁴ Бычков Ф. А. Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. Ярославль, 1886. С. 19—27.

⁵ Титов А. А. Ростов. М., 1911. С. 74.

⁶ Эдинг Б. Ростов Великий. Углич: Памятники художественной старины. М.: изд. И. Кнебель, б. г. С. 129.

⁷ Кологривов И. Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961. Портрет Димитрия Ростовского, помещенный на с. 302, ошибочно назван портретом Тихона Задонского.

⁸ Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 гг. / Сост. Н. Обольянинов. М., 1914. Т. 1. С. 29. № 130; М., 1915. Т. 2. С. 404—405. № 2005; С. 434—435. № 2160.

⁹ 1000-летие русской художественной культуры. М., 1988. С. 402. № 371; С. 472. № 372; С. 435. № 429.

¹⁰ Последний общеславянский писатель Димитрий Савич Туптало и главная книга его жизни: Каталог выставки, посвященной 300-летию напечатания в Киеве первой части знаменитых «Четних-Миней» и 280-летию со дня кончины их автора / Сост. Ю. А. Лабинцев. Киев, 1989. На с. 3 помещен графический портрет митрополита Димитрия.

¹¹ Гос. музей украинского изобразительного искусства УССР. Киев, 1972. Табл. 26.

¹² Малков Ю. Г. Портрет Димитрия митрополита Ростовского из собрания Государственной Третьяковской галереи // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования. М., 1973. С. 136—140.

¹³ К лику святых Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский, был причислен в марте 1757 г. См.: Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 477.

монахом Александро-Невской лавры.¹⁴ Другое выполнено в июле 1757 г. Арсением — архиепископом Спасского монастыря в Новгороде-Северском. Сохранился документ, свидетельствующий о том, что изображение списано с прижизненного экземпляра.¹⁵

После канонизации митрополита на месте его захоронения в Спасо-Яковлевском монастыре Ростова установлен образ святителя, написанный в 1759 г. Ротари. Впоследствии с этого портрета было выполнено немало графических изображений. По типу, схожему с Ротариевым, В. К. Шебуевым создан образ Димитрия (считался В. Л. Боровиковского), а также портреты неизвестных авторов, хранящиеся ныне в Третьяковской галерее и киевском музее изобразительных искусств.

Все названные композиции представляют собой тип исторического портрета. Они могли быть выполнены по впечатлениям, литературным описаниям. Образ Димитрия достаточно идеализирован. Величествен стан его, торжественно покоен лик. Под стать внешнему облику митрополита окружающая его обстановка. Она «очищена» от каких-либо случайностей, в нее включены лишь те предметы, которые наиболее точно определяют общественное «лицо» святителя. Портреты, созданные после канонизации, обладают только им присущими иконографическими особенностями. Поскольку они представляют Димитрия в новом качестве, над его головой появляется золотое сияние, а в надписи, сопровождающей едва ли не каждое изображение, прибавляется слово «чудотворец».

Вернемся к парсуне палехского музея. На ней Димитрий еще без нимба, включенная в композицию авторская надпись не содержит упоминаний о чудотворной силе святителя. В отличие от последующих экземпляров, в этом отсутствует какая бы то ни было предметная среда. Перед художником, видимо, была поставлена задача запечатлеть персону митрополита, и он ее последовательно решал. Начав писать по образцу парадных портретов XVII столетия, он как будто засомневался, когда дошел до лица, и, быть может, как мы, живущие в конце XX в., он — современник петровской эпохи остановился под цепким взглядом глубоко посаженных глаз Димитрия, заметил резкие складки над верхней губой, уловил в его лице болезненную напряженность.

Так это было или нет, но по своему внутреннему состоянию палехский образ гораздо ближе существующему словесному описанию Димитрия, нежели те, которые созданы после канонизации. Утверждают, что «святитель... был белокурый с проседью, худенький человек небольшого роста, сгорбленный, с маленькой клинообразной бородкой, в очках, ходивший обыкновенно в шерстяной ряске любимого темно-зеленого цвета».¹⁶

На наш взгляд, все составляющие палехского портрета: иконография, стилистика живописи, характер трактовки образа — позволяют говорить о нем как о прижизненном изображении. Этот вывод подтверждается материалами, связанными с историей бытования вещи.

¹⁴ Лушев А. М. Исторический альбом портретов известных лиц XVI—XVIII веков. СПб., 1870. С. 9.

¹⁵ «Письмо императрице Елизавете о портрете Димитрия Ростовского» обнаружено М. А. Федотовой в ЦГАДА (ф. 18 (Духовное ведомство), оп. 1, № 116).

¹⁶ Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 355.

В 1970—1974 г. парсуна находилась на реставрации в Москве, в Мастерских им. академика И. Э. Грабаря. В ходе восстановительных работ было произведено дублирование полотна, в результате чего авторский холст пришлось растянуть и подвести новый подрамник большего размера.¹⁷

В реставрационном паспорте зафиксирована имевшаяся на старом подрамнике наклейка, свидетельствующая о том, что некогда произведение принадлежало ростовскому музею. Это совпадает с данными учетной документации нашего музея. Оказывается, Палеху портрет был подарен в 1966 г. Ивановским областным краеведческим музеем, а в Иваново он попал в 1934 г. из музея Ростова-Ярославского.¹⁸

В «Путеводителе по Ростовскому музею церковных древностей» 1886 г. значится три холста с изображением Димитрия: экземпляр (№ 4), созданный бельцем Яковлевым, переписчиком творений святителя (дар И. А. Шлякова),¹⁹ образ (№ 33), переданный в музей ярославским губернатором В. Д. Левшиным,²⁰ и портрет (№ 3161) из Ростовского Спасо-Ярославского монастыря, который отмечается Ф. А. Бычковым как особенно примечательный. Он, по преданию, писан при жизни святого Димитрия; вверх этого портрета имеется следующая надпись: «Персона преосвященного Димитрия митрополита Ростовского и Ярославского».²¹ Как видим, она полностью совпадает с надписью на нашем экземпляре.

Нет сомнения в том, что под номером 6 (3161) в «Путеводителе» Ф. А. Бычкова описан портрет, принадлежащий ныне Государственному музею палехского искусства. Следовательно, наша парсуна действительно прижизненное изображение. Она написана между 1702 и 1709 гг., т. е. в тот период, когда Димитрий занимал митрополичий престол в Ростове Великом.

¹⁷ Данные реставрационного паспорта. Портрет Димитрия Ростовского поступил в ГЦНРМ им. академика И. Э. Грабаря, в Отдел масляной живописи (КП 5265) 18 марта 1970 г. Реставратор — Г. А. Федина, руководитель — В. М. Танаев.

Описание произведения по акту приема: деформация холста, семь сквозных прорывов холста, на трех из них — заплаты на обратной стороне картины; кракелюр, мелкие утраты красочного слоя, загрязнения. Задание на реставрацию (выписка из протокола заседания Реставрационной комиссии). Протокол № 10 от 23 IV 1970 г.: Укрепить красочный слой, уложить края прорывов, удалить грубый реставрационный грунт, сделать растяжку холста, развернуть кромки, изготовить подрамник соответственно новому размеру картины, подвести реставрационный грунт, удалить загрязнения и масляные записи, покрыть лаком, тонировать.

¹⁸ Запись в Книге поступлений ГМПИ: «...из Ивановского областного краеведческого музея. Акт выдачи от 18 марта 1966 г. Ранее был в Ростовском музее (КП—8695), выбыл из него в 1934 г.».

¹⁹ Бычков Ф. А. Путеводитель... С. 6—7.

²⁰ Г-ковъ К. Д. Св. Димитрий, митрополит Ростовский // Странник. СПб., 1895. Т. 3.

С. 9.²¹ Бычков Ф. А. Путеводитель... С. 22.

Парсуна «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский».
Холст, масло, 1702—1709 гг. Палехский музей.

гоценные камни и золотые цепи написаны настолько натуралистично, что невольно ловишь себя на мысли: не коллаж ли это?

И вместе с тем если сравнить наш портрет с изображением персон в знаменитом «Титулярнике», то станет очевидно, что для автора палехского экземпляра искусство XVII столетия — недавнее, но все-таки прошлое. До блеска отточенная композиционная схема древнерусского портрета (имеются в виду портреты «Титулярника») в данном случае уступает место творческим исканиям, пусть пока еще робким, однако самостоятельным и непременно связанным с натурными наблюдениями.

Отход от средневековой манеры более всего проявился в выполнении лица святыни. Автор палехского портрета не мог не знать древнерусской техники «личного» письма, которая, как известно, к концу XVII в. стала настолько универсальной, что вполне могла справиться с задачами иллюзорной живописи. Тем не менее создатель портрета отказывается от традиционных приемов. Теряется мастерство, но в лице появляются индивидуальные черты.

Е. М. ЮХИМЕНКО

Неизвестный выговский писатель XVIII в.
Василий Данилов Шапошников
и «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича»

В собрании Е. В. Барсова сохранилось два сборника (ГБЛ, ф. 17, № 332, 597), содержащих рабочие материалы Василия Данилова Шапошникова, черновики его писем и сочинений и представляющих, очевидно, часть архива этого известного выговского деятеля 40—70-х гг. XVIII в.¹ Биографические сведения о нем достаточно скудны. Государственный крестьянин Василий Данилов, как чаще всего называют выговские источники этого человека, родился в 1713 г. и умер в 1783 г.² Жил он в скиту Тихвинский бор в собственной келье.³ В начале 40-х гг. XVIII в., во время работы комиссии по доносу Ивана Круглого, неоднократно посылался в Петербург хлопотать по общежительским делам.⁴ В 1747 г. ему были поручены «Выгорецкого ведомства земские писчие дела» (до этого суземским писарем был его дядя Евсей Ермилов).⁵ В конце 40-х—начале 50-х гг. жизнь Василия Данилова, видимо, была омрачена распрей со стряпчим Стахией Осиповым. Обстоятельства конфликта Василий Данилов изложил в письме к выговцам в 1752 г., прося у них исследовать дело, чтоб «мне в напрасном поношении не остатца, а с ним бы, Стахией, в великия ссоры не вступить».⁶ Сведений о дальнейшем развитии или прекращении распри не имеется.

Судя по двум упомянутым выше сборникам из собрания Е. В. Барсова, в которых черновики сочинений Василия Данилова частично написаны на чистой бумаге с филигранями преимущественно 60—70-х гг. XVIII в. и частично на оборотах выговских документов 40-х—начала 60-х гг. XVIII в., можно предположить, что с середины 60-х гг. Василий Данилов отошел от дел и занялся в основном трудом литературным. Определенную роль в

¹ Еще один аналогичный сборник середины XVIII в. был передан Е. В. Барсовым в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии. Описание этого сборника см.: Петров Н. И. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1875. Вып. 1. С. 271—273. № 274.

² Любопытный П. О. Исторический словарь, каталог или библиотека староверческой церкви // Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. И. Поповым. М., 1866. Т. 2. Приложение. С. 81.

³ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. М., 1888, № 7. С. 473. Далее указывается номер журнала за 1888 г. и страница.

⁴ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 383, 441, 444—448, 452—453, 455—457, 459, 461. Свою роль в получении «приговора» из Тайной канцелярии Василий Данилов подчеркивал в своем послании выговцам в 1752 г. (ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 79 об.).

⁵ Там же, л. 77. См. также: Яковлев Г. Извещение праведное... № 9. С. 732.

⁶ ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 79 об.

этом, видимо, сыграло и ухудшившееся зрение.⁷ У Василия Данилова была своя небольшая библиотека выговских сочинений; так, Григорий Яковлев сообщал, что Василий Данилов хранил список слов Семена Денисова⁸ и «службу... новосочиненную... раскольническим мнимым новым страдальцем и самосожженцом по именам их».⁹

До настоящего времени были известны лишь названия большинства сочинений Василия Данилова¹⁰ и тексты четырех произведений, указанных В. Г. Дружининым по сборнику киевского Церковно-археологического музея.¹¹ Некоторые принадлежащие перу Василия Данилова произведения цитировали (без указания авторства) в своих трудах Е. В. Барсов¹² и П. С. Смирнов.¹³ Характеризуя отложившиеся в коллекции Е. В. Барсова сборники-конволюты, содержащие автографы сочинений Василия Данилова, следует отметить, что они несколько разнятся по своему составу. В один из них (№ 597 — 4^о, 58 л.) вошли «воспомяательные» слова и «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича», выполненные на бумаге 60—70-х гг. XVIII в.,¹⁴ к которым в конце 20-х—30-х гг. XIX в. был приплетен отрывок из «Хронологического ядра староверческой церкви» Павла Любопытного.¹⁵ Сборник из собрания Е. В. Барсова № 332 (4^о, 128 л.) наряду с сочинениями, относящимися к жанру слова (их обзор см. далее), содержит многочисленные письма Василия Данилова, датированные 1743—1769 гг.

Анализ всего творчества Василия Данилова Шапошникова — в значительно расширенном ныне объеме — позволяет утверждать, что перед нами замечательный представитель выговской литературной школы 30—70-х гг. XVIII в. Начало его литературной деятельности следует, видимо, отнести к концу 20-х гг. XVIII в.,¹⁶ в таком случае его учителями должны были быть представители первого поколения выговских писателей — братья Андрей и Семен Денисовы, Даниил Видулин.¹⁷

⁷ Письмо «благодетелю» Прокопию Анисимовичу Ефремову от 12 мая 1767 г. подписано: «Непотребный близорокой старик В. Д.» (ГБЛ, ф. 17, № 388, л. 151). Характерно в этом отношении и одно из слов Василия Данилова — «Плач некоего бедна о помрачении очес его», написанное 15 августа 1763 г. (ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 41—43 об.). Ухудшение зрения сказалось на изменении почерка Василия Данилова — от ровной, красивой, летящей скорописи 40-х гг. XVIII в. (например, дополнения, внесенные его рукой в выговскую ревизскую сказку 1744—1745 гг. — ГБЛ, ф. 17, № 5, л. 7 об., 9, 17 об., 18) до неровного неуверенного почерка 60—70-х гг. XVIII в.

⁸ Яковлев Г. Извещение праведное... № 7. С. 486.

⁹ Там же. С. 490. Перечень списков этой службы см.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 435. № 719.

¹⁰ Павел Любопытный указывал главным образом сочинения Василия Данилова по догматическим вопросам и «кatalogи на книги отцов поморской церкви» (см.: Любопытный П. О. Исторический словарь... С. 81—82).

¹¹ Дружинин В. Г. Писания... С. 86—87.

¹² Барсов Е. В. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в. // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1866. Т. 2. № 7. С. 294—304; Т. 1. № 2. С. 214.

¹³ Смирнов П. С. Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христианское чтение. СПб., 1910. Март. С. 322—324, 331—333.

¹⁴ Филигрani: литеры Ф, ω (Клепиков В. Филигр. и штемп. № 394 — 1772 г.; № 395 — 1776 г.), ФСМП (там же. № 213 — 1749, 1754 гг.), СТ (там же. № 151 — 1765—1776 гг.).

¹⁵ ГБЛ, ф. 17, № 597, л. 2—9 об. Бумага с белой датой «1827».

¹⁶ Известно его поздравительное послание Соломони Денисовой на тезоименитство, написанное в августе 1729 г. (ГБЛ, ф. 17, № 573, л. 16—21).

¹⁷ О поморских школах и литературном наставничестве на Выгу см.: Филиппов И. История... С. 107, 141—142, 216. См. также: Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. С. 6—8; Любомиров П. Г. Выговское общежитие: Исторический очерк. М.; Саратов, 1924. С. 63—77; Малышев В. И. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX—начале XX в. // Изв. Карело-Финской научно-исслед. базы АН СССР. Петрозаводск, 1948. № 1. Л. 73—84.

Василий Данилов продолжил традиции выговской литературной школы главным образом в жанре слова. Его перу принадлежат слова надгробные¹⁸ и в форме плача,¹⁹ похвальные²⁰ и на тезоименитство,²¹ слова-проповеди (о смирении,²² скудости,²³ пьянстве,²⁴ милосердии²⁵).

Особую группу составляют в творчестве Василия Данилова слова «воспоминательные» (большинство их ранее считалось анонимными), содержащие ценные сведения о начале Выговской пустыни и ее состоянии после братьев Денисовых. Павел Любопытный, в своем «Каталоге» отмечавший только одно «важное, пылкое и силы убеждения исполненное критическое слово на разврат и злодеяние выгорецких старейших и своевольных их клирошан», указывал, что Василий Данилов был «разительный обличитель грубых пороков, поселившихся в Выгорецкой кинивии, не раз словесно врачевавший оные».²⁶ Первым по времени создания следует считать «Слово воспоминательно о содеянных в жизни добродетелях, иже во блаженной памяти скончавшагося отца нашего раба Божия Иоанна и о плачи оставшихся

18) 1) «Отцу Даниилу Викуличю слово надгробное». Текст: Горе мне, в сокрушении моем строптива язва моя. Сия словеса плачевный пророк Иеремия, рыдая, древле вопияше, еже в книгах пророчества его во главе 10 написанная суть. Нач.: Вижу днесь ваше народное собрание черными вретичами повиваемо... — ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 39—40 об. (автограф); № 457, л. 37—41; 2) «Надгробное Соломонии Дионисьевне». 18 февраля 1735 г. Текст: И доколе сеши будеши, о меч Божий, и доколе не упокоишися, вниди в ножны своя, почий и помолчи. Иеремия, гл. 47. Нач.: Жалость сердца моего нудит мя вещати... — ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 9—12 (черновой автограф); № 457, л. 28—30; 3) «Надгробное Петру Ануфриеву, Тихвинскаго бору жителю». Текст: Человек суете уподобися, дние его, яко сень, преходят. Псалом 143. Нач.: Которым слез окояном оплакати есть возможно краткую человеческую жизнь... — ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 13—16 об. (черновой автограф); № 457, л. 30 об.—34 об.

1) «Плач некоего бедна о помрачении очес его». 15 августа 1763 г. Нач.: Свет от очию моею ныне утекает... — ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 41—43 об. (автограф); 2) «Плач рыдающая сестры по единокротному брату». Текст: Возвратихся на страсть, егда узне ми терн. Псалом. Нач.: Что забываю язву, яже сердце мое режет... — Там же, л. 37—38 об. (без конца, черновой автограф); 3) «Плач жены о умершем муже». Нач.: Кто ныне наполнит очи мои слезами... — Там же, л. 110 об.—111 (черновой автограф); 4) «Увещание к плачущей жене по умершем ея муже». Нач.: Доколе, госпоже, сокрушаеши душу твою неуменно печадью... — Там же, л. 73—74 об. (черновой автограф).

2) «Похвальное слово Я. П—чу». Нач.: Понеже убо егда любимии любимых своих видят... — Там же, л. 117—117 об. (черновой автограф).

1) Соломонии Дионисьевне. Август 1729 г. Нач.: Почтеннейшая госпоже еклисиархо, многомилостивая моя государыня Соломоние Дионисьевна! Понеже убо настоящее сие лето дарова нам великую радость... — ГБЛ, ф. 17, № 573, л. 16—21 (автограф); 2) А. А—вне в Санкт-Петербург. 7 февраля 1746 г. Нач.: В сий радостнаго тезоименитства твоего торжественный день... — ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 50—51 (черновой автограф); 3) Мануилу Петровичу на тезоименитство. 17 июня 1748 г. Нач.: Премилостивый наш государь и дражайший отче М(ануил) П(етрови)ч! В настоящий и всерадостный тезоименитства твоего день... — Там же, л. 24—28 об. (черновой автограф); № 457, л. 24—27 об.; 4) Даниилу Матвеевичу. 11 декабря 1762 г. Нач.: Понеже убо сладкими учения твоего отеческими беседами... — ГБЛ, ф. 17, № 332, л. 54—55 об. (автограф); 5) В. Я—чу. Нач.: Яко же убо насажденное древо в пространном некоем вертограде... — Там же, л. 115 об.—116 (черновой автограф).

Текст: Смиритесь и сядите на земли, яко взятся от главы вашае венец славы вашае. Иеремия, гл. 13. Нач.: Присными печальми о всегдашних человеческого рода напастех объятый пророк... — Там же, л. 3—8 (черновой автограф).

Нач.: Скудость имения есть бедный случай, бедным человеком бедне привпадающий... — Там же, л. 21—22 об. (черновой автограф).

Нач.: Пьянство есть бездонная бездна беззакония... — Там же, л. 106 (без конца, черновой автограф).

Текст: Странен бех, и введосте мя. Наг, и одеясте мене. Болен, и посетисте мене... Нач.: Кто убо сей таковой странник, обходя пустыни нашае дебри... — БАН, Калик. 11, л. 282—289 об. (у В. Г. Дружинина указано как анонимное. См.: Дружинин В. Г. Писания... С. 430, № 696).

Любопытный П. О. Исторический словарь... С. 81.

сирот»,²⁷ в котором была затронута тема упадка нравов на Выгу. Противопоставление добродетельной жизни «прежде бывших отец» «ззорному поведению» выговцев середины—третьей четверти XVIII в. становится основным содержанием трех других слов,²⁸ написанных в 70-е гг. XVIII в.²⁹

Абстрактное обличение человеческих пороков и несправедливой жизни, характерное для проповедей братьев Денисовых, претерпевает принципиальное изменение в сочинениях Ивана Филиппова, который впервые противопоставил «золотой век» первых выговских отцов и современный ему упадок нравов на Выгу.³⁰ «Воспоминательные» слова Василия Данилова развивают общую концепцию и жанр «Слова Иоанна Филипповича, смиренного настоятеля, бывшего по Симеоне Дионисиевиче...» начала 40-х гг. XVIII в.³¹ Однако нельзя не отметить и существенного отличия. Василий Данилов, давая образные и яркие картины жизни выговцев, значительно усиливает

²⁷ Нач Егда убо хотехом вчерашнему плачу соводворити днешнюю радость — ГБЛ, ф 17, № 332, л 81—87 (черновой автограф) Выговский настоятель Иван Филиппов умер 3 декабря 1744 г

«Слово воспоминательно о ревностном хранении благочестия древлелюбителей и о поведении на оных от новолубителей и о насаждении сея Выгорецкия обители от святоподвижных мужей и всеспасительном их житии и потом о слабозительном их поведении и о поклонении в новообычность нынешних общежителей» Нач Понуждает мя сердце мое на воспоминание — ГБЛ, ф 17, № 597, л 10—26 (черновой автограф), № 442, л 22—32, № 171, л 4—15, ф 98, № 1360, л 77—102 об, «Слово воспоминательно о Выгорецком общежителстве, его же соградиша прежде бывшии добродетельнии и премудрии ктитори, их же наставлением мнози соблюдахуся душеспасительным обычаем, ныне же слабостию малодушных начинает оное ити в беззлавие» Нач Понеже убо насажденное прежде преподобными мужи — ГБЛ, ф 17, № 597, л 32—45 (черновой автограф), № 170, л 8—44, № 171, л 15 об—23 об, № 442, л 32—58, ф 98, № 1360, л 103—119 об Еще одно слово указано В Г Дружининым как анонимное (см Дружинин В Г Писания С 430, № 692) Авторство Василия Данилова подтверждается черновым автографом этого слова (ГБЛ, ф 17, № 597, л 47—58 об), причем на л 56а об рукою сочинителя сделана помета «Писано 1773 апреля 27» Перечень списков, приведенный В Г Дружининым, можно дополнить ГБЛ, ф 17, № 170, л 1—7 об, № 171, л 23 об—30, ф 98, № 1360, л 120—132 об

²⁹ Как уже указывалось, бумага сборника из собрания Е. В. Барсова № 597, содержащего черновики этих слов, имеет филигрань, датируемые 60—70-ми гг. XVIII в

³⁰ Об этом также см Куандыков Л. К. Выговские сочинения уставного характера второй половины XVIII в // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма Новосибирск, 1986 С 125—128

³¹ Нам известен черновик этого сочинения (ГБЛ, ф 98, № 425, л 126—169) Основной текст писан Гавриилом Максимовым, почерк которого устанавливается по его рукоприкладству на отпускной Авдея Антипова 10 июня 1747 г., написанной Дмитрием Ерофеевым (ГБЛ, ф 17, № 332, л 117) Правка на л 126 об—144 выполнена Алексеем Иродионовым (воспроизведение его почерка см Дружинин В Г Несколько автографов писателя старообрядцев СПб, 1915 Табл XIV), во второй половине произведения — другим, неизвестным почерком Имеющаяся на л 132, 135—136, 146, 150 об, 155 об правка (видимо, сквозная и окончательная) принадлежит руке Ивана Филиппова (образец его почерка см Там же Табл X) Такая тщательная, многослойная работа над авторским текстом нескольких книжников отражает скорее всего одну из особенностей выговской литературной школы, поскольку, например, те же Иван Филиппов, Алексей Иродионов и Гавриил Максимов работали над «Поучением в день Богоявления», а Иван Филиппов и Гавриил Максимов — над «Словом на Усекновение чистыя главы Иоанна Предтечи» (ГБЛ, ф 17, № 339, л 106 об—116, 243—261) Оба эти произведения от других выговских сочинений, также входящих в состав Поморского Торжественника, отличает актуальная критика пороков выговцев, которая характерна и для Слова Ивана Филиппова Еще одним примером коллективного литературного труда выговских книжников может служить текст выговского жития Кирилла Сунарецкого (БАН, Друж 999, л 2—70) из Кирилло-Епифаниевского житийного цикла, переписанный неизвестным выговским книжником и содержащий две обширные правки первую — Гавриила Максимова (л 11 об, 68 об—70) и вторую, с ней связанную, — Ивана Филиппова (л 12, 13, 13 об, 16, 29 об, 44 об, 47 об—48 об, 61) Описание этой рукописи и подробный анализ текста см Понырко Н В Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ Л, 1974 Т 29 С 161—169 Выделяемый автором почерк № 1 принадлежит Гавриилу Максиму

сатирическую направленность слова.³² Например, обличая щегольство нового поколения жителей Выговской пустыни, Василий Данилов пишет: «Иже кто во своем отечестве ряднаго и весма дебелаго порта срачицы нестяжавый, zde же иванским тончайшим полотном голый свой пуп одевает. Иже прежде всякую калную мокроту процеждаяй верзень³³ ногу его давяше, zde же козловый сапог с подбитою гвоздьми узкою пятою гордое ступание ему подает. Иже прежде голым пупом и руками головни на палах объемяше, zde же без смураго кафтана и без китайчатого полукафтаныя и без козловых и замшанных рукавиц и за врата изыти не хошет».³⁴

На наш взгляд, к словам «воспоминательным», прославляющим первых выговский отец — Петра Прокопьева, Даниила Викулина, Леонтия Федосеева, Луку Федорова, братьев Денисовых и других — и призывающим к подражанию им, примыкает и «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича». Как единый цикл эти произведения воспринимались и самим автором; так, сборник, озаглавленный Василием Даниловым «О Выговской пустыни» (ГБЛ, ф. 17, № 597), включает наряду с черновым автографом «Сказания» и черновики всех трех «воспоминательных» слов.

Текст «Сказания о преставлении Симеона Дионисьевича» располагается на пяти листах (л. 27—31), крайние из которых (л. 27, 31) представляют сложенный вдвое лист, служащий своеобразной обложкой для трех подклеенных узкими полосками бумаги одинарных листов — вторично использованных документов 40-х гг.—1762 г.,³⁵ чистые обороты которых Василий Данилов использовал под черновик. Таким образом, «Сказание» написано не ранее 1762 г., однако если учесть его связь с «воспоминательными» словами 70-х гг. XVIII в., аналогичное использование старых документов для черновика 1773 г. (л. 49—58) и близость почерка, с годами становившегося все более неровным и дрожащим, которым выполнены оба эти черновика, то наиболее вероятным временем возникновения «Сказания» следует считать 70-е гг. XVIII в.

О последнем годе жизни Семена Денисова нам известно немного. Освобожденный хлопотами выговцев из-за караула (арестованный Квашниным-Самариным, Семен Денисов провел в заточении год), выговский настоятель в сентябре 1739 г. вернулся в общежительство, однако «истомився от неядения и печалей многообразных, смертным недугом объят быв».³⁶ Здоровье почти шестидесятилетнего Семена Денисова было подорвано: «...едва с нуждею хождаше до церковнаго славословия и до прочих нужных потреб».³⁷ Через полгода он и вовсе слег,³⁸ тем не менее по мере сил входил в дела, связанные с продолжением работы комиссии.³⁹ Обеспокоенные болезнью

³² Недаром Павел Любопытный в обзоре творчества Василия Данилова указывает на его «сатиры на пороки» (см.: Любопытный П. О. Исторический словарь... С. 82).

³³ Верзень — лапоть из бересты (Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. С. 26).

³⁴ ГБЛ, ф. 17, № 597, л. 18 об. См. также обширные выписки из этого слова в статье Е. В. Барсова (Барсов Е. В. Семен Денисов Вторушин... Т. 2. № 7. С. 297—304).

³⁵ Черновик объяснительной записки по поводу отсутствия некоего Даниила в ревизской сказке 1745 г. (л. 29 об.); копия указа из Олонецкой воеводской канцелярии выгорецким старостам Елизару Иванову и Федору Евдокимову о немедленном внесении недоимки, от 18 января 1751 г. (скоропись Василия Данилова — л. 28); память старосты Стахия Осипова боровскому десятскому о «взыскании пришлох обоего пола», от 20 февраля 1762 г. (л. 30).

³⁶ Яковлев Г. Извещенье праведное... № 6. С. 404.

³⁷ ГБЛ, ф. 17, № 64, «Житие Симеона Дионисьевича», л. 89.

³⁸ Там же.

³⁹ Филиппов И. История... С. 429—430.

настоятеля, выговцы хотят подбодрить его посланием,⁴⁰ молятся за его здоровье. Стремясь обеспечить дальнейшее процветание пустыни, Семен Денисов неоднократно увещевал братию жить «богоугодно, в мире и любви».⁴¹ Незадолго перед смертью, в сентябре 1740 г., написал два завещания⁴² и лишь перед самым концом с трудом решил вопрос о своем преемнике на посту настоятеля. Этому последнему обстоятельству посвящено практически все повествование о преставлении Семена Денисова в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова. «Житие Симеона Дионисьевича» в рассказе о смерти выговского киновиарха дословно воспроизводит соответствующую главу «Истории». Еще одно повествование, озаглавленное В. Г. Дружининым «О преставлении отца Симеона Дионисьевича»,⁴³ посвященное главным образом описанию внешности Семена и его многочисленных заслуг перед старообрядчеством, не сообщает ничего нового о самом преставлении Семена Денисова.

Короткий, скупой на подробности рассказ Ивана Филиппова о последних часах жизни Семена Денисова скорее дань традиционному образу благостной кончины подвижника, нежели слова очевидца: «Сам, видя себе весьма изнемогша и к концу приближившася, управи себе добре, якоже обычай есть православным христианом, и в самое последнее издыхание своею рукою крестное знамение на лица своем вообразише, зело истово и изрядно, и до самага исхода своего, дондеже рука ему служаше...».⁴⁴ Смерть настоятеля 25 сентября 1740 г., происшедшая в разгар работы комиссии, глубоко опечалила общежителей. Выговская традиция описывает «воплъ и плач велий и рыдание неутешно и стенание несказанно» в обих обителях, многолюдное погребение.⁴⁵ Несколько другие сведения сообщает Григорий Яковлев: «Погребен бысть кратко и просто, без народнаго собрания за опасность от комиссии, тогда еще бывшей тамо».⁴⁶ Как бы то ни было, но многочисленные надгробные слова, посвященные Семену Денисову, пронизаны искренней скорбью и осознанием невосполнимости потери.⁴⁷ В них вновь возрождается образ Семена — страдальца за веру, сложившийся еще в 10-е гг. XVIII в. во время четырехлетнего заточения младшего Денисова в новгородской тюрьме.⁴⁸

Обратимся к «Сказанию о преставлении Симеона Дионисьевича», описывающему в отличие от других выговских памятников последние часы жизни настоятеля. Автор сразу, без традиционного для Выга пышного вступления, приступает к завязке: у одра умирающего собрались «сообщеницы и

⁴⁰ Нач.: Премилостивейший наш государь, пречестнейший настоятелю, всеблаженнейший учителю, любезный отче Симеон Динисевич! Что тебе мы, смиреннии и грубословеснии твоєя отеческия паствины... — ГБЛ, ф. 17, № 388, л. 120—122.

⁴¹ Филиппов И. История... С. 471.

⁴² Дружинин В. Г. Писания... С. 145. № 37, 38. В сборнике из собрания Е. Е. Егорова сохранился автограф первого из этих завещаний (ГБЛ, ф. 98, № 425, л. 108—109 об.). См. также: Филиппов И. История... С. 471.

⁴³ Дружинин В. Г. Писания... С. 160. № 111. Аналогичные по композиции повествования посвящены и другим выговским отцам.

⁴⁴ Филиппов И. История... С. 474.

⁴⁵ Там же. С. 474—478.

⁴⁶ Яковлев Г. Извещение праведное... № 6. С. 405.

⁴⁷ Кроме слов, указанных В. Г. Дружининым (см.: Дружинин В. Г. Писания... С. 160. № 112—115; С. 161. № 88; С. 202. № 6), имеется еще черновой автограф слова, сочиненного Даниилом Матвеевым 25 сентября 1741 г. (Текст: Обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благо сотворит тебе. Словеса сия воспел царь Давид в псалме 114. Нач.: Се уже и годичное претече поприще... — ГБЛ, ф. 17, № 388, л. 84—85).

⁴⁸ См.: Понырко Н. В. Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 298; Юхименко Е. М. Новые данные к биографии Семена Денисова // РЛ. 1990. № 2. С. 168—170.

ревнителие», в том числе Иван Филиппов, Мануил Петров, «пономарь и ключарь часовенной» Конон Семенов,⁴⁹ келейник братьев Денисовых Петр Стефанов⁵⁰ и, по всей видимости, «сродница» Феврония Прокопьевна, сестра первого выговского уставщика Петра Прокопьева, приходившаяся Семену Денисову племянницей.⁵¹ Повествование сосредоточено на «изреченных» Семенов предсмертных «душеспасительных глаголах», при этом Василий Данилов, очевидно, пользовался какими-то первоначальными записями, сделанными во время или сразу после преставления выговского киновиарха. В настоящее время мы не располагаем материалами, позволяющими установить, хотя бы предположительно, личность автора подобных записей. Неизвестно, присутствовал ли сам Василий Данилов Шапошников при смерти Семена Денисова.⁵² Однако следует заметить, что в других произведениях, описывающих кончину Семена Денисова, эти записи не отразились. Видимо, либо они были сделаны самим Василием Даниловым, либо сразу же попали к нему,⁵³ оказавшись таким образом (как уже говорилось, суземский писарь жил не в самом общежительстве, а в скиту) вне поля зрения выговских книжников.

Причины, побудившие Василия Данилова в 70-е гг. XVIII в. обратиться к запискам о смерти Семена Денисова и составить на их основе «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича», нашли отражение в небольшом, традиционном для выговской школы заключении к сочинению: «Чтущу же сие о отеческом преставлении сказание, о возлюблении... воспряните же и от печали томящая вас малодушия... поревнуйте же бывшим отеческим добродетелем и целомудрию».⁵⁴ По своему замыслу — представить Семена Денисова как образец для подражания, противопоставив нынешнему «малодушию» «добродетели и усердие» представителя первого поколения выговских отцов, — «Сказание» близко к «воспоминательным» словам Василия Данилова того же времени.

«Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича» — произведение уникальное для выговской литературной школы XVIII в. как по своему стилю, так и по жанру. Это сочинение продолжает древнерусскую традицию описания последних дней жизни подвижников, представленную «Рассказом о смерти Пафнутия Боровского» Иннокентия, «Сказанием о последних днях жизни митрополита Макария», «Словом о изнеможении преподобного Даниила Переяславского» и другими произведениями.⁵⁵ Литературная обработка документальных записей,⁵⁶ передача подлинных слов подвижников, своеобразный «бытовизм», внешняя безыскусность повествования, отмеченная еще В. О. Ключевским,⁵⁷ и в то же время такие литературные приемы, как описание предвидения преподобным своей кончины и непонимания

⁴⁹ Яковлев Г. Извещение праведное... № 7. С. 734.

⁵⁰ Филиппов И. История... С. 150, 295.

⁵¹ ГБЛ, ф. 236, № 207, л. 151—151 об., 155 об. Завещание Петра Прокопьева своим сестрам. Автограф.

⁵² Судя по «Истории» Ивана Филиппова, длительные отлучки Василия Данилова в Петербург по выговским делам случались позже — в 1741—1742 гг.

⁵³ Редактура первоначальных записок встречается и при создании других выговских произведений, например Кирилло-Епифаниевского житийного цикла (см.: Поньрко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл... С. 157—163).

⁵⁴ ГБЛ, ф. 17, № 597, л. 31.

⁵⁵ Краткий обзор произведений данного жанра см.: Макарий (Веретенников). Памятники древнерусской литературы, содержащие описание последних дней земной жизни подвижников XV—XVI веков // Журнал Московской патриархии. М., 1986. № 11. С. 68—75.

⁵⁶ Дмитриев Л. А. Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 61.

⁵⁷ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 207, 221.

окружающими его пророческих слов,⁵⁸ — эти древнерусские традиции жанра продолжены в произведении Василия Данилова Шапошникова. «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича» известно в единственном черновом списке, что можно объяснить как нетипичностью памятника для выговской литературы, так и вообще малой распространенностью произведений данного жанра.⁵⁹

Черновой автограф «Сказания» показывает, сколь тщательно Василий Данилов работал над текстом. С определенными оговорками можно выделить в этой работе три этапа: обработка первоначальных записей в процессе письма (А), вскоре после написания (Б) и вторичный сквозной просмотр (В), при котором в основном правился текст, внесенный на втором этапе. По-видимому, все три этапа проходили практически одновременно, поскольку цвет чернил при некотором изменении густоты оставался почти одинаковым. При общей неровности и большой вариативности почерка, графических особенностях оформления текста (прямая речь выделена буквами полууставного характера, вытянутыми по вертикали в 1,5—2 раза) в ряде случаев отнести правку к какому-то определенному этапу весьма затруднительно.

Анализ чернового автографа свидетельствует о том, что правка по существу не затронула прямой речи, что подтверждает предположение о лежащих в основе «Сказания» документальных записях. Правка всех трех этапов одина по своему характеру: прежде всего она касалась стиля. Хотя Василий Данилов, следуя традициям выговской литературной школы, выбирал более стилистически возвышенные варианты, однако в силу жанровых особенностей произведения добиться полного воплощения принципов выговской стилистики не представлялось возможным. В ходе работы над текстом Василий Данилов также убирал повторы, вносил незначительные уточнения, делал грамматические исправления.⁶⁰

«Сказание» о кончине Семена Денисова представляет несомненный интерес не только как неизвестный ранее памятник, содержащий новые данные к биографии выдающегося старообрядческого деятеля XVIII в., но как литературное произведение, единственное в своем роде, в котором за художественными канонами проступает действительный облик этого незаурядного человека.

Творчество Василия Данилова Шапошникова, и прежде всего его «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича», открывает новую страницу истории выговской литературы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказание о преставлении премудраго¹ Выговския мужеския² и Лексинския девическия³ обителей⁴ и прочих жилищъ выгов[ских?]⁵ настоятеля Симеона

⁵⁸ Лихачев Д. С. Литература эпохи исторических размышлений // ПЛДР. Вторая половина XV века М., 1982 С. 15—17, Дмитриев Л. А. Записка ли С. 62—63

⁵⁹ Макарий (Веретенников). Памятники древнерусской литературы С. 70

⁶⁰ Учитывая авторскую волю и вышеназванные обстоятельства, наиболее целесообразным для опубликования представляется окончательный вариант текста. Все случаи правки (с указанием этапов А, Б и В) приводятся в сносках. Текст публикуется по правилам, принятым в ТЮДРЛ

¹ Первоначально далее следовало и добродетельнаго Зачерк Б ² Добавлено над стр Б ³ Доб над стр Б ⁴⁻⁵ Доб над стр Последнее слово нрзб Б

Д [ионисьеви] ча⁶ 7 и о изреченных его⁸ при исходе души⁹ предстоящим¹⁰ братьям и сестрам душеспасительных¹¹ глаголах,¹² яже¹³ зде усердным¹⁴ слышателем вкратце предлагается

¹⁵Понеже убо¹⁶ егда приближися¹⁷ премудраго же отца Симеона естественныи болезни недуг,¹⁸ к концу исхода душу его влекущи,¹⁹ тогда собращася нарочитии предводительства его сообщницы и ревнителие Иоанн Ф[илиппович], Мануил П[етрович] и Конан С[еменович]²⁰ и прочии усерднии братья, такожде и от целомудренных постниц добродетельная чета, плачуще и рыдающе о хотящем быти отеческом²¹ от них²² разлучении,²³ предстояще же пред ним,²⁴ умильныя²⁵ своя²⁶ взоры на дражайшаго своего отца возвождаху,²⁷ не оставити их, сирых, в толико бедственном грозныя о древлеотеческом²⁸ благочестии бывшия тогда²⁹ от Синода и от Сената³⁰ следственные комиссии моляхуся.³¹

Той же яко последнее изнеможение в себе ощущаше, тако и мыслию своею восхищася к наступающему души его исходу, помышляше же и хотящее быти о делех его испытание. // Подбегаху же к нему тогда в память и бывающия³² обряды, человеческому спасению помощницы. Между же теми и во изступление от здешних вещественных на будущую невещественную жизнь мыслию похищася и сими всеми окружаем сый, кое-когда впадающее в мысль его желание принимаше, им же возбуждаем сый, вещаше предстоящим³³ братьям, яже ему мысль даяше. О тех же его реченных глаголах во уведомлении усердным слышателем зде пишется.

л. 27 об.

Понеже убо сей премудрый отец, аще и последнее изнеможение в себе ощущаше, обаче имея в³⁴ мысли своя³⁵ неутыхаемую ревность о проповеданном от него всюду благочестии, многократно вещаше, тако глаголя: «Веровали. Поверили». Назнаменуя сим, яко «святии Божии угодницы право веровали, их же учению, — рече, — и мы поверили». Желая же ангельского образа восприятием напущтовану быти спешно, братии вопияше: «Нутко, нутко. Пора постричь. Пора постричь». То реки,³⁶ по своей голове рукою указывал. Братия же спросили: «Кого постричь?». Той же,³⁷ яко б огорчився на их нечувствие острееше,³⁸ отвеща: «Кого? — меня». Мануил сказал: «Старцов³⁹ нет, отче».⁴⁰ Он же рече: «Кто-нибудь кабы на то». Показуя, точию⁴¹ кто ни бы⁴² искусен был, аще и не от знаменитых. // Завещевая же некоему во очию его зримому, глагола: «Петь помни, dokonчай [и] зделаи». Сие рече не 1-жды. Впросиша же его, глаголюще: «И что такое, отче⁴³?». Он же рече:⁴⁴ «Он ведает». Глагола ему Мануил: «Что, сударь?».

л. 28 об.

⁶ Доб. над стр. Б. 7–8 Первоначально было: и кия он Зачерк., испр. над стр. Б. ⁹ Первоначально далее следовало: своея Зачерк. Б. ¹⁰ Первоначально далее следовало: ту Зачерк. Б. ¹¹ Первоначально было: душеспасительныи Испр. Б. ¹² Первоначально было: глаголы изрече Испр. Б. ¹³ Первоначально было: о них же Зачерк., испр. над стр. Б. ¹⁴ Доб. над стр. А. ^{15–16} Первоначально было: В лето от создания мира 7248-е месяца сентября в 24 день На полях: 1740-е Зачерк., доб. над стр. Б. ¹⁷ Первоначально было: уже преклонися день к вечеру Зачерк., испр. над стр. Б. ¹⁸ Первоначально было: недугом Испр. Б. ¹⁹ Первоначально было: привлекати начат Зачерк., испр. над стр. Б. ²⁰ Доб. над стр. А. ^{21–22} Доб. над стр. Б. ^{23–24} Первоначально было: на нь же Зачерк., испр. над стр. Б. ²⁵ Первоначально было: умильная Испр. Б. ^{26–27} Первоначально было: зрения возводяще, моляхуся отцу Зачерк., испр. над стр. Б. ²⁸ Первоначально было: отеческом Доб. над стр. Б. ^{29–30} Доб. над стр. Б. ³¹ Доб. над стр. Б. ³² Первоначально было: бывающии Испр. Б. ³³ Первоначально далее следовало: ему Зачерк. Б. ^{34–35} Первоначально было: себе Зачерк., испр. над стр.: мысли своей Б. Последнее слово испр. на: своея В. ³⁶ Первоначально было: глаголя Зачерк., испр. на: реки Б. Зачерк., испр. вторично В. ^{37–38} Доб. над стр. Б. ³⁹ Первоначально далее следовало: отче Зачерк. А. ⁴⁰ Доб. над стр. А. ^{41–42} Первоначально было: бы Зачерк., доб. над стр. А. ⁴³ Доб. над стр. А. ⁴⁴ Первоначально далее следовало: громно Зачерк. А.

Отец же рече громно: «Гроб». ⁴⁵И потом, ⁴⁶яко б начаша ⁴⁷очи его лишатися ⁴⁸зрения, глагола: «Темно стало», — и осязая рукою ⁴⁹стену келии, ⁵⁰говорил: «Гроб. Дайте коты. Пора пойти». Конан спросил: «Куда пойдеш, отче?». Он же отвеща: «Домой». И потом, яко б спешась в показанный ему путь пойти, понуждая слышателей на исполнение ⁵¹просимых им требовании прилежно, вопияше: «Нутко, нутко. Готово ль? Готово ль?». И потом, яко б слыша мысленным ухом некоего венчана ⁵²суца и того ради ⁵³показующаго ему ⁵⁴воочию ⁵⁵вопросаше: «Скажи, брат, кого венчали?». Сие молвил не 1-жды. ⁵⁶Предъявляя же ⁵⁷намерение шествия своего в мысленный будущаго века град, глаголаше: «Во град поиду». ⁵⁸Помышляя же стоящия на пути шествия его лютыя ⁵⁹мзтоимцы, прошаше щедрога ⁶⁰владыку ⁶¹да милосердием его ⁶²безнапастно минет ⁶³⁶⁴оня злыя духи, ⁶⁵вопияше: «Пошцади, Господи». Сие многожды говорил.

Поминая же во святых книгах написанныя Божия заповеди, глаголаше: «Надобно по книгам жить». Сия же вещаше не 1-жды. Ведши же посылаемыя от Бога к приятию душ человеческих святая ангелы, повеле предстоящим ему братьям пети тем ⁶⁶святым ангелом молебен, // да тихим взором и легкими руками душу его воспримут. ⁶⁷Тщашеся ⁶⁸же ⁶⁹на долгии той путь ити, понуждаше ⁷⁰готовити исходу потребная, глаголя: «Нуткось». И паки, обращаяся ко Господу Богу, трететно глаголаше: «Пошцади». Тихою же молвою предстоящих братии спужаем, яко б оскорбився, глаголаше: «Люби, Господи». И претя им, беседоваше: «Того не разумеете», — сиречь не разумеете ли пришедшаго на мя мысленных духов ополчения, не внимаете ли наступившаго на мя грозного всех дел моих испытания, не помышляете ли ⁷¹неотменнаго души моя от тела ⁷²разлучения ⁷³и неведомаго ми где ⁷⁴во оном веце вселения ⁷⁵и, скорбя на них, глаголаше: «Люби, ⁷⁶Господи». ⁷⁷

⁷⁸Сроднице же его Ф[евронии] П[рокопиев]не, хотевшей подушку, сущую под главою его, поладить, отмахнув ее рукою, ⁷⁹сказал: «Поди, поди». И другой сроднице же Анне А—чне то же сказал. Сия убо аще ⁸⁰тех к возглавию его прикосновение ⁸¹и утружденною памятию ошутив, обаче ⁸²обычное ему ⁸³целомудрие блюды, ни близоскровным сродницам ⁸⁴даяше к себе прикасатися. ⁸⁵

Внимаше же, яко б некоторых повелевающих ему рукою ⁸⁶креститися, знаменовашеся крестным знамением многократно, иногда и пять раз сряду, а сам говорил: «Веть я крещусь». И паки аки бы спутником его некоторым глаголаше: «Ступайте», 2-жды. И потом сам собою, яко б кому ⁸⁷зовущему его ⁸⁸отзываяся, глаголаше: «А се готов». Братия рекли ему. «Сотвори,

^{45–46} Первоначально было И паки глагола Зачерк, испр над стр Б ⁴⁷ Первоначально было начаш лишатися есте Испр Б ⁴⁸ Доб над стр Б ⁴⁹ Первоначально следовало о Зачерк Б ⁵⁰ Доб над стр Б ⁵¹ Первоначально было послушение Испр Б ⁵² Первоначально далее следовало быти Зачерк А ^{53–54} Первоначально было мечтаемаго Затем зачерк, испр над стр показуемаго ему Б ⁵⁵ Первое слово испр вторично показующагося В ⁵⁶ Первоначально далее следовало его Зачерк Б ⁵⁷ Первоначально было показуя же Зачерк, испр над стр Б ⁵⁸ Первоначально было поидем Испр А ⁵⁹ Первоначально было злыя Испр над стр А ⁶⁰ Доб над стр А ^{61–62} Доб над стр А ⁶³ Первоначально было минует Испр над стр А ^{64–65} Первоначально было тья Зачерк, испр над стр А ⁶⁶ Доб над стр Б ⁶⁷ Первоначально было примут Доб над стр А ⁶⁸ Первоначально было тшажесе Испр Б ⁶⁹ Доб над стр Б ⁷⁰ Первоначально было понуждая Испр А ⁷¹ Первоначально далее следовало непошцаднаго Зачерк А ⁷² Первоначально далее следовало моего Зачерк А ^{73–75} Доб над стр А ⁷⁴ Первоначально в А следовало вселения Зачерк, перенесено в конец вставки А ⁷⁶ Первоначально далее следовало вас Взято в квадратные скобки А ⁷⁷ Первоначально было Господь Испр А ⁷⁸ Первоначально было Сродницам же его, хотевшим подушку поладить, он же, отмахнув рукою Испр А ^{80–81} Доб над стр А ^{82–83} Доб над стр А ⁸⁴ Первоначально далее следовало не Зачерк Б ⁸⁵ Первоначально было касатися Доб над стр А ⁸⁶ Доб над стр А ^{87–88} Доб над стр А

отче, молитву». Он же, ⁸⁹яко б испытуем некоторыми посланными следо-
вателями, глаголаше: ⁹⁰«Не того спрашивают, дел спрашивают, во всем
истязуют». // Глагола ему Мануил: «Потрудися, отче». Он же, мыслию ⁹¹
смотря на зело прилежных мысленных испытателей, рече: ⁹²«Время труда
требует, ⁹³и истязуют молитвы.» ⁹⁴Сие не 1-жды молви. Таже начало про-
говорив, лстовку в руках перебирал, и прекрестився рукою четырежды,
возгласил, глаголя: «Вот как крещусь». И показал на ⁹⁵крестное знамение —
⁹⁶десную руку сложену ⁹⁷двема персты.

Потом, яко б воспоминаия спасительное свое с келейными жителство и
бывшия его ко оным наставления ⁹⁸и дабы оныя в презрении не были, ⁹⁹
к келейнику его Петру глаголаше: «Смотри, смотри».

Мануил спросил: «Помниш ли, Д[ионисьеви]чь, что ¹⁰⁰завтро Сергия
чюдотворца». Он же рече: «Помню». И потом говорил: «Пора ступать».
2-жды. Конан паки ^{11,1}спросил: «Когда пойдеш?». Он же рече: «Завтро».
Иван и Мануил спросили: «Куда, отче, положить себя благоволиши прика-
зать?». Он же рече: «Как хотите». Помышляя же конечное души своея от
тела разлучение, глаголаше: «Не то ²дело. Вы, — рече, — мыслите о поgre-
бении тела моего, аз же пекуся, ³когда и како ⁴душа моя взята будет ⁵от
мене и камо вселится.» ⁶И потом, видя себе конечно изнемогающа, ⁷со
всяким смирением прощаяся у всех, глаголаше: «Простите в слове, и в
деле, и в помышлении в сем веце и в будущем». Сие же не 1-жды глаголаше.

Последняя же часы вси молился Богу непрестанно и рукою до самого
души исхода крестился, ⁸к наступившему же 25-му числу сентября в 9-й
час тоя ноши в последней четверти преставися в вечную жизнь, уснув
тихим и кротким уснением. ⁹//

Чтущу же сие ¹⁰отеческом преставлении ¹¹сказание, ¹²возлюб-
леннии, ¹³воздвигнитеся отеческою памятью ¹⁴от сокрушающия души ваши
о отеческом разлучении, воспряните же и от печали томящаго вас всякаго
малодушия и к полезному и сияющему в добродетелех великодушию по-
тещите, ¹⁵поревнуйте же бывшим отеческим добродетелем и целомудрию.
Потщитесь стяжати усердие к ведению Священного Писания, ибо сими
отец обогатився, непостыдна себе яви исповедника отеческому православию
тако ¹⁶при высочайшей власти великаго монарха, яко при именитом се-
далищи архиерейскаго достоинства, ¹⁷подобне и при многоковарном учреж-
денныя от Синода и Сената комиссии следствию. Таковыми же доброе-
дельми и усердием ¹⁸и вы ¹⁹возблоставше, помяните бывшую к вам оте-
ческую любовь и о спасении ваших душ показанное прилежание и
неленостным подвигом и помяновением отеческую память почитите. Христу

⁸⁹⁻⁹⁰ Первоначально было: глагола Зачерк., доб над стр. А. ⁹¹Первоначально было: рече
Зачерк., испр. над стр. А. ⁹²Доб. в конце стр. А. ⁹³⁻⁹⁴Первоначально было написано над
стр. Зачерк. А. Восстановлено Б. ⁹⁵Доб. в стр. Б. ⁹⁶⁻⁹⁷Доб. над стр. Б. ⁹⁸⁻⁹⁹Первоначально
было: глаголаше Зачерк., доб. над стр. А. ¹⁰⁰Доб. над стр. Б.

^{11,1}Доб. над стр. Б. ²Первоначально далее следовало: ныне Взято в скобки и зачерк. А.
³⁻⁴Первоначально было: где Затем доб. над стр.: и камо А. Зачерк., испр. вторично Б.
⁵⁻⁶Доб. в стр. Б. ⁷Первоначально было: изнемогша Испр. Б. ⁸Первоначально было: в 9-й
же час ноши в последней четверти преставися в вечную жизнь, уснув тихим и кротким
уснием в лето мироздания 7248-е сентября к 25-му числу На этапе Б в начале фразы
было доб. над стр.: к 25-му же числу и говорил: «Истязуют молитвы» На следующем этапе
эта вставка была зачеркнута и внесена окончательная правка В. ¹⁰⁻¹¹Доб. на верхнем
поле А. ¹²⁻¹³Доб. над стр. Б. ¹⁴⁻¹⁵Первоначально было: от всякаго томящаго вас малодушия
к полезному и сияющему в добродетелех великодушию Основная правка была внесена (на
полях и между строк) на этапе Б, причем начало фразы выглядело следующим образом:
от сокрушающия души ваши печалию о отеческом от вас разлучении Окончательный вид
фраза приняла на этапе В. ¹⁶⁻¹⁷Первоначально было: при высоком седалищи архиерейскаго
почтению, яко при высочайшей власти царскаго величества Исправления внесены на этапе
Б. ¹⁸⁻¹⁹Доб. над стр. В.

же Богу нашему добрыми делы угодити усердно потщитесь, яко да будете причастницы вечныя Его славы и наслаждения²⁰ святых²¹ 22 Его угодников²³ во веки. Аминь.

(ГБЛ, ф. 17, № 597, л. 27—31)

²⁰Первоначально далее следовало: со всеми Зачерк. Б. ²¹Первоначально было: святыми
Испр. Б. ^{22—23}Доб. над стр. Б.

В. С. СОБОЛЕВ

Из истории деятельности Академии наук по охране документальных памятников в первые годы революции

Академия наук всегда являлась носителем и продолжателем культурных и научных традиций. Одной из таких традиций была деятельность по охране и пропаганде памятников истории и культуры. Сегодня необычайно возрос интерес широких кругов общественности к судьбам отечественного культурного наследия в прошлом, настоящем и будущем. Поэтому изучение различных аспектов многогранной деятельности Академии в этом плане можно считать актуальным.

После победы Октябрьской революции советское правительство приняло ряд законодательных актов, которыми были провозглашены новые подходы к проблеме охраны и использования историко-культурного наследия. Однако практическое претворение этих декретов центральной власти на широких просторах России было делом нелегким, и этот процесс нельзя оценивать однозначно. Разрыв между словом и делом был вызван трудностями гражданской войны и всемерным стремлением ускорить проведение в стране экономических, социальных и идеологических революционных преобразований. Так, ликвидация помещичьего землевладения нередко сопровождалась уничтожением усадебных архивов и библиотек или их весьма пагубным распылением. Подобная картина часто наблюдалась и при ликвидации прежних сословных учреждений, в том числе дворянских, купеческих и др. Фронтальное наступление государства на церковь, объявленную одним из главных идеологических противников революционных преобразований, не могло не вызвать у большей части населения активно-отрицательного отношения к церковным памятникам и, в частности, к монастырским библиотекам и собраниям предметов искусства. Одной из объективных причин такого положения был и невысокий уровень общей культуры части народных масс.

Академия наук в те трудные годы являлась одной из организаций системы Наркомпроса, которая неуклонно и настойчиво боролась за сохранение национального культурного наследия. В этой статье мы попытаемся рассмотреть лишь один аспект этой широкой работы — охрану документальных памятников. Нам удалось выявить в фондах С.-Петербургского филиала Архива РАН конкретный фактический материал об этом. В практическом решении этих вопросов активную роль играл в то время ряд академических учреждений гуманитарного профиля: Библиотека, Пушкинский Дом, Азиатский музей, Археографическая комиссия (АК), Постоянная историческая комиссия (ПИК).

В условиях революционной коренной ломки старого общественного устройства часто приходилось в буквальном смысле спасать ценные комплексы документов от неминуемой гибели. В январе 1918 г. в Академию обратились представители петроградского дворянского собрания с просьбой в срочном порядке принять на хранение архив дворянства. В связи с ликвидацией сословных дворянских учреждений возникла прямая угроза утраты архивных материалов, представлявших, по отзывам многих историков и генеалогов, высокий научно-исторический интерес. Данный вопрос был обсужден 24 января на Общем собрании Академии под председательством академика А. П. Карпинского, при этом было принято решение выделить соответствующее помещение для документов и «поручить директору I Отделения Библиотеки принять соответствующие меры».¹

В июне 1918 г. подобным же образом был решен вопрос о принятии на хранение в Пушкинский Дом «Пушкинского отдела» ценной библиотеки ликвидированного Александровского лицея.²

Далеко не случайным, на наш взгляд, стал тот факт, что в апреле 1918 г. в Академию обратился «Совет Союза российских архивных деятелей» с заявлением, в котором указывалось, что на экстренном заседании, при участии уполномоченного Совнаркома петроградской коммуны Д. Б. Рязанова, принято решение создать Совет по управлению архивами Петрограда, при этом указывалось на необходимость направить представителя Академии для работы в этом органе. Этим представителем стал академик А. С. Лаппо-Данилевский.³ Следует отметить, что эти первые попытки централизации архивного дела в Петрограде происходили при активном участии Академии наук еще до появления знаменитого ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела».

В те годы для личных архивов еще чаще возникала угроза гибели. Так, в ноябре 1918 г. в Академию поступило сообщение о том, что известный исследователь истории Финляндии (его фундаментальная «История Финляндии» была удостоена академической Уваровской премии), член Русского исторического общества М. М. Бородкин арестован и содержится в «Крестах», а его квартира (ул. Глиники, д. 15) «с весьма ценной научной его библиотекой и архивом подвергалась разгрому». М. М. Бородкин в течение 40 лет служил в меру своих сил русской науке, и вот после ареста он, 70-летний старик, «лишился всего своего имущества, оставшись даже без платья и без белья». Общим собранием Академии было сразу же направлено ходатайство наркомом просвещения А. В. Луначарскому «об освобождении ученого и об охране его научного имущества».⁴

А вот другой, не менее потрясающий пример. В марте 1920 г. академик Ф. И. Успенский обратился за помощью к Общему собранию Академии. Ученый заявил, что временно занимаемая им квартира академика В. И. Вернадского⁵ уже несколько раз «подвергалась погрому». Как выяснилось, это «работала» «Комиссия по национализации имущества В. И. Вернадского», при этом взламывались все ящики и сундуки, все их содержимое переносилось в «особые корзины» и опечатывалось. Далее почтенный ученый муж поведал высокому собранию о том, что «по ошибке или по излишней ревности в опись попали и его собственные драгоценные рукописи», и попросил предпринять «хотя бы некоторые меры, дабы дать ему покой в

¹ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1918, д. 165, ОС, § 24.

² Там же, § 154.

³ Там же, § 71.

⁴ Там же, § 273.

⁵ В это время В. И. Вернадский находился в занятом Врангелем Крыму и являлся ректором Таврического университета.

скромном помещении из двух комнат». Вице-президент академик В. А. Стеклов пообещал сделать «возможное для облегчения положения» Ф. И. Успенского, но присовокупил, что «сделать можно очень мало».⁶

Иногда ученым приходилось принимать самые незамедлительные меры по спасению документальных памятников. Так, в апреле 1920 г. руководство Академии организовало спасение личных архивов Шуваловых и Воронцовых, находившихся в доме № 10 по ул. Моховой, так как там в спешном порядке был размещен военный госпиталь. Академик А. А. Шахматов произвел обследование материалов прямо на месте и доставил книги и рукописи в Библиотеку и Пушкинский Дом.⁷

Очень активную роль в спасении культурных ценностей играл старший ученый хранитель Пушкинского Дома, член-корреспондент Академии Б. Л. Модзалевский. В мае 1920 г. по его инициативе было организовано спасение ценных книг в связи с ликвидацией известного книжного магазина и склада Тузова в Гостином дворе (так как местные власти дали команду все «вредные книги» отправлять в переработку на бумагу).⁸ В ноябре того же года Б. Л. Модзалевский провел обследование комплекса архивных материалов, находившихся в Мраморном дворце, принадлежавшем до революции бывшему президенту Академии наук, вел. кн. Константину Константиновичу.⁹ В соответствии с его заключением Академия наук обратилась к Академии истории материальной культуры с просьбой о передаче целого ряда документов, в их числе: рукописного наследия вел. кн. Олега Константиновича, документов барона Г. В. Розена и А. П. Ермолова и др.¹⁰

На одном из заседаний Общего собрания Академии в феврале 1922 г. непреременный секретарь Академии академик С. Ф. Ольденбург доложил о срочных мерах, принятых руководством Академии по спасению библиотеки Феофана Прокоповича из бывшей Новгородской духовной семинарии. Дело в том, что Новгородский губернский отдел народного образования дал распоряжение «об уничтожении книг богословского содержания». Академией сразу же были даны соответствующие телеграммы в Новгородский губисполком, Губоно и Наркомпрос. Через несколько дней из Новгорода было получено сообщение о том, что библиотека передана в ведение местного института народного образования и «бдительно охраняется». Общее собрание Академии в ответ на это с большим тактом и сугубо российской интеллигентностью постановило: «Благодарить Новгородский губернский отдел народного образования».¹¹

Академии наук гораздо сложнее было выполнять свою благородную миссию по охране документальных памятников, когда дело касалось отдаленных от городов мест, «глухой провинции», а там так же остро нуждались «в помощи» архивы и библиотеки многих погибающих усадеб, этих еще до сих пор по-настоящему не изученных и по достоинству не оцененных «культурных гнезд».

Б. Л. Модзалевский в октябре 1918 г. сообщил непрережнему секретарю С. Ф. Ольденбургу о том, что в Надбелье, близ станции Оредеж Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, создалась реальная угроза гибели библиотеки и архива П. Я. Дашкова, имеющих «общерусское значение». Его дом «подвергся страшному разгрому, так что долгое время вся усадьба

⁶ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1920, д. 168, ОС, § 39.

⁷ Там же, § 55.

⁸ Там же, § 74.

⁹ В здании в это время размещалась Российская Академия истории материальной культуры.

¹⁰ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1920, д. 168, ОС, § 149.

¹¹ Там же, оп. 1 а—1922, д. 170, § 36.

была засыпана клочьями разорванных и разбросанных рукописей замечательного Дашковского собрания». Но стало известно, что «кое-что еще можно спасти для науки». Вопрос этот в срочном порядке обсуждался на заседании Отделения русского языка и словесности Академии под председательством А. А. Шахматова. Было решено просить местного краеведа П. А. Брюна срочно провести обследование Дашковского собрания, ассигновать ему на эту цель 300 р.; одновременно было решено обратиться в Лужский совдеп с просьбой об охране дома и просьбу эту подкрепить обращением к наркому просвещения.¹²

Несколько позднее Академией наук был выдан охранный лист члену-корреспонденту О. А. Федченко и возбуждено ходатайство перед Наркомземом об охране организованного ею ботанического сада, архива и библиотеки, находящихся в ее доме в Можайском уезде Московской губернии. Дело заключалось в следующем: совет Борисовской волости Можайского уезда «предложил О. А. Федченко в 24 часа выехать из имения», а затем явились посланные от волостного совета (никакой бумаги они не предъявили) и увезли на шести возах архив, часть библиотеки и другое имущество. Академия просила Наркомзем «оказать содействие к возвращению отобранных документов, книг и имущества».¹³

В начале 1919 г. Академией были приняты срочные меры по спасению архива почетного члена Академии наук П. С. Таганцева, у которого комбед Доркской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии описал документы и книги «в числе другой движимости» (хотя само имение по личной просьбе П. С. Таганцева уже было взято в государственную собственность). Руководители Академии и на этот раз применили, пожалуй, единственную доступную им меру «социальной защиты» — обратились за помощью в Наркомпрос и к управляющему делами СНК Н. П. Горбунову.¹⁴ Подобные примеры можно было бы продолжить.

Как уже упоминалось, Постоянная историческая комиссия Академии под председательством академика С. Ф. Платонова активно проводила работу по охране архивных материалов, делались с ее стороны попытки координации этой работы как внутри академической системы, так и при взаимодействии с учреждениями других ведомств. В состав Комиссии входили авторитетные ученые: С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Ф. И. Успенский и др. В отчете Комиссии за 1921 г., в частности, говорилось о том, что она «координирует работы и мероприятия по собиранию, систематизации и охране памятников письменности, исторических документов и материалов и руководит подготовкой ученых специалистов по археографии».¹⁵

В июле 1922 г. на заседании историко-филологического отделения Академии наук был заслушан доклад другой академической комиссии — Археографической о деятельности в этом же направлении. В частности, указывалось, что Комиссией спасен и уже доставлен в Петроград ценный архив бывшего Александро-Свирского монастыря, в том числе. Приходо-расходные книги XVII в. (в количестве 156 шт.), Столбцы XVI—XVII вв. (600 шт.), Книги таможи монастыря XVII в. (28 шт.) и мн. др.¹⁶

¹² Там же, оп. 1 а—1918. д. 165, РЯ, § 114

¹³ Там же, ОС, § 302.

¹⁴ Там же, оп. 1 а—1919, д. 167, § 19.

¹⁵ Документы по истории Академии наук СССР 1917—1919 гг. Сб документов Л., 1986, с. 212—213.

¹⁶ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1922, д. 171, § 124

В тяжелейших условиях разрухи, голода, перебоев в работе транспорта российские ученые, не считаясь ни с какими трудностями, выезжали «на места», в самые далекие уголки страны с целью охраны памятников культуры, являясь при этом как бы эмиссарами Академии наук.

В июле 1918 г. академик Я. И. Смирнов проводил изучение архива и библиотеки в Николаевском Песношском монастыре Дмитровского уезда Московской губернии.¹⁷

В ноябре того же года академик В. Н. Перетц прислал неперемому секретарю С. Ф. Ольденбургу письмо из Самары: в нем говорилось о той научной и организационно-общественной работе, которую проводил в это время ученый в городе на Волге. Приведем небольшую часть этого документа: «...описываю древние рукописи местных библиотек, работаю — и немало — в качестве председателя Комиссии по охране культурных ценностей (бесплатно) и успел за 2 недели спасти 10 библиотек, а остается их еще около 100! Среди них есть такие, как Юрия Самарина!».¹⁸ Думается, что нет необходимости комментировать эти строки.

В августе 1919 г. профессор А. Н. Самойлович был командирован Академией на три недели в Казань и в другие приволжские города для сбора «произведений мусульманской и иной иноязычной печати».

Необходимо отметить, что в первые годы революции сохранность архивных документов не всегда обеспечивалась и в самих центрах страны (в Москве и Петрограде). В этом плане весьма показательным является доклад, сделанный академиком С. Ф. Платоновым на Общем собрании Академии в январе 1922 г. Угрожающее положение сложилось в самых важных архивах страны в связи с резким сокращением штатов и бюджетных ассигнований. В частности, в докладе указывалось, что в Московском архиве юстиции (в нем хранилось несколько миллионов дел) осталось 5 человек штатных работников. В Петроградском государственном архиве осталось два штатных работника (это сам С. Ф. Платонов с помощницей) и в Петроградском архиве иностранных дел — также два человека (С. К. Богоявленский с помощником). По докладу ученого Общим собранием Академии было постановлено: «заявить соответствующим органам власти с совершенной недопустимости сокращения штатов архивных учреждений в размерах, угрожающих гибелью архивных фондов».¹⁹

Важную роль в деле охраны памятников культуры и истории играли и академические музеи. Довольно знаменательным, на наш взгляд, можно считать то, что в «Записке русских ученых о необходимых мероприятиях для сохранения и поддержания научной работы», направленной весной 1920 г. в советское правительство, говорилось о необходимости дальнейшего развития музейного дела в Академии, о роли музеев в спасении и в охране «культурных ценностей страны».²⁰

Деятельность по охране документальных памятников в большей степени проводилась Азиатским музеем, по праву считавшимся одним из богатейших в мире собраний памятников восточной письменности. Сотрудники музея в первые годы революции работу по комплектованию своих фондов проводили настойчиво и целенаправленно. Вот какова была динамика новых поступлений Азиатского музея в то время:²¹

¹⁷ Там же, оп. 1 а—1918, д. 165, § 171.

¹⁸ Там же, оп. 1 а—1919, д. 167, ИФ, § 160.

¹⁹ Там же, оп. 1 а—1922, д. 170, § 23.

²⁰ АРАН, ф. 2, оп. 1—1920, д. 7, л. 3—4 (записку составил академик А. Е. Ферсман, в документ внесли академик В. А. Стеклов и М. Горький).

²¹ АРАН, ф. 152, оп. 1 а, д. 71, л. 4.

Годы	Количество поступлений	Годы	Количество поступлений
1918	1 161	1921	1 991
1919	1 604	1922	1 374
1920	4.104	1923	1.469

Можем назвать и наиболее ценные приобретения тех лет: в 1918 г. — рукописные собрания академиков В. Р. Розена (156 номеров) и В. В. Радлова (50 номеров); в 1919 г. — библиотека академика К. Г. Залемана (910 номеров); в 1920 г. — библиотеки члена-корреспондента О. Э. Лемма (1033 номера) и академика Б. А. Тураева (2262 номера); в 1921 г. — собрания, приобретенные академиком Ф. И. Щербатским в Лондоне (1113 номеров),²² и др.

Вполне понятно, что успешное комплектование фондов академических учреждений документальными памятниками в те трудные годы имело особый смысл и важное значение, так как тем самым многие памятники были спасены от гибели или отправки за границу. В годовых отчетах упомянутых учреждений содержатся подробные сведения об этом. Позволим себе для того, чтобы проиллюстрировать этот род деятельности, привести отдельные выдержки из отчетов учреждений Академии наук.

В отчете Рукописного отделения Библиотеки читаем: «Несмотря на тяжелые обстоятельства переживаемого нами времени, Рукописному отделению в 1919 г., как и в минувшем 1918 г., удалось значительно увеличить свои собрания». На первом месте в ряду новых поступлений стояла часть знаменитого собрания покойного П. Я. Дашкова,²³ в которое входили архивы гр. П. А. Валуева, кн. В. В. Голицына, кн. Г. А. Потемкина-Таврического, гр. А. А. Аракчеева и мн. др. Второе, не менее богатое по количеству рукописей собрание — это чудом спасенный от уничтожения архив Кредитной канцелярии Министерства финансов.²⁴

В отчете Пушкинского Дома за 1923 г. говорится, что Рукописное отделение пополнилось собранием рукописей А. С. Пушкина, завещанных Дому покойным президентом Академии вел. кн. Константином Константиновичем (12 автографов и альбом Ю. Н. Бартенева), большим собранием автографов, принадлежавшим М. И. Семевскому (Пушкин, Гоголь, Островский, Салтыков, Герцен) и мн. др.²⁵

В определенном смысле Академия наук являлась своего рода организующим центром существовавшего в стране движения за охрану памятников истории и культуры. Важную роль в реализации задач этого движения играло успешное взаимодействие академических учреждений со своим активом на местах, с широкими массами энтузиастов-краеведов. Далеко не случаен тот факт, что Центральное Бюро краеведения было создано в январе 1922 г. при Российской Академии наук, а на первой сессии ЦБК в феврале 1922 г. председателем Президиума ЦБК был избран академик С. Ф. Ольденбург.²⁶ Он несколько позднее вспоминал: «Начало систематиче-

²² Там же, л 5

²³ Другая часть собрания П. Я. Дашкова поступила в Рукописное отделение Пушкинского Дома 525 «переплетенных томов» этого собрания, коллекция отдельных автографов, «состоящая из многих тысяч номеров», и проч (см. Отчет Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1919 год Пг, 1921 С 41)

²⁴ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1919 год Пг, 1920 С 48

²⁵ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год Л, 1924 С 111

²⁶ Краеведение 1923 № 1 С 46—47 В состав РАН Центральное бюро краеведения входило три года — с 1922 по 1924

ской краеведческой работы положено Академией наук».²⁷ О размахе краеведческого движения под общим руководством Академии наук свидетельствуют следующие цифры: к 1 октября 1923 г., по данным ЦБК, в СССР, кроме Москвы и Петрограда, было зарегистрировано и проводило работу 274 краеведческих общества и 359 музеев.²⁸ Хорошо известно, какой огромный вклад внесли местные краеведы, архивные и музейные работники в охрану памятников истории и культуры (в том числе и документальных памятников). Нередко в своей нелегкой повседневной работе они прибегали к помощи и авторитету Академии наук. Сошлемся только на один документ, подтверждающий данное положение. Это приветствие, с которым обратился I Съезд краеведов Ярославского края (на съезд собрались представители 10-ти уездов Ярославской, Тверской и Череповецкой губерний) в мае 1920 г. к Академии: «Приветствуем научный центр России, который ведет несмотря на тяжелые условия восхищающую своей разносторонностью, многообразием и интенсивностью научную деятельность»²⁹ (в первые годы революции Академия получала десятки подобных приветствий «с мест»).

Думается, что приведенный в настоящей статье фактический материал со всей убедительностью свидетельствует о той важной роли, которую играла Российская Академия наук в деле охраны документальных памятников в первые годы советской власти. Наши современники должны знать правду о высокой гражданственности и активности главного научного центра страны в деле сохранения культурного наследия, в оценке его значения в жизни общества. Нынешним работникам Академии наук необходимо продолжать и развивать эти давние академические традиции.

²⁷ Научный работник. 1925. № 3. С. 6.

²⁸ Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год. С. 155.

²⁹ АРАН, ф. 1, оп. 1 а—1920, д. 168, § 94.

Новые материалы к научной биографии Н. Н. Зарубина

Изучение наследия Николая Николаевича Зарубина (1893—1942), знатока древнерусской книжности, проницательного текстолога, археографа, библиотековеда, пока находится в начальной стадии, хотя интерес к проведенным им исследованиям уже проявился в научной литературе недавнего времени. Вскоре после появления статьи С. О. Шмидта об исследовании Н. Н. Зарубиным библиотеки Ивана Грозного¹ труд ученого был опубликован с комментариями и дополнениями.²

Находка личного архива Н. Н. Зарубина в сентябре 1984 г. стимулировала обращение к наследию ученого с научно-биографической точки зрения.³

Материалы новонайденного личного архива Н. Н. Зарубина при обработке и систематизации были разделены нами на несколько разрядов: 1) официальные биографические документы (справки, автобиографии, членские книжки и т. п.), 2) рукописи научного характера (черновики научных трудов, отражающие предварительные стадии работы над предмитами исследований; копии подготавливавшихся к печати текстов; картотеки), 3) личная переписка Н. Н. Зарубина и письма его близких, 4) семейные фотографии. Вводимые нами в научный оборот неизвестные документы существенно дополняют хранящийся в Рукописном отделе Библиотеки Российской АН личный фонд ученого.⁴ Обилие бумаг документально-биографического свойства приводит к уточнениям отдельных фактов биографии исследователя и значительному расширению представлений о развитии его научной деятельности.⁵

¹ Шмидт С. О. Исследование Н. Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 37—53.

За исключением статьи В. Ф. Покровской «Картотека академика Н. К. Никольского» (см.: Труды Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1948. С. 142—150), «написанной главным образом на основе обзора картотеки, составленного Н. Н. Зарубиным» (Там же. С. 142), работа С. О. Шмидта впервые напомнила о неопубликованных трудах Н. Н. Зарубина.

² Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; Подгот. к печати, примеч. и дополн. А. А. Амосова; Под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982. (Далее сокращенно: Библиотека...)

³ Личный архив Н. Н. Зарубина был найден случайно (искусствоведом И. Ю. Пауковым и автором настоящей статьи) в Ленинграде в доме № 32/66 по ул. Ленина (кв. 25), расселенном на ремонт. В разборе архива принимали также участие Е. П. Николаева и Е. Гродникова.

⁴ О личном фонде Н. Н. Зарубина в РО БАН см.: Шмидт С. О. Исследование Н. Н. Зарубина... С. 37. Фонд ученого преимущественно состоит из неопубликованных научных работ, переданных на хранение его вдовой З. В. Зарубиной, многолетним сотрудником БАН. З. В. Зарубина скончалась 25 апреля 1985 г. в доме престарелых в Петродворце.

⁵ Биографические справки о Н. Н. Зарубине, приводимые в научной литературе о нем и его трудах, на редкость скудны. См.: Шмидт С. О. 1) Исследование Н. Н. Зарубина... С. 37; 2) От редактора // Библиотека... С. 3.

Более подробное описание найденных материалов займет вторую часть нашей работы. Пока обозначим основные этапы биографии ученого, следуя свидетельствам его личного архива⁶ (находящегося в настоящее время в распоряжении автора статьи).

18 июля 1893 г. в Уфе в семье управляющего Казенной палатой статского советника Николая Павловича Зарубина, получившего дворянство за выслугу лет, родился сын Николай. Никакими данными о раннем периоде жизни Н. Н. Зарубина мы пока не располагаем. Невозможно по материалам его личного архива в точности установить, когда и по каким причинам семья переехала в Витебск,⁷ где в 1911 г. мы снова «встречаем» юного Николая Николаевича, уже закончившего Витебскую мужскую гимназию с серебряной медалью.

Вскоре Н. Н. Зарубин отправляется в Петербург, чтобы успешно выдержать вступительные экзамены на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета.

Осенью 1912 г. молодой ученый начинает занятия древнерусской литературой в просеминирии академика Н. К. Никольского. Исследования студенческих лет, продолженные и в этом семинарии, получили одобрение его учителя. Детальное изучение «Слова (Моления) Даниила Заточника», начатое Н. Н. Зарубиным в университетские годы, стало основой последующих разысканий по истории текста известного памятника и наметило в общих чертах направление целой серии дальнейших исследований.

В первый год учебы Н. Н. Зарубин не избежал участия в студенческих волнениях. Выступления учащихся были направлены против назначения на юридическом факультете Петербургского университета новых профессоров, угодных тогдашнему министру просвещения Л. А. Кассо.⁸

В начале 1910-х гг. намечаются изменения в личной жизни Н. Н. Зарубина. В декабре 1913 г. в Витебске он познакомился с Зинаидой Владимировной Стукалич, дочерью правоведа В. К. Стукалича. Завязалась обширная переписка, своего рода «эпистолярный роман», увенчавшийся заключением брака 23 октября 1915 г. в Петрограде.

Постепенно успехи Н. Н. Зарубина в изучении «Слова Даниила Заточника» начинают обращать на себя внимание и признаются авторитетными учителями столь весомыми, что к моменту окончания им университетского курса в 1916 г. Н. К. Никольский и И. А. Шляпкин ходатайствуют перед ректором о продлении срока пребывания многообещающего студента в университете еще на год.

По завершении выпускных испытаний в государственной Историко-филологической испытательной комиссии и представлении зачетной работы Н. Н. Зарубин был удостоен диплома 1-й степени. Вслед за тем, согласно удовлетворенным ходатайствам Н. К. Никольского и И. А. Шляпкина, молодой ученый остается при Петроградском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка и литературы.

Из-за трудного материального положения ученый в 1918 г. уезжает из Петрограда с намерением обосноваться на некоторое время в Витебске. Вплоть до 1920 г. Н. Н. Зарубин преподает в уездных школах — сначала

⁶ Все факты и даты установлены нами по документам — удостоверениям и иным бумагам официального характера, различным вариантам автобиографий и анкет, письмам ученого и его окружения.

Из сохранившегося черновика одной из анкет З. В. Зарубиной явствует, что мать Николая Николаевича — Елизавета Ивановна Зарубина родилась в Витебске.

⁸ Кассо Лев Аристович (1865—1914) — доктор гражданского права, с ноября 1910 г. министр народного просвещения. Подробнее о нем см.: Н. А. (Афанасьев Н. И.?) Л. А. Кассо: (Некролог) // Новое время. 1914. № 13906.

в местечке Яновичи, затем — Бабиничи, близ Витебска. Больше досуга появляется летом, в каникулы, и он не теряет его даром, описывая славяно-русские рукописи витебских книгохранилищ, которые не были известны науке прежде.⁹

Однако связь с кафедрой, по-видимому, не оборвалась после переезда в Витебск. Письмом от 3 мая 1919 г. академик Н. К. Никольский извещает Н. Н. Зарубина о возможности возвращения в Петроград: «Аванс в конце концов пропущен контролем, и, вероятно или *быть может* (подчеркнуто Н. К. Никольским. — А. Т.), будет получен в конце этой недели. Можно было бы поэтому уж приступить к библиографической работе в ближайшее время, если бы общее положение наше не внушало опасений за возможность ее перерыва под влиянием внешних условий. От Вас зависит решить, приезжать ли Вам сюда немедленно или немного повременить. (...) Очень желал бы начать поскорее — при Вашем содействии — приведение в порядок собранных материалов, но совершенно не уверен в завтрашних днях: что принесут они нам?». Через три месяца после написания Н. К. Никольским этого письма следует официальное приглашение председателя Отделения русского языка и словесности академика А. А. Шахматова принять участие в предприятиях ОРЯС.

Н. Н. Зарубин смог вернуться в Петроград лишь год спустя после получения этих приглашений. Он был зачислен научным сотрудником ОРЯС по Музею славяно-русской книжности и одновременно с этим вторично оставлен при Петроградском университете на кафедре русского языка и литературы.

После окончательного переезда Н. Н. Зарубина в Петроград начался наиболее плодотворный период его жизни.¹⁰ Систематические и непрерывные занятия в крупнейших петроградских библиотеках позволили Н. Н. Зарубину занять одно из ведущих мест в ряду знатоков древнерусской рукописной и печатной книжности. Исследования по истории библиотеки Соловецкого монастыря и подготовленное Н. Н. Зарубиным издание текстов «Слова Даниила Заточника»¹¹ (после выхода книги из печати ученым были подготовлены «Описание рукописей, в состав которых входят тексты Слова Даниила Заточника», несколько ценных указателей и серия памятников

⁹ Кроме того, в этот период Н. Н. Зарубина интересовали вопросы комплектования библиотек дореволюционного Витебска. Две таблицы, приготовленные ученым на основе печатных источников, опубликованы в статье современного витебского краеведа (материалы переданы З. В. Зарубиной в 1970-е гг.). См.: Подлипский А. М. Из истории библиотек дореволюционного Витебска // Книговедение в Белоруссии: Сб. статей. Минск, 1977. С. 150, 158. Сообщено А. М. Подлипским в письме от 2 апреля 1985 г.

¹⁰ Дальнейшие служебные перемещения Н. Н. Зарубина таковы: с октября 1925 г. он состоит старшим библиотекарем и заведующим Отделом книг XVIII в. I Отделения Библиотеки АН СССР; в конце 1928 г. баллотировкой в Общем собрании АН СССР утвержден в должности старшего научного хранителя Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ) при Отделении гуманитарных наук (ОГН) АН СССР; в связи с сокращением этой должности в ноябре 1930 г. назначен научным сотрудником I разряда Комиссии древнерусской литературы (КДЛ) при ОГН АН СССР; при слиянии в 1930 г. КДЛ с Институтом новой русской литературы перечислен в штат вновь образованного Института русской литературы с оставлением в прежней должности в КПДЛ; постановлением Президиума АН СССР в мае 1935 г. переведен на должность ученого специалиста КПДЛ; с сентября 1936 г. (после смерти академика Н. К. Никольского в марте 1936 г.) переведен в штат БАН СССР. Подробнее об изменениях в организационных структурах исследовательских групп по изучению древнерусской литературы в конце 1920—1930-х гг. см.: Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.): К 55-летию отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 4—14.

¹¹ См. Приложение, № 4.

словесности, содержащих фрагменты или отдельные цитаты из изучаемого произведения¹²) вошли в золотой фонд отечественной медиевистики.

Подробное рассмотрение как осуществленных, так и незавершенных (или только намеченных) трудов Н. Н. Зарубина вывело бы нас далеко за пределы этой статьи. Полагая своей целью лишь краткое описание всего того, что может быть обозначено как вклад Н. Н. Зарубина в науку о литературе, мы в лучшем случае конспективно повторили бы уже пройденный самим исследователем путь. Поэтому следует ограничиться составлением сводного Списка научных трудов ученого,¹³ в котором использованы сведения, почерпнутые из «Автонекролога Н. Н. Зарубина» и ходатайства академика Н. К. Никольского о присуждении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения *honoris causa*.¹⁴

«Автонекролог Н. Н. Зарубина», заверченный в конце октября 1935 г.,¹⁵ стоит особняком среди прочих автобиографий.¹⁶ Его появление было вызвано к жизни не служебной необходимостью, а явилось плодом свободной (если отвлечься от выбора формы изложения) рефлексии исследователя о смысле и значении его ученой деятельности. По этой причине предметом «Автонекролога Н. Н. Зарубина» стал не перечень перемещений по служебной лестнице (о них речь идет попутно, вскользь), но суждение об осуществленных им историко-литературных исследованиях. Изложение событий в третьем лице мыслилось автором «Автонекролога» как сознательное указание на максимальную объективность предлагаемых оценок.

После смерти академика Н. К. Никольского в марте 1936 г. Н. Н. Зарубин, не оставляя своих прежних занятий, возглавил работу по материалам знаменитой картотеки. Он подготовил «Описание копий, снятых со списков памятников древнерусской книжности X—XI вв. и имеющих при картотеке академика Н. К. Никольского» и прочитал как минимум два доклада о картотеке и трудах покойного учителя (см. Приложение, № 15, 20, 21).

Усилия, предпринятые Н. Н. Зарубиным для того, чтобы работы по картотеке не были приостановлены, достойны глубокого уважения. В письме В. Д. Бонч-Бруевичу от 31 марта 1939 г. (отправлено 2 апреля 1939 г.) ученый проанализировал причины неудовлетворительного состояния обработки картотеки (в том числе и планово-финансовые). Н. Н. Зарубин, в частности, писал: «17/1 с(его) г(ода) со мною неожиданно случился приступ острого аппендицита. Положение оказалось настолько серьезным, что пришлось подвергнуться немедленной операции. Только 10 февраля я снова

¹² Фонд Н. Н. Зарубина в РО БАН. Приносим глубокую благодарность А. А. Амосову за предоставление возможности ознакомиться с материалами фонда (*Примеч. — 1985 г.*).

¹³ См. Приложение. Составлен на основе посмертного Списка научных трудов Н. Н. Зарубина, подготовленного З. В. Зарубиной. Несмотря на то, что этот последний достаточно подробен (20 пунктов, состоит из 5 разделов: «А. Работы напечатанные, Б. Приготовлено к печати, В. Прочитаны доклады, Г. Сдано в печать, Д. Собраны материалы»), потребовалось внести поправки и дополнения с учетом современного состояния дел. Кроме того, в наш сводный Список научных трудов включены ссылки на те материалы, где встречаются упоминания о том или ином исследовании.

¹⁴ Ученая степень кандидата литературоведения была присуждена Н. Н. Зарубину без защиты диссертации на заседании Президиума АН СССР 25 октября 1935 г.

¹⁵ «Автонекролог Н. Н. Зарубина» представлен в нашем собрании 17 л. (кроме титульного листа) черного текста и 2 л. «заключительной» редакции, содержащей незначительные исправления преимущественно стилистического характера.

¹⁶ Помимо «Автонекролога» наибольший интерес для биографа представляют две автобиографии: «*Curriculum vitae*» с приложением «Списка научных работ напечатанных и находящихся в печати» (составлена 11 ноября 1928 г.) и «Автобиография ученого специалиста КПДЛ при ИЛИ АН СССР Н. Н. Зарубина» (составлена 1 июня 1936 г.). Кроме описанных автобиографий обнаружены черновики двух анкет и черновик «Краткого *Curriculum vitae*» (8 апреля 1935 г.).

приступил к работе, но, вследствие некоторых осложнений, даже и сейчас чувствую себя недостаточно окрепшим.

В течение болезни мне нередко приходило в голову, что будет с картотекою акад(емика) Н. К. Никольского, если меня не станет. Ведь никто, кроме меня, не знает ни того, на чем остановилась работа после смерти акад(емика) Н. К. Н(икольско)го, ни того, как ее вести в дальнейшем, ни, наконец, общей схемы частей картотеки и их взаимоотношений друг с другом и с его библиотекой, не говоря уже о тех научных идеях, которые положены в основу при создании картотеки ее составителем и которые, хотя в печати, в общих чертах, и известны, но принципиально отвергаются лжеспециалистами по истории древнерусской литературы, плотно засевавшими в стенах АН СССР.

Что же сделала АН СССР для того, чтобы обезопасить 40-летние научные труды своего действительного члена от превращения их в груды никому не нужного хлама? Кому я мог бы передать свои знания об этих работах? Кто был бы в состоянии осуществлять их если не сейчас, то тогда, когда, наконец, или сама АН СССР сообразит или ей разъяснят свыше, что без предварительных научно-библиографических разысканий по древнерусской рукописной книжности научная разработка гуманитарных дисциплин по славяно-русскому средневековью невозможна?

Три года прошло со смерти акад(емика) Н. К. Н(икольско)го, но сколько я ни добиваюсь, куда ни обращаюсь — толку ни на грош. А ведь вот опыт уже есть: доктор, производивший мне операцию, утверждает, что еще немного и мой аппендицит перешел бы в перитонит, и уже тогда никто не был бы в состоянии извлечь из меня сведений о картотеке акад(емика) Н. К. Н(икольско)го, как нельзя их получить теперь и от него самого.

Неужели же посмертные научные труды акад(емика) Н. К. Никольского постигнет та же бесславная участь, что и библиографические работы Строева, Межова, Лисовского, Венгерова и т. п., некоторые из которых нашли себе вечный покой в архивных и библиотечных усыпальницах АН СССР?» (цит. по сохранившемуся в разысканном личном архиве Н. Н. Зарубина черновику письма).¹⁷

Предчувствия в отношении своего здоровья не обманули ученого. Следующий 1940 год сложился неудачно. Конец года Н. Н. Зарубин провел в больнице. Встреча нового — 1941-го — прошла в клиническом тубсанатории в г. Пушкине, откуда больной был выписан лишь в январе. Врачи констатировали гепатит паренхиматозного типа. Подробности лечения известны по письмам Н. Н. Зарубина этого времени. Все они писаны карандашом на случайных клочках бумаги и поддаются прочтению с определенным трудом.

¹⁷ По мнению М. В. Рождественской, некоторые оценки Н. Н. Зарубина, высказанные в этом письме, отличаются неумеренным субъективизмом и требуют рассмотрения в общем контексте проблем, стоявших перед исследовательскими группами по древнерусской литературе в 1930-е гг. Ср. замечания по материалам Н. К. Никольского, высказанные В. П. Адриановой-Перетц в письме Н. К. Гудзю от 28 апреля 1936 г.: «„Ученое наследие“ Ник(олая) Конст(антиновича) (Никольского. — А. Т.) свалилось на меня тяжелым кирпичом. Езжу сейчас в Дет(ское) Село, где происходит опись его библиотеки, а я предварительно должна определять, что куда идет. (...) мне сейчас приходится перебирать по одной все книжки Н(иколая) К(онстантиновича). Грязь чудовищная. Я никогда не могла себе представить, чтобы можно было жить и работать в такой грязи. Кавардак соответствующий. Системы почти нигде нет. А много ценного» (РО ИРЛИ, ф. 728, не разобран). Указано М. В. Рождественской и Е. П. Николаевой. Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность за сообщение и консультацию.

Блокадная зима 1941/42 г. довершила начатое болезнями: Н. Н. Зарубин умер 1 марта 1942 г.¹⁸ Именно этот день постоянно называет З. В. Зарубина датой смерти своего супруга (во всех анкетах и кратких биографических заметках о Н. Н. Зарубине). «Николай Николаевич погиб во время блокады Ленинграда, 1/III—(19)42 года», — отмечает она в послевоенном письме к В. Д. Бонч-Бруевичу (цит. по сохранившемуся черновику письма). Кроме того, среди бумаг З. В. Зарубиной был обнаружен черновик ее послевоенного письма к другу семьи, Валериану Сергеевичу Золотилу, где рассказано о последних днях Николая Николаевича: «Коля был уже очень слаб и с трудом вернулся домой (после посещения общих знакомых. — А. Т.). Был ясный (1 слово нрзб.) день, и, подходя к дому, он мне сказал, что чувствовал, что последний раз смог выйти на улицу. (...) Колюшка угасал в течение 2-х недель (...) В блокаду умирали различно, но все без сознания, так что и с Колей мы не попрощались, хотя умер он у меня на руках».

Теперь обратимся к более подробному описанию материалов найденного архива.

В группе рукописей научного характера¹⁹ много черновиков, иллюстрирующих процесс работы Н. Н. Зарубина над изданием текстов «Слова Даниила Заточника». Сохранился значительный фрагмент студенческой работы «Добавление к описаниям рук. рук. № 43/1120 И(мператорской) Д(уховной) А(кадемии)²⁰ и пр(офессора) Н. К. Никольского». Множество копий, снятых со списков «Слова Даниила Заточника», свидетельствует о тщательности проделанной Н. Н. Зарубиным текстологической работы; немало листов уделено сопоставлению различных списков обеих редакций памятника. Некоторые рукописи Н. Н. Зарубина удалось идентифицировать по хранящейся в РО БАН машинописи «Описание рукописей, в состав которых входят тексты Слова Даниила Заточника».²¹ Таковы «Отрывки из выборки из отцов церкви» — копия текста, содержащего цитаты из «Слова Даниила Заточника» (ср. текст, воспроизведенный в приложении к «Описанию рукописей...»), и описание рукописи № 73 собрания Ф. А. Толстого (ГПБ. 0.1.73). Представлены копии, снятые с текстов памятников, связанных со «Словом Даниила Заточника» при посредстве цитирований: фрагмент «Словеса избранна изо Пчелы» (ГПБ, собр. Погодина, № 1315, л. 166 об.—172), отрывок без заглавия (из рукописи БАН 21.8.13), выдержка из рукописи БАН 23.1.4 (собр. Колобова). Фрагменты окончательной редакции статьи «Судьбы русской средневековой литературы и ее современное изучение», которая предназначалась к публикации в одном из редактировавшихся В. Д. Бонч-Бруевичем сборников «Звенья»,²² и подготовительные материалы к статье «К вопросу о первом издании (1800 г.) Слова о полку Игореве»²³ дополняют собрание научных трудов Н. Н. Зарубина, хранящееся в РО БАН по воле его вдовы. Из прочих материалов отметим описание рукописного сборника разных почерков XVII в. из библиотеки Н. К. Никольского,²⁴ таблицы соответствий между текстами «Слова Даниила Заточника» и различными редакциями «Пчелы» (по нескольким изданиям) и рукописи периода работы Н. Н. Зарубина в Отделе

¹⁸ В научной литературе упоминается ошибочная дата смерти — 5 января 1942 г.

¹⁹ Эти материалы переданы на хранение в РО БАН в 1985 г.

²⁰ Здесь и далее шифры рукописей оставлены такими, как их дает Н. Н. Зарубин. Уточнением современных шифров мы не занимались.

²¹ Ср. Приложение, № 4.

²² Статья не была опубликована.

²³ См. Приложение, № 5.

²⁴ Местонахождение сборника нам неизвестно.

книг XVIII в. Библиотеки АН СССР, содержащие заметки о редких изданиях и их наличии в БАН.

Одна из двух больших картотек, приведенных нами в порядок, является, по-видимому, «ключом» к исследованию Н. Н. Зарубина о библиотеке Соловецкого монастыря. При необходимости получить информацию о вкладчике книги следует обратиться к именной картотеке. Поскольку в труде Н. Н. Зарубина соблюден алфавитный порядок названий книг, сделать это, не прибегая к помощи именной картотеки, было бы затруднительно. Вторая большая картотека свидетельствует о предварительных стадиях работы Н. Н. Зарубина над исследованием о библиотеке Соловецкого монастыря. В ней соблюден алфавитный порядок названий книг. Кроме того, помимо карточек с различными выписками обнаружено и несколько малых картотек, в том числе «Указатель слов, встречающихся в списках Слова Даниила Заточника», опубликованный в издании 1932 г. (см. Приложение, № 4).

Немало новых биографических данных было почерпнуто нами из эпистолярной части архива. Письма Н. Н. Зарубина, его корреспондентов и переписка лиц из ближайшего окружения ученого — это в большинстве случаев беловые автографы. Лишь несколько писем Н. Н. Зарубина и его вдовы сохранились в черновых редакциях (вероятно, черновик не уничтожился из-за важности послания). Часть писем дошла до нас в поврежденном виде; кое-где утрачены начало или конец текста, отдельные письма представлены фрагментами без начала и конца.

Обнаружено более 40 писем Н. Н. Зарубина, относящихся к разным периодам его жизни. Самый значительный и обширный эпистолярный цикл — студенческие послания к невесте (24 письма, охватывающие период «не ранее 10 мая 1914 г.—4 сентября 1915 г.»). Рассказу о текущих университетских делах посвящено письмо к матери, Елизавете Ивановне, от 21—22 марта 1916 г. Известно 5 писем Н. Н. Зарубина к сестре З. В. Зарубиной Нине Владимировне Стукалич (4 послания относятся к 1920-м гг., пятое — от 14 августа 1939 г.).²⁵ Особую группу составили письма конца 1940—начала 1941 г. (так называемые больничные, все они написаны в клиническом тубсанатории в г. Пушкине), обращенные к З. В. Зарубиной (8) и Н. В. Стукалич (1); к ним примыкает письмо к З. В. Зарубиной от 18 августа 1940 г.²⁶ Письмо к З. В. Зарубиной от 21 сентября 1939 (?) г. написано совместно с Н. В. Стукалич. Три письма Н. Н. Зарубина представлены черновыми редакциями: два из них адресованы академику Н. К. Никольскому, третье — В. Д. Бонч-Бруевичу (цитировавшееся письмо от 31 марта 1939 г.).

Среди разысканных материалов выявлено 6 писем корреспондентов Н. Н. Зарубина. Сохранилось три (из них два — на открытках) письма З. В. Зарубиной в клинический тубсанаторий в г. Пушкине (все датируются декабрем 1940 г.) и три (включая телеграмму 1920 г.) послания академика Н. К. Никольского. Представляла бы интерес специальная публикация письма от 30 апреля 1930 г., в котором Н. К. Никольский запрашивает Н. Н. Зарубина о местонахождении рукописи «Толст. II. 436» (в прошлом — императорской Публичной библиотеки), впервые описанной П. М. Строевым в 1825 г. и заинтересовавшей академика М. Н. Сперанского в связи с поисками одного из списков «Хождения» Стефана Новгородца, — и обстоятельного ответа Н. Н. Зарубина, который был дан в письме от 8 мая 1930 г. (сохранилась черновая редакция).

²⁵ Кроме этих писем существует приписка Н. Н. Зарубина на письме З. В. Зарубиной к Н. В. Стукалич от 6 февраля 1926 г.

²⁶ Все письма, выделенные в эту группу, написаны карандашом.

Нередко корреспонденция близких Н. Н. Зарубина становится еще одним источником его биографии. Любопытные сведения о частной жизни ученого содержатся в письмах З. В. Зарубиной к своей сестре, Н. В. Стукалич (все они принадлежат 1920-м гг., витебскому, до переезда в Ленинград, периоду жизни Нины Владимировны). Описываются приемы гостей, квартирный ремонт, сборы в поездку по Кавказу и побережью Черного моря, визит Н. К. Никольского, работа Н. Н. Зарубина над подготовкой текстов «Слова Даниила Заточника» к печати.

Мы выбрали для публикации два отрывка из писем З. В. Зарубиной к Н. В. Стукалич, представляющих ценность для истории науки. Первый является выдержкой из недатированного письма 1920-х гг. с утраченным началом, второй извлечен из письма от 18 апреля 1927 г.

1. «Н(иколай) К(онстантинович) явился около 1 ч(аса) дня и пробыл до 2¹/₂ ч(асов). Ему, по-видимому, было хорошо у нас. По своему обыкновению, он говорил изящные любезности во французском старинном стиле, придавая им оттенок не то комплимента, не то иронии. У него это выходит удивительно изящно. Мы с К(олей) сияли, как и всегда в его присутствии. Прощаясь, приглашал меня в Детское (Село. — А. Т.) слушать соловьев».

2. «Коля подготавливает к изданию тексты Д(аниила) Зат(очника); сидит целыми днями, мало спит, не слушает концертов по радио (хотя, кажется, он и вообще не расположен их слушать) — вообще ведет себя возмутительно. Недавно он читал в Инст(итуте) Кн(иговедения) — и его очень хвалили».²⁷

Отрывочные воспоминания о совместном с Н. Н. Зарубиным гимназическом прошлом и дружеских отношениях, связывавших автора с семьей Зарубиных в 1920-е и 1930-е гг., присутствуют в послевоенных письмах В. С. Золотилова З. В. Зарубиной. В послании, не поддающемся точной датировке, В. С. Золотиллов сетует на скоротечность жизни: «Как-то уж очень быстро все свершилось. Давно ли мы с Колей бродили ночью по Семинарскому и Губернаторскому бульварам (в Витебске. — А. Т.), философствуя о жизни, а теперь и от города-то этого почти ничего не осталось».²⁸

Письма Н. Н. Зарубина к З. В. Стукалич 1914—1915 гг. заслуживают более пристального рассмотрения. В них рассеяна информация об университетской жизни тех лет и о скромном повседневном быте студента-провинциала. Н. Н. Зарубин довольно часто посвящает возлюбленную в свои научные планы — рассказывает о подготовке к экзаменам, работе над курсовым сочинением. Примечательно письмо от 23 апреля 1915 г., повествующее о визите к Н. К. Никольскому и обсуждении с ним «работы под наименованием „Моление Даниила в редакции XII в(ека) и вопрос о взаимоотношении списков этой редакции“», представленной Н. Н. Зарубиным руководителю. В послании приводятся замечания Н. К. Никольского «о новом методе» исследования ученика.

Всякий раз, обращаясь к творчеству писателя или ученого, имеет смысл начинать обсуждение его метода с анализа авторских суждений на этот счет — уровня автометаописания.

Напомним: в цитированном письме В. Д. Бонч-Бруевичу от 31 марта 1939 г., поясняя, «что без предварительных научно-библиографических разысканий по древнерусской рукописной книжности научная разработка гуманитарных дисциплин по славяно-русскому средневековью невозможна», Н. Н. Зарубин — словно мимоходом — изложил свое вполне зрелое иссле-

²⁷ См. Приложение, № 18.

²⁸ Имеются в виду сильные разрушения, которые претерпел Витебск в период войны 1941—1945 гг.

довательское *credo*. Судя по некоторым записям, это убеждение ученого сформировалось задолго до написания письма. Так, еще в дневниковой записи от 25 октября 1923 г. Н. Н. Зарубин сожалеет: «Грустна русская наука. И того, что под носом валяется, — и того-то не описывают, а хлопочут о каких-то высших синтезах и общих теориях! Скюшно!».

Не по причине ли сознательной ориентации на «предварительные научно-библиографические разыскания» многолетние и «во многом предвосхитившие и современные методы книговедческих и библиотекведческих исследований»²⁹ труды Н. Н. Зарубина не получили той «доли известности», которая бы им по праву принадлежала, будь они напечатаны?

Уяснение метода студенческих исследований Н. Н. Зарубина — проблема более частная. К сожалению, какие-либо следы работы Н. Н. Зарубина о «применении теории вероятности к исследованию вариантов по 2-м и 3-м спискам памятника (т. е. «Слова Даниила Заточника». — А. Т.)» пока неизвестны,³⁰ а возможно — и бесповоротно утрачены. Поэтому, не имея достаточного числа исходных данных для гипотетической реконструкции «нового метода», нам остается объединить те фрагменты информации о ранних научных штудиях исследователя, которые содержатся в частных письмах и «Автонекрологе Н. Н. Зарубина».

Судя по тексту письма к З. В. Стукалич от 23 апреля 1915 г., Н. Н. Зарубин, будучи приглашен Н. К. Никольским для обсуждения курсового сочинения, робко спросил, «что он думает о моей работе, т(о) е(сть) стоит ее продолжать или же почить на лаврах». Не выказав удивления ученической рефлексией, Н. К. Никольский мягко приободрил не в меру скромного студента. В изложении Н. Н. Зарубина: «На оный вопрос Н(икольский) ответил, что не продолжать было бы с моей стороны низко, т(ак) к(ак) направление моей работы не только оригинально, но и представляет в достаточной мере научную ценность уже (напр(имер), критика профессора Миндалева³¹)...».

В чем заключается существо этих критических замечаний, пояснено во вступительной части «Автонекролога Н. Н. Зарубина»: «Будучи на 3-м курсе и работая в семинарии по древнерусской литературе у акаде(мика) Н. К. Никольского, Н. Н. Зарубин, ознакомившись с вышедшей в то время в свет книгой казанск(ого) проф(ессора) П. Миндалева „Моление Даниила Заточника“, написал о ней свои замечания, в которых подошел критически к методу исследования и приемам издания текста Слова Д(аниила) З(аточника), обнаружив ряд неточностей в подборе вариантов, сомнительность устанавливаемой³² Миндалевым генеалогии списков и необоснованность конечного вывода о первенстве редакции XII века Слова Даниила Заточника. («Критичес(ие) замеч(ания) на работу П. Миндалева «Мол(ение) Д(аниила) З(аточника)»».³³ Ознакомившись с подлинными рукописными текстами Слова, Н. Н. З(арубин) остановил свое внимание на разночтениях, встречающихся в списках одной и той же редакции, и, взяв под сомнение применение формального метода к вопросу о взаимоотношении списков, рассмотрел с точки зрения теории вероятностей проблему возникновения тождественных вариантов для 2-х и 3-х списков данного

²⁹ Шмидт С. О. От редактора. // Библиотека... С. 7.

³⁰ Среди найденных документов обнаружен единственный двойной лист с графиками частотности словоупотреблений в пяти памятниках, свидетельствующий о приверженности Н. Н. Зарубина статистико-математическим методам исследования.

³¹ Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.

³² В оригинале ошибочно: «устанавливаемых».

³³ Так в тексте Н. Н. Зарубина.

памятника, установив теоретическую возможность появления одних и тех же разночтений помимо непосредственного заимствования их писцом из переписываемого текста («Применение теории вероятности к исследованию вариантов по 2-м и 3-м спискам данного памятника»)» (черновик заключительной редакции, л. 1).

Между тем в ноябре 1914 г. ничто не предвещало логичного, избавленного от эмоций изложения, свойственного «Автонекрологу». В письме невесте Н. Н. Зарубин, словно играючи, сообщал: «Задумал я забавную одну штучку в рассуждении вариантов к Д(аниилу) З(аточнику); столько, знаешь, возни у меня с ним, что трудно выразить словами: и так и сяк подхожу и то-то делаю и се-то, а на поверку дело не ахти как подвигается вперед: все окаянные запутанные места время отнимают. Ищу теперь законы, в силу которых происходит смешение варьантов — дело хитрое, не легкое, и трудно суть-то поймать за хвост. Но, с Божией помощью, думаю найти».³⁴

Работа над курсовым сочинением подвигалась мучительно медленно: «Если мне удастся моя работа — то это будет кое-что новенькое в области исследований текстов, но повторяю, все это в высшей степени трудно, шатко и требует массу времени. Шутка сказать: я не кончил еще вступления „Критика «анализа» редакции XII в(ека) проф(ессора) Миндалева“, т(о) е(сть) того, что служит просто легким разбором его статьи и что необходимо предпослать моей работе; а между тем она, т(о) е(сть) „критика“, захватывает уже 20 страниц больших листов и все сие уписано мелким шрифтом.

Вот каковы мои дела! А еще нужно „введение“ — т(о) е(сть) объяснение метода, каким я хочу вести свою работу, что тоже должно занять страниц 5, и лишь после этого приступить к „своей“ работе».³⁵

Но самое трудное препятствие, которое пришлось преодолеть Н. Н. Зарубину при работе над курсовым сочинением, — испытание любовью: «Вообще эта любовь сводит с ума только порядочных людей. Мне бы вот лучше было подумать о методе А. А. Шахматова в деле отыскания наиболее правильных текстов, а то не о чем будет и говорить с Никольским (тот уж верно думает, что я ему еще что-нибудь принесу), а тебе бы поучить синтаксис латинский; только вот в действительности-то Даниил (Заточник. — А. Т.) мне и на ум нейдет, уж не знаю, как тебе твоей синтаксис...».³⁶

Быть может, и удалось Н. Н. Зарубину ненадолго разубедить свою невесту в серьезности поставленных научных целей... Что же касается его учителей, они все более и более убеждались в обратном и ходатайствовали перед ректором Петроградского университета о продлении срока пребывания Н. Н. Зарубина в учебном заведении. Ходатайства академика Н. К. Никольского и профессора И. А. Шляпкина печатаются по тексту письма Н. Н. Зарубина к матери от 21—22 марта 1916 г., где они приведены дословно.

«Его превосходительству
г(осподину) ректору Петроградского университета.

К прошению студента Историко-филологического факультета Н. Н. Зарубина (приема 1911 г.)³⁷ — ввиду успехов его в изучении истории древнерусской литературы — позволяю себе присоединить и свое ходатайство о предоставлении ему возможности продлить срок пребывания в Университете до конца следующего 1916/7 учебного года. После занятий в просеминатории по указанной специальности (в 1913 г.) г(осподин) Зарубин продолжал усердно

³⁴ Письмо к З. В. Стукалич, датируемое по содержанию ноябрем 1914 г.; начало письма не сохранилось.

³⁵ Письмо к З. В. Стукалич от 24 января 1915 г.; начало письма не сохранилось.

³⁶ Письмо к З. В. Стукалич от 21 апреля 1915 г.

³⁷ Нами обнаружены два черновика прошения, составленного Н. Н. Зарубиным на имя ректора Петроградского университета.

изучать произведения древнерусской письменности, уделяя особенное внимание памятникам ее XII—XIII века. На тему о первоначальной редакции „Моления Даниила Заточника“ (господином) Зарубиным было предоставлено зачетное сочинение, получившее одобрение проф(ессора) И. А. Шляпкина и обнаружившее в авторе наряду с трудолюбием редкое умение разбираться в сложных вопросах, связанных с наблюдениями над произведениями древнерусской письменности. Было бы достойным сожаления, если бы эти полезные для науки занятия были прерваны необходимостью поспешного окончания университетского курса.

21 марта 1916 г.

Приват-доцент
Н. Никольский».

На следующий день профессор И. А. Шляпкин сделал приписку на прошении Н. К. Никольского:

«Вполне присоединяюсь к ходатайству Н. К. Никольского и считаю не лишним указать, что (господину) Зарубину только 22 года, а успехи его обещают в будущем основательного ученого.

Проф(ессор) И. Шляпкин.

22 III 1916 г.».

И. А. Шляпкин выказал завидную проницательность. В 1935 г., ходатайствуя о присуждении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения без защиты диссертации,³⁸ академик Н. К. Никольский констатировал, что труды его ученика «обнаружили» «не заурядного ученого профессионала, а исследователя, пролагающего в науке новые пути в ее поступательном движении».³⁹ Независимые современные оценки научного наследия Н. Н. Зарубина⁴⁰ не только подтверждают, что характеристика, предложенная Н. К. Никольским, не требует опровержений, но внушают надежду на всестороннее изучение в будущем вклада ученого в историю древнерусской литературы.

³⁸ Ходатайство не было удовлетворено.

³⁹ Никольский Н. (Ходатайство о присуждении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения honoris causa.) Л. 10.

⁴⁰ Ср., например, примеч. 29.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Н. Н. ЗАРУБИНА
А. РАБОТЫ НАПЕЧАТАННЫЕ¹

1. Очерки по истории библиотечного дела в древней Руси. 1. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение // Сб. российской Публичной библиотеки. Т. 2. Материалы и исследования. Вып. 1. Пг., 1924. С. 190—229.²
2. Книга каменная // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 337—340. (СОРЯС. Т. СІ. № 3).³
3. (Б. а.) Отдел книг XVIII века // Библиотека Академии наук СССР. 1728—1929: Краткий исторический очерк и путеводитель. Л., 1929. С. 43—48 (кроме с. 45—46 — описания Придворно-служительской библиотеки, принадлежащего В. И. Покровскому).⁴
4. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 3).
5. К вопросу о первом издании (1800 г.) «Слова о Полку Игореве» // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 523—527.
6. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве») // ТОДРЛ. Л., 1935. Т. 2. С. 95—155.
7. Академик Н. К. Никольский // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1936. № 4. С. 119—124.⁵
8. Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; Подгот. к печати, примеч. и дополн. А. А. Амосова; Под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982.

Б. ТРУДЫ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ПЕЧАТИ
ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО

9. Послание Климента Смолятича.⁶
10. Сказания о птицах.⁷
11. «Слово о женах» старца Евфросина.⁸
12. Полный и подробный словарь к «Слову о полку Игореве».
13. Описание рукописей, в состав которых входят тексты Слова Даниила Заточника. С приложением Слова Даниила Заточника по списку Ко-

¹ О принципах составления Списка научных трудов см. примеч. 13.

² Лепший в основу статьи доклад был прочитан дважды: в Обществе любителей древней письменности и искусства в 1922 г. и Библиологическом обществе в 1923 г. (АНГ, черн. ред.)³

³ Извлечение из доклада, прочитанного в Обществе любителей древней письменности и искусства «в июле 1923 г.» (Св). Ср.: «Я написал статью „Каменная книга“, которую собираюсь читать в „Обществе любителей древ(ней) письменности“» (письмо к Н. В. Стукалич от 5 июля 1923 г.); согласно Ход. НКН, доклад прочитан «6 июня 1923 года»; в Перечне ЗВЗ указана дата «12 сент(ября) 1923 г.» (последние два указания, вероятно, ошибочны).

⁴ Ход. НКН; АНГ, черн. ред.

⁵ Извлечение из доклада, прочитанного на заседании Кабинета славянских языков Института языка и мышления (ИЯМ) АН СССР в июне 1936 г. Вероятно, имеется в виду № 20 настоящего Списка.

⁶ Св добавление 1932 г.; Ход. НКН; АНГ, черн. ред.

⁷ Св добавление 1932 г.; Ход. НКН; АНГ, черн. ред.

⁸ Св добавление 1932 г.; Ход. НКН; АНГ, черн. ред. Ср. мнение Н. Н. Зарубина: «Ни одна из этих трех работ (т. е. № 9—11 нашего Списка. — А. Т.) не подготовлена настолько, чтобы быть опубликованной в печати...» (АНГ, черн. ред.).

- пенгагенской Королевской библиотеки № 553 и вновь открытого Слова Даниила Заточельника о злых женах по рукописи Государственного Исторического музея № 3807/н. Составил Н. Н. Зарубин.⁹
14. Библиотека Соловецкого монастыря (материалы по истории библиотеки Соловецкого монастыря за XV—XVIII вв.).
 15. Описание копий, снятых со списков памятников древнерусской книжности X—XI вв. и имеющихся при картотеке академика Н. К. Никольского.
 16. Судьбы русской средневековой литературы и ее современное изучение.¹⁰
 17. По поводу рецензии В. Н. Перетца «Академическое издание Моления Даниила Заточника».¹¹

В. ПРОЧИТАННЫЕ ДОКЛАДЫ¹²

18. О внешности книг по описям древнерусских библиотек. Прочитан 25 марта 1927 г. на заседании I Секции научно-исследовательского Института книговедения при Государственной Публичной библиотеке под председательством А. И. Малеина.¹³
19. Описание основного фонда Отдела книг XVIII века I Отделения Библиотеки АН СССР. Прочитан в феврале 1928 г. на заседании Комиссии по истории Библиотеки АН СССР под председательством А. И. Малеина.¹⁴
20. Характеристика научных трудов академика Н. К. Никольского с приложением списка печатных научных трудов. Прочитан в июне 1936 г. на заседании Кабинета славянских языков ИЯМ АН СССР.¹⁵
21. Картотека академика Н. К. Никольского и ее научное описание. Прочитан 8 февраля 1940 г. на заседании Кабинета славянских языков ИЯМ АН СССР.¹⁶

Г. СОБРАНЫ МАТЕРИАЛЫ

22. Для сводного издания описей древнерусских библиотек XV—начала XVIII вв. (свыше 100 описей).
23. Для словаря технических терминов древнерусской книги (до 2500 карточек).

⁹ В этот труд в качестве приложения вошел «Указатель параллельных мест из библейских книг к Слову Даниила Заточника», упоминаемый в Перечне ЗВЗ под № 9

¹⁰ О несостоявшейся публикации статьи см выше В обнаруженном архиве статья представлена страницами 1—16, 36—38 окончательной редакции

¹¹ Рецензия В Н Перетца была напечатана в 1-м томе ТОДРЛ (Л, 1934 С 341—350) Ответ Н Н Зарубина был передан в редакцию ТОДРЛ летом 1935 г (об этом см АНГ, черн, ред), однако не появился в печати

¹² В этом разделе Списка учтены лишь неопубликованные доклады Сведения о докладах, попавших в печать, приведены в разделе «А» Списка

¹³ См, письмо З В Зарубиной Н В Стукалич от 18 апреля 1927 г, Ход НКН, АНГ, черн ред, Перечень ЗВЗ В Перечне ЗВЗ указано иное название доклада — «Характеристика внешности книг по описям древнерусских библиотек»

¹⁴ Ход НКН, АНГ, черн ред, Перечень ЗВЗ Статья предназначалась для напечатания в сборнике по истории Библиотеки АН СССР Об этом см Св, Ход НКН, АНГ, черн ред, Перечень ЗВЗ

¹⁵ Доклад был принят к напечатанию в Трудах Кабинета славянских языков ИЯМ АН СССР Об этом см Перечень ЗВЗ

¹⁶ Эту дату называют черновой заметка З В Зарубиной «Работы (Н Н Зарубина) после 1939 г» и статья В Ф Покровской «Картотека академика Н К Никольского» (Труды Библиотеки Академии наук СССР М, Л, 1948 С 142)

24. По изучению лексики «Слова о полку Игореве» в ее связи с лексикой западно- и юго-славянских языков (до 16 000 выписок из словарей чешского, польского, нижнелужицкого, словенского, болгарского, сербского, украинского и белорусского языков).

Д. СТУДЕНЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹⁷

25. Критические замечания на работу П. Миндалева «Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники».
26. Применение теории вероятности к исследованию вариантов по 2-м и 3-м спискам Слова Даниила Заточника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНГ	— «Автонекролог Н. Н. Зарубина».
Сv	— Зарубин Н. <i>Currículum vitae</i> .
Сv добавление 1932 г.	— Приписка 1932 г. рукою Н. Н. Зарубина к рукописи <i>Currículum vitae</i> .
Ход. НКН	— Никольский Н. «Ходатайство о присуждении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения <i>honoris causa</i> ».
Перечень ЗВЗ	— (Зарубина З. В.) Перечень научных работ Н. Н. Зарубина, напечатанных и имеющих в рукописи.

Все рукописи, отмеченные в «Списке сокращений», находятся в собрании автора статьи (Санкт-Петербург).

¹⁷ Источниками сведений об университетских трудах Н. Н. Зарубина являются АНГ и его письма З. В. Стукалич 1914—1915 гг. Подробнее см. в основном тексте статьи.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

В. П. БУДАРАГИН

Некоторые итоги археографической работы Древлехранилища (80-е гг.)

Древлехранилище Пушкинского Дома вступает в пятое десятилетие своего существования. Создание его в 1949 г. было своего рода экспериментом, результаты которого было сложно провидеть и прогнозировать. Результаты поисковой археографической работы, возглавлявшейся В. И. Малышевым, дали, однако, толчок возрождению поисков рукописного наследия Древней Руси в масштабах всей страны. Образовывались новые архивохранилища, при университетах стали создаваться отдельные археографические лаборатории, возникла необходимость централизованного регулирования археографической работы. Эту миссию взяла на себя Археографическая комиссия АН СССР при содействии и формальном руководстве Главного архивного управления РСФСР. Древлехранилище Пушкинского Дома стало одним из многих центров собирания и изучения рукописной старины, сохранив при этом роль своеобразного лидера и авторитета. Время, однако, неизбежно запечатлевалось и в практике археографической работы: корректировались районы поисков, изменялся состав участников экспедиций, несколько иным становился круг памятников и хронологическая отнесенность находок.

Неизменным оставалось одно: в 80-е гг., как и в предыдущие десятилетия, самую значительную часть пополнений Древлехранилища составили находки археографических экспедиций. Экспедиции организовывались в традиционные уже для археографов Пушкинского Дома районы (Латгалия, Северная Двина, Пинега), предпринимались попытки возродить поиски в Псковской и Новгородской областях, на Керженце. Впоследствии, однако, эти районы были переданы для проведения экспедиционных поисков археографам других учреждений. Так получилось и с Печорой, главным археографическим открытием В. И. Малышева, крупнейшим до последнего времени территориальным собранием Древлехранилища. Теперь собирание и изучение рукописной книжности Печорского края стало преимущественным правом археографов Сыктывкарского университета. В 1989 г. впервые было отказано в разрешении на экспедицию архивными органами Латвии, в результате чего пришлось отказаться от археографической работы в Латгалии. Таким образом, к концу 80-х гг. общий перечень районов, перспективных в археографическом отношении, резко ограничился и сократился. Открытыми для археографов Пушкинского Дома остаются пока территории Архангельской области и Карелии. Архангельская область по числу находок продолжает лидировать и удивлять многообразием рукописного наследия.

В течение последнего десятилетия почти прекратилось пополнение многих личных коллекций Древлехранилища. Умерли фондообразователи,

их наследники постепенно передали все сохранявшиеся материалы, продолжателей в коллекционировании книжной старины не нашлось. Поступившие в 80-х гг. в Древлехранилище новые коллекции, как правило, невелики по объему и не имеют той конкретной территориальной отнесенности, какой характеризовались, к примеру, коллекции И. Н. Заволоко или В. В. Лукьянова. Тем не менее поступившие в составе этих коллекций рукописные материалы несомненно заслуживают внимания исследователей и сохранили подчас редкие редакции известных средневековых памятников. Некоторые (к примеру, Кормчая XVII в. из коллекции М. Ф. Першина) стали известны в науке еще до поступления их в Древлехранилище. Большая часть материалов, пополнившая личные коллекции, приобреталась Древлехранилищем в отличие от поступлений археографических экспедиций, которые традиционно чаще всего передаются на Русском Севере в дар. Как ни странно, даже потомки севернорусских старообрядцев продолжают придерживаться убеждения, что «слово Божие» не должно продаваться, что в этом есть какое-то нарушение православной обрядности.

Весьма разнообразны были источники пополнения фонда «Отдельных поступлений» Древлехранилища. Значительная часть рукописей приобреталась от ленинградских коллекционеров и держателей старины через посредство букинистических магазинов № 53 и 75, с которыми Древлехранилище поддерживает деловые отношения уже не первое десятилетие. Но немало рукописей было прислано в адрес Древлехранилища из самых разных районов нашей страны. Особенно активизировалась эпистолярно-археографическая деятельность Древлехранилища после публикации в журнале «Крестьянка» за 1988 г. интервью А. М. Панченко с обращением к читателям журнала присылать в адрес Древлехранилища сохранившиеся по городам и весям старинные книги. Вскоре после выхода номера журнала появились первые посылки и бандероли, потом число их стало резко возрастать и только около полугода спустя пошло на убыль. Увы, большая часть присланных материалов представляла собой синодальные издания XIX—XX вв. на церковнославянском и русском языках. Рукописей среди этих присылок оказалось всего несколько, но зато это были рукописи, о существовании которых в тех или иных городах и районах мы даже не подозревали.

Таким образом, в 80-х гг. в археографической работе Древлехранилища в известной степени сохранялись традиционные формы, дополненные продиктованными временем нововведениями. Результатом археографических поисков стали 1126 рукописей XV—XX вв., пополнивших собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома.

А. Г. БОБРОВ

Экспедиция на Северную Двину 1989 г.

В июле 1989 г. состоялась очередная, уже тридцатая по счету (начиная с 1960 г.), археографическая экспедиция на берега Северной Двины.¹ Как и в прежние годы, работа была организована совместно Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Ленинградским государственным университетом.² Совместно с археографами большую часть времени работала в этом году и экспедиция ЛО Института этнографии АН СССР (руководитель — А. Е. Финченко).

Исследования 70—80-х гг. показали, что наиболее перспективные в археографическом отношении районы Северной Двины расположены в ее среднем течении — от Топсы до Нижней Тоймы. За два года — 1988 и 1989 гг. — археографы вновь обследовали все расположенные здесь деревни и еще раз убедились в богатстве и разнообразии северодвинской книжной традиции.

Экспедиция 1989 г. начала свою работу в Нижней Тойме, впервые открытой для археографии В. П. Бударагиным, Д. М. Буланиным и А. Х. Горфункелем еще в 1972 г.³ Хотя после этого экспедиции посещали Нижнюю Тойму почти каждый год (кроме 1981, 1985 и 1988 гг.), книжные богатства этих мест еще далеко не исчерпаны. Как рассказали нам местные жители, в Нижней Тойме жили раньше старообрядцы двух согласий — «высокой» (или «кокшарской») веры, т. е. филипповцы, и «низкой» веры, т. е. поморцы («брачники»). Филипповцев здесь и раньше было немного, а в последнее время уже никого не осталось. Наставником поморцев был некогда Леонтий Федорович Пятин, а после него — Афанасий Николаевич Сивков,⁴ к которому, как говорят, перешла часть книг прежнего наставника. После смерти А. Н. Сивкова библиотеку нижнетоемских наставников сохранила его вдова, Александра Васильевна Сивкова (ум. 8 августа 1988 г.). Дети А. Н. и А. В. Сивковых бережно хранят родительские книги, но наиболее интересные в научном отношении они согласились передать археографам — несколько рукописей и старопечатных изданий, среди которых следует отметить Пролог за март—май (Клинцы, конец 1780-х гг.), отсутствовавший ранее в ленинградских хранилищах.

¹ Отчеты о предыдущих экспедициях см. в следующих томах ТОДРЛ: 18, 25—37, 39—41, 43—45.

² Участники экспедиции: А. Г. Бобров, О. В. Панченко (ИРЛИ), Т. В. Герасимова, М. В. Захарова, А. Н. Левичкин, Т. М. Леонтьева, О. В. Незведская, А. П. Пасечник, Е. А. Порошкина, Ю. Г. Фефелова, Т. В. Филозофова, О. С. Финченко (ЛГУ). Для членов университетского семинара Н. С. Демковой по древнерусской литературе экспедиция являлась летней археографической практикой.

³ Бударагин В. П. Северодвинские находки // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 29. С. 357.

⁴ См.: Там же.

Прожив в Нижней Тойме более двух недель, мы сумели близко познакомиться со многими владельцами книг, о которых археографы раньше не знали. Так, например, 7 рукописей подарил археографам В. В. Парасич из д. Бурцевская, а председатель Нижнетоемского сельсовета Р. В. Фока передала нам хранившиеся в учреждении архивные материалы, среди которых стоит выделить Протоколы заседаний Прилуцкого (ныне упраздненного) сельсовета за 1936 г., живо передающие политическую атмосферу той эпохи. Однако большая часть хранителей старинных книг уже была известна ленинградским археографам и ранее. В д. Боровина А. С. Усова вместе с книгами подарила нам буклет Древлехранилища, на котором В. И. Малышев написал ее покойному мужу, Сергею Александровичу, записку с просьбой переслать рукописи в Пушкинский Дом. С. А. Усов, получивший книги от своего дяди, уже упоминавшегося Л. Ф. Пятина, не решился тогда с ними расстаться, но его вдова подарила их теперь «для науки». Из этих книг наибольший интерес представляет Новый Завет и Псалтырь, изданные Иваном Федоровым в Остроге (1580 г.), с рукописным восполнением утраченных листов. Как и в прежние годы, не отпустила археографов без подарка гостеприимная Анна Григорьевна Третьякова⁵ из д. Жерлыгинская. На этот раз она передала нам Канонник, напечатанный в Москве Василием Бурцевым в 1641 г. В Пушкинском Доме хранятся переданные А. Г. Третьяковой ранее рукописи ее дяди, известного северодвинского книжника и художника Василия Ивановича Третьякова.⁶ И в этом году археографам удалось найти записные книжки и прориси икон В. И. Третьякова, но не у Анны Григорьевны, а у Н. А. Третьякова, племянника другого нижнетоемского переписчика и рисовальщика — Егора Игнатьевича Меньшикова («Оксюхича»)⁷. Е. И. Меньшиков был филипповцем, как и покойная Александра Михайловна Сивкова, жившая в д. Березник. Племянница А. М. Сивковой Е. М. Третьякова любезно разрешила археографам и этнографам осмотреть пустующий дом и забрать все, представляющее научный интерес. Здесь было обнаружено 7 рукописей, среди которых можно отметить, очевидно, местное сочинение о болезни «икоте» — «Чудо иноки Александры», а также характерные северодвинские миниатюры. Также от давней знакомой ленинградских археографов была получена в дар рукопись, содержащая «Книгу бесед» и другие сочинения протопопа Аввакума, инока Авраамия и т. д. В. П. Бударагину удалось установить, что почерк, которым переписан этот сборник, принадлежит пучужскому книжнику И. Ф. Колодкину (умер в 1834 г.)⁸. У нижнетоемского краеведа С. Г. Третьякова, уже передававшего в Древлехранилище много рукописных книг, на этот раз удалось приобрести Сборник канонический XVIII в.

Участники археографической экспедиции О. В. Панченко и А. Н. Левичкин вместе с этнографом А. В. Федоровым совершили поездку в труднодоступное (42 км от Нижней Тоймы) село Качем. Здесь уже бывали археографы в прежние годы,⁹ однако недостаток времени не позволял до-

⁵ См.: Бударагин В. П. На Северной Двине и в верховьях Пинеги // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 374; Буланин Д. М. Археографическая экспедиция на Северную Двину // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 422—423; Бударагин В. П. 1) Новое пополнение Северодвинского собрания Древлехранилища // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 363; 2) Северодвинская экспедиция 1978 г. // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 395 и др.

⁶ См. о нем: Бударагин В. П. Северодвинская рукописная традиция и ее представители: (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 404.

⁷ См. о нем: Там же. С. 403.

⁸ См. о нем: Там же.

⁹ См.: Бударагин В. П. 1) На Северной Двине... С. 374; 2) Новое пополнение... С. 363; Евсеева И. А., Шварц Е. М. Археографическая экспедиция на Северную Двину // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 351.

статочно полно ознакомиться с местными книжными собраниями. Некогда многолюдный Качем (на 1 января 1930 г. — 760 жителей) теперь почти совсем запустел, а старообрядцев здесь осталось всего семеро (двое — филипповцы и пятеро — поморцы). Находки, однако, были сделаны у достаточно случайных владельцев — «мирских». В. И. и В. С. Гавзовы подарили археографам Псалтырь, напечатанную в Вильно (1795 г.), которая ранее была представлена в Научной библиотеке ЛГУ только дефектным экземпляром, а К. А. Третьякова — рукописный сборник, содержащий послание Аввакуму из Москвы в Пустозерск (четвертый список)¹⁰ и другие сочинения. По рассказам местных жителей, наставником «низкой» веры был в Качеме Егор Иванович Пластинин, а «высокую» веру «завезли» сюда «Сорогичи» — Николай Иванович, Илья Иванович и Авдотья Ивановна Ларионовы — в 20-х гг. нашего века. Также к филипповскому согласию относилась и «инока Александра» (Александра Евгеньевна Пластинина), ученица П. М. Амосовой, умершая в середине 70-х гг. О ней известно, что она расписывала прялки, используя прориси своей наставницы. Вместе с А. Е. Пластининой жила в Качеме и Мария (в старообрядчестве — Надежда) Спиридоновна Бурмагина, теперь поселившаяся в Топсе. С ней автор этой статьи познакомился в 1988 г. и спустя год снова специально поехал в Топсу. На этот раз Н. С. Бурмагина показала мне часть своей библиотеки. Оказалось, что считавшееся утерянным собрание книг А. П. Осиева¹¹ хранилось в Красноборске у А. С. Вострых, а от нее унаследовано Н. С. Бурмагиной. Книги А. П. Осиева легко вывить, так как он любил оставлять на них записи «летописного» и биографического характера, например: «1952 был дождливой, много сена утопило на болотах, какъ вѣсною с поля хлебъ на саях убирали после Покрова, вода 5 раз збывала»; «Сию книгу Обиход держал Осиев Андрей Пионович с 1940 г. до смерти. А когда помер, не знал он своей смерти. А. Осиев. 1952 г. 20 ноября писал»¹² (Обиход певческий, рукопись. Нач. XX в. 4°. Полуустав П. М. Амосовой. Получена А. П. Осиевым от некоей Анны Александровны из с. Цивозеро). На Каноннике Почаевской печати А. П. Осиев оставил такие записи: «Сей Каноник инока Ивана Кузмовича, скончавша[гося в] 1937 году в тюрьме, в приводи, а после его держаль Андрей Пионовичъ, последователь, июне был 1946 года. А. П. Осиев. Все святии, молитв Бога о м[не]»; «Андрей Осиев приходил к вѣрѣ 1912 года, а родился 1887, 1 октября»; «1937 года Андрей Пионовичъ был осужден на 3 года лишения свободы и отбыл, и домой пришел. Отбыл хорошо, Б(о)гъ помог. В 1940 г. домой пришел, по 58 ст. п. 10 уголовного кодекса». Ряд книг унаследован Н. С. Бурмагиной от Евграфа Николаевича Осокина¹³ через его дочь, Анну Евграфовну («иноку Евстолию»), которая была крестной Н. С. Бурмагиной. Е. Н. Осокина, по воспоминаниям его дочери, в 1918 г. забрали в Москву и уморили в тюрьме голодом. Его домик до сих пор стоит рядом с домом Н. С. Бурмагиной, у которой сохраняется и рукопись (Канон Андрея Критского и Житие Марии Египетской), переписанная самим

¹⁰ См.: Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 127—150; Покровский Н. Н. Устюжский список «Возвещения от сына духовнаго ко отцу духовному» // Там же. С. 151—153.

¹¹ См.: Панченко А. М. Отчет об археографической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и в г. Тотьму Вологодской области в 1960 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 427; Бударягин В. П. Северодвинские находки... С. 356.

¹² А. П. Осиев умер в 1959 г.

¹³ См. о нем: Бобров А. Г., Шухтина Н. В., Якунина С. А. Северодвинская экспедиция 1983 г. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 417—418.

Е. Н. Осокиным. Некоторые книги попали в библиотеку, по словам владелицы, от П. М. Амосовой (Борок) и А. Е. Пластининой (Качем), а в записях на книгах, помимо того, упоминаются прежние владельцы Пелагея и Петр Колотовы. Обладая прекрасной памятью, Н. С. Бурмагина рассказала несколько слышанных или читанных ею некогда местных старообрядческих преданий — о монастыре на Летней (в 50 км от Топсы), где жили «старик со старухой и сын Антошка», убитые тремя «хулиганами» из Качема; о самосожжении инока Ильи в 8 км от Качема, где и сейчас видна его могила; об основании Качема. Существование легенды об основании Качема уже отмечалось в литературе,¹⁴ но здесь приводится ее запись, по словам Надежды Спиридоновны, так, как она читалась в ныне утраченной рукописи.

«Когда в Новгороде было гонение на христиан, две семьи — Саввы и Бориса — взяли с собой колокол (такой, что потом на Мучи было слышно, как звонят) и поехали на лодке. Лодка шла против течения сама, так что грести не надо. По Северной Двине тогда поселения были только на Городище и на Красной Горке, так они хотели остановиться у Красной Горки, но лодка сама свернула в Тойму. У Баского угорчика (километров 5 за то место, где теперь Керга) они тоже хотели остановиться, но лодка не пристала к берегу. Когда доехали до места, где теперь Качем, то лодка уткнулась в берег и ее не могли даже сдвинуть. Там и стали строиться. Оттуда пошло название Савиновское и Борисовское (а потом был Савино-Борисовский сельсовет)».

Заключительные 5 дней экспедиции археографы провели в Пучуге, последние годы оставшейся как-то в стороне от их маршрутов. Времени для тщательного подомного обхода в этом году уже не хватило, но и в Пучуге были сделаны достойные внимания находки. Так, например, Ф. В. Худякова подарила в Древлехранилище 4 рукописные книги, среди которых отметим Повесть о Варлааме и Иоасафе в списке XIX в. Очень полезную для археографов книгу подарил председатель Пучужского сельсовета В. Г. Антюшев — Переписную книгу Пучужской волости за 1913 г. В ней упоминается наряду с другими «последний пучужский книгописец»¹⁵ Матвей Иванович Софронов (1883—1952). Вдова его, А. Я. Софронова, уже дарившая рукописи Пушкинскому Дому, на этот раз передала археографам сборник выписок из Маргарита, переписанный ее мужем. Любителем книг был и брат Матвея — Максим Иванович Софронов, умерший около 1960 г. Его внук, Виталий Васильевич Софронов, сохраняет оставшиеся печатные книги, а единственную рукопись — Службу и Житие Корнилия Палеостровского — подарил Древлехранилищу.

Из пучужских находок этого года особо следует выделить лицевой сборник начала XIX в., подаренный А. И. Анисимовой (д. Терешевская). Это один из наиболее ранних образцов северодвинских иллюминированных рукописей, позволяющий проследить местную традицию художественного оформления книги, завершившуюся так называемыми пучужскими лицевыми святами. Несколько списков таких святцев XIX—середины XX в. было обнаружено и в этом году.

В результате археографической экспедиции 1989 г. Древлехранилище ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР пополнилось 70 рукописями XVII—XX вв., а в Научную библиотеку ЛГУ поступило 15 старопечатных книг. Важно отметить, что находки на Северной Двине еще возможны — только

¹⁴ Евсеева И. А., Шварц Е. М. Археографическая экспедиция... С. 351 («По местной легенде Качем... был основан в XIV в. двумя воинами-новгородцами, поднявшимися с частью добычи из Великого Устюга вверх по течению Тоймы, где на холмах перед небольшим озером они и поселились»).

¹⁵ Бударягин В. П. Северодвинская экспедиция 1978 г. С. 396.

в этом году мы видели десятки рукописных и старопечатных книг, с которыми владельцы пока не решили расстаться. Поиски северодвинского книжного наследия должны быть продолжены.

Ниже публикуется краткое описание рукописей, поступивших в Древлехранилище ИРЛИ, составленное В. П. Бударагиным (№ 791, 793—796, 798—800, 803, 810—813, 817, 819, 820, 829, 830, 838, 848, 850), Г. В. Маркеловым (№ 790, 792, 807, 808, 824—826, 828, 837, 843, 844, 846, 851, 855—859), А. Г. Бобровым (№ 797, 801, 802, 805, 806, 814, 822, 823, 839—842, 845, 849, 852—854), М. В. Захаровой (№ 804, 809, 815, 816, 818, 821, 827, 831—836, 847).

1. (790).¹⁶ Евангелие-тетр (конволют), 1580 г. — XIX в. (40-е гг.), в 8-ку, 218 л., полуустав; переплет (XIX в.) — доски, покрытые тканью, с двумя медными застежками, на верхней крышке переплета вышит серебряной нитью голгофский крест. Книга вложена в картонный футляр с замшевым клапаном, работы середины XIX в. Л. 34, 54, 56, 61, 64, 69, 71, 78, 80—86, 88—94, 96—110, 112—117, 119—140 представляют собой фрагмент печатной книги: Новый Завет с Псалтырью. Острог, Иван Федоров, 1580 г. На полях листов многочисленные пометы XVI—XVII вв., выполненные полууставом киноварью, содержащие указания евангельских чтений на год. Остальные листы конволюта — рукопись 40-х гг. XIX в. Заглавия выписаны киноварью, на поле л. 177 об. рисунок чернилами голгофского креста в картуше. Л. 3, 218 без текста.

2. (791). Сборник, XVII в. (посл. четв.) — XIX в. (30—40-е гг.), в 8-ку, 44 л., полуустав нескольких почерков, сохранился нижний лист бумажной обложки. Почерки: 1) л. 1—23 об. — полуустав конца XVIII в.; 2) л. 24—26 об., 44 — полуустав 30—40-х гг. XIX в.; 3) л. 27—32 об. — мелкий полуустав посл. четв. XVII в.; 4) л. 33—43 об. — полуустав посл. четв. XVII в. В оформлении текстов XVII в. использована киноварь. Содержание: Возвешение от сына духовного к отцу духовному; Летописец русских царей от Ивана Грозного до кончины Алексея Михайловича; Беседа первая протопопа Аввакума (только начало); Повесть о некоем старце, 30 лет себя в молитве пред Богом проклинающем; Тропарь и канон преп. Онуфрию Великому; Служба преп. Макарию Желтоводскому и Унженскому.

3. (792). Сборник погребальных и поминальных служебных текстов, XVIII в. (3-я четв.), в 16-ю долю листа, 59 л., полуустав (две разновидности одного почерка); от переплета сохранилась нижняя часть — доска в тисненой коже с остатками двух застежек. Имеются киноварные заглавия и буквицы. Часть текстов распета на крюках, столповое знамя с киноварными пометами, новоистинноречие. Среди поминальных текстов — духовные стихи: «Духовная моя братия и спостницы...» (л. 51 об.) и «Зряще мя безгласна и без дыхания лежаща...» (л. 52). Многие листы в начале и в середине рукописи утрачены, л. 58 отделен от блока книги, л. 59 приклеен к нижней крышке переплета.

4. (793). Сборник, XVIII в. (70-е гг.), в 8-ку, 229 л., полуустав; переплет — доски, покрытые обрезком кожи, меньшего размера по высоте (верхняя крышка фанерная, на нижней видны следы двух застежек). Л. 71, 75—76 об. переписаны писцом, возможно, для другой рукописи и вклеены в блок на место утраченных (?) листов, не восполняя пропуска в тексте. В оформлении текста использована охра и киноварь (л. 71, 75—76 об.); есть своя тетрадная пагинация; л. 1—6 об., 72 об., 222 об. — 229 об. — без текста. Содержание: Правило 7-го собора о исповедании; Правило все-

¹⁶ Здесь и далее в скобках дается шифр рукописи Северодвинского собрания Древлехранилища ИРЛИ.

ледского собора о причастии; Поучение священникам; Слово Григория Богослова к иереям; Правила: «о церковном приношении»; «как пети во церкви и в дому своем»; «о церковном устройении»; «вселенского собора» об осквернении сосудов, блудном грехе и пр.; о многоженцах и блудниках; «Никейского собора»; о Великом Посте; «святых отец 7-го собора»; «святых отец, 318»; «Слово Иоанна Златоустаго. Заповеди о законе церковном»; «Повесть аггелова, поведена святым Василием»; Правила: «святых о епитемиях»; о постах; «Слово святого Моисея о ратех и о клеветах»; Поучение Петра митрополита к попам; «Поучение и благословение Фотей, митрополита Киевскаго и всея Руси, попом и дьяконом, и христоименитым людем Господним от мала и до велика»; Слово Иоанна Златоуста о покаянии, научение детям духовным; «О двенадцати мытарствах»; Епитемейник; Епитемейник чернцам; Вопросы исповедальные и епитемейник мужам и женам; Правила: Афанасия Александрийского; Никифора Исповедника о втором браке; апостольские и отеческие о двоеженцах и триженцах; Григория Нисского о исповедывающихся; иереям о исповедании духовных чад (из Тактикона Никона Черногорца); Вопрос-ответ св. Анастасия о клятвенном разрешении; Правила: 6-го вселенского собора, апостолов и св. отцов о неприношении в церковь мяса и плодов; 6-го вселенского собора об отлучении «варящих муку» после праздника Рождества Христова; Послание к некоему брату духовному; Послание-благодарение некоего чернеца; Послание к некоему брату духовному (загл.: «Ино послание»); Послание некоему старцу; Выписки из Еллинского летописца от создания Адама до 6086 г.; «Летописец вскоре» патриарха Никифора с дополнениями; Перечень русских великих князей и царей от Рюрика до Федора Иоанновича; Слово о матерной брани.

5. (794). Сборник служебный, XVIII в. (пол. четв.) — XIX в. (сер.), в 8-ку, 15 л., полуустав четырех типов, без обложки. Почерк на л. 1—4, 15 принадлежит И. Ф. Колодкину, 2-й почерк — л. 5—12 об., 3-й — л. 13 об., 4-й — л. 14. Листы несколько отличаются по размеру. В оформлении текста л. 1—11 об. использована охра; л. 4 об., 14 об., 15 об. без текста. Содержание: Указ о поклонах за службу вседневную и на Великий Пост; Канон о Пасхе; Указ о поклонах за молебен в Светлую неделю; Тропарь и кондак Артемию Веркольскому; Указ о поклонах (частично повторяющий первый текст).

6. (795). Псалтырь, XVIII в. (80-е гг.), в 4-ку, 242 л., полуустав; переплет — доски в тисненой коже с двумя медными застежками. На форзацные л. 1, 242 и на подклейку использованы делопроизводственные записи 1858—1861 гг.; л. 10 подклеен у корешка полоской рукописи XVI в. В оформлении текста использована киноварь. На л. 202—241 переписаны «величальные» и избранные псалмы на Господские и некоторые другие праздники.

7. (796). Месяцеслов, 1783 г. (по пасхалии), в 8-ку, 357 л., полуустав, переплет — нижняя доска в тисненой коже с двумя бронзовыми застежками (работы И. С. Точилова). Заставки выполнены пером в один и два цвета, в оформлении текста использована охра. Л. 333 об.—334 об., 337 об., 356 об.—357 об. — без текста. Перечисленные праздники сопровождаются тропарями и кондаками. Пасхалия на 1783—1834 гг., на л. 335—336 об. Начальные листы утрачены.

8. (797). Диоптра, XVIII в. (90-е гг.), в 4-ку, 283 л., полуустав; переплет — доски в коже с тиснением, верхняя доска и застежки утрачены. Заголовки и буквы киноварные. На л. 280 об. примитивная заставка киноварью и чернилами. На л. 280 об. запись рукой писца: «Богу единому в неразделной и неизреченной Троице славимому, Отцу и Сыну и Святому

Духу, давшему сию книгу Диоптру начати и свершыти, да будет ему от нас трудившихся честь, слава, поклонение и вечное благодарение, всегда, ныне и присно и во веки веком. Аминь. Аще кая обрящутся погрешения, всяко молим покрыти скудоумие и невежество наше, исправити и прощению нас, труждающихся, сподобити, да и сами тожде прощение от Христа Бога получите в день последнего воздаяния. Аминь». На л. 282 помета — «Цена 3 руб. 80 к. сер.». На л. 283, 283 об. и нижнем форзаце — пробы пера. Л. 1 отделен от блока, верхняя часть листа оборвана.

9. (798). Сборник молитв, XVIII в. (конец), в 8-ку, 5 л., мелкий полуустав, без обложки. Две заставки, выполненные чернилами и киноварью, на л. 5 и 5 об.; киноварные инициалы на л. 1 и 5. Содержание: Молитвы Богородице; Иусу Христу; «ко Господу».

10. (799). Указы о правиле келейном (фрагмент Устава о Христианском житии; конволют), XVIII в. (конец)—XIX в. (перв. четв.), в 8-ку, 8 л., полуустав, без обложки. Писец И. Ф. Колодкин. Л. 1—5 представляют собой фрагментарно сохранившиеся л. 113—117 печатного издания Устава о Христианском житии (возможно, Вильно, 1794), искусно реставрированные И. Ф. Колодкиным. На л. 8 об. приписка скорописью первой четверти XIX в.: «В межговин де не бывают такие пониделники, чтобы рыбы не ись». В оформлении текста использована киноварь.

11. (800). Сборник (лицевой), XIX в. (нач.), в 8-ку, 55 л., полуустав, переплет — доски в коже со следами двух застежек, блок рассыпан. Почерк рукописи совпадает с лицевым сборником СДв. № 152. На верхнем форзаце чернильная помета некоего Димитрия, на л. 15 об., 16 об., 30 об., 31 об., 35 об., 37 об., 41 об., 46 об., 48 об., 49 об., 50 об. чернилами выписаны имена Димитрия Харькова, Алексия Сюхина, Ивана Анисимова, Димитрия Анисимова, Дмитрия Колодкина, Матрены и Дмитрия Русиновых, Ивана Худякова, Якова Третьякова, Григория Анисимова. Приписки почерком, близким писцовому на л. 27 об.: «Врат смертных нету листа, потерян», л. 38 об.: «Сему указанию потерян лист в лицах» (зачеркнуто), ниже: «Нашолься лист». Содержит 41 миниатюру в красках (на л. 15—55) и многочисленные детские карандашные рисунки. Есть своя полистная пагинация (л. 2—7, 9—18, 20—40, 47—57, 59—65), свидетельствующая об утрате нескольких листов. Содержание: Слово Ефрема Сирина о покаянии (из Паренесиса, гл. 49); Евангелие от Луки, зач. 76; «Альфа и Омега», гл. 44 (выписка).

12. (801). Вопросы апостола Варфоломея и Притча о душе и теле, XIX в. (начало), в 8-ку, 10 л., скоропись, без переплета. На л. 2 пометы типа «проба пера». Рукопись представляет собой фрагмент сборника. Содержание: Вопросы апостола Варфоломея (апокриф); Притча о душе и теле; «Иоанна Златоуста от Еуангелия» (сохранилось только начало).

13. (802). Сборник-конволют, XIX в. (нач.—20-е гг.), в 8-ку, 39 л., полуустав двух типов; обложка из плотной синей бумаги. На обложке заглавие: «Книга исповеди по новому закону патриарха Никона». На л. 39 об. записан алфавит. Л. 1—16 представляют собой фрагмент печатного издания нач. XIX в. (л. 3—19 Требника, изданного, вероятно, Синодальной типографией). Л. 17—34 в 16-ю долю листа, л. 17 отделен от блока книги. Содержание: Чин исповедания (фрагмент); Скитское покаяние (фрагмент); Список с выходных данных Псалтыри, изданной в Москве, Синод. тип., 1818 г.; Символ веры (текст не до конца).

14. (803). Сборник, XIX в. (10—20-е гг.), в 8-ку, 202 л., полуустав; переплет — доски в тисненой коже с двумя бронзовыми застежками (корешок надорван). Писец И. Ф. Колодкин. На л. 202 об. и форзацном листе карандашная запись полууставом конца XIX—начала XX в.: «Владелец сей

книги крестьянин Вологодской губ. Сольвычегодского уезда Нижнетоемской волости деревни Наволоцкой Прокопей Андреевич Королев». Заставка на л. 199 выполнена пером в два цвета; на л. 2 оставлено место для заставки; на л. 1 карандашный рисунок человеческой ноги с названием составляющих ее частей. Небольшие инициалы на л. 173, 180 об., 186, 195, 196 об., 198 об., 199. В оформлении текста использована кинovarь. Л. 1 об. — без текста. С о д е р ж а н и е: «Книга бесед» протопopa Аввакума (вступление и беседы 1—6, 8—10); Послание протопopa Аввакума к Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой и М. Т. Даниловой в Боровск; Повесть «о некоем милостивом человеце, како продаде себе Христа ради и цену в милостыню отдаде»; Аввакум, протопop. «О пресвятей, пречистой и преблагословенней славней владычице нашей Богородице и приснодеве Марии, еже есть песнь духовная»; Записка протопopa Аввакума о второй пустозерской казни; Послание инока Авраамия к некоей дочери Христовой; Челобитная инока Авраамия царю Алексею Михайловичу (выписки, часть которых отсутствует в опубликованном тексте; ср.: С у б б о т и н Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885. Т. 7. С. 259—385, 428); «Стих преболезненного воспоминания о озлоблении кафоликов».

15. (804). Сборник выписок, XIX в. (10—20-е гг.), в 8-ку, 6 л., скоропись, без переплета. Писец — И. Ф. Колодкин. Нижняя часть листов истлела, л. 1, 4 об., 6 об. — без текста. С о д е р ж а н и е: Указатель к чтениям Нового Завета; Выписки из Кормчей (гл. 4) о невосхищении высшего чина; Выписки из правил Шестого собора и из Зонара о женитьбе на иноверных; Выписка из Зонара о женах.

16. (805). Прение Живота и Смерти, XIX в. (10—20-е гг.), в 8-ку, 6 л., полуустав, без обложки. Текст Прения 6-й редакции, см.: Д м и т р и е в а Р. П. Повести о споре жизни и смерти. М.; Л., 1964. С. 179; начало и конец текста утрачены.

17. (806). Сборник, XIX в. (1-я четв.), в 8-ку, 16 л., небрежная скоропись, без переплета. На л. 1 записи: скорописью — «Благочестиваго государя и пет (?)» и подражанием печатному шрифту — «Оглавление книги разных глав, выбранных из разных книг харатейных юсовых». Верхний обрез листов неровный. Конец рукописи утрачен. С о д е р ж а н и е: «Слово Феодора Евкиота ко всем христианом»; «Беседы апостольские, лист 1778»; «Книга, глаголема Зиновия [Отенскаго] мниха, ученика Максима Грека, глава 14»; Выписка из Слова «Евлогия папа (*так!*) Александрийскаго»; Выписка из Пандектов Никона Черногорца, гл. 63.

18. (807). «Выгорецкое общежительство», настенный лист с изображением панорамы общежительства, XIX в. (1-я четв.), 31.7 × 95.3 см, рисунок пером с акварельной раскраской; композиция из двух симметричных частей; поморский полуустав; заголовок кинovarный, поморский вязью. Лист склеен из двух частей и наклеен на тонкий картон. В правой и левой частях листа изображенные строения помечены собственной отдельной нумерацией, которая в нижней части каждой половины сопровождается «легендой». Текст «легенды» левой половины (начало не сохранилось): «...лова. 4. Больница. 5. Поварня. 6. Привратня. 7. Грамотная. 8. Казначейская. 9. Хлебня. 10. Большухина келья. 11. Бучея[... ..]льская. 14. Угловных. 15. Михеевых. 16. М[... ..]льняных. 17. Елизарьевных. 18. Климовых. 19. Погреб. 20. Кузаранских [... ..]ва. 23. Семена Алексева. 24. Тятиной. 25. Псалтырня. 26. Десяточная. 27. Кижская. 28. Коровей двор». Текст «легенды» правой половины: «1. Часовня. 2. Колокольня. 3. Столова. 4. Больница. 5. Игуменская. 6. Крест. 7. Ворота. 8. Старцова. 9. Большая. 10. Земская. 11. Казначейская. 12. Верхняя. 13. Кузнецкая. 14. Медная. 15. Горновая. 16. Грамотная. 17. Кожевня. 18. Верхняя гостиная».

19. Нижняя возачья. 20. Двор. 21. Анбар казначейский. 22. Прикащицкая. 23. Бронная. 24. Поварня. 25. Анбар хлебной. 26. Пруд. 27. Кладбище. 28. Крест. 29. Гостиная нижняя. 30. Кузнецы [...]. Утрачены фрагменты текста в нижнем левом и правом углах.

19. (808). «Лексинское общежительство», настенный лист с изображением панорамы общежительства, XIX в. (1-я четв.), 31 рисунок пером с акварельной раскраской; композиция из двух симметричных частей; поморский полуустав; заголовок киноварный, поморской вязью. Лист склеен из двух частей и наклеен на тонкий картон. В правой и левой частях панорамы изображенные строения помечены собственной отдельной нумерацией, которая в нижней части каждой половины сопровождается «легендой». Текст «легенды» левой половины: «1. Часовня. 2. Колоколя. 3. Столова. 4. Больница Фектистова. 5. Больница Московская. 6. Псалтырня. 7-е. Грамотная. 8. Десяточные келии. 9-е. Хлебня. 10. Челядная. 11. Бучея. 12. Ворота. 13. Келья Ивана Долгова. 14. Федосья Ерасимовой. 15. Евсея Миронова. 16. Феоктистовых. 17. Выгозерских. 18. Рыборецких. 19. Федоры Андреевной. 20. Косцовной. 21. Олонецких. 22. Дворы». Текст «легенды» правой половины: «1. Часовня. 2. Колоколя. 3. Столова. 4. Поварня. 5. Игуменская. 6. Кузнецкая. 7. Портная швальня. 8. Грамотная келья. 9. Швальня чеботная. 10. Гостинная. 11. Плотницкая. 12. Больница. 13. Кладбище. 14. Пилные заводы и мельница. 15. Кузнеца. 16. Возачья. 17. Дворы. 18. Сарай. 19. Анбар хлебной. 20. Мелничная келья. 21. Сушило. 22. Мост через реку».

20. (809). Служба, молитва и житие Корнилия Палеостровского, XIX в. (20—30-е гг.), в 4-ку, 12 л., беглый полуустав, без переплета. В оформлении текста использована киноварь.

21. (810). Сборник, XIX в. (30-е гг.), в 8-ку, 111 л., полуустав; переплет — доски в тисненой коже с остатками двух застежек (корешок надорван). Писец Федор Петрович Кузнецов (ср.: СДв. № 249). На верхнем форзаце угасшие приписки с читаемым именем «Федор». Заставки выполнены пером и чернилами (иногда с добавлением желтой краски). В оформлении текста использована охра. С о д е р ж а н и е: Святцы (первый лист утрачен); Пасхалия зрячая (с 1832 по 1875 г.); Пасхалия зрячая по ключевым словам; Лунное течение; Указ о постах (без начала и конца); Прение дьякона Федора с Афанасием митрополитом Иконийским (конец утрачен).

22. (811). Тропарь и канон Кресту и священномученику Власию, XIX в. (30-е гг.), в 8-ку, 30 л., полуустав; в картонной обложке, прошитой нитками. На верхнем форзаце другим почерком переписана молитва Власию, на л. 1 об. — фрагмент Азбуки, этим же почерком приписки на л. 30, на л. 29 об.: «Проба пера, не дрожи ли рука, не хоцо ли кнута» и другие пометы. На л. 2 — заставка пером уверенного рисунка (розетка с расходящейся гирляндой листьев). В оформлении текста использована охра. Л. 15 об., 29, 30 об. — без текста.

23. (812). Прорись иконы Казанской Богородицы, XIX в. (30-е гг.), 22,5 × 17 см. Приписка В. И. Третьякова нач. XX в.: «Домнин ресунок Богородицы».

24. (813). Сборник, XIX в. (30-е гг.), в 8-ку, 20 л., скоропись, без обложки. На л. 1 запись 1835 г.: «7343 года августа 18 числа была погода в[...]я и солнышка была». С о д е р ж а н и е: Поучение священноиннок Дороефа о страстях телесных (выписка из Цветника, гл. 25); Слово Ефрема Сирина о пользе души и о смирении (из Пролога, 6 марта); О смиреномудрии (выписки из Сборника); Поучение священноиннок Дороефа о заповедях Господних (выписки из Цветника, гл. 6); Указ о поклонах на

Четырехдесятницу; Поучение священноинкока Дорофея о добродетелях, чистоте, совести (выписки из Цветника, гл. 44, 62 и др.); Слово Максима Грека об антихристе; Правила о крещении из книг Никона Черногорца (выписки, гл. 47, 63); Правило о перекрещивании «приходящих от латын и от прочих различных ересей» (из Потребника); Чин крещения оглашенных; Скитское покаяние (выписка); Правила поста для мирян и иноков перед исповедью (загл.: «Потребник Сергия Ляскина, лист 231»).

25. (814). Молитвы исповедальная и всем святым, XIX в., (30-е гг.), в 8-ку, 3 л., полуустан. На л. 1—2 — добавления к тексту Молитвы, вписанные другим почерком. В тексте Молитвы всем святым упоминаются в основном севернорусские святые. На л. 2 об. текст частично утрачен.

26. (815). Святцы (лицевые), XIX в. (30—40-е гг.), в 8-ку, 10 л., полуустан, обложка картонная. Изображения святых выполнены красками в пять цветов и чернилами, в рамках. Л. 1, 2, 9, 10 — без текста и изображений. Края листов ветхие.

27. (816). Скитское покаяние, XIX в. (30—40-е гг.), в 8-ку, 14 л., полуустан, в бумажной обложке. В оформлении текста использована киноварь.

28. (817). Устав о Христианском житии, 1849 г. (по пасхалии), в 8-ку, 226 л., полуустан; переплет — доски в тисненой коже с двумя бронзовыми застежками. Поминальные и другие пометы карандашом на л. 226 об., форзацах и полях Святцев. Одноцветные заставки растительного орнамента, выполненные пером и чернилами. Пасхалия с 1849 по 1870 г. на л. 107 об.—109. В оформлении текста использована охра, сохранившаяся и по обрезу блока. Есть своя тетрадная и полистная (л. 3—109) пагинация. Начальный лист утрачен.

29. (818). Сборник выписок о посте, XIX в. (40—50-е гг.), в 8-ку, 4 л., полуустан; рукопись вложена в обложку. К нижнему форзацу подклеен частично сохранившийся денежный документ 70-х гг. XIX в. В оформлении текста использована киноварь. Согласно старой пагинации сохранились л. 11—14. Содержание: Выписка о постах Рождественском и Святых апостолов; Выписка из Устава Матфея Правильника о постах Филипповском и Святых апостолов; Выписка из Тактикона Никона Черногорца «о прочих днех сего лета и о посте среды и пятка».

30. (819). Устав о Христианском житии (с дополнениями), 1855—1872 гг. (по пасхалии), в 8-ку, 355 л., полуустан трех типов; переплет — доски с остатками кожи и следами двух застежек. Почерки: 1-й — л. 1—40 об.; 67 об.—308 об.; 2-й — л. 41—67; 3-й — л. 309—355. На л. 355 об. карандашная владельческая запись: «Уставъ Андрея Мальцова»; поминальная приписка на л. 56. Заставки растительного орнамента, выполненные пером и чернилами; концовки на л. 25, 120, 340 об. В оформлении текста использована киноварь, охра и фиолетовые чернила. Своя полистная пагинация на л. 1—12, 41—67, 317—340; счет тетрадей 1—5, 1—34, 2—4. На л. 135 об.—137 пасхалия с 1855 по 1870 г. Добавлены: Пасхалия зрячая (с 1872 по 1945 г.); Пасхалия зрячая по ключевым словам; Лунное течение.

31. (820). Житие Варлаама и Иоасафа, XIX в. (50—60-е гг.), в 8-ку, 98 л., полуустан; переплет — доски в тисненой коже с остатками двух застежек (тиснение частично осыпалось, корешок реставрирован). На верхнем форзаце карандашная помета. Заглавия и инициалы киноварные (краска смыта, текст не прочитывается). Есть своя тетрадная пагинация; л. 1 об., 95 об.—98 об. — без текста. Редакция Четых Миней Димитрия Ростовского (19 ноября), см.: Лебедева И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Л., 1985. С. 45—46.

32. (821). Пролог (сентябрь—ноябрь), XIX в. (60—70-е гг.), в лист, 96 л., полуустав, без переплета. В оформлении текста использованы фиолетовые чернила. На л. 1, 34 об., 64 заставки растительного орнамента, выполненные чернилами, на л. 1, 49 об., 50, 52 об., 53, 58 детские карандашные рисунки. Имеется своя буквенная пагинация. Первый лист не сохранился, конец рукописи утрачен; последний лист сохранился фрагментарно.

33. (822). Молитвослов, XIX в. (60—70-е гг.), в 8-ку, 10 л., полуустав, без переплета. Заголовки и инициалы киноварные. Имеются незначительные карандашные пометы. Л. 1 — без текста, верхний угол листа оборван.

34. (823). Синодик, XIX в. (3-я четв.), в 8-ку, 12 л., полуустав, без обложки. Заголовки и буквы киноварные. На л. 10 об. помета рукой писца на полях напротив имени Марфы: «Березнеской». Л. 12 склеен из двух листов.

35. (824). Сказание о червленом пасхальном яйце и Сказание о Лестовке. Настенный лист, XIX в. (посл. треть), 35 × 44 см, полуустав, заголовки киноварные. Композиция в двух частях. Слева — изображение яйца в орнаментированном картуше, справа — изображение лестовки. Рисунок чернилами с раскраской в два цвета. Тексты: 1) «Христос воскрес! Свидетельство святого Иоанна Дамаскина, чего ради червлено яйцо на Велик день»; 2) «Сказание о Лестовке» (с указанием: «Выписано из книги Гранограф, лист 239»).

36. (825). Иллюстрация к видению св. Нифонта о молчании за трапезой. Настенный лист, XIX в. (посл. четв.), 22 × 34,5 см. Рисунок чернилами с раскраской анилиновыми красками в три цвета. Композиция из двух частей, в центре фигура «Нифонт с [святой]», текста нет. На обороте список имен для поминания.

37. (826). Иллюстрации (четыре) к лицевому Апокалипсису, XIX в. (посл. четв.), в лист, два листа в разворот, подписи к персонажам полууставом. Рисунки пером с многоцветной акварельной раскраской. Каждый рисунок имеет сложную «трехэтажную» композицию.

38. (827). Святцы (лицевые), XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 6 л., полуустав, без обложки. Примитивные изображения выполнены красками и цветными карандашами, в рамках. Листы рукописи оборваны.

39. (828). Сборная рукопись, XIX в. (посл. четв.) — XX в. (начало), в 4-ку, 86 л., подражание печатному и скоропись нескольких, близких между собой, почерков; некоторые заголовки фиолетовыми чернилами; переплет картонный с кожаным корешком. Л. 57—59 в 8-ку, 1-й четв. XIX в. На л. 53 об. грубое изображение льва (?). На л. 81, 82, 83, 84 об.—85 карандашные рисунки с частичными чернильной обводкой и акварельной раскраской, изображающие: 1) Пустынника с диким зверем, 2) Смерть грешника, 3) Смерть праведника, 4) «Иноци первый, и второй и последний». Текст на л. 30—33, 56 написан карандашом, на л. 38 об.—39 об. — красными чернилами. На 1-м форзаце карандашная помета С. Мамонова от 1907 г. На многих листах пробы пера и карандаша, черновые пометы и записи. На л. 3 запись скорописью: «Сия книга собрана из многих книг, нарицаема стиховник, в нем много изобретается всяких слов много». На л. 4 об. буквы: «Е.К.А.Х.П.К.М.». На л. 18 выписки карандашом из Стоглава о табаке и о чае. На л. 37 помета 1902 г. На л. 43 об. выписка о звере саламандре. На л. 68 помета Константина Мамонова. На л. 75 запись карандашом от 1886 г. апокрифической загадки: «Некто родился, пеленами не повился, водою не омыт...» и т. д. На л. 75 об. помета: «1902 года майя первого дня на конях в город ездили». На л. 80 об. записаны вопросы из Беседы трех святителей и помета Константина Мамонова. На л. 81 помета: «Любящие многословие не убежат греха». На л. 81 об. пробы пера

и росписи Степана, Михаила, Константина, Устины и Ирины Мамоновых. На нижнем форзаце карандашная помета: «Книга стиховник выписана из разных книг». Содержание: Стихи: «о единой пустынице»; «на Рождество Господа нашего Иисуса Христа»; «Плач Иосифа Прекрасного»; «о Воскресении Христове»; «о смерти»; о двух старицах-постницах; об овечке; «о малом иноке»; юного отшельника; о спящей душе; к Богу; о смерти; «о потопе страшном»; «о ленивом и о его раскаянии»; о Лазаре; «мниха унывающая и суцая воспоминающая»; Стих о умолении матери дочери; «душеполезной»; «Детей к умершей матери»; «душеполезной» о приближении «конца века»; «грешницы»; «о страстех»; кафоликов; «о исходе души от тела»; «святаго Иосафа царевича в пустыню входяща» (Стих об Иосафе переходит в текст Стиха об Иосифе Прекрасном); Молитва Иоанна Златоуста; Стихи: о умолении души; «о пресечении жизни»; «Рождеству Христову»; «о блудном сыне»; «о отце Иосифе, святей вере вожде»; Слово на Богоявление; «Стих. Не рыдай мене мати»; Черновые записи текстов на Зачатие св. Анны и на память преподобного Феодосия; «Месяца генваря 15 день. Слово о погребаящихся в церквах грешницех, кто се любю буди»; Выписки из Катехизиса о молитвах; Молитвы Ангелу хранителю, к Богородице, на сон грядущий, искушившемуся во сне; «Обою святую и верховную апостолу Петру и Павлу правил 17»; Указ песнопениям в неделю по полунощнице; Повесть — троесложное умоление из Цветника священноинюка Дорофея; «Слово некоего старца о почитании книжном, яко полезнее всех книг Псалтырь почитати»; Сопоставительная таблица 9 чинов небесных и 9 чинов земных.

40. (829). Устав о Христианском житии, XIX в. (конец), в 8-ку, 207 л., полуустав; переплет — доски в тисненой коже (на верхней крышке тиснение почти осыпалось) с двумя латунными застежками, корешок реставрирован. На л. 207 об. карандашная помета некоего Артемона. В оформлении текста использованы красные и фиолетовые чернила. Есть своя тетрадная пагинация, на л. 41—80, 105—119 полистная; л. об., 122 об. — без текста. Список с виленского издания 1794 г.

41. (830). Святцы, XIX в. (конец), в 4-ку, 22 л., полуустав, без обложки. В оформлении текста использована киноварь. Памяти вписаны в рамку (по 8 дней на каждой стороне листа) и, возможно, должны были сопровождаться условными изображениями святых по известному на Сев. Двине образцу «лицевых» святцев. Начало и конец утрачены (сохранились памяти с 15 сентября по 16 августа).

42. (831). Сборник духовных покаянных стихов, XIX в. (конец), в 8-ку, 14 л., полуустав, обложка картонная. В оформлении текста использована охра. Начало и конец рукописи утрачены. Содержание: Стихи о страстях Христовых (начало утрачено); «Иосафа царевича в пустыню входяща»; об умолении души; «о молодой юности».

43. (832). Избранные кафизмы, XIX в. (конец), в 8-ку, 8 л., полуустав, без обложки. На л. 1 запись: «Василия Яковлева Малцова. 1901 г., мисяца февроля [...]. Писано было у миня 1901 года мисяца марта 6 дня [...]». Здесь же выписаны отрывки из молитв. В оформлении текста использована киноварь. На л. 3, 5, 6 об. инициалы растительного орнамента; на л. 3, 5 примитивные заставки. Конец рукописи утрачен, л. 1 сохранился фрагментарно.

44. (833). Сборник выписок о наказании за различные грехи, XIX в. (конец), в 8-ку, 12 л., полуустав, без обложки. На л. 1 запись: «Спала пресвятая Богородица. Мисяца марта». На л. 2 охрой написано заглавие к сборнику: «Выписано из книги Пчелы ис правил святых отец». Л. 1 об., 10 об.—12 об. — без текста.

45. (834). Служба Артемию Веркольскому, XIX в. (конец) — XX в. (начало), в 8-ку, полуунав, без переплета. В оформлении текста использована охра. Начало и конец рукописи утрачены.

46. (835). Триодъ постная (фрагменты), XIX в. (конец) — XX в. (начало), в 8-ку, 43 л., полуунав, без переплета. В оформлении текста использована охра.

47. (836). Сборник духовных стихов, XIX в. (конец) — XX в. (начало), в 8-ку, 8 л., полуунав, без переплета. Конец рукописи не сохранился. Содержание: Плач Адама; Стихи «о временном сем житии»; о пустыне; о Страшном суде; о пустыне (другой).

48. (837). Записная книжка В. И. Третьякова, 1898—1915 гг., в 8-ку, 36 л., полуунав и скоропись; чернила и карандаш; без обложки. Содержит: выписки из разных источников об изготовлении красок, олиф, грунтовок, клеев; о производстве малярных и ремонтных работ; указы и рецензы по иконописанию и реставрации икон; выписки из Ветхого Завета и учительных книг; схему иконостаса; рисунки-наброски библейских персонажей и др.

49. (838). Чин исповедания, XX в. (начало), в 8-ку, 68 л.; полуунав, переплет картонный с матерчатыми уголками и корешком и наклеенными орнаментированными листами бумаги. Писец и рисовальщик В. И. Третьяков. Текст декорирован заставкой-рамкой, концовками и инициалами, выполненными пером красными и черными чернилами. Почерк и оформление текста (заглавие и буквицы фиолетовыми чернилами) на л. 30—36 отличается от остальной рукописи, эти листы имеют свою отдельную пагинацию чернилами. Полистная же и тетрадная пагинации в этой части рукописи проставлены В. И. Третьяковым карандашом. Л. 1 об., 36 об. — без текста.

50. (839). Сборник выписок, XX в. (начало), в 8-ку, 13 л., полуунав, без обложки. Писец — Матвей Иванович Софронов (?). Текст написан карандашом и чернилами разных цветов. На л. 1 записи: «...Сюхин 6 р. [...], Григорий Худяков 10 р., Максим Васильев 3 р., [...]. Нья Сорокина 5 р.»; «Владимирског[о]»; «Выписки из Маргарита» (почерком писца). На л. 13 об. записи чернилами: «Писано празник Приполовение после обедни 8 майя 1913 года, писано хорошо пученсково (?)...»; «Проба пера и черни[л]»; «Старобрядческой согласие Москвы нашова согласия [...], и то писал [...]». Здесь же полустертая запись красным карандашом: «Софронов Матвей деревни [...]». Л. 10 об. и 13 — без текста. Конец рукописи утрачен. Содержание: Выписки из Маргарита, из слова «О непостижимом»; Перечень тем, содержащихся в различных главах Маргарита; Перечень правил Вселенских и Поместных соборов.

51. (840). Сборник, XX в. (начало), в 16-ю долю листа, 19 л., полуунав, без переплета. На л. 1 об. запись скорописью: «Вознесенское почтооделение (*так!*) Волоцкой (*так!*) губернии, Сольвычегоцкого уезда, Нижнетоемское правление, деревню Жерлыгеску Парасковие Даниловне Пятине». На л. 19 об. карандашная запись скорописью: «Вознесенское почтово отделение, Вологудского гу. (*так!*), Сольвычегодский уезд, Нижне... Пра...». В оформлении текста использована охра. Л. 1, 2—6, 19 отделены от блока книги. Правильный порядок листов: 1, 5, 3, 4, 2, 6, 7—19; л. 1 — без текста. Содержание: Псалом 90; Молитва архангелу Михаилу; Сон Богородицы.

52. (841). Часовник (выписки), XX в. (начало), в 8-ку, 10 л., полуунав и скоропись одной руки, текст написан карандашом, без обложки. Рукопись переписана женщиной — на л. 2 запись: «Помолися о мне грешней» Л. 2 об. и 10 об. — без текста, л. 2 частично обобван.

53. (842). Изображение царя Давида, XX в. (начало), в 4-ку, 1 л., без обложки. Миниатюра в рамке, выполнена пером, коричневыми чернилами. На обороте листа карандашные записи: «...ва Анна [Ми]хайловна [умер]ла 9-го декабря 11 часов дня»; «1937 г. ум., 1863 г. род., 74 годов»; «Павле сей». Часть листа оборвана.

54. (843). Платежные книжки крестьян: Гледенова С. И., с. Мальцевского Афанасьевской волости за 1904—1918 гг.; Тарасова К. В., с. Лухановского Пучужско-Петропавловской волости за 1911—1915 гг.

55. (844). Рисунки и прориси икон В. И. Третьякова, XX в. (10—20-е гг.), 4 л. разного формата, чернила и карандаш. Содержание: 1. Прорись иконы Богородицы, XX в. (1-я четв.), 26.7 × 22.4 см; 2. Прорись изображения Распятия Христова, XX в. (1-я четв.), 17 × 14.2 см; 3. Рисунок напрестольного креста, 1919 г., 35.5 × 22 см; на обороте карандашные пометы о крещении некоего Андреяна Ефимовича; 4. Слово преподобного Нифонта «о ядущих на трапезе с молчанием», текст и рисунок пером, 1914 г., 27.5 × 22 см, полуустав, на обороте карандашные пометы.

56. (845). Переписная книга Пучужской волости, 1913 г., в лист, 221 л., скоропись нескольких почерков, переплет картонный с остатками матерчатого корешка. По старой чернильной пагинации сохранились л. 9—181, 183—230, по старой печатной пагинации — л. 307—479, 481—528. Книга содержит перечни членов 466 семей, проживавших в селе Петропавловском и в деревнях: Анцифоровской, Жаравинской, Троицкой, Терешевской, Лухановской, Сергеевской, Мальцевской, Кондратовской, Даниловской, Нестеровской, Кодимской, Болтинской, Евдокимовской, Шаповской, Ватуневской, Царевской, Борисовской.

57. (846). Подборка фотоснимков Ларионова Семена Сергеевича (д. Качем), 1916—1960-е гг., 10 отпечатков разного формата.

58. (847). Святцы (лицевые), XX в. (20—30-е гг.), в 8-ку, 6 л., без переплета. Прimitивные изображения, выполненные красками и цветными карандашами, в рамках, в основном без подписей. Имеется старая карандашная пагинация. Листы рукописи оборваны.

59. (848). «Новая скрижаль», XX в. (1-я четв.), в 8-ку, 64 л., скоропись, без переплета. На листах приходно-расходной книги нач. XX в. Конспект печатного издания. На л. 51 в скобках приписка: «Давал наш свещ. о. Иоани». На л. 1 заглавие с объяснением слова «скрижаль» и № 4.

60. (849). «Чудо иноки Александры», XX в. (1-я четв.), в 4-ку, 1 л., полуустав. Местное сочинение.

61. (850). Записная книжка В. И. Третьякова, XX в. (10—20-е гг.), в 8-ку, 45 л., полуустав, без обложки. Почти на каждом листе узкие полоски орнаментированных заставок, выполненных чернилами, на л. 28 более крупная заставка растительного орнамента. На л. 5 запись с датой 1915 г., на л. 5 об. — 1925 г. На полях встречаются различные пометы; имеется своя полистная пагинация с л. 11 по л. 43. Содержит преимущественно записи по ведению пасхальной службы.

62. (851). Книга протоколов заседаний и пленумов Прилуцкого сельского совета за 1936 г. (январь—декабрь), 46 л., в лист, скоропись нескольких почерков, в картонной обложке с матерчатым корешком.

63. (852). Святцы (лицевые), XX в. (50-е гг.), в 4-ку, 14 л., полуустав, в школьной тетради. Л. 3, 10—13 вставлены из другой тетради. Прimitивные изображения в рамках, выполненные черной тушью и красками. Имеются рисунки и пометы, сделанные детской рукой. На л. 10 запись (под 10 марта): «Это умер бабушка».

64. (853). Заговор приворотный, XX в. (сер.), в 4-ку, 1 л., скоропись

65. (854). Канон Богородице, XX в. (60—70-е гг.), в 4-ку, 12 л., полуу́став, в школьной тетради. Текст написан фиолетовыми чернилами, заголовки и буквы — красным карандашом. Писала Мария (в старообрядчестве Надежда) Спиридоновна Бурмагина. На верхнем листе обложки наклейка с записью: «Канон пресвятей Богородице всем скорбящим радости». На л. 9 об. запись: «Писала Надежда». Л. 1, 10—12 — без текста.

66. (855). Материалы из архива красноторской сельской учительницы Поповой Любови Васильевны (1892—1985 гг.). 1. Метрическое свидетельство, 1904 г.; 2. Аттестат об окончании Вологодской Мариинской женской гимназии, 1911 г.; 3. Справка о семейно-имущественном положении, 1936 г.; 4. Свидетельства о рождении и смерти дочери Софьи (1927—1943 гг.); 5. Письмо Л. В. Поповой к З. М. Быковой от 5 июля 1951 г.; 6. Письма разных лиц к Л. В. Поповой (пять писем, 1921—1983 гг.).

67. (856). Записные книжки Л. В. Поповой, 1930—1970-е гг. Три записные книжки разного формата. Содержат биографические сведения, расходные записи, адреса и т. д.

68. (857). Подборка фотографий Л. В. Поповой за 1906—1959 гг., 25 снимков отдельно Л. В. Поповой и вместе с родителями, друзьями, учениками и т. д.

69. (858). Альбом почтовых открыток из архива Л. В. Поповой, XX в., 15 × 19 см, 19 л., 19 открыток (видовые, в том числе Вологодская женская гимназия, коллективные и семейные снимки) за 1908—1934 гг. На оборотах — письма бытового содержания.

70. (859). Подборка фотографий из архива Л. В. Поповой, 1900—1970-е гг., 68 снимков разных лиц (родственников, друзей, односельчан, учеников и т. д.).

А. А. САВЕЛЬЕВ, Н. В. ШУХТИНА

Экспедиция на Мезень 1989 г.

В июле 1989 г. в Мезенском районе Архангельской области работала очередная совместная археографическая экспедиция Древлехранилища им. В. И. Малышева Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Ленинградского государственного университета.¹

В нашу задачу входило обследование населенных пунктов по берегам р. Пёзы, одного из притоков р. Мезени. До сих пор археографы не бывали в этих местах. Сразу отметим, что, несмотря на рассказы мезенцев о виденных на Пёзе старых книгах и несмотря на упоминания в литературе о старообрядческих поселениях в этих краях,² нам не удалось встретиться здесь со следами богатой былой книжной культуры. В деревнях, живописно расположенных по берегам изумительно чистой Пёзы, книг и в старину, очевидно, бывало немного. Это вполне закономерно, так как на Пёзе не было ни богатых книжными собраниями церквей, ни старообрядческих общин со своими библиотеками.

Жители деревень по Пёзе относились к Быченскому приходу (д. Бычье — самый большой населенный пункт, ближе всего расположенный к устью Пёзы). Здесь до революции была церковь, переоборудованная ныне, как это часто встречается, в сельский клуб. Кроме того, в д. Лобан, находящейся в 40 км от д. Бычье, стояла небольшая часовенка, в которой по праздникам служил быченский священник. В быченской церкви имелась, конечно, своя библиотека, отдельные книги которой — в основном новейшие издания Синодальной типографии — разошлись сейчас по домам местных жителей, умеющих «читать по-славянски». Несколько церковных книг видели мы и в домах родственников последнего быченского священника — Андрея Ивановича Варфоломеева, репрессированного в 1930 г. и погибшего в ссылке. В семье его внука — Л. В. Варфоломеева бережно хранится единственное дошедшее письмо деда с пересылки из Усть-Куломени от 9 ноября 1930 г. Книги, которые нам довелось увидеть, вполне традиционны для церковных библиотек — круг Службных миней, на престольные Евангелия, Библия и др. Все они, как уже отмечено, поздней печати, в основном больших форматов и в хорошей сохранности.

Что же касается старообрядческого населения, то не только в Бычьем, но и в других деревнях на Пёзе нам рассказывали об одном и том же человеке — Дмитрии Егоровиче Чупрове. О том, что старообрядцев на Пёзе, по крайней мере к середине XIX в., уже не было, говорит и прозвание,

¹ Отчеты о предыдущих Мезенских экспедициях см. в следующих томах ТОДРЛ: 8, 16, 20 и 41.

² См., например: Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971. С. 132.

которым до сих пор называют в Бычьем родственников Д. Е. Чупрова, — «Староверовы». Сам же Д. Е. Чупров, уроженец здешних мест, крестился по старому обряду в Петербурге, где жил некоторое время. Из Петербурга же он привез и несколько книг, оставленных им Т. Е. Коршаковой, самой грамотной жительнице деревни, которая до самой смерти «ходила читать по умершим». Т. Е. Коршакова не была старообрядкой. Ее книги сохранились у внуков — А. Г. и Т. Г. Коршаковых, это было единственное увиденное нами на Пёзе небольшое книжное собрание. А. Г. и Т. Г. Коршаковы передали в Древлехранилище два фрагмента рукописных Канонов за единоумершего (№ 180, 181),³ а также две старопечатные книги, поступившие в ОРК НБ ЛГУ. Первая — конволют, в составе которого три старообрядческих издания, напечатанных в начале XIX в. в Клинцах: Псалтирь, «О целовании св. икон» и «Глаголание Августина учителя в пролозе Псалтири» (в 4-ку). Два последних издания не описаны в библиографии и отсутствуют в других ленинградских библиотеках. Вторая книга — «Служба и акафист св. преподобному Артемию, Веркольскому чудотворцу», напечатанная кириллическим шрифтом в московской Синодальной типографии в 1880 г., ранее принадлежала священнику Чюхченемской Никольской церкви на Пинеге Прокопию Ивановичу Семенову,⁴ о чем говорит датированная 6 ноября 1880 г. владельческая запись.

В целом же книжная и рукописная традиция на Пёзе была, по-видимому, настолько незначительной, что если в Бычьем мы еще встретились с ее остатками, то уже в следующем населенном пункте — д. Лобан о чтущих книги даже в давние годы никто не слышал. Обратим внимание еще на одну любопытную деталь. Обычно знание «славянской грамоты» определяется местными жителями как умение читать Псалтирь. Здесь же мы столкнулись с другой традицией — о грамотеях говорилось, что они «Канон читали». И действительно, в некоторых домах нам встречались различные старопечатные издания, в основном Преображенской типографии, Канонов за единоумершего и за умерших. К тому же в этих местах мы впервые узнали об обычае, неизвестном по другим районам Русского Севера — Канон за единоумершего клали в гроб к погребаемому.

Таким образом, в районе р. Пёзы, где сохранились еще сейчас древние обычаи и обряды (например, обряд поклонения обетным крестам), где ленинградские исследователи находили интересные образцы севернорусского фольклора, книжная традиция была развита слабо и в археографическом отношении эти места можно, очевидно, считать бесперспективными.

После столь неутешительных наблюдений мы решили изменить маршрут экспедиции и последнюю неделю работали на Зимнем берегу Белого моря в деревнях Койда и Ручьи. В Койде последний раз была недолгое время экспедиция 1984 г. Попав сюда после Пёзы, мы столкнулись с совершенно иной ситуацией. Ранее здесь было три церкви — никонианская, старообрядческая и единоверческая. Каждая из них имела довольно большое книжное собрание. Кроме того, неподалеку от Койды находился старообрядческий Ануфриевский скит, где не только хранились, но и переписывались книги. Надо отметить, что старообрядческая традиция до сих пор жива в Койде, хотя поддерживают ее уже очень немногие жители деревни. Из рассказов бабушек мы узнали, что в конце XIX—первой половине XX в. в Койде проживал богатый род старообрядцев Малыгиных. Старший в роде — Филипп

³ Здесь и далее цифра в скобках обозначает номер рукописи Мезенского собрания Древлехранилища ИРЛИ.

⁴ О Прокопии Семенове см.: Николаев Н. И., Савельев А. А., Федоров С. В. Пинежская экспедиция 1981 г. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 450—451.

Малыгин и его четыре сына — Алексей, Аким, Тихон и Василий были очень грамотными, хорошо разбирались в книгах и, по-видимому, переписывали их. Причем умение писать книги по-славянски братья Малыгины передавали и своим детям. Так, например, нам удалось увидеть прекрасный образец поздней местной рукописной традиции — сборничек, переписанный искусным подражанием печатному Иваном Акимовичем (Екимовичем) Малыгиным. Сборник украшен карандашными заставками и концовками, на последнем листе запись: «Сия книжица, нарицаемая Скитское покаяние и Чин причащения. Напечатана 1930 года февраля 27 дня. Малыгин И. Е.». И. А. Малыгин родился в 1914 г., прожил очень недолгую жизнь — в 1944 г. он погиб на фронте. Как рассказала сестра, Фаина Акимовна Малыгина, с ранних лет ее брат отличался в письме и много переписывал сборников по заказу местного старообрядческого наставника. Известная нам рукопись написана им в 16 лет.

Братья Малыгины приобретали книги в Москве, а кроме того, имели, по-видимому, тесную связь с иноками Ануфриевского скита, поэтому в их собраниях были и книги, переписанные в ските. Именно две такие рукописи (№ 178, 179) из книг отца передала нам Нина Алексеевна Малыгина — наставница нынешней небольшой общины в Койде. Судьба книжных собраний Малыгиных традиционна, книги перешли к наследникам, которые до сих пор хранят старую веру. В Койде нам доводилось видеть книги во многих домах, но рукописей среди них почти нет. В основном это издания старообрядческих и единоверческих типографий. Тем не менее археографическая работа в Койде несомненно должна быть продолжена, сюда следует еще приезжать, причем на более длительный срок.

В последней же деревне, где мы побывали, — в Ручьях нас опять ждала неудача. Это довольно большая деревня, но старых домов в ней осталось очень мало, в основном постройки здесь новые. Книг же в Ручьях мы не видели совсем и даже не слышали рассказов о них. Сразу разобравшись в этой ситуации, мы, к сожалению, были вынуждены остаться в Ручьях до окончания срока экспедиции, так как из-за «бокового ветра» с Белого моря не летали самолеты.

Более чем скромные результаты нашей экспедиции — 4 рукописи XVIII—XX вв. и 4 старопечатных издания XIX в. — вновь подтверждают наблюдения В. И. Малышева, который еще в 1957 г. писал: «...старинные рукописи имеются на Мезени только в тех населенных пунктах, где в прошлом было развито старообрядчество; искать рукописи в других селах бесполезно, и находки могут быть только случайными...».⁵

Ниже публикуем краткое описание привезенных рукописей, составленное Н. В. Шухтиной.

1. (178). Сборная рукопись, XVIII в. (1-я четв.—3-я четв.), в 4-ку, 129 л., полуустав нескольких типов; переплет — доски, обтянутые кожей с тиснением. Основная часть рукописи (л. 2—9 об., 17—65 об., 78—90 об.) написана небрежным, очень вариативным полууставом; л. 10—16 об. — крупный полуустав, заглавие выписано вязью; л. 66—76 об., 92—122 — ровный полуустав другого типа; л. 123—127, 129—129 об. — полуустав с элементами скорописи. В оформлении всех частей рукописи использована киноварь. Л. 1—1 об. — фрагмент документа XVIII в. на гербовой бумаге, на л. 1 запись: «1827 года февраля 10 числа именинник Федор Миткин сын Игнатев», на л. 1 об. — поминальные записи и пометы типа «проба пера». Верхняя крышка переплета подклеена листом из прописей, нижняя —

⁵ Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 8. С. 365.

фрагментом частного письма, в котором упоминаются иноки, вероятно, Ануфриевского скита. Л. 2, 69 об., 77—77 об., 91—91 об., 122 об., 128 об. — без текста. С о д е р ж а н и е: Каноны Тихвинской, Владимирской, Казанской иконам Богородицы, Отпусты к праздничным службам, выписки из Псалтири, Последования погребения иноков и мирян и др.

2. (179). Сборная рукопись, XVIII в. (1-я четв.—80-е гг.), в 8-ку, 51 л., полуустав 3-х типов; переплет картонный с кожаным корешком. Рукопись состоит из 3-х частей: 1) л. 2—8 — 80-е гг. XVIII в., крупный полуустав, заглавия и буквы киноварные; 2) л. 9—11 — 1-я четв. XVIII в., полуустав с элементами скорописи, чернила коричневые, заглавия и буквы киноварные; 3) л. 12—51 — сер. XVIII в., полуустав, чернила черные, заглавия и буквы (иногда орнаментированные) киноварные. На л. 45 об. концовка, выполненная чернилами. Л. 1—2 об., 8—8 об., 12—12 об., 46—46 об. — без текста. С о д е р ж а н и е: Чины исповедания инокам, инокиням, священникам и дьяконам, чин причащения больного, выписка из Устава Святогорского монастыря о покаянии и др.

3. (180). Канон за единоумершего (фрагмент), XIX в. (кон.), в 8-ку, 12 л., полуустав. Заглавия и буквы киноварные.

4. (181). Канон за единоумершего (фрагмент), XX в. (нач.), в 8-ку, 12 л., подражание печатному. Буквы выписаны черными чернилами.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома

В течение сорока лет своего существования Древлехранилище Пушкинского Дома ежегодно пополняется все новыми и новыми рукописными находками. Регулярные археографические экспедиции в северные районы страны доставляют в фонды хранилища десятки рукописных книг литературного, исторического, литургического и т. п. содержания. На основе изучения этих рукописей создано большое количество научных работ и публикаций, посвященных разным аспектам истории отечественной литературы. Однако в фондах Древлехранилища имеются и такие рукописи, которые за редчайшим исключением не привлекали внимания исследователей до сих пор. Речь идет об архивных материалах, документах, деловых бумагах, которые также были найдены во время археографических поездок на Север за последние 40 лет. Найденные в крестьянских домах, эти документы являются неотъемлемой частью местной рукописно-книжной традиции, важнейшим фактором местной культуры и представляют собой ценнейшие источники по духовной и материальной истории севернорусского крестьянства.

Первым обратил внимание на возможность и необходимость изучения и собирания крестьянских документов основатель Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышев. В 1962 г. он писал: «Для литературоведов интерес представляет не только самое произведение, но и детали быта, в условиях которого создавалось или жило это произведение. Вот почему, нам кажется, бесполезным будет изучение переписки и деловых бумаг усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв., освещающие еще малоизученные стороны быта местных жителей. Эти материалы помогают исследователям восстановить картину жизни Печерского края XVIII—XIX вв., когда здесь еще почти в полной мере сохранялась рукописно-книжная традиция древней Руси».¹ В сущности, эта статья В. И. Малышева осталась единственной публикацией на интересующую нас тему. Между тем фонд крестьянских документов в Древлехранилище рос неуклонно, и их нынешнее количество достаточно велико и разнообразно, что позволяет перейти к их обобщению и оценке, чему и посвящена эта статья.

В настоящее время в северных территориальных фондах Древлехранилища Пушкинского Дома (Пинежское, Северодвинское, Печорское, Мезенское, Карельское, Красноборское и другие собрания) находится свыше 300 единиц хранения, включающих как отдельные документы, так и целые папки с деловыми бумагами, всего свыше 2000 листов. Представительна

¹ Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 442.

хронология документов — от начала XVII столетия до середины текущего века, хотя к XVII в. относится всего несколько десятков рукописей. Большая часть деловых бумаг XIX в., меньший процент бумаг XVIII в. и начала XX в. Наиболее часто встречающимся типом документов являются всевозможные хозяйственные и юридические акты, отражающие социально-экономические стороны крестьянской жизни трех столетий. Немало документов касается бытовой и правовой сторон развития сельской общины на Севере. Весьма значительно число крестьянских писем XVIII—XX вв., причем среди находок археографов имеются как отдельные разрозненные письма, так и целые подборки сотен образцов частной переписки нескольких поколений крестьян. Большой интерес должны вызвать находящиеся в Древлехранилище крестьянские мемуары, записи отдельных воспоминаний, дневники, автобиографические записки и т. п. — материал, наличие которого именно в крестьянской среде даже и не предполагалось исследователями. Все перечисленные категории документов дошли до нас или по отдельности или были обнаружены археографическими экспедициями в составе комплексов домашних родовых архивов севернорусских крестьян.

История формирования фамильного крестьянского архива — вопрос, требующий особого изучения в дальнейшем. Пока хочу обратить внимание на несколько, на мой взгляд, важных факторов, определяющих контекст изучения этой проблемы. Севернорусское крестьянство (а мы можем пока опираться на архивы именно этой категории крестьян) обладало на протяжении веков личной независимостью, собственными землями, свободой хозяйственного маневра. Нравы и общественные обычаи определялись установками православной (в большинстве своем здесь на Севере — старообрядческой) церкви. Семейный быт и традиции формировали личность крестьянина в духе веками выработанных принципов народного здравого смысла. Опыт предыдущих поколений представлялся неукоснительным образцом во всех проявлениях жизни — и в духовной и в материальной сферах. Почти повсеместная грамотность севернорусских крестьян предоставляла равные возможности: грамотно (цивилизованно!) вести хозяйство, опираясь на законность права, выраженного в разных сохраняемых документах, с одной стороны, а с другой — «насыщаться духовно» в чтении собственных древнерусских книг и рукописей. Отсюда — родовые крестьянские библиотеки, передаваемые из поколения в поколение, отсюда же — семейные архивы, принадлежавшие тем же владельцам.² Сохраняя у себя в доме бумаги двухсотлетней давности, крестьянин руководствовался не наивным скопидомством, а традиционным убеждением в ценности и полезности сберегаемых документов, завещанных от отцов и дедов.

Больше всего сохранилось крестьянских архивов на богатой древними книгами, традициями и фольклором Пинеге. В Пинежском собрании (далее — Пин.) Древлехранилища находится двенадцать таких архивов, причем большая часть их была найдена за последние десятилетия. Старейший среди них архив Поповых (Пин., № 233—278) содержит около 50 документов с 1606 по 1917 г. В этом фамильном архиве имеются бумаги, касающиеся разных сторон жизни более чем 10 поколений одного пинежского рода.³ Разумеется,

² Такими владельцами и собственной библиотеки и архива были пинежане Поповы с начала XVII в. См. об этом статью: Савельева Н. В. Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования (в печати).

³ Перечень бумаг этого архива см.: Сими́на Г. Я., Шусторович Э. М. Описание Пинежского собрания рукописей, хранящихся в кабинете русского языка Ленинградского университета // Вестн. ЛГУ. № 20. Сер. истории языка и литературы. Л., 1966. Вып. 4. С. 132—143. В 1966 г. все рукописи переданы в Древлехранилище Пушкинского Дома. Подробнее см.: Савельева Н. В. Библиотека пинежан Поповых (в печати).

надо учитывать, что дошли до нас семейные архивы отнюдь не в полном составе.

Представительным примером состава домашнего архива севернорусского крестьянина является найденный в 1987 г. архив кеврольцев Чеусовых—Белюсовых (Пин., № 664—731). Бумаги из него хранились в заколоченном деревенском доме, принадлежавшем последнему наследнику по прямой из рода Белюсовых. Несколько связок столбцов и отдельных листов содержали документы, датированные 1640—1854 гг., т. е. за период в 214 лет прослеживаются отдельные моменты жизни почти 7 поколений. Из 67 дошедших до нас документов к XVII в. относится 19 ед., к XVIII в. — 35 ед., к XIX в. — 11 ед. По 1745 г. бумаги связаны с фамилией Чеусовых, остальные переходят по прямой родственной связи к роду Белюсовых. Все они территориально «привязаны» к одной местности. Многие из упомянутых в документах крестьян этого древнего рода занимали различные выборные должности — сельских старост, соцких, сборщиков податей и т. п. По типам документы архива распределяются так: долговые расписки, «приимки» (по местному наименованию) и квитанции различных денежных сборов,⁴ их в архиве больше всего; затем следуют по числу документов всевозможные дельные и меновые записи и купчие крепости; записи, фиксирующие выборы на общественные должности, а также 2 челобитные, 3 договорные записи, 2 закладные; есть документы, связанные с отправлением нескольких уголовных дел. Из документов архива можно почерпнуть сведения о составе и росте крестьянского хозяйства за весьма длительный период, стоимость и оценку всевозможных видов крестьянского имущества и работ, виды хозяйственной деятельности, включающей, например, поездки пинежских крестьян на строительство Двинской крепости в Архангельск и в Петербург (выборная роспись 1717 г.), охрану веркольскими крестьянами листовичных лесов, ведение уголовных дел в деревнях в 1723 и 1769 гг. и многое другое. Один из документов архива — строительная порядная запись о возведении в Верколе в 1642 г. храма — публикуется историком архитектуры М. И. Мильчиком в этом же томе.⁵

Архив Чеусовых—Белюсовых по качеству и сохранности документов не единственный. Более 60 документов за период с 1740 по 1908 г. сохранилось от семейного архива сурских крестьян Мерзлых (Пин., № 436). 36 документов 1722—1872 гг. осталось от родового архива пинежан Спириных (Пин., № 460). Около 20 бумаг из архива штоггорцев Земцовских содержат данные за период с 1854 по 1916 г. (Пин., № 739). Ряд документов Пинежского собрания повествует об отдельных моментах жизни почти пяти поколений кеврольцев Томиловых (Пин., № 591—616).

К комплексам фамильных архивов примыкают и отдельные сохранившиеся документы пинежских крестьян. Среди них отметим разрозненные крестьянские купчие и закладные (Пин., № 495), духовные завещания и брачные свидетельства (Пин., № 488, 520, 523, 525), платежные книжки 1875—1919 гг. (Пин., № 335), крестьянские записные книжки, содержащие приходо-расходные записи, долговые пометы, фенологические наблюдения, школьные упражнения, черновики писем и документов и многое другое (Пин., № 424, 552, 623, 758). Любопытно, что среди деловых записей в такого рода книжках встречаются тексты деревенских песен,

⁴ Наличие в архиве именно данного типа документов вначале навело на мысль, что перед нами остатки архива Кеврольской приказной избы.

⁵ Мильчик М. И. Строительная порядная запись 1642 года из архива пинежских крестьян. См. настоящее издание. С. 509—517.

чапушек, романсов, а нередко и заговоров. Нередки здесь и записи поминального характера, заменявшие крестьянам родословные таблицы.

Целый ряд документов Пинежского собрания отражает внутриобщинное устройство и жизнь северной деревни XVII—XIX вв. (Пин., № 57, 61, 309, 484, 510, 579, 622). В собрании представлены различные распорядительные и иные правовые акты, в которых упомянуты местные жители (Пин., № 138, 170, 310, 324, 332, 489, 490, 580, 645, 752). Немало в собрании и разрозненных крестьянских писем XIX—XX вв., свидетельствующих о внутрисемейных, дружеских и деловых аспектах жизни пинежских крестьян (Пин., № 45, 46, 161, 356, 437, 461, 554, 753). Последний вид документов следует соотносить вообще с текстами разнообразных посланий сельских старообрядческих авторов, полемизировавших на разные актуальные темы со своими адресатами. Данный вид переписки также почти не исследован как жанр, а между тем полемических посланий встречается немало среди рукописей, бытовавших у северян-старообрядцев.

К счастью, не только Пинега в лице своих грамотеев хранила архивные материалы. Деловых бумаг немало хранится в Северодвинском собрании (далее — СДв.) и Красноборском собрании (далее — Кр.). Родовой архив Копыловых-Сухановых—Никоновых (СДв., № 76) содержит около 60 документов за 1704—1940 гг. В течение многих лет археографы привозили разнообразные документы XIX—XX вв., связанные с именем красноборца Н. П. Шестакова (Кр., № 136, 182, 184, 186, 214, 225). Достаточно полно представлен архив В. И. Третьякова (СДв., № 222, 292, 309, 397), в котором среди нескольких записных книжек встречаются листы с прорисями икон и целые томики выписок из богословских и канонических трудов: ведь сам Василий Иванович был известным северодвинским наставником, переписчиком книг и иконописцем. Фрагменты родовых архивов Никонова (Кр., № 135), Софроновых (СДв., № 503), Орлова (СДв., № 187) в известной степени отражают особенности жизни и быта местных крестьян в XIX столетии. Немало документов в собраниях по уездному городу Красноборску (Кр., № 134, 1861—1921 гг.), по жизни сельских общин (Кр., № 181, 183, 185, 194, 208). Отдельные правовые акты (Кр., № 46, 48, 98, 99, 109, 170, 193, 204, 210, 212, 213; СДв., № 293, 301) касаются обстоятельств местной жизни почти за полтора столетия (1796—1916 гг.).

Разнообразно представлена крестьянская переписка (Кр., № 6, 31, 45, 47, 59, 81, 114, 115, 135, 215, 269—327; СДв., № 217, 308, 323, 324, 386, 394, 457, 467, 611), причем среди частных бытовых крестьянских писем XIX—XX вв. нередко встречаются и серьезные объемистые послания местных старообрядческих деятелей-полемистов.

Редкая, но весьма красноречивая запись, свидетельствующая о высоком самосознании красноборских крестьян, имеется в дневниковой книге семьи Витязевых (Кр., № 58). Среди памятных записей этой рукописи, описывающих хозяйство, усадьбу, урожай и т. п., имеется родословный перечень имен с библейской формулировкой кто кого родил, насчитывающий к 1853 г. имена 10 поколений предков! Этот род красноборских крестьян дал России, между прочим, Самсона Суханова, бывшего подрядчиком и каменотесом на строительстве Казанского и Исаакиевского соборов Петербурга.

Уникальный документ хранится в составе коллекции рукописей и книг крестьян из села Борок на Северной Двине Амосова—Богдановой (далее — АБ). Эта книга записей выдачи книг из библиотеки В. М. Амосова за 1899—1916 гг. (АБ, № 182), причем каждая выдаваемая на руки читателю книга имела инвентарный номер, библиографическое описание, пометы, кому и когда выдана и когда возвращена. Частная крестьянская библиотека

была по существу публичной! В этом же собрании находятся и личные архивы владельцев библиотеки В. М. Амосова (АБ № 192, 193) и А. Ф. Богдановой (АБ, № 194).⁶ Деловые бумаги XVII—XX вв. имеются и в других северных территориальных собраниях Древлехранилища. В Мезенском собрании (далее — Мез.) имеются остатки родового архива крестьян Булатовых за 1831—1870 гг. (Мез., № 56), крестьян Прокопьевых за 1802—1876 гг. (Мез., № 57), Никонова (Мез., № 177). Отдельные документы сохранились в Карельском собрании (№ 143, 180, 475, 588, 589, 593), в Верхнепечерском (№ 47, 59, 101, 105), в Усть-Цилемском новом (№ 240, 241) и Вологодском (№ 40, 41, 50, 51, 56, 57, 62) собраниях.

После публикации В. И. Малышевым писем печорских крестьян за истекшие годы значительно прибавился этот фонд крестьянской эпистографии. Почти два десятка писем разных авторов могли бы дополнить статью В. И. Малышева (Усть-Цилемское новое собр., № 12, 69, 70, 84, 85, 86, 102, 106, 133, 165, 231, 324, 334, 337, 339, 340, 364, за 1767—1915 гг.). Крестьянские письма примерно за этот же период находятся в Карельском (№ 146—155, 590) и Мезенском собраниях (№ 71—74, 174—176).

В настоящее время в Древлехранилище имеется несколько сотен подлинных крестьянских писем XVIII—XX вв. Многие из них дошли до нас в составе семейных архивов и в совокупности с деловыми бумагами рисуют нам достаточно цельную картину севернорусского быта, традиций, психологии и нравов. Письма содержат широчайший диапазон тем: от сложнейших богословско-полюемических посланий-трактатов, которыми обменивались старообрядцы, до скупых, правленных военной цензурой солдатских писем домой с полей сражений мировых войн. Их отличает определенный этикет выражений и содержания, деликатность, сдержанность, уважительность обращений и другие, только им присущие черты, которые отличают их от эпистолярного наследия иных слоев русского общества. Ценнейшим в этом отношении оказался недавно найденный в Архангельской области семейный архив верхнеборецких крестьян Истоминых (СДв., № 707—738). Среди большого количества самых разнообразных деловых бумаг трех поколений крестьян (1884—1970 гг.) нашлось несколько сотен (!) писем. Только письма Павла Прокопьевича Истомина к жене Анне Макаровне за период с 1902 по 1921 г. занимают 329 листов. Почти такой же по объему является подборка писем Андрея Макаровича Истомина к родителям с 1899 по 1917 г. В письмах содержится описание солдатской службы, жизнь и быт демобилизованного солдата в Петербурге, события 1905 г., участие в боях русской армии на фронтах первой мировой войны, февральская революция, быт северодвинских речников, события гражданской войны в Архангельской губернии и многое другое. В письмах слышны живые голоса людей, переживающих и оценивающих события, ставшие роковыми в русской истории. Читая эти письма, мы имеем редчайшую возможность взглянуть на эти события как бы изнутри, из толщи огромного и почти неведомого народного самосознания. Ценность архива Истоминых дополняется перепиской Николая Яковлевича Истомина за 1928—1970 гг., включающей его письма домой с фронтов Великой Отечественной войны, письма к нему односельчан, друзей и однополчан.

Трудно переоценить значение и другого, также недавно найденного архива борецких крестьян Задориных (СДв., № 739—749). И здесь среди деловых бумаг 1892—1946 гг. нашлись чудом уцелевшие письма Ивана Тимофеевича Задорина, бывшего колхозника, репрессированного по кле-

⁶ См.: Сазонова Л. И. Северодвинская крестьянская библиотека // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975. С. 162—167.

ветническому доносу и оказавшегося без всякого суда и следствия в «Онеголаге» НКВД в 1938 г. вместе с многими своими односельчанами. Севернорусский крестьянин целиком и полностью разделил со своими братьями судьбу своего многострадального отечества. В архиве Задориных есть и иные впечатляющие документы по колхозному «строительству» в северной деревне (СДв., № 738) и по жизни и быту эвакуированных в эту местность в 1942 г. иногородних людей (СДв., № 749).

Кстати, позволю себе упомянуть здесь и другие документы советского периода, касающиеся трагической эпохи раскрестьянивания северной деревни 20—30-х гг. Это письма и бумаги Е. Е. Барановой (СДв., № 470), письмо ссыльного из Красногорска от 1937 г. (Кр., № 76), «Книга протоколов заседаний и пленумов Прилуцкого сельсовета» за 1936 г. (СДв., № 851), архив сельской учительницы Л. В. Поповой (1892—1985 гг.) (СДв., № 855—859). Надо сказать, что хронология крестьянских документов в семейных архивах прерывается, как правило, на рубеже 20—30-х гг. не случайно: Дошедшие до нас документы 50-летней давности очень редки, и это понятно: ведь они могли стать при известных обстоятельствах уликой, и их сознательно уничтожали. Тем ценнее каждый сохранившийся документ этой эпохи.

Теперь я бы хотел привлечь внимание читателей к особому виду крестьянских рукописей, занимающему как бы промежуточное положение между литературой и деловой письменностью. Речь идет о крестьянских мемуарах, дневниках, автобиографических записках и т. п. рукописях, число которых в фондах Древлехранилища не превышает двух десятков. В Мезенском собрании хранится рукопись (№ 151) 1893—1909 гг. местного крестьянина Г. Я. Ситникова 1858 г. рождения. Значительную часть ее занимают записи снов, виденных и запомнившихся Ситникову, однако автор записал и немало всевозможных примечательных событий и эпизодов из жизни мезенских крестьян. Случаи эти чаще всего были связаны либо с проявлением чудесной благодати и покровительства со стороны местнотимого святого Иова Ущельского, либо описываемые Ситниковым эпизоды из его личной жизни он интерпретирует как явленные знамения превосходства старообрядчества над «никонианской» верой. Записки Ситникова в какой-то степени позволяют проследить, как зарождались в старину повествования, репродуцирующие местные события в церковно-учительном духе, как подобного рода тексты могли бы послужить какому-нибудь местному книжнику материалом для составления повести в традициях древнерусской литературы. Причем записки подобного рода корреспондируют с творчеством такого замечательного писателя, как печорский крестьянин И. С. Мяндин, открытый В. И. Малышевым.⁷

Сходные по содержанию записки вел уже в середине нашего столетия печорский житель С. А. Носов (Усть-Цилемское новое собр., № 338). В его рукописи содержатся описания «видений», которые автор интерпретирует в мистическом плане, придавая запискам оригинальную литературную форму. И хотя в рукописи Носова речь идет о предметах и понятиях современной цивилизации (электрическая лампочка, мотоциклы, витрины книжного магазина и т. п.), автор истолковывает свои видения в духе старинных (читай — средневековых) эсхатологических установок. В этой связи не лишне упомянуть и о таком факте нынешнего религиозного народного сознания, как хождение по рукам всевозможных современных апокрифов, вроде «Святого письма», текст которого мы нередко находим в своих почтовых ящиках,

⁷ Малышев В. И. Усть-цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность. Л., 1985. С. 323—337.

или апокрифического «сказания» о чуде, происшедшем с некоей жительницей г. Барнаула К. Устюжиной, «воскресшей» в 1960 г. из мертвых. Рукописный текст этого сказания найден в архиве жительницы с. Борок Н. А. Пироговой в 1978 г. вместе с другими апокрифическими молитвами, духовными стихами и т. п., переписанными в школьные тетрадки (СДв., № 504).

Некоторые крестьянские записи носят вполне исторический светский характер. Среди них мы найдем описания путешествий, как в «Книге щетной морской и ходовом журнале» крестьянина Вадаева (АБ, № 171, рукопись конца XVIII в.), описавшем плавание из Кеми в Архангельск с заходом судна на Рейнские острова северной Норвегии;⁸ записки устьцилемца А. Ф. Бобрецова, служившего на императорской яхте «Полярная звезда» и участвовавшего в плаваниях судна в 1893—1899 гг. (УЦ., № 186); отрывки из записей бывшего матроса гвардейского экипажа двинчанина Ф. С. Лапова (СДв., № 294, рукопись последней трети XIX в.). Очень интересен дневник пинежанина Афанасия Лобанова, служившего на броненосце «Император Николай» (Пин., № 39). В дневнике Лобанов описывает как очевидец и участник плавание русской эскадры, Цусимское сражение 14—15 мая 1905 г., подробности пребывания в японском плену в г. Фукуока, милосердие японских женщин и т. п. В дневнике встречаются тексты народных песен и романсов, стихи собственного сочинения, черновики писем домой родителям.

Любопытен подробностями военного быта дневник солдата пулеметной команды 1-го Финляндского стрелкового полка пинежанина С. Н. Томилова. В дневнике описаны фронтовые события с июля по ноябрь 1914 г. в Курляндии, Восточной Пруссии и Польше (Пин., № 614). Имеются дневниковые записи в солдатской книжке пинежанина П. Н. Никифорова за 1910—1912 гг. (Пин., № 754).

События первой мировой войны отражены в воспоминаниях жителя д. Лохново пинежанина С. А. Ступина, которые он составил в 1971 г. (Пин., № 518). В них Ступин повествует о русских военнопленных, работавших на шахтах в Германии, возвращение на родину в 1919 г., свое участие в боях с белыми в Архангельской губернии, хлебную продрозверстку, организацию колхозов на Пинеге и др. Автобиографические воспоминания оставил крестьянин д. Халуй Каргопольского района П. С. Третьяков о начале войны 1914 г., о разделе земли в 1917 г., о забавном эпизоде из жизни монахов Александро-Ошевенского монастыря (Кар., № 574). Краткое жизнеописание оставил в 1928 г. лешуконский крестьянин Н. Г. Багрецов (Мез., № 177). В этой исповеди он описывает свою жизнь, полную несчастий, горя, скорбей и болезней. Все тяготы жизни воспринимались им как наказание за грехи, и только в уповании на милосердие Господне он завещает своим детям находить надежду и отраду.

Тяготы провинциальной жизни, интимные переживания юной томящейся души, сентиментальные порывы запечатлены на страницах дневника за 1895—1906 гг. молодого писаря Черевковского волостного правления Андрея Петрова (Кр., № 111). Изобилует бытовыми и этнографическими подробностями дневник неустановленного лица от 80-х гг. XIX в., отправленного под конвоем в ссылку по этапу через Пинегу и Мезень (Мез., № 155). Образованный автор живо описывает крестьянский быт, нравы, обряды и поверья севернорусской деревни, включая крестьянские заговоры («отпуски») скота, встречи с колдунами-коновалами и т. п.

⁸ См.: Алимова Т. А. Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 390.

Целая панорама крестьянской жизни с конца прошлого до середины нынешнего столетия запечатлена в автобиографических воспоминаниях красноборского крестьянина, жителя деревни Пермогорье, Ивана Степановича Карпова (1888—1986 гг.) (Кр., № 162). Несомненно литературно одаренный автор соединил в своем жизнеописании черты и жития, и хроники, и исповеди. И. С. Карпову выпало на долю пережить почти все мыслимые перипетии судьбы русского крестьянина XX столетия, и он описал их как мог, как понял, увидел и почувствовал. Его цельное талантливое произведение — это драгоценный человеческий документ, наполненный христианским духом надежды и доброты. Подлинность, невыдуманность повествования Карпова, его удивительно живой язык, наблюдательность и точность в описаниях делают его жизнеописание выдающимся памятником русской крестьянской литературы.⁹

В. И. Малышев любил повторять, что собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома представляет собой фактически «огромную крестьянскую библиотеку». Перефразируя эту бесспорную мысль основателя Древлехранилища, можно теперь утверждать, что имеющийся здесь документальный активный материал следует рассматривать как огромный архив севернорусского крестьянина, общекультурное значение которого трудно переоценить.

⁹ Рукопись воспоминаний И. С. Карпова почти целиком опубликована нами совместно с С. С. Гречишкиным. См.: Новый мир. 1992. № 1. С. 7—76.

Д. О. ЦЫПКИН, А. В. ФЕДОРОВ, И. В. СЕСЕЙКИНА

Археографическая работа в Ленинградской области в 1988—1989 гг.

В 1988—1989 гг. начала свою работу Ленинградская областная археографо-историческая экспедиция ЛО Археографической комиссии АН СССР. Зимой 1988 г. и летом—осенью 1989 г. был предпринят ряд выездов, а также одна двухнедельная экспедиция (в которой совместно с археографами работал сотрудник Ленинградской части Института этнологии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая А. В. Федоров) в районы, расположенные на востоке Ленинградской области. В разное время кроме авторов в работе принимали участие: студент филологического ф-та ЛГУ А. К. Клементьев, студентка исторического ф-та ЛГУ А. П. Пасечник, аспирантка филологического ф-та ЛГУ Е. А. Рыжова и сотрудница ИРЛИ АН СССР И. И. Разова.

На данном этапе главной задачей полевых работ является планомерная археографическая разведка по всей территории Ленинградской области. При этом основное внимание уделяется не приобретению рукописей и старопечатных изданий, а выявлению местной рукописно-книжной традиции и сбору историко-статистических материалов, необходимых для подготовки предварительной карты старообрядчества Ленинградской области.

Необходимо отметить, что в государственных собраниях рукописной и старопечатной книги есть материалы, ведущие свое происхождение с территории области или тесно связанные с ней. Так, в Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ АН СССР в 1961, 1973, 1974, 1978, 1980 и 1981 гг. из Ленинградской области (от местных собирателей и хранителей старины) поступило 19 рукописей конца XVI—XX вв.¹ После окончания полевого сезона 1989 г. в составе Древлехранилища выделилось Ленинградское областное собрание, начало которому положили рукописи, приобретенные в ходе археографической работы 1988—1989 гг.

Археографы изредка посещали область и до 1988 г., однако это были кратковременные выезды, не носившие характера планомерного обследования.

Полному изложению результатов, полученных в ходе работы экспедиции, планируется посвятить специальную статью, где будут приведены подробные описания привезенных рукописей, данные ряда опубликованных и архивных источников (наиболее важным из опубликованных являются «Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии»²) и поле-

¹ См.: ИРЛИ, Древлехранилище, Отдельные поступления, оп. 23: № 13, 22, 53, 62, 210, 291; Отдельные поступления, оп. 24: № 86, 123, 125, 126, 127, 134, 135, 138, 140, 142; Отдельные поступления, оп. 25: № 79, 110, 114, 115, 131.

² Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1869—1885. Вып. 1—10 (далее: ИСС).

вые материалы. Здесь мы ограничимся лишь кратким рассказом об основных археографических находках.

Интересными в археографическом отношении оказались деревни, относящиеся к Волховскому, Прусыногорскому, Усадищенскому и Чаплинскому сельсоветам Волховского района. Многие из местных деревень являются исконно старообрядческими. Существовали целые кусты деревень с преобладанием старообрядческого населения (Верховина). В других кустах деревень (Спасовщина) были как деревни «староверов», так и традиционно «мирские» деревни. До 1927—1929 гг. указанная территория входила в состав Новолодожского уезда Петербургской (позднее Петроградской, Ленинградской) губернии, о котором в ИСС сказано: «Отдаленность от центра управления, обилие лесов и болот, близость Олонецкой губернии, малочисленность церквей и трудность сообщения с ними были причиной того, что в здешнем уезде появился и прочно утвердился раскол — отрасль поморских толков. Впоследствии, когда начались у здешних крестьян торговые сношения с петербургскими купцами-лесопромышленниками, в этих купцах нашли себе значительную поддержку многие из здешних раскольников. Хотя в настоящее время многие раскольники соединились с православной церковью на правах единоверия, но все еще Новолодожский уезд крепко своим расколом. Ни в одном уезде нет такого количества раскольников, как в Новолодожском».³ Из того же источника выясняется, что на 1884/85 г. в Новолодожском уезде было известно 5537 раскольников. В тех случаях, когда в ИСС более точно указана их конфессиональная принадлежность, отмечено, что это федосеевцы и филипповцы.⁴

В Волховском районе нами были сделаны следующие приобретения. После посещения традиционно старообрядческих деревень Чаплинского сельсовета в Древлехранилище поступил Помянник 1-й четв. XX в. в 16°, 7 л., писанный полууставом и впоследствии дополнявшийся. Были приобретены также фрагменты настенного листа со «Сказанием» каким святым в каком случае молиться, нач. XX в., полуустав, и «Устав скитских инокъ вьнегда случится кому осквернитися во сне...», нач. XX в., 1 л., полуустав. Одна из местных ревнительниц «старой веры» показала нам тетрадь с двумя духовными стихами (1. «Жизнь унылая настала, лучше, братцы, умереть...», 2. «Христос с учениками из храма выходит...»), записанными недавно умершей жительницей д. Лавния С. К. Петровой у рижских старообрядцев.

Особо нужно сказать о жителе д. Лавния Корнилии Яковлевиче Ерофееве (26 IX 1895—5 IX 1980). К. Я., по словам его жены Аполинарии Васильевны Ерофеевой, «писал у кого поминальни старые» и вписывал имена в помянники. Один образец такой работы мы видели, это письмо можно охарактеризовать как подражание печатному. Видимо, показанный помянник был создан не так давно, так как писан он уже двухцветной шариковой ручкой. Кроме умения читать и писать «по-славянски» К. Я., по словам его близких, отличался и особо благочестивым поведением.

Родственники Ерофеева передали в Древлехранилище принадлежавшие К. Я. рукописи: 1) Сборник 1-й четв. XX в., в 8°, 34 л., полуустав. На л. 3 заставка в красках; на л. 24 об., 26, 27 об., 29 об. миниатюры в красках. В сборнике содержится: Кафизмы 2, 17, 4, 7, 10, 13, 19, 16, исполняемые «на утрени» в неделю и двенадцатые праздники; «Хвалитны» на двенадцатые, храмовые и престольные праздники; Вопросо-ответ Анастасия Синайского о Завете к Богу грешного человека (из Кормчей); «Слово о видении аггела, пишуща входящая в церковь на молитву» (из Пролога,

³ ИСС. Вып. 9. С. 71.

⁴ ИСС. Вып. 10 статистические таблицы, Вып. 9. С. 69—334.

5 марта); Речения аввы Исаака и Даниила о празднословии и молчании (из Патерика?); «Аптека духовная», «Повесть о бесе, входящем в непокровенные сосуды» и «Повесть о бесе и ризном украшении» (из Скитского патерика). На л. 1—1 об., 34—34 об. переписан крупной скорописью стих «Житие бедного человека» (нач.: «О житие мое бедное, о житие мое грешное...», конец не сохранился); 2) Помянник «деревни Лавнии крестьянина Якова Михайлова», кон. XIX—нач. XX в., в 8°, 12 л., полуустав. На л. 2 заставка-рамка, на л. 3 заставка в красках. На л. 10 позднейшая приписка (К. Я. Ерофеева?): «Описание, кто был из умерших родство Корнилию Яковлеву и Аполинарии Васильевны, что отмечено у имен, записанных в поминальны». Помянник впоследствии дополнялся; 3) «Похвала Богородицы» («выписано изъ книги Новаго неба чюда седмаго») — настенный лист (≈35.4 × 22.2 см), 1-я четв. XX в., подражание печатному; 4) Молитва архангелу Михаилу — раскладной лист (≈17.7 × 44.5 см), скоропись. Рукопись датирована 18 февраля 1916 г.; 5) «Справка церковных чисел как перевести на русские числа» с дополнением позднейших выписок — раскладной лист (≈15 × 33 см), скоропись. Рукопись написана К. Я. Ерофеевым и датирована 6 мая 1966 г.

Кроме этого, к нам поступили две ученические тетради с выписками (скорописными) К. Я. Ерофеева. Одна (8 л.) озаглавлена: «Записи из месяцеслова. 1967 год. 19/XII. и 1975 году» (под заглавием приписка: «Выписки сделал Ерофеев К. Я. для интереса. По указанным числам можно прочитать в месяцеслове, проверить в том, что действительно так описано»). Другая (4 л.) имеет заглавие: «Выписка из истории Средних веков».

Говоря о д. Лавния, необходимо отметить, что в 1988 г. из г. Пскова в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина из библиотеки М. А. Епифанова поступила рукопись (Епифанов, № 38), о которой в описи фонда Епифанова сказано: «„Свидетельства“, сборник старообрядцев — поморцев беспоповского согласия. XIX в., 383 л.».⁵ На л. 2 этой рукописи существует выполненная полууставом владельческой запись: «Сия святая, богодухновенная книга, принадлежит Новолодоского уезда, деревни Лавнии, Моисея Григорьева, его собственная и подписана его рукою, куплена, 1835-го года». Видимо, это тот самый Моисей Григорьев, который упомянут в ИСС как один из духовных наставников старообрядцев-федосеевцев, проживавших в Веготском приходе Новолодожского уезда (ИСС. Вып. 9. С. 189).

Результативной оказалась работа и в Волховском сельсовете. У местных приверженцев «старой веры» было приобретено две рукописи: 1) Сборник нач. XIX в., в 4°, 93 л., поморский полуустав. На л. 3 заставка в поморском стиле, выполненная в красках. В сборнике содержатся: Служба Тихвинской иконе Богородицы (26 июня); Житие Корнилия Выговского; Послание о целовании Евангелия и икон (без заглавия, нач.: «Ныне же неу возможно вся исписати...»); 2) Служба св. Александру Невскому, 1860-е гг., в 4°, 13 л., полуустав.

Было получено и 3 издания: 1) Триодь постная — [М.: Печ. Двор, 26 апр. 1642], 2°; 2) Часослов — Супрасль, 1772. 2°; 3) Златоуст. Б. м., б. г. 2° [тип. в Махновке-Янове, нач. 1800-х].

Интересным в археографическом отношении оказался и правый берег р. Волхов (территория Пруссыногорского сельсовета). Здесь нам удалось увидеть рукописи и старопечатные издания, бережно сохраняемые старообрядцами. Однако получено было лишь 2 рукописных отрывка с крюковой нотацией: 1) Отрывок из певческой рукописи, 1-й четв. XIX в., в 4°, 4

⁵ См. хранящуюся в ОР ГПБ машинописную Опись собрания М. А. Епифанова (ф. 1292). С. 3. № 38.

л., полуустав; 2) «Богъ Господь на осмь гласовъ» (фрагменты), 1-й четв. XX в., в 8°, 4 л., полуустав. Было приобретено и несколько отдельных рукописных листков (некоторые с крюковой нотацией) из рукописей 1-й четв. XVIII—нач. XX в.

В Усадищенском сельсовете мы побывали в «мирской» д. Ручей (куст деревень Спасовщина), где познакомились с К. И. и Г. И. Соловьевыми. Они отдали нам Псалтирь [М.: Синод. тип., между 29 июня 1744 и 21 августа 1745], 4°. На Спасовщине была приобретена и фотография начала XX в., запечатлевшая духовного наставника Крестовоздвиженской старообрядческой (поморской?) общины д. Безово Афанасия Максимовича Максимова, его сына Николая Афанасьевича (1885—1972 гг.), также впоследствии духовного наставника, и внука Петра. Вместе с фотографией была передана и печатная Азбука кон. 1820-х—нач. 1830-х гг., в 8°, с рукописной реставрацией 2-й пол. XIX в. (полуустав).

Интересную находку принесло посещение С. К. Степанова, старообрядца из д. Малый Зеленец (куст деревень Верховина). С. К. передал нам доставшееся ему по наследству от матери (?) письмо «бедного воина» и «воздухоплатителя» (судя по всему, старообрядца) Федора Ивановича Красавина к некоей «матушке Екатерине». Письмо написано крупным полууставом на 2 л. (35,5 × 22 см) и датировано 21 ноября 1901 г. Указан и обратный адрес: «Москва Преображенск. 9 рота. Собственный дом Марьи Степановне Степановой. Под номером 40».

Говоря о работе в Волховском районе, необходимо отметить, что местные рукописи и старопечатные издания поступают и в Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Поэтому одной из важнейших задач археографического исследования района является подготовка подробного описания книжной коллекции музея в Старой Ладоге.

Все сказанное позволяет сделать вывод о археографической перспективности обследованной территории. Привезенные рукописные и старопечатные книги, а также осмотренные старообрядческие библиотеки, самая интересная из которых насчитывает 18 изданий 1628 г.—нач. XX в. (в том числе книги, изданные в XVII в. в Москве и Киеве) и 6 рукописей XVIII—нач. XX в. (в том числе певческие с крюковой нотацией), являются доказательством существования рукописно-книжной традиции. В связи с этим нужно отметить, что существуют свидетельства местных жителей о том, что «книги списывались», «писались рукой» в конце XIX—начале XX в. (?) в старообрядческой д. Моршагино (Волховского сельсовета).

Завершая рассказ о волховских ревнителях «старой веры», отметим, что сегодня большую роль в их конфессиональной жизни играет г. Волхов. Здесь обосновались последние из известных нам старообрядческих духовных отцов, здесь же хранятся и некоторые из наиболее интересных книжных собраний.

В С.-Петербурге волховские старообрядцы связаны с Невской старообрядческой поморской общиной.

Необходимо отметить и то, что на обследованной территории Волховского района в начале 30-х (?) гг. нашего века существовало местное иконописание. Так, в д. Лавния работали старообрядцы-иконописцы: некто Осип и его ученик Петр Парамонович Абрамов. Петр Абрамов происходил из известной в этих краях (на территории, называемой Силосари) семьи мастеров Абрамовых, которые изготавливали мебель, прялки-золочки и т. п. Известно, что свою продукцию лавенские иконописцы продавали на ярмарке в г. Новая

⁶ Характеристика данного и предыдущих старопечатных изданий основывается на их описании, выполненном А. В. Вознесенским

Ладога и развозили для продажи по деревням. В не существующей сейчас д. Карпино (куст деревень Спасовщина) трудился «мирской» иконописец Константин Васильевич Петушков, о котором известно, что он писал и «мирские» и старообрядческие иконы.

Малоэффективной оказалась археографическая работа в Хваловском сельсовете Волховского района. Здесь работа велась с нестарообрядческим населением. Рукописей или старопечатных книг не встречено. Было сделано лишь одно приобретение: из д. Мелкса к нам поступила часть семейного архива крестьян Царевых, содержащая различные материалы о составе хозяйства, образовании членов семьи и т. д. на начало и первую половину XX в. (эти материалы переданы в архив ЛОИИ).

Другим районом Ленинградской области, где встречены рукописи и старопечатные издания, является Лодейнопольский (до 1922 г. эта территория входила в состав Олонецкой губернии). Здесь работа велась очень недолго и в основном в г. Лодейное Поле, поэтому полученные результаты носят самый первичный характер. Интересующие нас книги были встречены в местном историко-краеведческом музее. Небольшая археографическая коллекция музея еще ждет своего описания. Отметим, что среди других в ее состав входят старопечатные издания, принадлежавшие «Кижской церкви».

Удалось побеседовать и с лодейнопольскими старообрядцами (поморцами-брачниками), познакомиться с их книгами. Особо необходимо сказать о встрече с М. В. Цубаревой, ее сестрой Аграфеной Васильевной и племянницей З. И. Кармановой. Ими были показаны старообрядческие старопечатные издания, в одном из которых — Прологе (мартовском), изданном в Новгороде-Северском (в типографии Рукавишникова) в 1786 г., была обнаружена рукопись — Оглавление несохранившегося сборника — начало XX в., в 8°, 6 л., подражание печатному. Эта рукопись (ранее она принадлежала духовной наставнице местных старообрядцев — Федосье Петровне Герасимовой) была передана в Древлехранилище.

Очевидно, лодейнопольские старообрядцы представляют собой малочисленную и достаточно обособленную группу. Контакты у них существуют с собратьями по вере в Прибалтике и, видимо, в Москве. Об отношениях с Невской поморской общиной местные старообрядцы говорили, что между ними существуют конфессиональные расхождения.

Несмотря на очень кратковременное пребывание в Лодейнопольском районе, полученный устный материал и увиденные книги позволяют говорить о необходимости продолжения здесь археографической работы.

Побывали мы и в г. Тихвине (до 1927—1929 гг. входил в состав Новгородской губернии). Здесь в Историко-мемориальном архитектурно-художественном музее также имеется небольшая коллекция рукописной и старопечатной книги (ее описание выполнено сотрудниками ГПБ П. А. Медведевым и В. С. Белоненко). Из г. Тихвина в Древлехранилище поступило 4 рукописи: 1) Житие св. Мартирия Зеленецкого (фрагмент), XVIII в. (70—80-е гг.), в 1°, 11 л., полуустав. Эта рукопись была найдена при сносе дома № 7 по ул. Римского-Корсакова, принадлежавшего Т. И. Гусевой; 2) Сон Богородицы, 2-я четв. XX в., столбец, склеенный из трех разворотов ученической тетради (≈59 × 33.3 см), скоропись; 3) Обход скота и заговор, писанные скорописью на листе оберточной бумаги (≈58.6 × 42.3 см), 3-я четв. XX в. Две последние рукописи были найдены (в свертке вместе с заговорами) тихвинским краеведом-любителем А. А. Богдановым за киотом в доме на углу ул. Чернышевского и ул. Новосоветской (снесен).

Еще одну старообрядческую рукопись передал нам священник Успенской церкви о. Александр (А. Э. Ваховский). Это Канон за умерших и едино-

умершего, XIX в. (конец), в 8°, 17 л., полуустав. Рукопись принесли о. Александру прихожане его храма.

В г. Тихвине проживает несколько коллекционеров, собирающих старинную рукописную и печатную книгу. Самое крупное из таких собраний содержит около 60 изданий XVII—нач. XX в., большинство из которых (по словам хозяина) было найдено на территории Бокситогорского и Тихвинского районов Ленинградской области.

Все сказанное позволяет утверждать, что Ленинградская область является интересным и перспективным в археографическом отношении регионом Русского Севера. Есть основания надеяться, что будущие полевые исследования дадут самый разнообразный материал, отражающий местную рукописно-книжную традицию.

Завершая рассказ об археографическом обследовании Ленинградской области в 1988—1989 гг., хочется выразить нашу сердечную благодарность А. Н. Вознесенскому, А. С. Мыльникову, П. А. Медведеву, Е. В. Крушельницкой, всем сотрудникам Тихвинского историко-мемориального архитектурно-художественного музея за помощь в работе.

М. И. Мильчик

Строительная порядная запись 1642 года из архива пинежских крестьян

Пинежская археографическая экспедиция Пушкинского Дома 1987 г. нашла в селе Верколе архив крестьян Чеусовых—Белоусовых, содержащий 66 документов за 1640—1858 гг. Помимо хозяйственных документов там оказались различные деловые бумаги Кеврольской приказной избы.¹ Вероятно, это связано с тем, что многие члены этой семьи на протяжении нескольких поколений занимали выборные должности в сельских общинах.

Поэтому-то и публикуемая ниже порядная запись на строительство храма² оказалась не в фондах церкви, монастыря, архиепископа или приказной избы, а среди семейных бумаг—случай из известных мне пока единственный. Да и сам этот договор в ряду ему подобных³ занимает особое место, ибо относится к церкви, которая составляла ансамбль вместе с только что основанным Веркольским монастырем. К тому же появляется редчайшая возможность сравнить ее описание с впервые воспроизводимым здесь изображением храма, сменившего ее в XVIII в. Речь идет о виде монастыря и прихода, снятом в 1797 г. с почти фотографической точностью для рукописного Атласа Архангельской губернии.⁴

Георгиевская церковь, строительству которой посвящена публикуемая порядная, на протяжении почти всей второй половины XVII в. являлась единственной церковью Веркольского прихода, находившегося, как и мо-

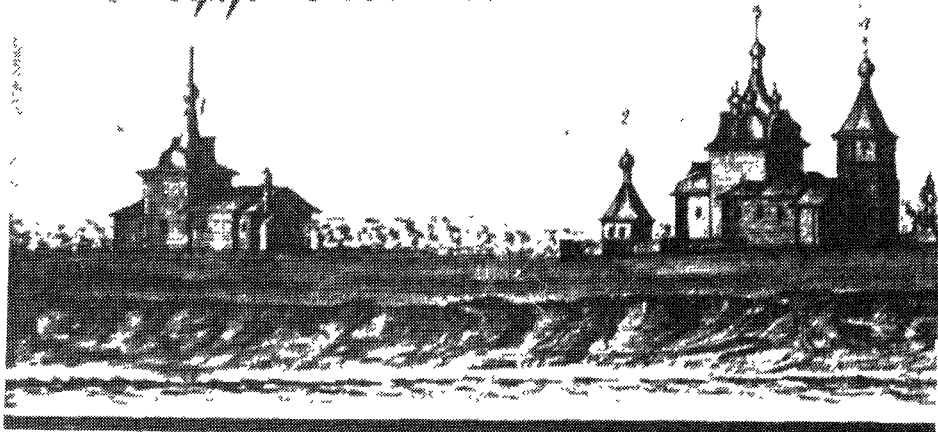
¹ Отчет об экспедиции и краткое описание рукописей. см.: Шухтина-Савельева Н. В. Пинежские находки 1987 г. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 480—488.

² Эта запись указана мне Г. В. Маркеловым, за что приношу ему искреннюю благодарность.

³ Тексты порядных записей XVII в. на строительство и ремонт деревянных церквей, а также их анализ см.: Мильчик М. И. 1) Северные порядные записи XVII в. на строительство деревянных церквей // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 402—425; 2) Ремонты деревянных церквей в XVII в. по порядным записям // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1989. С. 120—135; 3) Две порядные записи XVII в. на заготовку материалов для строительства и ремонта церквей // Архитектурное наследие и реставрация. Реставрация памятников истории и культуры России. М., 1992. С. 72—77; Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера: Страницы истории. Л., 1981. С. 36—61.

⁴ Мильчик М. И. 1) Рукописный Атлас Архангельской губернии 1797 года // Изв. Всесоюзного географического общества. Л., 1984. Т. 116. Вып. 6. С. 533—537; 2) Холмогоры в XVIII в. (по изображениям в Атласе Архангельской губернии) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1987. М., 1988. С. 435—437. Фрагменты панорам Веркольского монастыря см.: Мильчик М. И. Веркольский монастырь в иконографии XVII—XVIII вв. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 491—493.

Видъ веркольскаго монастыря

Вид приходских храмов Верколы и монастыря со стороны

«Веркольской волости приход: 1. церковь великомученика Георгия, 2. часовня Артемия Праведного, 3. церковь кельи, 7. каменная недостроенная

настырь, на левом берегу Пинеги.⁵ 22 приходские деревни, одно- и двух-дворные, располагались «смежно» «за рекою Пинегою на другой стороне», как отмечено переписной книгой 1678 г. по Кеврольскому уезду, и насчитывали тогда всего 45 лиц мужского пола.⁶

Малочисленностью волости, вероятно, можно объяснить тот факт, что ее жители долгое время обходились одним храмом. В непосредственной близости от него кеврольский воевода Афанасий Пашков между 1635 и 1639 гг. основал монастырь: «...в той Веркольские веси создаша церковь Божию прекрасную во имя святого великомученика Артемия... на том месте, идеже обретенны быша честные его мощи, и окрест церкви ограду и врата учениша...».⁷

21 июня 1639 г. из трех храмов, стоявших напротив веркольских деревень, сгорели оба приходских — Георгиевский и Никольский (в последнем находились мощи святого),⁸ а 29 мая 1642 г. церковный староста Иван

⁵ Летопись Веркольского монастыря сообщает о местоположении приходских храмов: «...с незапамятных времен, еще до основания обители... приходские церкви и причтовые дома находились на сей стороне Пинеги, где в настоящее время (вторая половина XIX в. — М. М.) расположена Веркольская обитель...» (Гос. архив Архангельской области, ф. 308, оп. 1, № 1.2, 1.8). Вторая приходская церковь, существовавшая до пожара 1639 г., Никольская, была построена заново лишь в 1695—1696 гг. В 1868—1869 гг. приход переведен на правый берег Пинеги, а оставшиеся на старом месте две ветхие церкви перешли в ведение монастыря (Там же, № 4, л. 6—6 об.; Краткие исторические описания приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. 2. С. 274).

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, № 15055, л. 66—77 об.

⁷ ГПБ, Собр. ОЛДП, № F.I.137 — Житие Артемия Веркольского, л. 116. В XVII—XVIII вв. в монастыре находились две церкви: одна Артемия Веркольского, куда в 1648 г. были перенесены мощи святого, и другая — Никольская (ЦГАДА, ф. 1209, № 15055, л. 65 об.; ГПБ, Собр. ОЛДП, № F.I.137, л. 120). См. об этом подробнее: Мильчик М. И. Веркольский монастырь... С. 487, 490—492.

⁸ ГПБ, Собр. ОЛДП, № F.I.137, л. 120. Главку «О возгорании церквей» («О згорении храмов»), откуда почерпнуты сведения о точной дате пожара, содержит вторая редакция Жития Артемия Веркольского, возникшая в середине XVII в. См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 253.

Пинеги. Атлас Архангельской губ. 1797 г. РГИА, ф. 1350, оп. 312, № 4, с. 555.

Николая чудотворца, 4. колокольня. Монастырское строение: 5. церковь великомученика Артемия, 6. братские церкви праведного Артемия...».

Федоров и крестьяне Веркольского прихода наняли Алексея Луткова — плотника из соседней Кевролы для того, чтобы он срубил у них новую Георгиевскую церковь «на площади на старое место». Условия договора между ними и являются содержанием порядной записи. Составляя ее, крестьяне и церковный мастер учитывали соседство построенного несколько ранее и не затронутого пожаром храма в честь св. Артемия. Чтобы сохранить его доминирующую роль в складывавшемся ансамбле, они специально оговорили, что высота новой церкви до уровня повала не должна превышать высоту его алтарных прирубов, которые, по обыкновению, были ниже основного объема («...храм вышиною сделать до розвалу, сколь высоко олтари у храму у Артемья чудотворца в Верколе...»). Характерно, что примерно такое же соотношение высот сохранялось и через сто с лишним лет в уже несколько изменившемся ансамбле (рис. 1).

Теперь посмотрим, какие требования к новому храму записаны в порядной. Их сумма — по существу словесный проект будущей постройки, уточняющий лишь некоторые детали ссылкой на образцы: «...зделати маковица круглая (...), как на Ваймуши у Николы чудотворца», «...нутряное дело зделати, как (...) у Николы...» или на традицию, на собственный опыт плотника: «...верх у трапезы зделать, как годно...», «...окно колодное (...) поперег, как годно...», «...опечек зделать, как годно», «...крыльцо и листвица, и двери как годно...».

Главные же характеристики новой церкви четко фиксированы. Она относилась к широко распространенному типу клетских храмов («поставити храм на четыре угла») с двускатной кровлей («верх зделати на два скаты») и одной главой, подобно сгоревшему.⁹ С востока к основному срубам примыкал алтарь, с запада — трапезная, паперть и крыльцо. Все они, кроме крыльца,

⁹ В писцовой книге 1623 г. обе приходские церкви характеризовались как «деревяны клетски». Георгиевская имела трапезную (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 185). За сообщение этих сведений благодарю Н. П. Воскобойникову.

имели подклеты высотой в 5 бревен (примерно 1.6—1.7 м)¹⁰ и располагались на одном уровне («порог исподней дверной зделать трапезной на пятом бревне и храмовой и олтальной порог столь же высоко»). Высота молеельного помещения и трапезной определялись тем, что потолок настилали на 13-м бревне («во храме потолок и матица на тринатцатом бревне», «вышиною трапеза в жыру от мосту (...) на тринатцатом бревне»), т. е. она была около 2.6 м (13 бр.—5 бр. = 8 бр. × 0.33 м = 2.64 м). Все части храма должны были быть крыты зубчатым тесом («покрыты тесом з зубцы»), иначе говоря, без куриц и потоков; главка обита лемехом («маковица (...) покрыть чешую»).

Затем порядная оговаривает количество и тип окон: в алтарном прирубe — два волоковых окна с запорами («з запирки») и задвижками («с поползухи»), одно такое же в северной стене храмового сруба, а в южной, «каково (...) крестьяном годно». Чаще же всего тут делалось окно колодное, ибо пропускало больше света. Именно такие окна предусмотрены для обеих продольных стен и в трапезной, при этом точно указаны размеры окон — ббльшие для южного и меньшие — для северного («...окно на летной стороне колодное, вышиною в аршин, а поперег без четверти аршин (...), да на северной стороне окно колодное вышиною бес четверти в аршин...»), к тому же по бокам от такого окна в южной стене прорубались еще два волоковых.

Стены Георгиевской церкви выглядели бы несколько непривычно для нашего глаза, ибо у всех бревен стесывались скругления («...бревна скоблить храмовые и олтальные и трапезные набело кругом»)¹¹. В отличие от срубной конструкции собственно храма, алтаря и трапезной, паперть должна была иметь тесовые стены, забранные в столбы («...паперть, перити в столбцы в косяк и окна круглые»).

Продольные размеры всей церкви и ее отдельных частей определялись длиной ранее заготовленных бревен («А вели [че] ством храм зделати, каковы бревна привезены (...), столь и велик олталь и трапеза, сколько сажень бревна привезены (...), а бревен не укорачивать»). При этом названа лишь единая ширина паперти и трапезной («поперег две сажени...»).

В порядной весьма подробно оговорены технические требования, несмотря на то, что большинство из них являются обычными и потому, казалось бы, не требующими упоминания: необходимость припазовки бревен («...рубити бревна (...) в паз»), прокладки их мхом («мшить мхом»), гладкой тески чистого пола («верхней мост в жыру доспети вгладь») и т. п. Пол предполагается двойной с засыпкою землею («...на исподней мост земля наметать»), потолок в храме также двойной, со слоем земли для утепления («...земля на потолки наметать»), а в трапезной — даже тройной («в грапезе в три ставы»),¹² набирался он не из теса, а из плах («лес потолной привозити плахами»).

Интерьер — традиционный, с колодными дверными проемами из паперти в трапезную и в молеельное помещение, в трапезной — лавки вдоль стен, посредине один столб, подпирающий матицу («...на середь трапезы поставити столб под матицу»), глинобитная печь в углу, топящаяся по черному

¹⁰ Обычный диаметр бревен (в отрубе), использовавшихся для церковных стен, был 6—8 вершков (27—36 см) См об этом Мильчик М И, Ушаков Ю С Деревянная архитектура С 47, Мильчик М И Две порядные С 73

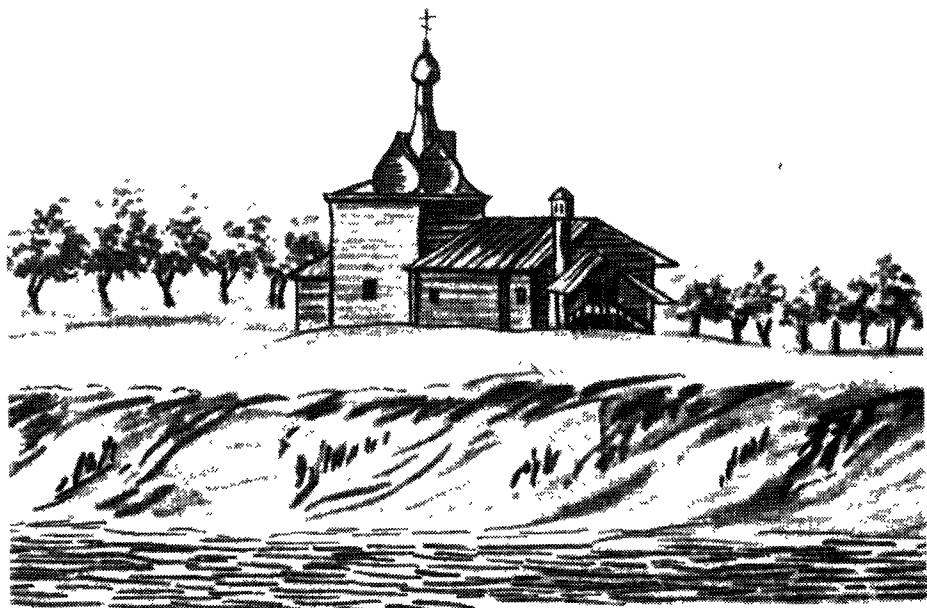
¹¹ Аналогичное требование содержалось в порядной 1684 г на строительство хором в Вологде (Мильчик М И, Ушаков Ю С Деревянная архитектура С 31, 123—124)

¹² Об устройстве подобных перекрытий см Мильчик М И, Ушаков Ю С Деревянная архитектура С 33

«плечь збити (), дымник у трапезы (...) приставить доброи»), стены тесаные («...скоблить, как годно»), т. е. почти гладкие.

Обращаясь к иным, более поздним источникам, касающимся Георгиевской церкви, узнаем, что рядом с нею до 1690 г. стояла колокольня на двух столбах,¹³ сходная с той, что позднее находилась у южной стены монастырского храма св. Артемия.¹⁴

Сама церковь, возведенная в 1642 г., сгорела 8 января 1718 г. и вскоре опять на том же месте была срублена новая, также теплая, с трапезной. Холмогорский архиепископ Варнава указал крестьянам построить ее «из-за скудости ... об одной главе, а верх на той церкви учинить не-шатровой».¹⁵

Церковь св. Георгия, 1718 г. Фрагмент «Вида Веркольского монастыря с северо-западной стороны». Атлас Архангельской губ. 1797 г. РГИА, ф. 1350, оп. 312, № 1, с. 594.

Она-то и изображена на упомянутой выше панораме Атласа Архангельской губернии (рис. 2). Обычно новая церковь повторяла свою предшественницу,¹⁶ и действительно, храм, представленный в Атласе, почти полностью соответствует тому, о котором только что шла речь. Отличия касаются, в основном, частных: церковный сруб несколько уже трапезного, крыльцо — двухвходное, т. е. не с одной, а с двумя лестницами, окна показаны только колодные, дымник примыкает не к трапезной, как указано в порядной, а к паперти, которая здесь не тесовая, а рубленая. Главное же — новый храм имеет не двускатную кровлю, как прежние, а в виде

¹³ Гос. архив Архангельской области, ф. 308, оп. 1, № 1.3.

¹⁴ Мильчик М. И. Веркольский монастырь... С. 493.

¹⁵ Гос. архив Архангельской области, ф. 308, оп. 1, № 1.11 — Указ архиепископа Варнавы веркольскому священнику Павлу о построении церкви св. Георгия от 21 января 1718 г.

¹⁶ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 8.

шатра на крещатой бочке — тип, широко распространившийся на Пинеге и Мезени, а затем и за их пределами в конце XVII—XVIII вв.¹⁷ К нему относились приходская церковь св. Николы (рис. 1, 3) и монастырская Артемия Веркольского (рис. 1, 5) — еще одно подтверждение той гипотезы, что названный тип венчания получил распространение именно в эту эпоху, завершая собой эволюцию не только шатровых, но и клетских храмов.

В заключение остановимся на оговоренных в порядной обязательствах сторон и ее формуляре. Редкий случай: тут фигурирует один церковный мастер, без «товарищей», что, впрочем, не исключает привлечения им подсобных людей, часто упоминаемых в аналогичных записях, но их взаимные обязательства не имеют отношения к волостному миру и, наоборот, поэтому в данном документе не названы. Заказчик — церковный староста и крестьяне — обязывался, как обычно, привозить «на площадь» бревна, причем с учетом их конкретного назначения — для храмового сруба, для трапезной, а также тес и мох. Кроме того, крестьяне должны были предоставить «шеймы [канаты], веревки и гвоздь», «на исподней мост земля наметать», также «на потолки», затем «бревна режевые» для кровельной обрешетки поднимать, «печь збити...». При этом в тексте по непонятной причине ничего не сказано о поставке скалы-бересты, об изготовлении лемеха.

Мастер, как всегда в таких случаях, должен был «платье и топоры и всякой завод мастерской держати свое». Отступление от общепринятых обязательств здесь можно усмотреть лишь в том, что мир не давал мастеру пропитание: «А хлеб и соль ему, Алексею, исти своя».

Порядные обычно предусматривают аккордную оплату труда в форме авансов и окончательный расчет деньгами и натурой. Полная стоимость храма («за всякое дело храмовое (...) и за хлеб, и за всякой завод...») определена в 32 р. и 5 мер хлеба — одна из самых низких среди известных мне цен на возведение клетских церквей, что, вероятно, объясняется ее небольшими размерами. Выплаты проводятся в три срока: аванс в размере 12 р. и 5 мер хлеба, затем после устройства потолков и окончательная по завершении всех работ — каждый раз по 10 р.

Работа должна была занять один строительный сезон — почти 5 месяцев, если считать, что Алексей Лутков приступил к ней на следующий день после составления порядной — 30 мая. Конец «дела храмового» предполагался к 26 октября — ко дню Дмитрия Солунского.

На деле первая выплата была проведена не 1 октября — на праздник Покрова Богородицы, а значительно раньше — 17 июля. Окончание же всех работ и соответственно полный расчет по неизвестным причинам произошли не осенью 1642 г., а в начале лета 1643-го.

Подобные документы обычно составлялись в двух экземплярах: со стороны крестьянского мира и со стороны нанимаемого мастера (или мастеров), что нашло прямое отражение в тексте: «...записи велели дьячку написать две слово в слово: запись на все старосте и крестьяном, другая ему, Алексею».¹⁸ Запись, сбиваясь то на одну сторону, то на другую, как бы отражает сам процесс ее составления: начинается она от имени мастера («Се яз,

¹⁷ Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура... С. 70—71. Самый ранний храм, имевший завершение в виде шатра на крещатой бочке (церковь Архангела Михаила в Юроте на Мезени), относится к 1685 г. (Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. С. 126—127; Мильчик М. И. По берегам Пинегы и Мезени. Л., 1971. С. 127—130).

¹⁸ Слово «старосте» добавлено позже, ибо вписано над строкой.

Алексеи Семенов, сын Лутков {...}, дал есми сию запись на себя...», затем именуется в третьем лице («а лес ему, Алексею, {...} нам, крестьяном, привозить...») и завершается от имени церковного старосты и крестьян («А мы, староста и все крестьяне, наняли его, Алексея, по сей записе...»). Скорее всего, перед нами экземпляр, составленный от имени плотника и правленный для подготовки второго, за что говорит характер вставок-уточнений над строками (так трижды вставлено местоимение «нам» перед словами «крестьяном» и «миру», добавлены слова о необходимости сделать не только маковицу, но и крест, в крыльце — лестницу, привезти мох и т. д.).

Заключение договора — всегда публичный акт, в котором непременно участвуют свидетели-послухи («У подписки были...»), в данном случае 10 человек, и церковный (или земский) дьячок, подпись которого юридически фиксировала волю крестьянского мира.

Итак, публикуемая порядная добавляет существенные штрихи к нашим весьма фрагментарным представлениям о деревянном зодчестве Пинеги XVII в., об эволюции клетских храмов, о плотницком ремесле и организации строительных работ на Севере в ту эпоху.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1642 г., мая 29. — Порядная запись церковного мастера кеврольца Алексея Семенова сына Луткова с веркольским церковным старостой Иваном Федоровым и с крестьянами Веркольского прихода на строительство в Верколе деревянного Георгиевского храма «с трапезою и волтарем»

Се яз, Алексеи Семенов сын Лутков, кевролец, дал есми сию запись на себя веркольскому церковному старосте Ивану Федорову да крестьяном Ортемью Иванову, Степану Панфилову, Ждану Степанову, Бажену Исакову, Новику Тимофеву, Семену Овдокимову, Михайлу Яковлеву и всем крестьяном Веркольского приходу в том, что нанялся яз, Алексеи, к тому старосте и ко всем крестьяном поставити храм на четыре угла во имя святого великомученика Христова Георгия и с трапезою и с волтарем, а олтарь прирубить; а поставити тот храм в Верьколе на площади на старое место. А бревна скоблить храмовые и олтарные и трапезные набело кругом, а рубити бревна храмовые и олтарные и трапезные в паз и мшить мхом, и мосты намостить, а на исподней мост земля наметать миром, а верхней мост в жыру доспети вгладь, во храме и в олтаре черепины, а в трапезе мост в черепины в брус вдвоем; а порог исподней дверной зделать трапезной на пятом бревне и храмовой и олтарной порог столь же высоко, а вышиною трапеза в жыру от мосту потолок ^аи матица^б на тринатцатом бревне; а верх у трапезы зделать, как годно на два скаты и покрыти тесом з зубцы; а во храме потолок и матица на тринатцатом бревне. А храм с трапезою и с волтарем делати [нрзб.] с одного, а в волтаре потолок на восьмом бревне и земля на потолки наметать, на храм и на олтарь и на трапезу здымать миром и зделать храм и трапеза теплою. А храм вышиною зделать до розвалу, сколь высоко олтари у храму у Артемья чудотворца в Верколе розвал и у ^втого^г храма розвал зделати столь же высоко, а верх зделати на два скаты, как миру годно, и покрыти тесом з зубцы, как годно, да наверху на храме зделати маковица круглая ^ди крест^е и покрыть чешуею,

^{а-б} Написано над строкой. ^{в-г} Написано над строкой. ^{д-е} Написано над строкой.

как на Ваймуши у Николы чудотворца. И нутро во храме и в олтаре зделати: в волтаре престол и умывальницу и полицы и двери и два окна з запирки с поползухи, да во храме зделати крылас, да окно на летной стороне, каково ^жнам,³ крестьяном, годно, а на северной стороне окно с поползухою и тябла и всякое церковное нутряное дело зделати, как на Ваймушы у Николы чудотврца; // в трапезе зделати двери ис паперти в колоды, а вели[че]ством, каковы ^ннам,^к миру, годны; и во храм двери зделати в колоды ж, а вели[че]ством, каковы миру годны; и шыты да окно на летной стороне колодное, вышиною в аршин, а поперег без четверти аршин, да два окна з запирки с поползухами, да на северной стороне окно колодное вышиною бес четверти в аршин, а поперег, как годно; да лавки зделати с прицелинами кругом, а на середь трапезы поставити столб под матицу и с лавками; и опечек зделати, как годно, а печь збити миром, а Олексею указывати и дымник у трапезы ^лдоспеть^м приставити доброи, как годно. Да перед трапезою зделати паперть, перити в столбцы в косяк и окна круглые з запирки и покрыти тесом з зубцы; и с улицы зделати крыльцо ^ии листвица^о и двери, как годно, и покрыты тесом з зубцы, как у Артемея чудотворца крыльцо на северной стороне. А лес ему, Алексею, храмовой и трапезной и тес ^ии мох^р и какой понадобитца ^снам, крестьяном,^т привозити на площадь к стене. А вели[че]ством храм зделати, каковы бревна привезены на площади и олтарние, каковы привезены; столь и велик олтарь и трапеза, сколько сажень бревна привезены, столь и велика зделати, а бревен не укорачивать. А паперть в длину зделати с трапезою вровень, а поперег две сажени ево, Алексеевы, да в трапезе в жыру стены обить и скоблить, как годно; а потолок зделати во храме двойной, а в трапезе в три ставы; а лес потольной привозити плахами.

А хлеб и соль ему, Алексею, исти своя и платье и топоры и всякой завод мастерской держати свое, а шеймы, ^уверевки^ф и гвоздь мирское; а вольние бревна режевые поднимати миром пособляти. А зделати ему, Алексею, тот храм и олтарь и с трапезу и паперть, и крыльцо и покрыть наготово и запереть наготово на срок на Покров святей Богородицы и кончее на Дмитриев день Селуньского чудотворца на осень 151 [1642] году.

А найму ему, Алексею, редили за поделку за храм и за олтарь и с трапезою и с папертью и за всякое дело храмовое, что в сих записех писано, и за хлеб, и за всякой завод тритцать два рубли денег, да пять мер хлеба жыта, а на//перед ему, Алексею, найму дали двенатцать рублей денег, да пять мер хлеба жыта, а достального найму десять рублей дати, как потолки на храм и на трапезу и на олтарь на месте и землю наздымают, а достальной наем десять рублей дати, как храм и олтарь и трапезу, и паперть свершит и покроет и заперет наготово против сеи записи.

А мы, староста и все крестьяне, наняли его, Алексея, по сеи записе да в том и записи велели дьячку написать две слово в слово: запись на все ^жстаросте и^ц крестьяном, другая ему, Алексею. На то послуши Григорей Дементьев сын Годорин, да Гаврило Мосеев сын Барышников, кеврольцы, да Микита Иванов сын ^чТолыпин^ш с Суры, да Иван Романов сын верколец. А запись писал веркольской церковной дьячек Ивашко Савастьянов Гушин лета 7150 [1642] мая в 29 день.

^{ж-3} Написано над строкой. ^{и-к} Написано над строкой. ^{л-м} Написано над строкой.
^{н-о} Написано над строкой. ^{п-р} Написано над строкой. ^{с-т} Написано над строкой.
^{у-ф} Написано над строкой. ^{х-ц} Написано над строкой. ^{ч-ш} Написано над строкой.

[На обороте:]

К сей записе никольской поп Веркольской волости Лаврентей Пателеймонов по веленью Алексея Семенова и вместо детей своих духовных веркольских крестьян руку приложил.

150-го году июля в 17 день по сим записем веркольской церковной староста Иван Федоров платил церковному мастеру Олексею Семенову Луткову за церковное дело, что он, Алексеи, храм и с трапезой срубил и потолки наметал, итого платил другую треть десять рублей денег, а яз, Алексеи, те деньги десять рублей взял, да в том и на записех подписали, а у платежу были десяцкой Иван Ондреев, Ортемей Иванов Каракин, Новик Тимофеив, Карп Власов, а подписал на записех веркольской церковной дьячек Ивашко Савастьянов Гушин.

151 году июня в 4 день по сим записем веркольской церковной староста Иван Федоров заплатил достальной наем церковному мастеру Алексею Семенову Луткову за церковное дело, что он, Алексеи, храм с трапезою и волтарем и с папертью и что в сих записех писано, зделал против сих записей все и за то церковное дело заплатил достальной наем по сим записем все сполна. У сих записей яз, Алексеи, по сим записем у старосты и у всех крестьян наем взял все сполна и в том деле по сим записем мне, Алексею, до него, старосте и до всех крестьян дела нет ни в чем, а нам, старосте и всем крестьяном, до него, Алексея, по сим записем дела нет ни в чем, да в том и на записех подписали на обе слово в слово.

У подписки были Максим Марин, Ортемей Иванов, Ждан Степанов, Василей Ставров, Бажен Исаков, Трофим Овдокимов, Онисим Клементьев, Дементей Яковлев, Нофил Тимофиив, Дмитрий Ортемьев, Микхайло Яковлев, а подписал веркольской церковной дьячек Ивашко Савастьянов Гушин.

К сей розписи никольской поп Веркольской волости Лаврентей Пантелеймонов по велению Алексея Семенова и веркольских всех крестьян руку приложил.

(ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Пинежское собр., № 665)

Вид приходских храмов Верколы и монастыря со стороны «Веркольской волости приход: 1. церковь великомученика Георгия, 2. часовня Артемия Праведного, 3. церковь кельи, 7. каменная недостроенная

настырь, на левом берегу Пинеги.⁵ 22 приходские деревни, одно- и двухдворные, располагались «смежно» «за рекою Пинегою на другой стороне», как отмечено переписной книгой 1678 г. по Кеврольскому уезду, и насчитывали тогда всего 45 лиц мужского пола.⁶

Малочисленностью волости, вероятно, можно объяснить тот факт, что ее жители долгое время обходились одним храмом. В непосредственной близости от него кеврольский воевода Афанасий Пашков между 1635 и 1639 гг. основал монастырь: «...в той Веркольские веси создаша церковь Божию прекрасную во имя святого великомученика Артемия... на том месте, иже обретены быша честные его мощи, и окрест церкви ограду и врата учёниша...».⁷

21 июня 1639 г. из трех храмов, стоявших напротив веркольских деревень, сгорели оба приходских — Георгиевский и Никольский (в последнем находились мощи святого),⁸ а 29 мая 1642 г. церковный староста Иван

⁵ Летопись Веркольского монастыря сообщает о местоположении приходских храмов: «...с незапамятных времен, еще до основания обители... приходские церкви и причтовые дома находились на сей стороне Пинеги, где в настоящее время (вторая половина XIX в. — М. М.) расположена Веркольская обитель...» (Гос. архив Архангельской области, ф. 308, оп. 1, № 1.2, 1.8). Вторая приходская церковь, существовавшая до пожара 1639 г., Никольская, была построена заново лишь в 1695—1696 гг. В 1868—1869 гг. приход переведен на правый берег Пинеги, а оставшиеся на старом месте две ветхие церкви перешли в ведение монастыря (Там же, № 4, л. 6—6 об.; Краткие исторические описания приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. 2. С. 274).

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, № 15055, л. 66—77 об.

⁷ ГПБ, Собр. ОЛДП, № F.I.137 — Житие Артемия Веркольского, л. 116. В XVII—XVIII вв. в монастыре находились две церкви: одна Артемия Веркольского, куда в 1648 г. были перенесены мощи святого, и другая — Никольская (ЦГАДА, ф. 1209, № 15055, л. 65 об.; ГПБ, Собр. ОЛДП, № F.I.137, л. 120). См. об этом подробнее: Мильчик М. И. Веркольский монастырь... С. 487, 490—492.

⁸ ГПБ, Собр. ОЛДП, № F.I.137, л. 120. Главку «О возгорании церквей» («О згорении храмов»), откуда почерпнуты сведения о точной дате пожара, содержит вторая редакция Жития Артемия Веркольского, возникшая в середине XVII в. См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 253.

Пинеги. Атлас Архангельской губ. 1797 г. РГИА, ф. 1350, оп. 312, № 4, с. 555.

Николая чудотворца, 4. колокольна. Монастырское строение: 5. церковь великомученика Артемия, 6. братские церкви праведного Артемия...».

Федоров и крестьяне Веркольского прихода наняли Алексея Луткова — плотника из соседней Кевролы для того, чтобы он срубил у них новую Георгиевскую церковь «на площади на старое место». Условия договора между ними и являются содержанием порядной записи. Составляя ее, крестьяне и церковный мастер учитывали соседство построенного несколько ранее и не затронутого пожаром храма в честь св. Артемия. Чтобы сохранить его доминирующую роль в складывавшемся ансамбле, они специально оговорили, что высота новой церкви до уровня павала не должна превышать высоту его алтарных прирубов, которые, по обыкновению, были ниже основного объема («...храм вышиною сделать до розвалу, сколь высоко олтари у храму у Артемья чудотворца в Верколе...»). Характерно, что примерно такое же соотношение высот сохранялось и через сто с лишним лет в уже несколько изменившемся ансамбле (рис. 1).

Теперь посмотрим, какие требования к новому храму записаны в порядной. Их сумма — по существу словесный проект будущей постройки, уточняющий лишь некоторые детали ссылкой на образцы: «...сделать маковица круглая (...), как на Ваймуши у Николы чудотворца», «...нутряное дело сделать, как (...) у Николы...» или на традицию, на собственный опыт плотника: «...верх у трапезы сделать, как годно...», «...окно колодное (...) поперег, как годно...», «...опечек сделать, как годно», «...крыльцо и листвица, и двери как годно...».

Главные же характеристики новой церкви четко фиксированы. Она относилась к широко распространенному типу клетских храмов («поставити храм на четыре угла») с двускатной кровлей («верх сделать на два скаты») и одной главой, подобно сгоревшему.⁹ С востока к основному срубу примыкал алтарь, с запада — трапезная, паперть и крыльцо. Все они, кроме крыльца,

⁹ В писцовой книге 1623 г. обе приходские церкви характеризовались как «деревяны клетски». Георгиевская имела трапезную (ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 185). За сообщение этих сведений благодарю Н. П. Воскобойникову.

(«печь збити (...), дымник у трапезы (...) приставить доброй»), стены тесанные («...скоблить, как годно»), т. е. почти гладкие.

Обращаясь к иным, более поздним источникам, касающимся Георгиевской церкви, узнаем, что рядом с нею до 1690 г. стояла колокольня на двух столбах,¹³ сходная с той, что позднее находилась у южной стены монастырского храма св. Артемия.¹⁴

Сама церковь, возведенная в 1642 г., сгорела 8 января 1718 г. и вскоре опять на том же месте была срублена новая, также теплая, с трапезной. Холмогорский архиепископ Варнава указал крестьянам построить ее «из-за скудости ... об одной главе, а верх на той церкви учинить не-шатровой».¹⁵

Церковь св. Георгия, 1718 г. Фрагмент «Вида Веркольского монастыря с северо-западной стороны». Атлас Архангельской губ. 1797 г. РГИА, ф. 1350, оп. 312, № 1, с. 594.

Она-то и изображена на упомянутой выше панораме Атласа Архангельской губернии (рис. 2). Обычно новая церковь повторяла свою предшественницу,¹⁶ и действительно, храм, представленный в Атласе, почти полностью соответствует тому, о котором только что шла речь. Отличия касаются, в основном, частностей: церковный сруб несколько уже трапезного, крыльцо — двухсходное, т. е. не с одной, а с двумя лестницами, окна показаны только колодные, дымник примыкает не к трапезной, как указано в порядной, а к паперти, которая здесь не тесовая, а рубленая. Главное же — новый храм имеет не двускатную кровлю, как прежние, а в виде

¹³ Гос. архив Архангельской области, ф. 308, оп. 1, № 1.3.

¹⁴ Мильчик М. И. Веркольский монастырь... С. 493.

¹⁵ Гос. архив Архангельской области, ф. 308, оп. 1, № 1.11 — Указ архиепископа Варнавы веркольскому священнику Павлу о построении церкви св. Георгия от 21 января 1718 г.

¹⁶ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 8.

С. А. ГАЛИШЕВ

Сочинения и переводы Николая Спафария в рукописном собрании Уральского университета

Уральский университет обладает по крайней мере двумя рукописями, содержащими в себе компиляции Николая Спафария. Первая из них — Сборник сочинений и переводов (XII.183.P./4392), вторая — Титулярник (VI.1.P./17). Оба кодекса приобретены Уральской археографической экспедицией. Оба до сих пор не имеют печатного научного описания.

Содержание Спафариевых сборников вариативно. Остановимся на краткой характеристике состава статей и состояния текста нашего сборника, что поможет выяснить его происхождение. Сборник состоит из 6 разделов: Хрисмологион, Василиологион, «Книга избранная вкратце...», «Описание... церкви, именованная святая София», Перевод с речи С. Венцлавского, «Книга иероглифийская...». Отметим особенность структуры «Книги избранной...». По заглавиям в ней насчитывается 7 глав: обозначение главы «Риторика» пропущено, хотя текст ее присутствует. «Книга иероглифийская...» содержит только Предисловие. В заглавии Василиологиона дефектное чтение: «Василиологин».

Предисловный вариант «Книги иероглифийской...», дефект в оглавлении «Книги избранной...», чтение «Василиологин», а также состав произведений нашего кодекса позволяют поместить его в группу сборников: БАН, Арханг. С. 129; БАН, Арханг. Д. 429 (далее: *Г и А*), Научная библиотека Иркутского гос. университета, № 140 (далее: *И*).¹ Сборник ГБЛ, Вологодское собр., № 170 исключается как имеющий избыточные статьи (Арифмология, Грани).

Сборник Уральского университета, судя по водяным знакам бумаги, младше сборника *Г*. Более того, ряд чтений нашего сборника позволяет говорить о *Г* как о возможном протографе.² В тексте Василиологиона, к примеру, чтения, вписанные в *Г* сверх строки, оказываются в строке. Наш текст поглощает также исправления в *Г*: «превысоком» в рукописи *Г* исправлено на «превысоким», «Клацъдию» на «Плацъдию», «притиву» — «противу»³ и т. д. Все эти чтения из рассказа о Константине и Феодосии вошли в наш текст в исправленном виде. Вместе с тем появляются новые

¹ О соотношении сборников *Г*, *А*, *И* см.: Белоброва О. А. О прижизненных сборниках сочинений Николая Спафария // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 129—137.

² Сборник *А* не может быть признан протографом, так как тексты сборника Уральского университета свободны от присущих *А* дефектных чтений. Например, таких как «кому сше» и «амвийская мера» в «Книге избранной...». Ср.: Спафарий Николай. Эстетические трактаты. / Подгот. текста и вступ. статья О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 136—137.

³ Ср.: Белоброва О. А. Мотив «Римские кесари» — правители Византии в древнерусской литературе последней трети XVII в. // Византийские очерки. М., 1982. С. 234—245.

дефектные чтения. Вместо «обузда гордость сарматов» читаем «обузди гордость гордость сарматов». «Максентий» смягчается на «Максеньтий». Последовательно проводится йотация в заимствованных словах («Гратиян»).

Указанные черты состава и чтений сборника Уральского университета ставят его в ряд со сборниками А, И. Восходящий к рукописи кн. В. В. Голицына (сборнику Г), он также был создан, вероятно, на Севере. Следов бытования седьмого прижизненного сборника переводов и трудов Николая Спафария за XVIII и XIX столетия обнаружить не удалось. На рубеже XIX—XX вв. сборник находился в не свойственной ему среде. Владельцами его являлись крестьяне-старообрядцы поморского согласия тюменского уезда Тобольской губернии. Маргинальные глоссы рукописи открывают нам читателя, размышляющего над двойственной природой царской власти, о нечестивых и благонравных царях, дефинициях «самодержавие», «аристократия», о судьбе государства. Здесь крестьянская старообрядческая книжно-рукописная традиция XIX—XX вв. оказывается связанной с содержанием светской письменности последней трети XVII в.

Титулярник «второго выпуска»⁴ переписан в Тобольске в конце 80-х—начале 90-х гг. XVII в. Писец рукописи — тобольский подьячий М. Г. Романов, являвшийся одним из составителей Головинской редакции Сибирского летописного Свода.⁵ Титулярники «второго выпуска» его же руки находятся в так называемом Романовском (ГБЛ, ф. 711 (Гранков), пост. 86/3—1975) и Чоглоковском (ГБЛ, Музейное собр., № 7564) сборниках. Здесь Спафариевы компиляции предваряют цикл сочинений по истории Сибири. Список Титулярника из рукописного собрания Уральского университета является младшим по отношению к Романовскому и Чоглоковскому сборникам. На это указывают филигранные и некоторые порчи текста, не встречающиеся в сборниках.⁶

Судя по инкорпорации Титулярников в сборники, появление их в Сибири следует связывать с пребыванием в Тобольске на воеводстве А. П. Головина — «куратора» сибирского летописания 80-х гг. XVII в., а также с посольством 1686—1689 гг. в Китай Ф. А. Головина — персонажа, несомненно покровительствовавшего Николаю Спафарию и читавшего его труды.⁷ Сочинения модного тогда писателя нашли и своего читателя в лице представителя Тобольской приказной палаты — М. Г. Романова: Титулярник выделяется в отдельный кодекс.

В конце XIX в. Титулярник принадлежал В. И. Макарову, наставнику известного поморского центра на Урале — с. Таватуй,⁸ где и приобретен в 1977 г.

Ниже предлагаем описание рукописей:

1. НБ УрГУ; XII. Тюменское собр., № 183. Р./4392.

⁴ Е. С. Овчинникова (Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955. С. 72) ошибочно датировала его появление 1673—1677 гг. И. М. Кудрявцев («Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 186—188) документально доказал, что Титулярник «второго выпуска» был переписан в двух экземплярах в конце 1672—начале 1673 г.

⁵ Дергачева - Скоп Е. И. Автограф М. Г. Романова — одного из составителей Сибирского летописного свода // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 79—102.

⁶ Например, вместо «диадимую» сборников в Титулярнике университета читается «диадимом».

⁷ Спафарий Николай. Эстетические трактаты. С. 8.

⁸ О В. И. Макарове см.: Беляева О. К., Панич Т. В., Титова Л. В. Описание тюменских старообрядческих сборников из рукописных собраний ИИФиФ и УрГУ // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 155—268.

Сборник сочинений и переводов. XVII в., 80—90-е гг. 2° (32 × 23). 305 л.

Филиграни: л. 1—73, 76—78 — герб Амстердама с литерами IU и СУН, типа Дианова, Костюхина, № 171, 180 — 1691—1695 гг.; л. 74—75, 79—81, 84—86 — герб Амстердама с литерами RL, типа Дианова, Костюхина, № 139 — 1679—1695 гг.; л. 82—83 — голова шута с литерами NRO, типа Дианова, Костюхина, № 399 — 1691 г.; л. 87—304 — голова шута, филигрань в справочниках не найдена; л. 305 — герб Амстердама, филигрань в справочниках не найдена.

На л. 2—10, 12—13, 15—305 сохранилась старая числовая пагинация перв. пол. XX в. (1—287, 289—303). На л. 1—219 имеется буквенная сигнатура, выполненная писцом рукописи (тетради 1—29). Л. 207 — колонтитул: «Книга Василиологион». Во многих местах текста имеются писцовые маргиналии. Следы сырости на полях листов.

Переплет XVII в. Доски в коже с тиснением выступают над обрезом рукописи. Застежки (2) утрачены. На корешке ярлык с вытисненной надписью: «Хрисмолог».

Письмо рукописи: полуустав (л. 1—117) и полуустав с элементами скорописи (л. 117 об.—305 об.) одной руки.

Украшения: тонкие киноварные инициалы. Киноварь в заголовках. Л. 2 — изображение креста (киноварь) перед Предисловием Хрисмологиона. Л. 1, 1 об. — широкие незаполненные рисунком поля для заставок. Оформление не закончено.

Записи и пометы:

1) внутренняя сторона нижней крышки переплета, скорописью XX в.: черновик бытового письма 11 декабря 1930 г.;

2) глоссы и подчеркивания текста карандашом и ручкой рубежа XIX—XX вв. Л. 2 об., отчеркнуто в тексте: «...истории древних читати не отрицайся...»; л. 16 об., помета «зри» и подчеркнуто: «...монархия, сиречь единовластие или единоначалие»; л. 17, пометы «+» и «зри» против чтения: «...несть монархия, но аристократия, сиречь благоначалие...», л. 19 об., пометы «+» и «зри» против чтения: «...яко никогда народ северный никому покорися...»; л. 20, помета «+», «зри» и подчеркнуто: «...самое царство Христова есть вселенское...»; л. 29 об., «зри» и подчеркнуто: «...пришедши во поклонение Христу царем царю и Господеви Господем, иже имени нарицахуся...»; л. 30, маргинальная читательская глосса: «разное волшебство»; л. 36, пометы «+» и «зри» против чтения: «...через уста Исаии пророка во главе 38 се прилагаю клетом твоим лететь»; л. 36 об., помета «зри» против чтения: «...аще убо и 14 лет и три месяцы не совокупися со женою своею»; л. 38 об., пометы «зри» и «+» против чтения: «...яко Бог почиташеся, пишет бо во второй главе: яко ниц паде Навуходносор...»; л. 39—39 об., пометами «+», «зри», «Исаи» выделено чтение: от «...царь же повеле Азарии...» до «...до востания спасителя нашего Иисуса Христа»; л. 40 об., читательская маргинальная глосса: «Зри по нашему самодержцу»; л. 41, подчеркнуто чтение: «...кроме кесаря Августа императора, сиречь кесарь честныи самодержец оттуду даже до ныне...»; л. 42, пометы «+» и «зри» против чтения: «...сега ради несть удивитися о сем, яко Даниил поздравляше тако Навуходносору...»; л. 46 об., пометами «+» и «зри» выделено чтение: от «...и разорение земли...» до «...бе от царей Цареградских взят...»; л. 47, пометами «+» и «зри» выделено чтение: от «...предложим два послания султана...» до «...сие именованье: царь царем и проч.»; л. 47 об.—48, пометами «+» и «зри» выделено чтение: от «...непобедимейшии самодержец Константинопольский...» до «...аз дах всю землю сию в руце Навуходносора, царя Вавилонского, раба моего...»; л. 58 об., подчеркнуто чтение: «...того ради и орел двоеглавый герб...»; л. 59, пометы «+» и

«зри» против чтения: «Сего ради Ромил, первый царь Римский, царство свое со кровию деда своего Нумитур...»; л. 59 об., подчеркнуто чтение: «...сиречь во царство Августа в сей мир родися, еже пришествие бе первое...»; л. 61 об.—62, пометами «+» и «зри» выделено чтение: от «...яко изрядно написа сими стихами барон немец Лобковичь...» до «...аще убо в последнее время царство тое разделится...»; л. 63, пометами «+» и «зри» выделено чтение: от «...сего ради и кесаря Августа непобедима наречем...» до «...поистине тому бысть, а не иному»; л. 78 об., подчеркнуто чтение: «...крестители еретицы...»; л. 82, помета «+» против чтения: «...причюден бе, понеже 60 лакот в долготу и в широту...»; л. 83 об., подчеркнуто чтение: «...первыми своима перстома...»; л. 126, помета «зр» и подчеркнуто чтение: «...и тое не от повеления и хотения Божия бывает»; л. 137 об., подчеркнуто чтение: «...во Асирийском же Ниневия...»; л. 138, помета «зр» и подчеркнуто чтение: «...орел всех птиц высокопарнейшии есть. Ниже солнца боится, но против его...»; л. 140, подчеркнуто чтение: «...и дани воздадут и повиноватися...»; л. 152, подчеркнуто чтение: «...4. 1-го ученейшаго; 2-го праведнейшаго; 3-го воздержаннейшаго; 4-го доблестнейшаго. И си...»; л. 158, помета «зри» и подчеркнуто чтение: «...сия отрицаися ббб...»; л. 197, помета «зри» и подчеркнуто чтение: «...царство Магметово или Турское...»; л. 205, читательская маргинальная глосса: «Конец Греческ. царстве»; л. 241, подчеркнуто чтение: «...токмo царь, но и самодержец Великия России...».

Содержание:

Л. 1—206 об. — Хрисмологион. Состав: л. 1—1 об. — «Хрисмологион, сиречь книга пререченословная от пророчества Даниилова. Сказание сония Навуходоносорова...»; л. 2—16 об. — Предисловие. Нач.: «Тишайшему государю, державнейшему кесарю, непобедимому августу...»; л. 16 об.—21 — «Пролегоменон. Се есть предглаголателноена 4 монархии». Нач.: «Понеже бо чин есть во всех вещех...»; л. 21—22 — Оглавление 12 глав; л. 21 об.—27 об. — «Начала Пророчества Даниила от вторыя главы и сказание сония Навуходоносора, царя Вавилонскаго и толкование ю. Глава 1. Стихи ямвистии на соние Навуходоносора...». Нач.: «Еже виде сон царь великий»; л. 27 об.—37 — «Глава 2. Стихи иамвистии». Нач.: «Забвен бысть сон...»; л. 37 об.—43 — «Глава третья. Стихи иамвийстии». Нач.: «Се Даниил прииде ко царю...»; л. 43—70 об. — «Глава 4. Стихи иамвийстии...». Нач.: «О, царю царей, воистинну ты еси...»; л. 70 об.—87 — «Глава пятая. Из Библии от 2 главы Даниилова пророчества даже до конца главы». Нач.: «Тогда царь Навуходосор ниц паде...»; л. 87—112 об. — «Глава 6-я. Из Библии глава 4: Даниилова пророчества и сон 2 Навуходоносоров». Нач.: «Навуходосор царь всем людем, племеном, языком...»; л. 112 об.—135 об. — «Глава 7. Видение 5. 3 Библии глава 5 Даниилова пророчества». Нач.: «Валтасар царь сотвори вечерю...»; л. 135 об.—144 об. — «Глава 8. Из Библии от Даниила пророка глава 7». Нач.: «В первое лето Валтасара, царя Халдейска...»; л. 144 об.—154 об. — «Глава 9. Из Библии от главы Даниила пророка 7-й». Нач.: «И се зверь вторыи подобен медведице...»; л. 154 об.—169 — «Глава десятая. Стихи иамвистии на видение Даниилово». Нач.: «В лето третие царствующу Киру...»; л. 169—195 — «Глава 11. Из Библии от 7 главы Даниилова пророчества». Нач.: «Вслед сего видов и се зверь ин, аки рысь...»; л. 195—206 об. — «Глава 12. 4-я монархия. Стихи иамвистии на 4-ю монархию». Нач.: «4 поистине страха исполнен зверь и странен...»; л. 206 об. — «Епилог или совершение». Нач.: «Первая убо книга сего Хрисмологиона...».

Л. 207—260 об. — Василиологион. Состав: л. 207—210 — «Предисловие». Нач.: «Божественное, поистинне пресветлое и пространное есть...»; л. 210—260 об. — «Книга Василиолин, се есть сочисление или описание всех царей,

иже бяху во всем мире от всех народов доблественнейшии и именитейшии от начала мира доселе». Нач.: «1 царь Нин асирийский...».

Л. 260 об.—287 — «Книга избранная вкратце о девяти мусах и о седмех свободных художествах». Состав: л. 260 об.—262 об. — «Предисловие». Нач.: «Понеже никакая вещь начинается без некоего орудия...»; л. 262 об.—264 об. — «О девяти мусах сказание и о Апполлоне. Глава 1». Нач.: «Философии древнии хотяще показати...»; л. 264 об.—267 об. — «Грамматика. Первое свободное художество. Глава 2». Нач.: «Грамматика имя свое получи от греческаго речения рамма»; л. 267 об.—270 — без самоназвания и обозначения главы. Нач.: «Риторика есть художество...»; л. 270—272 — «Диалектика. 3 свободное художество. Глава 3». Нач.: «Диалектика яже и логика нарицается...»; л. 272—275 — «Арифметика. 4 свободное художество. Глава 4». Нач.: «Арифметика, сиречь чистителница...»; л. 275—279 — «Мусика. 5 свободное художество. Глава 5». Нач.: «Мусика, сиречь песньствование...»; л. 279—283 об. — «Геометрия. 6 свободное художество. Глава 6». Нач.: «Геометрия, сиречь земномерие...»; л. 283 об.—286 — «Астрология. 7 свободное художество. Глава 7». Нач.: «Астрология, сиречь звездословие...»; л. 286—287 — «От риторства. О еже како изчезе мудрование, сиречь смысл, и еже како скрыся слово». Нач.: «Понеже раждается слово в сердцы...».

Л. 287—299 об. — «Описание преславныя и превеликия церкви, именованная святая София в Константинополе, яже между седми чудес вселенныя по достойну сочисляется». Нач.: «Иустиниан, великий во царех греческих православных...».

Л. 299 об.—302 об. — «Перевод с речи, какову пре великом государе, царе и великом князе Алексее Михайловиче Всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержце говорил посланник польской Самойло Венцлавской, будучи на приезде в нынешнем во 183-м году сентября в 18 день». Нач.: «Прсветлейший милостивый царю, государю, монарх милостивый...».

Л. 302 об.—305 об. — «Книга иероглифийская священноваятелная, сиречь тайнописменная, яко обыкоша египтяне и еллины не писменным, но живописанием неким тайным и премудрым явити высотою мудрость и учение». Состав: «Предисловие». Нач.: «Ничто сице честно и ничто сице древнее...»; л. 305 об. — заглавие 1-й главы: «Начало з Богом книги иероглифийская, сиречь священноваятелныя или египетския. О Бозе. Богословие преизрядное от всех философов и богословов». Текст 1-й главы отсутствует.

Обнаружена в Исетском районе Тюменской области. Получена в дар в 1988 г.

2. НБ УрГУ; VI. Невьянское собр., № 1. Р./17.

Титулярник. XVII в., 80—90-е гг. 2° (31 × 18). I, 1—125, II—III л.⁹

Филиграни: л. I, 1—51 — герб Амстердама с литерами JP, типа Клепиков, Амстердам, № 143 — 1675—1693 гг.; л. 52—125, II — голова шута, тип I с литерами MPX, типа Клепиков, Шут, № 187 — 1687—1694 гг.; л. III — филиграни и штемпели отсутствуют, бумага белая, гладкая, машинной выработки кон. XIX—нач. XX в.

Л. I, I об., 1 об., 2 об., 124 об.—125 — без текста. Сохранились следы разлиновки листов.

⁹ Историографический обзор исследований Титулярника в связи со списком Уральского университета предпринят С. А. Белобородовым. См.: Белобородов С. А. «Титулярник» в оценке отечественной историографии // Культура и быт трудового населения дореволюционного Урала: Тез. докл. студентов и молодых ученых. Свердловск, 1988. С. 6—9.

Переplet кон. XIX—нач. XX в. Доски в коже выступают над обрезом рукописи. Застежки (2) утрачены.

Письмо: приказной писарский круглящийся полуустав, переходящий в скоропись. Автограф М. Г. Романова.

Украшения: л. 20 об., 124 — киноварные инициалы пером орнамента барокко геометрических форм (эллипсис, спирали). Тонкие киноварные инициалы с орнаментальными отростками. Киноварь в заголовках.

Записи и пометы:

1) л. 1—8, 11, курсивом XVIII—XIX вв.: «[Ex] librorum ar[himan]drita Theodosij... (стерта)».¹⁰

2) л. II об., скорописью XIX в.: «Сия книга глаголемая Родословие тюменского мещанина Михаила...» (текст зачеркнут).

3) Там же, полууставом, переходящим в скоропись XVIII—XIX вв.: «Сия книга при...» (фраза оборвана автором записи).

4) л. 1 — пробы пера XVIII—XIX вв.

5) там же, полууставом, переходящим в скоропись XVIII—XIX вв.: «Милостивому моему приятелю и мы тебе просим обо всем».

6) там же, скорописью XIX в.: «Сия книга Никифора, патриарха Царя града».

7) л. III, той же рукой: «Сия книга принадлежит Никифру».

8) Почерком архимандрита Феодосия в Описании римских пап против чтения «Гонорий, первый Петрониев сын» отмечено: «еретик» — л. 33. Л. 67, на латинском языке, в верхнем правом углу: «Генеалогия царского рода». Той же рукой, маргинальные глоссы «NB» против следующих чтений: л. 17 — «Понеже бо святое его представление бысть в день рождества его»; л. 68 — «...и но потому и коруна полская и великое княжество литовское наша вотчина...»; л. 80, 81 — «О грузинском царе Давиде и сыне его Темуразе»; л. 99 — «Раб Божий Петр, католик армянский...»; л. 100—102 об. — «В Константине граде царствовала цари...» — это против каждого из семи вселенских соборов. Той же рукой правка текста: л. 103 — «...царства Михаил Травлый...» — последнее слово зачеркнуто, на поле — «Трвалый»; л. 106 об. — «лежаще» исправлено на «лежаху», «...на небо зрящи же всем нача плакати...» исправлено на «...на небо воочию всех и начаша людие плакати...», фраза «...свету оному отверзшус небеса и по отшествии паки затворишися» — вычеркнута. Л. 83, полууставом XIX в. против чтения титулов Алексея Михайловича — глосса: «Владыкою назван, а не Петр». Многочисленные случаи перевода летосчисления от сотворения мира на современный счет.

Содержание:

Л. 1 — «Монархия великого Российского царствия великих государей царей и великих князей российских. Корень изыде от превьсочайшаго царского престола и прекрасна цветущаго и пресветлаго Августа кесаря, обладающаго Вселенною»; л. 2 — «Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великих государей, царей и великих князей Российских... сотворена книга в лета 7186, а от воплощения Божия Слова 1678 года»; л. 3 — «Первый князь Рюрик...»; «По нем же дерзосердый в храбрских ополчениях син его князь великий Игорь...»; «По Игоре содержаше Российское государство в Киеве сын его, князь великий Святослав...»; л. 3 об. — «По Святославе ж... сын его, князь великий Владимир...»; «По великом же государе Владимире... сын его, князь великий храбрый Ярослав Владимировичь»; «...сын его, князь Всеволод Ярославичь»; л. 4 — «...Святополк Изяславичь, внук Ярославов...»; л. 4—4 об. — «Владимер Всеволодичь Манамах...»;

¹⁰ Полустертая запись расшифрована И. А. Власовой; выражаю ей свою признательность.

л. 4 об. — «...сын его болший Мстислав...»; л. 4 об.—5 — «...брат его Ярополк...»; л. 5 (неверно переплетен, см. л. 11) — «...князь великий Иоанн Данилович...»; «...Иоанн Иванович...»; «...Дмитрей Иванович...»; л. 5—5 об. — «Василий Димитриевич...»; «...Василий Васильевич...»; л. 5 об.—6 — «...Иван Васильевич...»; л. 6 — «...Василий Иванович...»; л. 6—7 об. — «...Иван Васильевич, всея Руси самодержец...»; л. 6 об.—7 об. — «...Феодор Иванович...»; л. 7 об.—8 — «...Борис Федорович...»; л. 8—8 об. — «...Гришка Отрепьев...»; л. 8 об.—10 — «...от бояляр князь Василей Иванович Шуйской...»; л. 10, 12—16 — «...Михаил Федорович...»; л. 11 — «...Всеволод Олгович...»; «...брат его Игорь...»; «...Юрий Владимирович Долгорукой...»; «...Всеволод Юрьевич...»; л. 11—11 об. — «...Ярослав Всеволодич...»; л. 11 об. — «...Александр Ярославич, зовомый Невский...»; «...Даниил Александрович...»; л. 16—18 — «...Алексея Михайловича...»; л. 18—18 об. — «А в грамотах его великаго государя именованье и титула писано по сему...»; л. 18 об. — «А Российскаго государства печать была такова...»; л. 18 об.—19 — «А в прошлом во 161-м году били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... войска заporожского гетман Богдан Хмельницкой...»; л. 19—19 об. — «Во прошлом во 162-м и во 163-м, и во 164-м годех...»; л. 19 об.—20 — «И по многим королевского величества...»; л. 20—20 об. — «И пособием Божиим и крепкосилным воеводством...»; л. 21 — описание гербов; л. 21—31 — «Описание святейших вселенских патриархов Константинопольских, Александрийских, Антиохиских, Иеросалимских...»; л. 31—38 об. — «Описание Римских пап благочестивых, кто имяны были от Рождества Христова, и которые несогласны были...»; л. 38 об.—48 — «Описание цесарей Римских, елико их быша от Иелия цесаря даже до Константина и от Константина до цесаря Леопанда»; л. 48—51 — «Описание королей французских»; л. 51 об.—55 — «Описание королей Гишпанских...»; л. 55—60 — «Описание королей англинских...»; л. 60—63 об. — «Описание королей Дацких...»; л. 63 об.—74 об. — «Описание коруны полские и великаго княжества Литовскаго...»; л. 75—79 об. — «Описание королей Свейских...»; л. 80—82 — «Иверская земля и Грузинская, Имеретинская земли тож...»; л. 82 об.—83 об. — «Молдавская и Волоская Мултянская земли...»; л. 83 об.—85 — «Во Италии во Флоренской земле...»; л. 85 об.—87 — «В Галанской и Нидерлянской земле...»; л. 87—90 об. — «А в Германии, или в Цесарской земле...»; л. 90 об.—91 об. — «Курляндия и Земигалия...»; л. 92—93 — «Голстенское княжество...»; л. 93—94 — «Волные города Любок да Амбурх в подданстве у цесаря римскаго...»; л. 94 об.—99 об. — «В Персицком государстве царствуют шахи...»; л. 100—107 — «В Константине граде царствоваша царие православные и еретицы...»; л. 107 об.—111 — «Родословие Турских салтанов...»; л. 111 об.—113 — «Индейским государством владел...»; л. 113 об.—115 об. — «В Бухарской и Юргенской землях...»; л. 116—123 — «На Крымском юрте владеет хан...»; л. 123 об. — «Тушенская и Шибуцкая земли греческой веры...»; л. 124 — «К калмыцким тайшам пишут...»; л. 125 об. — «К Черкасским и х Кумыцким и Нагайским мурзам пишут...» (начало текста одной грамоты).

Обнаружена в с. Таватуй Свердловской области. Приобретена в 1977 г.

ЗАМЕТКИ

М. А. САЛМИНА

«Карна» в «Слове о полку Игореве»

В одном из фрагментов «Слова о полку Игореве», повествующем о бедственном состоянии Русской земли после поражения войска князя Игоря, читается следующая фраза: «За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ».¹ Фраза эта до сих пор принадлежит к числу «темных мест» памятника, и по поводу значения отдельных ее слов высказывались различные догадки. Это относится и к «Карне». Приведем основные суждения, касающиеся этого слова.

Существовало мнение, восходившее к объяснениям первых издателей «Слова», что «Карна» — это имя половецкого хана. Такой точки зрения придерживались, например, А. Шишков, Я. Пожарский, Д. Дубенский, Я. Малашев² и другие, хотя половецких ханов с таким именем в источниках найдено не было.

Начиная с А. Ф. Вельтмана,³ предположившего, что под «Карной» следует подразумевать «плач по умершим», и переведшего отрывок фразы как «заголосили поминки», многие комментаторы «Слова», вплоть до настоящего времени (например, М. В. Щепкина, Л. А. Булаховский, О. В. Творогов и др.),⁴ сближая «Карну» с глаголом «карити» — «оплакивать умерших»,⁵ полагали, что ее следует воспринимать как олицетворение «надгробного плача и скорби». Е. В. Барсов в 1890 г. писал: «Как глагол *карити* указывает на плач погребального ритуала, так *Карина*... есть обрядница мертвых, служительница смерти...».⁶

¹ См.: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 20.

² Шишков А. Слово о полку Игоревом ... // Сочинения и переводы, изд. Российской АН. СПб., 1805. Ч. 1. С. 51; Пожарский Я. Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгорода-Северского. СПб., 1819. С. 66; Дубенский Д. Слово о полку Игореве Святъславля пестворца старого времени. М., 1844. С. 98; Малашев Я. Слово о полку Игореве: Поэтический памятник русской письменности XII века. М., 1871. С. 114.

³ А. Ф. Вельтман утверждал, что «древнее слово плача, причитанья по умершим» — «карья», хотя в древнерусских памятниках такое слово не зафиксировано. См.: Вельтман А. Ф. Слово об ополчении Игоря Святославича. М., 1866. С. 54—55.

⁴ Щепкина М. В. К вопросу о неясных местах «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 194; Булаховский Л. А. 1) Функции чисел в «Слове о полку Игореве» // Наукові записки Ін-ту мовознавства АН УРСР. Київ, 1952. Т. 10. Мовознавство. С. 120; 2) Лінгвістичні уваги про міфологічні назви «Слова о полку Игоревѣ» // Там же. Київ, 1959. Т. 15. Мовознавство. С. 30; Творогов О. В. Слово о полку Игореве. [Перевод и комментарий] // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переложения / Сост. А. П. Комлев. Свердловск, 1985. С. 42.

⁵ Определяя значение глагола «карити», исследователи опирались на известие Ипатьевской летописи под 1262 г. («Оумре княгини Миндовговая, и поча карити по неи...»).

⁶ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1890. Т. 3. С. 349. Е. В. Барсов считал, что в рукописи «Слова» «карна» была написана в форме «карна», т. е. «карина» (Там же. М., 1887. Т. 2. С. 206).

Нам представляется, и этой точки зрения придерживался еще в 1911 г. А. В. Лонгинов,⁷ что под «Карной» автор «Слова» имел в виду малоизвестную древнеримскую богиню Карну (Carua) — покровительницу важнейших органов человеческого тела.⁸ Имя Карна — античное, происходит от слова «саго», что означает «мясо» (человеческое тело). Ее святилище находилось на Целиевом (Caelius) холме Рима. Жертвоприношение совершалось 1 июня. Так как обряд жертвоприношения связывался с культом мертвых, считалось, что Карна имела отношение к преисподней, аду. Богиню называют также хранительницей дверных петель. Но более распространено мнение, что Карна связана с сохранностью физической силы человека, его органов.⁹ Если «Карной» «Слова» являлась бы эта богиня, то в переводе рассматриваемый нами отрывок фразы читался бы так: «Воскликнула богиня Карна...».

⁷ В работе «Слово о полку Игореве» (Одесса, 1911. С. 39—40) А. В. Лонгинов писал, что автор «Слова» к сонму языческих божеств «присоединяет римскую богиню Карну... Карна помещена и в „Фастах“ под 1-м числом июньских календ («праздник Карны, Юноны, Марса, Непогоды») с обширным объяснением Овидия Назона». «Имя „Карна (Carua)“ высечено на многих, обнаруженных археологическими раскопками в Италии мраморных досках с славяно-пелазгийскими надгробными эпитафиями (Врем. моск. общ. ист. и Др., кн. 23)».

⁸ См.: Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь. М., 1949. С. 158.

⁹ Lexikon der alten Welt. Zürich und Stuttgart, 1965. Sp. 550; Gottschalk H. Lexikon der Mythologie der europäischen Völker. Berlin, 1973. S. 192; Мифологический словарь. Минск, 1989. С. 97; Мифологический словарь. М., 1990. С. 275.

Ю. М. ЗОЛотов

Символика в камне

В последние годы автор этих строк изучал белокаменные храмы XII—XV вв. Владимиро-Суздальского и Московского княжеств: Спаса-Преображения в Переславле-Залесском, Бориса и Глеба в Кидекше, Покров на Нерли, Дмитриевский во Владимире, Успенский на Городке в Звенигороде, Рождественский в Саввино-Сторожевском монастыре, Спаса Нерукотворного в московском Спасо-Андрониковом монастыре, Троицкий в Троице-Сергиевой лавре, Воскресенский в Волоколамске. Наше внимание при этом привлекла одна особенность: во всех постройках в среднем прясле северной, южной и западной стен уложено по 33 ряда белокаменных квадров. Мы предполагаем, что это символическое число, а смысл его раскрывается достаточно просто. Оно обозначает, согласно церковной традиции, годы, прожитые Иисусом Христом. В Евангелии от Луки (3, 23) говорится, что ко времени крещения Христу исполнилось 30 лет. Основываясь на этом, средневековые агиографы вычислили все годы его жизни, связав их с остальной церковной хронологией. На Руси, в частности, широкое распространение получил так называемый «Летописец вкратце» константинопольского патриарха Никифора, который помещен во многих летописях.¹ Там и содер­жится эта цифра — 33.

Но почему это число связали с храмовой архитектурой, притом лишь из белого камня? Понять это, на наш взгляд, также нетрудно.

В Евангелии от Иоанна высказывается мысль, что тело Христа подобно храму (2, 19—21). Затем этот символ, многократно варьируясь, повторяется несколько раз, например, в Посланиях Ефессянам (1, 22—23), Колоссянам (1, 24). Сравнивается тело Христа также с камнем (Первое послание ап. Петра, 2, 4). Говорится и о том, что Христос очистил церковь, чтобы не было на ней пятна и порока (Послание Ефессянам, 5, 25—27). Эта идея чистоты вместе с уподоблением Христа свету (Иоанна, 8, 12) логически подводила к мысли о том, что и храм должен быть по цвету светлым, для чего, несомненно, лучше всего подходит белый камень.

Так, по нашему мнению, слились воедино в белокаменных храмах Северо-Восточной Руси литературные по происхождению представления: число лет Христа и связанные с ним новозаветные символы.

Остается объяснить, почему символическое число 33 заключено лишь в кладке четверика, не отразившись на кладке глав, и почему 33 ряда квадров имеется только в средних пряслах.

¹ ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1. С. 627—630; М., 1965. Т. 15, вып. 1. С. 7—8; СПб., 1889. Т. 16. С. 30—31.

Мы полагаем, что ответ на это также содержится в тексте Евангелия от Иоанна. В самом деле: там ведь ясно сказано, что Иисус Христос по пришествии в Иерусалим посетил Иерусалимский храм, и именно с ним, с этим храмом, сравнил свое тело (2, 13—23). Иерусалимский храм подробно описан в 6 главе Третьей книги Царств. Из этого описания ясно, что храм в плане представлял из себя прямоугольник (о надстройках над ним ничего не говорится). Такие сооружения на Руси как раз и назывались четвериком.

Связь же числа 33 лишь со средними пряслами храмов объясняется, на наш взгляд, тем, что в этих пряслах всегда делались двери. И это обстоятельство давало повод вспомнить еще один евангельский символ Иисуса Христа: «Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет, спасется...» (Иоанна 10, 9), что логически завершало идею: церковь, храм есть сам Иисус Христос.

ХРОНИКА

Джон Феннел (1918—1992)

Некролог

9 августа 1992 г. скончался один из самых выдающихся западных исследователей Древней Руси — английский историк Джон Феннел.

Джон Феннел родился в 1918 г., учился в Редли и Тринити-колледже в Кембридже. В течение всех шести лет, с 1939 по 1945 г., когда Англия вела войну с гитлеровской Германией (в 1940—1941 гг. — одна, без союзников), он находился в действующей армии, в Египте и Ливии (битва под Эль-Аламейном). Это было во всех отношениях нелегко для северного европейца: Феннел вспоминал, что жара была такой, что можно было зажарить яичницу непосредственно на броне танка. Но пребывание в Египте дало будущему историку не только военный опыт: именно в Каире он соприкоснулся с греческим православием и стал его прозелитом. Там же зародился интерес Феннела к русской культуре. Он овладел русским языком. Когда его коллеги связывали превосходный русский язык ученого с тем, что его жена — русская, представительница одной из древних русских фамилий Марина Николаевна Лопухина, то оба супруга отвергали эту догадку: Марина Николаевна утверждала, что Джон не только не учился у нее языку, но даже спорил с нею о правильности тех или иных оборотов.

В 1947 г. Дж. Феннел стал лектором-ассистентом по русскому языку в Кембриджском университете, с 1952 г. — лектором (Reader) по русскому языку и главой департамента славянских языков в Ноттингемском университете. С 1956 г. началась работа Феннела в Оксфорде — сначала в качестве лектора, а с 1967 г. — профессора. С 1968 г. и до выхода в отставку в 1988 г. Феннел был профессором в Новом колледже — вопреки своему названию, колледж этот принадлежит к числу древнейших в Оксфорде: он был основан в 1379 г., за год до Куликовской битвы.

В 1951 г. была опубликована первая исследовательская статья Дж. Феннела — «Позиция иосифлян и заволжских старцев по отношению к ереси жидовствующих».¹ В 1955 г. он издал текст и перевод переписки Ивана Грозного с Курбским; своеобразным продолжением этой археографической и текстологической работы было издание «Истории о великом князе Московском», предпринятое десять лет спустя. Источниковедческие интересы ученого предопределили важнейшую особенность его работ — их научную основательность, готовность отказаться от историографической традиции и от собственных построений, если этого требовал анализ источников. В этом отношении очень интересно сопоставить две его статьи, посвященные борьбе придворных партий при Иване III, — уже упомянутую статью об иосифлянах и заволжских старцах и статью 1960 г. о династическом кризисе 1497—

¹ The Attitude of Josephians and Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judaizers // The Slavonic and East European Review. Vol. XXIX. N 73. P. 486—509.

1502 г.² В первой статье, в соответствии с давней традицией, автор высказывал мнение, что еретики были связаны с боярскими партиями Новгорода и Москвы, что сноха Ивана III еретичка Елена Стефановна была «единственным членом великокняжеской семьи», на которого бояре Патрикеевы и Ряполовский «возлагали свои надежды», а «когда события повернулись против боярской партии, кончились и успехи еретиков». В статье 1960 г. он пришел к выводу, что бояре Патрикеевы и Ряполовский были связаны не с Еленой и ее сыном Дмитрием, а «симпатизировали оппозиции, возглавляемой Софией и Василием» (соперником Дмитрия), и что «большинство достоверных свидетельств доказывает, что политические стремления бояр совпадали со склонностями Софии и Василия». Этот вывод определялся признанием недостоверности Степенной книги, составленной во второй половине XVI в. — единственного источника, связывавшего партию Елены и Дмитрия с «крамольными» боярами Патрикеевым и Ряполовским. Критический подход к источникам отразился в первой большой монографии Феннела «Иван Великий Московский».³ Книга эта, предназначенная, согласно скромному указанию автора, для «историков, которые не знают русского языка и не имеют доступа к русским источникам», знаменовала собой переломный момент в работе Феннела-историка.

Начиная с середины 60-х гг. все исследования Феннела строятся на скрупулезном исследовании летописных источников (это отмечалось и в заголовках статей)⁴. Итогом источниковедческих исследований Феннела по истории XIV в. была его монография «Появление Москвы. 1304—1359»,⁵ опубликованная в 1968 г. По тому же пути Феннел пошел и далее, обратившись к более раннему периоду — XIII в. Отдельные исследования⁶ предшествовали новой его монографии — «Кризис средневековой Руси. 1200—1304 гг.», опубликованной в 1983 г. (в 1989 г. был издан ее русский перевод).⁷ Дж. Феннел понял то, чего не понимают многие исследователи: чтобы привлечь в качестве источника тот или иной летописный материал, необходимо исследовать его текст в связи с историей летописания. Только знание всей летописной генеалогии дает возможность определить происхождение и время создания отдельного рассказа. Каждая из статей Феннела сопровождалась стеммой, рисующей взаимоотношения летописей, содержащей исследуемую им летописную статью. Феннел стал одним из немногочисленных ученых (их в мире не более десятка), по-настоящему владевших летописным материалом.

К проблемам текстологии Феннел обращался не только в связи с летописанием. Он активно участвовал в двух научных дискуссиях, вызванных сомнениями А. А. Зимина в древности «Слова о полку Игореве» и Э. Кинана — в аутентичности переписки Ивана Грозного с Курбским. Разобрав взаимоотношения внутри «текстологического треугольника» — «Слово», «Ипатьевская летопись» и «Задонщина», Феннел пришел к выводу,

² The Dynastic Crisis 1497—1502 // Ibid. Vol. XXXIX. N 92. P. 1—23.

³ Fennell J. L. G. Ivan the Great of Moscow. London, 1961.

⁴ The Campaign of King Magnus Eriksson against Novgorod in 1348: an Examination of the Sources // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1966. H. 1; The Tver Uprising of 1327: A Study of the Sources // Ibid. 1967. H. 2; The Ermolinskij Chronicle and the Literary Prelude to «The Tale of the Murder of Mikhail of Tver» // Studies in Slavic Linguistics and Poetics, 1968. P. 33—38.

⁵ Fennell J. The Emergence of Moscow. 1304—1359. London, 1969.

⁶ Andrej Jaroslavlic and the Struggle for Power: an Investigation of Sources // Russia Mediaevalis. 1973. V 1; The Tale of the Death of Vasilko Konstantinovic: a Study of the Sources // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. 1977. P. 34—46; Russia on the Eve to the Tartar Invasion // Oxford Slavonic Papers. N. S. 1981. V. XIV.

⁷ Fennell J. L. G. The Crisis of Medieval Russia 1200—1304. 1983; Феннел Джон. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989.

что «признают или не признают исследователи выводы» Зимина убедительными, «им следует, видимо, отложить окончательное суждение — и, во всяком случае, воздержаться от обвинения своего выдающегося коллеги в дилетантизме и шарлатанстве — по крайней мере до того, как его работа в целом будет опубликована».⁸ Иной была позиция Феннела в споре о переписке Грозного с Курбским. Э. Кинан обнаружил совпадения отдельных текстов в Первом послании Курбского и двух сочинениях каменец-подольского инока Исайи — в «Жалобе» и «Плаче», написанном в 1569 г.; он сделал из этого вывод, что датировка Первого послания Курбского (и ответного послания царя) 1564 годом ложна и вся переписка — фальсификация XVII в. Дж. Феннел показал, что текст «Плача» явно вторичнее текста Курбского, и, очевидно, не «псевдо-Курбский» опирался на сочинения Исайи, а Исайя использовал послание Курбского 1564 г.⁹

Наряду с этими конкретными исследованиями Дж. Феннел принял участие и в обобщающих трудах, написав главу о России XV—XVI вв. в «Новой Кембриджской всемирной истории» и ряд глав в составленной вместе с Э. Стоуксом «Ранней русской литературе».¹⁰

Я был знаком с Джоном Феннелом с 1959 г. — сперва заочно, по переписке (у меня сохранилось несколько сот его писем), а в октябре 1966 г. мы встретились с ним, когда он на короткое время приехал в Ленинград. Джон (после ряда лет знакомства мы перешли с ним на обращение по имени — именоваться на русский манер с отчеством он так и не привык) совершенно не походил на традиционный образ англичанина, сложившийся в России. Он не только не отличался холодной сдержанностью, но был весьма экспансивным, по временам даже восторженным. Мы встречались еще раз в Ленинграде и в Москве. Лишь в 1989 г. мне удалось наконец воспользоваться настойчивым и давним приглашением Джона и приехать к нему в Оксфорд, где мы с женой провели полтора месяца под кровом Феннелов.

К этому времени Феннел уже вышел в отставку и стал пенсионером. Формально это было законно — ему исполнилось 70 лет, но воспринималось им тяжело. Он был превосходным лектором и мог еще работать много лет. Феннел пытался переключиться на другую работу. Он всегда интересовался не только древней, но также и новой и современной литературой: издал стихотворения Пушкина с прозаическим переводом и статьи о Пушкине в сборнике по русской литературе XIX в.¹¹ После 1988 г. он сделал попытку перейти от научного творчества к художественному: написал роман, который ему так и не удалось опубликовать (он не хотел показывать его до завершения, но, судя по разговорам, роман должен был быть посвящен русскому ученому, прототипом которого был А. А. Зимин). Много времени и сил отдавал Феннел и общественной деятельности: он работал в специальной службе, помогающей людям, пришедшим в отчаяние и склонным к самоубийству, обрести надежду и не уходить из жизни; участвовал в деятельности так называемых hospices — убежищ для безнадежных больных. И все же

⁸ The Slovo o Polku Igoreve: The Textological Triangle // Oxford Slavonic Papers. N. S. 1968. V. 1; The Autenticy of Slovo o Polku Igoreve: A Brief Survey of the Arguments // Ibid. 1967, V. 13.

Рец. на книгу: Скрынников Р. Г. Переписка Грозного с Курбским. Парадоксы Эдварда Кинана // Russia Mediaevalis. 1975. V. 2. P. 188—198.

¹⁰ The New Cambridge Modern History. Cambridge, 1958. V. 2. P. 534—561; Fennell J., Stokes A. Early Russian Literature. London, 1974. P. 11—206.

¹¹ Fennell J. L. G. Pushkin // Nineteen Century Russian Literature. Studies of Ten Russian Writers. London, 1973. P. 13—66; Pushkin. Selected verse / Introduction and ed. by J. Fennell with Plain Prose Translation of Each Poem. Baltimore, 1964.

эта работа не давала ему полного удовлетворения. Он вновь обратился к истории — на этот раз к истории русской церкви. Книга была в основном завершена, но издать ее ему не был суждено — она будет опубликована посмертно.

Прекрасный ученый, добрый и сердечный человек, Джон Феннел навсегда останется в памяти тех, кто знал его.

Я. С. Лурье

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ** — Акты, собранные ... Археографической экспедицией.
АИ — Акты исторические.
АРАН — Архив Российской академии наук.
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
БАН — Библиотека Академии наук СССР (с 1992 г. — БАН России. Санкт-Петербург).
Брике — Briquet С. М. *Les filigranes*. Paris, 1907.
ВВ — Византийский временник.
ВИ — Вопросы истории.
ВЛ — Вопросы литературы.
ВМЧ — Великие Минеи Четьи, изд. Археографической комиссии.
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГАКО — Государственный архив Калининской области.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (с 1992 г. — Российская государственная библиотека. Москва).
Гераклитов — Гераклитов А. А. *Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения*. М., 1963.
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (с 1992 г. — Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург).
ГПНТБ СО АН СССР — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Академии наук СССР (с 1992 г. СО РАН).
ГРМ — Государственный Русский музей (Санкт-Петербург).
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией.
Дианова, Костюхина — Дианова Т. В., Костюхина Л. М., *Водяные знаки рукописей России XVII в.* М., 1980.
ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИА — Исторический архив.
ИЗ — Исторические записки.
ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1992 г. — СО РАН. Новосибирск).
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (с 1992 г. — РАН. Москва).
ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР (с 1992 г. — РАН).
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (с 1992 г. — РАН. Санкт-Петербург).

- КИХМ** — Кирилловский историко-художественный музей-заповедник.
- Клепиков, Амстердам** — Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама»: (Материалы для датировки рукописных и печатных текстов) // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20.
- Клепиков, Филигр. и штемп.** — Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
- Клепиков, Шут** — Клепиков С. А. Бумага с филигранью «голова шута» (Foolscap) // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1963. Вып. 26.
- КЛЭ** — Краткая литературная энциклопедия.
- КСИИМК** — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР (до 1960 г.).
- ЛГУ** — Ленинградский государственный университет (до 1992 г.).
- ЛЗАК** — Летопись занятий Археографической комиссии.
- Лихачев, Вод. зн.** — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
- ЛОИИ** — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР (до 1992 г.).
- МГАМИД** — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
- МДА** — Московская духовная академия.
- Мошин** — Mošin V. A., Traljić S. M. Vodeni snakovi XIII i XIV vijeka. Zagreb, 1957. I—II.
- НЛ, НЛД, НПЛ, НВЛ, НВЛ** — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
- ОИДР** — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
- ОЛДП** — Общество любителей древней письменности.
- ОЛЯ** — Отделение литературы и языка Академии наук СССР (с 1992 г. — РАН).
- ПВЛ** — Повесть временных лет.
- ПДП** — Памятники древней письменности.
- ПДПИ** — Памятники древней письменности и искусства.
- Пиккар** — Piccard G. Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Findbuch II, 1, 2, 3 der Wasserzeichenkarteil Piccard im Hauptstaatsarchiv. Stuttgart, 1966.
- ПЛДР** — Памятники литературы Древней Руси.
- ППС** — Православный Палестинский сборник.
- ПЛ, ПЛД, ППЛ** — Псковские первая, вторая и третья летописи.
- ПСРЛ** — Полное собрание русских летописей.
- РАН** — Российская академия наук.
- РИБ** — Русская историческая библиотека.
- РЛ** — Русская литература.
- СА** — Советская археология.
- СГГД** — Собрание государственных грамот и договоров.
- СИЭ** — Советская историческая энциклопедия.
- СОРЯС** — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР (с 1992 г. — РАН).
- СПб. ГУ** — Санкт-Петербургский государственный университет.
- СПб. ДА** — Санкт-Петербургская духовная академия.
- СЛ, СЛД** — Софийская первая и вторая летописи.
- Срезневский, Материалы** — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
- ТОДРЛ** — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (с 1992 г. — РАН).
- Тромонин** — Тромонин Л. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
- Хивуд** — Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum: the Pater Publications Society, 1950.

- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (с 1992 г. — РГАЛИ. Москва).
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (с 1992 г. — РГИА. Санкт-Петербург).
- ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР (с 1992 г. — Украины).
- Черчилль — Churchill W. *Watermarks in Paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII Centuries and their interconnection.* Amsterdam, 1935.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- PG — Migne J.-P. *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca.* Paris, 1858.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бобров А. Г.</i> (Санкт-Петербург). Из истории летописания первой половины XV в.	3
<i>Крушельницкая Е. В.</i> (Санкт-Петербург). Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV—XVI вв.	21
<i>Лобакова И. А.</i> (Санкт-Петербург). Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем»	36
<i>Хоулетт Я. Р.</i> (Кембридж). Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «новгородских еретиков жидовская мудрствующих»	53
<i>Белякова М. М.</i> (Нижний Новгород). «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения)	74
<i>Хрипков В. Ф.</i> (Алма-Ата). Русские списки и редакции перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна	88
<i>Черторицкая Т. В.</i> (Нижний Новгород). Четьи сборники в составе Великих Миней Четьих митрополита Макария	98
<i>Гухман С. Н.</i> (Баку). Повесть о трех иконах шемахинских	109
<i>Грицевская И. М.</i> (Нижний Новгород). Индекс истинных книг в составе «Кирилловой книги»	125
<i>Тарковский Р. Б.</i> (Санкт-Петербург). Переводчик Эзопа Петр Кашинский (Из истории древнерусского перевода)	134
<i>Грачева А. М.</i> (Санкт-Петербург). Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин)	158

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО ЗАСЕДАНИЯ, ПОСВЯЩЕННОГО ПАМЯТИ АКАДЕМИКА АН УССР НИКОЛАЯ КАЛЛИНИКОВИЧА ГУДЗИЯ И СОСТОЯВШЕГОСЯ 25 ОКТЯБРЯ 1989 г. В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

<i>Кусков В. В.</i> (Москва). Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы	170
<i>Дмитриев Л. А.</i> (Санкт-Петербург). Н. К. Гудзий — исследователь «Слова о полку Игореве»	176
<i>Рождественская М. В.</i> (Санкт-Петербург). Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (По архивным материалам)	186
<i>Маркелов Г. В.</i> (Санкт-Петербург). Письма Н. К. Гудзия к В. И. Малышеву	194

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Жоанне Ж.</i> (Париж). Некоторые неизданные или забытые тексты-источники Изборника 1076 г. и Кормчей книги	199
<i>Соколова Л. В.</i> (Санкт-Петербург). К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста)	229
<i>Клаутова О. Ю.</i> (Санкт-Петербург). Жест в древнерусской литературе и иконописи XI—XIII вв. К постановке вопроса	256
<i>Прохоров Г. М.</i> (Санкт-Петербург). Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем. Слово шестое. (Славянский XIV в. и современный переводы)	270
<i>Каган-Тарковская М. Д.</i> (Санкт-Петербург). Древнерусские врачевальные молитвы от укуса змеи	287

<i>Бобров А. Г.</i> (Санкт-Петербург). «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV в.	294
<i>Макарий, игумен (Веретенников)</i> (Москва). Новые материалы о Всероссийском митрополите Макарии	303
<i>Крушельницкая Е. В.</i> (Санкт-Петербург). Записка о Макарии Калязинском	308
<i>Моисеева Г. Н.</i> (Санкт-Петербург). Судьба пергаменного Часослова, «уничтоженного» в 1788 г. вместе со Спасо-Ярославским хронографом	315
<i>Парфентьева Н. В.</i> (Челябинск). Славник «О колико блага» усольского распевщика И. Т. Лукошкова	320
<i>Белоброва О. А.</i> (Санкт-Петербург). Вирши Мардария Хонькова к гравюрам Библии Пискатора	334
<i>Братчикова Е. К.</i> (Палех). Парсуна «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский».	436
<i>Юхименко Е. М.</i> (Москва). Неизвестный выговский писатель XVIII в. Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича»	441
<i>Соболев В. С.</i> (Санкт-Петербург). Из истории деятельности Академии наук по охране документальных памятников в первые годы революции	453
<i>Тимофеев А. Г.</i> (Санкт-Петербург). Новые материалы к научной биографии Н. Н. За-рубина	460

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ
(печатается под наблюдением В. П. Бударagina)

<i>Бударagina В. П.</i> (Санкт-Петербург). Некоторые итоги археографической работы Древ-лехранилища (80-е гг.)	474
<i>Бобров А. Г.</i> (Санкт-Петербург). Экспедиция на Северную двину 1989 г.	476
<i>Савельев А. А., Шухтина Н. В.</i> (Санкт-Петербург). Экспедиция на Мезень 1989 г.	491
<i>Маркелов Г. В.</i> (Санкт-Петербург). Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома	495
<i>Цыпкин Д. О., Федоров А. В., Сесейкина И. В.</i> (Санкт-Петербург). Археографическая работа в Ленинградской области в 1988—1989 гг.	503
<i>Мильчик М. И.</i> (Санкт-Петербург). Строительная порядная запись 1642 года из архива пинежских крестьян	509
<i>Галишев С. А.</i> (Екатеринбург). Сочинения и переводы Николая Спафария в рукописном собрании Уральского университета.	518

ЗАМЕТКИ

<i>Салмина М. А.</i> (Санкт-Петербург). «Карна» в «Слове о полку Игореве»	525
<i>Золотов Ю. М.</i> (Москва). Символика в камне	527

ХРОНИКА

<i>Лурье Я. С.</i> (Санкт-Петербург). Джон Феннел (1918—1992). Некролог	529
Список сокращений	533